

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
ГБУК РК «КРЫМСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
имени И. Я. ФРАНКО»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО «КФУ имени
В. И. Вернадского»

МАТЕРИАЛЫ VII МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ.

СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Симферополь, 7 апреля – 19 мая 2022 г.

Симферополь
ИТ «Ариал»
2022

УДК: 81-119:575.82

ББК: 81.40-00

М 341

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Петренко А. Д., *д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Редактор: Полховская Е. В., *к.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Состав Редакционного Совета:

Вовк Н. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Мазина Е. Н., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Радченко Т. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Безверхняя А. И., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Компьютерная верстка:

Каберкон В. М.

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, названий и данных ответственность несут авторы публикаций. Редакционный совет не всегда разделяет мнения авторов.

М 341 Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы VII Международного научного конгресса, Симферополь, 7 апреля – 19 мая 2022 г. / ред. Е. В. Полховская. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2021. – 634 с.

В сборнике представлены статьи по докладам участников VII Международного научного конгресса «Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы», который проходил в дистанционной форме в г. Симферополь 7 апреля – 19 мая 2022 г. В представленных публикациях рассматриваются актуальные проблемы социолингвистики, социофонетики и фоностилистики, индоевропеистики, литературоведения, языкознания и корпусной лингвистики, коммуникативистики и прагмалингвистики, лингводидактики, библиотечного обслуживания, диалога культур и полилингвального общества, тюркологии, тюркского языкознания, тюркского литературоведения, культурных кодов славянских языков, семиотики и семантики языковых единиц на современном этапе, преподавания русского языка как иностранного в цифровой среде, художественного текста как объекта научного осмысления и художественного текста в поликультурном коммуникативном пространстве.

УДК: 81-119:575.82

ББК: 81.40-00

© ФГАОУ ВО «КФУ им.

В. И. Вернадского», 2022

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ VII МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНОГО КОНГРЕССА «СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ»

А. Д. Петренко..... 17

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

APPLYING WEB CRAWLER TECHNOLOGIES FOR COMPILING PARALLEL
CORPORA AS ONE STAGE OF NATURAL LANGUAGE PROCESSING

N. Abdurakhmonova, A. S. Ismailov 21

SOCIAL AND NATIONAL VARIETY OF PRONUNCIATION IN THE COMMON
EUROPEAN FRAMEWORK OF REFERENCE FOR LANGUAGES

СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ
В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ
ЯЗЫКОМ

И. Ю. Павловская 26

СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «НИЩИЙ» В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Р. В. Татевосян..... 35

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ГОРОД КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ОБРАЗ

З. Н. Афинская 41

ГЕНДЕРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ОНЛАЙН ЖУРНАЛОВ

Т. В. Бريدко, А. В. Пономарёва 44

ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ В
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Богославская 49

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ АВСТРИЙСКИХ
СМИ

Н. К. Воронцова 53

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПРОВИНЦИИ КВЕБЕК (КАНАДА)

Д. И. Гординов..... 57

КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВА, ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКА В КНИГЕ «ПРИРОДА,
ИСКУССТВО И ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛАНИЯ» Ф. ТИРАСКИ И ЕЁ
ПРИМЕНЕНИЕ НА СЕМИНАРАХ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

<i>Т. П. Минченко, Ф. Тираски</i>	61
ПАСХА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	
<i>С. Е. Перепечкина, К. А. Конопельцева</i>	75
ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ НИГЕРИЯ	
<i>А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Н. А. Вовк</i>	80
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	
<i>Д. А. Петренко, К. К. Соловьева</i>	87
ОТ БИОСФЕРЫ К НООСФЕРЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РОЖДЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ	
<i>Д. М. Храбскова, И. В. Томичева</i>	92
НОРМЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ В ПАРИЖЕ	
<i>Т. С. Хренова</i>	98
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БИЛИНГВИЗМА ВО ВРЕМЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ АНГЛИЧАН	
<i>М. В. Чернышова, А. Ю. Орлова</i>	102
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ БИОЛОГИИ СТУДЕНТАМ-БИЛИНГВАМ	
<i>Т. Г. Чернышова, Т. В. Гришина</i>	105
ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ БЛОГ-ДИСКУРСА (КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ)	
<i>О. Г. Чернявская, Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова</i>	108
GENDER STEREOTYPES IN LINGUISTICS	
<i>А. Н. Шиманович</i>	114

МОЛОДАЯ НАУКА

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА <i>GENERATION GAP</i> В СЕРИАЛЕ <i>ONLY MURDERS IN THE BUILDING</i> И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	
<i>Ф. Р. Асанова</i>	117
ЛИНГВОМЕДИЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ НЕМЕЦКИХ АВТОМОБИЛЕЙ	
<i>А. С. Панкратов, С. Е. Перепечкина</i>	123

СОЦИОФОНЕТИКА И ФОНОСТИЛИСТИКА

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЗВУКОВОГО ОБРАЗА	
---	--

Е. Н. Мазина, В. О. Крапивенко 128

ДИАЛЕКТНОЕ НИВЕЛИРОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
НА ПРИМЕРЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ L-ВОКАЛИЗАЦИИ В БРИТАНСКОМ
ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ

Ю. В. Онищенко 133

ENHANCING INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE WITHIN
MULTILINGUAL EDUCATIONAL AGENDA: SOCIOPHONETIC ASPECT

А. Д. Петренко, В. Г. Шевель..... 138

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОРЯКОВ В СИТУАЦИИ СЛУЖБЫ НА
ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ: ФНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

С. Е. Перепечкина 141

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАН МАРТИНА ВАЛЬЗЕРА «БРАКИ ФИЛИППСБУРГА»

О. Н. Александрова..... 146

АВТОРСКИЕ ЖАНРОВЫЕ НОМИНАЦИИ В ДРАМАТУРГИИ М. ФРИША: К
ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. А. Аникеева 150

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ Н.
НЕКРАСОВА НА АНГЛИЙСКИЙ И АРМЯНСКИЙ ЯЗЫКИ

К. Г. Беджаниян, С. А. Маргарян..... 155

ФОРМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ К.
СТОКЕТТ «ПРИСЛУГА»

Е. В. Герасименко, Г. А. Солопина 161

ЭЛЕМЕНТЫ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ В РОМАНЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ
«ГАРРИ ПОТТЕР»

Э. К. Джапарова, П. М. Герасимова..... 164

ЛИТЕРАТУРА ПО ЗАКОНАМ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Д. А. Кириченко 168

ФУНКЦИИ ЛОКУСА ЛЭНТ-СТРИТ В РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «ТОНКАЯ
РАБОТА»

О. Н. Кохан 173

ЭТНИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС: ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ И ВЛИЯНИЕ НА
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Ю. Ю. Кравинская..... 177

A L'HONNEUR DE MAURICE DRUON

<i>Т. Е. Краутман</i>	181
ОБРАЗ ГОРОДА В РУССКОЙ РЭП-ПОЭЗИИ	
<i>Г. С. Курьянов</i>	184
ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ МАРКА ЛЕВИ)	
<i>М. С. Никитина</i>	189
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖАНРА ВИДЕНИЯ	
<i>В. Ю. Новикова</i>	193
ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ ФРАГМЕНТАРНОСТИ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ДЖ. УИНТЕРСОН «РАЗРЫВ ВО ВРЕМЕНИ»	
<i>Т. Ю. Осадчая</i>	197
ЖАНРОВЫЕ ГРАНИЦЫ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	
<i>Т. Ю. Осадчая</i>	201
ИНОСКАЗАТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА ДИАЛОГИЗМА	
<i>В. В. Силин</i>	206
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА А. САМАРАКИСА НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА «РЕКА»	
<i>Э. П. Чакалова, З. А. Фармазян</i>	210

МОЛОДАЯ НАУКА

ОБРАЗ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА В РОМАНЕ АЛКИ ЗЕИ «НЕВЕСТА АХИЛЛЕСА»	
<i>Н. В. Будурова</i>	214
ТИПОЛОГИЯ «СЮЖЕТОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАСТЕЙ» В ЛИРИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ «ЗМЕИНЫЙ ГЛАЗ», «МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ» И «ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТ» К. Д. БАЛЬМОНТА	
<i>С. А. Гришина</i>	220
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ КОСОВСКОЙ ВОЙНЫ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ»	
<i>Д. В. Келембетов</i>	226
СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ЛИРИКИ К. Д. БАЛЬМОНТА	
<i>И. В. Остапенко, С. А. Гришина</i>	230
ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. МИТЧЕЛЛА <i>GHOSTWRITTEN</i>)	

А. В. Проворова 241

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ ОСЕТИНСКИХ ХРЕМАТОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

И. Д. Бекоева 246

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ)

М. А. Давыдова 250

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ж. ВАЛЛЕСА «ДЕТСТВО»)

Л. В. Дудникова, В. В. Москат 254

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АННЫ ГАВАЛЬДА «35 KILOS D'ESPOIR» И МАРКА ЛЕВИ «ELLE ET LUI»)

С. М. Кравцов, М. С. Попова 258

АНГЛИЙСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ АННОТАЦИЯХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ЭТАПА КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Миколайчик 261

КАТЕГОРИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

К. А. Секрет 266

ПРЕДЛОГИ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

С. И. Синяева 270

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ THE OXFORD ENGLISH DICTIONARY)

Н. Н. Трунченкова 274

ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ КАК РЕФЛЕКСИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

Л. В. Ягенич 279

МОЛОДАЯ НАУКА

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДНО ЛАНДШАФТНОГО КОДА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ШВЕЙЦАРИИ

К. Р. Битарова 286

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Л. Ш. Кубединова, В. Н. Зуев 290

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЙНО-ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. Р. Матвейкина 295

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЕРБАЛИЗИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПРИВАТНОСТЬ», В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В. Т. Муслимова, С. Е. Чернобай 300

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Л. Ш. Кубединова, К. Ю. Назаренко 304

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «CAT» И «DOG» В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

А. М. Сержантова, С. Е. Чернобай 310

КОНЦЕПТЫ В НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

А. А. Доброва, С. Е. Перепечкина 314

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АКАДЕМИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. В. Рейнова 319

КОММУНИКАТИВИСТИКА И ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

METHODS OF ACCOUNTING AT AGRICULTURAL ENTERPRISES IN THE DIGITAL TRANSFORMATION CONTEXT

Е. Е. Kuznetsova, N. A. Khlybova 324

ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

<i>Е. А. Абрамова</i>	326
ВАРИАТИВНОСТЬ СПОСОБОВ МАНИФЕСТАЦИИ ДИРЕКТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКАХ	
<i>А. В. Анищенко, Т. С. Ларина</i>	331
КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ДЕПРЕССИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ СТАТЕЙ И КОММЕНТАРИЕВ К НИМ)	
<i>Н. Б. Боева-Омелечко, А. Н. Якубович</i>	336
РОЛЬ ДЕТАЛИ В СОЗДАНИИ ПЛАКАТНЫХ ОБРАЗОВ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА)	
<i>О. В. Емельянова</i>	340
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕКЛАМЫ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ВО ВРЕМЯ ЭПЕДЕМИИ КОРОНАВИРУСА	
<i>Д. П. Желязкова</i>	345
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ	
<i>А. Г. Жилнин, С. М. Кравцов</i>	349
ФРАНЦУЗСКИЙ СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА КОММЕНТАРИЯ)	
<i>С. М. Кравцов, К. В. Шевченко</i>	353
ДИАГНОСТИКА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК	
<i>И. Н. Литвинчук</i>	358
ПОНЯТИЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕЦЕНЗЕНТ»	
<i>М. Д. Рыжикова</i>	362
ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛАКУНАРНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	
<i>О. Г. Скидан, Е. Е. Попова</i>	367
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ ЛЕКСЕМЫ «МИГРАНТ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ	

Г. М. Чопсиева 371

МОЛОДАЯ НАУКА

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗАГОЛОВКОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

К. П. Самброс 376

РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЭЛЛИПСИСА В
ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Чэнь Цзин 381

ЛИНГВОДИДАКТИКА

DIFFICULTIES IN TEACHING SHIPBUILDING TERMINOLOGY
TRANSLATION

Е. А. Васильева 386

КОНТРОЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

О. А. Васильева, И. А. Борзова, И. А. Гулакова 390

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНΙΑ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ
ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕРРИТОРИЯ RHYGITAL

И. И. Воронцова 394

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ КАК КОМПОНЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Е. Н. Горбачева 400

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Л. А. Иванова, Е. Л. Лукомская 405

ПЛАТФОРМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ
MOODLE И ДРУГИМ ЗАРУБЕЖНЫМ СДО

В. Ю. Ильина, Ю. М. Кукушкин 411

ПЛЮРИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. И. Ковригина 417

МЕТОД СО-TEACHING В ВЕДЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ ESP В ТЕХНИЧЕСКОМ
ВУЗЕ

А. А. Опрышко 420

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
Н. А. Хлыбова, И. В. Томичева, И. В. Гиренко..... 423

КЕЙС-СТАДИ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА КОНТЕКСТНОГО
ОБУЧЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ФИЛОЛОГОВ
Л. З. Цховребова..... 428

МОЛОДАЯ НАУКА

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА ОСНОВЕ АУТЕНТИЧНЫХ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ У УЧАЩИХСЯ 9 КЛАССОВ СРЕДНЕЙ
ШКОЛЫ
А. А. Георгиади, З. М. Бекирова..... 432

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ УРОВНЯ PRE-INTERMEDIATE С ПРИМЕНЕНИЕМ
МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ
А. П. Галета, С. Е. Чернобай 439

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В 9
КЛАССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОВ О БРИТАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ)
В. Д. Скрипкина, С. Е. Чернобай 443

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 6
КЛАССА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С
ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ
Л. Р. Фейзуллаева, С. Е. Чернобай..... 448

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИАТЕКСТА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ (НА
МАТЕРИАЛАХ НОВОСТНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ САЙТОВ)
О. А. Чеченева, С. Е. Чернобай 452

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ
НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПРИМЕНЕНИЕМ
АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ
А. Р. Тарасевич, С. Е. Чернобай 457

БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

ОПЫТ СОЗДАНИЯ АДАПТИВНОЙ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С
ПРОБЛЕМАМИ ЗРЕНИЯ В БИБЛИОТЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О. В. Сиротюк..... 463

**XIV НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ И
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

ГЛАГОЛЬНОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В СЕВЕРНОМ (СТЕПНОМ)
ДИАЛЕКТЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Э. Н. Меджитова..... 469

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ МАЛОЙ
ФОРМЫ С РУССКОГО НА КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Л. С. Селендили..... 473

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В
КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Р. А. Бекиров, Л. И. Бекирова 480

ОТ КОНФЛИКТОВ К АЛЬЯНСУ: ШАНС ДЛЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА СВЕТОЕ
БУДУЩЕЕ

Г. С. Галиуллина..... 487

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ТУРЕЦКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Е. А. Зерницына, Р. А. Бекиров..... 492

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЧИННЫМ
СОЮЗОМ "ФА'" В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА КОРАНА)

А. Р. Магаметов 496

ОБ АНАЛОГИЯХ КОРНЕВЫХ СЛОВ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ
В КУРДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. Д. Мамоян 500

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Н. Сухоруков 509

ТЕНДЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА
ПЕРСИДСКОЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

<i>А. Н. Сухоруков, Д. А. Бударев</i>	512
АНАЛИЗ ВОЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ИРИ ЧЕРЕЗ ЭТИМОЛОГИЮ НАЗВАНИЙ ОПЕРАЦИЙ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ (1980-1988 ГГ)	
<i>Б. Г. Фаткулин</i>	520
К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	
<i>К. А. Шевченко</i>	523
ПРОНИКНОВЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК И ИСТОРИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ	
<i>Э. Я. Эмирале</i>	527

ТЮРКОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	
<i>А. М. Адживанов</i>	533
СИНОНИМИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	
<i>Д. Э. Челебиев</i>	538

VI НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ТЮРКОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА»

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

«ШАМИЛЬ АЛЯДИН ЭСЕРЛЕРИНИНЪ ТИЛЬ ВЕ УСЛЮП ХУСУСИЕТЛЕРИ (ЭДИПНИНЪ 110-ЙЫЛЛЫГЪЫ МУНАСЕБЕТИНЕН)»	
<i>Э. Ш. Меметова</i>	543

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ СЕС ТАСВИРЛЕЙИДЖИ СЁЗЛЕРНИНЪ ПЕЙДА ОЛУВ ВАСТАЛАРЫ	
СРЕДСТВА ЯЗЫКА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ОБРАЗОВАНИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	
<i>З. Н. Аджимуратова</i>	548
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДИАЛЕКТОВ СЁЛ ОЗЕНБАШ И КЕРМЕНЧИК С НОРМАМИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	
КЕРМЕНЧИК ВЕ ОЗЕНБАШ ШИВЕЛЕРИНИНЪ ЭДЕБИЙ ТИЛЬ КЪАЙДЕЛЕРИНЕН КЪЫЯСЛАВ МЕСЕЛЕСИ	

<i>Л. И. Бекирова, А. А. Муслядинова</i>	551
СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ РОДСТВА, СВОЙСТВА И РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ КУМЬКСКОГО ЯЗЫКА	
<i>Т. И. Гаджиахмедов</i>	558
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОТОРЫХ НЕ СВЯЗАНО СО ЗНАЧЕНИЯМИ ЕЕ КОМПОНЕНТОВ	
<i>А. М. Куртсеитов</i>	562
БЕДИЙ ЭСЕРЛЕРНИНЪ ТЕРДЖИМЕ ЭТИЛЬМЕСИНДЕ СИНТАКТИК ТРАНСФОРМАЦИЯЛАР (Ш. Алядиннинъ «Иблиснинъ зияфетине давет» эсери узеринде)	
<i>Э. Ш. Меметова, Э. Р. Османова</i>	565

ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОЗЫ УРИЕ ЭДЕМОВОЙ	
<i>А. А. Джемилева</i>	570
К ВОПРОСУ ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПОЛОТЕН ШАМИЛЯ АЛЯДИНА	
ШАМИЛЬ АЛЯДИННИНЪ НЕСИР СААСЫНДАКИ ИЛЬК ТЕДЖРИБЕСИНЕ БИР НАЗАР	
<i>Ш. Э. Юнусов</i>	574
ДОМИНАНТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ	
БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ ЭДЕБИЯТШЫНАСЛЫКЪ МИРАСЫНЫНЪ ЭСАС НОКЪТАЛАРЫ	
<i>Ш. Э. Юнусов, Г. М. Канар</i>	577

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В. ДАЛЯ)	
--	--

Э. С. Марченко 581

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ОБРАЗНАЯ МЕТАФОРА И МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ С
КОМПОНЕНТОМ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЭТИМОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ ДИНЫ РУБИНОЙ

Э. С. Билялова 584

СЕМАНТИКА КОМПАРАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Е. Ю. Zubovskiy 586

ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЁН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Шевцова 591

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ ДИАЛОГОВЫМ
СТРАТЕГИЯМ В ДИСКУРСЕ «ВРАЧ-ПАЦИЕНТ»

С. В. Майборода 595

О ПРОБЛЕМАХ ДИСТАНЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТАМ-МЕДИКАМ

Е. М. Шахова 599

II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ, ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

РОЛЬ ЛЕКСИЧНИХ ДЕТЕРМІНАНТІВ У ВИРАЖЕННІ АСПЕКТУАЛЬНОЇ
СЕМАНТИКИ ОДНОКРАТНОСТІ

Е. Л. Ачилова..... 605

ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
ЭКСПРЕССИИ И СОЗДАНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ

Е. В. Дехтярева 609

ВИСВІТЛЕННЯ М. РИЛЬСЬКИМ ОКРЕМИХ ЯВИЩ УКРАЇНСЬКО-
РОСІЇСЬКОЇ ІНТЕРФЕРЕНЦІЇ

ОСВЕЩЕНИЕ М. РЫЛЬСКИМ ОТДЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ УКРАИНСКО-
РУССКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Н. И. Пелипась..... 613

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ НЕГАТИВНИХ РИС ХАРАКТЕРУ ЛЮДИНИ В
УКРАЇНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Т. М. Андреева, Е. В. Дехтярева 619

СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ІЗ КОМПОНЕНТОМ «ВОДА» В
УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

С. И. Левченко..... 622

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 627

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ VII МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА «СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ»

Уважаемые коллеги!

В течение двух лет эпидемиологическая обстановка перевела проведение всех научных мероприятий по всему миру в онлайн-формат. Последние два конгресса, в том числе и юбилейный, прошли в дистанционном режиме. Все следили за новостями, в наш обиход вошли разные медицинские термины, такие как «ковид», «омикрон», «дельтакрон», «стелс-омикрон» и т.д. Уже стало привычным делом ежедневно слушать новости о тех или иных ограничениях и количестве зафиксированных случаев заражения. Тем не менее, мы все надеялись, что рано или поздно ситуация нормализуется и вновь филологи, литературоведы, педагоги и библиотекари соберутся вместе и в живой дискуссии будут обсуждать актуальные вопросы различных научных направлений. И вот, 8 апреля 2022 года наше ожидание было в полной мере вознаграждено!

Институт филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского провел офлайн пленарное и секционные заседания в рамках VII Международного научного конгресса «Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы». Это научное событие было организовано совместно с Крымской республиканской универсальной научной библиотекой им. И.Я. Франко и Студенческим научным обществом «КФУ имени В. И. Вернадского».

На правах председателя Организационного комитета хотел бы отметить, что Конгресс значительно расширил свои горизонты. Календарь мероприятий стал более насыщен. Вплоть до 19 мая 2022 года в рамках Конгресса были запланированы несколько конференций, а именно:

- XIV научно-практическая конференция «Актуальные проблемы тюркологии и востоковедения»: 18 апреля 2022 г.

- IV Всероссийская научно-практическая конференция «Тюркология: вчера, сегодня, завтра»: 22 апреля 2022 г.

- Научно-практическая конференция с международным участием «Кирилло-мефодиевское наследие и современность»: 16–19 мая 2022 г.

- II Научно-практическая конференция «Художественный текст в поликультурном коммуникативном пространстве: традиции и современность»: 08 апреля 2022 г.

- Круглый стол: «Научное наследие доктора филологических наук, профессора Жанны Павловны Соколовской и проблемы функциональной лингвистики»: 22 апреля 2022 г.

Формат Конгресса обусловил также проведение мастер-классов «Прикладные аспекты филологии, методология научных исследований и методика преподавания иностранных языков»: 12–22 апреля 2022 г.

8 апреля 2022 года мне была оказана честь открыть пленарную часть Конгресса докладом «Социофонетика и фоностилистика: опыт, актуальные проблемы, перспективы», в котором было изложено моё персональное видение будущего этих двух направлений социолингвистики. Актуальными представляются исследования, которые посвящены анализу факторов, определяющих формирование литературной нормы, особенно в области произношения. Для этого существуют результативные методики, используемые в области социофонетических исследований, которые успешно применяются представителями Научной школы социофонетики и фоностилистики КФУ им. В. И.Вернадского.

Следующее выступление, посвященное научному наследию профессора Ж. П. Соколовской в сфере функциональной лингвистики, было сделано Рудяковым Александром Николаевичем, доктором филологических наук, профессором, ректором ГБОУ ДПО РК «КРИППО», заведующим кафедрой русского, славянского и общего языкознания ИФ КФУ. Жанна Павловна Соколовская, чье имя мы вспоминаем с глубокой благодарностью, провела титаническую работу по изучению лексики русского языка. Ее труды послужили фундаментом многих кандидатских и докторских диссертаций.

Меметова Эдие Шевкетовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой крымскотатарской филологии Института филологии КФУ выступила с докладом на тему «Востоковедение и крымтатарология в Крыму (памяти Айдера Меметова)». Благодаря подвижнической деятельности А. Меметова изучение крымскотатарского языка вышло на новый уровень. Автор школьных и вузовских учебников по крымскотатарскому языку, Айдер Меметов заложил основы крымтатарологии в нашем регионе.

Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ИФ КФУ им. В. И.Вернадского Курьянов Сергей Олегович сделал сообщение «О некоторых актуальных проблемах изучения сверхтекста (литературоведческий аспект)». Доклад ввел в научный обиход понятие «сверхтекст», что открывает новые перспективы литературоведческих исследований.

Доклад на тему «С. Н. Глинка – «ополченец» «информационной войны»» был сделан Ореховым Владимиром Викторовичем, доктором филологических наук, профессором кафедры русской и зарубежной литературы ИФ КФУ. Докладчик собрал богатый историографический и литературный материал и заставил тему звучать актуально в современном контексте.

Шульман Ксения Дмитриевна, магистрант кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в своем выступлении рассказала о «The Scripture in National Languages: The Situation in Islam («Священное Писание на национальных языках: ситуация в исламе»»).

Полезный опыт широкого использования компьютерных технологий и ресурсов сети Интернет позволил ознакомиться с пленарными онлайн докладами, которые также были представлены в ходе работы Конгресса. Павловская Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург) сделала выступление на тему «Social and National Variety of Pronunciation in the Common European

Framework of Reference for Languages (Социальная и национальная вариативность произношения в общеевропейских критериях оценки уровня владения языком)». И. Ю. Павловская – известный специалист в области фонетики и методики преподавания языков. Ее доклад указал на важные моменты при разработке критериев оценки уровня владения языком.

Левицкий Андрей Эдуардович, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. М. В. Ломоносова» (г. Москва) рассказал о «Месте социофонетики в курсе «Речевая деятельность общества» для подготовки магистров-лингвистов».

Важно подчеркнуть, что среди пленарных онлайн докладов присутствуют и международные выступления. Отдельно хотелось бы поблагодарить наших иностранных участников. Доктор филологических наук, доцент из Национального университета Узбекистана (г. Ташкент) Адбурахмонова Нилуфар в соавторстве с Исмаиловым Алишером из Анджианского машиностроительного института (г. Анджиан) представили доклад на тему: «Applying web crawler technologies for compiling parallel corpora as one stage of natural language processing».

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы АГПУ им. Х.Абовяна (г. Ереван, Армения) Татевосян Рузан Вачеевна проанализировала стихотворение Лермонтова «Нищий» в армянских переводах.

Секционные заседания в рамках работы VII Международного научного конгресса «Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» проводилась по следующим направлениям:

1. Социолингвистика
2. Социофонетика и фоностилистика
3. Индоевропеистика
4. Литературоведение
5. Языкознание и корпусная лингвистика
6. Коммуникативистика и прагмалингвистика
7. Лингводидактика
8. Библиотечное обслуживание

По результатам конгресса выходит сборник, постатейно размещаемый в РИНЦ: Материалы VII Международного научного конгресса «Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы». Сборник будет структурироваться исходя из направлений работы Конгресса.

Научный конгресс «Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» пользуется большой популярностью как в России, так и за рубежом. В нем принимают участие ученые из ведущих российских высших учебных заведений разных регионов, включая Москву, Санкт-Петербург, Казань, Краснодар и Ростов-на-Дону. Иностранная научная мысль представлена исследователями из Греческой Республики, Республики Болгария, Республики Узбекистан, Республики Армения, Республики Южная Осетия, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики.

Более детальная информация, в том числе и программа, располагается на сайте Конгресса <http://congrsin.cfuv.ru/>. Присланные доклады в различных форматах размещаются на официальном сайте Института филологии КФУ им.В.И.Вернадского по ссылке: <https://iif.cfuv.ru/nauchno-issledovatel'skaya->

[deyatelnost/konferencii-forumy-seminary/vii-mezhdunarodnyj-nauchnyj-kongress-sovremennaya-filologiya-socialnaya-i-nacionalnaya-variativnost-yazyka-i-literatury/](https://iif.cfuv.ru/).

Освещение деятельности Научного конгресса проводится на различных Интернет-площадках. Это официальный сайт ИФ – <https://iif.cfuv.ru/>, страницы в социальных сетях «ВКонтакте» (https://vk.com/sociophonetics_phonostylistics (Научная школа социофонетики и фоностилистики КФУ им.В.И.Вернадского); https://vk.com/iif_cfuv (официальная страница ИФ КФУ); https://vk.com/iphil_cfuv (страница сообщества ИФ КФУ); <https://vk.com/id6454228>).

Работа Конгресса отражена в таких публикациях в Интернет-ресурсах. Пресс-служба Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского разместила анонс мероприятия по ссылке <https://cfuv.ru/anonsi/8-aprelya-vii-mezhdunarodnyjj-nauchnyjj-kongress-sovremennaya-filologiya-socialnaya-i-nacionalnaya-variativnost-yazyka-i-literatury>. Пресс-релиз Конгресса находится на сайте Института филологии <https://iif.cfuv.ru/institut-filologii-kfu-im-v-i-vernadskogo-provodit-vii-mezhdunarodnyj-nauchnyj-kongress-sovremennaya-filologiya-socialnaya-i-nacionalnaya-variativnost-yazyka-i-literatury/>. С обзором пресс-службы КФУ о проведении Конгресса можно ознакомиться по ссылке <https://cfuv.ru/news/v-kfu-otkrylsya-mezhdunarodnyjj-kongress-po-voprosam-sovremennoj-filologii>. Отчет Института филологии КФУ им.В.И.Вернадского о пленарных и секционных заседаниях Конгресса расположен на сайте ИФ <https://iif.cfuv.ru/if-kfu-im-v-i-vernadskogo-provodit-plenarnoe-i-sekcionnye-zasedaniya-v-ramkah-vii-mezhdunarodnogo-nauchnogo-kongressa-sovremennaya-filologiya-socialnaya-i-nacionalnaya-variativnost-yazyka-i-literatury/>.

Как председатель Организационного комитета Международного научного конгресса «Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» приглашаю всех к участию в работе Конгресса следующем 2023 году!

С уважением,

Петренко А.Д.,

председатель организационного комитета Международного научного конгресса «Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы»,

директор Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

доктор филологических наук,

профессор,

заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики ИФ КФУ,

руководитель Научной школы социофонетики и фоностилистики КФУ им.В.И.Вернадского,

aldpetrenko@mail.ru

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 811.1./2

APPLYING WEB CRAWLER TECHNOLOGIES FOR COMPILING PARALLEL CORPORA AS ONE STAGE OF NATURAL LANGUAGE POCESSING

N. Abdurakhmonova¹, A. S. Ismailov²,

¹DSc, associate professor at National university of Uzbekistan,

²Andijan Machine Building institute, Andijan, Uzbekistan

Аннотация. За последнее десятилетие количество информации в Интернете резко возросло. Это сформировало большой объем неструктурированных данных, называемых в Интернете «большими данными». Поиск и извлечение данных в Интернете называется «поиском информации». В области поиска информации существуют инструменты – веб-сканеры, которые представляют собой программы, просматривающие веб-информацию и загружающие веб-документы автоматизированным способом. Приложения «веб-сканер» могут быть использованы в различных областях, таких как новости, финансы, медицина и т.д. В данной статье рассматриваются принципы и основные характеристики веб-сканеров, а также приводится классификация популярных на сегодняшний день сканеров. Данная классификация знакомит с ключевой технологией веб-сканеров, сопоставляет две стратегии поиска и текущее применение поисковых систем. В завершении статьи будут рассмотрены перспективы дальнейшего изучения веб-сканеров.

Ключевые слова: Всемирная паутина, веб-сканер, методы сканирования, поиск информации, поисковая система.

Abstract. In the last decade, information on the Internet has increased dramatically. It has created a large amount of unstructured data called “big data” on the Internet. To search and retrieve data on the Internet called “Information Retrieval”. In information retrieval, there are web crawler tools that web crawler is a program that traverses the Web information and downloads web documents in an automated manner. Web crawler applications can be used in various areas such as news, financial, medical, etc. In this paper, we discuss the basic principle and characteristics of web crawlers and the classification of current popular crawlers introduces the key technology of crawlers, compares two search strategies and the current application of crawlers. Lastly, we will end this paper by discussing the future research direction of web crawlers is introduced.

Key words: WWW, Web Crawler, Crawling techniques, Information Retrieval, Search engine

1. Introduction to web crawler

With the increasing information of internet technology, data on the internet has reached a huge amount. There are all sorts of big data available on the Internet. The Internet is a collection of those huge data. However, this data cannot be used locally for access because all data is on cloud databases. Web crawlers' role is important for

collecting information from the Internet. A web crawler can be defined as a computer program that traverses hyperlinks and indexes them. A web crawler is a core part of the vertical search engine. It attracted many scholars recently to make crawlers more accurate and faster to catch information from the Internet [1].

2.1. Basic principle of web crawler

The web crawler can navigate the information on the Internet automatically, and the search engine is inseparable from the web crawler. The most important role of the web crawler is to crawl in the big data of the internet, find effective information, and store the necessary information into the local database. Web crawlers mainly contain downloaders, information extractors, schedulers, and crawl queues. Web crawler working structure is as follows:

- 1) the scheduler will provide a URL to download;
- 2) then downloader retrieve information from the internet and send information to the extractor;
- 3) extractor strategy according to the instruction from information extraction to obtain information and the next level in the URL;
- 4) then the next level URL to a waiting queue, waiting queue to go to submit the URL of the heavy, filtering and sorting operation into the list, after waiting for the scheduler calls [2–3].

2.2. Characteristics of web crawler

- Distributed – can be synchronized across multiple machines in a distributed environment.
- Scalability – crawling is slow due to a large amount of data, which can be improved by adding additional machines or increasing network bandwidth.
- Performance and efficiency – a web crawler that traverses a site for the first time can download all available files, enabling system resource utilization efficiency, i.e. processor, storage, and network bandwidth.
- Quality – web crawlers should give priority to obtaining high-quality pages that users need, improve the accuracy of obtaining pages and reduce the acquisition of other pages.
- Freshness – keep search engines fresh, crawling their data independently based on the change frequency of each page and database, and crawling new URLs that are randomly created or updated. For example, news, updated novels [4].
- Extensibility – designed to be extensible crawlers, with crawlers set up in a modular architecture. To adapt to the new data format and acquisition protocol [5].

3. Classification of web crawlers

Depending on their characteristics, crawlers can be divided into several types:

- a) generic web crawlers,
- b) focusing web crawlers,
- c) incremental web crawlers,
- d) distributed web crawlers,
- e) parallel web crawlers,
- f) traditional web crawlers,
- g) Internet of things web crawlers.

3.1 Generic web crawler

Generic web crawlers first retrieve a great number of web pages from various areas from the internet. To find and store all the web pages, a generic web crawler has

to work for a long time and it consumes a lot of hard disk space. One of example for generic web crawler is Google's PageRank. Google's PageRank algorithm returns web pages conforming to search criteria from 25 billion documents on the internet [6].

3.2. Focus web crawlers

Another web crawler is a focus web crawler is also known as a topic web crawler. Difference between general crawlers and focus web crawlers is that focus web crawlers only crawl specific web pages which saves time and disk space. Focus web crawler updates the saved pages also faster, which is more suitable for many enterprises and individuals to retrieve specific information [7].

Focus web crawler and general web crawler use different filter web links:

- a) web page decision module
- b) URL link priority ranking module

- Web page decision module: when the crawler find specific content, the web page relevance evaluator starts to compare the similarity between the content in the web page and the given subject. If the similarity of the web page does not reach the beforehand set threshold, it will abandon the web page to maintain the high accuracy of obtaining the web page.

- URL link priority ranking module: mainly compares the degree of relevance between the URL resolved and a given subject. The module prioritized the links according to the authority of the links to the content and the number of citations of the links. URL link priority ranking module sorts by priority and removes links that are too low in priority.

3.3. Incremental web crawlers

The incremental web crawler and general web crawler differ mainly on using different search approaches. The general web crawler must update the data after the accomplishment of one traversal, conduct a new traversal of the all internet according to the previous traversal form, and then switch the previous results. The incremental crawler has a new method to update the data. Based on the last results, incremental web crawler marks the existing collection. Incremental web crawler updates the data only obtains the data of expired pages through the marking information of the existing data. Then changes the last pages with new pages.

The incremental web crawler can improve crawling efficiency, reduce the used physical memory, and greatly improve the speed of the data updating data. The incremental crawler has a scheduler that indicates the web page and database to crawl again at a stated interval based on some refresh rule.

The incremental web crawler has following conditions:

- 1) Websites with new pages like uploads new page every day, daily news, etc.

Method: identify if the URL has been crawled before requesting.

- 2) Websites where page content will be updated.

Method: during analyzing the content, identify whether this part of the content has crawled before.

3.4. Distributed Web Crawlers

Distributed web crawlers run on a set of computers also called nodes, each computer that runs a focused web crawler. The main problem of distributed web crawlers is how to manage the work between each computer.

Distributed web crawlers has following three types:

1) Master-slave mode: this mode is hosted by one machine called master and controls the operation of the set of computers called a slave. The host machine is responsible for managing the list of URLs to be crawled and maintaining communication with other machines, distributing tasks to each machine, and checking the working status of every machine to confirm the normal operation of each machine. Every slave machine's work is to complete its task and report the output to the host machine. Slave machines don't have to communicate with each other.

2) Autonomous mode: this mode has no host machine to control the given task. In this mode, every machine has to communicate with each other. There are two types of communication:

a) Circular communication that all machines form a circular structure, one-way transmission of information.

b) Full Unicom communication that each machine has to communicate with each other.

3) Mixed mode: this mode is a hybrid mode that combination of the above two modes. The mixed-mode has the host in charge of task assignment to other machines, but other slave machines can also communicate with each other and have task assignment functions as well.

3.5. Parallel Crawler

The single crawler has the difficulty of retrieving all the data from the Internet in a short time. To reduce time consumption, crawler process must be parallel. This type of crawler is called a parallel crawler. The main aim of a parallel crawler is to maximize parallel performance and minimize parallel consumption time. Parallel crawlers can be embedded or distributed crawlers. Parallel-distributed crawlers can communicate over local or wide area networks.

3.6. IoT (internet of things) Web Crawler

Internet of things devices can be public IoT and special IoT. Public Internet of things devices normally has a connection to the Internet. In simple internet of things devices, IoT sensors/devices (nodes) can be accessed by HTTP. There are few search engines developed for IoT device data. One of the popular search engines is the Shodan search engine. Shodan search engine looks for devices connected to the Internet using service banners.

Some devices can be controlled via the internet such as printers, web cameras. The Shodan search engine [9] can detect these devices. Shodan search engine will collect data from the following ports: HTTP, FTP.SSH. Telnet. SNMP. SIP. RTSP. Shodan search engine crawlers discover collect metadata about the devices, while Google crawlers collect data for websites.

4. Technical functionalities of web crawlers

4.1. Webpage Acquisition and Analysis

The common functionality of a web crawler is to simulate the browser to make an HTTP request. Then crawler requests to the web server via an HTTP request. Once receiving a response from the server, the crawler analyzes and stores the Web page. Web page parsing is a process of web page denoising. On the Internet, there are all types of data stored. Web page denoising means extracting content text from web pages.

4.2. Data Storage function

Web crawler generally has two storage methods: store to the local file or save to the database. If data is not large it can be directly saved to the local file, if data is large then it will be saved to the database. For web, crawlers there are few databases available to choose from. One of the most used databases is the Redis database. Redis database is a high-performance key-value database. Redis database is a disorder and has no repetition.

4.3. Web Search Strategy

Web search strategy has three search main strategies:

- 1) depth-first strategy,
- 2) breadth-first strategy,
- 3) optimal search strategy.

5. Application of web crawler

5.1. Internet Information area

Web crawler used mainly on search engines. Every time the user searches or browses data on the internet, the user wants recent information, and information should be related to the user's search topic. These search engine processes use web crawler technology. Crawler obtains data, conducts analysis and processing, and feeds back to users so that users can obtain relevant information. This research area also called Information retrieval in NLP. Main aim of the Information retrieval is to retrieve document related to given topic.

5.2. Network Security area

On the internet, there are millions of data available. However, not all the documents are safe. When detecting whether a document is a malicious document, web crawler technology can help. When collecting the security information characteristics of the training sample, it can be realized by crawler technology [11].

6. Conclusion

To this day scholars have done much research on the web crawler; however, there is still a need for research on the performance of the web crawler. One of the main issues of web crawlers is all fixed search approaches. If web crawler needs crawl web page organization among different websites on the Internet, fixed search modules cannot effectively crawl data. Improvement of performance of web crawl remains to be studied. Another obstacle of web crawl is some limitations for a more detailed topic to crawl, so improving the selection of topic feature words from the semantic perspective has become a trend research topic for crawler technology in the future.

References

1. Pan, X. Y. Survey on the research of themed crawling technique. Application Research of Computers / X. Y. Pan, L. Chen, H. M. Yu, Y. J. Zhao, K. N. Xiao, 2019. –Vol.37. – No.5.
2. Rungsawang, A. (2005) Learnable topic-specific web crawler / A. Rungsawang, N. AngKawattanawit // Journal of Network&Computer Applications, 2005. – No. 28(2). – P. 97–114.
3. Kozanidis, L. An Ontology-Based Focused Crawler. Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics) / L. Kozanidis, 2008. – P. 376–379.
4. Pavai1, G. (2016) Improving the freshness of the search engines by a probabilistic approach based incremental crawler / G. Pavai1, T. V. Geetha. – New York : Springer Science+Business Media, 2016. – No. 19. – P. 1013–1028.

5. Deka, G. C NoSQL Web Crawler Application. *Advances in Computers / G. C. Deka*, 2018. – No. 109. – P. 77–100.
6. Austin, D. How does Google find your needle in the haystack of the web [Electronic Recourse] / D. Austin, 2017. – Access mode: <http://www.ams.org/samplings/feature-column/fcarc-pagerank>.
7. Sun, L. W. Research on web crawler technology / L. W. Sun, G. H. He, L. F. Wu // *Store brain knowledge and technology*. – 2010. – No. 06(15). – P. 4112–4115.
8. P. Boldi UbiCrawler: a scalable fully distributed web crawler [Electronic Recourse] / P. Boldi, B. Codenotti, M. Santini, S. Vigna, 2017. – Access mode: <http://vigna.di.unimi.it/ftp/papers/UbiCrawler.pdf>.
9. Shodan: the hacker's search engine [Electronic Recourse] // *Cybrary. IT*. – 2017. – Access mode: <https://www.cybrary.it/0p3n/intro-shodansearch-engine-hackers/>.
10. Cho, J Efficient crawling through URL ordering / J. Cho, H. Garcia-Molina, L. Page // *Computer Networks and ISDN Systems*. – 1998. – No. 30(1–7). – P. 161–172.
11. Pantel, P. Document clustering with committees / P. Pantel, D. Lin // *SIGIR Forum (ACM Special Interest Group on Information Retrieval)*. – 2002. – P. 199–206.

УДК 81.26

**SOCIAL AND NATIONAL VARIETY OF PRONUNCIATION IN
THE COMMON EUROPEAN FRAMEWORK OF REFERENCE
FOR LANGUAGES**

**СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ПРОИЗНОШЕНИЯ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ КРИТЕРИЯХ
ОЦЕНКИ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ**

И. Ю. Павловская,

*доктор филологических наук профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматривается применимость дескрипторов фонологической компетенции, разработанных в рамках новой редакции Общеевропейских критериев владения иностранным языком (CEFR Companion Volume) к различным национальным и социальным контекстам. Цель исследования состоит в том, чтобы выяснить: 1) целесообразно ли объединить все фонологические признаки, в том числе перцептивные, в одну комплексную шкалу, как вероятно, предполагалось в редакции 2001 года, или оставить их разбросанными по другим видам речевой деятельности; 2) как фонологическая компетенция отражена в плюрилингвальных дескрипторах; 3) требуют ли фонологические системы языков разных групп и разных шкал для оценки, или

мы на пути к общей фонологической компетенции; 4) что может быть сделано для расширения европейских дескрипторов в сторону восточных языков.

Ключевые слова: фонологический контроль, фонологическая компетенция, перцепция, произношение, фонология восточных языков, общая фонологическая компетенция, компетенция слухового восприятия.

Summary. The paper deals with the adaptation of the new descriptors of phonological competence (COE 2018) to different national contexts. The purpose of the research is aimed at finding an effective method of testing and teaching a phonographic language to logographic language learners. It is investigated within a wider set of questions: 1) will it be relevant to collect all phonological features, including perceptual ones, into one complex scale; 2) how can phonological control be reflected in the plurilingual descriptors; 3) whether national phonological systems of languages require different scales to assess; 4) what can be done to expand European descriptors towards oriental languages.

Keywords: phonological control, phonological competence, perception, pronunciation, oriental phonology, common phonological competence, hearing competence.

1. Introduction

As has been repeatedly noted in recent years, pronunciation training in the West over the past 20-30 years has not received due attention from either researchers or teachers.

The victorious march of the communicative approach in teaching foreign languages, which began in the 70s. of the XX century, threw the methodology of teaching phonetics as a separate discipline back for a long time. The communicative approach was theoretically based on American sociolinguistics (N. Chomsky, D. Haymes), which gave rise to the concept of communicative competence. In the Western and, especially, in the Eastern methodological space, the development of methods of teaching phonetic skills by the end of the twentieth century turned out to be irrelevant. There are methodological and technological reasons for this:

1) The erasure of borders between linguistic territories has opened access to the natural linguistic environment, and the Internet, mobile communications, and broadcasting provide numerous samples of authentic speech in any languages in remote conditions, so there is no need create special methods and techniques of phonetic training, both articulatory and perceptual.

2) In the communicative approach communication is in the center of attention, while pronunciation goes into the aspect of oral speech, and perception – into the aspect of listening.

3) Media libraries with collections of audio recordings of foreign language speech and wall maps with sagittal profile of the head for the study of speech organs have become a thing of the past. Everything can be seen on the Internet and heard, if not live, then in an online broadcast or in animation.

Does this mean that imitation of pronunciation frees teachers from the need to explain the similarities and differences of phonetic systems of different languages and conscious training of articulation and phonetic perception? Russian linguists have never doubted that no, it does not. The long-term experience of neglecting the teaching of phonetics as a separate discipline has also shown our European colleagues that this is a wrong way.

That is why the phonological aspect was again in the spotlight of the Europeans.

In the document CEFR (2001), phonological competence was presented quite fully and covered all phonetic components: sound units of the language and their implementation in specific contexts; syllable composition: structure, stress, tones; prosody of utterance: stress and rhythm of the phrase, intonation; phonetic reduction: strong and weak forms, assimilation, elision (CEFR 2001:11). All these characteristics are systemic from the point of view of languages in which the phoneme is the main sound unit – and these are almost all European languages, so that the descriptors of phonological competence quite adequately described the European pronunciation evaluation criteria. Although, in principle, these criteria remained purely theoretical (after all, phonetic subtests were never developed), with regard to phonemic languages, their phonology was described quite fully. Why was it necessary to revise these criteria?

In the new edition (CEFR Companion Volume 2020: 136), the emphasis was shifted from the linguistic form to the functional use of the phonological system in speech (Phonological Control). In all other aspects of the language, this transition has already taken place – in vocabulary, grammar, and discourse. In 2018, we welcomed this abrupt turn and hoped that, finally, phonetics would again receive its significant place in education, the well-deserved attention of researchers and pedagogues. It could be assumed that within the framework of the new paradigm of types of speech activity introduced in CEFR CV: speech perception – speech production – interaction – mediation (CV 2020: 31-32), the first two will certainly inevitably include phonetics both at the level of pronunciation and at the level of perception.

As the ideologists of Companion Volume claim, the following reasons served as the impetus for the development of a new scale for phonological competence:

- **The development of society, the social processes of diversification of society.**

What does social diversification mean for a phonetician? It could be assumed that this is a change in the phonetic norm, the emergence of new social and territorial varieties, both within the norm-setting English-speaking countries and in a wide range, i.e. in regional variants in countries where the second language is widely used, but not native. However, today the situation is already different. It is caused by a huge flow of migrants. Even if they speak the language of the country where they arrived, then with such a strong accent that the standard pronunciation is pushed somewhere very far away. In addition, it is the migration from different countries with languages of different typological groups, so it is difficult to talk about any one type of interference. It is no longer interference in its purest form as an overlap and interaction of two systems, but a mixture of three or more sound systems.

- **Development in the methodology of teaching foreign languages.**

It means a communicative approach, since nothing fundamentally new has yet appeared on the methodological horizon, and the use of the Internet technologies.

- **The normative pronunciation of a native speaker as a standard has been replaced by the Intelligibility criterion**

When my colleagues and I first encountered this term about 10 years ago, we translated it as correct pronunciation and adequate perception, necessary and sufficient for successful communication in a foreign language. But this was our understanding, an interpretation based on generations of Russian phonicians pulling a thread from

Scherba. T. Derwing explains this term as follows: «The next goal is a focus on intelligibility and comprehensibility, rather than accentedness. These terms have distinct meanings. Accentedness is a judgment of how much one's speech differs phonologically from the **local variety**. It is often measured on a Likert-like scale (e.g., 1 = no accent; 9 = extremely heavy accent). Comprehensibility is a judgment of how easy or difficult an individual's pronunciation is to understand, and it can also be measured on a scale (e.g., 1 = very easy to understand; 9 = extremely difficult to understand). Intelligibility is the degree to which a listener understands a speaker; this can be measured in several different ways, including transcriptions, comprehension questions, and listener summaries of productions. In other words, accent is difference, comprehensibility is effort, and intelligibility is actual understanding» (Derwing, 2016).

2. Phonology in CEFR descriptors

In fact, phonetic skills are scattered implicitly among all other competences, taking into consideration both the old paradigm of Listening – Speaking – Reading – Writing or the new scheme of Reception – Production – Interaction – Mediation.

Thus, in **reading comprehension** phonology is involved in recognizing sound images of graphemes;

in listening comprehension it is adequate phonetic perception and segmentation of speech flow;

in speaking – skills of phonological accuracy, phonetic cohesion, intelligible fluency, etc.;

and even **in writing** we have to relate sounds by visual symbols accurately.

Old phoneticians knew that phonetics is "... the indispensable foundation of all study of language – whether that study be purely theoretical, or practical..." (Sweet, 1877, cited by Catford, 2001). So phonological competence should be the basis for all other competences.

The descriptors for all competences in CEFR Companion Volume have in mind the aim of successful communication in different domains and with various purposes. The focus is the final goal and not the means of reaching it. Even at the lowest levels of Pre A1 – A1 the above mentioned basic phonetic skills are not presented. For the **Overall reading comprehension** scale the descriptor reads:

“Pre-A1: Can recognize familiar words accompanied by pictures, such as a fast-food restaurant menu illustrated with photos or a picture book using familiar vocabulary.

A1: Can understand very short, simple texts a single phrase at a time, picking up familiar names, words and basic phrases and rereading as required” (CEFR Companion Volume, 2018: 60).

Before understanding anything people have to make sense of visual representation of speech, that is to decode it. The techniques can be different, bottom-up, top-down or compensatory, but one cannot avoid this step.

In Overall spoken production descriptor we read:

“Pre-A1: Can produce short phrases about themselves, giving basic personal information (e.g. name, address, family, nationality).

A1: Can produce simple mainly isolated phrases about people and places” (CEFR Companion Volume, 2018: 69)

From the point of view of intelligibility, it doesn't matter much what learners are speaking about as long as what they say are intelligible words that are recognized

by the listener as the words of the target language. Holophrastic utterances may come first. But the intelligibility, being proclaimed, is not measured.

2.1. Phonology in listening comprehension

Most interesting is the interrelation of Listening and Phonological Control. As in the above mentioned examples, the general descriptor Overall Listening Comprehension does not contain any features of acoustic decoding of the heard sound signals:

“Pre-A1: Can understand short, very simple questions and statements provided that they are delivered slowly and clearly and accompanied by visuals or manual gestures to support understanding and repeated if necessary. Can recognize everyday, familiar words, provided they are delivered clearly and slowly in a clearly defined, familiar, everyday context. Can recognize numbers, prices, dates and days of the week, provided they are delivered slowly and clearly in a defined, familiar, everyday context.

A-1: Can follow speech that is very slow and carefully articulated, with long pauses for him/her to assimilate meaning. Can recognize concrete information (e.g. places and times) on familiar topics encountered in everyday life, provided it is delivered in slow and clear speech” (CEFR Companion Volume 2018: 55).

First of all, everyday contexts in reality rarely contain slow and clearly defined, purified speech. Speakers more often than not do not care much about the listener. In the descriptor authors may have classroom situation in mind, which is specific and not the aim of evaluation. Secondly, understanding can only come after decoding. As Cauldwell argues: “Decoding (simply put) involves being able to recognize the words that occur in the sound substance, whereas understanding involves the interpretation of the meaning without (apparently) having to work hard at decoding” (Cauldwell, 2018:16). For a native speaker or an expert listener, it is only natural to concentrate on meaning, being unconscious of the decoding stage. For inexperienced language users it is much more difficult to perceive the words that are said in a foreign language, especially in the “Jungle-like manner” (Cauldwell, 2018) in which they usually come. Perception and auditory decoding are crucial for the assessment of listening skills. In contrast to listening comprehension I would rather call them hearing skills.

The new Phonological Control descriptor belongs to the Linguistic Range scales and includes the following criteria:

- “intelligibility: how much effort is required from the interlocutor to decode the speaker’s message;
- the extent of influence from other languages spoken;
- control of sounds;
- control of prosodic features” (CEFR Companion Volume, 2018: 135).

Descriptions at all levels are built on pronunciation skills, whereas perception (decoding) is not involved. Can the first criteria be turned towards the test-taker and measure how much effort is required from him/her to decode the speech signal heard? I believe it requires careful rethinking.

2.2. Phonology in plurilingual descriptors

Plurilingualism in CEFR Companion Volume is explained as the ability of learners to “...draw upon all of their linguistic and cultural resources and experiences in order to fully participate in social and educational contexts, achieving mutual understanding, gaining access to knowledge and in turn further developing their

linguistic and cultural repertoire” (CEFR CV 2018: 157). It is clear that when we put L1, L2, L3 together we get plurilingual competence. As a result, the learner “can use what he/she has understood in one language to understand the topic and main message of a text in another language (e.g. when reading short newspaper articles on the same theme written in different languages” (2018: 160) in receptive aspect. It is less clear in productive aspect how a learner can “participate effectively in a conversation in two or more languages in his/her plurilingual repertoire, adjusting to the changes of language and catering to the needs and linguistic skills of the interlocutors” (2018: 160).

Luckily, in plurilingual descriptors phonology is not clearly presented. The question is, if we put Pronunciation 1, Pronunciation 2, Pronunciation 3 together, is it highly likely that we get an incomprehensible mess as a result? Or the result is English as a Lingua Franca? I think it is only a question of the extent to which the languages are allowed to intermingle. On the one end of the continuum there is the idea of common phonological competence, on the other – an absolute mess.

Do national phonological systems of languages require different scales to assess? There is a big mass of common features in speech sounds, especially in European languages, which gives grounds to introduce the notion of common phonological competence (Pavlovskaya, 2014, 2016). Rough calculation shows about 67% in common. As Catford put it “Apart from very minor anatomical differences, all human beings have the same vocal apparatus. Consequently, all human beings are capable of producing the same sounds. <...> However, out of the infinite range of possible sounds every language utilizes only a fraction of this rich phonetic potential, and moreover, languages differ greatly as to which parts of this potential they make use of” (Catford, 2001: 178). In teaching or assessing phonology teachers traditionally tend to focus on differences rather than universals.

2.3. Theoretical and empirical background of innovations

What is the reason of all these mismatches in the new descriptors? Are they mismatches or conscious informed choice? To understand this let us consider the evidence from the ideologists of the new Phonological Control schedule. Apart from Italian born phonologist Enrica Piccardo, these are Canadian socio-linguists Tracey Derwing and Murray Munro. They all work in Canada and deal with second language students (immigrants) in their universities.

Enrica Piccardo works at Ontario Institute for Studies in Education, Department of Curriculum, Teaching and Learning, PhD, Professor (Full). She states that “...linguistic and cultural diversity is an asset rather than an obstacle. In response to increased mobility and the consequent multiplication of cultural and linguistic diversity, a new paradigm is emerging in language education and its conceptualization that stresses interconnection, interdependence, and a synergic vision» (Piccardo, 2016).

Tracey M. Derwing works at the University of Alberta and Simon Fraser University (Ed in Psychology and Linguistics, PhD in Linguistics), and Murray J. Munro, from Simon Fraser University, Department of Linguistics, is a full professor and TESL Director, They «examined the interrelationships among accentedness, comprehensibility, and intelligibility in the speech of second-language learners. The key finding was that the dimensions at issue are related, but partially independent. Of particular note was our observation that speech can be heavily accented but highly intelligible» (Munro, Derwing, 2020).

It is clear that the evidence of the research comes from the socio-linguistic viewpoint rather than phonological perspective.

Tracey Derwing identifies several «utopian goals» that may raise the present state of phonological competence teaching and learning to the higher level of effectiveness:

- 1) More research in applied linguistics;
- 2) Focus on Pronunciation in Teacher Education;
- 3) Appropriate Curriculum Choices;
- 4) Assessment tools for pronunciation;
- 5) A Focus on Intelligibility and Comprehensibility;
- 6) A Focus on the Native Listener;
- 7) Useful User-friendly Software;
- 8) No More Scapegoating of Accent;
- 9) Better Strategies for Integrating Newcomers into the Community.

The first four of them may be (or may not be, depending on the implementers) focused on the domain of phonology, while the next five explicitly care for the needs of immigrant population and imply social rather than linguistic measures.

For instance, the focus on native listener, being new in the field of teaching methodology, is explained as follows: «In a utopian world, at least an ESL, immigrant-receiving world, we would put more emphasis on helping native speakers to understand accented English. It is ironic that we expect L2 learners from many linguistic backgrounds to understand each other, as well as a full range of English dialects, while at the same time, some native speakers make no adjustments for their L2 interlocutors» (Derwing, 2010).

Discussing user-friendly software, high tech technology, such as Praat with its spectrum and wave-form analysis is dismissed in the paper as unnecessary and too sophisticated for a regular learner. Although to my mind there are very good adaptations of the instrumental phonetic analysis for beginners, intuitively clear and user-friendly ones, which we have discussed in other papers. Nevertheless, the author prefers edutainment programs based on computer games.

It is interesting to note that the empirical research data on which the argumentation of the theoreticians of CEFR is based more often than not considers as subjects the Mandarin and Slavic language speakers (Derwing, Munro & Thomson, 2008): «A major difference between the two groups was the amount of exposure they had to English on a daily basis, including conversations at work and with neighbours, TV viewing, radio and movies. The Slavic language speakers showed improved comprehensibility and fluency over time, **in the absence of instruction**, whereas the Mandarin speakers did not improve. Clearly more interaction can enhance comprehensibility and fluency. For one thing, it provides for more opportunities for noticing, just as in other aspects of L2 acquisition. It is the old story about the linguistic environment within the communicative approach».

I can't agree with the conclusions drawn by the authors. From the phonetic point of view it is absolutely clear that the reason lies in the fact of absolutely different sound organization of the Chinese language (logographic type) in comparison with the English language, while both the Slavonic languages and English belong to the same phonemographic type.

2.4. Morpho-phonological features of oriental languages in the common descriptors

The CEFR project started as a European-centered one, but it has won the popularity all over the world, turning into what has become an etalon (standard measure) of language assessment. Oriental languages have a very different organization but they use European scales. How to put the two linguistic groups together? One way is to develop additional descriptors as it is done in certain countries. For example, in Japan, the CEFR-J system has been created: “Some of the unique features of the CEFR-J are (1) more refined sub-levels of the CEFR (Pre-A1, A1.1-1.3, A2.1-2.2, B1.1B2.1-2. 2) with newly created and scaled descriptors, (2) the preparation of grammar and vocabulary to go with each CEFR-J level, (3) the analysis of text features to represent (4) the development of tasks and tests to serve each CEFR-J descriptor” (Tono, 2019: 5-6).

The Chinese language belongs to the group of «syllabic» (logographic, ideographic) languages, each syllable being represented with a certain hieroglyph and associated with a certain meaning. English is a phonemic (phonographic) language, and the meaning is built up with morphemes, usually consisting of several phonemes represented by letters. We have shown that even breathing models in English and Chinese are different and may influence the success of learning (Pavlovskaya and Lan 2020). The problem is enhanced by the fact that the terms «syllabic language» or «phonemic language», «syllabeme» or «morphophoneme» are not part of the phonological lexicon in English. It makes it difficult to discuss the problem.

Native Chinese speakers reinterpret CEFR descriptors via Pinyin. Pinyin was adopted in 1958, the author of Pinyin is Zhou Yuguang. Since 1979, Pinyin has been used worldwide as the official Latin transcription. As a result, the Chinese text written in Pinyin looks like consisting of the same segments as a text in any other phonemographic language. Although the phoneme is not the unit of Chinese speech segmentation. It is the syllabeme – a certain structure of syllabo-morpheme with one of the 4 tones and the meaning attached to it. It is not taken into consideration in CEFR as well as the phonotactics of Putonghua – the combination of three elements in one syllable – initials, medial, and finales – are not taken into account. Not every combination is possible, consequently there are certain difficulties in pronunciation among the Chinese learners of English (Pavlovskaya, 2014).

3. Conclusion

The conclusions that can be drawn from the arguments I have listed are as follows:

1) The new Phonological Control descriptors belong to the scales of the linguistic range and include the following criteria: "intelligibility: how much effort is required from the interlocutor to decipher the speaker's message; the degree of influence of other languages spoken by the test subjects; rational speech management; control of prosodic functions." (CV 2018: 135). However, it remains unclear exactly how these factors are measured. Descriptions at all levels are based on the skills of understanding familiar words, while the process of perception/decoding is not reflected. Perhaps it would be worth talking about perceptual competence as the ability to recognize the sounds of an audible language, interpret them and understand their meaning. Then Phonological Competence would include the skills of auditory perception, pronunciation and listening comprehension combined.

2) The principles of plurilingualism are hardly applicable in the field of phonetics, since sound production in one language cannot compensate for the lack of sound production skills in another.

3) General phonological competence is a concept that has the right to exist, but the concept is abstract, like the concept of phoneme, and it reflects only the general psychophysiological basis of speech production. This common base manifests itself in different languages in different ways, which requires additions to the Pan-European criteria in the form of nationally oriented scales, as well as working out a mutually understandable term system, phonetic variability of the English language in the context of globalism in the description of national languages.

4) Sociolinguistic considerations about the inclusion of migrants in the language territory of the host country are certainly important, but the introduction of the principle of intelligibility instead of the principle of normative pronunciation lowers the bar in the scale of criteria for assessing phonological competence, and does not improve the tools of this assessment. The theory of ethnosociolects has been studied quite deeply in the works of the scientific school of Professor A.D. Petrenko and the phonetic features of migrant ethnosociolects in Western Europe (in Germany and the UK, in particular) were described and analyzed in detail just before the publication of CEFR CV (Bukharov, Petrenko, 2018), which gives me hope for understanding and acceptance of the ideas I expressed here from the part of the highly qualified audience of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Literature

1. Бухаров, В. М., Петренко, А. Д. Эволюция этносоциолектов в странах Западной Европы / В. М. Бухаров, А. Д. Петренко // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы). – Москва : ИНФРА-М, 2018. – С. 70–91.

2. Catford, J. C. A Practical Introduction to Phonetics / J. C. Catford. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 248 p.

3. Cauldwell, R. A Syllabus for Listening-Decoding / R. Cauldwell. – Birmingham : Speech in Action, 2018. – 240 p.

4. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment Companion Volume with new descriptors // Language Policy Programme Education Policy Division Education Department Council of Europe, 2018. – URL: www.coe.int/lang-cefr (дата обращения: 25.04.2022).

5. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. – Strasburg, 2001. – 273 p. – URL: <https://rm.coe.int/16802fc1bf> (дата обращения: 23.04.2022).

6. Derwing, T. M. Utopian goals for pronunciation teaching / T. M. Derwing // Proceedings of the 1st Pronunciation in Second Language Learning and Teaching Conference, Iowa State University, Sept. 2009 / J. Levis & K. LeVelle (Eds.). – Ames, IA : Iowa State University, 2009. – P. 24–37.

7. Derwing, T. M. A Longitudinal Study of ESL Learners' Fluency and Comprehensibility Development / T. M. Derwing, M. J. Munro, R. I. Thomson // Applied Linguistics. – 2007. – July. – 29 (3). – P. 359-380. – DOI:[10.1093/applin/amm041](https://doi.org/10.1093/applin/amm041).

Munro, M. J. Foreign accent, comprehensibility and intelligibility, redux / M. J. Munro, T. M. Derwing // Journal of Second Language Pronunciation. – 2020. – November. – Volume 6. – Issue 3. – P. 283 – 309. – DOI:<https://doi.org/10.1075/jslp.20038.mun>.

8. Pavlovskaya, I. Methods of Testing Common Phonological Competence / I. Pavlovskaya // IATEFL TEASIG (International Association of Teachers of English as a Foreign Language Testing and Evaluation Special Interest Group) Conference Proceedings, Granada. – 2014. – October 24-25. – P. 43-49. – URL: <http://tea.iatefl.org/wp-content/uploads/2015/10/GRANADA-PROCEEDINGS-Pavlovskaya-new.pdf> (дата обращения: 18.05.2022); <http://edition.pagesuite-professional.co.uk/launch.aspx?pnun=1&eid=0b7e88e0-9f8f-41b5-a136-1b738b0409ee> (дата обращения: 18.05.2025).

9. Pavlovskaya, I. Testing and Teaching English Intonation to Chinese Students / I. Pavlovskaya // TEA SIG IATEFL Newsletter. – 2016. – December. – № 60. – P. 13-16. – URL:<http://edition.pagesuite-professional.co.uk/Launch.aspx?EID=58c64536-02a9-4a82-aafe-0656958b85f8>. (дата обращения: 18.05.2022).

10. Pavlovskaya, I. Yu. The Influence of Breathing Function in Speech on Mastering English Pronunciation by Chinese Students / Irina Yu., Pavlovskaya, Lan Hao // Proceedings of the Third International Conference on Social Science, Public Health and Education (SSPHE 2019). (Advances in Social Science, Education and Humanities Research 402) / Eds. Shuo Zhao, Professor, Xi'an University and Communication University of China. – China : Atlantis Press, 2020. – P. 35-42. – URL: <https://www.atlantispress.com/proceedings/ssphe-19/125934166>; [2352-5398https://doi.org/10.2991/assehr.k.200205.008](https://doi.org/10.2991/assehr.k.200205.008). (дата обращения: 23.04.2022).

11. Piccardo, E. Plurilingualism: Vision, Conceptualization, and Practices / E. Piccardo // Handbook of Research and Practice in Heritage Language Education. – P. 1–19. – January, 2016. – DOI:[10.1007/978-3-319-38893-9_47-1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-38893-9_47-1).

12. Piccardo, E. The New Scale for Phonological Control. Unpublished paper The Webinar on The CEFR Companion Volume, 30 January 2018, Dublin / E. Piccardo. – URL: <https://rm.coe.int/the-new-scale-for-phonological-control-piccardo-/1680788b29> (дата обращения: 20.04.2022).

13. Tono, Y. Coming Full Circle – From CEFR to CEFR-J and back / Y. Tono. // CEFR Journal – Research and Practice / eds. Maria Gabriela Schmidt and Morten Hunke. – 2019. – №1. – P. 5–18. – URL: <https://cefrjapan.net/publications/journal>. (дата обращения: 20.04.2022).

УДК 821.161.1

СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «НИЩИЙ» В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Р. В. Татевосян,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой

Аннотация. В статье рассмотрены выполненные в хронологическом отрезке трех веков пять переводов стихотворения «Нищий» – Ал. Цатуряна (1889), Р. Погосян (1941), Ш. Торосяна (1965), Фр. Киракосяна (2007), А. Агасяна (2013). Отмечается внесение противопоставления там, где в оригинале – простое перечисление, выделяющее обычность, привычность совершаемой жестокости. В обеих частях двухчастной композиции стихотворения важны анафоры, не всегда переданные на армянском.

Ключевые слова: перевод, рифмовка, анафора, синонимы, двухчастная композиция, противопоставление, лексическая точность, евангельский мотив.

Summary. The article reveals five translations of the poem «The Beggar» made in the chronological period of three centuries – by Al. Tsaturyan (1889), R. Poghosyan (1941), Sh. Torosyan (1965), Fr. Kirakosyan (2007), A. Aghasyan (2013). The introduction of antitheses is noted there where in the original we see a simple enumeration which highlights the commonness, the usual familiarity of the cruelty committed. In both parts of the two-part composition of the poem, the anaphors are important which are not always reflected in Armenian.

Key words: translation, rhyming, anaphora, synonyms, two-part composition, antitheses, lexical accuracy, gospel motif.

Стихотворение Лермонтова «Нищий» (1830) обращено к Е. Сушковой, вспоминавшей, что оно было написано после посещения Троице-Сергиевой Лавры, где просящий милостыню слепой старик рассказал, как молодые посетители обители бросали ему камни вместо денег: «Насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!» [6, с. 410].

Мы выбрали для рассмотрения пять переводов этого стихотворения на армянский. Перевод Ал. Цатуряна был опубликован в 1889 году [8, с. 1224].

В первом томе «Избранных произведений» Лермонтова помещен перевод Р. Погосян [4, с. 4]. В комментариях к стихотворению отмечается, что Цатурян, «совершенно точно передав дух подлинника, ряд выражений перевел вольно...» [4, с. 223], и приводится перевод Цатуряна.

В трехтомное собрание сочинений Лермонтова включен перевод Ш. Торосяна [5, с. 64]. Этот же перевод помещен и в сборнике 1982 года [3, с. 119–120].

Перевод Фр. Киракосяна вышел в свет в 2007 году [2, с. 6], а в 2013 году был опубликован перевод А. Агасяна [14, с. 56].

Таким образом, рассматриваемые переводы располагаются в хронологическом отрезке трех веков. Следует отметить, что «Нищий» переводили также Д. Балугян (1890), В. Норенц (1934), А. Граши (1941), М. Корюн (1964) и др.

Стихотворение «Нищий» написано четырехстопным ямбом, в нем чередуются восьми- и девятисложные строки, рифма перекрестная.

В переводе Цатуряна восьми- и семисложные строки, в первой строфе рифмы смежные, в двух других – перекрестные.

В переводе Р. Погосян также чередуются восьми- и семисложные строки, Ш. Торосян и А. Агасян применили восьмисложник, Фр. Киракосян – девятисложник. Все передали перекрестную рифмовку оригинала.

У врат обители совершается жестокость:

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья. [6, с. 149]

В переводах описание бедняка разнится синонимами: больной, страдающий, худой, полуживой.

У Ш. Торосяна бедняк – ошеломленный, растерянный и лишенный сочувствия («Շվար տերով անկարելից»), в переводе Фр. Киракосяна – истощенный, гонимый («Աղբատ էր հյուծված, հալածական»).

В переводе А. Агасяна:

Սուրբ վանատան դռների մոտ
Շանգնած էր մի աղբատ մուրակ՝
Սոված, ծարավ ու հիվանդոտ,
Շիւակենդան՝ նիհար, ցամաք: [1, с. 56]

определений много – бедный, голодный, жаждущий, болезненный, полуживой, худой, истощенный.

Встреченный Лермонтовым в Троице-Сергиевой Лавре нищий был слепым. В варианте авторизованной копии он тоже слепой: «Слепец иссохший чуть живой» [6, с. 344].

В окончательном варианте, и это неслучайно, он зрячий. И мольба о куске хлеба выражена взором, исполненным живой муки, и жестом (протянутой рукой):

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку. [6, с. 149]

Слепой, может быть, не сразу бы заметил обман. А зрячий все видит: обман неприкрыт, и жестокость проявляется как нечто обычное. В переводе Ал. Цатуряна нищий просит жалобно и со скорбным взглядом:

Վշտահայաց և լալափն
Նա լոկ հաց էր աղերսում,
Բայց խարելով՝ ով որ խեղճին,
Մի քար դրեց նրա ձեռքում: [4, с. 223–224]

В оригинале предстает картина целиком, все ясно и по описанию бедняка, и по «отклику» на его боль («И кто-то камень положил»). В переводе Цатуряна, вразрез с оригиналом, появляется «но» (вместо «и») и ненужное здесь пояснение, что это обман (Но, обманывая, кто-то положил камень в его руку).

Лексически точнее эта строфа в переводе Р. Погосян:

Լոկ մի կտոր հաց էր խնդրում,
Իսկ հայացքում – ցա՛վ անշեջ
Հանկարծ մեկը քա՛ր է դնում

Նրա մեկնած ավի մեջ: [4, с. 4]

Отметим, что здесь не к месту противопоставление («իսկ», «а») и слово «հանկարծ» (вдруг). Не всегда можно передать в переводе анафоры («И взор являл живую муку, / И кто-то камень положил... »). Но здесь это формально нетрудно, а по сути необходимо: в простой перечислительности раскрывается страшная суть. Обычная (а не неожиданная), не вдруг происходящая жестокость.

В переводе Ш. Торосяна также нет анафоры. Нищий предстает умоляющим и измученным (աղերսագին, տանջահար), но глаз его мы не видим, нет его взора, «являющего живую муку»:

Անցորդներին ձեռքը մեկնած
Աղերսագին ու տանջահար,
Խնդրում էր նա մի կտոր հաց,
Բայց դրեցին ավի մեջ քար: [5, с. 64]

И в этом случае переводчик передает свое впечатление, спешит подсказать нам, что ответ, отклик на мольбу не тот, какого мы ждем: вместо «и» он переводит «но» (но положили на ладонь камень). Эта строка в переводе получает обобщенное значение: глагол употреблен во множественном числе.

В переводе Фр. Киракосяна появляется подчинительная связь (все, чего просил он, кусок хлеба), нет важной анафоры:

Մի կտոր հաց էր, որ նա խնդրեց,
Նրա հայացքում տանջանք էր խեղճ,
Եվ ինչ-որ մեկը մի քար դրեց
Իրեն մեկնած այդ ձեռքի մեջ: [2, с. 6]

Переводчик делает жест направленным: рука протянута к тому, кто кладет в нее камень. Есть здесь и уточнения: И кто-то положил один камень/ В эту руку, протянутую к нему.

В переводе А. Агасяна не «кто-то» кладет камень в руку нищего, а «ближний». Появление и повторение этого слова неслучайно на фоне святой обители, в стихотворении с известным евангельским мотивом из Нагорной проповеди. Но в оригинале нет слова «ближний»:

Մերձավորից նա հաց ուզեց
Վշտամորմոք իր հայացքով,
Բայց մերձավորը քար դրեց
Նրա ավի մեջ մուրացող: [1, с. 56]

Здесь также нет анафоры. Просьба нищего выражается его взглядом («Վշտամորմոք իր հայացքով»), но и в этом переводе появляется противопоставленность мольбы и ответа на нее (но ближний камень положил...).

«Нищий», как и многие другие стихотворения Лермонтова 1829–1830 годов, имеет двухчастную композицию. «Одна из частей стихотворения несет основную психологическую функцию, другая – иллюстративную, причем она развернута и имеет самостоятельное художественное значение» [7, с. 343].

Вторая часть стихотворения «Нищий» об обманутых надеждах, отвергнутом чувстве. В третьей строфе важна анафора (так), подчеркивающая

«переброс» изображенной в первых двух строках картины в любовные отношения:

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою. [6, с. 149]

Неудачен перевод Ал. Цатуряна. В нем нет анафоры, появляются мелодраматическое восклицание (ալալ/ увы), вносящее ноту сожаления в жесткую констатацию оригинала, и противопоставление (но ты...):

Այդպէս և ես, տանջված վշտից
Խնորում էի քեզնից սեր,
Բայց դու, ալալ դ, խաբէլով ինձ՝
Խորտակեցիր իմ հույսեր: [4, с. 224]

В переводе не чувства обмануты, а «ты, увы, обманув меня, сокрушила мои надежды».

Ближе к оригиналу перевод Р. Погосян:

Այդպէս քեզնից սէ՛ր խնորեցի
Դանն արցունքով ու թախծուն.
Այդպէս հավէտ դու խաբեցիր
Զգացմունքներս լավագոյն: [4, с. 4]

Ш. Торосян сохранил важную анафору. Но в переводе этих строк искажена стилистика оригинала. Так, «чувства лучшие» превратились в «святейшие стремления», которые были «жестоко высмеяны»:

Այդպէս քո սերը խնորեցի,
Դանն արցունքով կարոտ հոգու,
Այդպէս դաժան ծանակեցիր
Ամենատուրք տենչերս դու: [5, с. 64]

В переводе Фр. Киракосяна нет анафоры:

Այդպէս հայցեցի ես քո սերը,
Դանն արցունքներով, կարոտաբաղձ,
Ու բոլոր շքեղ իմ հույսերը
Դու թողիր այսպէս հավերժ խաբված: [2, с. 6]

В оригинале молил «с тоскою», в переводе появляется сложное, красивое слово «կարոտաբաղձ», но в кругу лексики оригинала воспринимаемое как «красивость». Так же и «чувства лучшие» стали «роскошными моими надеждами».

А. Агасян передает анафору:

Այդպէս էլ ես էի վշտացած
Քո սերը աղերսում խոնարհ,
Այդպէս էլ, սիրտս դյուրազգաց
Դու կոտրեցիր անզբաբար: [1, с. 56]

О любви лирический герой в переводе просит «смирненно», и не чувства «обмануты навек тобою», а «чуткое сердце ты разбила безжалостно».

Рассмотренные переводы, конечно же, неравноценны. В каждом из них есть печать времени создания и личности переводчика. Достойный перевод классики – это ее утверждение, и переходящее из века в век стремление приблизиться к Лермонтову, перевоссоздать на армянском его произведения утверждает силу, действенность слова поэта и международный резонанс его художественного мира.

Список использованных источников

1. Агасян, А. «Из сокровищницы русской поэзии» (на армянском языке) / А. Агасян. – Ереван : Гитутюн, 2013. – 163 с.
2. Лермонтов, М. Ю. Одинокий парус (на армянском языке) / М. Ю. Лермонтов – Ереван : «Иравунк», 2007. – 62 с.
3. Лермонтов, М. Ю. Избранные произведения (на армянском языке) / М. Ю. Лермонтов. – Ереван : «Советакан грох», 1982. – 576 с.
4. Лермонтов, М. Ю. Избранные произведения, т. 1. (на армянском языке) / М. Ю. Лермонтов. – Ереван : Айпетрат, 1941. – 260 с.
5. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений в трех томах, т. 1. (на армянском языке) / М. Ю. Лермонтов. – Ереван : «Айастан», 1965. – 450 с.
6. Лермонтов, М. Ю. Сочинение в шести томах, т. 1. / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954 – 452 с.
7. «Лермонтовская энциклопедия». – Москва : «Советская энциклопедия», 1981. – 784 с.
8. «Мурч» (на армянском языке). – 1889. – № 8. – С. 1135–1277.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 811.133.1 (075.8)

[ORCID0000-0003-2910-9942](https://orcid.org/0000-0003-2910-9942)

ГОРОД КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ОБРАЗ

З. Н. Афинская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. В ракурсе лингвокультурологии концепт *город* представляет собой многоуровневую структуру, аккумулируя историческое, географическое, политическое, урбанистическое и художественное содержание. Этим определяется актуальность исследования феномена *город* как когнитивного понятия и художественного образа. В представленном культурологами, социологами, философами феномене «город» отражается как концептуальное содержание, так и образное представление об этом феномене с его сложной концептуальной и образной архитектоникой. В статье исследуется «город» на материале французского языка и культуры, в частности на примере Парижа.

Ключевые слова: город, концепт, образ, пространство.

Summary. From the perspective of linguoculturology, the concept of a city is a multi-level structure, accumulating historical, geographical, political, urban and artistic content. This determines the relevance of the study of the phenomenon of the city as a cognitive concept and artistic image. The phenomenon "city" presented by culturologists, sociologists, and philosophers reflects both the conceptual content and the figurative representation of this phenomenon with its complex conceptual and figurative architectonics. The article explores the "city" on the material of the French language and culture, in particular on *the example of Paris*.

Key words: city, concept, image, space.

В языковой картине мира концепт *город*, аккумулируя языковой опыт разных этносов и национальных культур, занимает особое место, так как включает в себя универсальный опыт человечества и эмоционально-чувственное отношение индивидуума к окружающему пространству. В ракурсе лингвокультурологии концепт *город* интересен своей многоуровневой структурой, где аккумулируется историческое, географическое, политическое, урбанистическое и художественное содержание. Этот концепт обладает сильными коммуникативными характеристиками – он адекватно понимаем в разных национальных культурах, разными этносами. В городе индивид приобретает современные социальные навыки и ценности, осознает свою национальную и культурную идентичность. Как пишет французский социолог Е. Ф. Изин: «La ville est le lieu grâce auquel la vie des gens s'organise, se relie à celle des autres et acquiert un caractère social. La ville est le lieu grâce auquel la

socialisation travaille les identités... » – «Город – это место, благодаря которому организуется жизнь человека, объединяясь с жизнью других людей. Город – это пространство, в котором формируется социальная идентичность». – Пер. З. А.) [7, с.21].

Город обретает очертания семиотизированного пространства в языковой картине в качестве дискурса, «одушевленного» присутствием человека с его обыденным существованием. Отсюда – постоянное стремление лингвистов, философов, социологов и культурологов дать свое видение города вообще, рассказать о родном городе. В представленном ими феномене «город» отражается как концептуальное содержание, так и образное представление об этом феномене.

Время, пространство и человек в городе находятся в постоянном динамическом взаимодействии – дома перестраиваются, улицы меняют свой архитектурный и социальный облик (иногда переименовываются), жители переезжают из одного городского района в другой. Город интересен со многих точек зрения: своей архитектурой, как пространство демографических и экономических изменений, как театр событий, повлиявших на историю этноса и страны и пр. Динамика пространства и времени, отраженная в истории и жизни города, обеспечивает этому концепту устойчивые позиции в языковой картине мира, что позволило Н. Д. Арутюновой утверждать, что «вторым после человека приоритетным правом на образ обладает город» [2, с. 316]

В жанре, который можно условно назвать «книга для туристов», город представлен без индивидуального адресата в обобщенно концептуальном представлении о городе-столице. В нем отсутствует отклик на языковой опыт собеседника – автор текста никого не убеждает, не спорит, не возражает, не соглашается. Вследствие отсутствия конкретного собеседника этот текст выходит из обыденного языка в область литературного стандарта, для которого характерны строгие грамматические и лексические нормы (употребление *Passé simple*, существительных со значением процесса и др.). В таких текстах отсутствуют показатели модальности, которые обеспечивают особый дискурсивный статус [3] и мироощущение автора как «чувственное осознание мира, когда (по словам Н. Ф. Алефиренко) «мир предстает в форме образов, организующих индивидуальный опыт» [1, с. 58]. И он интересует нас потому, что в таких текстах содержится определенный набор стереотипов, которые характерны для создания концепта *города-столицы* в разных национальных культурах.

Каковы основные мотивы концепта «столица» на примере Парижа?

1. географическое положение, река (как опора экономического процветания), на берегах которой возник город (*La Seine, la rive gauche de la Seine*) и мосты как связующие экономической жизни (*Pont Alexandre III, Pont Neuf*).

2. историческое прошлое, войны, восстания (*la révolte, la guerre civile, l'occupation, des désordres des ravages, les guerres de religion, la ville assiégée, la chute de la royauté, des révoltes les plus sanglantes, des désordres*);

3. человеческий фактор и личности, сыгравшие большую роль в истории города: *les Gaulois, les Romains, les rois, la dynastie, les protagonistes d'évènements importants, ses fondateurs*.

4. процессы, способствовавшие развитию города: *Changer le cours d'histoire, construire, faire construire, se transporter en, fonder une dynastie, s'agrandir, habiter, s'enrichir, élever la colonne, un développement progressif, la construction, les travaux, une lente mais continuelle expansion, la restructuration urbaine.*

5. центр политической, экономической и культурной жизни страны на протяжении веков: *un petit centre urbain, Lutèce, une véritable capitale, ce premier noyau, résidence, ses plus splendides moments, les pages les plus tristes, centre culturel et politique, superbe Hôtel de ville, de nombreux monuments, son urbanisme, sa culture.* [8, с. 3–4].

В этом перечне мотивов *город* выглядит абсолютно неструктурированным – с точки зрения образа – пространством, в котором значимы только исторические монументы, памятники культуры, – все то, что составляет содержание каталогов и путеводителей. В таких текстах невозможно определить ту точку, с которой обзревается панорама Парижа, что свидетельствует об отсутствии личностного восприятия города и снижает значимость его образа. В таких путеводителях отсутствуют улицы – за исключением *Champs-Élysées*, – но упоминаются площади: *Place de la Concorde, Place des Vosges, Place Vendôme...* Однако пространство города для каждого его жителя воплощено в образе родного квартала, родной улицы, где он родился, провел детство и проживает настоящую жизнь.

Урбанистический дискурс – рационалистический по существу – обладает характерными мотивами, главными из которых, по мнению М. де Серто, можно сформулировать следующим образом: 1) город постоянно создает, согласно рациональным принципам, собственное пространство; 2) город постоянно замещает традиционную культуру синхроническими потребностями общества; 3) город создает анонимные субъекты, постоянно нивелирует индивидуальность [5, с. 191]. Рационализация города в его архитектурном облике, начиная с конца XX века, не исключает, однако, ошибки градостроителей (возведение многоэтажных жилых зданий, разрушающих образное восприятие города) [4]. Урбанистическими терминами (*banlieue, cité, quartiers sensibles*) обозначаются в муниципальном нарративе участки городского пространства, с помощью которых возможно описать не только городской ландшафт, но и метафорически категории населения, проживающие в этом пространстве.

Действительно, город постоянно отвоевывает для себя пространство у окружающей местности, в городе постоянно происходит стирание диалектных особенностей речи, замещение этнокультуры городским образом жизни и урбанистическим дискурсом в виде схематических, стереотипных представлений о самом себе, таких как пространство неограниченных возможностей, воплощение рационализма и др. [4].

Между тем, ничто не может заменить художественную литературу для создания образа города. Ш. Бодлер – поэт-символист, представитель так называемых декадентов, *les poètes maudits* (проклятых поэтов). Тема бесцельных, но полных эмоций и впечатлений прогулок по городу станет одной из центральных тем формализма – от сюрреализма до леттризма в XX веке. Настроение и идеи, навеянные прогулкой по городу (*la flânerie*), станут в XX веке одной из тем французской психогеографии (*la dérive, les errances, les*

déambulances). Словосочетание «форма города» (*la forme d'une ville*) как поэтический образ впервые прозвучало в поэзии Шарля Бодлера, который сожалел о быстротечности исчезновения настроений «старого Парижа»: «форма города» меняется быстрее, чем «сердце смертного человека»: («...*la forme d'une ville change plus vite, hélas! que le coeur d'un mortel*»..) [6, с. 447]. Поэт говорил безусловно не о концепте «столица Франции», а об образном восприятии Парижа.

Рационализация жизни в городе, власть ее нивелирующей повседневности ощущается особенно остро эмигрантами. Обживание городских кварталов незнакомого города – сложный эмоциональный процесс, в котором не только формируются новые навыки жизни, но и происходит отторжение собственного жизненного опыта.

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что город – одна из важнейших составляющих современной цивилизации и один из существенных элементов обобщенной в национальном и индивидуальном сознании картины мира. Концепт *город* обозначается разнообразными мотивами, каждый из которых, в свою очередь, конкретизируется непосредственным контекстом. Эксплицирование мотивов концепта *город* позволяет обозначить различную тематику, которая меняется в зависимости от профилирования мотивов: город – туристический объект, город – благоприятная среда проживания в результате, город эмигранта, родной город. Концепт *город* имеет очертания структурированного в языковой картине пространства, но его образ возникает благодаря индивидуальному поэтическому восприятию этого пространства.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса : монография/ Н. Ф. Алефиренко. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2018. – 192 с., – с.58.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр.– Москва, 1999. – 895 с.
3. Афинская, З. Н. Социум и личность в процессе формирования картины мира (на материале французской топонимики) / З. Н. Афинская // Языковое бытие человека и этноса. Сборник научных трудов. Материалы XVII Березинских чтений. – Т.22. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – с.11–13.
4. Кидуэлл, Пол. Психология города. Как быть счастливым в мегаполисе / Пол Кидуэлл; пер. с англ. Е. Петровой. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 288 с.
5. Серто, Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина и др. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейск. ун-та в СПб, 2013. – 330 с.
6. Baudelaire, Ch. Le Cygne / Charles Beaudelaire. – Lagarde A., Michard L. XIXe siècle. – Paris : Les Editions BORDAS, 1968. – 576 p.
7. Isin, Engin F. La ville comme lieu du social / F. Isin Engin «Lq ville comme lieu du social», Rue Descartes, 2009 / 1(n.63). – pp. 52–62. – URL: <https://www.cairn.info/revue-rue-descartes-2009-1>. (Access date: 28.03.2022).
9. Tout Paris / Tout Paris. – Florence: EB Bonechi, Italie, 1995.

ГЕНДЕРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ОНЛАЙН ЖУРНАЛОВ

Т. В. Бридко¹, А. В. Пономарёва²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

*²кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию частотности использования стилистических средств для создания эмоционального воздействия на читателя в рекламных текстах популярных мужских (*Men's Health*) и женских (*Brigitte* и *Cosmopolitan*) немецкоязычных глянцевого журналов. Авторы рекламных текстов широко используют стилистические приемы разных типов: графоны, эпитеты, риторическое восклицание и вопрос, эллипсис, императивы, синтаксический параллелизм, персонификацию, сравнения, инверсию и прочие. Было выявлено отличие в качественном и количественном составе тропов в зависимости от гендера целевой аудитории.

Ключевые слова: стилистический приём, рекламный текст, гендер, глянцевого журнал, эмотивность.

Summary. The article determines the frequency of stylistic means used to create an emotional impact on the reader in advertising texts of popular online magazines for men (*Men's Health*) and women (*Brigitte and Cosmopolitan*) published in German. The research has shown that the authors of advertising texts use various stylistic devices, such as graphons, epithets, rhetoric exclamations and questions, ellipses, imperatives, syntactic parallelisms, personifications, similes, inversions, etc. It also turned out that the gender of the target audience correlates with quality and quantity of stylistic means.

Key words: stylistic means, advertising text, gender, glossy magazine, emotivity.

Предлагаемая статья выполнена в русле актуальной тематики лингвистических исследований поскольку как вопросы гендерной вариативности, так и проблемы языка рекламы активно обсуждаются в современных научных трудах (Кудинова Т. А. [3], Красноярова Д. К. [2], Базанова А. Е., Кириленко Н. П. [1] и др.). Однако, до сегодняшнего дня недостаточно изучен процесс конструирования гендерной идентичности на материале рекламных текстов в немецкоязычных онлайн версиях глянцевого журналов. Это и объясняет научную новизну данного исследования. Целью данной работы является выявление, классификация, а также установление частотности употребления стилистических средств в зависимости от гендера целевой аудитории в рекламных текстах популярных немецкоязычных глянцевого журналов для женщин (*Cosmopolitan, Brigitte*) и для мужчин (*Men's Health*). Данные журналы являются популярными немецкоязычными журналами,

издаваемыми в Германии. Реципиентами в Cosmo являются главным образом женщины с ярко выраженным феминным типом мышления, молодые и целеустремленные, придерживающиеся ЗОЖ. Читатели Brigitte – среднестатистические образованные женщины Германии в возрасте от 18 и старше, сфера интересов которых очень широка (кино, театр, СМИ, кулинария, спорт, мода и т.д.). Основная часть аудитории читателей Men's Health – мужчины в возрасте 25–34 лет с высшим образованием и высоким уровнем дохода. На страницах этого журнала обсуждаются вопросы здоровья и фитнеса, моды и правильного питания, личных отношений и карьеры, путешествий и др.

В качестве практического материала данного исследования выступают рекламные онлайн статьи вышеуказанных журналов за 2019–2021 гг. Необходимо отметить, что для анализа были отобраны не отдельные рекламные слоганы, а небольшие тексты, более полно и точно информирующие читателя о товарах или услугах. Для составления языкового корпуса был применен метод сплошной выборки; классификация и интерпретация исследуемых единиц осуществлялись посредством описательного и сопоставительного методов; количественный анализ использовался для получения статистических данных.

В процессе исследования практического материала было выявлено 2184 случая использования разнообразных стилистических приемов: эпитетов, графонов, риторических восклицаний и вопросов, эллипсисов, императивов, персонификаций, сравнений и т.д. Сопоставительный анализ показал, что предпочтения в выборе стилистических средств варьируются в зависимости от гендера целевой читательской аудитории.

Наиболее используемыми стилистическими приемами в трех журналах являются графоны и эпитеты. Однако, есть небольшая разница в частотности их употребления: в женских журналах преобладают графоны (встречаются 446 раз), а в мужских изданиях – эпитеты (выявлены 420 раз). Все выявленные графоны условно можно разбить на шесть групп: использование курсива или жирного шрифта, капитализация всех букв в слове, дефисация, дублирование букв в одном и том же слове, аббревиация и выделение слов другим цветом.

1. Использование курсива или жирного шрифта чаще всего наблюдалось на страницах издания “Men's Health” (179 раз), меньше всего в журнале Brigitte (31 раз): **Eine Sportsalbe ist kein Therapie-Ersatz** [6 05.08.19]. *Die Kollektion von Vibe Harslof shoppen* [6, 05.11.21]. Ja, wir haben zwar gesagt, *kein Bleaching*, aber diese Methode zählt auch nicht ganz! [5, 11.03.2020]. Mediziner unterscheiden zwischen **Primären Milien** und **Sekundären Milien** [4, 28.01.2021]. Интересно, что в МН жирным шрифтом или курсивом выделяется всё предложение, а в Brigitte и Cosmo – одно или несколько слов.

2. Капитализация зафиксирована в Cosmo 15 раз, в Brigitte – 5, а в Men's Health – 1 раз, например: ...ist einer DER großen Meilsteine der Sneaker-Kultur [6, 27.03.21]. Во всех случаях, кроме одного, авторы статей выделяли артикли.

3. Дефисация наблюдалась довольно часто в обеих категориях журналов. В женских изданиях она была обнаружена 116 раз, в мужских – 75 раз: Ass-to-Grass-Squats [6, 19.07.21], dad-Sneaker-Silhouette [6, 27.03.21], das Start-Up [6, 28.03.21].

4. Дублирование или повторение букв в одном и том же слове выявлено только 3 раза и только в женских журналах: mit Oooh-jaaa-Effekt [5, 10.10.2019]; Leder ist gerade suuuper angesagt [4, 09.02.21].

5. Аббревиация довольно редко встречается в исследуемых рекламных текстах: в Cosmopolitan – 7 раз, в Brigitte – 8, в Men's Health – 5, например: CEO, EM oder WM kommentiert, BYM, die ARD [4, 29.01.2021]; ABS-Hartschale [5, 31.01.2021], HIIT-Einheiten (High intensity internal training) [6, 01.03.20].

6. Выделение слов другим цветом осуществлялось по-разному в изученных журналах. Так, в Cosmo использовали розовый цвет, в Brigitte – зеленый (замененный с 2022 года на подчеркивание красным цветом), а в Men's Health – красный. Интересно, что в Men's Health красный цвет используется исключительно как ссылка на рекламируемый продукт. Часто этим цветом указываются название и цена товаров или услуг. Зачастую ссылка начинается со слов "Hier findest du...", например: Hier findest du angesagte **Gym-Bags** [6, 06.11.20]. Еще один вариант использования красного цвета – это ссылка на другую статью этого издания, где освещается эта проблема. В таком случае цветом выделяется всё предложение: **Die besten Tipps für eine perfekte Muskeldefinition** [6, 05.08.2019]. Иногда объединяют выделение цветом (красным) и курсив: *Die Kollektion von Vibe Harslof shoppen* [6, 05.11.21]. Данный прием встречается довольно часто в женских журналах: в Cosmopolitan – 56 раз, в Brigitte – 111, например: Die **Make-up**-Artisten haben einen **einfachen, aber effektiven Trick** angewandt, um die **Wimpern** der so aussehen zu lassen [5, 21.09.2020]; Ein **Reinigungsgel**, das auch gegen **Pickel** hilft, kann abends das **Gesicht** von Unreinheiten und **Make-up**-Rückständen befreien [4, 28.01.2021].

Вторым по частотности употребления стилистическим приемом является эмоционально окрашенный эпитет. Он использовался 444 раза в женских журналах (151 эпитет в рекламных текстах Cosmopolitan и 293 – в статьях Brigitte) и 420 раз в мужских журналах. Из рекламных статей видно, как тщательно авторы выбирают эпитеты для более точного создания наглядного образа рекламируемого товара или услуги, например: revolutionären Ansatz, wertvollen Inhaltsstoff, treue Kundin, meine bisher liebste Pflegelinie, pudrige Noten mit leichtem Traubenaroma [5, 27.10.2020]. Glatte, pralle und strahlende Haut, das schmierige Gefühle, die gründliche Reinigung [4, 21.01.2021]. Coolen Mittelweg, von opulentem Schmuck, skandinavisch-puristisches Design, urbane Street-Einflüsse [5, 05.11 2021]. Необходимо отметить, что в женских журналах чаще всего эпитеты встречались в текстах, рекламирующих косметические средства, а в мужских – при рекламе украшений и спортивного инвентаря или услуг.

Использование приёма риторического восклицания распространено в исследуемых журналах неравномерно: всего 184 случая употребления, из которых 66 в Cosmopolitan, 90 – в Brigitte, 38 – в МН. Обычно к риторическому восклицанию прибегают для передачи положительных эмоций и восхищения: So genial! Wir haben die Methode getestet und sind wirklich begeistert von den Ergebnissen! [4, 21.01.2021]. Kein Problem! Fit wie nie! Nichts versaut dir deinen Look mehr als dreckige weiße Schuhe! [6, 05.11 2021].

Помимо риторических восклицаний в глянцевах журналах были обнаружены риторические вопросы. Рекламодатели широко пользуются таким

приемом для создания эффекта участия читателя в обсуждении рекламируемого товара или услуги. Исследование практического материала выявило 107 риторических вопросов: (в Cosmopolitan – 30 раз, в Brigitte – 39, в МН – 38). В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: Du liebst Parfum? Darf der Friseur zu mir nach Hause kommen? Dir kommt jetzt der Beauty-Doc in den Sinn? [5, 23.12.2020]. Elektroautos sind die Zukunft? Falsch. Die Lösung? [4, 27.01.2021]. Braucht Männerhaut spezielle Pflege? [6, 26.03.2021].

Наличие глагола в повелительном наклонении в рекламных текстах следует расценивать не как приказ, а как просьбу или совет, поскольку читатели не любят, когда им что-то навязывают, предпочитая прислушиваться к советам или просьбам. Данный прием был обнаружен 78 раз (в Cosmopolitan 17 раз, в Brigitte – 35, в МН – 26), например: Probiere das mal! Erfahre jetzt mehr [4, 27.01.2021]. Wähle deinen Coach aus! [6, 26.02.2021]. Wir empfehlen dir, deinen Anzug ohne Krawatte zu tragen [6, 26.02.2021].

Такой прием, как синтаксический параллелизм был выявлен только в женских глянцевого журналах (в Cosmopolitan – 10 раз, в Brigitte – 26). Такой прием, зачастую усиленный анафорическим или эпитетическим повтором, задает определенный ритм и сближает его с поэтической речью, например, как в следующих предложениях: Frisuren mit Haarband: Frisuren mit Locken [5, 21.12.2020]. Neuer Monat, neue Produkte! [4, 09.02.2021].

Пропуск слов, не влияющий на смысл предложения, или эллипсис обнаружен 55 раз (33 случая в женских журналах и 24 – в мужских): 6 tolle Labels für ein gutes Gewissen [5, 21.12.2020]. Besonders auch für sensible Männerhaut geeignet [6, 31.03.2021].

Помимо вышеприведенных стилистических средств в процессе анализа языкового материала были выявлены единичные случаи некоторых других стилистических приемов:

- персонификация (один раз в Cosmopolitan и 12 раз в Brigitte, ни одного раза в МН), например: Schöne Haut strahlt Gesundheit pur aus [4, 27.01.2021];

- инверсия (по 4 в женских журналах и 2 в мужском): Ob nass oder trocken, ist dabei Geschmacksache [6, 01.04.2020];

- парцелляция (в Cosmopolitan – 2 раза, в Brigitte – 3, в МН – 0): Es gibt sie in unheimlich vielen Varianten. Ob Kurzarm, Langarm, in Mini, Midi oder Maxilänge [5, 07.01.2021];

- анафора с целью повышения эмоционального накала речи: Der Grunge-Style wurde immer beliebter. Der Grunge-Style wird 2021 zum dominierenden Trend [5, 06.01.2021]. Ich will nichts verstauen müssen. Ich will einen Schrank öffnen [4, 27.01.2021];

- ирония, например: Danke Marie Kondo, ich bin jetzt der totale Freak! [4, 27.01.2021];

- умолчание, например: Das beliebteste Kleid für den Sommer 2021 ist... das Puffärmelkleid [5, 07.01.2021];

- сравнение: nicht so gut wie Vaseline [4, 27.01.2021], so viel Fett wie Frauenhaut [6, 26.03.2021].

Оценивая использование тропов и стилистических фигур, невозможно определить лидерство какого-либо из журналов по стилистической насыщенности, поскольку использование художественных средств является

основной характеристикой публицистического стиля, а адекватный выбор автором необходимых экспрессивных средств в рекламном тексте способствует их запоминаемости. Однако исследование показало отличие в качественном составе тропов. Так, в журнале «Cosmopolitan» наиболее частотными оказались графические средства образности (использование курсива или жирного шрифта, капитализация и дефисация), в то время как в «Brigitte» в значительной мере преобладают эпитеты, риторические восклицания, а также выделение слов другим цветом. В Men's Health чаще употребляли эпитеты и графоны.

Список использованных источников

1. Базанова, А. Е. Особенности языка рекламы как одной из разновидностей средств массовой коммуникации / А. Е. Базанова, Н. П. Кириленко // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 78–82.
2. Красноярова, Д. К. Язык рекламы в пространстве новых медиа / Д. К. Красноярова // Омский государственный технический университет. – 2013. – № 5 (122). – С. 254–257.
3. Кудинова, Т. А. К характеристике языка рекламы: субстандартный компонент / Т. А. Кудинова // Вестник Читинского государственного университета. – 2010. – № 2 (59). – С. 98–103.
4. Brigitte [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.brigitte.de/>. (Access date: 31.12.2021).
5. Cosmopolitan [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.cosmopolitan.de/>. (Access date: 31.12.2021).
6. Men's Health [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.menshealth.de/>. (Access date: 31.12.2021).

УДК 81-26

ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Богославская

*аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Язык подлежит непрерывным изменениям под воздействием экстралингвистических факторов. В настоящее время активно развивается сфера гендерных исследований. Рост интереса к гендерной проблематике зависит от социальных изменений в обществе. Результаты большого количества исследований и экспериментов лингвистов подтверждают, что принадлежность человека к какой-либо социальной группе, его социальная роль во многом определяют его произношение и поведение в обществе, подчёркивают необходимость учитывать гендерный и возрастной факторы. Целью статьи является анализ, систематизация и расширение представлений о гендерной и

возрастной специфике произношения, а также выделение факторов, которые на него влияют. В работе был использован комплексный метод исследования.

Ключевые слова: гендер, возраст, произношение, речь, английский язык.

Summary. Language is subject of continuous changes under the influence of extralinguistic factors. The field of gender research is actively developing now. The growth of interest in gender issues depends on social changes in society. The results of a large number of studies and experiments of linguists confirm the fact that a person's belonging to a social group, his social role largely determine his pronunciation and behavior in society. They emphasize the need to take into account gender and age factors. The purpose of the article is to analyze, classify and expand ideas about gender and age specifics of pronunciation, and also highlight the factors that affect it. A comprehensive research method was used in the work.

Key words: gender, age, pronunciation, speech, English.

Язык – это непрерывный процесс познания мира, освоение его человеком. Он является средством накопления, хранения и передачи информации. Таким образом, язык следует понимать как основную систему для осуществления актов коммуникации.

Речь является основным средством человеческого общения. Речевая коммуникация – это специфический вид интеракции людей, который связан с передачей данных, имеющих отношение к внешнему и к внутреннему миру индивидуума. «Производство речи представляет собой чрезвычайно сложный многоступенчатый процесс. Сообщение начинает формироваться на доязыковом уровне и заканчивается созданием акустического сигнала, проходя через множество промежуточных стадий» [4].

Современные лингвисты проявляют перманентный интерес к социальной обусловленности языка и речи. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что пол и возраст человека входят в число социальных характеристик, которые значительно влияют на речь.

Термины «гендерлект» и «мужская и женская речь», которые можно встретить в современной лингвистике, связаны с понятием «гендер», проникшим во все гуманитарные науки.

В социолингвистической науке «гендерлект» коррелирует с терминами «диалект» и «социолект». Стратификация и ситуативная вариантность языка определяются полом, который стоит в одном ряду с такими признаками как профессия, возраст и социальное происхождение.

Гендерная лингвистика возникла в период развития технических и методологических возможностей социолингвистики. Новые технологии обеспечили возможность использования обширных баз данных, а также в большей степени вовлекать фонологию. Работы влиятельных лингвистов У. Лабова и П. Традгилла получили широкое распространение. В этих трудах рассматривались вопросы гендерных особенностей произношения при анализе социальной вариативности языка в целом. Их исследования демонстрируют свойственную женщинам «ориентацию на более «престижный» произносительный стандарт, их стремление использовать предпочтительные фонологические варианты. Это объясняется хрупкостью социального статуса женщины, выполняющей, как правило, роль матери и домохозяйки» [6].

«Престижен» тот вариант произношения, который воспринимают как «правильный», «нормативный», типичный для речи людей с образованием.

Суждение о том, что женщины используют более «правильное», стандартное, произношение можно обосновать, приведя следующие примеры.

Различают мужское и женское произношение буквосочетания *-ing* в конце слова. Например, *spring green, spring bud, illuminating emerald* – оттенки зеленого, *sanding black* – оттенок черного и т.д. Для женщин свойственно произношение в виде звука [ŋ]. Мужчины артикулируют это буквосочетание как [n]. Женский вариант произношения колоронима *spring green* транскрибируется как ['sprɪŋ,grɪ:n], а мужское – ['sprɪn,grɪ:n].

Также мужчины и женщины по-разному произносят звук [h], стоящий в начальной позиции. Например: *hazel* – «ореховый», «светло-коричневый»; *harlequin* – «зеленовато-желтый»; *honeydew* – «бледно-зеленый» и др.

Так, женское произношение *hazel* будет звучать как: ['heɪz (ə) l], а мужское — ['eɪz (ə) l]. Этим примером можно продемонстрировать достоверность суждения о том, что речь женщин более приближена к стандартной, чем речь мужчин той же социальной группы.

Стремление женщины к правильному произношению основано на том, что в роли матери она значительно влияет на детей, когда занимается процессом их воспитания. Вот почему она предпочитает ту форма языка, которая потенциально является залогом обеспечения успеха в жизни для ее детей [5, с. 35].

Существует стереотип, что если у женщины высокий голос, быстрый темп речи, а также широкий диапазон, то она более эмоциональна. Показательно и противоречиво исследование специфики темпа женской речи. В нём исследовалась корреляция темпа речи и уровня интеллекта. Женщины с более высоким уровнем образования делают паузы в меньшей степени, также они произносят отрезки речи длиннее по сравнению с менее образованными женщинами. Однако, женщины в обеих группах превзошли мужчин с высоким уровнем интеллекта, исходя из этого же показателя.

Следует отметить, что характерные черты того, как мужчины и женщины фонетически оформляют свою речь, в определённой степени связаны со спецификой физиологического строения собственно речевого аппарата. Мужские голосовые связки обычно длиннее и толще по сравнению с женскими. У женщин длина голосового тракта меньше. На произносительном уровне женский голос воспринимается выше по сравнению с мужским. Тем не менее, надо принимать во внимание факторы социального порядка.

Длительность пауз в речи мужчин больше, чем у женщин. Поэтому они читают текст в более медленном темпе. Это при том, что длина синтагм у мужчин больше. В одних и тех же текстах число синтагм и пауз снижается [5, с. 34].

В английском языке характерной особенностью произношения у мужчин является хриплость, а у женщин – придыхательность.

Спектральный анализ показывает, что в среднем голоса мужчин на 18% ниже, чем у женщин. Но эта информация варьируется, исходя из характеристик гласных, таких как тип, ряд и подъём [5, с. 33]. Специфика физиологии определяет высокий тон у женщин. Ряд учёных предполагают, что женская

«застенчивость» и «эмоциональная нестабильность» также играют определённую роль в определении тональности [7].

Анализ потенциального влияния возраста на способность вступать в коммуникацию затруднены. Эти воздействия трудно различить. Значительная доля результатов связана с индивидуальными характеристиками испытуемого, такими как развитость и уровень образования, биография и мотивация, состояние органов чувств, умственное состояние и самочувствие. Общеизвестен тот факт, что речь пожилых людей отлична от речи молодежи. Для языка старшего поколения характерен консерватизм. Речь пожилых людей, главным образом, состоит из слов, которые вышли из употребления. Инновации в области грамматики и лексики в большей степени характерны для детей и молодёжи. Люди среднего возраста склонны придерживаться употребления общепринятых норм языка.

Исследования, направленные на изучение произносительной части речи пожилых людей, свидетельствуют о том, что не составляет труда отличить «старый голос» от «молодого». Характерной отличительной особенностью речи человека, возраст которого 65 лет, от речи человека, который моложе 35 лет, является и манера произношения, и специфические дополнительные шумы, возникающие из-за возрастных девиаций речевого аппарата. Для полностью здоровых людей характерны возрастные произносительные трансформации. Исследования, которые подтверждают это, в качестве базы имеют норму, которая установлена речью представителей среднего поколения. В литературе этот подход именуют «дефицитным», так как он заранее предполагает, что упадок и разрушение речи, характерный для пожилых людей, – это норма. Но это вывод самого изначального теоретического постулата, но не экспериментов [1, с. 83].

Уровень выраженности изменений голоса, связанных с возрастом, связан с рядом факторов. Важная роль принадлежит состоянию организма и образу жизни. Конституциональная и расовая принадлежность также вносят свою лепту. Влияние оказывают и факторы наследственного, социального и экологического порядка.

С течением времени организм человека изменяется. В том числе, снижается плотность костной ткани, происходит ослабление мышечного аппарата, теряется гибкость суставов и эластичность тканей. Трансформируется и голосовой аппарат. Происходит уменьшение жизненной емкости легких. Снимается эластичность скелета грудной клетки. Происходит ослабление мышц шеи и гортани. Как результат, снижается сила голоса. Происходит укорачивание фонационного выдоха. Происходят и изменения лицевого скелета. Мышечный аппарат слабеет, а это – причина снижения артикуляции.

Успех коммуникации связан со способностью слушающего понять интенции говорящего. Значительная роль принадлежит интонации высказывания, с помощью которого говорящий формулирует свои намерения. В ходе фонетического произнесения надо сохранить смысловоразличительные возможности языка и все его артикуляционные тонкости [3, с. 7-9].

Органам артикуляции принадлежит главенствующая роль в организации общения. Собственно артикуляционных органов как таковых не существует. Артикуляция звуков речи – это вторичная функция органов дыхания и глотания,

жевания и обаяния. Эти органы формируют речевой аппарат с точки зрения речепроизводства [2, с. 16].

Характерные возрастные особенности изменения произношения мужской речи связаны не только с атрофией мышечного аппарата речеобразующих органов. Наряду с этим имеет место постепенное окостенение хрящей гортани, происходит снижение их подвижности. Гортань уходит книзу. Происходит формирование более высокого тона голоса у мужчин.

Противоположным является процесс возрастных изменения речетворчества у женщин. Для него характерна атрофия голосовых складок и, как следствие, снижение частоты основного тона.

Речь наиболее подвержена социальному варьированию. Фонетические аспекты языка наиболее широко раскрываются именно в социолингвистических исследованиях. В сфере определенных фонетических переменных различия так несущественны, что часто вызваны шаблонными убеждениями. Отмечают лишь дифференциации по высоте и тембру, которые обусловлены биологически.

Вопрос изучения возрастных изменений в произношении всё еще остаётся актуальным и подлежит дальнейшему изучению, поскольку материальная база практических исследований в данной социальной группе мала. Следует отметить и тот факт, что на данный момент не представляется возможным детальный анализ речи пожилой группы населения в связи с отсутствием конкретных нормативов, на которые следует опираться в процессе исследования.

Список использованных источников

1. Бахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка / Н. Б. Бахтин, Е. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
2. Дубовский, Ю. А. Английская коммуникативная фонетика. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – с. 16.
3. Дубовский, Ю. А. Основы английской фонетики : учебное пособие / Ю. А. Дубовский, Б. Б. Докуто, Л. Н. Переяшкина – Москва : ФЛИНТА, 2009 – с. 7–9.
4. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва : Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
5. Мушникова, Е. А. Гендерный аспект и вариативность звуковых единиц / Е. А. Мушникова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – № 2. – С.32–37.
6. Trudgill, P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society / P. Trudgill. – Harmondsworth : Penguin Books, 1995. – P.62–83.
7. Qi, Pan. On the Features of Female Language in English / Pan Qi // Theory and Practice in Language Studies. – 2011. – Vol.1. – No.8. – P. 1015–1018.

УДК 811.12

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫХ АВСТРИЙСКИХ СМИ

Н. К. Воронцова,

старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности лексики австрийских периодических изданий. Проводится сравнительный анализ употребления национально маркированной лексики и литературной нормы. Конвергентные и дивергентные процессы в современном австрийском медиадискурсе проявляются в соотношении употребления австрицизмов и их эквивалентов тевтонизмов на страницах австрийской газеты *Die Presse*.

Ключевые слова: медиадискурс, австрицизмы, лексическая конвергенция и дивергенция, национальный вариант и языковой стандарт.

Summary. The study deals with the specificity of the vocabulary of Austrian periodicals. The objective was to discover the frequency in the use of certain Austriacisms and their Teutonic equivalents in Austrian newspaper *Die Presse* to identify convergent or divergent processes in the development trends of the German language in Austrian media discourse.

Key words: media discourse, Austriacisms, lexical convergence and divergence, national variant, language standard.

Развитие языка как феномена наиболее ярко отражается в средствах массовой информации, которые обеспечивают связь между жизнью социума и языком. «Обладая высоким престижем и самыми современными средствами распространения, язык СМИ выполняет в информационном сообществе роль своеобразной модели национального языка, он активно воздействует на литературную норму, языковые вкусы и предпочтения» [2]. Таким образом, язык СМИ – это «своеобразный индикатор развития языка как системы» [1, с. 82]. Медиадискурс является одним из наиболее динамичных, постоянно обновляющихся языковых контекстов. Примеры из периодических изданий являются наиболее репрезентативными, так как актуальная общественно-политическая лексика широко представлена именно в ежедневных газетах. Систематическая выборка дает представление о тенденциях в развитии языка с течением времени.

Особенно актуальным в современной лингвистике становится исследование дивергентных и конвергентных процессов развития плюрицентрических языков, что может быть ответом на вопрос о развитии национальных вариантов языка, в частности, немецкого. В австрийском медиадискурсе сконцентрировано все, что отражает различные сферы жизнедеятельности государства и народа. Австрийский национальный вариант немецкого языка, функционирующий в современной австрийской прессе в условиях плюрицентризма, обладает своими специфическими особенностями, но при этом подвергается сильному влиянию немецкого языка ФРГ, как доминантного варианта в немецкоязычном пространстве современной Европы, прежде всего, благодаря большой популярности немецких СМИ. Поэтому, неслучайно Г. Бургер и Г. Леффлер считают язык СМИ отражением плюрицентрической языковой реальности в немецкоязычном пространстве [4; 7].

Целью данного исследования является описание языковых процессов в австрийской прессе, выявление особенностей функционирования австрицизмов и тевтонизмов в текстах современных печатных австрийских СМИ и определение конвергентных и дивергентных тенденций в процессе их функционирования в рамках австрийского языкового пространства. Для нас представляется важным понять, что и почему выбирает носитель определенного национального варианта из инвентаря выразительных средств немецкого языка. Австрицизмы следует рассматривать с точки зрения ареального и социального взаимоотношения, т.е. проследить их употребление на уровне разговорного и стандартного языка на всей территории Австрии или только в некоторых отдельных областях, и какое влияние они оказывают на повседневное общение носителей языка.

При анализе газетных текстов мы обращали внимание на жанр и рубрику. Большинство австрицизмов встречается в передовых статьях, театральной критике, а также в разделе местных новостей. Я. Эбнер так же отмечает довольно частое употребление австрицизмов на страницах спортивных газет или в колонках, освещающих спортивные события, и что, к примеру, язык футбола избавляется от английского влияния, лексика лыжного спорта и тенниса практически не отличается от общенемецкой. Типично австрийскими остаются метафоры разговорной речи, которые довольно широко представлены в языке спортивных комментаторов [5]. Политические репортажи и комментарии, напротив, почти не содержат австрицизмов, так как в основном берутся из международных информационных агентств.

Другой вопрос в оценке газетных статей касается территориальной вариативности языка. Газеты показывают регионально различную языковую концепцию в пределах Австрии с точки зрения употребления диалектных форм. Если венские газеты всегда отличались частыми цитатами диалектов Вены, то для Западной Австрии было типичным употребление литературного языка. Это отличие сохраняется и сегодня, но в меньшей степени.

Для выявления конвергентных и дивергентных процессов в тенденции развития немецкого языка массмедийном дискурсе Австрии были проанализированы тексты австрийской газеты Die Presse. Основанная в 1946 году в Вене, эта газета является одним из ежедневных изданий в Австрии, освещает вопросы политики, экономики, культуры и спорта. Газета относится к числу ведущих австрийских печатных СМИ, на нее часто ссылаются международные издания, когда речь идет о новостях из Австрии.

Объектом исследования послужили австрицизмы, представленные в словаре Duden. *Wie sagt man in Österreich?* Было установлено, что в газетных текстах преобладает примерно 30% от общего числа кодифицированных лексем. Проанализированная лексика является национально-маркированной, поскольку апеллирует к представлениям носителей языка о том или ином явлении национальной культуры. Эту лексику можно условно разделить на три группы: лексика, которая характеризует австрийца как социального субъекта; лексика, описывающая действия австрийца; лексика, представляющая австрийца как субъекта взаимодействия с окружающим миром.

По сравнению с аналогами тевтонизмами, приведенные ниже австрицизмы, обозначающие принадлежность к определенной социальной

группе, профессии, организации, встречаются в газете *Die Presse* намного чаще. В некоторых случаях в тексте употребляются исключительно лексемы, являющиеся, собственно, австрицизмами, например, австр. *Auditor* вместо нем. *Auditeur* (аудитор), австр. *Kommerzialrat* вместо нем. *Kommerzienrat* (коммерции советник), австр. *Lebzelter* вместо нем. *Lebkuchenbäcker* (пекарь, специалист по приготовлению пряников). Некоторые лексемы, относящиеся к этой группе, могут нередко конкурировать со своими аналогами тевтонизмами, при этом австрийский вариант остается более популярным, например, австр. *Rauchfangkehrer* – нем. *Schornsteinfeger* (трубочист), австр. *Lederer* – нем. *Gerber* (кожевник), австр. *Postler* – нем. *Postbeamter* (почтовый служащий), австр. *Finanzer* – нем. *Zollbeamter* (таможенник), австр. *Wahlwerber* – нем. *Wahlkandidat* (кандидат на выборах).

Лексика, описывающая действия австрийца, представлена рядом австрицизмов – глаголами и глагольными фразеологизмами. Физические действия выражены такими лексическими единицами, как *vom Fleisch fallen* – валиться с ног, *abschaffen* – отменять, *anbandeln* – затевать ссору, *schnäuzen* – сморкаться, *pumpern* – греметь, *in Krankenstand gehen* – брать больничный, *tschechern* – напиваться. Группа австрицизмов, которые характеризуют человека как субъекта взаимодействия с окружающей средой, является наиболее многочисленной. В ее составе выделяются единицы, обозначающие фрагменты природной, техногенной и символической среды.

Природная среда существования австрийца отражается в названии растений (*Bockerl, Schöllkraut, Thuje*), животных (*Gelse, Schildkrot, Ganser*), природных явлений, климатических зон (*Au, Eisstoß, Ferner*). Техногенная среда, или этнокультурная, созданная народом среда находит выражение в этнически маркированных названиях:

- зданий и архитектурных элементов (*Durchhaus, Mezzanin, Stiege, Pawlatschen*);
- транспортных средств (*Zille, Patschen, Frächter*);
- инструментов (*Klumpfe, Bloch, Hackstock, Malter*);
- одежды и домашнего текстиля (*Goiserer, Schnür, Fetzen, Tuchtent, Patchen, Leiberl, Gilet, Überwurf*);
- предметов быта (*Mistkübel, Luster, Grand, Schwinge, Wachrumpel*);
- продуктов питания (*Marille, Gugelhupf, Backhendl, Backtrog, Beisl, Jause, Heiden, Karotte, Biskotten, Lüngerl, Semmelbrösel, Melange, Staubzucker, Schnittten, Zwetchke*).

Символическая среда представлена в корпусе австрицизмами, связанными с народными обычаями и религиозными праздниками в Австрии. К этой подгруппе относятся, например, *Stefanitag, Dachgleiche, Fasching, Raunächte, Leopoldi, Kirtag*.

Тенденция к паритетному употреблению австрицизмов и тевтонизмов прослеживается у лексем, схожих по звучанию. Эта фонематическая схожесть делает возможным равноправное употребление австрицизмов и тевтонизмов на страницах австрийских газет и обеспечивает их конвергентность. Кроме того, эти лексемы не имеют четко выраженной этнокультурной специфики, и именно данный фактор обеспечивает интеграцию двух вариантов в дискурсе массмедиа,

например, *Alchimie – Alchemie, Ausbilder – Ausbildner, Büffet – Buffet, Dill – Dille, obligatorisch – bligat, solide – solid, Lüster – Luster, Karren – Karre.*

На основании проведенного исследования можно сделать выводы, что в современном австрийском варианте немецкого языка прослеживается тенденция как дивергентного, так и конвергентного развития, с преобладанием последнего. Лишь треть австрицизмов употребляется в текстах газетных статей, не будучи вытесненными их аналогами тевтонизмами. Конвергенции не подвергается и лексика, отражающая культуру и обычаи народа, реалии быта и жизнедеятельности. Именно лингвокультурный колорит такой лексики обеспечивает ее употребление в текстах австрийских СМИ. Существует так же целый ряд лексем, которые в силу фонетических особенностей употребляются в равной степени. Перспективным остается изучение проблемы влияния прессы на развитие австрийского варианта немецкого языка и его обогащения за счет тевтонизмов.

Список использованных источников

1. Аветисян, Н. Г. Язык СМИ как фактор развития общества / Н. Г. Аветисян // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №4 – С.80 – 85.
2. Алдашева, Г. Б. Об особенностях языка средств массовой информации: статья / Г. Б. Алдашева; Вестник Актюбинского университета им. С. Баишева. – Актюбинск, 2013. [сайт] – URL: <https://articlekz.com/article/12239> (дата обращения: 28.02.2022).
3. Burger, H. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien* / H. Burger // De Gruyter Studium. – 2014. – Band 4.
4. Duden, *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch* / von Jakob Ebner 3., vollst. überarb. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Duden-Verl. – 1998.
5. Ebner, J. *Vom Beleg zum Wörterbuchartikel* [Electronic Resource] / Jakob Ebner – Lexikographische Probleme zum österreichischen Deutsch – Access mode: <http://www.oedeutsch.at/OEDTBIB/120-1995-OEDTSBd2.pdf> (access date: 20.02.2022).
6. Löffler, H. *Germanistische Soziolinguistik* / H. Löffler; Berlin: Erich Schmidt – 2010.

УДК 81.27

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПРОВИНЦИИ КВЕБЕК (КАНАДА)

Д. И. Гордилов,

*аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Население Канады в большей мере является двуязычным, на что оказали влияние многие исторические факторы. Английский и французский

официально признаны государственными языками, имеют равноправный статус, но несмотря на это языковая ситуация в Канаде неравновесная. Большее распространение в Канаде получил английский язык, массовый билингвизм получил распространение в провинции Квебек. **Актуальность** исследования состоит в необходимости постоянного изучения организации языковой жизни Канады, сфер влияния английского и французского языков, степень их взаимодействия и взаимовлияния ввиду постоянно изменяющихся условий жизни. Целью работы является определение особенностей языковой ситуации в канадской провинции Квебек. Новизной данного исследования можно назвать актуальные систематизированные данные касательно функционирования языков в Квебеке. В работе использовался сопоставительный, описательно-аналитический методы.

Ключевые слова: Квебек, Канада, билингвизм, языковая ситуация, интерференция, английский язык, французский язык

Summary. The population of Canada is mostly bilingual, this was predetermined by many historical factors. English and French are recognized as official languages, have equal status, but despite this, the language situation in Canada is not balanced. English has become more widespread in Canada, mass bilingualism has spread in the province of Quebec. The relevance of the study is the need for constant research of the organisation of the language situation in Canada, the spheres of influence of the English and French as well as the degree of their interaction and mutual influence due to constantly changing living conditions. The aim of the work is to determine the peculiarities of the language situation in the Canadian province of Quebec. The newness of this study can be called up-to-date and systematised data on the functioning of languages in Quebec. The comparative, descriptive and analytical methods were used in the study.

Key words: Quebec, Canada, bilingualism, language situation, language transfer, English, French

Языковая ситуация предполагает набор и взаимоотношение используемых на определенной территории различных средств коммуникации. Языковая ситуация может быть рассмотрена шире, в таком случае различают национальную (например, чешскую), государственную (бельгийскую), определенную географически (например, европейскую) или такую, которая обусловлена политическим и идейным сотрудничеством (например, страны Западной Европы).

По мнению В. А. Аврорина, языковая ситуация включает следующие обязательные составляющие: а) социальные условия функционирования языка; б) сферы и среды употребления; в) формы существования языка.

Самой важной составляющей языковой ситуации являются сферы использования языка. Учитывается тематика коммуникации, время и место общения, область общественной деятельности.

Изучение языковой ситуации является важным фактором для осуществления разумной языковой политики. Ученые подтверждают, что национально-территориальное межеевание по языковому признаку наиболее предпочтительно. Игнорирование может быть чревато национальными конфликтами. Американский ученый Уильям Лабов уверен, что объективный

учет языковой ситуации позволит повысить эффективность системы образования, ослабить социальный протест.

На протяжении всей истории развития человеческого общения народы вступали в торговые, военные, экономические, политические, культурные, научные и другие отношения. Языки оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга, что приводит к их изменению. Особую роль в этом процессе играли билингвы. Канада, являясь страной с двумя официальными языками, интересна филологам в плане исследования взаимовлияния и взаимодействия. Канаду можно считать примером массового билингвизма, английский и французский официально признаны государственными языками. Данный факт был закреплен в 1969 году. Создан комитет по официальным языкам, который направлен на продвижение и усиление двуязычия в стране. Контакт двух языков в Канаде активный и достаточно продолжительный. Больше распространение получил английский язык. По официальной статистике сайта Правительства Канады [7] в стране преобладает англоговорящее население (57%), франкоговорящего населения в стране 21%.

Стоит уточнить, что билингвизм больше распространен среди франкоязычного населения в силу определенных факторов. По статистике в Канаде более 44% франкоязычного населения владеют английским языком, в то время как на французском говорят только 17% англоязычного населения. Официальная статистика подтверждает, что за последние десятилетия количество билингвов в Канаде значительно выросло. Заметным является и рост числа молодых канадцев (2,5 миллиона), изучающих второй язык. Приоритетным направлением языковой политики Канады является развитие двуязычия. Билингвизм в Канаде распространен неравномерно. Филолог-исследователь О. В. Матвеева [3] пишет о том, что результат языкового контакта может быть разным и зависит от степени и продолжительности взаимных контактов. Как следствие, происходит обогащение словарного запаса.

Районами компактного проживания франкоязычных канадцев являются провинция Квебек, Нью-Брансуик и Онтарио. В это же время, англоязычные канадцы проживают по всей стране. Ученые констатируют существование «глубоко английской» Канады, «глубоко французского Квебека» и «двуязычного пояса» – зоны франко-английского адстрата, включающей северо-восток Онтарио, западные регионы Квебека и Акадии (провинции Новая Шотландия и Нью-Брансуик).

Провинция Квебек – официально одноязычная провинция Канады. Это благоприятно влияет на сохранение канадского варианта французского языка. Исследователями отмечается неоднородный характер заимствований из английского во французский. В основном заимствуются слова и выражения, связанные с политикой, экономикой, бытовой сферой. Франкоязычные канадцы, пытаясь сохранить французский язык от англицизмов, вводят в свой словарь неологизмы и заменяют ими существующие английские термины. Чаще заимствования встречаются в речи молодежи.

Исследование Поля Белана (Paul Béland) 2014 года о функционировании французского языка как рабочего в Квебеке показало, что 82% работников используют французский, 6% – французский и английский и 12% – чаще говорили на рабочем месте на английском языке. Государственный сектор: 88%

работников использовали французский, 3 % использовали оба языка и 9 % использовали английский. В государственных учреждениях 95 % работников разговаривали на французском языке, в области медицины пользовались французским – 88 %, в системе образования – 82% [6].

В монографии Г. М. Вишневской и А. А. Абызова дан комментарий относительно положения французского языка: «Французский язык в Канаде представляет собой «языковой остров», или языковой эксклав, полностью окруженный ареалом английского языка и существующий на территории страны де-юре и де-факто» [2, с. 5]. Вышеупомянутыми авторами вводится термин «канадский языковой разлом». Его следует понимать как взаимодействие двух официальных языков и в то же время стремление каждого сохранить свою самостоятельность и развитие.

На лексическом уровне многие исследователи отмечают наличие в канадском национальном варианте французского языка большого количества заимствований и калек из английского языка. По мнению У. Вайнрайха, главным условием для лексического заимствования является «ощущение лексического дефицита» [1]. Встречаются англицизмы из сферы политики, экономики, бытовой сферы. В исследовании Н. В. Трещевой [4] была предпринята попытка классифицировать заимствования в национальном варианте французского языка. Выделяют следующие категорий англицизмов: неизменяемые; адаптированные; гибридные; усеченные; кальки и семантические англицизмы.

Более 70 % франкоговорящих канадцев считают, что официальное признание двух языков – это важная составляющая понятия того, что значит быть гражданином Канады. 84% считают, что изучение английского и французского приводит к лучшему взаимопониманию среди населения.

Список использованных источников

1. Вайнрайх, У. Языковые контакты : Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх – Киев : Вища школа, 1979. – 263 с.
2. Вишневская, Г. М. Канадский языковой разлом : Научное издание / Г. М. Вишневская, А. А. Абызов. – Иваново. : Издательский центр ДИВТ, 2016. – 200 с.
3. Матвеева, О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации : специальность 10.02.19 «Теория языкознания» : дис. канд. филол. наук / Ольга Владимировна Матвеева. – Саратов, 2005. – 216 с.
4. Трещева, Н. В. Типологические особенности заимствованных языковых единиц (на материале английских заимствований в канадском варианте французского языка) : дис. канд. филол. наук : 10.02.19 «Теория языкознания» / Наталья Васильевна Трещева. – Белгород, 2007. – 160 с.
5. Чиршева, Г. Н. Двужычная каммуникация / Г. Н. Чиршева. – Череповец. : Череповецкий государственный университет, 2004. – 189 с.
6. Béland, P. L'usage des langues au travail dans le secteur public au Québec en 2011. Un portrait statistique. Québec / Paul Béland // Conseil supérieur de la langue française. – 2014. 59 p.
7. Statistics on official languages in Canada [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/services/official-languages-bilingualism/publications/statistics.html>. (Access date: 28.02.2022).

**КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВА, ЧЕЛОВЕКА И ЯЗЫКА В КНИГЕ
«ПРИРОДА, ИСКУССТВО И ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЕ
ПОСЛАНИЯ» Ф. ТИРАСКИ И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ НА
СЕМИНАРАХ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Т. П. Минченко¹, Ф. Тираски²,

¹Таврическая академия,

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

²Издательство Naxios, Афины, Греция

Аннотация. Первая часть статьи раскрывает содержание понятийных значений «Человек» (Антропос), «Искусство» и «Язык» с помощью греческого алфавитного кода Теологоса Симеофороса и опирается на идеи, изложенные в книге «Природа, искусство и подсознательные послания» Ф. Тираски. Показаны принципиальные отличия современной системы образования, ориентированной на «специализированные знания», и Истинного Образования (Αληθινή Παιδεία), посредством которого два полушария мозга уравниваются и гармонизируются путем соединения этических, логических и эмоциональных аспектов образования. Отмечается, что формирование критического мышления (Κριτική Σκέψη) основано на Истинном Образовании.

Во второй части представлены некоторые результаты применения этой концепции в процессе преподавания экспериментального курса «Теоретическая и практическая философия» в университетском образовании. Предлагается изменить структуру образования.

Ключевые слова: человек, искусство, язык, ноосфера, теоретическая и практическая философия.

Summary. The first part of the article reveals the content of the conceptual meanings "Man" (Anthropos), "Art" and "Language", by using the Greek Alphabet Code of Theologos Simaioforos and it is based on the ideas set out in the book "Nature, Art and Subconscious Messages» by F. Tyraski. The fundamental differences between the modern education system that is focused on "specialized knowledge" and True Education (Αληθινή Παιδεία) through which the two hemispheres of the brain are balanced and harmonized by connecting the ethical, logical and emotional aspects of education, are shown. In this part, it is noted that the formation of critical thinking (Κριτική Σκέψη) is based on True Education.

The second part presents some results of the application of this concept in the teaching of the experimental course "Theoretical and Practical Philosophy" in university education. It is proposed in order to change the structure of education.

Key words: Man, Art, Language, Noosphere, Theoretical and Practical Philosophy

Древнегреческий философ-досократ Демокрит определял слово «АТОМО» («атом»), означающее «неразрезаемый», мельчайшую частицу материи, которую нельзя разрезать или разделить, потому что, если ее разрезать, она разрушится или потеряет его особенности. Этимологически слово АТОМО происходит от А (не) + ТОМН (вырезать), что означает «не резать». То же самое греческое слово «АТОМО» обычно используется сегодня современными греками для обозначения «человека». Это не странно, так как логическая и математическая структура греческого языка определяет «человека» как единицу, которую нельзя разрезать, потому что тогда она будет уничтожена.

Современное Образование потеряло ориентацию на смысл Истинного Образования, поощряя специализацию и разделяя интеллект человека на части вместо того, чтобы объединять их. Истинное Воспитание («Αληθινή Παιδεία») рассматривалось древними как основа Культуры, способной мысленно преобразовать «Человека» в «Антропоса».

Данная статья является продолжением исследования, опубликованного в Трудах VI Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» в 2021 году, на этот раз в связи с проблемами образования [8].

Два полушария головного мозга

Человеческий мозг разделен на два больших полушария, где правое полушарие записывает изображения и идеограммы, обрабатывая формы и символы, а левое полушарие записывает письменный язык и обрабатывает слова. Обычно с 5-летнего возраста либо одно, либо другое полушарие становится доминирующим, мало случаев, когда люди сохраняли баланс между обеими сторонами.

По мнению ученых, каждое из двух полушарий мозга отвечает за разные задачи:

- Левая сторона занята аналитическим мышлением, логикой, языком, рассуждением, наукой и математикой, обработкой текста, числовыми навыками, алфавитным письмом и управлением правой рукой.
- Правая сторона занята осознанием искусства, творчеством, фантазией, интуицией, пронизательностью, целостным мышлением, музыкальным восприятием, обработкой трехмерной формы, распознаванием лица и управлением левой рукой [6; 34; 35].

Большинство научных доказательств асимметрии функций мозга относится к перцептивным функциям низкого уровня, а не к более широко обсуждаемым исполнительным функциям (например, подсознательная обработка грамматики, а не «логическое мышление» в целом) [13; 15].

Разум – это «инструмент» с удивительными возможностями, но некоторые силы не хотят, чтобы большинство людей были свободными умами, использующими хотя бы часть этих возможностей, потому что тогда их сложнее контролировать. Контроль и власть над другими – цели любой авторитарной системы. Как только достигается контроль над разумом и, следовательно, над людьми, все остальное выходит на заданные орбиты. Потому что человек контролируется или самоконтролируется своим умом.

Современное образование vs истинное образование

Приведенная выше информация подсказывает, почему у древних греков было целостное представление о науке и образовании. Современный способ обучения имеет тенденцию перегружать умы учащихся большим количеством информации, хотя большая часть этих знаний оказывается бесполезной в повседневной жизни, а поскольку существует мало связей, связывающих загружаемые данные, очень скоро большая часть информации переходит в забвение.

Этот вид образования отличается от Истинного Образования тем, что его аспекты со временем забываются. Также следует учитывать тот факт, что хотя правительствами и глобальными организациями управляют высокообразованные люди, мир по-прежнему страдает от финансового, политического, социального, энергетического и климатического кризиса, безработицы, преступности, голода и войн. Хотя наше технологически развитое общество имеет все средства, чтобы изменить жизнь людей к лучшему, лидеры предпочитают иной вариант. Если бы образование людей было Истинным, мы бы жили в другом мире.

Результаты Истинного Образования (Αληθινή Παιδεία) приводят к:

- Критическому Мышлению (Κριτική Σκέψη) и Различению (Διάκριση), научившись различать полезные знания, которые продвигают Интеллект на более высокие уровни, а также проясняют границы между Добром и Злом, Добродетелью и Злобой.

- Уравновешиванию двух полушарий мозга путем соединения музыки с терапией, гармонии с математикой, энергии с геометрией, философии с физикой, поэзии с теологией, искусства с мифами (Λόγος), символов со значениями слов и т.д., раскрывая их тайные связи. Расшифровка визуальных стимулов вместе с их связью с языком может создать действительно «умных» людей. Греческое слово «ΕΞΥΠΝΟΣ» (интеллигентный, умный), этимологически означает «έξω από τον ύπνο» (вне сна). Доказано, что умным человеком является тот, кто способен извлечь из подсознания необходимую информацию как можно быстрее.

- Откровению Истины. Истина (Αλήθεια) – высшая цель для духовных искателей. Греческое слово ΑΛΗΘΕΙΑ (Α + ΛΗΘΗ = όχι λήθη) означает «незабвение», поэтому Истина – это знание, напоминающее человеку о его божественном происхождении и дающее путь к его возвращению назад, в то место «незабвения»/«όχι λήθη», где нет «ошибки»/«όχι λάθος» [18].

- Самопознанию (Γνώθι Σαυτόν), обладая целостным взглядом на мир, распознавать разбросанные вокруг знаки и идти по внутреннему пути. Человеку необходимо узнать, что находится внутри его подсознания, узнать свои пределы и позитивно работать, чтобы добиться внутренней гармонии и душевного равновесия.

- Всеобъемлющему использованию разума путем изучения способов разблокировки, поиска и соединения массивных данных, хранящихся в подсознании, чтобы иметь возможность использовать их и извлекать из них пользу. Эти данные уходят в забвение, как правило, бессвязные и хаотичные.

- Этике и Добродетели, указывая на Истинные Ценности жизни и выделяя Ум как Возничего, крепко держащего поводья своей колесницы, управляющего лошадьми своей Души (τα άλογα μέρη της Ψυχής). Этот аспект Истинного Воспитания побуждает человека выбирать Добро вместо Зла, подготавливая его

к путешествию по Пути к Добродетели, давая ему силу, терпение, храбрость и духовное «оружие», необходимые для этого путешествия.

Книга

В книге Ф. Тираски «Природа, искусство и подсознательные послания» [38] задействованы два вида Кодов, оба используемые в поисках Истины. Человеческий разум – это живой «компьютер», поэтому, как он приводит все в порядок с помощью «кодов», точно так же его перепрограммируют. Читатель поймет основные механизмы того, как визуальные стимулы воспринимаются разумом в закодированном виде, а расшифровываются только с помощью изначального Кода визуальной коммуникации. Этот Код известен во всем мире и десятилетиями преподается студентам факультетов искусств в университетах и художественных школах [21]. Как только кто-то разблокирует этот код, никто больше не сможет обмануть его разум, по крайней мере, с помощью глаз. Это подтверждение является спусковым крючком, который побуждает ум постоянно быть в курсе визуальных стимулов, поддерживая сознание на высоком уровне.

Кроме того, эта книга знакомит с использованием греческого алфавитного кодекса Т. Симайофороса [22; 25] в качестве понятийного инструмента, помогающего извлечь больше скрытой закодированной информации из слов и мифов.

Код визуальной коммуникации относится к правому полушарию мозга, а код греческого алфавита относится к левому полушарию. При их совместном использовании откровение знаний становится большим сюрпризом не потому, что кто-то собирает новые знания, а потому, что устанавливается множество связей между данными, которые он уже сохранил. Эта процедура помогает лучше организовать мысли и восстанавливает способность памяти.

В первой части книги представлен код визуальной коммуникации путем анализа конкретных значений, передаваемых человеческому разуму простыми линиями и основными формами, а также цветами. Влияние, которое они оказывают на человеческий мозг, является каталитическим и всеохватывающим, начиная с природы и распространяясь на все аспекты человеческой жизни: архитектуру, украшения, искусство всех видов, фильмы, мультфильмы, телевидение, рекламу, упаковки продуктов, одежду, волосы и многое другое [38].

Во второй части книги представлен философский подход к миру и предлагаются некоторые взгляды под особым углом, чтобы расширить горизонт того, что истинно, а что ложно. Также представлено исследование о связи между графами букв греческого алфавита и их соответствием их названиям, их значениям (согласно коду греческого алфавита) и коду визуальной коммуникации. Вывод состоит в том, что греческие буквы больше похожи на «идеограммы», поскольку их формы и значения относительно соответствуют друг другу. Это признание создает базовый мост между двумя полушариями, поскольку формы (правое полушарие) связаны с языком и значениями (левое полушарие) [39].

Слово «символ» («σύμβολο») весьма показательна в греческой этимологии, так как оно происходит от слов «σύν + βάλλω», означающих «части, соединенные, столкнувшиеся, установленные или соединенные». Символ всегда

связан с изображением или рисунком (правое полушарие), которое представляет определенный смысл (левое полушарие).

Общество и общение

Значение Общения гораздо глубже, чем мы думаем, и греческие слова могут это доказать. Сначала должно быть представлено слово ΚΟΙΝΩΝΙΑ (Общество), чтобы в итоге представить ΕΠΙΚΟΙΝΩΝΙΑ (Общение), так как Общество является основой Общения.

Общество / «Κοινωνία» означает «Κοινός Νους και Νόμος» (Общий Разум и Закон), то есть совокупность людей с общим менталитетом и общими законами, принятыми всеми.

Коммуникация / «Επικοινωνία» (ΕΠ+κοινωνία) устанавливается «от общества» и зависит от него. Ведь без существования людей с единым Разумом и едиными Законами общение не может существовать, ибо нет согласия и согласия (ομόνοια = ὁμοίος νους) [38].

Язык и код греческого алфавита

В Древней Греции, кроме помощи воспитателей, педагогов или философов, посвящения в мистерии были еще и способом разгадывания некоторых сторон человеческого существа. Хотя это знание утеряно, большая часть информации преднамеренно скрыта в значениях слов для того, чтобы ее открыли будущие поколения, когда они будут духовно готовы. У древнегреческого мира была одна веская причина для интеллектуального процветания, поскольку использовался общий язык. Язык, который при правильном использовании не оставляет сомнений в значениях и может нести точные и ясные сообщения. Это контрастирует с современным использованием языков, поскольку во всем мире наблюдается изменение значений значимых слов, вызывающее разочарование и непонимание среди людей. При деформации языка нарушается общение, и люди остаются без истинного образования, веря во что угодно «во имя свободы», поэтому неизбежно замыкаются в обществе. Путаница истинного значения слов ведет к краху общества и создает совершенных рабов в разуме, духе и теле.

Решением глобальной проблемы измененных значений, с целью их исправления, является обращение к словарю древнегреческого языка и этимологии [17; 19; 20; 23; 24; 33]. Греческий язык был дан нам в совершенстве и не нуждается ни в каких изменениях, дополнениях или новых правилах для «улучшения». И, конечно же, греческий язык предоставляет множество значений, даже описывая значения с тонкими различиями между ними, а также дает возможность образовывать новые сложные слова, когда это необходимо.

Еще одной причиной использования греческого языка в качестве инструмента познания является Код греческого алфавита Т. Симайфороса [22], который основан на древнегреческом языке и соответствует как древнегреческому словарю, так и этимологии. Код Греческого Алфавита охватывает в расшифровках весь спектр «выражений» этого Языка, начиная с Букв и заканчивая Словами, Именами, древними текстами и Мифологией.

Согласно философскому методу Т. Симайфороса «ЭЛЛИН ЛОГОС» (ΕΛΛΗΝ ΛΟΓΟΣ) [37; 26; 27; 28; 29; 30; 31], в мифологических рассказах могут быть представлены антропоморфные персонажи, имитирующие человеческое поведение, с целью сохранения информации в долгосрочной перспективе, но в

действительности они повествуют о космогенных процессах взаимодействия духовных и физических сил. Помимо наивных «мифов», которым часто не хватает логической последовательности, имена выступают в качестве ключевых слов, поэтому, даже если история изменена, информация не теряется. Сегодня использование Кода открывает значения, которые передают космогенное, научное или теологическое знание.

От «человека» к «антропосу»

Говоря о людях Общества, которые Общаются друг с другом, значение слова «Ἄνθρωπος» (Человек-Человек) нельзя игнорировать, так как оно таит в себе много скрытых тайн, которые нужно раскрыть. Согласно Etymologicon Magnum, слово «Ἄνθρωπος» (Человек) происходит от «ἄνω θρεῖν» или от «ἐναρθρον ἔχει τὴν ὀπα (φωνή)»/ «тот, кто использует артикулированную речь – язык».

Другая версия значения, упоминаемая в платоническом диалоге «Кратил», сообщает нам, что слово, возможно, произошло от слияния словосочетания «ἀναθρῶν ἃ ὄπωπε», что означает «тот, кто думает о том, что он видит»/«αὐτός που αναλογίζεται αὐτά που βλέπει».

По другой версии, слово ΑΝΘΡΩΠΟΣ (ΑΝΗΡ+ΟΨΗ/ЧЕЛОВЕК+ЛИЦО) описывает «того, кто имеет лицо человека», так как этим бесполом словом «Ἄνῆρ/Человек» описывается человеческое существо во времена Гомера, включая представителей обоих полов.

Стоит проанализировать латинский термин «Номо», от которого произошло слово «Human» и который в большинстве европейских языков используется для определения Человека и Человечества. Слова «Номо» и «Human» относятся к Numus = Χῶμα (Почва).

Согласно Коду греческого алфавита, ΧΩΜΑ означает вкратце: (Χ) почвенное тело, (Μ) в видимой природе. Как мы видим, в романских языках слово Номо-Human-Numus было выбрано для обозначения физической субстанции человека, так как это факт, что человеческое тело, помимо того, что на 70% состоит из воды, остальные 30% составлены из веществ, составляющих почву земли («Пепел к праху и прах к праху» / «Χοῦς εἶ καί εἰς χοῦν ἀλελεύσει»)!

Но человек – это не только почва и вода...

В словах для термина «антропос» есть еще один скрытый сюрприз, выраженный в простом вопросе «Откуда ты?», когда его спрашивают по-гречески «Από πού κατάγεται;». Конечно, каждый может дать в качестве ответа на этот вопрос место, где он родился (Австралия, Греция или Россия...), но, по сути, удивительно то, что вопрос на греческом языке содержит в себе и ответ! Аналитически повторяя вопрос: «Από πού κάτω άγεται;» (Откуда вас гонят вниз?). Примечание: греческий глагол «άγωμαι» означает «меня ведут к», «меня ведут». Ответ: «Но, естественно, я иду свыше, с Небес, происходящий от Света и Отца!». Такую же интерпретацию дают такие же слова, как «προέλευση» (происхождение) и «προέρχομαι» (происхожу из). «Проέλευση», то есть слово «происхождение» (источник, корень) европейских языков, с -Про- означает «огонь, текущий в определенном пространстве», а в слове «происхождение» с -R- и -G- различают «поток света на земле».

Используя код греческого алфавита, информация извлекается из слова ANΘΡΩΠΟΣ на многих интеллектуальных уровнях. При расшифровке букв даются следующие значения:

AN = Первичный Разум – Интеллект

Θ = то, что рассматривается

P = поток

Ω = на планете

Π = как огонь

Ος = в определенном пространстве или теле

При аналитической расшифровке даются следующие значения:

(AN) разум, который (ΘΡΩΠΟΣ) исцеляет, то есть «Νους Θεράλων»/«Ум, который исцеляет», а также «Разум, выражающий порождающее Слово». Следовательно, человек может лечить разумом, через Слово [32]. Для человека, как небесного и духовного существа, которым он является, его привязанность к материи губительна.

Если же нарушается естественная иерархия человеческого существования, его целостность и осознанность, то это приводит к «антропологической катастрофе» [7], которая лежит в основе глобальных проблем и катастроф современности.

Что такое искусство?

Чтобы иметь уравновешенное и здоровое общество, необходимо, чтобы законы соблюдались в соответствии с Общим Разумом (Νοῦς). Исходя из этого, мы можем легко понять, почему человеческие общества распадаются. Мы должны иметь в виду, что каждый шок, который получает общество, напрямую влияет на культурные факторы (художественное и культурное образование, качество или количество событий, зарплаты художников и т. д.), а также на культурные результаты или «продукты» (произведения искусства), новые виды музыки, ритм и танец, здания и т. д.). однако зарождение всех видов искусства, прежде всего, связано непосредственно с природой и окружающей средой, глубоко и решающим образом воздействующей на человека. Из-за этого крайне необходимо, чтобы он осознал значения природных и искусственных структур, которые его окружают, основные линии, формы, цвета, а также звуки, которые вибрируют в его жизни.

О. Хаксли 60 лет назад предупреждал об опасностях для человечества, исходящих от создания деспотического общества. Общество, в котором государственная власть превратит большую часть населения в двуногих с избирательными способностями, не способных реагировать эмоционально, мыслить рационально, воспринимать и осознавать, что значит быть человеком. В лекции, прочитанной им в Университете Беркли в 1962 г., он, среди прочего, сказал, что, изменяя окружающую среду, достигается воздействие на человека [11;14;16].

Согласно греческому словарю родственными словам «Искусство» (τέχνη) являются «τέκνο» (ребенок), «τίκτω» (родить), «τεχνάομαι» (творить с умением), «τέκτων» (мастер).

Используя код греческого алфавита, мы получаем следующую информацию:

ΤΕΧ-Ν-Η = (Искусство) = разум рождает и раскрывает,

Т-ЕХ-Н-Н = I закрепляю то, что имею в виду, и раскрываю это.

В словаре «Etymologicon Magnum» сказано: Τέχνη или Τεχάνη (искусство) происходит от глагола «τεύχω», то есть «изготавливаю».

Согласно другим словарям «τεύχω», помимо «изготавливать», означает также: «делать», «строить», «производить», «создавать», «разрабатывать», «формировать» и другие родственные слова. Завершая эти данные, используя код греческого алфавита, Т-ЕУ-ХА-НН означает: «Я Объединяю ЕУ (добро) в моем земном теле и моем разуме, и я открываю его».

Самые популярные слова для Искусства – ВЫРАЖЕНИЕ и ОБЩЕНИЕ. Если мы будем искать истинные корни Искусства, мы обнаружим, что Искусство есть результат размышлений.

Окружающая среда, безусловно, является источником всех стимулов в жизни человека на каждом уровне (включая базовые потребности выживания, мобильность, знания, артистизм, культуру, сексуальные обычаи и менталитет, технические достижения).

Художественная деятельность человека обычно имеет получателей, которых либо много, либо один, это не имеет большого значения. Художник, безусловно, выражает свои внутренние чувства, и некоторые люди получают это сообщение. Таким образом достигается коммуникация, и из этого внутреннего действия, ставшего выражением и завершившегося общением, всегда возникает какая-то реакция публики на художника. Так, художник получает аплодисменты, энтузиазм, критику, безразличие, неприятие и т. д., и с этой реакцией завершается его художественное достижение [38].

Искусство следует законам природы, которые соответствуют линиям, формам и цветам в том виде, в каком их понимает человеческий мозг. Как и в языке, когда человек нарушает законы природы в своем вербальном общении, это приводит к недопониманию.

Концепция Красоты в Искусстве и ее важность для древних греков не были полностью поняты культурами, пытавшимися подражать ценностям древнегреческого искусства. Передача Каллоса (Κάλλος) для древних никогда не была направлена на изображение природной красоты, но с помощью природной красоты изображала высокие духовные ценности, психическое величие, Божественное, а также содержала символику, направленную на духовное восхождение и возвышение души. Каллос есть «инструмент» для приближения к Прекрасному (Ωραίο), Великому (Μεγάλο) и Истинному (Αληθινό), то есть проявлениям Божественной сущности Человека. Итак, сегодня, унизив использование этих инструментов Каллоса и Красоты, мы характеризуем как «Искусство» уродливое, аморфное, излучающее зло, жестокое, отвратительное, «дерзкое», «чудаковатое», извращенное, бесовское и, собственно, в этих допустимых выражениях современного искусства любая критика и вопрошание почти недопустимы.

Если инициатическое знание Муз могло что-то предложить, так это учение о том, как правильно человеку использовать свое искусство и свои дары, освещая себя и окружающих, излучая духовный свет Целому.

То, что люди сегодня называют «искусством», пробуждает и возвышает страсти, эмоции и ощущения, сжимая человека, заставляя его оставаться в низших духовных сферах. В этом большая разница между тем, как древние

греки подходили к искусству. Возвышая Божественное, сущность поднимается на более высокие духовные уровни, стремясь достичь его. Прославляя страсти и эмоции, человек остается в ловушке их и их порочного круга.

Однажды я прочитал мнение, в котором проповедовалось: «Искусство имеет смысл только тогда, когда оно восхваляет Божественное». Иоганн Себастьян Бах также заявил: «Музыка существует только для восхваления Бога и ликования души». Способность приблизиться к Божеству через Искусство – это вопрос Образования. Душа и Дух не возвышаются, если не обучают Этосу и Добродетели. Ум не культивируется и чувства не успокаиваются, если не учат Каллосу и Красоте. Нельзя использовать свои таланты, излучающие Свет, если он не обучен Пути, даже если дар появился либо с Просветлением, либо с Откровением...

Так кто восхваляет Свет, тот к Свету ведет. Если он восхваляет Зверя, то и к Зверю приведется... [39].

Что такое «миф»?

Древнегреческий словарь определяет «миф» как «слово», «речь», «говорение», «рассказ», «план», «говорение», «совет», «порядок», «намерение» и другое [18].

Существующих до сих пор древнегреческих текстов, при правильном использовании, достаточно, чтобы просвещать людей и реабилитировать их общества. Басни Эзопа учат Этосу и Добродетели совершенно особым образом, хотя этот способ обычно используется в современных развлечениях, поскольку во многих мультфильмах животные разговаривают с другими животными или людьми. Дельфийские максимы охватывают весь спектр законов, необходимых человеку для уравновешенного внутреннего «я», хорошей жизни и справедливого общества. Даже если бы их осталось на земле всего 10, как духовной базы нового общества, все равно они помогли бы создать честные и добрые отношения между людьми. Расшифровывая греческую мифологию, мы открываем врата в неизвестный мир скрытой научной информации, которую только сегодня можно признать таковой.

Тот факт, что греческую мифологию можно расшифровать, предполагает существование древней цивилизации, которая стремилась передать знания будущим поколениям. Греческие мифы очень хорошо спланированы, чтобы путешествовать во времени на тысячи лет и передавать четкие многоуровневые сообщения тем, кто готов раскрыть свои тайны. Миф «путешествует» через речь или письмо, используя слова (левое полушарие), но стимулирует фантазию, создавая образы (правое полушарие). При использовании правильного кода образы, нарисованные речью, декодируются вместе с ключевыми словами (именами героев, мест или объектов), задействованными в мифе. Следует принять во внимание, что в греческом языке существует идеальное соответствие между «означающим» и «означаемым», поэтому результатом расшифровки греческого мифа является завершение логического рассказа, открывающего поразительную информацию, которая может иметь богословский, моральный, научный или даже пророческий характер.

Среди греческих мифов можно найти пророчества о человечестве, которые намекают нам на

- «Спасение» (Освобожденный Прометей, конец Геракла),

- Падение человека (Фаэтон, Позор Иксиона, Минос и рождение Минотавра, Прометей Пирофор),
- эффекты современных развлечений (миф об Улиссе и сиренах),
- в то время как контроль над подсознанием (Лабиринт) берет на себя Тесей, к тому времени, когда он устраняет свои дикие инстинкты (Минотавр) и использует Нить для создания необходимых связей.
- Миф о Лернейской Гидре учит нас, как различать Истинное Знание среди огромного количества информации, которая есть повсюду, но касается только этого мира, так как это огромное количество информации смущает и отдаляет человека от его Божественного происхождения.
- Заключенная в тело душа и ее перевоплощение снова и снова мистически раскрыты в мифах об Иксионе и Прикованном Прометее.
- Чернозадый Геракл показывает, как обращаться с людьми с низкими духовными или интеллектуальными качествами.
- Немейский лев означает полученное божественное озарение и признание установленных в этом мире божественных Законов, которые человек должен принять во внимание и использовать как «оружие». Этот Лев несокрушим, так как его значение связано с психическими функциями. Ноуса нельзя убить...

Еще так многому можно научиться у греческой цивилизации, которая постоянно излучает необходимый Свет для реформы лучших обществ, хотя, конечно, не продвигает идею существования только одного массивного мультикультурного общества. Термин «мультикультурное общество» является самоотменяемым термином, поскольку многие культуры вместе не могут иметь Единого Разума или подчиняться Единым Законам. Если они это сделают, то особый цвет и неповторимый аромат каждой Культуры будут потеряны.

Люди Просвещения служат культуре и не хотят причинять вред какой-либо цивилизации. Решающее значение для формирования целостного мировоззрения имеют преподаватели вузов, учителя, а также воспитатели детских садов, которые держат в своих руках будущее человечества...

Забытые ценности предыдущих образовательных систем

Обращаясь к историческому потенциалу российского образования в этом аспекте, следует отметить, что русская дореволюционная система образования включала в себя ключевые аспекты целостного образования-воспитания, формировавшегося на восприятии греческой традиции, начиная с первого высшего учебного заведения в России – Славяно-греко-латинской академии, а также с появлением первых светских государственных учебных заведений в эпоху преобразований Петра I.

В программах вузов предусматривались, помимо прочего, полноценные курсы греческого и латинского языков, логики, предметов, формирующих эстетическое восприятие в различных областях. Учебники курса были написаны ясным, базовым языком. Советская система образования, несмотря на официальный воинствующий атеизм и идеологизацию, опиралась на концепцию целостного воспитания гармоничной личности. В частности, университетское образование было системным и включало полноценные курсы философии, логики, этики и эстетики. Высшее образование в СССР было бесплатным и доступным для людей, имевших на это возможность. Большое внимание уделялось развитию ответственности, эстетическому развитию, воспитанию

самоорганизации, нравственному, экологическому, правовому воспитанию [5, с. 74].

С 1992 года высшее образование в России прошло несколько этапов качественных изменений, включая переход на многоуровневую систему и стандартизацию образования. С 2003 года система высшего образования в России развивается в рамках Болонского процесса.

В целом прослеживается тенденция отхода от принципа системности и целостности образования.

Постепенно предметы, формирующие целостное восприятие (философия, логика, этика, эстетика), были либо значительно сокращены, либо исключены из учебных программ вузов. При определении стратегии обучения навязывается модель, формирующая «частичного» человека, как винтик в капиталистической системе воспроизводства. Финансовая, технократическая составляющая доминирует над этической и эстетической сферой. Хотя тот же бизнес, за исключением последних аспектов, конфликтогенен и, в конечном счете, экономически бесперспективен.

Существенные коррективы в жизнь вузов с марта 2020 года внесла резкая смена очного формата обучения на длительные периоды так называемого «дистанционного», что значительно снизило качество обучения, качество коммуникации между студентами и преподавателями и сокурсниками.

Экспериментальная программа

Концепция, изложенная в книге Ф. Тираски «Природа, искусство и сообщения подсознания» [38; 39], а также методика повышения гуманитарной компетентности [12] и концепция эмоционального обучения, разработанная на уровне лицейского образования [10], использовалась при реализации экспериментальной программы «Теоретическая и практическая философия», принятой в I в. год КФУ в объеме 72 аудиторных часов по различным специальностям.

В феврале 2022 года Светленский губернаторский лицей, на базе которого более 20 лет реализуется концепция эмоционального обучения, получил статус Федеральной инновационной платформы Минобрнауки России, основная задача которой заключается в разработке педагогической модели «Эмоционального воспитания» и механизмов ее реализации в образовательных учреждениях страны [4].

Структура предметов в лицее организована таким образом, что вместо 3-4% учебного времени в обычной школе на предметы, развивающие целостное восприятие и культуру (изобразительное искусство, музыка, хореография, физкультура и др.), включая годичный курс теоретической и практической философии, здесь предусмотрено 20% учебного времени. Кроме того, в лицее имеются лаборатории (например, лаборатория изучения физических и интеллектуальных ресурсов человека и поиска резерва их развития; лаборатория изучения эффектов влияния духовного наследия на развитие цивилизации; лаборатория изучения резервов долголетия человека; лаборатория поиска новых источников энергии и др.), где лицеисты развивают свой творческий научный потенциал в стратегически актуальных областях [9].

При этом лицеисты демонстрируют лучшие знания по таким предметам, как физика, математика, химия и др., чем школьники, обучающиеся по типовым программам.

Кроме того, особое внимание при формировании содержания курса «Теоретическая и практическая философия» уделялось идеям В.И. Вернадского не только в связи с тем, что КФУ носит его имя, но и в силу особой значимости для целостной системы образования его концепции ноосферы, а также условия формирования ноосферы, которая, по мнению В. И. Вернадского связаны с развитием органических способностей человека, а не с «техническими костылями», не с «цифровизацией» [1; 2].

Программа курса включает 2 модуля. В первом модуле изучаются формы и законы логического мышления, основы критического мышления, во втором – рассматриваются основные проблемы философии (аксиологические, антропологические, онтологические, гносеологические, методологические, социально-философские и др.), рассматриваемые через призму философских идей как в произведениях мыслителей, так и через анализ художественных произведений, в которых выражены философские концепции и идеи.

При сопоставлении разных форм мировоззрения (мифологического, религиозного и философского) было обращено внимание на то, что, несмотря на доминирование разных познавательных способностей в каждой из этих форм, в любом типе мировоззрения существует возможность целостного восприятия мира и человека, а также возможность ограниченного догматизма. Подчеркнута особая функция мифа, связанная с передачей глубинных культурных смыслов, «закодированных» в образах, концентрирующих эмоции в космическом масштабе.

Помимо традиционных форм промежуточной и итоговой аттестации, на практических занятиях студенты подготовили презентации для группового обсуждения индивидуального творческого задания – презентации любимого художественного произведения, в котором выражена философская мысль.

По окончании курса «Теоретическая и практическая философия» среди студентов были проведены исследования, в том числе вопросы о том, какое представление об основных мировоззренческих проблемах у них сформировалось в результате курса, какая форма обучения оказалась более эффективной и т.д.

Результаты

По результатам занятий по программе «Теоретическая и практическая философия», с учетом изучения мнений студентов, можно сделать следующие выводы:

- При сравнении результатов практики по методике повышения гуманитарной компетентности и эмоционального воспитания с практикой, основанной на использовании преимущественно дистанционных технологий, цифровизации в системе образования (это справедливо как на примере лицея [3], так и университетский уровень) обнаруживается несравненно более высокая эффективность первого; даже за относительно короткий период у большинства учащихся формируются основы представлений о целостном восприятии мира и смысла человеческого существования.

- Желательно проводить занятия в течение 2-х семестров, чтобы было необходимое время для осмысления основных идей и проблем философии, а также для закрепления навыков рефлексии на практике.

- Подавляющее большинство студентов (более 95%) отметили, что, особенно на 1 курсе обучения, необходимы очные занятия, дистанционное обучение можно использовать только как дополнительные.

- Необходимо сформировать интегрированную систему обучения в вузах, предусматривающую значительное количество часов эмоционального, эстетического воспитания. Курс теоретической и практической философии, проводимый преимущественно в очном формате, способен стать системообразующим стержнем для формирования целостного мировоззрения и ноосферного мышления в структуре образования.

Способность к уравниванию функций ума, формирование мировоззренческих ценностей и критического мышления, четкое понимание смысла используемых понятий через слова в сочетании с расшифровкой получаемых сознанием визуальных стимулов, восприятие Красоты в процессе изучения философии, логики, этики и эстетики должно быть предусмотрено в основе концепции образования-воспитания в целом и в образовательной деятельности, осуществляемой образовательными учреждениями всех уровней.

Список использованных источников

1. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – Москва, 1988.

2. Вернадский, В. И. Автотрофность человечества / В. И. Вернадский // Русский космизм: антология философской мысли. – Москва, 1993.

3. Губернаторский Светленский лицей : [сайт]. – URL: <http://lyceum.tom.ru/main.php>.

4. Губернаторский Светленский лицей стал Федеральной инновационной площадкой Минпросвещения России : [сайт]. – URL: <https://edu.gov.ru/press/4671/gubernatorskiy-svetlenskiy-licey-stal-federalnoy-innovacionnoy-ploschadkoy-minprosvescheniya-rossii/>.

5. Закон РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании» : [сайт]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8384.htm.

6. Иванов, Вяч. Вс. Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество (К постановке вопроса) / Вяч. Вс. Иванов // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. – Т. IV. – Тбилиси, 1985. – С. 254–259.

7. Мамардашвили, М. К. Сознание и цивилизация / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. – Москва, 1992. – С. 107–121.

8. Минченко, Т. П. Философское понятие эллинизма, ЕЛЛНН ЛОГОС и код греческого алфавита / Т. П. Минченко, Ф. Тираски // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. – Симферополь, 2021. – С. 20–24.

9. Научно-исследовательские лаборатории : [сайт]. – URL: <http://lyceum.tom.ru/lab/lab.php>.

10. Сайбединов, А. Г. Эмоциональное образование / А. Г. Сайбединов. – Томск, 2019. – 210 с.

11. Kirsch, A. Looking Forward to the End of Humanity – Transhumanism / A. Kirsch. – URL: <http://ubccckengaren.blogspot.com/2020/06/looking-forward-to-end-of-humanity.html>.

12. Minchenko, T. P. Improving personal humanitarian competence using the practices at the Department of foreign languages of TSC SB RAS as an example / T. P. Minchenko, T. D. Litvinova, T. P. Blank, L. E. Trifonova // Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation. – Vol. 2. – Tomsk : TSPU Press, 2008. – C.99–103.

13. Springer, S. P. Left brain, right brain / S. P. Springer, G. Deutsch. –New York : W. H. Freeman, 1998.

14. Bulut, M. H. Transhumanism and future of humanity towards digital slavery / Mehmet Hasan Bulut. – URL: <https://www.dailysabah.com/life/history/transhumanism-and-future-of-humanity-towards-digital-slavery>.

15. Understanding the Brain: Towards a New Learning Science. – OECD, 2002. – Chapter 4.6. – pp.69–77.

16. Χάξιλει, Άλντους. Δούλοι με τη συναίνεσή σας! (Slaves with your consent!) – (1': 15'' and on), video with audio file, YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pUjewrVkpRE>, same in Endgame by Alex Jones (Greek subs) – Documentary video You Tube (1:42':25'' and on). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9uY7vHwLCvU>.

17. Γιαννακόπουλος, Παν. Ε. – Λεξικό Ρημάτων της Αρχαίας Ελληνικής Γλώσσας / Παν. Ε. Γιαννακόπουλος. – Εκδόσεις: «Πελεκάνος», 1993

18. ΔΕΥΚΑΛΙΩΝ & ΠΥΡΡΑ – Έλλην Λόγος – video YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ah-cvXPjuTA&list=PLufnrhStlhln4MQJKsrNhyGtCFWGGVMkc&index=15>.

19. Δημητράκου, Δ. Μέγα Λεξικόν Όλης της Ελληνικής Γλώσσας / Δ. Δημητράκου. – Εκδόσεις: «Δομή», 1953.

20. Dimitrakos P. & S. Δημητράκος Π. & Σ. Νέον Ορθογραφικόν Ερμηνευτικόν Λεξικόν / Επίτομον Λεξικόν τής Ελληνικής Γλώσσας. – Εκδόσεις: «Χρ. Γιοβάνης», 1969.

21. Donis A. Dondis Βασικές Αρχές Οπτικής Παιδείας / Donis A. Dondis. – Ελληνικό Ανοικτό Πανεπιστήμιο. – Πάτρα, 2002.

22. Έλλην Λόγος, ramafa, Simaioforos Theologos – The meanings of Greek Letters (in Greek and English). – URL: <http://www.ramafa.gr/pinakas1.html>.

23. Επίτομον Πλήρες Εγκυκλοπαιδικό Ερμηνευτικό Λεξικό της Ελληνικής Γλώσσας – Πάπυρος Λαρούς.

24. Ετυμολογικόν το Μεγα – Etymologicon Magnum, Λειψία, Weigel, 1816.

25. ΚΩΔΙΚΕΣ ΕΝΝΟΙΕΣ ΤΩΝ ΓΡΑΜΜΑΤΩΝ – Έλλην Λόγος – video YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1RUbt4Efyug&list=PLufnrhStlhln4MQJKsrNhyGtCFWGGVMkc&index=1>.

26. Σημαιοφόρος Αναστ. Θεολόγος – Κωδικόν Λεξιλόγιον – Έλλην Λόγος*, Εκδόσεις: ΡΑΜΑΦΑ, 1997, 2004.

27. Σημαιοφόρος Αναστ. Θεολόγος – Το Ελληνικόν Αλφάβητον Αποκαλύπτεται*, Εκδόσεις: ΡΑΜΑΦΑ, 1995.

28. Σημαιοφόρος Αναστ. Θεολόγος – Αποκωδικοποιήσις Θεογονίας Ησιόδου*, Εκδόσεις: ΡΑΜΑΦΑ, 2002.
29. Σημαιοφόρος Αναστ. Θεολόγος – Αποκωδικοποιήσις Ὑμνων Καλλιμάχου*, Εκδόσεις: ΡΑΜΑΦΑ, 2005.
30. Σημαιοφόρος Αναστ. Θεολόγος – Αποκωδικοποιήσις Ἀθλων Ηρακλέους*, Εκδόσεις: ΡΑΜΑΦΑ, 2005.
31. Σημαιοφόρος Αναστ. Θεολόγος – Τίμαιος ο Λοκρός*, Εκδόσεις: ΡΑΜΑΦΑ, 2006.
32. Στα μονοπάτια της ιάσεως – ΕΠΙΔΑΥΡΟΣ – Ἑλλην Λόγος – video YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tRXhtOcoqUU&list=PLufnrhStlhln4MQJKsrNhyGtCFWGGVMkc&index=18>.
33. Σταματάκου, Ι. Λεξικόν τῆς Αρχαίας Ελληνικῆς Γλώσσης / Ι. Σταματάκου. – Εκδόσεις: Δεδεμάδη, 1972.
34. Σταύρος Παπαμαρινόπουλος - Ελληνική Γραφή και Φυσική της Πληροφορίας - συνέντευξη στον Γ. Σαχίνη, εκπομπή «Αντιθέσεις», ΚΡΗΤΗ TV – video YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PmJ4QxBd-5M&list=PLs7zAbDSDiXGD-Wrz2z3nYlrfIYLcMFv7&index=16>.
35. Σταύρος Παπαμαρινόπουλος - 26/06 Οι «θησαυροί» των αρχαίων ελληνικών - συνέντευξη στον Γ. Σαχίνη, εκπομπή «Αντιθέσεις», ΚΡΗΤΗ TV – video YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5xCbr7oUhw>.
36. Στα μονοπάτια της ιάσεως – ΕΠΙΔΑΥΡΟΣ – Ἑλλην Λόγος – video YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tRXhtOcoqUU&list=PLufnrhStlhln4MQJKsrNhyGtCFWGGVMkc&index=18>.
37. ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ ΑΛΦΑΒΗΤΟΝ ΑΠΟΚΑΛΥΠΤΕΤΑΙ – Ἑλλην Λόγος – video YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LJRWU6xVLT0&list=PLufnrhStlhln4MQJKsrNhyGtCFWGGVMkc&index=2>.
38. Τυράσκη Φωτεινή – Φύση, Τέχνη και Υποσυνείδητα Μηνύματα / Τυράσκη Φωτεινή. – Α' μέρος, Εκδόσεις: «Νάξιος», 2020.
39. Τυράσκη Φωτεινή – Φύση, Τέχνη και Υποσυνείδητα Μηνύματα. / – Τυράσκη Φωτεινή. – Β' μέρος, Εκδόσεις: «Νάξιος», 2020.

УДК 811.112

**ΠΑΣΧΑ ΚΑΚ ΕΤΗΟΓΡΑΦΙΚΕΣΚΑ ΡΕΑΛΙΑ Ι
ΛΙΝΓΒΟΚΟΥΛΤΟΥΡΝΙ ΚΟΝΤΣΕΠΤ (ΝΑ ΜΑΤΕΡΙΑΛΕ
ΝΕΜΕΤΣΚΟΓΟ ΤΣΥΚΑ)**

С. Е. Перепечкина¹, К. А. Конопельцева²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²обучающаяся 4 курса, кафедра немецкой филологии, Институт

Аннотация. Объектом рассмотрения в данной статье являются этнографические реалии немецкой лингвокультуры. Основное внимание сосредоточено на описании реалии «Пасха» как лингвоконцепта, существующего в религиозном и бытовом сознании немецкого народа, а также выявлении и классификации других реалий, входящих в поле данного концепта. Материалом исследования послужили фольклорные произведения, тематически связанные с праздником Пасхи у немецкого народа, справочники, толковые, энциклопедические и лингвострановедческие словари. Методика исследования основана на использовании метода направленной выборки и концептуального анализа.

Ключевые слова: Пасха, реалия, концепт, классификация, немецкая лингвокультура.

Summary. This article deals with the ethnographic realia of German linguoculture. The main attention is focused on the description of the realia "Easter" as a concept that exists in the religious and everyday consciousness of the German people, as well as the identification and classification of other realia included in the field of this concept. The material of the study was folklore works thematically related to the Easter, reference books, explanatory, encyclopedic, linguistic and cultural dictionaries. The research methodology is based on the use of the method of directed sampling and conceptual analysis.

Key words: Easter, realia, concept, classification, German linguoculture.

Проблема содержания и смысловых границ понятия «реалия» активно обсуждается в современной лингвистической науке. Несмотря на ряд исследований этого понятия (О. С. Ахманова, Е. М. Верещагин, Т. В. Евсюкова, Л. Н. Соболев, Г. Д. Томахин и мн.др.), его семантика ввиду различной направленности лингвистических дисциплин (переводоведения, лингвострановедения, литературоведения, лингвокультурологии и т.д.), продолжает уточняться (см. [3]). Согласно толковому словарю Л. Л. Нелюбина, реалии — это «слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [2, с. 178]. Более явное указание на национально-культурную специфику реалий и их связь с историей народа находим у С. Власова и С. Флорина: «реалии /.../ выражают национальный и (или) временной колорит» [1, с. 294]. Понятие «концепт», используемое в работе, достаточно сложно для однозначного определения, поскольку оно функционирует в различных научных сферах — философии, филологии и лингвистике, в частности, психолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии (А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачѳев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, С. Д. Лихачѳев, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др.). По Ю. С. Степанову, развивающему лингвокультурологический подход к исследованию языковых единиц, «концепт — «это сгусток культуры в сознании человека» [4, с. 43]. Иными словами, концепт (лингвоконцепт) понимается как некий культурный смысл, выраженный в языке, а значит, в нем обнаруживается и ценностная этнокультурная специфика, понятия обыденного мировоззрения народа /этноса. С таких позиций

и будет рассмотрена в статье реалия «Пасха» – как этнографическая реалия, составившая основу одноименного лингвокультурного концепта, существующего в сознании немецкого народа. Отметим при этом, что любые реалии – «физические, психические, социальные, этнические и культурные /.../ ложатся в основу концептов» [5, с. 14].

Материалом исследования послужили фольклорные произведения, тематически связанные с праздником Пасхи у немецкого народа, а также справочники, толковые, энциклопедические и лингвострановедческие словари, труды и статьи по лексикологии и лингвокультурологии. Методика исследования основана на использовании метода направленной выборки и концептуального анализа. Основная задача заключается в выявлении роли концепта-реалии «Пасха» в жизни немецкого народа и его лингвокультуре.

Основное значение лексической единицы «Пасха» в немецком языке такое же, как и в целом в христианской культуре: праздник в первое воскресенье после весеннего полнолуния в честь Воскресения распятого Христа [7]. В религиозном сознании народа это событие, как и Рождество, занимает центральное место, чему в языке находится множество подтверждений. Пасхальная радость отражена в песенном и поэтическом творчестве, а народная мудрость и житейский опыт – в пословицах и поговорках, фразеологизмах, приметах, рифмовках и скороговорках: *Zwischen Ostern und Pfingsten heiraten die Unseligen. Halte Fastnacht, dass du gute Ostern habest. Nach Karfreitag kommt Ostern. So Ostern auf einen Sonntag fällt, ist jedes Kind seines Vaters. Komm' die Ostern, wann sie will, so kommt sie doch im April. Lichtmeß im Klee, Ostern im Schnee. Wie Ostern und Weihnachten zusammen / an einem Tag; wenn Pfingsten und Ostern zusammenfallen* и мн.др. [8].

В бытовом же сознании народа образ Пасхи связывается и с языческими представлениями, о чем свидетельствует переплетение христианских и языческих корней многих ритуалов, в частности, актуализация культа священных животных, например, зайца у древних германцев. Пасхальный кролик – одна из центральных фигур, соотносящаяся с пасхальными яйцами и подарками для детей и даже куличом в форме кролика (см., напр., [6]). С Пасхой связано множество обычаев и традиций, ставших реалиями немецкой лингвокультуры – в этом также раскрывается концептуальная значимость Пасхи. Рассмотрим их подробнее в соответствии с классификацией, предложенной С. Влаховым и С. Флориным [1, с. 24]. Эта классификация, благодаря детальному распределению лексических единиц, может быть применена как для систематизации пасхальных реалий, так и для характеристики главного пасхального события как одного из важных явлений культурной и духовной жизни немецкого народа.

Пасха относится к этнографическим реалиям, обозначающим понятия, связанные с бытом и культурой народа, т.е. с его традициями, обычаями, религией, трудовой деятельностью и т.п. Занимая среди этнографических реалий позицию «искусство и культура», Пасха стала ключевой сущностью и основой для возникновения и развития многочисленных новых реалий, которые будут приведены ниже, следуя предметному критерию названной классификации.

А. Этнографические реалии:

1) Быт:

а) пища, напитки: «священное мясо» (*Weihfleischessen*) или «пасхальная закуска» (*Osterjause*), пасхальные блюда (*Osterspeisen*);

б) жилье, мебель, посуда и др. утварь: «пасхальная корзина» (*Osterkorb*): пища для благословения укладывается в корзины с белыми вышитыми тканями; «пасхальная корзинка» (*Osterkörbchen*) – искусно украшенная корзина с пасхальными яйцами и другими подарками.

2) Искусство и культура: множество авторских литературных произведений, среди которых можно отметить поэзию Фридриха Рюккерта (*Am Ostermorgen*), Эмануэля Гейбеля (*Ostermorgen*), Эдуарда Мёрике (*Auf ein Ei geschrieben*), Генриха Хоффмана (*Der erste Ostertag*). Великий немецкий писатель и философ Иоганн Вольфганг фон Гёте также посвятил этому празднику драматическую сцену в своем произведении «Фауст» – «Пасхальная прогулка» (*Osterspaziergang*). В Пасхе, а именно в «Пасхальном утре», символе Воскресения и обновления, черпали вдохновение композиторы (Иоганн Петер Эмилиус Хартман, органная соната «Пасхальное утро» (*Ostermorgen*) и художники («Пасхальное утро» Клода Лоррена и Каспара Давида Фридриха);

а) фольклор, например, детские песенки, в тексте многих из них фигурирует пасхальный кролик («Штупс, маленький пасхальный кролик» / *Stups, der kleine Osterhase*). Пасхальный кролик (*Osterhase*) – это в детском представлении кролик, который красит яйца на Пасху и прячет их в саду. В более древней фольклорной литературе сообщалось о пасхальной лисе (*Osterfuchs*) и связанных с ней пасхальных обычаях немецкоязычных регионов до середины 20 века. Лисица занимала место зайца в качестве животного, несущего или приносящего пасхальные яйца.

б) обычаи, ритуалы: пасхальная литургия (*Osterliturgie*) или, как ее еще называют, «пасхальная ночь» (*Osternacht*), ритуал содержит две пасхальные мессы (*Ostermessen*). Установление светящегося пасхального креста (*Osterkreuz*) является частью пасхальной традиции в некоторых регионах Германии и Австрии. Пасхальные костры (*Osterfeuer*) зажигаются на Пасху обычно в сельской местности; иногда на вершину костра водружают куклу (олицетворение Иуды), которая должна сгореть. Распространенный обычай на Пасху составление «пасхального букета» (*Osterstrauß*), символизирующего и радость весеннего пробуждения природы, и воскресение Христа. Традиционно для этого используются ветки березы, вишни, лещины, вербы, которые украшаются ярко раскрашенными яйцами или маленькими пасхальными фигурками. Так же украшается в саду «пасхальное дерево» (*Osterbaum*).

в) праздники, игры, среди которых широко распространено «битье /тиканье пасхальных яиц» (*Ostereier zusammenstoßen*, а также *Ostereiertitschen* и др. диалектные названия: *Ostereier „ticken“*, „düpfen“, „ditschen“, „tüppen“, „tippen“, „kitschen“, „gecksen“, „pecken“, „tütschen“, „dotzen“, „boxen“, „klöckeln“, „kicken“) – старый пасхальный обычай, описанный Францем Ксавером фон Шенвертом, фольклористом Вехнего Пфальца: проигрывает тот, чье яйцо при «тиканье» концами разбивается. Подбрасывание пасхальных яиц (*Ostereierwerfen, Boßeln*) на острове Фёр в Северном море: дети подбрасывают окрашенные пасхальные яйца в воздух и кричат: «...спустишь благополучно» (...komm heil wieder runter!)» Сшибание яиц или Шиббель (*Eierschibbeln* или

Eierschippeln) – соревнование, которое проводится обыкновенно на Пасху в разных частях Германии.

Б. Общественно-политические реалии:

1) Административно-территориальное устройство:

а) административно-территориальные единицы и населенные пункты: «город пасхальных колес» (*Stadt der Osterräder*) – город Люгде (*Lügde*) в районе Липпе между Детмольдом и Хамельном на Везерской возвышенности.

2) Общественно-политическая жизнь:

а) патриотические и общественные движения (и их деятели): Пасхальный марш (*Ostermarsch*) – имеет пацифистский и /или антимилитаристский характер, проводится в Германии ежегодно;

б) социальные явления, движения, звания, степени, титулы, обращения: Пасхальная верховая езда или пасхальная езда (*das Osterreiten* или *der Osterritt*) – старинный религиозный ритуал, напоминающий крестный ход, во время которого провозглашается воскресение Иисуса Христа. После совместного пасхального богослужения в общине «пасхальные всадники» или «крестоносцы» (*Osterreiter*) объезжают церковь вокруг, получают благословение пастора и отправляются нести благую весть в виде традиционных гимнов в разные регионы страны.

в) сословные знаки и символы, к примеру, маленький веночек разного цвета, который юноши и мужчины, принимающие участие в пасхальной кавалькаде, носят на груди: если впервые и возраст участника от 14 лет, то веночек зеленый; при участии в 25 лет – серебряный, в 50 лет – золотой.

Приведенный перечень реалий, возникших в поле концепта-реалии «Пасха», далеко не полный и работа по сбору и систематизации материала, а также его лингвокультурологический анализ могли бы составить перспективу дальнейших исследований. Подчеркнем, что этнографическая реалия «Пасха» приобретает сущность концепта на основе общности мировоззрения людей, принадлежащих к одному лингвокультурному сообществу.

Список использованных источников

1. Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – 2-е изд., испр. и доп.. – Москва : Высшая школа, 1986. – 416 с.

2. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. / Л. Л. Нелюбин. – 5-е изд., стереотип. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – 320 с.

3. Паревская, И. С. «Непереваемое в переводе» или к вопросу о понятии и специфике реалий / И. С. Паревская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – №2 (44): в 2-х ч. Ч. II. – С. 151–154.

4. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический проект, 2001. – 590 с.

5. Сусов, А. А. Размышления о концептах / А. А. Сусов, И. П. Сусов // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. Вип. 49. – 2006. – № 726. – С. 14–20.

6. Hepding, Hugo. Ostereier und Osterhase / Hugo Hepding // Hessische Blätter für Volkskunde. – 1927. – Band 26.– S. 127–141.

7. Ostern. [Electronic Resource] – URL: <https://www.dwds.de/wb/Ostern>.

8. Sprichwörter und Redewendungen mit Ostern. [Electronic Resource] – URL:<https://www.sprichwoerter.net/index.php?searchword=ostern&option=com>

УДК 811.111'27

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ НИГЕРИЯ

А. Д. Петренко¹, Д. А. Петренко², Н. А. Вовк³,

¹доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Цель статьи состоит в рассмотрении текущей языковой ситуации (далее – ЯС) в Федеративной Республике Нигерия (далее – ФРН). Актуальность работы состоит в том, что на территории Нигерии сложилась комплексная ЯС, формируемая значительным числом языков, которые находятся в тесном взаимодействии между собой. Этот процесс протекал длительное время. В течение нескольких столетий шло развитие языковых контактов между народностями Нигерии и налаживание коммуникации последних с представителями европейских этносов. ЯС в ФРН изучена в недостаточной степени.

Для того, чтобы достичь цели, необходимо выполнить такие задачи: 1) изучить термин «языковая ситуация»; 2) рассмотреть понятие «социально-коммуникативная система» (далее – СКС); 3) проанализировать корреляцию ЯС и СКС; 4) дать характеристику языковой ситуации в Федеративной Республике Нигерия.

Авторы пришли к ряду выводов. С термином «языковая ситуация» часто употребляется понятие «социально-коммуникативная система». Имея общие точки соприкосновения, эти два термина не являются тождественными. Первый термин подразумевает пространственные характеристики, в то время как второй соотносится с определенным этносом или с конкретной социальной группой.

На территории ФРН экзогlossная несбалансированная ЯС. Английский язык (далее – АЯ) является основным языком официального общения и наряду с языками игбо, хауса и йоруба используется в работе Национальной Ассамблеи. Разновидность АЯ, которую используют для коммуникации в Республике Нигерия, называют нигерийским вариантом английского языка. На него на всех языковых уровнях, в том числе и на фонетическом, воздействуют родные языки

разных коренных этносов, которых, в целом, в стране насчитывается около 400. Эти народности формируют население страны, составляющее более 190,9 миллионов человек.

Такое положение дел формировалось несколько столетий. В течение этого времени развивались как внутренние языковые контакты между народами Нигерии, так и коммуникация этносов этой страны с представителями европейских народов.

Ключевые слова: языковая ситуация, социально-коммуникативная система, этническая общность, административно-территориальное объединение, коммуникативный континуум, билингвизм, полилингвизм, код, субкод, Федеративная Республика Нигерия, английский язык, нигерийский вариант английского языка, хауса, игбо, йоруба, пиджин инглиш.

THE LANGUAGE SITUATION IN THE FEDERATIVE REPUBLIC OF NIGERIA

Summary. The purpose of the article is to consider the current language situation (further – LS) in the Federative Republic of Nigeria (further – FRN). The topicality of the work is in the fact that on the territory of Nigeria there is a complex LS formed by a considerable number of languages, which are in close interaction with each other. The process has been continuing for a long time. During several centuries there have been the development of language contacts among the peoples of Nigeria and their communication adjustment with the representatives of the European ethnic groups. LS in the FRN has not been studied properly.

To achieve the purpose, it is necessary to fulfil such tasks: 1) to consider the term «language situation»; 2) to study the notion «social and communicative system» (further – SCS); 3) to analyze the correlation between LS and SCS; 4) to characterize the language situation in the Federative Republic of Nigeria.

The authors came to a number of interesting conclusions. The term «language situation» often goes with the notion «social and communicative system». Bearing some things in common, the terms are not identical. The former means spatial characteristics, whereas the latter correlates with a definite ethnos or concrete social group.

On the territory of the FRN there is an exoglossic unbalanced LS. The English language (further – EL) is the main language of the official communication and together with the languages of Igbo, Hausa and Yoruba is used in the work of the National Assembly. The type of the EL which is used for communication in the Republic of Nigeria is named Nigerian English. At all the language levels including the phonetic one it is influenced by the native languages of the indigenous ethnic groups which, in general, number 400 in the country. These nations make up the population of the state that comprises more than 190.9 million people.

Such state of affairs has been forming for several centuries. During the time there have been developing both the inner language contacts among the peoples of Nigeria, and the country's ethnic groups' communication with the representatives of the European nations.

Key words: language situation, social and communicative system, ethnic community, administrative and territorial unit, communicative continuum,

bilingualism, multilingualism, code, subcode, the Federative Republic of Nigeria, the English language, Nigerian English, Hausa, Igbo, Yoruba, pidgin English.

Одним из важных понятий, которое используется в ходе социолингвистических исследований, является термин «языковая ситуация». ЯС играет важную роль, когда определяется языковая политика любого государства. Анализ теоретического материала показал, что с этим понятием часто употребляется еще одно – «социально-коммуникативная система». У этих двух понятий много общих точек соприкосновения. В то же время, эти два термина не являются тождественными.

В. А. Аврорин понимает под ЯС «конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития» [1, с. 2].

Л. Б. Никольский определяет это понятие таким образом: «Языковой ситуацией мы называем совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [7, с. 79–80].

В концепции А. Д. Швейцера и Л. Б. Никольского термин ЯС передает совокупность языковых формаций, которые обслуживают коммуникативный континуум как конкретной этнической общности, так и административно-территориального объединения [12].

Петренко А. Д. под языковой ситуацией рассматривает «взаимодействие различных языковых форм и языков в процессе обслуживания ими всех сфер жизнедеятельности народа на определенном этапе его социально-экономического развития. Если функциональную характеристику языковых образований определяет место, которое различные формы языка или языки занимают в данной языковой ситуации, то сама языковая ситуация суть сосуществующие в практике общения данного народа языковые формы и образования» [8, с. 82–83].

В Словаре социолингвистических терминов ЯС определяется как «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [10, с. 266].

Ученые в качестве основных составных компонентов значения термина ЯС представляют: 1) наличие форм языка или языков, которые 2) обслуживают общение между представителями определенной этнической общности или 3) взаимодействуют между собой в том или ином административно-территориальном объединении или географическом регионе.

Термин ЯС применяется в социальной лингвистике и к одноязычному социуму, и к многоязычным сообществам. В первом случае языковая ситуация рассматривается в виде функционирования всех имеющихся форм существования языка во всех областях общественной интеракции в конкретных условиях жизни того или иного этноса.

Тем не менее, в реальности в рамках административно-политического региона или государства чаще всего имеет место функционирование не одного языка, а двух или большего количества языков. Соответственно, наблюдаются ситуации двуязычия, или билингвизма, либо многоязычия, или полилингвизма

[11, с. 98]. Примером последней может служить ЯС в Федеративной Республике Нигерия.

В. А. Аврорин пишет, что в одноязычном обществе ЯС выступает в роли системы, где функционально распределены формы существования языка. Эти формы соотнесены с континуумом языкового общения. В многоязычном социуме образуется аналогичная система. В последней вместо форм бытования единственного языка функционально распределяются разные языки. Они могут ранжироваться с точки зрения функционирования и быть средствами общения на межнациональном, региональном, местном уровнях, также быть языками элит или народных масс [1, с. 120].

Следует отметить, что ЯС – это не только набор языковых систем или подсистем, которые распределены с социальной и функциональной точек зрения. Языковая ситуация представляет и иерархию этих систем или подсистем [11, с. 99].

А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский разделяют языковые ситуации на две группы. Первая охватывает экзогlossные ЯС, которые включают совокупности языков и могут быть сбалансированными, то есть с языками или языковыми подсистемами, которые являются равнозначными в функциональном отношении компонентами ситуации, и несбалансированными, когда составляющие распределены по сферам коммуникации и социальным группам. Вторая группа включает эндогlossные ЯС, то есть содержащие совокупности подсистем одного языка. Такие ситуации могут быть также сбалансированными или несбалансированными [12].

Термин «социально-коммуникативная система» был введен А. Д. Швейцером. Это совокупность систем и подсистем языка, которые используются определенным языковым или речевым сообществом. Важно отметить, что элементы СКС функционально дополняют друг друга. Это выражается в том, что имеет место социально детерминированное распределение кодов и субкодов, которые сосуществуют в рамках того или иного языкового / речевого коллектива. Распределение происходит по областям применения, которые представлены, например, книжно-письменной речью, общением на бытовом уровне и т. п., и по общественным функциям, реализуемым в институтах науки, культуры, образования, религии и т. д. Это с одной стороны. С другой стороны, важное значение имеют социальные ситуации вместе с ролевыми отношениями между коммуникантами. СКС нейтрально относится к таким параметрам, как размеры коллектива, которые обслуживаются этой системой, и причины, по которым его члены объединились вместе [10, с. 203-204].

В. И. Беликов и Л. П. Крысин уделяют внимание корреляции этих двух терминов. Они пишут, что элементы социально-коммуникативной системы, которые обслуживают определенный языковой коллектив, находятся в конкретных отношениях друг с другом. Каждый этап существования языкового коллектива характеризуется относительной стабильностью. Однако, если в стране меняется политическая ситуация, происходит смена государственного строя, проводятся экономические трансформации, намечаются новые векторы в социальной и национальной политике, то эти факторы, как и ряд других, способны определенным образом повлиять на СКС, ее композицию и функции

ее элементов – кодов и субкодов. «Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества. Понятие языковая ситуация применяется обычно к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация – это характеристика социальнокоммуникативной системы в определенный период ее функционирования» [3, с. 15].

Таким образом, термин «языковая ситуация» подразумевает пространственные характеристики, как, например, «Социальная структура и языковая ситуация в Германии» [8, с. 69] (название главы в монографии А. Д. Петренко); «Основной тезис данного исследования заключается в том, что языковая ситуация в Англии конца 20-го – начала 21 вв. характеризуется появлением нового социолекта, который здесь определяется как социолект т.н. «реального» телевидения – реалити шоу и, в частности, самой популярной программы этого жанра, телесериала «Большой Брат» (далее ББ)» [5, с. 67] (цитата из кандидатской диссертации К. А. Мележик); «Современная языковая ситуация в Германии представляет собой сложное явление, включающее в себя факты социально-исторического развития, получивших отражение в структуре немецкого языка, формах его существования» [9, с. 93] (цитата из кандидатской диссертации Д. А. Петренко); «Отечественные и зарубежные исследователи шотландского языкового ареала (Г. С. Щур, О. Я. Присяжнюк, D. Abercrombie, R. Lawson и др.) подчеркивают историческую обусловленность современной языковой ситуации в Шотландии» [4, с. 58] (цитата из кандидатской диссертации Н. М. Евстафьевой).

Термин «социально-коммуникативная система» подразумевает соотношенность с определенным этносом или с конкретной социальной группой: «Объектом наблюдений Э. Ш. Исаева, например, явилась социально-коммуникативная система речевого коллектива школьников Германии в возрасте 14-18 лет» [6] (цитата из статьи о Научной школе социофонетики и фоностилистики КФУ им. В. И. Вернадского на сайте Института филологии КФУ); «Социально-коммуникативная система немцев Западной Сибири: актуальная палитра используемых языков и их вариантов» [2, с. 63] (название статьи О. А. Александрова и Е. А. Либерт).

Что касается Федеративной Республики Нигерия, то на ее территории образовалась своеобразная ЯС экзоглоссного несбалансированного характера.

В 2017 году в ФРН провели последнюю на данный момент перепись населения. Результаты показали, что Республике Нигерия проживает 190,9 миллионов человек [15]. Английский язык и главные языки каждого штата имеют официальный статус. В стране насчитывается около 400 языков, на которых разговаривают коренные народы. Самыми употребляемыми являются *язык хауса* (используют 27% населения), *язык игбо* (11%), *язык йоруба* (18%). Широкое распространение получил нигерийский пиджин инглиш [16, с. 700].

Английский – это основной язык официальной сферы коммуникации в ФРН. Закон, который запрещал бы использование языков коренных народов в ходе официального общения, отсутствует. Но АЯ применяется для составления официальной документации и является общим официальным языком. Раздел 51

Конституции Федеративной Республики Нигерии гласит, что Национальная Ассамблея осуществляет свою работу на АЯ. Также возможно использование языков игбо, хауса и йоруба. Для этого надо соблюсти необходимые процедуры [13].

Разновидность АЯ, которую используют для коммуникации в Республике Нигерия, называют нигерийским вариантом английского языка. На него воздействуют родные языки разных этносов на всех языковых уровнях, в том числе и на фонетическом.

Первыми, кто прибыл в Нигерию из Европы, стали португальцы. Вслед за ними пришли британцы и голландцы. В конечном итоге верх одержали подданные Великобритании [17, с. 326g]. Британское правительство регулировало развитие Нигерии вплоть до 1 октября 1960 года. В этот день Соединенное Королевство предоставило стране полную независимость [14, с. 919]. После этого в Нигерии началась череда внутренних конфликтов. Представители различных этнических групп боролись за политическую власть, что привело к гражданской войне. В новейшей истории ФРН созидательные периоды развития прерываются недолговременными мятежами, в том числе и на религиозной основе [17, с. 327].

Таким образом, можно увидеть, что на территории Нигерии сложилась комплексная языковая ситуация, которая образуется значительным числом языков, коррелирующих между собой. Текущее положение дел формировалось на протяжении нескольких столетий, в течение которых развивались языковые контакты между народностями Нигерии, с одной стороны, и представителями европейских этносов, с другой.

Таким образом, на основе изложенного можно сделать такие выводы:

1. Термин «языковая ситуация» является одним из важных понятий социолингвистики. С этим понятием часто употребляется еще одно – «социально-коммуникативная система». Имея общие точки соприкосновения, эти два термина не являются тождественными.

2. Основные составные элементы значения термина ЯС представляют наличие форм языка или языков, которые обслуживают общение между представителями определенной этнической общности или взаимодействуют между собой в том или ином административно-территориальном объединении или географическом регионе.

3. Термин ЯС применяется в социальной лингвистике и к одноязычному социуму, и к многоязычным сообществам. В первом случае языковая ситуация рассматривается в виде функционирования всех имеющихся форм существования языка во всех областях общественной интеракции в конкретных условиях жизни того или иного этноса. Во втором случае наблюдаются ситуации двуязычия, или билингвизма, либо многоязычия, или полилингвизма. Примером последней может служить ЯС в ФРН.

4. Языковая ситуация представляет собой не только набор языковых систем или подсистем, распределенных социально и функционально. ЯС – это и иерархия этих кодов и субкодов.

5. Языковые ситуации бывают экзогlossные (включают совокупности языков) и эндогlossные (совокупности подсистем одного языка). Оба типа ЯС могут быть сбалансированными и несбалансированными.

6. Термин «социально-коммуникативная система» обозначает совокупность систем и подсистем языка, которые используются определенным языковым или речевым сообществом. Элементы СКС дополняют друг друга с функциональной точки зрения. Это выражается в том, что имеет место социально детерминированное распределение кодов и субкодов, которые сосуществуют в рамках того или иного языкового / речевого коллектива.

7. Каждый этап существования языкового коллектива характеризуется относительной стабильностью. Изменения в стране намечают новые векторы в социальной и национальной политике. Эти факторы способны определенным образом повлиять на СКС, ее композицию и функции ее элементов – кодов и субкодов. Отношения функционального плана между элементами социально-коммуникативной системы на определенном этапе жизни того или иного языкового коллектива формируют ЯС, которая характерна для этого коллектива.

8. Термин «языковая ситуация» подразумевает пространственные характеристики, в то время как понятие «социально-коммуникативная система» подразумевает соотнесенность с определенным этносом или с конкретной социальной группой.

9. На территории Федеративной Республики Нигерия сформировалась экзогlossная несбалансированная ЯС. В стране проживает более 190,9 миллионов человек. АЯ и главные языки каждого штата имеют официальный статус. В целом в стране насчитывается около 400 языков коренных народов. Самыми употребляемыми являются языки хауса, игбо, йоруба. Широкое распространение получил нигерийский пиджин инглиш.

10. Английский – это основной язык официальной сферы коммуникации в ФРН. Он применяется для составления официальной документации и является общим официальным языком. Раздел 51 Конституции Федеративной Республики Нигерии гласит, что Национальная Ассамблея осуществляет свою работу на АЯ. Также возможно использование языков игбо, хауса и йоруба.

11. Разновидность АЯ, которую используют для коммуникации в Республике Нигерия, называют нигерийским вариантом английского языка. На него воздействуют родные языки разных этносов на всех языковых уровнях, в том числе и на фонетическом.

12. На территории ФРН сложилась комплексная языковая ситуация. Она формируется значительным количеством языков. Последние коррелируют между собой. Такое положение дел формировалось на несколько столетий. В течение этого времени развивались как внутренние языковые контакты между народами Нигерии, так и коммуникация этносов этой страны с представителями европейских народов.

Список использованных источников

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Ленинград : Наука, 1975. – 276 с.

2. Александров, О. А. Социально-коммуникативная система немцев Западной Сибири: актуальная палитра используемых языков и их вариантов / О. А. Александров, Е. А. Либерт // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Германские языки. – 2021. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 63–67.
3. Беликов, В. И. Социоллингвистика : Учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.
4. Евстафьева, Н. М. Социоллингвистический аспект функционирования английского языка в Шотландии (на материале речи молодежи г. Глазго) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук. / Нина Михайловна Евстафьева. – Симферополь, 2017. – 251 с.
5. Мележик, К. А. Социоллингвистическая вариативность дискурса английского «реального» телевидения (на материале реалити шоу «Большой Брат») : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук. / Карина Алексеевна Мележик. – Симферополь, 2009. – 237 с.
6. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А. Д. : [сайт]. – URL: <https://iif.cfuv.ru/nauchno-issledovatel'skaya-deyatelnost/nauchnaya-shkola-sociofonetiki-i-fonostilistiki-professora-petrenko-a-d/>. (дата обращения: 15.05.2022).
7. Никольский, Л. Б. Синхронная социоллингвистика (теория и проблемы) / Л. Б. Никольский. – Москва : Наука, 1976. – 167 с.
8. Петренко, А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – Киев : Рідна мова, 1998. – 254 с.
9. Петренко, Д. А. Произносительные особенности социолекта политических деятелей Германии : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук. / Д. А. Петренко. – Симферополь, 2000. – 156 с.
10. Словарь социоллингвистических терминов. – Москва : [б. и.], 2006. – 312 с.
11. Суюнбаева, А. Ж. Языковая ситуация как фактор функционирования языка для специальных целей / А. Ж. Суюнбаева // Научный диалог. – 2016. – Вып. № 5 (53). – С. 97–108.
12. Швейцер, А. Д. Введение в социоллингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – Москва : Высшая школа, 1978. – 103 с.
13. Constitution of the Federal Republic of Nigeria 1999. – 118 p. – URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ng/ng014en.pdf>. (дата обращения: 15.05.22).
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow : Addison Wesley Longman Limited, 1998. – P. 919.
15. Nigeria Population. – URL: <https://tradingeconomics.com/nigeria/population>. (дата обращения: 15.05.22).
16. The Oxford Companion to the English Language ; ed. Tom McArthur. – Oxford, New York : Oxford University Press, 1992. – 1184 p.
17. The World Book Encyclopedia. – Vol. 14 N-O. – Chicago : Field Enterprise Educational Corporation, 1976. – P. 326–327.

УДК 81-23

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО

НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Д. А. Петренко¹, К. К. Соловьева²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, заведующий кафедры немецкой филологии Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Вопрос о распространении немецкого языка является актуальным, так как в современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра факторов, которые регулируют употребление языка. Языковеды давно столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего изучения проблем языковой вариативности. Социальная лингвистика как один из разделов науки о языке во многом зависит как от развития социума, так и от конкретных общественных условий, стимулирующих проведение тех или иных социолингвистических исследований. В настоящее время возродилось внимание к национальным культурам и языкам, реализуется стремление разных народов расширить социальные функции национальных языков, повысить их роль в социальной жизни разных языковых общностей.

Ключевые слова: социолингвистика, немецкий язык, австрийский вариант немецкого языка, социофонетика.

Summary. The question of the spread of the German language is relevant, since in modern linguistics the problem of the ratio of normativity and variation is actively being developed, taking into account the entire spectrum of factors that regulate the use of language. Linguists have long faced the need for an in-depth and comprehensive study of the problems of linguistic variability. Social linguistics as one of the branches of the science of language largely depends both on the development of society and on specific social conditions that stimulate the conduct of certain sociolinguistic studies. At present, attention to national cultures and languages has been revived, the desire of different peoples to expand the social functions of national languages, to increase their role in the social life of different linguistic communities is being realized.

Key words: Sociolinguistics, German Language, the Austrian Version of the German language, Sociophonetics.

Национальный вариант немецкого языка в Австрии имеет социально-функциональную структуру и обладает всеми основными составными компонентами, которые являются характерными составляющими для любого другого национального языка. В основе построения стоят австрийские диалекты (баварско-австрийские: среднеавстрийский, южноавстрийский и (верхне) алеманнский диалект Форарльберга), над которыми располагаются городские диалекты и полудиалекты, среди них – городской диалект Вены, который в свою очередь является своеобразной нормой. Он воздействует на местные крестьянские диалекты как «объединяющая сила», и образует

определенную базу для понятия австрийского интердиалекта (österreichische Verkehrssprache) [2].

Следующим уровнем является австрийский обиходно-разговорный язык (österreichische Umgangssprache), приближающийся по своей форме к литературному языку, но который характеризуется специфически австрийской окрашенностью в произношении, выборе слов и некоторых грамматических форм. Предельный уровень языка образует литературный язык, сохраняющий национальные языковые черты (österreichische Hochdeutsch) в качестве элемента австрийской нормы немецкого литературного языка (Schriftsprache).

Австрийский язык имеет характерные не только грамматические, лексические, но также и произносительные, то есть фонетические особенности. Интересно отметить, что в отличие от кодифицированного литературного немецкого языка в ФРГ, австрийский вариант не был нормирован правилами Дудена. Так, в своей работе о вариантах норм произношения современного немецкого литературного языка В. М. Бухаров, опираясь на анализ Г. Липольда, делает вывод, что значительное число отклонений от стандартного произношения связано в первую очередь с заимствованиями, произношение которых не ассимилировалось немецкой системой [2]. Лингвист обращает также свое внимание, на то, что процесс ассимиляции проходит в различных национальных вариантах не одинаково, что лишний раз подтверждает системную самостоятельность вариантов языка [2].

В основе австрийского варианта немецкого языка лежат диалекты южнонемецкой группы (Oberdeutsch). Исходя из многочисленных наблюдений, в основном это средне- и южнобаварские диалекты [2]. Как отмечает В. М. Бухаров, исключение составляют только районы, которые имеют границу со Швейцарией, так как они относятся к верхнеалеманнской группе [2]. Уже на протяжении многих лет вопросом о кодификации австрийского произносительного стандарта занимаются как зарубежные, так и отечественные лингвисты. К наиболее известным исследованиям можно отнести работы следующих авторов: К. Луик, Ф. Троян, Г. Липольд, Г. Шойтц, В. Дресслер, Н. И. Филичева, В. М. Бухаров, А. И. Домашнев.

Для австрийского варианта произносительной нормы будет характерно сохранение места ударения, на том же слоге, что и в языке, откуда оно заимствованно. Так, В. М. Бухаров предполагает, что норма австрийского стандарта обладает большей толерантностью, чем германский вариант и допускает большее взаимодействие с подсистемами и системами смежных вариаций и других языков [2].

Ранее, в 1898 году, в городе Берлине была проведена очередная конференция, где были собраны ведущие лингвисты. Они попытались установить определенные единые нормы произношения немецкого языка. Результаты конференции были изложены в трудах Т. Зибса, которые в дальнейшем стали классическим сводом стандарта немецкого литературного произношения.

Неоспорим тот факт, что все-таки большинство фонетических процессов, которые являются нормой для австрийского варианта, являются и общими для немецкого языка в целом. Большинство разновидностей реализаций фонем можно структурировать в одну определенную систему, хотя в фонетической

литературе нет систематизированного описания артикуляционной базы стандартных вариаций национальных и региональных вариантов немецкого языка. По мнению Г. Кельца, единственную закономерность, которую можно вывести о различных немецких национальных вариантах и диалектах, это только то, что многим из них присуща меньшая активность губ, смещенность языка в велярную зону, усиленная тенденция к редукции и меньшая общая напряженность, чем в стандарте [4].

Исходя из многочисленных фонетических анализов современного варианта австрийского немецкого языка, можно выделить основные признаки, которые будут характерны для реализации фонем в австрийском региональном стандарте [4].

1. Ленизация взрывных согласных

В современном немецком языке ленизация будет особенно заметна в южнонемецком регионе. Ленизация взрывных согласных в немецком языке произошла в результате германского и верхненемецкого передвижения согласных [4]. Примером такого явления могут послужить следующие слова:

- Kloster [glosdα];
- Klavier [glaviα];
- Mittel [midl];
- konkreten [kõŋRε:dn].

В словаре Т. Зибса по норме немецкого языка, было отмечено, что в австрийском варианте произношения пропадает придыхание у глухих [p,t], вследствие чего и появляется ленизация [4].

2. Ленизация фортисных согласных

В среднебаварских диалектах, к которым как раз и относится большая часть австрийского варианта немецкого языка, губные и переднеязычные ленизированные согласные [b, d] появились во всех позициях без ограничений. Например, tat [dad], Mutter [mudα], а также ленизация велярного [k], который будет иметь ограничение в анлаутной позиции. Например, klar [gla: α], Klavier [glavi:α].

3. Апокопа конечного согласного [t]

Типичным для австрийского варианта будет и выпадения конечного [t] в таких словах, как, например, Welt, nicht, überhaupt. Данное изменение, лингвисты отмечают, что можно интерпретировать как постлексический процесс, связанный с ослаблением конца слова [4].

4. Вокализация [R]

В. Фиетор полагал, что исконным немецким звуком является апикальный [r], который в свое время был вытеснен под влиянием французского языка увулярным [R] [4]. Лингвист обращал внимание носителей языка на то чтобы они старались сохранить именно [r] в своих публичных речах и пениях и избегать щелевого [y] / [x] или вокализованного [α].

К. Луик также отмечал, что распространение вокализованного варианта [R] имеет тенденцию к образованию дифтонгоподобного сочетания с предшествующими долгими гласными: Tor [toα]. Языковед полагал, что нормативным произношением является как раз именно [r] после всех кратких гласных. В своих работах он не раз делал акцент на том, что стоит использовать в принципе апикальный [r], а не «подражать французам и северным немцам» [4].

5. Назализация гласных

Назализацию гласных принято определять как естественный постлексический процесс. Но многие лингвисты считают, что данную ассимиляцию стоит рассматривать как уподобление диалекту [4]. В Австрии это явление распространено и затрагивает почти 90% реализаций. Например:

- Hahn [hã:n];
- angerufen [ãŋgRu:fm];
- Bahn [bã:n];
- Hammer [hãmɑ].

6. Редукция приставки «ge-».

А. И. Домашнев отмечает, что в результате «силового излишества» безударный гласный синкопируется, вследствие чего, можно привести в пример следующие слова:

- geärgert – [gɑgɑt]
- gefunden – [kfʊndn]
- gebracht – [gbRaxt]

7. Веляризация [ç] – [x]

А. И. Домашнев отмечает, что данное явление будет замечено практически везде в Австрии и Швейцарии. Примером данного фонетического явления могут послужить следующие слова:

- Märchen [mɛRxɛn]
- durch [dʊRx] [4].

8. Качество гласных

Так как в основе австрийского варианта немецкого языка лежат диалекты южнонемецкой группы, то стоит опираться на проведенные исследования баварских диалектов, где было замечено, что характерной чертой при описании гласных, в этой группе диалектов будут присутствовать нарушения корреляции количественных и качественных характеристик [4]. Такая диалектная особенность будет присуща и австрийскому региону.

- [e:] > [ɛ:] > [æ];
- [i:] > [ɪ];
- [o:] > [ɔ:];
- [u:] > [ʊ:].

9. Веляризация гласного [a:] – [ɑ:]

В австрийском варианте немецкого языка будет наблюдаться тенденция к четкому различению гласных [a:] – [ɑ], не только по длительности, но и по качеству в отличие от других диалектных регионов, где данное различие в стандартной вариации будет несущественным [4].

10. Реализация дифтонгов

Произнесение дифтонгов в австрийском варианте является действительно специфичным. Так как произнесение их будут коррелировать с произносительной спецификой монофтонгов [4]. Так, например, дифтонг [ae] будет произнесен скользящим движением от [a] к [e], которое будет смещено в перепалатальную полость по принципу баварского артикуляционного уклада:

- [ae] – [æi] – [ɛi] – [æ];
- [oø] – [ɑy].

11. Редукция

Редукция характерна как для любого языка, так и для австрийского варианта немецкого. Редукция в австрийском немецком языке имеет две определенные особенности [4].

1. [e] – [ɛ], безударный [e] будет иметь тенденцию к переднему произнесению [ɛ], например, *nennen* [nɛnɛn].

2. Элизия безударных гласных как в пре- так и в постакцентных словах.

Например, *geachtet* [goxt], *geholfen* [goefn], *Regen* [Re:gn], *edel* [e:dl].

Кроме традиционных фонетических отличий в реализации различных звуков, присутствуют в языке и такие особенности как интонационные и различные словесные ударения. Так, германист Эдуард Зиверс (Eduard Sievers) в своих работах писал, что любой немецкий диалект имеет различные системы интонации. Для южных диалектов будет характерна высота тона, например, в предложениях она обычно будет подниматься, когда в северных наоборот падать [1]. Австриец, используя кодифицированный литературный немецкий язык, проявляет под воздействием диалектной речи стремление к проглатыванию звуков и слогов, что способствует краткости и усилению высказывания [3].

Другой особенностью является словесное ударение. Неоспорим тот факт, что в немецком литературном языке, как и в диалектах, преобладает силовой тип ударения, которое будет закреплено за первым корневым слогом. Однако, как отмечает М. М. Гухман: «появление в литературном языке большого числа заимствований, к тому же весьма употребительных, глаголов с суффиксами *-iren*, *-ist*, *-tät*, *-ie* – вносит значительные изменения в общую систему ударения, поскольку большое число лексических единиц являются носителями иного типа ударения» [3]. Также в австрийском варианте можно встретить и подвижное ударение, и ударение, которое будет стоять на первом слоге в определенном ряде слов, когда в «*Hochdeutsch*» наоборот будет противопоставлено ударение в этих же словах на других слогах.

Список использованных источников

1. Бах, А. *Немецкая диалектология*. / А. Бах // Сб. «Немецкая диалектография»; под ред. проф. В. М. Жирмунского. – Москва : *Издательство иностранной литературы*. – Москва, 1965. – 244 с.

2. Бухаров, В. М. *Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка : Монография* / В. М. Бухаров ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : 1995. – 138 с.

3. Домашнев, А. И. *Очерк современного немецкого языка в Австрии : учебн. пособие* / А. И. Домашнев. – Москва : Высшая школа, 1967. – 180 с.

4. Щерба, Л. В. *Языковая система и речевая деятельность* / Л. В. Щерба. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

УДК 140.8+141.2

ОТ БИОСФЕРЫ К НООСФЕРЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РОЖДЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

Д. М. Храбскова¹, И. В. Томичева²,

¹кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена вопросу генезиса термина и понятия ноосферы. В основе рассмотрения концепции преобладает контактный историографический подход к идеям основоположников Владимира Вернадского, Эдуарда Леруа и Пьера Тейяра де Шардена. Внимание уделяется концепции ноосферы Тейяра де Шардена в его видении интегральной феноменологии эволюции, позволяющей расширить «долгую» историю материи (космогенеза) и жизни (биогенеза) до ноогенеза, в котором вся ответственность за будущее эволюции возлагается на Человечество.

Ключевые слова: ноосфера, биосфера, ноогенез, историографический подход, феноменология, эволюция.

Summary. The article is devoted to the genesis of the term and the concept of the noosphere. The concept is based on a contact historiographical approach to the ideas of the founders Vladimir Vernadsky, Eduard Leroy and Pierre Teilhard de Chardin. Attention is paid to the concept of the noosphere by Teilhard de Chardin in his vision of the integral *phenomenology of evolution*, which allows expanding the "long" history of matter (cosmogogenesis) and life (biogenesis) to noogenesis, in which all responsibility for the future of evolution is assigned to Humanity.

Key words: noosphere, biosphere, noogenesis, historiographical approach, phenomenology, evolution.

В данной статье рассматривается процесс формирования и развития идеи ноосферы из перекрестных и интерактивных размышлений трех великих мыслителей, выдающихся ученых: русского, Владимира Ивановича Вернадского (1863-1945), и двух французов, математика и философа Эдуарда Леруа (1870-1954) и палеонтолога-иезуита Пьера Тейяра де Шардена (1881-1955). Дается объяснение места, направления и значимости понятия ноосферы в интегральной феноменологии эволюции Тейяра де Шардена. Его коллега В. И. Вернадский видел в возникновении теории ноосферы смысл существования *многих этапов эволюции биосферы в геологической истории*. Он, как и Тейяр, считал церебрализацию, т.е. рост все более сознательной и свободной психики, осью эволюции.

Генезис концепции

Возникновению концепции *биосферы* принадлежит В. Вернадскому, сформулировавшему её в 1926 году в своей книге «Биосфера». Концепция *ноосферы* имеет более сложное и комплексное происхождение. Предшественником Вернадского в исследовании биосферы является австрийский геолог Эдуард Зюсс (1831-1914), впервые применивший этот термин в своей работе, опубликованной в 1875 году, для разграничения понятий поверхностного и глубинного слоя (литосферы) Земли. Однако именно

Вернадский дал точное и полное определение этого термина: «Изучение действия солнечного излучения на земные процессы позволяет в первом приближении с научной точки зрения точно и глубоко рассматривать биосферу как механизм земного и космического масштаба. [...] по своей сути ее можно рассматривать как область земной коры, занятую трансформаторами, превращающими космическое излучение в активную земную энергию, электрическую, химическую, механическую, тепловую...» [1, с. 20]. Указанные трансформаторы энергии, по мнению ученого, являются живыми системами: бактериями, протистами, растениями, грибами, животными. Область земной коры, соответствующая биосфере, состоит в основном из органического вещества, составляющего эти живые системы.

С весны 1922 г. по лето 1925 по приглашению ректора Сорбонны Вернадский читает курс лекций и семинаров, опубликованных впоследствии в виде книги на французском языке под названием “La géochimie”. В этих лекциях он проводит различие между минералогией, изучающей элементы земной коры, и геохимией, рассматривающей историю образования этих элементов, в т. ч. их возникновение в процессе деятельности живых систем или геохимической деятельности человека. Именно в этих геохимических рамках Вернадский прямо ссылается на концепцию биосферы.

В 1922 г. философ и математик Эдуард Леруа сменяет на кафедре философии в Collège de France своего учителя Анри Бергсона. В этот же период, блестяще защитивший в Сорбонне докторскую диссертацию по палеонтологии на тему «Млекопитающие нижнего эоцена Франции», Пьер Тейяр де Шарден назначается профессором геологии в Католическом Институте Парижа. Два ученых, относящиеся друг к другу с безграничным уважением, почти еженедельно дискутируют в доме Леруа. Эти встречи продолжаются вплоть до 1925 г., за исключением периода с апреля 1923 г. по сентябрь 1924 г., когда по поручению Музея естественной истории Тейяр работает в Китае. К этому времени Тейяр приступил к работе над концепцией ноосферы, уже зародившейся без явного упоминания этого термина в его эссе 1920 г. Остается открытым вопрос, посещали ли Леруа и Тейяр лекции Вернадского в Сорбонне или просто ознакомились с его идеями. Невозможно дать однозначный ответ на этот вопрос, поскольку ни в дневнике, ни в личной переписке Тейяра об этом не имеется никаких упоминаний. Но факт остается фактом: оба учёных встречались с Вернадским, впитывая в ходе дискуссий его идеи концепции биосферы.

Встречи с Владимиром Вернадским сыграли роль акселератора мысли Тейяра и привели к первому определению ноосферы в его эссе “L’*Nominisation*”, опубликованном в Париже 6 мая 1925 года: «Несоизмеримая и фантастическая на первый взгляд мысль, состоит в рассмотрении мыслящей оболочки биосферы как величины того же зоологического (или, если хотите, теллурического) порядка, что и сама Биосфера... И это так или иначе сводится к принятию существования над биосферой животных человеческой сферы, сферы рефлексии, сознательного изобретательства, ощущаемого союза душ (*Ноосферы*, если хотите)» [5, с. 91-92]. В эссе 1928 г. находится четкое и полное определение концепции: «День за днем человеческая строит себя; она сплетает по всему земному шару сеть материальной организации, движения и мышления. [...] но давайте посмотрим на это, наконец, как на наблюдение за ростом

кристалла или растения. Мгновенно становится понятно, что Земля к своим слоям добавляет еще одну оболочку, последнюю и самую замечательную из всех: зону мышления, Ноосферу» [2, с. 293]. В последующих работах, особенно в большом обобщающем труде «Феномен человека», завершённом в Пекине в 1940 году, Тейяр подробно разработал консеквенцию этого определения.

Концепция ноосферы была подхвачена Эдуардом Леруа в его лекции, прочитанной в 1928-1929 гг. в Collège de France, опубликованной под названием «Происхождение человека и эволюция интеллекта». В этой книге Леруа прямо ссылается на своего друга Тейяра и его эссе “L’Hominisation”, которое не было официально опубликовано вплоть до самой смерти автора [3]. После смерти Эдуарда Леруа в письме Клоду Куэно от 1 декабря 1954, вспоминая насыщенный период 1921-1926 гг., Тейяр напишет, что был безмерно тронут смертью дорогого ему великого Эдуарда Леруа, которому многим обязан, т.к. он помог ему развить зародившуюся идею. Он считал, что именно в эссе “L’Hominisation” впервые появился термин и понятие «ноосфера», ставшее с тех пор нарицательным, благодаря Леруа и жившему в тот период в Париже русскому ученому Вернадскому. В своей лекции, данной в Collège de France, открывает дорогу феноменологическому видению современной науки, бросая вызов метафизике Аристотеля и построенного на ней в XIII веке томизма. Эта разделяемая с Тейяром научная позиция объясняет трудности, с которыми столкнулись ученые в отношениях с Магистериумом Католической Церкви. Несколько работ относящего себя к христианским философам Леруа попали в Индекс. Тейяр, подчинившись требованиям Церкви, дал согласие не публиковать при жизни своих работ на философские и религиозные темы.

В статье 1945 года Вернадский, описывая впечатления от своих встреч с двумя французскими учеными, говорит, французский математик Леруа, бергсонистский философ, взял за отправную точку биогеохимическую основу биосферы и ввел в своих лекциях в Collège de France понятие ноосферы как геологической стадии, через которую проходит биосфера. Леруа подчеркивает, что пришел к этой идее благодаря дружбе и сотрудничеству с великим геологом и палеонтологом Тейяром де Шарденом.

Таким образом, термин *ноосфера* и его концептуальное определение появились в начале 1920-х в результате сотрудничества трех великих умов, Вернадского, Леруа и Тейяра де Шардена, плодотворно влиявших друг на друга, несмотря на различное социальное происхождение. Этот факт является лучшей практической иллюстрацией концепции ноосферы.

Интегральная феноменология эволюции Тейяра

В своем научном подходе Тейяр в основном интересуется эволюцией в целом и относительно мало уделяет внимания объясняющим ее механизмам. Он считал более важным описание и понимание эволюционного явления в весьма долгосрочной перспективе для извлечения выводов, способных предсказать будущее человечества. Эту работу он называл своей *феноменологией*. Тейяр видит триединство взаимосвязи космоса, жизни и мысли. Им были сформулированы «законы тенденции» эволюции, не являющиеся законами в классическом научном понимании, не имеющие никаких исключений, выражающие причинно-действенную связь, которая при необходимости может быть воспроизведена в ходе эксперимента. Это скорее «описательные» законы,

выражающие с точки зрения вероятности «основные тенденции» долгосрочной перспективы эволюции. Тейяр определил, по крайней мере, три таких закона.

Закон комплексификации (возрастающей сложности): со временем на земле появляются все более сложные и автономные по отношению к окружающей среде формы жизни. Этот «закон» отражен в *парадигме трех бесконечностей* – в астрономии и физике бесконечно сложное дополняет бесконечно большое и бесконечно малое.

Закон сложности и сознания: рост сложности сопровождается развитием и обогащением психики, позволяющей посредством обучения познавать окружающую среду для наиболее эффективной адаптации к ней. Эту тенденцию живых организмов к более высоким уровням сознания Тейяр распределил вдоль *оси церебрализации*, отражающей возрастание сложности центральной нервной системы от первых позвоночных к млекопитающим и далее к человеку. С появлением человеческого мозга с его ста миллиардами связанных между собой до трех тысяч раз каждый нейронов сложность достигла не имеющего аналогов в живом мире уровня, сопровождающегося рефлексивным мышлением.

Закон эмерджентности: с ростом сложности происходит пересечение критических точек или порогов, приводящее к появлению совершенно новых свойств. При достижении определенной степени сложности наблюдается феномен, называемый *жизнью*. Аналогичным образом, при достижении живым организмом более высокой формы сложности, появляется рефлексивное мышление, называемое *сознанием*. Формирование все более многочисленных человеческих сообществ влечет за собой переход через новый порог, обозначенный Тейяром, как *со-рефлексия*.

Одно из значений парадигмы трех бесконечностей: в своей социальной и культурной реальности человек является *движущим крылом* или *мыслящей стрелой* эволюции.

Системная репрезентация феноменологии Тейяра де Шардена

Тейяр дал описание эволюционной схемы от большого взрыва до появления *homo sapiens* с ее последовательными критическими точками:

– этап *корпускуляции* – образования элементарных частиц, а затем атомов, следующий сразу за большим взрывом;

– этап *регуляции* – перехода от физических систем к химическим, при котором наблюдается образование молекул и появление механизмов катализа с первыми циклами регуляции;

– этап *жизни*, на котором появляются первые живые системы (бактерии), постепенно адаптирующиеся к различным условиям окружающей среды, усложняющиеся и диверсифицирующиеся;

– этап *сознания или рефлексии*.

С появлением *homo sapiens* и переходом на этом к рефлексивной мысли эволюция меняет свой режим: из биологической она становится социокультурной, разделяясь на три основных типа.

Социальные системы стремительно разрастаются от городов-государств до империй, стремясь достичь размеров самой планеты. Как по количеству элементов (человеческие индивиды), так и по разнообразию и богатству отношений между этими элементами (при ключевой роли устной и письменной

речи), человеческие социальные системы очень быстро превосходят по сложности все достижения животного мира.

Искусственные системы, первым проявлением которых является изобретение орудий труда. Тейяр подчеркивает, что человек – млекопитающие с низкой соматической специализацией. Эволюция человека сосредоточилась в основном над совершенствованием центральной нервной системы, а не над адаптивностью других органов. Ментальная сила его мозга позволила изобрести инструменты и стать *специалистом по неспециализации*, даже выйти за пределы родной Земли и общаться на невероятных расстояниях, благодаря электронным сетям, охватывающим всю планету. Спустя более пятидесяти лет после смерти Тейяра, орудия труда уступили место искусственным системам, состоящим из инертных материальных элементов, основательно скомпонованных вместе, сложность которых постепенно приближается к сложности живого организма. Однако эти искусственные системы используются в симбиозе с самим человеком; это системы «человек/машина».

Абстрактные, нематериальные символические системы, построенные на основе языка, функционирующие сегодня при обмене в Интернете со скоростью света. Эти символические системы, разнообразные и многочисленные, включающие в себя науку, философию, право, литературу, искусство и т.д., лежат в основе феномена эволюции человека. Изначально они отождествлялись с религиозной сущностью, состоящей из мифов, обрядов и запретов. Известный религиовед второй половины XX века Мирча Илиаде утверждает, что «все человечество вышло из религии». Тейяр, также придерживавшийся этой точки зрения, рассматривал феномен религии, в частности христианский, как неотъемлемую часть общечеловеческого феномена.

Симбиоз трех типов систем – социальной, искусственной и символической – приводит к возникновению новой реальности, *ноосферы*, соответствующей переходу через «второй порог рефлексии», коллективный, обозначенный Тейяром де Шарденом как *этап со-рефлексии*.

Ноосфера и ноогенез

Тейяр де Шарден значительно обогатил понятие ноосферы. По его мнению, ноосфера должна развиваться и совершенствоваться в ходе длительного процесса эволюции, который он назвал *ноогенезом*. Для ноосферы возможны два варианта эволюционного развития:

➤ тоталитарная социализация, при которой человеческие индивиды через социальную и/или культурологическую коэрцию становятся все более взаимозависимыми, взаимозаменяемыми и схожими. Этот процесс Тейяр назвал *черным сценарием* развития цивилизации или *моделью термитника*;

➤ коммуникативная социализация, при которой люди свободно объединяются «под влиянием любви, самой универсальной и таинственной из космических энергий» [4]. В этом случае каждый человек сохраняет свои личные качества и даже персонифицируется в союзе с другими людьми. По Тейяру, это *розовый сценарий* эволюции человечества.

Последователи концепции ноосферы Тейяра де Шардена полагают, что на человечество возлагается огромная ответственность за ход эволюции именно по «розовому» сценарию. Если это утверждение верно, то эволюция становится конвергентной и продолжается «до точки Омега», универсального аттрактора

любви, теологического воплощения космического или вселенского Христа. Однако на дороге к абсолюту человек может стать на путь мистики и религии, покинув путь науки.

Список использованных источников

1. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский ; предисловие Р. К. Баландина. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
2. Тейяр де Шарден, П. Феноменология человека / П. Тейяр де Шарден // Феномен человека : Сб. очерков и эссе ; пер. с фр. О. С. Вайнер ; сост. и предисл. В. Ю. Кузнецов. – Москва : АСТ, 2002. – 430 с.
3. Le Roy, E. Les origines humaines et l'évolution de l'intelligence / E. Le Roy. – Paris : Boivin, 1928. – 365 p.
4. Sorokin, P. A. Personality and the Behavior Disorders / P. A. Sorokin. – New York : J. Mc V. Hunt, 1944. – 305 p.
5. Teilhard de Chardin, P. La vision du passé / P. Teilhard de Chardin. – Volume III – Paris : Seuil, 1957. – 396 p.

УДК 81-23

НОРМЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ В ПАРИЖЕ

Т. С. Хренова,

*аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается стандарт французского языка, а также представлено современное состояние нескольких моделей произношения в Париже, куда входит модель «элиты», «принятых парижан» и речь профессиональных ораторов. Представлены данные особенностей произношения гласных звуков при проведении опросов жителей Парижа.

Ключевые слова: французский язык, норма произношения, модель произношения, Париж, Франция, стандарт.

Annotation. The article examines the standard of the French language, and also presents the current state of several pronunciation models in Paris, which includes the model of the «elite», «accepted Parisians» and the speech of professional speakers. The data on the peculiarities of pronunciation of vowel sounds during surveys of Paris residents are presented.

Key words: French, pronunciation norm, pronunciation model, Paris, France, standard.

Начиная с 19 века в областях лексики и синтаксиса любого языка существует явный и практически фиксированный стандарт. При этом достаточно трудно дать точное определение стандартам произношения. В той же аргументационной линии А. Мартине, со своей стороны, утверждает, что средний говорящий по-французски не может назвать правила произношения, тогда как в области грамматики и лексики он был бы вполне способен на это. Стандарт произношения трудно определить, так как он носит неявный и

исключительно устный характер и подвержен географическим, социальным и ситуационным изменениям, а также фонологическим изменениям. Однако эти характеристики порождают большую неопределенность при описании стандарта произношения и затрудняют любое конкретное определение, настолько, что И.-Ш. Морин и Э. Пустка рассматривают его как искусственный стандарт, который они называют эталонным французским языком. Этот стандарт во французском языке представлен, с одной стороны, словарями произношения, с другой стороны – учебными пособиями, так как этот стандарт является необходимым при преподавании французского языка, в том числе как иностранного (FLE). В исследованиях М. Шалье по стандарту произношения выделяются три основные типа моделей: модель придворных парижан и буржуазии, модель «принятых парижан» и модель профессиональной речи, в том числе ведущих радио- или телевизионных каналов. Кроме того, рассмотрение телеведущих в качестве моделей произношения идет параллельно с новым «демократическим» и «описательным» подходом к стандарту произношения.

Первая модель, которая традиционно используется в преподавании французского языка, выступает за произношение, используемое в естественных разговорах со средними или высшими социальными слоями Северной Франции или Парижа. В рамках этой модели наблюдается процесс «демократизации» стандарта произношения между предложениями ранних грамматиков и последующими предложениями: между 16 и 18 веками первые градоначальники по-прежнему исходили из языкового использования придворных и аристократов Парижа и Турэна, где у французских королей были свои летние резиденции. В середине 20-го века такая оценка привилегированных социальных групп начнет мешать лингвистам. Вероятно, именно по этой причине в то время П. Фуше в конечном итоге поместит стандарт произношения в аккуратную «Беседу с культурными парижанами» (тогда как в 1936 году он все еще говорил о парижском французском языке культурной буржуазии, предполагая, что стандарт произношения также может быть представлен мелкой и средней буржуазией) [2]. Критерии П. Фуше, однако, по-прежнему остаются географическим («парижане») и социальным («культурным») происхождением, а также конкретной ситуацией общения («в аккуратных разговорах»). Отметим, что сегодня эта модель все еще очень часто используется лингвистами для обозначения стандартного французского языка, но при этом авторы все еще не делают реального различия между этим предписывающим традиционным стандартом в Париже и различными вариантами французского языка, локализованными на данной территории.

Модель второго типа в основном распространяется лингвистами-провинциалами, которые приняли идеологический дискурс, преобладающий в Париже, но включили специфические черты своих регионов происхождения. Первым, кто выступил за эту модель, был Ф. Мартинон, который написал, что для того, чтобы произношение Парижского языка было правильным, оно должно быть принято, по крайней мере, большей частью Северной Франции. Таким образом, в этой модели стандарт можно найти не в произношении парижан, родившихся в Париже, от родителей и бабушек и дедушек парижан (Париж-терруар и «этнические парижане»), а в произношении парижан, родившихся в разных провинциях Северной Франции (Париж-Крезе и «принятые парижане»).

В основном благодаря словарю французского произношения в его реальном использовании эта модель стала известной. Однако нейтральность произношения, рекомендуемая этой моделью, не обязательно соответствует представлениям «не парижан», поскольку это произношение точно идентифицируется носителями языка за пределами Северной Франции как акцент Северной Франции. Отметим также, что А. Мартине упоминает некоторые черты, принадлежащие стандарту произношения, в то время как они не характеризуют парижскую буржуазию: следует, в частности, упомянуть оппозицию /a/ : /ɑ/, которая будет удалена в пользу гласной /a/.

Предложение Ф. Мартинона и А. Мартине, хотя и расширило критерий географического происхождения носителей стандарта произношения в Северной Франции, тем не менее сохранило Париж в качестве реального географического центра этого стандарта, поскольку эти носители все же прожили в Париже несколько лет. По словам И.-Ш. Морина именно по этой причине будет предложен третий тип стандарта независимо от географии, продолжая дальнейшую демократизацию критерия социального происхождения говорящих, который должен представлять стандарт произношения: это модель профессиональной речи (докладчиков, редакторов газет, комиков), обычно обозначаемых термином «говорящие – модели». Как показали более поздние социолингвистические исследования, этот учет модели, основанной на использовании носителей средств массовой информации, в отличие от предыдущих предложений подтверждается эмпирически [3; 4].

Подход к стандарту произношения действительно демонстрирует эволюцию, очень похожую на изменение метода, наблюдаемое в социолингвистических исследованиях: подход к стандарту произношения и его определение развиваются в направлении «демократизации». Действительно, мы наблюдаем переопределение полномочий, на которых основан стандарт произношения, и лиц, определяющих эту норму. В то время как до сих пор считалось, что стандарт произношения происходит от языкового использования элитой (доминирующей социальной группой), в настоящее время наблюдается более описательная тенденция, основанная на исследованиях восприятия. Таким образом, такая работа основывается на демократической и эмпирической модели большинства участвующих слушателей / говорящих, которые играют роль «избирателей» нормы. Именно в ходе этих исследований становится легче продемонстрировать, что в языковом сознании большинства носителей языка стандарт представлен модельными носителями.

В соответствии с исследованиями М. Шалье, анализ произношения носителя-модели предполагает, со своей стороны, что произношение телеведущих несколько расходится с произношением традиционной модели, с глобальной нейтрализацией трех оппозиций : /a/ : /ɑ/, как правило, нейтрализуется в /a/, /œ/ : /ɛ̃/ в /ɛ̃/ и /e/ : /ɛ/ в /e/. Противопоставление /œ/ : /ø/, в свою очередь, поддерживается, но оно также имеет тенденцию к нейтрализации (/œ/ : /ø/ > /œ/), кроме, в некоторых случаях, позиции в закрытом слоге (напр., перед /z/: coiffeuse).

В конечном счете, относительно Парижа данные показывают, что информанты в основном предпочитают поддерживать четыре оппозиции (a/ : /ɑ/; /œ/ : /ɛ̃/ ; /e/ : /ɛ/; /œ/ : /ø/), хотя небольшая тенденция к нейтрализации может

наблюдаться в случаях двух фонем (это: / ε / > / е /; / œ / > / ě /). В этой связи есть несколько подсказок, свидетельствующих о том, что обнаруженная разница между результатами, влияющими на произношение и восприятие, может быть связана с тем фактом, что парижские информанты в своих оценках восприятия больше полагались на свои представления, чем на свое восприятие.

В случае с Парижем трудно сформулировать четкие выводы по этим четырем признакам, но можно отметить следующие тенденции:

– / а /: / а /: поскольку оппозиция нейтрализуется в / а / в произношении, но при этом используется в восприятии, двусмысленность ее статуса в стандарте остается сильной;

– / ε /: / е /: оппозиция сохраняется в открытом / е ε / ~ érée / ере /, она нейтрализуется в сторону / е / закрытого и / е / ~ является / ε / и остается неоднозначной в été /ete/ ~ étaient /ete/, поэтому результаты произношения и восприятия противоречивы;

– / ø /: / œ /: оппозиция сохраняется, но наблюдаются в растущей тенденции к нейтрализации в сторону [œ];

– / œ /: / ě /, оппозиция, будучи нейтрализованной, в сторону / ě / в произношении, но предпочтительной в восприятии, неопределенность ее статуса в стандартах нормы остается. Однако тенденция к отклонению / ě / в определенных случаях неоспорима [1].

В целом, эти результаты также показали, по крайней мере, для этих четырех оппозиций, что нецелесообразно отделять возможный «парижский стандарт произношения» от традиционной эталонной нормы. Стандарт произношения, используемый в Париже, во многом соответствует стандарту обращения. Таким образом, эталонный стандарт в конечном итоге может быть хорошо географически локализован в регионе Парижа, поскольку носители языка, говорящие на нем, в основном являются парижанами, принявшими парижский язык, а его лучшими представителями являются профессиональные носители аудиовизуальных средств массовой информации, находящиеся в Париже.

Список использованных источников

1. Chaliier, Marc Les norms de pronounciation du français / Marc Chaliier. – Walter de Gruyter GmbH, 2021. – 513 p. – URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/51444>).
2. Fouché, Pierre Les diverses sortes de français au point de vue phonétique / Pierre Fouché. – Le français moderne 4, 1936. – 199–216 p.
3. Martinet, André Remarques sur la variété des usages dans la phonie du français, in : Green, John N. / Ayres-Bennett, Wendy (edd.), Variation and change in French. Essays presented to Rebecca Posner on the occasion of her sixtieth birthday, London / New York, Routledge, 1990. – 13–26 p.
4. Martinon, Philippe Comment on prononce le français / Philippe Martinon. – Paris, Larousse, 1913.
5. Morin, Yves-Charles French data and phonological theory / Yves-Charles Morin. – Linguistics 25, 1987. – 815–843 p.
6. Pustka, Elissa Accent(s) parisien(s) – Auto- und Heterorepräsentationen stadtsprachlicher Merkmale, in / Krefeld, Thomas (ed.), Sprachen und Sprechen im städtischen Raum, Frankfurt am Main, Peter Lang, 2008. – 213–249 p.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БИЛИНГВИЗМА ВО ВРЕМЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ АНГЛИЧАН

М. В. Чернышова¹, А. Ю. Орлова²,

*¹доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

*²обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Цель работы заключается в рассмотрении лексических и грамматических особенностей билингвального обучения при изучении немецкого языка студентами-англичанами. В результате исследования были выделены некоторые свойства и сложности изучения немецкого как второго языка, а также его влияние на речь и культурное образование англоговорящих обучающихся.

Ключевые слова. Язык, билингвизм, двуязычное обучение, лингвистика, социолингвистика, англо-немецкий билингвизм, социолингвистика.

Summary. The goal of the work is to consider the lexical and grammatical features of bilingual education of English students in the study of the German language. As a result of the study, some properties and difficulties of learning German as a second language, as well as its impact on the speech and cultural education of English-speaking students, were highlighted.

Key words. Language, bilingualism, bilingual education, linguistics, sociolinguistics, English-German bilingualism, sociolinguistics.

XXI век – это век стремительно развивающегося прогресса, в условиях которого все чаще всплывает вопрос о необходимости международных отношений и, следовательно, о необходимости многоязычия. Знание одного или нескольких иностранных языков сейчас – это неотъемлемая составляющая жизни многих людей, от студентов до профессионалов. Как правило, наиболее благоприятное время для усвоения иностранных языков начинается в юношеском возрасте, в связи с этим все чаще в школах и университетах применяется феномен так называемого двуязычного образования, при котором академический процесс обучения происходит непосредственно на втором языке с целью приучить школьников и студентов к пониманию иностранной речи. Подобные программы обучения стремительно популяризируются и продвигаются как один из самых прогрессивных способов изучения нескольких языков за раз, таких как английский, французский и, непосредственно, немецкий.

Обучение в условиях двуязычия признано многими учеными одной из возможностей наиболее эффективного преподавания иностранного языка в школе и поэтому находится в настоящее время в центре внимания исследователей. Техника обучения на нескольких языках сразу не нова, однако она очень эффективна во многих сферах, таких, например, как обучение культуре изучаемых языков. В связи с нарастанием популярности многоязычного обучения и влияния иностранного языка и культуры на жизнь людей, все чаще среди подростков и взрослых наблюдается феномен билингвизма. «Сущность становления механизма билингвизма заключается в возбуждении знаковых, денотативных (семасиологических) или ситуативных связей лексических единиц в условиях необходимости или возможности выбора между двумя языковыми системами» [1, с. 390].

Немецкий язык является одним из основных иностранных языков изучения в школах и университетах в XXI веке. Он популярен как второй иностранный язык изучения, в частности, из-за более чем 130 миллионов носителей по всему миру, а также благодаря широкому применению в разных сферах жизни, таких как бизнес или туризм. Немецкий как второй иностранный язык после английского приобретает все большее значение и востребованность в системе образования во всем мире.

Также немецкий язык имеет широкую географию распространения. Во-первых, как уже упоминалось раньше, немецкий язык является родным для 130 миллионов человек, плюс еще порядка 80 миллионов изучили Deutsch в качестве дополнительного (иностранного) языка. Помимо этого, из этих 80 примерно 4 миллиона иностранцев – это россияне, которые захотели научиться понимать и общаться на немецком. Во-вторых, помимо самой Германии, немецкий признан официальным языком еще 5 государств: Австрии, Бельгии, Лихтенштейна, Люксембурга и Швейцарии. Этот факт позволяет немецкому языку считаться самым распространенным наречием в Западной Европе, ведь в общей сложности по-немецки разговаривают около 90 миллионов жителей западноевропейских стран. В связи с этим процесс «приживаемости» немецкого в качестве второго языка у ряда не-немецкоязычных стран стремительно развивается уже некоторое время. Например, во многих франко- и англоговорящих странах немецко-английский билингвизм уже не является редкостью.

Сущность возникновения билингвизма заключается в возбуждении знаковых, денотативных или ситуативных связей лексических единиц в условиях необходимости или возможности выбора между двумя языковыми системами. Для студентов и школьников, которые всю жизнь говорили на английском языке, немецкий постепенно может стать вторым «родным» языком из-за сильного культурного, лексического, фонетического и грамматического влияния из соседствующих стран. Немаловажным фактором такого феномена является наличие общего языкового предка – праиндоевропейского языка.

Можно провести ряд примеров особенностей немецко-английского билингвизма. Например, в немецком языке присутствует феномен оглушения согласных звуков в конце слов. Такая особенность не свойственна, однако, английскому языку, и в обучении из-за этого могут возникать некоторые сложности для англоговорящих подростков. «Например, букву «s» в начальном

положении в немецком языке (*der Sommer, die Sonne*) изучающие английский оглушают, так как начальная «s» в английском языке передает глухой [s], а в немецком звонкий [z]» [2, с. 392].

Подобное происходит не только со звучанием определенных букв или слов, но и с грамматикой, а также с ударениями. В английском языке имеется несколько «паттернов» ударения и интонации в речи, такие как восходящий и нисходящий. Для каждого из них предусмотрены свои правила использования, например, ударное слово в предложении самое высокое по тону; такие части речи, как предлоги, союзы, связки и отрицания безударны; в двусложных же словах ударение падает на первый слог. В немецком слова распадаются на слоги, на один из которых падает «главное» ударение – наиболее сильное. «Неударные слова примыкают к ударному слову и образуют с ним фонетическое единство: *an die Arbeit, bis zu Ende, nach der Pause* (срав.: англ. *at home, in the evening*)» [3, с. 392].

Некоторые сложности для англоговорящих студентов могут возникать не только на грамматическом, но и на лексическом уровне восприятия. Для многих подростков, для которых английский язык является родным или первым/вторым языком обучения, бывает трудно различить некоторые немецкие слова, схожие по произношению с английскими. Учащийся, услышавший немецкое слово «*bekommen*», с большой вероятностью проведет аналогию с английским глаголом «*to become*» и неправильно переведет его как глагол со значением «становиться», а не «получать». Подобные сложности возникают, в частности, из-за большого количества созвучных слов в двух языках, имеющих схожие значения – интернационализмы, такие как *нем. reagieren – англ. to react, нем. rennen – англ. to run, нем. der Walzer – англ. waltz* и им подобные. Наличие взаимопроникающих слов в двух языках играет большую роль в билингвизме, который развивается как у английских, так и немецких студентов, а также у многих учащихся по всему миру, которые изучают эти языки в определенной последовательности как второй и третий. «Начинающий изучать немецкий в качестве второго иностранного столкнется с большим количеством вызовов и трудностей, начиная с произношения, заканчивая формулировкой предложений и образованием грамматических форм. Задача педагога в случае билингвизма – это направить обучающегося в нужное русло, используя двуязычие во благо, грамотно определяя причины только проявившихся, или уже повторяющихся грамматических и лексическо-стилистических ошибок» [4, с. 100].

Особенности немецко-английского билингвизма оказывают большое влияние на развитие студентов по всему миру, так как их взаимовлияние друг на друга дают стимул студентам к дальнейшему изучению языков.

Список использованных источников

1. Бастракова, И. С. Формирование механизма билингвизма при обучении немецкому языку на основе английского / И. С. Бастракова // Студенческая наука и XXI век. – 2008. – с. 390.
2. Бастракова, И. С. Формирование механизма билингвизма при обучении немецкому языку на основе английского / И. С. Бастракова // Студенческая наука и XXI век. – 2008. – с. 392.

3. Бастрарекова, И. С. Формирование механизма билингвизма при обучении немецкому языку на основе английского/ И. С. Бастрарекова // *Студенческая наука и XXI век.* – 2008. – с. 392.

4. Дарзаманова, Р. З. Особенности преподавания немецкого языка в качестве второго иностранного у студентов, владеющих английским и/или татарскими языками / Р. З. Дарзаманова // *Казанская наука.* Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2019. – с. 100.

УДК 811.12

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ БИОЛОГИИ СТУДЕНТАМ-БИЛИНГВАМ

Т. Г. Чернышова¹, Т. В. Гришина²,

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социоллингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²аспирант кафедры физиологии человека и животных и биофизики, Институт биотехнологий, экологии и фармации, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам формирования моделей билингвального обучения в системе высшего образования в Российской Федерации, связанным с многонациональным составом обучающихся и большим количеством иностранных студентов. Эти вопросы конкретизируются в области преподавания билингвальным студентам биологических дисциплин. Авторы делают вывод, что билингвальная модель обучения в большей степени отвечает компетентностной модели обучения, закрепленной в ФГОС.

Ключевые слова: билингвизм, биология, обучение иностранных студентов.

Summary. The article pays special attention to the formation of bilingual education models in the system of higher education in the Russian Federation, with the last disclosing the presence of multinational part of students and a great amount of high-developed foreign learners. These issues are concretized in the field of teaching bilingual students biological disciplines. The authors conclude that the bilingual education model is more in line with the requirements of the model enshrined in the Federal State Educational Standard.

Key words: bilingualism, biology, teaching foreign students

Билингвальная система обучения, в рамках преподавания биологических и связанных с ними дисциплин, позволяет достичь одновременно множество целей: можно достаточно детально изучить предлагаемые предметы, например, биологию, физиологию, гистологию, с другой стороны, можно параллельно овладевать другими языками.

Цель настоящей работы – сделать выводы об успехах и недостатках преподавания биологических дисциплин студентам, для которых русский язык не является родным, по билингвальной программе, которая предусматривает, что обучение ведется на двух языках на примере Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. При этом важно отметить, что в своей работе мы хотим оценить влияние билингвальных программ дисциплин по универсальным компетенциям на формирование профессиональных компетенций по соответствующим дисциплинам.

В Российской Федерации из года в год растет количество студентов высших учебных учреждений, владеющих несколькими языками. Этому способствует два обстоятельства. Во-первых, многонациональный состав России и наличие в различных субъектах федерации законов об изучении языков народов Российской Федерации. В результате многие студенты владеют как русским, так и национальными языками. Во-вторых, Россия является одним из мировых лидеров по количеству иностранных обучающихся, большинство из которых владеют английским языком, а некоторые, кто учится на подготовительном отделении и на старших курсах, русским. Поэтому вопрос выбора моделей билингвального обучения для отечественных организаций высшего образования является крайне актуальным. Отдельно стоит отметить, что доля иностранных студентов, которые получают образование по укрупненной группе подготовки 310000 Клиническая медицина, традиционно превышающая долю иностранных студентов, которые обучаются по направлениям подготовки и специальностям из других укрупненных групп [2]. Основными предметами, которые они изучают на первых курсах являются предметы биологического цикла – физиология, анатомия, гистология и др. При изучении этих дисциплин важно учитывать особенности билингвального обучения [3].

Необходимо признать, что традиционные методики обучения, выработанные двадцать или тридцать лет назад, можно сегодня считать если не неудовлетворительными, то малоэффективными. В связи с этим можно согласиться со специалистами, что сегодня крайне необходимо «обновление содержательных и методологических компонентов обучения, актуальное придание образовательному процессу направленности деятельностного, развивающего характера в соответствии с требованиями современной жизни, потребностями рынка труда в компетентных и творчески мыслящих специалистах» [1, с. 350–351]. Билингвальное обучение, точнее говоря, обучение билингвальных студентов билингвальными преподавателям, можно оценить как уникальное условие, которое позволяет произвести обновление методики и содержание обучения биологическим дисциплинам в системе высшего образования.

Отдельно стоит остановиться на том, что современная система высшего образования как в Российской Федерации, так и в других странах ориентирована на компетентностный подход. Это означает, что, даже имея дело с изложением содержания конкретной дисциплины, например, анатомии, преподаватель не может ограничиваться задачей передачи пусть даже очень современной и актуальной научной и практической информации из данной области знаний. Его миссия заключается в том, чтобы формировать целый спектр компетенций,

среди которых есть и компетенции, неразрывно связанные с коммуникацией, которые относятся к так называемым «soft skills» или универсальными компетенциями. Отдельно стоит отметить, что Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 7 августа 2020 г. N 920 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриата по направлению подготовки 06.03.01 Биология» [5] формулирует эту компетенцию следующим образом: «УК-4. Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)». Также Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. N 988 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования –специалитета по специальности 31.05.01 Лечебное дело» [6] формулирует аналогичную компетенцию следующим образом: «УК-4. Способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия». Другими словами, и на уровне бакалавриата, и на уровне специалитете биологических и медицинским направлений подготовки специальностям федеральные государственные стандарты Российской федерации фактически формулируют задачу билингвального обучения в качестве одной из универсальных компетенций [4].

В работе использованы результаты текущего и промежуточного контроля групп студентов, которые проходят обучение в ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». В расчет принимались оценки результатов обучения, которые были получены обучающимися при текущем и промежуточном контроле как по изучению русского и английского языков, так и результаты теоретического обучения по общепрофессиональным компетенциям, которые были оценены параллельно или после, в течение одного года. При этом акцент был сделан на изучении билингвальными студентами дисциплин, относящихся к циклу биологической подготовки.

Сравнительный анализ успеваемости обучающихся по монолингвальной и билингвальной системам обучения свидетельствует о том, что билингвальные студенты показывают более значимые результаты. И дело вовсе не в том, какими знаниями они обладают. Полученные ими компетенции позволяют выстраивать внутри студенческого сообщества достаточные основания для консолидации остальных обучающихся вокруг ядра студентов, которые понимают и принимают условия предложенной модели.

Преимущество билингвальной подготовки обучающихся заключается в том, что оно позволяет организовать занятия для билингвальных (и не только) обучающихся при изучении дисциплин биологического цикла с учетом специфики терминологической и лексической подготовки. Важно отметить, что при этом следует уделять внимание не только тому, как каждый студент смог погрузиться в изучение семантически-лексических особенностей другого языка, но и тому, насколько он смог приблизиться к своей цели – освоению профессии и обретению знаний.

Список использованных источников

1. Вершинина Е. В. Методологический подход к преподаванию биологии на билингвальной основе на средней ступени общеобразовательной

школы / Е. В. Вершинина, Т. А. Чернова, М. М. Комбарова // Модернизация и научные исследования в транспортном комплексе. – 2012. – Т. 10. – С. 350–357. Vershinina E. V. Metodologicheskij podhod k prepodavaniyu biologii na bilingval'noj osnove na srednej stupeni obshcheobrazovatel'noj shkoly / E. V. Vershinina, T. A. Chernova, M. M. Kombarova // Modernizaciya i nauchnye issledovaniya v transportnom komplekse. – 2012. – Т. 10. – С. 350–357.

2. Мампория И. Ф. Основные тенденции развития билингвального обучения в российских вузах / И. Ф. Мампория // Язык и мир изучаемого языка. – 2012. – № 3. – С. 129–135. Mamporiya I. F. Osnovnye tendencii razvitiya bilingval'nogo obucheniya v rossijskikh vuzah / I. F. Mamporiya // YAzyk i mir izuchaemogo yazyka. – 2012. – № 3. – С. 129–135.

3. Петрукович Л. А. Потребность студентов вуза неязыковых специальностей в билингвальном обучении / Л. А. Петрукович // Современные концепции научных исследований. – 2015. – С. 49–52. Petrukovich L. A. Potrebnost' studentov vuza neyazykovyh special'nostej v bilingval'nom obuchenii / L. A. Petrukovich // Sovremennye koncepcii nauchnyh issledovanij. – 2015. – С. 49–52.

4. Чухлеб Л. В. Билингвальное образование в России и других странах / Л. В. Чухлеб // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2011. – № 2. – С. 37–42. Shuhleb L. V. Bilingval'noe obrazovanie v Rossii i drugih stranah / L. V. Shuhleb // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Pedagogika i psihologiya. – 2011. – № 2. – С. 37–42.

5. Российская Федерация. Приказ Министерства науки и высшего образования от 07.08.2020 N 920 (ред. от 26.10.2020) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 06.03.01 Биология» / [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/74530590/>

6. Российская Федерация. Приказ Министерства науки и высшего образования от 12.08.2020 N 988 (ред. от 26.10.2020) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело» / [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/74566342/>

УДК 811.12

ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ БЛОГ-ДИСКУРСА (КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ)

О. Г. Чернявская¹, Н. Н. Кислицына², Е. А. Новикова³,

¹старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков №1, Институт филологии, ФГАОУ ВО

*«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

³кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается блогосфера как один из инструментов межличностной виртуальной коммуникации в обществе. Отмечается, что общение в пространстве блогосферы представляет собой особый вид дискурса в составе виртуальной коммуникации. Выделяются и описываются характерные особенности блог-дискурса. Анализируются статистические данные за 2021 год, относящиеся к развитию блогосферы. Значительное внимание уделяется направлениям лингвистических исследований блогосферы, и, в частности, дискурсивным исследованиям. Рассматриваются перспективы дальнейших лингвистических исследований блогосферы и их важность для изучения виртуальной коммуникации.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, интернет-жанр, блогосфера, блог-дискурс, гипертекст.

Summary. The article considers the blogosphere as one of the tools of interpersonal virtual communication in society. It is noted that communication in the blogosphere is a special type of discourse in virtual communication. The blog discourse features are highlighted and described. Statistic data related to the development of the blogosphere are analyzed for 2021. Considerable attention has been paid to linguistic research of the blogosphere, and in particular its discursive aspect. The prospects for the further linguistic research of the blogosphere and its importance for the study of virtual communication are discussed.

Key words: virtual communication, Internet genre, blogosphere, blog-discourse, hypertext.

Виртуальная коммуникация в современном обществе становится важной частью социальной деятельности человека, способствуя увеличению скорости обмена информацией в обществе, а также вербальному взаимодействию людей. Из средства связи опосредованное компьютером общение превращается в феномен, который оказывает воздействие на индивида, трансформируя систему коммуникации между людьми, стирая временные и пространственные границы.

Одним из пространств межличностной виртуальной коммуникации в настоящее время является *блогосфера*, которая становится важным инструментом для представления объективной информации. Блогосфера представляет собой сложное коммуникативное явление, опосредованное компьютером. В рамках междисциплинарных исследований активно разрабатываются композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации [4], а также жанровые и гендерные особенности блогосферы. Кроме того, благодаря архивной структуре блога, исследователи имеют возможность проводить диахронические исследования блогов и изучать различные социальные процессы с течением времени.

Исследования блог-коммуникации являются актуальным направлением лингвистических исследований. В частности, фокусе внимания рабочей группы исследователей из США находился гипертекстуальный аспект блогосферы [19]; изучению специфики научных блогов посвящены работы Джона Вилкинса [18];

Дж. Б. Виллиамс и Дж. Джейкобс в своем исследовании анализируют блогосферу в качестве образовательного пространства [20]; лингвистические аспекты комментария и цитирования рассматривают Л. Ефимова и Дэ Мур [13]; влияние гендерного аспекта, возраста блогера, характер целевой аудитории на коммуникацию в блогосфере изучают Дж. Шлер и др. [17]; языковая личность блогера является объектом исследования С. Ноусона [16]; Г. Мишне изучает влияние настроения автора на стилистику и языковые средства, используемые при написании постов [15].

Дискурсивное пространство блогосферы стало объектом лингвистических исследований целого ряда ученых. Так, Е. Г. Новикова рассматривает языковые особенности организации текстов классического и виртуального дневника [8]; Т. М. Гермашева проводит исследование лингвистических и паралингвистических характеристик блог-дискурса [1]; коммуникативные аспекты коммуникации в блогосфере входят в круг научных интересов В. А. Шапошникова [6]; историю и перспективы блогосферы в когнитивной парадигме изучает Р. Блад [10]; жанр блога и языковая личность блогера становятся объектами исследования С. Ноусона [16]; дискурсивные особенности гастрономических блогов анализирует Д. Чесири [11]. Таким образом, мы наблюдаем рост популярности и дальнейшую диверсификацию лингвистических исследований блогосферы.

В настоящее время блогосфера рассматривается в качестве площадки для развития гражданской журналистики. Блог воспринимается в качестве источника информации и способа взаимодействия автора блога с аудиторией, позволяя последнему выразить свое мнение, а также корректировать его в процессе коммуникации с его читателями. Важной характеристикой блога являются открытость и доступность информации.

Коммуникация в виртуальном пространстве блогосферы становится особым видом дискурса. Термин «дискурс» был впервые введен З. Харрисом в статье «Discourse Analysis» в середине прошлого века. По мнению исследователя, анализ дискурса может быть рассмотрен с позиции двух взаимосвязанных задач. Первой задачей является выведение описательной лингвистики за рамки отдельного предложения. Вторая задача заключается в соотношении культурного и собственно лингвистического компонентов. З. Харрис отмечает, что фразы следует изучать в их целостном значении, а не как совокупность значений отдельных морфем [14].

С тех пор термин «дискурс» получил широкое распространение во многих областях языкознания. В начале нового тысячелетия дискурс рассматривается как сложный объект исследования и находится в фокусе интересов как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Проблематика дискурса нашла свое отражение в трудах Т. А ван Дейк, Дж. Граймса, Р. Лонгейкра, Э. Бенвенист, М. Фуко, Т. Гивон, А. М. Приходько, И. С. Шевченко, С. О. Швачко, Е. В. Бондаренко, А. П. Мартынюк, А. Н. Приходько, П. М. Донець, В. Г. Пасинюк, Н. Д. Артюновой, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова, М. Л. Макарова.

При изучении данного сложного феномена лингвисты получают новые знания, которые пока еще не удается систематизировать. Дискурс является новым фокусом исследования, новым горизонтом видения языковой коммуникации. Это свидетельствует о том, что теория дискурса далека от

завершения и необходимы новые системные идеи для отображения данного явления.

Понятие дискурса в современной лингвистике является одним из наиболее волатильных. Выйдя за пределы собственно научного языкознания, термин дискурс стал использоваться по отношению к самым разнообразным сферам человеческой деятельности, что привело к его неоднозначной трактовке.

В данном исследовании авторы опираются на идеи Т. ван Дейка [12], который говорит о том, что термин «дискурс» может, с одной стороны, пониматься как определенный тип социальной области использования языка, например, «медицинский дискурс», «политический дискурс», «спортивный дискурс» [2], кинодискурс [5], а с другой стороны, термин «дискурс» может быть использован в более узком значении – для обозначения конкретной единицы коммуникации.

Под дискурсивным пространством Интернет в нашей работе мы понимаем семиотическую систему, которая структурно организована в виде текстов, изображений, видео и аудиофайлов. Среди основных целей Интернет-дискурса можно выделить поиск информации, передачу информации, хранение информации, общение, развлечение и обсуждение. Тексты Интернет-дискурса разнообразны по своей форме и содержанию и обычно обладают свойством гипертекстуальности. Следует отметить, что при анализе Интернет-дискурса должен учитываться не только текст в ситуации общения, но и электронный канал связи для контакта между участниками коммуникации и основные характеристики виртуальной реальности. Л. М. Макаров отмечает, что дискурсивные явления существуют в новой среде, не существовавшей ранее, в пространстве, создающемся для общения людей, которые играют в этой новой среде соответствующие коммуникативные, культурные, межличностные, психологические роли [7, с. 17]. Составляющими такой коммуникации являются: пользователь, определенное электронное устройство и Интернет, объединяемые интернет-дискурсом. Стратегии интернет-дискурса определены его целями и реализуются в жанрах интернет-коммуникации.

Коммуникативная среда Интернет способствовала появлению новых жанров. Как отмечает Л. Ф. Компанцева, речевые жанры виртуальной коммуникации формируются в результате изменения прагматических установок и целей участников Интернет-коммуникации [6, с. 213]. Жанроведческий подход позволяет классифицировать и упорядочить виды Интернет коммуникации, однако, как уже отмечалось ранее, до сих пор не существует унифицированной системы жанров виртуальной коммуникации. Исследователи Интернет коммуникации традиционно отмечают, что сетевые жанры неоднородны, так как, будучи сформированными на основе интернет-опосредованной коммуникации, имеют разнообразную стилистическую принадлежность, тематику и композиционную структуру.

Блог занимает особое место в системе виртуальной коммуникации и является одним из дискурсообразующих жанров. В свою очередь, блог-дискурс образует особый тип дискурса в составе виртуальной коммуникации, который представляет собой комплекс блогов. Гипертекстуальный формат блога позволяет сочетать письменную и устную формы коммуникации и использовать различные аудиовизуальные средства для добавления эмоциональной нагрузки.

Как отмечает Т. М. Гермашева, блог-дискурс является деятельностным, динамическим и процессуальным феноменом виртуальной коммуникации, который выражается в процессе общения языковых личностей в виртуальном пространстве. К основным характеристикам блог-дискурса относятся коммуникативные стратегии, которые базируются на коммуникативных событиях, возникающих в блогосфере, и регулируются потребностями участников коммуникации в блогосфере [1, с. 9].

Блогосфера является динамично развивающейся виртуальной средой, которая трансформируется в зависимости от развития коммуникационных технологий и социальных процессов, происходящих в обществе. Статистические исследования, проведенные в 2021 году, показали, что в мире насчитывалось более 600 миллионов блогов, количество активных блогеров только в США достигло 31.7 миллионов человек, а за последние пять лет количество блогеров возросло на 12 %. Также за последние пять лет возросло на 53% среднее количество слов в посте, и сейчас оно составляет около 1416 слов. Следует отметить, что современные блогеры тратят на 67% больше времени при написании поста, чем в 2014 году. Говоря о содержательной части блогов, популярность сохраняют статьи, в которых блогеры дают советы относительно различных областей человеческой деятельности. В качестве определенных тенденций в 2021 году отмечается снижение популярности формата интервью, а также статей, в которых блогер выражает свою точку зрения [21].

Таким образом, обобщая статистические данные, мы можем сделать следующие выводы об основных тенденциях развития блогосферы:

- увеличение количества блогеров;
- деление жанра блога на субжанры;
- увеличение размера каждой статьи;
- рост популярности блогов, в которых авторы делятся с аудиторией практическими навыками.

Лингвистические исследования блога открывают новые перспективы для когнитивного анализа дискурса. Исследования, посвященные изучению структуры жанра «блог» и его компонентов, таких как, например, ключевые слова [3], в перспективе позволят выявить тенденции употребления языковых средств, их функционирования в повседневной речевой коммуникации, а также закономерности, свойственные не только интернет-жанрам, но и современной вербальной коммуникации в целом.

Список использованных источников

1. Гермашева, Т. М. Исследование лингвистических и паралингвистических характеристик блог-дискурса / Т. М. Гермашева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – № 126. – С. 150–155.
2. Кислицына, Н. Н. Жанры спортивного дискурса: лингво-когнитивный аспект / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – 205 с.
3. Кислицына, Н. Н. Значимость ключевых слов в аспекте изучения дискурса / Н. Н. Кислицына, К. Д. Герман // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2017. – С. 186–190.

4. Кислицына, Н. Н. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) / Н. Н. Кислицына, О. Г. Чернявская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Том 12. – Выпуск 6. – С. 368–373.
5. Кислицына, Н. Н. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) / Н. Н. Кислицына, А. Г. Службина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 513–520.
6. Компанцева, Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2008. – 528 с.
7. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Новикова, Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Елена Геннадьевна Новикова ; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2005. – 21 с.
9. Шапошников, В. А. Преодоление коммуникативного вакуума в блогосфере / В. А. Шапошников // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – №1. – С. 141–144.
10. Blood, Rebecca. The weblog handbook: practical advice on creating and maintaining your blog / Rebecca Blood. – Cambridge, Massachusetts : Perseus Books, 2002. – 184 p.
11. Cesiri, Daniela. The Discourse of Food Blogs Multidisciplinary Perspectives / Daniela Cesiri, 2020. – Access mode: <https://www.routledge.com/The-Discourse-of-Food-Blogs-MultidisciplinaryPerspectives/Cesiri/p/book/9781032174457>. (Access date: 10.02.2021).
12. Dijk van, T. A. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline / T. A. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis. – London : Academic Press. – Vol. 1. –1985. – P. 1–10.
13. Efimova, L. Beyond personal web publishing: An exploratory study of conversational blogging practices. In Proceedings of the 38th Annual Hawaii International Conference on System Sciences, pages 107a / L. Efimova, A. de Moor, 2005. – Access mode: <https://doc.novay.nl/dsweb/Get/File-44480>. (Access date: 08.02.2021).
14. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.
15. Mishne, Gilad. Experiments with mood classification in blog posts. In Proceedings of ACM SIGIR 2005 Workshop on Stylistic Analysis of Text for Information Access, 2005 / Gilad. Mishne – Access mode: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.111.2693&rep=rep1&type=pdf>. (Access date: 08.02.2021).
16. Nowson, Scott Weblogs, genres and individual differences. In Proceedings of the 27th Annual Conference of the Cognitive Science Society / Scott Nowson, Jon Oberlander and Alastair J Gill. – 2005. – P. 333 -354.

17. Schler, Jonathan Effects of age and gender on blogging. In AAAI 2006 Spring Symposium on Computational Approaches to Analysing Weblogs (AAAI-CAAW) / Jonathan Schler, Moshe Koppel, Shlomo Argamon and James W. Pennebaker. – 2006. – P. 6–13.
18. Wilkins, John S. The roles, reasons and restrictions of science blogs. Trends in Ecology & Evolution, 23(8):411-413, August 2008 / John S. Wilkins. – Access mode: <http://tinyurl.com/35orxzd>. (Access date: 25.01.2021).
19. Williams, Andrew Paul Blogging and hyperlinking: use of the web to enhance viability during the 2004 US-campaign. Journalism Studies / Andrew Paul Williams, Kaye D. Trammell, Monica Postelnicu, Kristen D. Landreville, Justin D. Martin. – 2005.– P. 177–186.
20. Williams, Jeremy B. Exploring the use of blogs as learning spaces in the higher education sector / Jeremy B. Williams, Joanne Jacobs // Australasian Journal of Educational Technology, 20(2):232-247, 2004. – Access mode: <http://ascilite.org.au/ajet/ajet20/williams.html>. (Access date: 25.01.2022).
21. Orbitmedia.com : [website]. – URL: <https://www.orbitmedia.com/blog/blogging-statistics/>. (Access date: 25.01.2022).

УДК 81'1'4.

GENDER STEREOTYPES IN LINGUISTICS

А. Н. Шиманович,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Часто гендерные исследования в языкознании носят междисциплинарный и сопоставительный характер. Таким образом, практически любая область лингвистики может быть рассмотрена с гендерных позиций. Стоит отметить, что исследования гендера связаны с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола. Это относительно новая отрасль гуманитарного знания. Социальные роли четко не закреплены в обществе, поэтому прогнозирование перспективы изменений стереотипов позволяет расширить объем уже изученных гендерных стереотипов, закрепленных в языке с помощью номинаций, и фиксировать появление новообразований для изучения. Гендерные стереотипы в лингвистике относят к содержательной стороне языка. В качестве ментального явления они обязательно коррелируют с наивной картиной мира, соотнося представления и реальные объекты, а также обладают мотивированностью для возникновения и функционирования стереотипа. Следовательно, гендерные стереотипы используются носителем автоматически. А значит, стереотипизация гендера, как часть общекультурного пространства, фиксируется на всех языковых уровнях, включая мужские и женские признаки, характеристики, ожидания.

Ключевые слова: гендер, стереотип, прототип, концепт, когнитивная лингвистика.

Summary. Recently, the topic of gender studies, and in particular gender stereotypes, has been discussed at the intersection of disciplines: psychology, sociology, philosophy, physiology, history, linguistics. The interaction of the sexes and the behaviour inherent to men and women are examined from the perspective of psychology. Sociological studies include gender stereotypes. The philosophical perspective allows us to observe the existence of gender stereotypes since antiquity, while history helps to trace the development of the problem, including the feminist sentiments of the last century. The physiological perspective provides an opportunity to reveal the concept of gender in terms of anatomy. Language, on the other hand, is a reflection of the changes taking place in society.

Key words: gender, stereotype, prototype, concept, cognitive linguistics.

Within the framework of linguistic research, stereotypes are interpreted as special forms of knowledge storage and evaluation, i.e. the so-called concepts of orienting behaviour. Researchers see stereotyping as the core of tradition formation mechanism and the ethnic peculiarity of culture. Mental stereotypes are fixed by language. Thus, E. Bartminski understands a stereotype in the most general sense as «a representation of an object fixed in language, accessible through language and related to the collective knowledge of the world» [1, p. 22].

In cognitive linguistics and ethnolinguistics the term "stereotype" refers primarily to the content side of language and culture, that is understood as a mental phenomenon, and correlates with a "naive worldview". When correlating stereotype with a naive picture of the world, researchers note that the correspondence of this representation to real properties of the world picture object, the motivation of this representation is not a necessary component of the emergence and functioning of the stereotype. J.E. Prokhorov points out that stereotypes are used automatically: as a rule, a speaker does not only think about the history of motivation but does not even pay attention to the fact that some reference properties contradict the empirical picture of the world. According to J.E. Prokhorov, «the inconsistency of a stereotype with real experience is associated primarily with the fact that not a real reflection of reality arises in the mind, but its image corresponding to the conditions of practice of the phenomenon in a certain community, mediated by the specific activity in this community» [2, p. 7].

A. A. Sorokin defines a stereotype as «a certain process and result of communication (behaviour) according to certain linguistic (semiotic) models which list is closed because of some semiotic and technical principles adopted in a certain society» [3, p. 136].

Some linguists consider a stereotype to be a type of prototype.

Thus, the classification of prototypes, according to J. Lakoff [4], includes, among others:

1) typical examples (e.g.: *Macho* – male who cannot "lose face" in front of his mates or women) [5];

2) social stereotypes: they are usually realized (can be discussed) in society and therefore change over time, as a result of people's explicit agreements. They are used in reasoning and especially in conclusions. There may also be disagreement about the

appropriateness of their use in a given discourse (e.g.: *Alpha Male* – the dominant male) [5];

3) ideals: abstract idealizations (e.g.: *Knight* – the devoted champion of a lady) [6];

4) patterns (perfection): either an ideal or its opposite (e.g.: *Gentleman* – a man who is respectful and considerate of those around him. Acts politely. Treats women with respect. Opens doors for them, pulls out chairs, and is classy. What more guys should be) [6];

5) generators are cases where category representatives are defined, or in other words generated, by central representatives plus some number of general rules (e.g.: *Narcissus* – a male who looks at himself often; a pretty boy; *Metrosexual* – strait guys who are mistaken for being gay because of their fashion sense and hygiene habits; *Retrosexual* – a man, usually a young man, who enjoys dressing up but in the outmoded fashions; *Technosexual* – a man who feels sexual attraction towards computers or any form of technology) [6];

6) sub-models (e.g. *Macho*: Virile – capable of performing sexually as a male; potent; *Skirt chaser* – a man who goes around to girls, telling them how much he loves them; *Ladies' man* – a man who is able to get any woman anytime; *Dandy* – a man who takes care of his looks so that to be attractive to women; *Playboy* – a rich unattached man who is a magnet for girls; *Womanizer* – a selfish, narcissistic, nefarious character who needs to manipulate and use women to feed his own childish, self serving ego; *Don Juan* – a man who gave many women sexual gratification) [6];

7) outstanding examples: common knowledge, easy to remember, etc. (e.g.: *Knight*, *Gentleman*, *Macho*, *Don Juan*).

The semantic component of a language cannot be ignored, as it is a part of a large number of lexical units (e.g.: *waiter*, *waitress*). Furthermore, the semantic component is represented in the categories of parts of speech by the gender category. If the category of gender is absent, gender differentiation is facilitated by gender markers, such as: gender constructions and models of statements, stylistic techniques, characteristic linguistic units, mechanisms of influence on the audience.

Thus, the phenomenon of gender raises many questions. Gender studies of stereotypes from the standpoint of linguistics cover not just a wide range of issues on the formation of male and female identity, but also the significance of the category of gender in the analysis of the semantics of lexical units, where gender becomes a component of meaning. An important feature of the formation of stereotypes is the duration and reflection of the mental levels of cultural carriers.

If we consider the phenomenon of stereotyping from the point of view of synchronicity, then, on the one hand, gender stereotypes are very stable, for example, it may take quite a long time to change one or another paradigm of stereotypes. On the other hand, despite the extraordinary stability of gender stereotypes, like all social stereotypes, they are subject to change as social perceptions and norms change. However, it can be stated that changes in gender stereotypes are much slower than changes in social realities. It means that it takes a long period of time to consolidate in the public consciousness a template that would be mentally taken for granted.

List of references

1. Берн, Ш. Гендерная психология : монография / Ш. Берню – Санкт-Петербург : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 320 с.

2. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
3. Сорокин, Ю. А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий / Ю. А. Сорокин // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. – Москва, 1998. – С. 133–138.
4. Lakoff, R. Language and women's Place / R. Lakoff // Language in Society. – 1973. – №2. – P. 45–79.
5. Urban Dictionary [Electronic Resource] – Access mode: <https://www.urbandictionary.com/>. (Access date: 15.02.2022).
6. Webster's New World College Dictionary / ed. by Phil Parker. – Ohio : Cleveland, 2010.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 81-25

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА *GENERATION GAP* В СЕРИАЛЕ *ONLY MURDERS IN THE BUILDING* И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ф. Р. Асанова,

*обучающаяся кафедры восточной филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.
Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель данной статьи описать языковую реализацию феномена Generation Gap в речи героев сериала «Only murders in the building». Для достижения поставленной цели были применены метод сплошной выборки языкового материала из видеотекста (текст взят из субтитров); описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод системно-функционального анализа, статистический метод. В ходе работы автор приходит к выводу, что заложенная сценаристами идея не в полном объеме передается в тексте турецкой версии сериала, а для турецкого реципиента феномен Generation Gap, как один из ведущих в сериале, останется незамеченным.

Ключевые слова: турецкий язык, английский язык, видеотекст, переводческие трансформации, сленгизм, инвектива, Generation Gap.

Summary: The purpose of this article is to describe the language implementation of the Generation Gap phenomenon in the speech of the heroes of the series “Only Murders in the Building”. To achieve this goal, the method of continuous sampling of language material from the video text (the text was taken from the subtitles); descriptive, dictionary definitions analysis, system-functional analysis, statistical methods were applied. The author comes to the conclusion that the idea laid down by the scriptwriters is not fully conveyed in the text of the Turkish version of the

series, and for the Turkish recipient, the phenomenon of Generation Gap, as one of the leaders in the series, will go unnoticed.

Key words: Turkish, English, film translation, translation transformations, invective vocabulary, precedent phenomena, Generation Gap.

Актуальной проблемой современной медиа сферы и современной лингвистики является изучение проблем перевода на материале видеотекста. Цель данной статьи описать языковую реализацию феномена Generation Gap в речи героев сериала «Only Murders in the Building». Для достижения поставленной цели были применены метод сплошной выборки языкового материала из видеотекста (текст взят из субтитров); описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод системно-функционального анализа, статистический метод.

Проблемы поколений первым затронул в своей работе К. Мангейм [2, с. 26]. К. Мангейм под поколением понимает группу людей, проживающих в один исторический период, переживающих совместно те или иные значимые события. Соответственно, поколение формирует не столько возраст, сколько коллективный опыт, сопричастность к одному и тому же миру. На основе этого опыта складываются определенное мироощущение и практика поведения, типичные для людей, его транслирующих, и отличающие это поколение от других. К. Мангейм рассматривает поколение как «одинаковое местоположение множества индивидов в социальной структуре» [2, с. 26], что отличает поколение от других социальных общностей и групп. Н. Хоув и В. Штраус, авторы одной из наиболее известных классификаций поколений американского общества, подчеркивают важность ценностных различий поколений [5]. Согласно их теории поколений, каждые 20-25 лет рождается новое поколение людей, имеющее черты характера, привычки и особенности, которые выделяют их на фоне всех остальных. Затем эти черты проявляются у будущих поколений.

В нашей работе во внимание берутся два поколения: беби-бумеры и миллениалы. Беби-бумеры – это люди, родившиеся в послевоенных 1946-64-х годах. Миллениалы (поколение Y) – люди, рождённые во временном промежутке с 1984 по 2000 год. Социологи используют термин «**generation gap**» (разрыв поколений), подразумевая, что культурные ценности, интересы и мировоззрение представителей поколения детей кардинально отличаются от родительских [5, с. 126].

В американском современном сериале «Only Murders in the Building» красной нитью проходит тема *столкновения поколений*, феномен *Generation Gap*. Данный феномен раскрывается в речевых портретах представителей различных поколений через сленгизмы и инвективную лексику. Сценаристы через диалоги персонажей вводят темы самоопределения нового/ старого поколений и отношения между ними. В работе мы анализируем переводческие (межъязыковые) трансформации –«преобразования, с помощью которых осуществляется переход от языковых единиц оригинала к единицам турецкого перевода» [1, с. 78]. Весь сюжет сериала строится вокруг трио незнакомых друг другу соседей, которых объединяет случай и страсть расследовать загадочные преступления: двух пожилых беби-бумеров, актера Чарльза и режиссера Оливера, и миллениала, молодой художницы Мейбл.

Речевая характеристика представителей поколений. *Generation Gap* проявляется в речи героев с самой первой встречи в лифте. С первой реплики мы наблюдаем характер героя Оливера, который в отличие от незаинтересованной в живом общении Мейбл (молча игнорирует вопросы), доброжелательный, коммуникабельный, стремится показать незнакомке свои познания в современных гаджетах, обладает самоиронией.

Оригинал	Дословный перевод	Турецкий	Дословный перевод
О: Do you like your beats? М: О: I had a yellow pair I just loved them so much and then, like an idiot, I leave them on the subway М: ...	Оливер: Тебе нравятся твои битсы? Мэйбл: (молчание) Оливер: У меня была желтая пара (наушников), я просто обожал их, но потом, как дурак, я оставил их в метро. Мэйбл: (молчание)	О: Beats'ini seviyor musun? М: О: Benim de sarı renkte vardı. Çok seviyordum. Sonra da aptal gibi metroda unuttum. М: ...	О: ты любишь свои битсы (*фирма наушников)? М: О: И у меня были в желтом цвете. Очень любил. А потом я, как дурак, в метро забыл.

С помощью грамматической трансформации, а именно членения предложения, турецкие переводчики перевели английское сложносочиненное предложение тремя простыми турецкими предложениями с сохранением сравнительного оборота (*like an idiot = aptal gibi = как идиот*) и смысла.

Сложность в установке социальных контактов и налаживании доверительных отношений у миллениалов наблюдаем в следующем отрывке:

Английский	Дословный перевод	Турецкий
It's just hard for me to trust people. Honestly , it's pretty hard for me to even like people.	Мейбл: Мне просто сложно доверять людям. Если честно , мне даже сложно любить людей.	Benim için insanlara güvenmek çok zor. Doğrusu benim için insanları sevmek bile zor.

В приведенном отрывке также применен дословный перевод (синтаксическое уподобление). Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе. В данном отрывке порядок расположения наречия и глагола при переводе иной, в силу правил турецкой грамматики (*it's hard for me to trust people = benim için insanlara güvenmek çok zor*), при этом смысл остается неизменным.

Мы придерживаемся предложенного В. С. Модестовым определения бранной лексики как «одной из форм материализации эмоций, а также специфического способа установления и разрушения контактов» [3, с. 234]. В сериале в речи миллениалов в каждом предложении слышим инвективную лексику. Выражение ли это ненависти (*Goddammit! You're a goddamn asshole!*), недовольства (*What the hell are you doing? What the fuck was that?*), удивления при виде эффектной девушки (*Damn, girl!*), просто удивления (*the fuck?*), предположения (*What if Tim was a dick?*) или просто ответ на предложение (*No fucking way, bye!*), слова-маты служат в речи поколения Y центральными словами-связками. Поколению беби-бумеров не свойственна яркая речевая

конфронтация. Даже в момент ссоры с друзьями Чарльз не употребил ни одного ругательного слова, а в конце своей речи сказал, что не умеет вести открытую конфронтацию. И Чарльз, и Оливер сдержаны по натуре, культурные, не выражаются при молодом поколении. Еще один представитель поколения беби-бумеров в сериале – фанат подкаста «Only Murders in the Building» прервал нецензурную речь другой фанатки при подростке 14 лет, Гранте, с целью прекратить нецензурно выражаться.

Оригинал	Дословный перевод	Турецкий
Фанатка: The fuck are they doing there? They just went silent. Беби-бумер: Watch the language around Grant. Грант: What do I fucking care ?	Фанатка: Что за хрень они там творят? Как будто ушли на дно. Беби-бумер: Следи за речью возле Гранта. Грант: А мне какого хрена ?	Фанатка: Ne bok yapıyorlar orada? Bir anda sustular Беби-бумер: Grant'in yanında söylediklerine dikkat et. Грант: Benim ne sikimde ?

Очевидно, что беби-бумер контролируют свою речь в присутствии молодежи, в то время как молодежь, не стесняясь, не выбирает слов. В отрывке выше переводчиками применена «нулевая» трансформация: в исходном языке и языке перевода существуют параллельные синтаксические структуры. При турецком переводе к инвективной лексике применяют прием опущения и прием замены инвектив на эвфемизмы, вследствие чего турецкому реципиенту тяжело уловить разницу в речи двух поколений. В таблице ниже полужирным шрифтом выделены инвективы оригинала, которые в турецкой версии не передаются.

Английский	Турецкий
What the hell are you doing? (Какого черта ты здесь делаешь?)	Ne yapıyorsun? (Что ты делаешь?)
What the fuck was that? Какого черта это было?	O neydi öyle? (Это что такое было?)
Shit just plain costs more in the city (Дерьмо! Даже простые вещи стоят дороже в этом городе.)	Bu şehirde her şey çok daha pahalı. (В этом городе все стоит намного дороже.)
The only way to fix all of this is to fucking solve this case. (Единственный способ все наладить – это, нахрен , решить это дело)	Tüm bunları düzeltmenin tek yolu bu olayı çözmektedir (Единственный способ все исправить – это решить это дело.)
- Don't worry. (Не беспокойся) - And I'm fucking worried. (А я нахрен беспокоюсь) - I'm so fucking worried. (Я нахрен так волнуюсь)	-Endişelenmeyin (Не волнуйся) -Ve endişelenmeye başladım (Я начал волноваться) -Çok endişeliyim ben (Я очень взволнована)
I'm gonna fucking find out (Я собираюсь нахрен это выяснить)	işte bunu öğreneceğim (Вот это я и выясню)

Преемственность поколений через сленгизмы и особенности языкового строя. В ходе развития сюжета встречаются диалоги, в которых представители поколения бумеров используют сленговые слова и выражения, услышанные от Мейбл – представителя миллениумов. Идея о преемственности поколений дословно передается на турецкий язык.

Английский	Дословный	Турецкий
------------	-----------	----------

	перевод	
Oliver: We got yelled at. By a mom. Charles: I know, I'm shook. <u>Mabel taught me that word.</u> Oliver: Mm,same	Оливер: Нам дала нагоняй. Мама. Чарльз: Знаю, я в шоках. Мейбл научила меня этому слову. Оливер:Хм, и меня.	O:Azar yedik.Bir anne tarafindan. Ch:Biliyorum.Oha oldum,Mabel öğretti bu kelimeyi. O:Aynen

Следующий фрагмент видео свидетельствует о том, что беби-бумеры стараются не отставать от трендов и помогают друг другу вникать в значение сленгизмов, сказанных Мейбл. На турецкий язык сленгизмы передаются дословно.

М: you're two randos that gragged me into a podcast О: 'Rando' is a slang for a person of no significance Ch: I used contex clues, but thank you О: You're welcome!	Мейбл: вы двое рэндомов, которые затащили меня в этой подкаст. Оливер: Рэндо – это сленгизм, означает незначительного, случайного человека Чарльз: Я воспользовался контекстными подсказками, но спасибо! Оливер: Пожалуйста!	М: beni bir podcast'e sürükleyen iki garabesiniz. О:Garabe- hiçbir özelliği olmayan garip insanları için kullanılan bir tabir Ch: İçerikten anlamıştım ama teşekkürler! О: Rica ederim
--	--	---

Мейбл, представительница миллениалов, далека от азов классической музыки. Ее непонимание музыкальных терминов и желание Чарльза просветить молодую особу в этой сфере демонстрируются в следующей сцене:

Английский	Дословный перевод	Турецкий	Дословный перевод
Ch: I see you're a musician Jan: I'm actually first chair bassoon in the City Symphony Ch: Mmm, first chair, Mabel, she's first chair М: I heard. I don't know what that means	Чарльз: Я вижу – Вы музыкант! Джэн: На самом деле, я первый стул фагота в городском симфоническом оркестре Чарльз: Мм,первый стул! Мейбл,она первый стул! Мейбл: Я услышала. Я не знаю, что это значит	Ch: Müziyensiniz gördüğün kadarıyla! Jan: Şehir senfonisinde baş fagot müziyeniyim Ch: Baş müziyen, Mabel,baş müziyenmiş М: Duydum. Bunun ne anlamına geldiği bilmiyorum	Ч: Насколько я вижу Вы музыкант Дж: Я ведущий музыкант-фаготист в городской симфонии Ч: Ведущий музыкант ,Мейбл, ведущий музыкант М: Услышала. Я не знаю, что это означает.
Jan: Um, the echoes help me hear my pitch, and if I need to adjust my embouchure Charles: Mm, of	Джэн: Акустика помогает мне услышать звук и если нужно отрегулировать мой амбушюр	Jan: Yankılar tizlerimi duymama yardımcı oluyor. Ve ağızlığımı düzeltmen gerekiyor mu diye Ch: Elbette,Mabel,	Дж: Эхо помогает мне слышать мои высокие частоты. И, если мне нужно, отрегулировать мой амбушюр (дословно положение рта) Ч: Конечно, Мейбл

<i>course, Mabel, the embouchure is a mouth position</i> <i>Mabel: Rad!</i>	<i>Чарльз:Мм, конечно!Мейбл, амбушюр – это положение рта</i> <i>Мейбл:Клааасс!</i>	<i>ağızlık</i> <i>ağzı</i> <i>koyduğu yer oluyor</i> <i>М: Mühüş!</i>	<i>положение рта-это положение рта</i> <i>М: Замечательно!</i>
--	---	---	---

Неуместно применена в данном отрывке лексико-грамматическая трансформация – экспликация, при которой лексическая единица исходного языка *first chair*, понимаемая Мейл буквально как *первый стул*, заменяется словосочетанием, дающим более или менее полное объяснение этого значения на языке перевода (*baş fagot müzisyen – ведущий музыкант-фаготист*).

«Амбушюр – положение губ, языка и лицевых мышц музыканта при игре на духовых музыкальных инструментах» [6]. Перевод слова *embouchure* как *ağızlık* тоже является своего рода экспликацией, так как *ağzı* обозначает *рот*, а словообразовательный аффикс *-lık* добавляет значение «назначение предмета» и в целом слово *ağızlık* уже переводится как *положение рта*. В турецком языке не получилось скрыть значение музыкальных терминов от молодой девушки в силу агглютинативного строя турецкого языка. Сообразительная Мейбл «догадалась» бы о значении слов сквозь призму турецкой грамматики, которая компенсирует переводом сам факт «непонимания».

Нами были выделены основные языковые явления проявления феномена Generation Gap в сериале: речевые портреты, сленгизмы, инвективная лексика. В ходе работы мы проследили передачу потенциала феномена Generation Gap в турецком дубляже сериала. При переводе турецкими переводчиками был использован прием синтаксического уподобления, членения предложения, «нулевая» трансформация, экспликация, прием опущения, замены инвектив на эвфемизмы и др. Сленгизмы передаются на турецкий язык в полном объеме. В заключении хочется отметить, что для турецкого реципиента этот сериал останется сериалом о детективном расследовании, подкасте «Only Murders in the Building», а подтекст – идейная линия Generation Gap и способы ее реализации будут понятны только носителям английского языка.

Список использованных источников

1. Васильева, В. Н. Основные виды переводческих трансформаций и области их применения / В. Н. Васильева // Экономические, инновационные и информационные проблемы развития региона : материалы Международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2014. – С. 78 – 80.
2. Мангейм, К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экон. амбиции / К. Мангейм; [Пер. с англ. Е. Я. Додина]; Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.
3. Модестов, В.С. Художественный перевод: история, теория, практика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Литературное творчество" / В. С. Модестов. – Москва : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2006. – 461 с.
4. Strauss, W., Howe, N. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069/ W. Strauss, N. Howe / New York: Quill Publ. – 1992. – 554 p.

5. Словарь "Академик" // Академик. Словари и энциклопедии на Академике [сайт]. – URL: <https://translate.academic.ru/USTACA/tr/ru/> (дата обращения: 09.01.2022).
6. Словарь (турецкий). TDK Sözlük // Türk Dil Kurumu [сайт]. – URL: <https://sozluk.gov.tr/> (дата обращения: 09.01.2022).
7. Словарь кембриджский // CambridgeDictionary [сайт]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 09.01.2022).
8. Сериал Only Murders in the Building в оригинале [сайт]. – URL: <https://moviesjoy.to/watch-tv/only-murders-in-the-building-71581.4615885> (дата обращения: 09.01.2022).
9. Сериал Only Murders in the Building с турецкими субтитрами: [сайт]. – URL: <https://www.setfilmizle.pro/bolum/only-murders-in-the-building-1-sezon-1-bolum-izle/> (дата обращения: 09.01.2022).

УДК 81'42

ЛИНГВОМЕДИЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ НЕМЕЦКИХ АВТОМОБИЛЕЙ

А. С. Панкратов¹, С. Е. Перепечкина²,

¹обучающийся 2 курса магистратуры, кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматривается лингвомедийная специфика рекламы немецких автомобилей; основная задача заключается в выявлении ее функциональных и лингвостилистических особенностей. В работе использовались концептуально-семантический и сравнительно-сопоставительный методы.

Ключевые слова: реклама, концептуальная характеристика, потребитель, рекламный текст, коммуникация, дискурс.

Summary. This article examines linguistic and media features of German car advertising. Research methods are conceptual-semantic analysis and comparative analysis.

Key words: advertising, conceptual characteristic, consumer, advertising text, communication, discourse.

В настоящее время влияние рекламной коммуникации на культуру современного общества неоспоримо. Нельзя отрицать тот факт, что рекламная коммуникация воздействует на процессы восприятия и усвоения полученной информации и, таким образом, оказывает значительное влияние на речевое поведение. Реклама – это явление, интересующее исследователей из разных научных областей. Особенно важной частью маркетинга и бренд-менеджмента

по праву считаются политика в сфере коммуникации, а также психология и социология, которые изучают влияние рекламы на поведение людей. «Реклама предстаёт перед человеком как обязательный элемент городской среды. Заполняя все средства массовой информации, реклама представляет собой прекрасно организованную автономную структуру, пользующуюся огромным влиянием» [1, с. 20].

Реклама – форма коммуникации, которая пытается перевести качество товаров и услуг на язык нужд и потребностей покупателей. Она также трактуется как оповещение людей всевозможными способами для создания широкой известности чего-либо, как распространение информации о потребительских свойствах товара и преимуществах различных видов услуг с целью их реализации и повышения спроса на них, для чего используется определенный арсенал средств и приемов, организуемых в коммуникативные стратегии манипулирования.

Цель исследования – анализ немецких рекламных текстов с выделением их функциональных, стилистических и лингвистических особенностей. Для осуществления указанной цели необходимо выполнить следующие задачи: 1) изучить понятие «рекламный дискурс»; 2) изучить функциональные особенности рекламных текстов; 3) рассмотреть лексические особенности рекламных текстов; 4) выделить основные стилистические приёмы, используемые в языке рекламы; 5) провести анализ грамматических особенностей рекламных текстов, включая их морфологический и синтаксический уровни.

Дискурс – это средство обновления языка в речи. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь», минимальным компонентом которой является высказывание, характеризующееся сменой субъектов речи, завершенностью, жанровой оформленностью, связью с другими высказываниями диалога и целостностью.

С функциональной точки зрения, рекламные тексты наиболее полно совмещают в себе реализацию двух функций воздействия: функцию воздействия как функцию языка, реализуемую с помощью всего арсенала лингвистических средств выразительности, и функцию воздействия как функцию массовой коммуникации, реализуемую с применением особых медиа технологий, присущих тому или иному средству массовой информации. Это обусловлено тем, что главная цель рекламного текста состоит в том, чтобы убедить массовую аудиторию в необходимости приобретения того или иного товара или услуги. По своей значимости в мировом информационном процессе рекламные тексты могут сравниться только с текстами новостными.

К основным тенденциям написания рекламных текстов относят сжатость, лаконичность информации, т.е. изложение мыслей с использованием наименьшего количества слов; выразительность и емкость информации, использование наглядности. Стилль рекламы представляет собой сочетание элементов публицистического, научного, научно-популярного, делового и разговорного стилей. Все это обусловлено функциями рекламы и свойствами реципиента.

С точки зрения функциональной лингвосинергетики как особого направления в русле функциональной лингвистики, занимающегося динамико-системным подходом к дискурсу, рекламный дискурс представляет собой

сложную открытую нелинейную систему смыслов, постоянно взаимодействующую с внешней средой – языковой системой, сознанием участников дискурса (потенциальных потребителей услуг и товаров), а также коммуникативной ситуацией. Для языка рекламы важно различать устный и письменный дискурсы, построение которых имеет свои различия.

Устный рекламный дискурс допускает большую лексическую и грамматическую вариативность. Просодия – система произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов в речи – при этом играет значительную роль. Использование ассоциативных свойств звуковой формы слова помогает создать определенный образ, например, повторение свистящих звуков ассоциируется с мягким, скользящим движением, как в приводимом ниже фрагменте из рекламного текста об автомобиле Rolls Royce: «*Eine einzigartige automatische Klimaanlage, die jede Temperatur beibehält Lust auf zwei Ebenen des Innenraums: Ein ausgeklügeltes Zahnstangensystem dreht den bescheidenes Lenkrad in eine Sache der Leichtigkeit und Präzision; eine selbstnivellierende Aufhängung System lässt Sie die unebensten Straßen verzeihen und vergessen*» [7].

С целью усиления эмоциональности, образности, доходчивости и действенности в немецкой рекламе в названиях фирм, товаров, услуг нередко используется ономотопея – имитация звуковой стороны объекта, явления или действия средствами данного языка: реклама автомобиля Volkswagen «*Auspuff mit dem guten Ton*» (puff «звук вырывающейся струи воздуха, пара»; Auspuff «выхлоп») [3, с. 22].

Письменный рекламный дискурс имеет свои особенности построения. «Пожалуй, основная задача языка рекламы состоит в том, чтобы привлечь внимание покупателя, заставив работать его воображение и память. Это достигается с помощью самых разнообразных экспрессивно-стилистических средств: коннотативной лексики, ярких метафор, запоминающихся фраз, ритмически-организованных предложений, рифмованных слоганов и бесконечных повторов» [2, с. 98].

Ведущей концептуальной характеристикой автомобилей в немецкоязычном рекламном дискурсе является идея превосходства. Наиболее частотным способом вербализации концептуальной характеристики превосходства является употребление имени прилагательного в превосходной степени, например, *das beste, bestens, effizienteste* и другие.

Так, в рекламе автомобиля Mercedes: «*Das beste oder nichts*» [4, с. 90] концептуальная характеристика ‘превосходство’ находит свою репрезентацию с помощью имени прилагательного в превосходной степени *das beste* со значением лучшего, эксклюзивного, превосходного варианта.

Для рекламы автомобилей в немецкоязычном дискурсе характерна связь концептуальной характеристики ‘превосходство’ с аспектом изменений. Например, в рекламе автомобиля Audi – «*Verändert die Welt. Nicht den Alltag*» следует отметить употребление контекстуальных антонимов *die Welt – den Alltag* [4, с. 86].

Рекламный текст пытается передать свойства рекламируемого продукта как с помощью образов, так и при помощи языка, например, стиль рекламы автомобилей стремится воссоздать впечатление скорости и эффективности: «*Sein schlankes, sportliches Design zeigt eine sorgfältige Beachtung der*

Aerodynamik. Air-Clam-Frontspoiler. Und das in Keilform schneidet die Luft sauber. All das summiert sich zu einem besseren Kraftstoffverbrauch» [3, с. 19].

Прилагательные и наречия используются для описания самых различных свойств рекламируемого продукта – формы, размера, качества, стоимости, ощущений, которые данный продукт вызывает. К наиболее употребительным в немецкоязычной рекламе прилагательным относятся: *gut, besser, am besten, kostenlos, frisch, köstlich, voll, sicher, wunderbar*. Часто встречаются прилагательные, указывающие на подлинность торговой марки – *echt, authentisch* и *originell*. Но, пожалуй, рекордсменом по частоте употребления является прилагательное *neu* – его можно встретить практически в каждом втором рекламном тексте, например: *Wir haben die Sicherheit neu erfunden* (BMW) [5].

К наиболее значимым признакам рекламного текста на морфосинтаксическом уровне можно отнести такие, как частое употребление императивных форм глагола, что значительно усиливает динамичность рекламного обращения, например: *«Teilen Sie die Aufregung»* (Audi) [3, с. 17].

Современный немецкоязычный рекламный медиадискурс содержит в себе большое количество иностранной лексики. Наиболее используемыми являются заимствования английского происхождения. Например, реклама Porsche 911 R – *«Ready to rock»* [3, с. 18]. В данном печатном рекламном тексте используется исключительно английская лексика.

Также в письменном языке рекламы используются риторические фигуры, которые придают тексту выразительность, экспрессивность и образность. Риторические фигуры можно разделить на тропы и синтаксические приемы.

Следует отметить такую риторическую фигуру как персонификация – подвид метафоры, присваивание человеческих свойств неодушевленным предметам: *«Der neue Tiguan. Wild, wenn Sie ihn lassen»* (Volkswagen Tiguan) – «Новый Тигуан. Дикий, если Вы ему позволите» [4, с. 95].

Следующим примером является парцелляция — это фигура речи, при использовании которой текст намеренно разделяется на отдельные предложения для того, чтобы придать речи интонационную экспрессию путем ее прерывистого повествования. В рекламе элитного немецкого автомобиля BMW — *«Form. Funktion. Keine Kompromisse»* [5] акцентируется внимание на форме и функциях данного продукта.

В тексте рекламы может отсутствовать сказуемое: *«Die Integral-Aktivlenkung: einzigartig wie jede Kurve»* – «Интегрированное активное рулевое управление: уникальный как каждый поворот». *«Das Fahrwerk des neuen BMW 7er. Das Meisterwerk unserer Ingenieure»* – «Шасси новой BMW 7. Шедевр наших инженеров» [5].

Такие формы грамматически неполных предложений раньше считались влиянием разговорного варианта языка на письменный язык, однако в настоящее время такая особенность характерна для журналистских текстов. Эллиптические предложения формируют определенный ритм, который увеличивает скорость передачи сообщения. С функциональной точки зрения такие неполные предложения служат для выделения основной информации, например: *«Die Motoren: Sparsam, ohne auf Leistung zu verzichten»* – «Двигатели: экономичные, без ущерба для работы» [6].

Выводы. Главной функцией рекламы является намерение произвести эффект и выделить товар среди других. Следует различать устный и письменный дискурсы, которые имеют различия, приведенные в качестве примеров в данной статье. В языке рекламы часто используются определенные стилистические приемы, которые отличают рекламный стиль от всех остальных. Стилистические средства в текстах рекламы направлены в первую очередь на привлечение внимания клиентов, а затем и на убеждение купить рекламируемый товар. Таким образом, существует целый ряд лексических особенностей, характерных для рекламных текстов. Они могут быть направлены либо на эмоциональное, либо на рациональное воздействие на человека.

Список использованных источников

1. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма [б. и.], 2011. – 506 с.
2. Песоцкий, Е. А. Современная реклама. Теория и практика : монография/ Е. А. Песоцкий. – Ростов-на-Дону : Феникс [б. и.], 2003. – 134 с.
3. Der Spiegel. – 2015 September. – S. 15–28.
4. Die Zeit. – 2016 Oktober. – S. 85–99.
5. BMW Deutschland: [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.bmw.de/de/home.html>. (дата обращения: 03.02.2022).
6. Mercedes-Benz Personenwagen: [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.mercedes-benz.de/>. (дата обращения: 05.02.2022).
7. Roll-Royce in Deutschland: [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.rolls-royce.com/country-sites/deutschland.aspx>. (дата обращения: 03.02.2022).

СОЦИОФОНЕТИКА И ФНОСТИЛИСТИКА

УДК 81'34

ФНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЗВУКОВОГО ОБРАЗА

Е. Н. Мазина¹, В. О. Крапивенко²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена анализу акустической образности англоязычного поэтического текста. Цель работы состоит в выявлении и классификации наиболее распространенных звуковых образов в произведениях классической и современной поэзии, определении фностилистических средств их создания, а также в установлении роли этих образов в раскрытии авторского замысла. В результате анализа выявлены и систематизированы виды реалистических и ассоциативно-символических образов, установлено соотношение смысла и звучания в тексте рассматриваемых стихотворений.

Ключевые слова: звуковой образ, фносемантические средства, онома топ, аллитерация, ассонанс, поэтический текст

Summary. The article is devoted to the analysis of the acoustic imagery of the English-language poetry. The purpose of the work is to identify and classify the most common sound images in the works of classical and modern poetry, to determine the phonostylistic means of their creation, as well as to establish the role of these images in the disclosure of the author's idea. As the result of the analysis, the types of realistic and associative-symbolic images are identified and systematized, the correlation of meaning and sound of the poetry under consideration is established.

Key words: sound image, phonosemantic means, onomatopoeia, alliteration, assonance, poetic text

Звуковой образ является неотъемлемой частью поэтического текста. Но несмотря на многочисленные фносемантические и фностилистические исследования в отечественной и зарубежной науке, проблемы акустической образности, а также вопрос о формах взаимодействия семантической и звуковой сторон стихотворения, до сих пор остаются нераскрытыми. Между тем их рассмотрение является весьма важным, поскольку и семантика, и поэтическая фонетика стихотворного текста вместе формируют общий идейный смысл произведения, реализуя авторскую интенцию. Поэты, включая в стихотворения звукоподражания как иконические знаки, тем самым намеренно вводят другую семиотическую систему для удвоения пространства поэтического текста. Звуковой образ дополняет и усложняет его структуру, увеличивает каналы восприятия и прочтения.

Под звуковым образом понимают «совокупность звуковых (речевых, музыкальных, шумовых) элементов, создающих посредством ассоциаций в обобщенном виде представления о материальном объекте, явлении, историческом событии, характере человека» [6].

В данной работе в ходе текстового анализа более 100 произведений английской поэзии были выбраны фрагменты стихотворений, характеризующихся яркой звуковой образностью. Выявленные образы были разделены на две основные группы: реалистические образы и ассоциативно-символические.

Под реалистическими образами в поэзии мы понимаем те, что обеспечивают непосредственное аудиальное восприятие, эмоцию узнавания имитируемых звуков реальных объектов материального мира. Ассоциативно-символические образы, возникающие при восприятии мелодической стороны поэтического текста, предполагают «приращение» смыслов, глубокие обобщения, наслоение содержательных ассоциаций, апеллируют к культурному фону читателя.

Отталкиваясь от трудов Г. С. Волинец «Шумовые эффекты в театре»

[1, с. 38], можно предложить следующую классификацию **реалистических образов**, выявленных в стихотворениях:

1. Звуки стихий

Важной составляющей художественного мира поэтических произведений являются образы воздуха и воды, предстающие в авторском восприятии, главным образом, как губительные для человечества, разрушительные силы. Отражение шума стихий позволяет поэтам добиться яркого эмоционального воздействия на читателя, полноценно показать противостояние человека и мира природы. Для англоязычной литературы особенно характерно частое обращение к подвижной стихии воздуха, к различным формам ее проявления: ветер, ураган, буря и т.п.

Эксперименты со звуковой структурой поэтического текста расширяют возможности передачи авторской идеи. Дж. Джойс в стихотворении «On the Beach at Fontana» в образе бушующей стихии («*Wind whines and whines the shingles*») символически воплощает опасности окружающего мира, от которых лирический герой хочет защитить ребенка. Создаваемый непрямым ономапеей акустический эффект усиливается семантикой повторяющегося слова «*whine*», которое передает завывание ветра.

Примечательно, что в англоязычной поэзии фонетические средства репрезентации этого звукового образа не очень разнообразны; обычно он создается за счет непрямого ономапееи – повтора звука [w]: «*O wild West Wind, thou breath of Autumn's being*» («Ode To The West Wind» П. Б. Шелли).

Водная стихия представлена в стихотворениях гораздо богаче и многообразнее, и ее звуковая репрезентация зависит от описываемого поэтом состояния моря. Звуки [s], [θ], [ʃ] аудиально оформляют создаваемый лексическими средствами реалистический образ спокойного течения – вода в поэтическом воображении «шепчет» и «шепелявит»: «*Whispered me <...>, / Lispered to me the low and delicious word death/And again death, death, death, death*» («Out of the Cradle Endlessly Rocking» У. Уитмен); рокот бурного моря воспроизводится путем использования звука [r] в обрамляющем повторе: «*Roll*

on, thou deep and dark blue Ocean-roll!) («Childe Harold's Pilgrimage» Дж. Г. Байрон). Читатель слышит, как огромные волны накатываются на берег.

Яркая картина бури в стихотворении Олиши Стар «Storm» – это также симбиоз фонетических и семантических средств, воспринимаемых как целостность. Реалистичности звучания автор добивается, используя одновременно прямую и косвенную оноματοпею: «*Booming and banging thunder the air. Crashing and rumbling waves against wet rock. Swishing and swooshing the flooding roads*». Согласно С. В. Воронину, проводившему фоносемантические изыскания, английский ономатоп «*boom*» означает гул грома, «*bang*» – «звук сильного и звонкого удара»; «*swish*» значит «рассекать воздух со свистом, шелестом»; «*swoosh*» – «производить шум (о воде), плескаться» [2, с.61]. Кроме того, грохот волн о скалы здесь также передан посредством повтора [r]. Все эти звуки способствуют созданию образа, передают настроение, помогают представить нам силу природных явлений. Таким образом, включение такого насыщенного звукового ряда дает читателю возможность подняться на уровень более сложного восприятия поэтического текста, апеллирует к его аудиальному воображению.

2. Шумы и звуки животного мира

В англоязычной поэзии наблюдается неразрывная связь образного мышления с природой, представленной во всем ее многообразии. Поэты стремятся точно воспроизвести музыку реального мира. В их литературных произведениях природный звуковой пейзаж наполнен голосами различных представителей фауны.

а) Звуки птиц и насекомых

Создавая образ птицы, поэты преимущественно используют прямую оноματοпею – звукоподражательные слова, зафиксированные в словаре, например: *chirp, chirrup, tweet, cheep, clink*. Но если автор ставит перед собой более сложную эстетическую задачу, он прибегает к смещению прямой и не прямой оноματοпеи. Например: «*The moan of doves in immemorial elms, / And murmuring of innumerable bees*» («Come Down, O Maid»). Совмещая сразу два вида данного фонетического средства в одном контексте, автор создает акустическую картину летнего дня. Ономатопы и повторы звуков [m], [n] имитируют воркование голубей, гул пчел, которые словно переговариваются между собой. Таким образом, введенный в поэтический текст аудиальный компонент занимает в нем не менее важное положение, чем вербальный, и способствует выражению идеи красоты и гармонии в мире.

б) Звуки животных

В эту группу звуковых образов следует включить не только голоса, но и шумы, производимые животными при движении или в ходе каких-либо иных действий. Нередко и те, и другие встречаются в комплексе и отражаются при помощи прямой и не прямой оноματοпеи: «*The pit bull yelped, / Never to growl again, / The shriek, squeal, and scream of the English bulldog, / Grunting, waiting, plunk Kerplunk*» («The Pit Bull» Д. Элсуп). В данном стихотворении в общей атмосфере хаоса доминируют голоса рассерженных собак: «*yelp*», «*growl*», «*shriek*», «*squeal*», «*scream*», «*grunt*», их рычание (повтор [r] и [gr]), также слышны звуки прыжков, которые, согласно С. В. Воронину, обычно передаются при помощи ономатопов «*plunk*», «*Kerplunk*». Повышенная концентрация

фонетических средств в небольшом фрагменте наводит на мысль о вторичности смысла и преобладании звуковой стороны текста.

Примечательно, что используемые в англоязычной поэзии ономатопы, имитирующие голоса («*meow*», «*purr*», «*bleat*», «*roar*», «*grunt*» и др.), демонстрируют устойчивые и однозначные ассоциации между звукоподражательным словом и его денотатом, в то время как воспроизведение шумов, производимых животными при движении, весьма вариативно. Весьма многообразно представлен, например, топот лошадиных копыт: «*Tlot-tlot, in the frosty silence! / Tlot-tlot, in the echoing night!*» («The Highwayman» А. Нойес), «*Click-clack, click-clack, the hoofs went past, / Who takes the dead coach travels fast*» («The Dead coach» К. Тиннан), «*Horsie, horsie don't you stop / Just let your feet go clippety clop*» (*Nursery Rhyme*). Встречается также вариант: «*Tap-tappety-tap*». За счет прямых ономатопов вербальная часть текста расширяется, а ментальный образ животного, формирующийся в сознании читателя, дополняется аудиальной составляющей.

3. Бытовые шумы и звуки

Данная группа представлена большим многообразием реалистических акустических образов: звука игрушек, часов, музыкальных инструментов, посуды и т.п.). Стоит отметить, что в большинстве случаев прямая ономатопея помогает автору создать акустический эффект при изображении предметов домашнего обихода. Ономатопы не только создают точный образ, участвуют в создании картины повседневной жизни человека, но и воздействуют на эмоции читателя, внушают определенную мысль, например: «*There so many tictoc / Clocks everywhere telling people / What toctic time it is for / Tictic instance five toc minutes toc past six tic*» («there are so many tictoc» Э. Э. Каммингс). Сам ономатоп «*tic*» обычно определяется как «почти бесшумный стук», но многократное использование этого слова в сочетании со повтором звуков [t] и [k] позволяет автору создать звуковой фон всего стихотворения. Читатель не просто слышит тиканье часов, но и ощущает скоротечность времени. Органическое взаимодействие вербальной и звуковой сторон деавтоматизирует восприятие текста. Зачастую ощущение звука (стука, шелеста, звона, жужжания) создается исподволь из правильно подобранных звукообразных слов, при этом дополнительная семантизация текста кажется почти неуловимой и требует от читателя вдумчивого и внимательного прочтения.

4. Уличные звуки и шумы

С. В. Воронин отмечает, что «городские виды транспорта имеют по преимуществу низкочастотный и отчасти среднечастотный характертопы»

[2, с.84]. Для передачи шума проезжающего транспорта в стихотворных, чаще всего песенных, текстах используются звукоподражательные слова с низким гласным [u:]. Например, звуковой образ проезжающей машины создается с помощью английского окказионального ономатопа «*vroom*»: «*Vroom-vroom! How I wonder where you are*» («Vroom-Vroom» Кэли Ропер). В детской поэзии с этой целью активно используется слово «*zoom*». Авторы такого рода текстов рассчитывают на создание у читателя слуховых впечатлений от изображаемого. Особенно это актуально в песенной поэзии, где звучание часто доминирует над содержанием.

Зачастую широкое использование фонетических средств на достижение эффекта «звукового присутствия» реципиента, например: «Click clack, open up the door, girls / Click clack, open up the door, boys / Front door, back door, clickety clack. Take you riding in my car <...> Engine it goes brrrm brm brrrm / Engine it goes brrrm brm brrrm» («Car Song» W. Guthrie). В этой шутливой песенке звукоподражание рождается из самого контекста и воспринимается как логичное и естественное дополнение описываемой ситуации, создает мощное звуковое сопровождение.

Нередко использование звукового компонента связано с задачей поэта не столько создать акустическую картину мира, сколько исподволь выразить свою идею, передать настроение в минимальном языковом пространстве, не потеряв при этом информативности текста. В таком случае автор первостепенное внимание уделяет выбору слов, в которых семантика звука не выражает какого-либо самостоятельного содержания, но вызывает определенные ассоциации, способствующие передаче скрытого символического смысла.

Ассоциативно-символическая группа образов была разделена нами на звукосимволические образы, косвенно отражающие:

1. *Эмоции, чувства, настроение, атмосферу*

«The Raven» Э. А. По – классический пример произведения, в котором широкое использование разнообразных фоностилистических приемов в комплексе с вербальными средствами нацелено на передачу целостного символического смысла. В первой строфе ряд аллитераций “*weak and weary*”, “*nodded, nearly napping*” вводит читателя в сомнамбулическую атмосферу. Повтор сонанта [n] традиционно придает тексту монотонность и меланхоличность, а аппроксимант [w] ассоциируется с понятием «минорный». Использование этих звукосимволических образов дает представление об удрученном состоянии, сердечной тоске лирического героя, не имеющего воли к жизни после смерти возлюбленной. Внезапный стук в дверь («*tapping*») становится неожиданностью как для рассказчика, так и для читателя, а появление ворона – завязкой последующих событий.

Не менее эффективным и значимым является использование аллитерации в стихотворении «A Prayer for my Grandfather to Our Lady» Р. Лоуэлла. Поэт создает образ лирического героя, пребывающего в состоянии крайнего волнения. Он истово молит Деву Марию ниспослать ему благословение: «*O Mother, I implore <...> / Buckets of blessing on my burning head | Until I rise like Lazarus from the dead*». Повтор взрывного согласного [b] дополняет текст символическими значениями «воодушевление», «настойчивость», интенсифицирует смысл, акцентируя силу и страстность его мольбы и надежды на духовное возрождение. В таких поэтических произведениях нельзя игнорировать аудиальную сторону в отличие от «обычного» текста, который, хоть и состоит из повторяющихся звуков, эту составляющую не акцентирует.

2. *Свойства изображаемых явлений (конкретных и абстрактных), предметов и действий*

Помимо раскрытия эмоциональной стороны текста, фоносемантические средства участвуют в актуализации смыслов, в частности выделяют авторское субъективное восприятие и оценку описываемых понятий за счет активизации внутренне присущего отдельным звукам символического значения. Иными

словами, восприятие создаваемых в произведении образов расширяется благодаря ассоциативным связям, которые выстраиваются на основе звуко-смысловых соответствий.

Одним из важных фоносемантических средств, придающих тексту мелодичность и способствующих раскрытию образов, является ассонанс. В стихотворении Эдгара Аллана По “Romance” создан образ любви, трепетных романтических отношений: “*While in the wild wood I did lie, / A child with a most knowing eye*” («Romance» Э. А. По). Многократный повтор дифтонга [ai] привносит в текст произведения значения «нежность» и «легкость». По использует приемы фоносемантического маркирования для экспрессивизации звучания и актуализации имплицитных ассоциативных значений.

Таким образом, в результате исследования было установлено, что реалистический образ создается преимущественно посредством использования прямой и не прямой ономастопеи, способствующей дополнительной семантизации текста. Реалистические образы включают преимущественно звуки птиц и животных, стихийных явлений и бытовые шумы. Передача этих звуков и шумов отражает традиционные национальные звуковые ассоциации. Аллитерация и ассонанс в большей мере создают ассоциативно-символические образы. За счет звукоизобразительности выбираемых лексических единиц отражаются эмоции, чувства, настроения, а также свойства изображаемых явлений. Фоностилистические приемы используются для создания поэтической речи, ее звучности, музыкальности, акцентируют внимание на вербальном компоненте.

Список использованных источников

1. Вольнец, Г. С. Шумовые эффекты в театре / Г. С. Вольнец. – Тбилиси, 1949.
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1982. – 244 с.
3. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка : учебник / И. Р. Гальперин. – Москва : Высшая школа, 1981. – 334 с.
4. Егорова, А. А. Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии : на материале Nursery Rhymes : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Егорова Анна Александровна ; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 2008. – 24 с.
5. Романовский, И. И. Масс медиа. Словарь терминов и понятий / И. И. Романовский. – Москва : Издание Альянса журналистов России, 2004. – 480 с.
6. Стернин, И. А. Слово и образ : монография / И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд. – Воронеж : Истоки, 2008. – 243 с.
7. https://smi.academic.ru/91/%D0%97%D0%B2%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7

УДК 81'282.8

**ДИАЛЕКТНОЕ НИВЕЛИРОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ПРИМЕРЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ L-**

ВОКАЛИЗАЦИИ В БРИТАНСКОМ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ

Ю. В. Онищенко,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности распространения L-вокализации в речи участников юмористического ток-шоу «Шоу Грэма Нортон». Целью исследования является выявление особенностей реализации вокализованного аллофона в спонтанной речи информантов-британцев в возрасте от 22 до 85 лет. Проникновение инноваций из диалектов в стандартную форму произношения иллюстрирует один из механизмов диалектного нивелирования на современном этапе развития английского языка. Используются методы, применяемые в лингвистических исследованиях (прямой выборки, наблюдения, сопоставительный и биографический метод), а также специфичные для эмпирической фонетики методы (аудитивный и электроакустический метод). Результаты, полученные с помощью статистического анализа, позволяют выявить гендерные и возрастные особенности аккомодации языковых инноваций.

Ключевые слова: языковые инновации, британское произношение, диалектное нивелирование, спонтанная речь, гендерные различия речи.

Summary. The article investigates peculiarities of L-vocalization spreading in the connected speech of “The Graham Norton Show” participants. The aim of the research is to identify the peculiar features of the vocalized allophone realization in the unprepared speech of the 22 – 85 year old British native speakers. Penetrating of innovations from the territorial and social dialects into the standard pronunciation is to illustrate one of the dialect leveling mechanisms at the present stage of development of English language. Such methods as ones used in the linguistic research (direct selection, observation, comparative and biographical methods) and those which are specific for phonetic analysis (auditive and electroacoustic methods) are applied. The results obtained using statistical analysis allow to reveal gender and age peculiarities of the linguistic innovation accommodation.

Key words: linguistic innovations, British pronunciation, dialect leveling, connected speech, gender differences of speech.

На современном этапе развития английского языка на территории Британских островов внимание исследователей привлекло явление, противоположное диверсификации вариантов языка, а именно, распространение схожих произносительных черт в одном регионе, традиционно ассоциируемом с произносительным стандартом – юго-востоке Англии. Исследования речи жителей Лондона и южно-британских графств (Home Counties) британскими лингвистами, среди которых – П. Керсуилл, П. Традгил, Л. Милрой, Дж. Чешир, А. Уильямс, позволили выявить особенности распространения произносительных черт в различных вариантах английского языка (АЯ). Наработки перечисленных ученых позволяют говорить о процессах

конвергенции социальных и территориальных диалектов, или диалектном нивелировании.

При взаимодействии говорящих на различных вариантах одного национального языка вступают схожие с межъязыковой интерференцией механизмы взаимодействия и заимствования, проникновения тех или иных черт одного диалекта в другой. Благодаря росту социальной мобильности, миграции населения и СМИ, которые дают положительную оценку языковой вариативности, диалектное нивелирование в Великобритании, по мнению П. Керсуилла, происходит быстрее, чем раньше [3].

Нивелирование, или выравнивание диалектов является малоизученной проблемой в современном языкознании. Нивелированием диалектной речи обычно называют ее уподобление языковому стандарту под влиянием СМИ, системы образования, и т. д. Тем не менее, нивелирование не обязательно завершается стандартизацией. На территории Великобритании стандартное произношение RP более не обладает неоспоримым социальным престижем. Так, П. Керсуилл говорит о том, что вариант АЯ Estuary English (EE) является основным источником изменений для смежных диалектов, так как наиболее распространен в географическом и социальном отношении на юге Англии [2]. Поскольку RP более не является единственным социально престижным на территории страны, молодые британцы в больших городах инкорпорируют черты Лондонского произношения и нестандартного произносительного варианта юго-восточных графств. Данная тенденция усиливается еще одним фактором: в EE присутствуют произносительные черты, характерные для географически отдаленных от Лондона регионов и больших городов Великобритании (Глазго, Манчестер, Ньюкасл).

В настоящем исследовании рассматривается конвергенция между региональной формой АЯ EE и стандартным вариантом – современным RP на примере английского консонантизма. Корпус данных составлен на основе материалов юмористического ток-шоу «Шоу Грэма Нортон», объектом исследования является речь британцев-знаменитостей в сфере кинематографического и драматического искусства, владеющих стандартным произношением. Информанты сгруппированы по гендерному и возрастному признакам, сформировано 6 групп по 5 информантов в каждой из них: женщины и мужчины младшей (22 – 35 лет), средней (38 – 58 лет) и старшей групп (75 – 85 лет). Речь в рамках юмористических ток-шоу является примером неформального интервью, где благодаря атмосфере непринужденного общения информанты снижают степень контроля собственной речи, говорят скорее как «в жизни», а не «как в кино». Спонтанные вопросы ведущего шоу нередко вызывают у гостей эмоциональную реакцию и легкое затруднение, что усиливает фактор произвольного речевого производства, когда говорящий конструирует высказывание непосредственно в процессе речевого акта, делает паузы для выбора лексической единицы, вспоминает определенную информацию.

Рассмотрим взаимодействие стандартного произношения и доминирующего региолекта на примере изменений в подсистеме согласных ФСП, а именно, такую распространенную черту EE и других произносительных вариантов Большого Лондона (Кокни, Лондонский мультикультурный английский), как L-вокализация.

L-вокализацией называют замену «тёмного» (веляризованного) аллофона латерального аппроксиманта [ɹ] вокоидом или гласным заднего ряда закрытого/средне-закрытого подъема. Для анализа L-вокализации были отобраны потенциальные случаи субституции «темного» аллофона [ɹ] вокоидом/гласным. Мнение исследователей о включении данной произносительной черты в RP является неоднозначным: так, фонетист К. Аптон не упоминает L-вокализацию в описании RP вообще [5], тогда как J. Przedlacka говорит о частотности реализации вокализованного аллофона в 34% потенциальных случаях при 77% в EE [4, p. 37].

Известно, что L-вокализация в стандартном произношении может происходить в следующем фонетическом контексте [1]:

1. В поствокальной позиции перед паузой: *from Liverpool*.
2. В поствокальной позиции перед согласным как в пределах одного слова, так и на стыке слов: *whole sequence, almost five*.
3. Слоговой (силлабический) [ɹ], произносимый как [əɹ]/[ɹ̥], выступающий в постконсонантной позиции как перед паузой, так и перед следующим словом: *a normal wedding, a special moment, it's emotional*.

В первой группе фонетического контекста наивысшее соотношение вокализованных аллофонов отмечено в речи молодых мужчин (67%). В младшей женской группе частотность реализации аллофона значительно ниже (29%). Вокализация происходит в таких словах, как *still, well, Liverpool*, в речи остальных информантов перед паузой не зафиксирована.

Вторая группа контекста (между гласным и согласным) является наиболее многочисленной как в потенциальном, так и в реальном отношении. Реальные случаи вокализации имеют наибольшее соотношение в речи женщин средней группы – 31%, 27% в речи молодых мужчин и 22% – в речи молодых женщин, в остальных группах – от 11% до 16%. При анализе коартикуляционного окружения были установлены случаи вокализации перед [ð], [f], [r], [m], [d], [t], [w], [s], [z], [h], [b], [p], [k]. Тем не менее, ни в одной группе не отмечено субституции вокоидом/гласным перед [h], [g], [j], [dʒ], [tʃ]. Все информанты вокализуют [ɹ] в слове *always* (однако, не во всех потенциальных случаях). Информанты младших и средних групп реализуют вокализованный аллофон в *called, all the* (кроме молодых женщин), *almost* (кроме молодых мужчин). Примерами вокализации перед [ð] являются *all that, call them, well the*, перед [m] – *film, filmed, stole my, casual me* (в речи молодых информантов), *all my, overwhelmed* (в речи женщин средней группы). Информанты младших групп реализуют субституированный аллофон перед [r] (*feel right, already*).

Следует отметить, что в потенциальные случаи реализации аллофона не были включены интервокальные позиции. Тем не менее, в младшей мужской группе были зафиксированы 4 случая вокализации [ɹ] перед гласным: *school undercover* [sku:ɔʔ ʌndəkʌvə], *steal it* ['sti:uəʔ'it], *well it is* [wew id iz], *role and* [rəʊw ənd], в речи молодых женщин – один случай *well either* [wɛɹ 'aɪðə:]. В двух первых случаях говорящие используют гортанную смычку для разделения гласных, что указывает на вероятность принятия спонтанного решения изменить высказывание в процессе его конструирования и использовать лексические единицы, отличные от изначального коммуникативного намерения.

Третья группа фонетического контекста представлена наибольшим соотношением у молодых мужчин и женщин средней группы (по 31%), в группе молодых женщин составляет 24%, в речи мужчин среднего возраста – 21%. Наименее выражена вокализация силлабического [l] в речи старших информантов: в речи мужчин не зафиксирована, у женщин составляет 7%.

Полностью вокализированные случаи [l] встречаются в речи молодых мужчин после [f], [v], [p], [g], к примеру, в awful [ɔ:fu], in marvel we like ['ma:vʌ wɪ laɪk], [sɪŋɡl̩ greɪʔest]), в соотношении 31%. В речи молодых женщин указанный аллофон реализуется после [m], [r], [t], [p]: a normal wedding [ə 'nɔ:mu^w 'wedɪŋ], hospital for ['hɒspɪtəw fə], people's secrets ['pi: 'sɪkrəts] (с выпадением слога), в соотношении 24%.

В речи информантов средних групп наряду с частичной и полной вокализацией наблюдается элизия как альтернативный механизм сокращения сегментов в потоке речи: [l] после ʃ, f, b, (palatial swimming pool [pə'leɪʃə 'swɪmɪŋ], the tables [ðə 'teɪbz], able to [eɪb tə], wonderful Spanish [wʌndəfʊ spanɪʃ]. В речи молодых женщин зафиксирован один случай элизии: able to [eɪb tʃ]. В речи информантов старших групп отмечена частичная вокализация (festival [festɪvʌl], equal women [i:kwʌl 'wʊmən], wonderful people [wʌndəfʌl 'pi:pʌl]), один случай полной вокализации в речи женщины ([ɪn'kredəbo 'blɛ:]), случаи элизии не зафиксированы.

При подсчете суммарного количества реальных случаев вокализации ФСП отмечена гендерная и возрастная зависимость, отображенная на следующем графике.

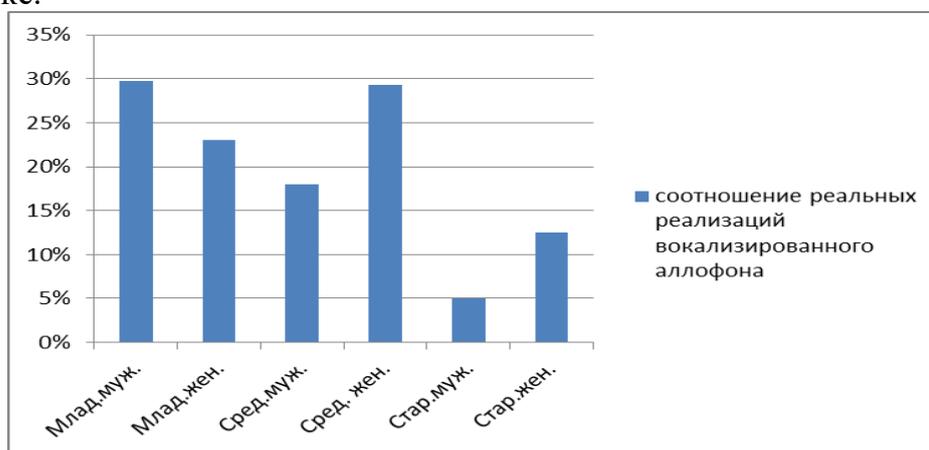

Рис. 1. Сравнительная репрезентация реализаций вокализированного аллофона [l] у мужчин и женщин (22 – 85 лет)

Так, наиболее консервативной является речь и информантов-мужчин старшего возраста, в аналогичной возрастной группе женщины реализуют вокализированный [l] более чем в два раза чаще. Наиболее чувствительной к произносительным изменениям группой являются молодые мужчины, в речи которых зафиксировано до 30% вокализированных аллофонов. Лидерами среди женщин являются представительницы группы женщин среднего возраста, использующие субституции в незначительно меньшем соотношении, чем молодые мужчины (29%). Данное явление может иметь ряд объяснений. Согласимся с мнением У. Лабова о том, что женщины являются более активными распространителями языковых инноваций, чем мужчины, однако, на

той стадии проникновения инновации в произносительный вариант, когда она более не является стигматизируемой социумом (overt prestige) [цит. по 1, p. 8].

Выводы. На основании представленного эмпирического исследования и анализа его результатов представляется возможным сделать вывод о том, что L-вокализация является распространенным явлением в современной форме стандартного британского произношения RP. ФСП реализуется информантами в регистре непринужденного общения, наиболее часто встречаясь в контексте слогаобразующего [l] в положении после согласного в конце слова (bottle, wonderful, people). В то же время, произносительной инновацией, не утвердившейся в RP, является реализация вокализованного аллофона в поствокальной позиции перед паузой (pool, mill, school): ФСП в данном контексте встречается в речи молодых информантов с высоким соотношением в речи мужчин. В этой же группе информантов зафиксированы интервокальные случаи реализации, признаваемые исследователями за пределами нормативного произношения.

Список использованных источников

1. Eriksen, I. B. From L Vocalization to TH Fronting. A Study of Five Consonant Variables in Estuary English / I. B. Eriksen ; University of Oslo. – Oslo, 2015. – 123 p.

2. Kerswill, P. Mobility, meritocracy and dialect levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation / P. Kerswill // British studies in the new millennium: the challenge of the grassroots. – Tartu : University of Tartu, 2001. – P. 45–58.

3. Kerswill, P. Dialect levelling and geographical diffusion in British English / P. Kerswill // Social Dialectology. In honour of Peter Trudgill. – Amsterdam : Benjamins, 2003. – P. 223–243.

4. Przedlacka, J. Estuary English and RP: Some recent findings / J. Przedlacka // Studia Anglica Posnaniensia. – V. 36. – Poznan : Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2001. – P. 35–50.

5. Upton, C. Received Pronunciation / C. Upton // Kortmann, Bernd & Schneider, Edgar W. (eds.), A handbook of varieties of English. – Vol. 1: Phonology. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. – 1168 p. – P. 217–230.

УДК 81

ENHANCING INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE WITHIN MULTILINGUAL EDUCATIONAL AGENDA: SOCIOPHONETIC ASPECT

А. Д. Петренко¹, В. Г. Шевель²,

*¹доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики,
директор Института филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

²преподаватель кафедры иностранных языков № 3,

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблематики социофонетической компетенции в контексте освоения межкультурной коммуникативной компетенции. Цель работы заключается в освещении ключевых компонентов (артикуляционного, акустического, перцептивного), составляющих социофонетическую компетенцию, необходимых для реализации частных коммуникативных намерений. Акцентируется функциональный социальный аспект звуков речи в рамках звукового состава языка.

Ключевые слова: социолингвистика, социофонетика, межкультурная коммуникативная компетенция, социофонетическая компетенция.

Summary. The article is devoted to the problematics of sociophonetic competence within the framework of intercultural communicative competence acquisition. The purpose of the given work is to scrutinize the main components of sociophonetic competence such as articulatory, acoustic, perceptual, needed to fulfill effective communication process. Functional social aspect of speech sounds is accentuated. The particularities of speech variation due to social setting are covered.

Key words: sociolinguistics, sociophonetics, intercultural communicative competence, sociophonetic competence.

Cultural identification is directly connected to the processes of self-identification with the culture itself on the basis of a connection of a various nature as well as accepting the norms, values, customs and patterns of the representatives of this particular culture that is also associated with the social and psychological stances which could be referred to as traditional.

The concept of the English language teaching generates the process of benefiting from culture and, on the contrary, divides language and culture by focusing on the communicative aspect of language learning and teaching.

Intercultural communicative competence implies the ability to decode cultural, national, social, ethnical imprints that characterize, influence, consolidate or assimilate communicative processes, embracing the potential achieving of successful communicative understanding.

According to D. H. Hymes, «as to the concept of communicative competence, great emphasis should be put on sociolinguistic competence, being considerable as to the communicative process, based on social factors influencing the ability to interact except of the grammatical competence» [2].

According to J. J. Gumperz, «situated interpretation of any utterance is always a matter of inferences made within the context of an interactive exchange, the nature of which is constrained both by what is said and by how it is interpreted» [1].

Recognizing cultural, national, social, ethnical varieties due to a given situation is of great value to recognize the sociocultural code of the language or language/speech variation.

Sociolinguistic competence comprises the ability to decode or encode the characteristics of a personality in a particular language community (gender, race, age, ethnicity, class) or define these marked characteristics in others.

Speech variation across social setting implies multiplicity of speech forms, social, identity, ethnical markers, the alternations of which lead to recognizing social

varieties of speech, if switched into a particular speech variety would mark personal style revealing gender, race, age, class particularities.

Sociophonetic competence — choice of speech forms determined by setting, considering a variety of social, cultural, ethnical background, necessity to overcome and eliminate barriers or negative attitudes connected to cultural competence or interpreting cultures, motivation, empathy, solidarity, personal system of beliefs and identity.

Sociophonetic competence is multifaceted and includes: articulatory competence, implying the awareness of a role of human speech apparatus, their functions and ability of speech recognition and transmission, ability to communicate an intended message in spoken communication.

Acoustic competence is connected to differentiation of physical characteristics, parameters of speech sounds within a particular language or different languages. Perceptual competence refers to the way of perceiving speech messages and usage of speech information. The spectrum of perceptual units perceived by a speaker is determined by individual characteristics of perceptual system of a particular speaker as well as a perceptual spectrum of any language.

Sociophonetic competence is also fulfilled by means of teaching orthoepic pronunciation. The cooperative nature of communication includes keeping of socio-cultural data and personal stances. Balance in communication is of great value, due to the fact that intercultural contacts are regarded today not only as an interaction of representatives of the various ethnical groups, but also as reciprocity of different professions and outlooks.

The necessity of adapting models and teaching practices due to the process of language change, sociocultural realities, recognizing social varieties, multiplicity of functions.

From the sociophonetic perspectives on stylish diversity, speakers should develop awareness as to the structural components, situational factors and demands of communication. The vast majority of intercultural speakers, who are representatives of other cultures, have to change a familiar attitude to the norm of pronunciation toward tolerance, awareness, and involvement within the framework of the current communicative situation.

Tools and practices aimed at teaching communicative awareness are connected to minding your own and interlocutors' communicative behavior, taking into consideration cultural differences, styles of communication, and the desirable result of mediating between people.

Acquiring a comprehensive skill within the framework of teaching communication implies acquaintance with new pronunciation variants connected to recognition of social varieties, style-based variations, and the mechanism of choice of speech forms due to a variety of social, cultural, ethnical backgrounds.

Successful acquisition of sociophonetic competence plays an important role in the process of intercultural interaction, allowing speakers from diverse sociolinguacultural backgrounds to reach multitudinary communicatory goals, allow effective use style-based variations in response to the same factors as native speakers, evaluate the impact of style-based factors within the communicative context.

Research into English as an international language is widespread in terms of the components of linguistic landscape, intercultural dialogue, and speakers' goals that determine the direction of teaching.

Research into theoretical and applied aspects of sociophonetics and phonostylistics, speech recognition and processing within a setting of multiplicity of social stances, detects the imprints of sociocultural code of a language, defines specificity of national and social identity, contributing to the theory of language change and language/speech variation etc.

Список использованных источников

1. Gumperz, J. J. Contextualization and understanding/ J. J. Gumperz // Stanford University. — 1992. — P. 229-252
2. Hymes, D. H. On Communicative Competence / D. H. Hymes // Harmondsworth: Penguin. — 1972. — P. 269-293.

УДК 81'276

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОРЯКОВ В СИТУАЦИИ СЛУЖБЫ НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ: ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

С. Е. Перепечкина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается коммуникация моряков-подводников в ситуации несения службы, особое внимание при этом уделяется фонетическим особенностям речи в формальной и неформальной обстановке общения. Источником данных послужила серия документальных фильмов о немецких субмаринах с середины 20-го века по настоящее время, анализ единиц сегментного и супraseгментного уровней осуществлялся аудитивным методом. В двух основных коммуникативных ситуациях (подача команды и бытовое общение моряков) выявлен ряд специфических черт, которые дифференцируются в соответствии с полным и неполным (разговорным) произносительным стилем.

Ключевые слова: социофонетика, фоностилистика, социолект, речь моряков, произношение, немецкий язык.

Summary. This article focuses on the study of the submarine sailors' communication in a situation of Maritime Service; special attention is paid to the phonetic features of speech in a formal and informal communication setting. The source of the data was a series of documentaries about German submarines from the middle of the 20th century to the present, the analysis of units of segmental and suprasegmental levels was carried out by the auditive method. In two main communicative situations (giving a command and everyday communication of seafarers), a number of specific features are identified, which are differentiated in accordance with the full and incomplete (colloquial) pronunciation style.

Key words: sociophonetics, phonostilistics, sociolect, sailors' speech, pronunciation, German language.

Исследования социальных диалектов опираются сегодня уже на сложившуюся фундаментальную научную базу, располагающую комплексом выверенных методов и методик (см., напр., [1]). Внимание ученых сосредоточено на выявлении социально и ситуативно обусловленной речевой специфики на разных языковых уровнях, определении когнитивных и лингвокультурных особенностей (ментальных, концептуальных, аксиологических и пр.). Бесчисленное многообразие объектов исследования позволяет говорить о неисчерпаемости темы социолектов и ее актуальности. Предметом рассмотрения в данной статье является речевое поведение моряков на подводной лодке в условиях формального и неформального общения с целью выявления фоностилистических черт их коммуникации. Источником данных для анализа послужили немецкие документальные фильмы о субмаринах, в частности, серии „*nordstory*” NDR и др., а также научная специальная литература, электронные энциклопедии, словари и справочники. В работе использовался преимущественно аудитивный метод как отвечающий цели социофонетического исследования речи.

Профессиональный язык моряков, создававшийся веками, безусловно отвечает своему назначению – обеспечению быстрого и точного взаимодействия людей, объединенных одной профессией. Он обладает уникальной терминосистемой, фразеологией и набором сленговой лексики, ему присуща своя красота и совершенство. В немецком «морском языке» (*Marinesprache*), кроме того, прослеживается сильное влияние нижненемецких диалектов и нидерландского языка, обусловленное географически – изначальным расположением морских баз на севере и рекрутированием солдат из нижненемецкого региона [4]. Со времени образования первого германского флота (*Kaiserliche Marine*, «Императорские военно-морские силы») в 1848 г. и до окончания Второй мировой войны во флоте использовался главным образом нижненемецкий диалект (*Plattdeutsch*), и сегодня еще язык моряков хранит старые нижненемецкие слова для обозначения многих предметов и понятий: *Schmuud* (*Smut, Smutje* – н.нем./нидерл.; прозвище судового повара), а также *Maat* (моряк), *Baas* (мастер, босс, родственное англ. *boss*), *Buddel* (разг. бутылка, ср. рус. «бутыль»), *Tide* (цикл приливов и отливов; от н.нем. *seisen* «связывать два каната»), *Zeiser, Zeising* (мор. найтов), *Yacht / Jacht* (нидерл. *jacht* – сокращенное ср.нидерл. *jageschip* «быстрый корабль»), *Wahrschau* (осторожно! / полундра! – от нидерл. *waarschuwen*, соответствующего нем. *warnen* «предостерегать»; возможно, искаженное англ. *watch out!*) [2; 3; 5]. Нижненемецкое *Moin* (*Moin-Moin!*) является самой распространенной формулой приветствия на борту в любое время суток, кроме нее используется также *Mahlzeit* [4].

Анализ речи немецких моряков-подводников во время несения службы осуществлялся в двух основных ситуациях: 1) подача и исполнение команды; 2) общение моряков между собой в менее формальной обстановке (разговоры во время обеда, отдыха и т.п.).

1. Подача и исполнение команд. Команды в мореплавании имеют давнюю традицию, они занимают существенное место в коммуникации на борту

и, во избежание ошибки, должны быть предельно ясными. Они функционируют исключительно в предписанной форме [6, с. 69]. Все службы, особенно когда распоряжение необходимо доставить на объект, повторяют приказ, чтобы убедиться, что он был правильно услышан и понят. Прием повтора особенно важен во флоте, поскольку суда и подлодки перемещаются в обширном водном пространстве, не имеющем визуальных подсказок относительно направления или расстояния. Общим для всех команд является их отчетливое и громкое произнесение, часто – протяжное, особенно перед строем. Ответным сигналом служит повтор команды моряками – после короткой паузы, также громко и отчетливо. Примечательно, что и команда, и ответ-подтверждение произносятся на немецкой субмарине нараспев, например: *Fluuuuuten!* – *Fluuuuuten*; *Auuuuf Gefechtsstatiooon!* – *Auuuuf Gefechtsstatiooon*. Повтор приказов характерным распевом был введен бундесвером после трагедии с подводной лодкой в Северном море (14.09.1966). Ранее особо длительное произнесение гласных могло быть связано с использованием для передачи сообщений системы рупоров (переговорных трубок), при этом перед многими командами добавлялся (и добавляется) звук /a/: *a rise, rise* / *A-Reise, Reise!* (подъем!); *a backen und banken!* (окончить работу! команде обедать!); *a Null* (обнуление пеленга).

В результате анализа фактического материала выявлено преимущественно длительное произнесение гласных в командах при погружении и всплытии подводной лодки, во время перемещения ее под водой, продувании балластных цистерн и других важных маневрах. Приведем примеры: *Auuuuf Manöverstatiooon!* (к месту маневра!) – регистрируется трансформация дифтонга в бифонемное сочетание /au/, а сверхкраткого /i/ с последующим /o/ – в /io/, т.е. оба компонента артикулируются полностью и произносятся длительно. Сообщения и команды по громкой связи: *Klaaarmachen zum Tauchen!* (приготовиться к погружению!) – удлинение гласного, элизия /e/ в конечном безударном слоге. Аналогично: *Klaarmachen zum Auftauchen!* (приготовиться к всплытию!); *Aaaaanblasen!* (продуть балласт!); *Alaaaarm!* (тревога!). Команда при погружении *Fluuuten! Auf Sehrohrtiefe gehen!* (погружение! идем под перископом!) произносится длительно, очень четко, редукция гласного в конечном слоге отсутствует; ударные слоги первых слов композита явно выражены. *Maaschine Stopp!* – перенос словесного ударения на начало, удлинение гласного; *Zuuu(r) Übung! Wassereinbruch.* – перенос фразового ударения на предлог, протяжное произнесение гласного, выпадение сонорного вокализованного /r/, потеря твердого приступа перед начальным гласным; *Zuuu- gleich!* (раз-два – взяли!) – длительный долгий гласный, слоги равноударны.

Интересен ряд команд на пирсе, сопровождающие завершение маневра, когда капитан раздает экипажу пиво, т.н. «*Einlaufbier*» (традиция выдавать по бутылке пива каждому члену экипажа сразу после захода в родную гавань). Здесь команды приобретают переносное, шутовское значение: *Klarmachen zum Peilen!* (приготовиться к пеленгации!) – достаточно скоро, но четко. *Klarmachen zum Peilen!* (экипаж повторяет); *Pei(aaaaaiiii)lung Achtung!* (внимание, пеленг!) – *Pei(aaaaaiiii)lung Achtung!* (экипаж) – протяжно, оба компонента дифтонга артикулируются как отдельные звуки; потеря твердого приступа начального гласного. Далее – капитан: *A Null* – *A Null* (экипаж) – длительное произнесение сонорного /l/: *a Null*, традиционное добавление «a» перед командой. Обычно же

команда *Peilung! Achtung! Null!* означает обнуление пеленга и сообщение результатов в центральный пост управления для записи в судовой журнал.

Отметим, что слова команды, содержащие краткие гласные, произносятся очень кратко, а вся фраза – в быстром темпе: *Alle Mann an Deck!* (все наверх!), особенно в ситуации опасности, требующей быстрой реакции: *Alle Mann von Bord!* (все за борт!); *Mann über Bord!* (человек за бортом!). В более спокойной ситуации темп речи размеренный, все звуки проговариваются четко: *Besatzung anfangen mit Seeklarmachen* (приготовиться к выходу в море); *Brückenwache: sich klarmachen* (верхней вахте приготовиться!); *Brücke von Kommandant. Warum wurde Alarm ausgelöst?* (вопрос капитана о причине тревоги) – *Alarm wurde ausgelöst ... aufgrund simulierter Kollision im Hinterschiff* (ответ звучит отрывочно, пропуск малозначащих слов).

Команды по курсу, фарватеру или ориентиру обязательно повторяются рулевым, об исполнении команды тотчас сообщается командиру, а тот, в свою очередь, подтверждает прием информации словами «Ja» или «Aye» [ai] [6, с. 5]: К.: *Auf Sehrohrtiefe gehen!* – Рулевой: *Elf Meter* – К.: *Ja* (кратко). – Рулевой: *Zwölf Meter* – К.: *Ja*. Аналогично: *Das Unterdeck ist klar zum Auftauchen.* – Рулевой: *13Meter, Boot steigt.* – К.: *Ja*. Здесь особое внимание обращает на себя произношение числительных: в слове *dreizehn* звук /r/ переднеязычный, лучше улавливаемый на слух. Числительное *zwei*, созвучное *drei*, заменяется в командах на форму *zwo*: *Neuer Kurs wird eins-zwo-drei.* – *Eins-zwo-drei liegt an.* – *Ja*. А также: *Eins, zwo, drei, vier werden geblasen. 35 Bar.* Или: *Eine Minute! Eine Minute dreißig!* – капитан отсчитывает по секундомеру, очень отчетливо.

Рутинные команды, постоянно встречающиеся и потому быстро узнаваемые, имеют свой фонетический образ: краткие и громкие, они, тем не менее, обнаруживают достаточно явную количественную и качественную редукцию, а также элизию гласных: *Augen rechts!* (равнение направо!) [ˈɔ:gn ˈrɛçts]; *Augen geradeaus!* (смотреть прямо!) [ˈɔ:gənəaos]. Другие примеры: Капитан: *Guten Tag |Besatzung Delta.* – громко, четко, между синтагмами краткая пауза. Ответ экипажа: *(Guten) Tag, Herr Kapitän!* – быстрый темп, пропуск слова. Аналогично: *Guten Morgen | Besatzung Alfa.* – *Guten Morgen, (Herr) Kap(i)tän!* [kapˈtɛ::n]. Характерен также перенос главного ударения во фразе на начало (на артикль, предлог, первый компонент сложного слова), выделение значащих слов: *^Das (dasss) Tu[:]rmluk ist zu. Cockpitabdeckung (steht) in Stellung. öffnen, schließen, hydraulisch.* *^Zur Übung: | Alle Mann aus dem Boot!* (вторая синтагма – скоро). *Auf mein Kommando Besatzung Delta: ^^Stillgestanden!*

В некоторых случаях отмечается легкое нижненемецкое озвончение глухих согласных: *T[d]iefe: zwölf – zwo; achtunddreiß[z]ig.*

Заимствованные термины не претерпели существенных фонетических изменений, отмечается лишь частичная ассимиляция некоторых звуков, не изменяющая слова в целом: *Reise Reise!* (подъем!) – графическая и частичная фонетическая ассимиляция англ. слов *rise rise!* Также: *Backbord* (левый борт!); отсутствие ассимиляции: *full speed!* (полный вперед!).

2. Ситуация неформального общения. В неформальной ситуации общения речь моряков обнаруживает все черты, присущие разговорной речи. На фонетическом уровне это, прежде всего, большая вариативность произношения, «разговорный стиль» по терминологии Л.В. Щербы: редукция гласных, элизия,

стяжение слов, выпадение слов, использование региональных вариантов отдельными членами экипажа. Приведем лишь некоторые примеры:

- сокращенная форма неопределенного артикля: *'ne Wellenhöhe von acht Meter; wird's schwieriger; sieht man so 'nen Typen nicht; wie von 'nem Tresor bei 'ner Bank; 'n paar Topfdeckel oder mal 'n Backblech;*

- выпадение конечных согласных: *da(s) macht man sich so gemütlich, wie's geht; is(t) ja klar; das is(t) 'n bisschen was fü(r) Männer; imme(r) da drin;*

- стяжение двух слов (глагола и местоимения во 2-м лице): *Hast ja das Wetter gesehen; wirs(t) halb so viel Spaß machen;*

- сужение гласных, элизия, лабиализация /a/: *die nächsten ['nekstn] Runden; Ich werd' [virt] denn jetzt wachen gehen; weiter fahren [fo:rn]; ja [jo];*

- разговорные произносительные формы: *Tino, hast du das mitgeriegt? ['mitgkri:çt]; gesagt [gza:xt]; Nee, nee, nee, wir machen gar nix.*

- региональные формы: *Tiefe ['di:fə]; achtunddreißig [''axtundraeziç]; Na, Smut [ʃmut]; Smut, wir schmacken später, 'ne?*

Произношение англоязычных слов и терминов характеризуется, как правило, отсутствием фонетической ассимиляции: *Heute gibt's Toastbrot mit Würstchen. – Running table* (букв. «бегущий» стол – при качке). *Wegen des Wetters hat der sich „dead in water“ gelegt. Für morgen ist das Ober-Highlight: da lässt zwar der Wind nach. ...um am FOST-Support teilzunehmen. Bunk, Chief, Smoketime* (15-минутная кофейная пауза между завтраком и обедом). Случаи частичной ассимиляции: *In die Übungsgebiete bei Plymouth* [pliməs], брит. [pliməθ]. ... *kontrollieren da die Bilge* [bilʃ], брит. [bildʒ].

В завершение подчеркнем, что в коммуникации на борту подводной лодки фонетико-фонологическое оформление речи, особенно команд и сообщений в ходе маневра, является – наряду с однозначно используемой терминологией, исключаящей синонимию – чрезвычайно важным. Речевое поведение моряков характеризуется фонетической вариативностью, обусловленной ситуативно, характер реализации сегментных единиц соответствует полному и разговорному стилям произношения.

Список использованных источников

1. Петренко, А. Д. Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы) : монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко [и др.] ; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Д. Петренко. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 370 с.

2. Begriffe: Marine von A bis Z. [Electronic Resource]. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/begriffe-marine-glossar>.

3. Das kleine U-Boot-Lexikon. [Electronic Resource]. – URL: <http://www.kbismarck.com/u-boot/ulexikon.htm>.

4. Deutsche Marinesprache. [Electronic Resource]. – URL: <https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/2325267>.

5. Enzyklopädie – Seemannslexikon. [Electronic Resource]. – URL: <https://www.grosse-seefahrt.de/lexikon/>.

6. U-Boot-Archive. Tauchvorschrift für Unterseeboote. – Berlin: Oberkommando der Kriegsmarine. – V.DV. Nr. 381, August, 1943. – 84 S. – URL: <http://www.ubootarchive.net/Diving/DivingRegulationsGerman.htm>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82(093)

РОМАН МАРТИНА ВАЛЬЗЕРА «БРАКИ ФИЛИППСБУРГА»

О. Н. Александрова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности авторского стиля в романе «Браки Филиппсбурга», написанного признанным классиком современной немецкой литературы, лауреатом более десяти самых престижных немецких литературных премий Мартином Вальзером (1927 г. р.).

Ключевые слова: Мартин Вальзер, роман «Браки Филиппсбурга», биографический роман.

Summary. The article deals with the author's style features of the novel «The Marriages of Philippsburg» written by the recognized classic of modern German literature, the winner of more than ten of the most prestigious German literary awards Martin Walser (born in 1927).

Key words: Martin Walser, The Marriages of Philippsburg, biographical novel.

Признанным классиком современной немецкой литературы считается писатель и драматург Мартин Вальзер (Martin Johannes Walser, р. 1927), лауреат более десяти самых престижных немецких литературных премий, таких как премия памяти Шиллера (1980), литературная премия Баварской академии изящных искусств (1990), Премия мира немецких книготорговцев (1998), Премия Фридриха Ницше (2015) и четырьмя орденами, среди которых высший орден ФРГ, орден «За заслуги перед Федеративной республикой Германия», баварский орден Максимилиана, вручаемый за особые заслуги в области наук и искусств, и высшая награда его малой родины, Орден Заслуг земли Баден-Вюртенберг). Писатель награжден ими за достижения в немецкой литературе и общественной жизни страны.

М. Райх-Раницкий называл его «Литературным Папой» современной немецкой литературы [1], Г. Ионкис – «последним ныне здравствующим представителем “поколения вернувшихся”» [1].

Семья М. Вальзера жила на Бодензее в городке Юберлингене, на берегу Боденского озера, фактически на границе Германии, Швейцарии и Австрии, районном центре земли Баден-Вюртенберг.

Юберлинген заслужено гордится своей историей, начинающейся с 770 года, свободомыслием, подкрепленным статусом вольного имперского города, закрепленного на рубеже XII-XIII веков Магдебургским правом, дававшим не только привилегию независимости города от феодалов, но и собственную систему юридических норм как в политической жизни обществ, так и в регулировании экономических отношений. Жители города всегда гордились

тем, что их предки, пережившие три осады шведов (1632, 1634 и 1643), смогли освободиться от оккупации чужеземцев.

Роман «Браки Филиппсбурга» носит автобиографические элементы, т.к. его главный герой Ганс Бойман живет в провинциальном городе и мечтает писать, сделать карьеру журналиста. Роман начинается с его визита в поисках работы в редакцию вечерней газеты «Абендблат», либо газету «Вельтшау» в городе Филиппсбург.

Молодой человек согласен делать любую работу в любом печатном издании, лишь бы преуспеть в этой жизни: «Так неужели он откажется от такой работы? Неужели станет разыгрывать из себя отважного борца, неужели наедине с самим собой, без зрителей, пожертвует своим будущим, неужели вновь уйдет в вечную безызвестность, что благородно, воистину, но кто вознаградит его за подобное решение? Кому он этим принесет пользу?» [2].

Подобные герои присутствуют в художественной литературе со времен появления в повести Оноре де Бальзака «Отца Горио» (1834) Эжена де Растиньяка, а в романе Ги де Мопассана «Милый друг» (1885) Жоржа Дюруа.

Как и его предшественники, Ганс Бойман прилагает немалые усилия, чтобы окружающие его женщины помогли ему преуспеть в жизни. Он флиртует со своей бывшей одноклассницей, откровенно некрасивой Анной Фолькман, старается понравиться ее матери, местной светской львице, которая может познакомить его с влиятельными людьми. Он кокетничает с машинисткой главного редактора Маргой потому, что она «принадлежат великому главному редактору» Бюгсену и может замолвить за него словечко перед своим начальником: «Он не собирался ухаживать за Маргой, не собирался говорить ей: вы такая красавица, или такая добрая, или очаровательная, или еще что-нибудь в таком роде, – он бы этого не сумел, но он решил так вести себя, чтобы Марга сама обратила на него внимание. Мысленно он выстроил шеренгу мужчин, которых Марга до сих пор могла встретить, которых она до сих пор любила, и стал анализировать характерные признаки этих мужчин» [2].

Завязывая роман с Маргой, в отличие от своих французских предшественников, Ганс Бойман не лишен укоров совести, убеждая самого себя в том, что «для того не имелось ни малейших оснований», ведь они с Анной не являются влюбленной парочкой, хотя понимает, что девушка может обидеться.

Надо признать, что сам герой воспринимает свое поведение как нравственное падение и предательство юношеских идеалов, утешая себя тем, что его однокурсники, «друзья по институту, дети, как и он, мелких буржуа и пролетариев, голодные книжные черви, что собственными силами зарабатывали себе на учение или пять раз в году ходатайствовали о стипендии» [22], поступают так же: «надо думать, каждый из его друзей совершил то же самое предательство, каждый по собственному почину, тихо и деловито, вооружившись благоразумием, отсек от плоти своей жизни юность, и она осталась где-то позади, рассеялась, а воспоминание о ней служит им пищей для воображения на всю оставшуюся жизнь» [2].

И в таком отношении к работе Ганс не одинок. В конце романа оказывается, что Марга покинула службу в газете «Вельтшау» и стала проституткой в элитном баре «Себастьян» для «ключедержателей», городской

верхушки Филиппсбурга. Порыв Боймана спасти девушку из борделя немедленно исчезает после того, как она сообщает, что в баре она зарабатывает вдвое больше.

Ганс Бойман, «внебрачный ребенок деревенской служанки, выросший в деревне, ребенок без семьи! Мать возилась с ним час в день: от двух до трех дня, в свой перерыв – час бурных нежностей и ежедневных слез» [2], стыдится того, что его мать вынуждена зарабатывать на жизнь, подавая пиво в трактире богатым крестьянам. Тем не менее, он собирается привезти мать на свою свадьбу, где будет вынужден представить ее светскому обществу.

Именно отношение к матери во многом реабилитирует Ганса в глазах читателей. Главный герой романа, выросший в неполной семье и никогда не знавший отца, почти мифологического инженера-геодезиста, уехавшего в поисках лучшей судьбы в Австралию, не может разочаровать мать отказом жениться на забеременевшей от него Анне.

Лисси Бойман, мать героя романа, не просто женский идеал. Герой задает себе вопрос: «Для чего он живет, если не для того, чтобы придать смысл ее жизни?» [2]. Именно мать давно определила ход его жизни, только она понимает и оправдывает все его поступки. Служанка из деревенской таверны понимает, какая пропасть лежит между нею и тем миром, в котором теперь живет ее сын, поэтому она никогда не появится в городе. В романе их разделяют не просто расстояние в двести километров от родного Кюммертсхаузена до Филиппсбурга.

Любовь в романе носит болезненно-жертвенный характер. Сам Ганс разрывается между двумя возлюбленными – Маргой, олицетворяющей чувственное начало, и Анной, которая, по мнению его будущей тещи, обязательно станет примерной женой.

Отношения с обеими женщинами связаны с нравственными терзаниями героя. Он не любит Анну, девушку из состоятельной, благополучной бюргерской семьи, женится на ней только потому, что не может позволить своему ребенку расти без отца, как рос он сам. На этом фоне даже на второй план отходит то, что именно Анна и ее семья могут помочь ему в карьере. Но и его чувства к Марге трудно назвать любовью, духовной близостью. По сути, он видит эту девушку всего несколько раз в приемной главного редактора, один раз провожает ее домой, а через год встречает ее в баре «Себастьян».

Мартин Вальзер использует прием травестирования в сцене развлекательного шоу в баре, инсценировке истории смерти одного из самых почитаемых на родине писателя святых – Св. Себастьяна. Трагическая история попытки возлюбленной Себастьяна спасти его жизнь ценой своей чести и расстрела святого стрелами, пригвоздившими его к кресту, превращается в разнузданные сцены группового насилия.

Травестирование происходит и в сцене признания Ганса Боймана истинным жителем Филиппсбурга. Событие происходит в элитном баре-борделе «Себастьян», церемонию проводит бандерша этого заведения Кордулла, вручая герою стрелу и ключ – символы признания его своим в обществе избранных.

Вторая новелла романа – «Смерть не обходится без последствий» строится почти на детективной истории, в которой доктор Альф Бенрат запутался в отношениях между своей женой Биргой и любовницей Сесиль. Герой Мартина Вальзера не лишен порядочности, он искренне «считал мужчиной,

обманывающего свою жену, самым жалким существом, какое только можно себе представить. Он не желал иметь любовницу. Он ненавидел это слово. Он не хотел уподобляться тем похотливым самцам, что пробираются в заднюю комнату, дабы за спущенными шторами часика два-три понаслаждаться. Потом потаенно выбирается, приходит домой и видит, что все преувеличивал, что дома, собственно говоря, ему вполне хорошо живется» [2].

Его отношения с Сесиль достаточно традиционны, при встрече он «чуть-чуть пожалуется на жену, позволит посочувствовать себе» [2].

Герой новеллы не собирается разводиться с женой прежде всего из-за боязни потерять свое положение в обществе, ведь он «известный врач, у него есть палата в клинике св. Елизаветы, его пациентки — женщины из лучшего общества, ему приходится думать о своей репутации, ему, гинекологу, больше, чем кому бы то ни было» [2].

По сути, семейные отношения Альфа Бенрата и Бирги – будущее для Ганса Боймана и Анны Фолькман.

Если Марга вызывает у Ганса преимущественно чувство физиологического голода, но при этом именно она является его учителем в мире искусства, именно она возбуждает в нем интерес к джазу как музыке избранных, билету в мир интеллектуальной элиты Филиппсбурга, то Сесиль сделала свой салон главным центром искусства в городе, чем Альф гордится. Он гордится прежде всего тем, что такая изысканная женщина среди всех мужчин города выбрала его, внешне неказистого и сублильного человека. Этот ее выбор возвышает доктора Бенрата в собственных глазах – значит, он действительно лучше окружающих.

Жены обоих мужчин происходят из обеспеченных семей (у Анны отец – влиятельный бизнесмен, а у Бирги – профессор медицины в университете), их родители всячески помогают карьере мужей своих дочерей. Обе женщины не слишком привлекательны в глазах своих мужей. Причем, эта непривлекательность, возможно, придумана самими мужчинами (излишняя тяжеловесность у Анны и легко вылечивающаяся проблема с выпадением волос). Даже домовитость этих женщин вызывает у Боймана и у Бенрата раздражение и упреки в недостаточном увлечении светской жизнью общества.

Размышления Бенрата о смерти жены жестоки именно благодаря повседневности и ординарности их восприятия им самим и Сесилью: «одна-единственная возможность сделать что-то для Сесили, одна-единственная возможность покончить с мученьями и половинчатостью, и это – себе он говорил о том уже не впервые, но Сесили сказал впервые – смерть Бирги» [2].

Самоубийство Бирги вызывает у него растерянность, протрацию и шок, тем не менее, он воспринимает ее тело как произведение искусства, думая о том, что ее скрюченные пальцы напоминают ему картину художника эпохи Возрождения Матиаса Грюневальда. Вальзер не уточняет, какое именно изображение Христа этого живописца привлекает внимание его героя, называя картину просто «Христос», но скорее всего это «Христос, упавший под тяжестью креста» (1523), потому что одновременно ассоциативный ряд мыслей героя связан с игрой на скрипке.

Почему Мартин Вальзер во всех своих произведениях семейные отношения и сам брак трактует в негативных красках, сказать трудно, но герои

его романа «Браки во Филиппсбурге» браки заключают только по деловым соображениям.

Бенрат, нашедший тело отравившейся жены, размышляет о том, кто из коллег мог бы понять и поддержать его в этой ситуации, и решает позвонить единственному из них – Реннерту, гомосексуалисту, которому, по мнению старшей акушерки клиники, графини Тилли Бергенройт, «привили ... в университете совершенно превратное представление о женщине» [2].

Сама смерть жены не вызывает у героя никаких чувств, гораздо большие эмоции в нем вызывает воспоминание об истории, обсуждаемой в обществе, суд обвинил мужчину в смерти ребенка и жены, принявшей цианистый калий и отравившей ребенка, после того, как он объявил о разводе и ушел из дома.

Более того, в романе даже не обсуждаются причины, заставившие женщину выпить яд, нет в романе ни одной сцены, связанной с ведением следствия или описания встречи героя с полицейскими. Все это героя совершенно не интересует и не волнует.

На первый взгляд, равнодушие героя к смерти женщины, с которой он прожил рядом много лет, его отказ присутствовать на ее похоронах, напоминают героя поведение героя романа Альбера Камю «Посторонний». И это вполне оправданно, интеллигенция всего мира в 60-х годах увлекалась идеями экзистенциализма и проявление чужести, отстраненности, осуждения и непонимания обществом полагала признаком интеллектуальной избранности.

Список использованных источников

1. Ионкис, Г. Мартин Вальзер – выдающийся немецкий писатель послевоенной Германии / Грета Ионкис // Ваш партнер в Германии, 2015. – URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2015/9/237/7596/metamorfozy-martina-valzera?lang=ru>. (дата обращения: 01.03.2022).

2. Вальзер, М. Браки во Филиппсбурге / Мартин Вальзер, 2004. – URL: https://royallib.com/book/valzer_martin/braki vo filippsburge.html. (дата обращения: 01.03.2022).

УДК 821.112.2

АВТОРСКИЕ ЖАНРОВЫЕ НОМИНАЦИИ В ДРАМАТУРГИИ М. ФРИША: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. А. Аникеева,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков №2
Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье поднимается вопрос о категории авторской номинации жанра на материале драматургии швейцарского писателя М. Фриша.

Цель работы – показать, что авторские жанровые номинации пьес М. Фриша не являются случайным экспромтом, а представляют собой одну из форм выражения уникального творческого мировоззрения драматурга, видящего мир по-особенному, вне жанровых канонов и устоявшихся литературных рамок.

Методы, используемые в работе: описательный, сравнительно-сопоставительный, типологический.

В статье сделан вывод о том, что реформирование жанровой системы немецкоязычной драматургии, проведенной М. Фришем, было одной из актуальных задач послевоенного литературного процесса Германии.

Ключевые слова: М. Фриш, немецкоязычная литература, пьесы, драматургия, авторские жанровые номинации, жанрология.

Summary. The article raises the question of the need to study the category of the author's genre nomination on the basis of the dramaturgy of the Swiss writer M. Frisch.

The purpose of the work is to show that the author's genre nominations of M. Frisch's plays are not random impromptu, but represent one of the forms of expression of the playwright's unique creative worldview, who sees the world in a special way, outside genre canons and established literary frameworks.

The methods used in the work are the following: the descriptive, comparative, typological ones.

The article concludes that the reformation of the genre system of German-language drama, carried out by M. Frisch, was one of the urgent tasks of the post-war literary process in Germany.

Key words: M. Frisch, German-language literature, plays, dramaturgy, author's genre nominations, genre study.

Макс Фриш (1911–1991) – признанный классик немецкоязычной литературы, романист и драматург, автор многочисленных дневников и художественной публицистики. Произведения этого автора уже давно издаются в России, вследствие чего его творчество еще в 70-е годы XX века оказалось в фокусе отечественной литературоведческой науки [1, 3, 4, 6]. Исследований по тем или иным аспектам прозаического и драматургического наследия Фриша немало, и из них становится очевидно, что, будучи писателем-новатором, он не чувствовал себя комфортно в границах устоявшихся канонических жанров, и в результате это привело к тому, что многие его произведения являются либо первыми в своем жанре, либо вообще единственными. Автор выработал свой уникальный и узнаваемый стиль, а также произвел своеобразную реформу жанровой системы немецкоязычной литературы и, в первую очередь, это утверждение справедливо для драматургии М. Фриша.

Авторские жанровые номинации – отдельная и малоизученная тема в современном литературоведении, а конкретнее – в жанрологии, однако, оставаясь дискуссионной, она представляется весьма перспективной. Среди исследований, проливающих свет на данную проблему на материале драмы, стоит упомянуть статью Е. М. Васильева «Авторские жанровые обозначения в драматургии XX века» [2], а также диссертацию М. А. Поповой «Поэтика ранней драматургии Макса Фриша» [5]. Иные исследователи, чьи работы в той или иной степени касаются данного вопроса, также не могут не упоминать и пьесы Фриша, однако до глубокого и всестороннего их изучения, дело пока не дошло. Исчерпывающих научных работ по жанровой вариативности драматургии писателя не существует, что и определяет высокую степень актуальности настоящей статьи.

Вопрос о том, что побуждает автора к созданию собственных обозначений жанра в границах уже существующих жанровых канонов – краеугольный в данном случае, поскольку именно исследование причин, побудившие драматурга к расширению его жанрового диапазона и обуславливают научную новизну данной статьи.

К драматургии М. Фриш обращается далеко не сразу. Первые пробы пера представляют собой обращение к романистике и журналистике, но уже в послевоенные годы его творческий интерес привлекает написание пьес, чему не в последнюю очередь способствовало знакомство и интенсивное общение с основателем немецкого эпического театра Б. Брехтом (1948–1949).

Уже самые первые драматургические произведения Фриша сделали его имя широко известным, а также были переведены на многие языки. Сценический успех этих пьес и по сей день остается неизменным: их с успехом ставят по всему миру. После успешного и «запойного» занятия драматургией в течение более десяти лет Фриш в какой-то момент охладевает к этому роду литературной деятельности и целиком посвящает себя романистике – начинается эпоха его самых известных романов. Однако в 1968 году он неожиданно вновь обращается к драматургии и пишет пьесу «Биография», которая, по словам Д. Затонского, представляет собой своеобразное дополнение к его большой прозе, и которую можно успешно «использовать как путеводитель по диковинной стране фришевского романа» [3, с. 11].

Исследователь творчества писателя В. А. Пронин так характеризует форму и содержание драматургии Фриша: «Драматичные по своей проблематике, но решенные нередко трагикомическими средствами, философские пьесы-притчи Фриша рассматривали актуальные проблемы недавнего исторического прошлого, пережитого европейскими народами, с нейтральной – швейцарской – точки зрения» [Выделено нами – Е. А., 6, с. 500]. Таким образом, имея в виду все драматургическое наследие М. Фриша, исследователь предлагает единую обобщающую жанровую номинацию, которая не совпадает с теми жанровыми разновидностями, которые придумал для своих пьес сам автор.

Уже упомянутый ранее исследователь Д. Затонский, в свою очередь, характеризует драматургические произведения писателя как «притчи, параболы, иносказания, смещения перспектив, опосредования жизни», которые именно в этом аспекте «недалеко ушли от его же прозы» [3, с. 10]. Рассматривая все наследие Фриша как единое целое, как неразрывную систему, литературовед справедливо утверждает, что пьесы автора по своему содержанию близки к трагедиям, а в средствах выражения, скорее, могут быть отнесены к комедиям, в том числе комедиям фарсовым, «нацеленным на предельно открытый финал» [3, с. 10]. В то же время исследователь отмечает, что какими бы жанровыми формами ни пользовался Макс Фриш, его манера видеть мир и происходящие в нем события, а также отображать все увиденное в искусстве останется неизменной: «Превратившись в драматурга, он не предал прозаика, как не предал и драматурга, когда снова вернулся к прозе» [3, с. 10].

Рассмотрим же более подробно, какие именно жанровые обозначения применяет автор в отношении своих самых известных драматургических произведений:

<i>Название пьесы, год создания</i>	<i>Фактический жанр</i>	<i>Авторская жанровая номинация</i>
Санта Крус (1944, 2-ая редакция 1947)	комедия	<i>Пьеса-романс</i>
Опять они поют (1945)	комедия	<i>Пьеса-реквием</i>
Китайская стена (1946, 2-ая редакция 1955)	комедия	-
Когда окончилась война (1949)	комедия	-
Граф Эдерланд (1950, 2-ая редакция 1956, 3-я редакция 1961)	комедия	<i>Страшная история в двенадцати картинах</i>
Дон Жуан, или Любовь к геометрии (1953, 2-ая редакция 1962)	комедия	<i>Комедия в пяти действиях. Примечания автора: «Она написана ради удовольствия писать пьесу» [7, с.510]</i>
Рип ван Винкль (1953)	радиопьеса	-
Бидерман и поджигатели (1953)	радиопьеса	-
Дилетант и архитектура (1954)	радиопьеса	-
Господин Кихот (1955)	радиопьеса	-
Бидерман и поджигатели (1958)	интеллектуальная сатирическая комедия	<i>Назидательная пьеса без морали</i>
Биография (1968)	комедия	- Примечания автора: «Я задумал эту пьесу как комедию» [7, с. 543]

Очевидно, что даже беглого сопоставления достаточно, чтобы обратить внимание на немаловажную и весьма характерную деталь: фактический жанр, к которому можно отнести ту или иную пьесу автора, и та жанровая номинация, которую автор указывает сразу же под названием драмы (практически каждой, кроме радиопьес), далеко не всегда тождественны друг другу. Более того, для обозначения жанровой принадлежности отдельных пьес Фриш заимствует терминологический аппарат из другого вида искусства, в частности, музыкального. Так, например, термины «романс» и «реквием», использованные автором, никак не отражают ни сюжетной, ни постановочной специфики данных произведений, однако можно предположить, что Макс Фриш употребляет эти номинации в условном, даже метафорическом значении.

В случае с самой, пожалуй, известной пьесой Фриша «Бидерман и поджигатели» автор идет еще дальше: для обозначения жанра он использует художественный прием – оксюморон, в котором противопоставляются синонимичные понятия «назидание» и «мораль», что призвано настроить читателя на игровой, отчасти абсурдный лад. Украинский исследователь Е. М. Васильев справедливо отмечает, что «подобное парадоксальное

соединение несоединимого в самих авторских жанровых подзаголовках является приметой всей драматургии XX века. Подзаголовок становится одним из уровней художественного текста, на которых действует закон парадокса, совмещающий взаимоисключающее» [2]. В театральных же кругах это произведение определяют как «интеллектуальную сатирическую комедию». И хотя в этом произведении отчетливо различается и назидательный компонент, и мораль, в ней также абсолютно очевидны элементы театра абсурда, характерные для драматургии 2-й половины XX века, проявляющиеся на всех уровнях произведения: в диалогах, сюжетных поворотах, образах, особенностях сценографии, но заявленные еще на первой странице при помощи приема уточняющей авторской жанровой номинации.

Показательно, что подобные авторские номинации Фриш использует только для тех драматургических произведений, которые предназначены как для постановки, так и для чтения, а радиопьесы этого дополнения лишены, что, на наш взгляд, лишь подтверждает тезис о том, что прозаическое и драматургическое начало в творчестве писателя едины и нераздельны для него как для автора.

Выводы. В послевоенную эпоху, когда перестраивался весь мир, М. Фриш счел себя в праве раздвинуть устоявшиеся границы литературного мира немецкоязычной драматургии, что у него весьма успешно и получилось. И, несмотря на то, что придуманные им жанровые номинации не приобрели канонического формата, все же можно предположить, что он достиг той творческой цели, которую ставило перед ним время.

В данной работе мы лишь позволили себе приоткрыть завесу над данной проблемой литературоведения и жанрологии, которая еще ждет своего досконального исследования.

Список использованных источников

1. Архипов, Ю. Макс Фриш в поисках утраченного единства / Ю. Архипов // М. Фриш Пьесы. – Москва : Искусство, 1970. – С. 514–573.
2. Васильев, Е. М. Авторские жанровые обозначения в драматургии XX века / Е. М. Васильев. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22174/1/dc2-2008-08.pdf>. (дата обращения: 26.02.2022).
3. Затонский, Д. Проза Макса Фриша / Д. Затонский // М. Фриш Избранные произведения. В 3 т. Т.1. – Москва : Худож. лит., 1991. – С. 5–33.
4. Павлова, Н. «Это искренняя книга, читатель...» / Н. Павлова // М. Фриш Листки из вещевого мешка. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 5–18.
5. Попова, М. А. Поэтика ранней драматургии Макса Фриша : специальность 10.01.05 «Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии» : автореф. дис... канд. филол. наук / М. А. Попова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1993. – 21с. – URL: <https://cheloveknauka.com/poetika-ranney-dramaturgii-maksa-frisha>. (дата обращения: 26.02.2022).
6. Пронин, В. А. Фриш, Макс / В. А. Пронин // Зарубежные писатели. Библиографический словарь: В 2 ч. Ч. II: М-Я. – Москва : Дрофа, 2010. – С. 500–504.
7. Фриш, М. Примечания автора // М. Фриш Пьесы. – Москва : Искусство, 1970. – 576 с.

8. Фриш, М. Избранные произведения. В 3 т / М. Фриш. – Москва : Худож. лит., 1991.

УДК 882

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. НЕКРАСОВА НА АНГЛИЙСКИЙ И АРМЯНСКИЙ ЯЗЫКИ

К. Г. Беджанян¹, С. А. Маргарян²,

¹ Заведующий отделом иностранной литературы, литературных связей и теории литературы института литературы имени М. Абегамяна НАН РА, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, Ереван, Республика Армения

² кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом армянской классической литературы института литературы имени М. Абегамяна НАН РА, Ереван, Республика Армения

Аннотация. В статье проводится общая характеристика творчества Николая Некрасова, его исторической роли в русской (и не только) действительности в России XIX века. Причиной исследования послужило 200-летие со дня рождения поэта, а предметом – переводы стихотворения «Внимая ужасам войны» на английский (Элис Блэквел) и на армянский (Ов. Туманян – Ов. Паляян) языки. Сделана попытка провести сравнительный анализ не только тех особенностей, которые свойственны стилю и эстетике автора, но и показать общие черты, присущие оригиналу и переводам, а также тот оригинальный мир красоты и индивидуальности перевоплощения, характерный для каждого переводчика. Рассматриваются композиция, стилистика, рифмовка и их отражение в английских и армянских переводах.

Ключевые слова: «Внимая ужасам войны», Туманян, Блэквел, четверостишие, сравнительный анализ, эквивалентность, процесс перевода.

Annotation: In the article we referred to the general description of Nikolay Nekrasov's creative work, his historical role in the 19th century Russian, and not only Russian, reality. The subject of our reference is the 200th anniversary of the poet, the object of examination is Nekrasov's poem «As to War's Terrors and Alarms I List into English» (Alice Blackwell) and Armenian (Tumanyan – Palyan). We tried to find not only the features that are peculiar to the author's style and aesthetic contribution, but also to show the commonalities of the original and the translations as well as the beauty and individual reproduction that is typical of each translator in the comparative analysis. The composition, stylistic and rhythmical constructions, as well as their reflection in the English and Armenian translations are revealed in the article.

Key words: «As to War's Terrors and Alarms I List», Tumanyan, Blackwell, quatrain, comparative analysis, equivalence, translation process.

Один из выдающихся представителей русской литературы Н. Некрасов, которому, безусловно, своей высокой гражданственностью, патриотизмом,

своим гневным, бичующим словом удалось завладеть сердцами армянских мастеров поэзии, “околдовать” их. Именно благодаря этому талантливый поэт всегда находил живой отклик не только у армянской интеллигенции, но и у самых разных слоев читателей, пытавшихся найти в отображенной им российской действительности какие-либо “параллели”, “общности” с реалиями собственной, родной, армянской жизни.

К таким произведениям можно отнести стихотворение «Внимая ужасам войны» (1856), навеянное рассказом Л. Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года» и представляющее собой отклик на Крымскую войну. Как полагает Н. Гусев, «некоторые главы Толстой читал Некрасову еще до опубликования, 27 декабря 1855 г.» [4, с. 104]. Возможно, рассказ так глубоко взволновал Некрасова, что в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» по поводу гибели одного из героев он писал: «Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже льется теперь над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети...» [6, с. 373]

Существует также предположение, что стихотворение Некрасова полемично по отношению к рассказу Л. Н. Толстого «Севастополь в мае», в 15 главе которого была высказана мысль, что родные вообще очень скоро забывают об умерших. Однако, это место рассказа при публикации в № 9 «Современника» за 1855 год было изъято цензурой, хотя, как полагает М. Альтман, «Некрасову, читавшему рассказ в рукописи, оно было известно» [1, с. 48–50].

Известно, что население России в XIX в. терпело невыносимый социальный и духовный гнет, а разделенный между османской и российской империями армянский народ, к тому же ощущал еще национальный и колониальный гнет. Именно поэтому армянским писателям были близки и созвучны гражданские мотивы поэзии Некрасова, оказавшей весьма благотворное влияние на всю армянскую литературу второй половины XIX в. Особенно сильным было влияние патриотических мотивов, которые нашли отклик у таких знаковых фигур армянской литературы, как Рафаэл Паткян, Раффи, Иоаннес Иоаннисиан, Ованес Туманян, Аветик Исаакян, а в советское время – Егише Чаренц, Гегам Сарьян, Наири Зарян, Геворк Эмин и др. Они не только черпали вдохновение в творчестве Некрасова, но и набирались опыта переводчика художественной формы и поэтического своеобразия.

До 1920-х годов это произведение переводилось на армянский язык шесть раз, в 1884, 1889, 1896, 1903, 1905, 1916 годах [7, с. 415].

Композиционно стихотворение состоит из 17 строк (три четверостишия и завершающее пятистишие), которые по смыслу можно разделить на 2 части: размышление о погибшем солдате, его жене и друге и повествование про скорбь матерей, их слезы. Отметим, что в армянском переводе 16 строк [8, с. 359], а Блэквел разделила стихотворение на катрены, тем самым изменив не только структуру, но и звучание элегии, чему способствовала также утрата рефрена *мне жаль* в третьей и четвертой стихах первой строфы (также не передан он Туманяном). Появляется добавленный переводчицей глагол *grieve/ горевать*,

который ниже в пятой строке к тому же поддерживается глаголом *to mourn/ скорбеть*, вновь повторяясь в четырнадцатой строке. И благодаря этой весьма удачной находке переводчицы у читателя при чтении не возникает никаких сомнений – это перевод именно этого стихотворения, в которой ощущается сожаление автора по близким погибшего солдата. Стихотворение написано четырёхстопным ямбом с пиррихиями, где мужская рифма чередуется с женской. В первых четырех строках кольцевая рифмовка, в последующих – перекрёстная, а в заключительных пяти строках особый порядок – **аабба**. Такое разнообразие в рифме и рифмовке, а также неровный ритм создают особую напевность стихотворения, сближая его с живой речью. Ритмический рисунок полностью передан переводчицей использованием мужских рифм, хотя вместо своеобразной рифмовки оригинала Блэквел решила рифмовать только по два стиха в каждом катрене. Сравним: *shed – dead; forget – wet; sincere – dear; days – raise*. Несомненно, дело не только в сохранении размера, лексики, рифмы и ритма. И даже не в изменении количества строк. А в передаче мысли, поэтической мысли.

Обращаясь к армянскому переводу, следует указать на общеизвестный факт: при переводе русской поэзии возникает проблема с размером, так как необходимо сохранить первоначальный вид оригинала, внешнюю структуру произведения, пропорциональность строф и другие мельчайшие детали. Определенной сложностью является и то, что ударение в русском языке непостоянно, в то время как в армянском языке устойчивое ударение само формирует внутреннюю парадигму соотношения структур стихотворения, стремясь сделать переводимый текст более понятным, проникновенным и доступным для восприятия иноязычного читателя. В этом и не только в этом смысле вызывает исключительный интерес туманяновский перевод, сделанный в 1896 году и известен нам под заголовком «Мать» (в английском варианте – «Скорбящий»). Сравним эти тексты:

<p>Внимая ужасам войны, При каждой новой жертве боя Мне жаль не друга, не жены, Мне жаль не самого героя... Увы! утешится жена, И друга лучший друг забудет; Но где-то есть душа одна – Она до гроба помнить будет! Среди лицемерных наших дел И всякой пошлости и прозы Одни я в мире подсмотрел Святые, искренние слёзы – То слезы бедных матерей! Им не забыть своих детей, Погибших на кровавой ниве, Как не поднять плакучей иве Своих поникнувших ветвей...[5, с. 337]</p>	<p>THE MOURNER / Tr. by Alice Stone Blackwell As to war's terrors and alarms I list, When some new victim hath his life-blood shed, 'Tis not his wife I pity, nor his friend, Nor grieve I for the hero who is dead.</p> <p>The wife in time will cease to mourn her loss, The best of friends and comrades will forget; But there is one who will remember him Even unto her grave, with eyes still wet.</p> <p>Amid our trivial, hypocritic lives, The only tears all holy and sincere That I have seen, are those by mothers shed, Who sorrow for their children, ever dear.</p> <p>Their children on the bloody field who fell They ne'er forget, but mourn them all their days. Like are they to the weeping willow tree, That never can its drooping branches raise. [9]</p>
---	--

Уже сам факт изменения названия вызывает недоумение, так как в данном контексте оно имеет концептуальное происхождение, формируя в поэзии, прежде всего, определенную философию, которая выделяет традиционный образ матери. С библейских времен передается легенда об ожидании и томлении материнской любви, известная как прекрасный архетип и не вызывающий ни малейшего сомнения миф.

В первую очередь отметим изменения коннотации некоторых слов, их эмоциональной насыщенности. Например, сопоставление *Չեմ ափսոսում* /Я не жалею/ – *չեմ ես վշտակից* /я не горюю/; *թշվառ մայրերի* /несчастных матерей/ *անբաշխ մայրերու* /беззаботных матерей/; *ուգավոր ուռենի* /оплакивающая ива/ – *լալկան ուռի* /плакучая верба/ и других пар словосочетаний раскрывает всю картину оригинала, в то же время особенно подчеркивая своеобразный стиль переводчика.

– Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,

– это несущая смысловую нагрузку фраза, та точка, где раскрывается кульминация стихотворения, которую Туманян перевел очень близко: – *Նրանք չեն մոռանալ իրենց զավակին, Որ խորտակվել է արյունոտ արտում* (*Не забудут своего ребенка/ Кто утонул в кровавом поле*). Блэквел передала весь трагизм с помощью инверсии: *Their children on the bloody field who fell/ They ne'er forget, but mourn them all their days*. Для матери обхождение или игнорирование разницы тонкой эмоциональной связи между сыном и другими родственниками проводит определенную дистанцию между мамой и болью матери, потерявшей сына, сужая как образ матери, так и все философское ядро стихотворения. С этой точки интересна трактовка Туманяна. На первый взгляд, поэт не слишком отходит от основного текста, иногда достаточно тонко изменяя некоторые сравнения и эпитеты, даже целое предложение, сохранив при этом дух и суть оригинала. Но есть в этом переводе что-то уникальное, присущее только перу Туманяна. Он смог передать всю глубину страданий материнской боли в безмолвном, немом и трагическом образе скорбящей по сыну матери: с 7–13 строки (*Բայց մի հոգի կա մի տեղ ուգավոր/ Նա հիշելու է մինչև գերեզման.../ Այս մեր կեղծավոր, ստոր աշխարհքում/ Այսքան զարշելի գործերի շարքում/ Ես անկեղծ և սուրբ մի բան տեսա միայն/ Թշվառ մայրերի արտասուքն է այն:*) Можно предположить, что Туманян «пишет» образ знакомой ему *своей* матери, которая эмоционально, нитями памяти, накрепко связана с ним. Очевидно, что здесь на подсознательном уровне проявляется та теплая и неразрывная связь Некрасова с матерью, которую он пронес всю свою жизнь. Самые искренние чувства и сокровенные воспоминания о сыновней любви, о материнской готовности к самопожертвованию создают в мыслях русского поэта образ, способный в одиночку переносить все ужасы, что не позволяет ему подвергать сомнению или колебаться в мифе о божественном происхождении матери. Лирический герой считает, что только Мать способна пронести боль утраты через многие годы, жить с этой потерей до самой смерти. Это передано анафорой «*Мне жаль*». Все (и друг, и жена) будут переживать, страдать, горевать после смерти своих близких, любимых, но они будут делать

это год, может два, может десять, но всё равно потом всё забудется. Начнётся новая жизнь, хоть и с горьким осадком, но она всё же наступит. Но не для матери. Эту мысль автор закрепляет метафорой «*до гроба помнить будет!*» А для более точной передачи чувств и эмоций Некрасов даже использует восклицательный знак. Для полноты картины Некрасов, используя сравнение, отождествляет мать с плакучей ивой. Её горечь и боль подобны поникшим веткам дерева, которые невозможно расправить. Ведь мать, потерявшая своего ребенка, точно так же никогда уже не сможет выпрямиться от навалившегося горя. Данный образ и противопоставление численного количества тех, кто помнит погибшего, а именно жена (ед.ч.), друг (ед.ч.), матерей (мн.ч.) позволяет говорить о том, что данный текст есть обращение ко всем матерям, где проблема человеческой трагедии становится общечеловеческим несчастьем. Похвально, что переводчики сохранили и метафоры (*до гроба/ unto her grave/ մինչև գերեզմանի/ , кровавой ниве/ bloody field/ արյունոտ արտոնի*), и сравнение (*склонившая свои ветви ива, которая никогда не сможет их поднять по своей природе/ Like are they to the weeping willow tree, That never can its drooping branches raise/ Արյուտ սգալոք ունենին կրկին Չի բարձրացնելու ճյուղերը արտոնի*), и числа существительных (*wife, friend, mothers/ կինը, բնկերը, մայրերը*).

В некоторых строках эмоциональный фон создается при помощи **аллитерации**, например, скорбь подчеркивается шипящими: «ужасам, каждой, жертве, жаль, жены, самого, утешится, жена, лучший, душа, средь, всякой, пошлости, святые, искренние, слезы, своих, погибших, плакучей поникнувших», что передано и в переводах: *some, shed, his, cease, loss, best, still, sincere, seen, shed, sorrow, children, branches, raise/ Լսելով, Ես, չեմ, արհամարհում, կնոջն, նույնիսկ, հերոսին, սգալոք, հիշելու, մինչև, ստոր, աշխարհում, սուրբ, գարշելի, շարքում, տեսա, թշվառ, արտաշունքն*.

Это психологическое и эмоциональное состояние было очень близко Туманяну. Возможно или именно благодаря этому мы имеем дело с полной содержательно-структурной эквивалентностью (в английском переводе это не нашло такого полного отражения). Поэтическая структура не раздроблена, есть одна верхняя точка – это то несущее целевую нагрузку предложение наверху, затем постоянное движение других «светских, мирских» явлений, сравниваемых с матерью и система нагроможденных друг на друга образов. Под тяжестью архетипа матери «другие» явления мира обретают смысл и содержание. В том числе и война, о которой на самом деле это стихотворение.

Некрасов очень тщательно подбирает слова, то же мы замечаем у Туманяна, причем Туманян идет еще дальше: он не только сохраняет с удивительной деликатностью все нюансы и внутреннее движение произведения, но и с исключительным психолингвистическим осознанием передает армянскую традицию образа матери. «*Մի հողի կա մի տեղ սգալոք*»/ «*Где-то есть место, где скорбит человек*»/, «*անկեղծ ու սուրբ*»/ «*искренняя и святая*»/, «*սգալոք ունենի*»/ «*оплакивающая ива*»», «*արտոնի ճյուղեր*»/ «*печальные ветки*»/ – вот всего лишь несколько цитат, и становится очевидно, что вся лексика имеет не только этноцентрическое, стилистическое, но и семантически иное качественное

значение. Это присутствует и в английском переводе: *there is one who will remember; holy and sincere tears*. Таким образом, когда таланты переводят гениев, получается совершенно самостоятельное произведение с абсолютно оригинальным языком, чувствами, стилем. Это утверждение однозначно, если сравниваем перевод Туманяна с другими переводами этого стихотворения на армянский язык. Но это оставим на будущее.

В данной статье сделана попытка затронуть проблему межкультурной коммуникации, художественного текста, перевода поэзии, историко-культурного наследия. Это непрерывный процесс. Но когда мы говорим о таких великих личностях, как Николай Алексеевич Некрасов, необходимо подчеркнуть, что их историческая миссия, с ее социальной, литературно-культурной и национальной направленностью, выходит за пределы времени и открывает просвещенные идеи поколениям, даже идущим намного позже них, даже другим народам.

Завершая разбор, обратимся к словам Брюсова, который утверждал, что «...внешность лирического стихотворения, его форма образуется из целого ряда составных элементов, сочетание которых и воплощает более или менее полно чувство и поэтическую идею художника, – таковы: стиль языка, образы, размер и рифма, движение стиха, игра слогов и звуков... Воспроизвести при переводе стихотворения все эти элементы полно и точно – немыслимо. Переводчик обычно стремится передать лишь один или в лучшем случае два (большею частью образы и размер), изменив другие (стиль, движение стиха, рифмы, звуки слов). Выбор этого элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении, составляет метод перевода» [2, с. 105–106.]. Из всего вышесказанного следует, что переводчики, сохранив ритм и движение стиха, в некоторой степени пожертвовали его структурой и размером. Но эта жертва оправдана. Как пишет В.С.Виноградов: «Полного тождества между оригиналом и переводом достичь нельзя. Оригинал остается единственным и неповторимым материальным результатом индивидуального творчества художника слова и частью национального словесного искусства. Перевод может быть лишь адекватным, относительно равнозначным оригиналу литературным произведением, может бесконечно сближаться с подлинником, но никогда не сольется с ним, ибо у перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника» [3, с. 8.]. А язык Некрасова своеобразный.

Список использованных источников

1. Альтман, М. С. Читая Толстого. / М. С. Альтман ; Приокское кн. изд-во. – Тула, 1966. – 168 с.
2. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений в 7-ми томах. / В. Я. Брюсов ; Художественная литература. – Москва, 1975. Т. VI. – 656 с.
3. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы : монография / В. С. Виноградов ; Издательство Московского университета. – Москва, 1978. – 174 с.
4. Гусев, Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828–1890. / Н. Н. Гусев ; Академия. – Москва, 1958. – 925 с.
5. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / А. Н Некрасов // СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Т. 3. Стихотворения, 1866 – 1877 гг. / [коммент. О. Б. Алексеева и

др.]. / Н. А. Некрасов ; Наука. Ленингр. отд-ние. – Ленинград, 1982. – 511 с. – URL: <http://russian literature.org/tom/419894> [дата обращения: 9.02.2021]

6. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / А. Н Некрасов // СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Т. 9. кн.1. Три страны света. / Н. А. Некрасов ; Наука. Ленингр. отд-ние. – Ленинград, 1984. – 495 с.

7. Овнан, Г. Русско-армянские литературные связи в XIX-XX вв., в 2-х кн. Книга первая, 1960 г., книга вторая, 1961 г. (на армянском языке). / Г. Овнан ; Издательство АН АрмССР. – Ереван, кн.1., 1960. – 500 с.

8. Туманян, О. Собрание сочинений в 6-ти томах (на армянском языке). / О. Туманян ; Луйс. – Ереван, 1950. – 378 с.

9. Nekrasov, N. Anthology of Russian Poems. – URL: <https://rvb.ru/19vek/nekrasov/ss15/vol03/notes/0369.html> [дата обращения: 9.02.2021]

УДК 811.12

ФОРМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ К. СТОКЕТТ «ПРИСЛУГА»

Е. В. Герасименко¹, Г. А. Солопина²,

*¹ преподаватель Экономико-гуманитарного колледжа,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского» в г. Ялте*

*² кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и
методики преподавания, Институт педагогики, психологии и
инклюзивного образования, Гуманитарно-педагогическая академия
(филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского» в г. Ялте*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные формы психологического изображения главных героев. Представлена классификация психологического анализа в художественном произведении, которая включает в себя три основные формы: прямую, косвенную и суммарно-обобщающую. Рассмотрены приемы художественного психологизма, свойственные каждой из форм. Выявлены преобладающие формы психологического изображения в романе Кэтрин Стокетт «Прислуга».

Ключевые слова: психологизм, психологическое изображение, формы психологического изображения, К. Стоккет, «Прислуга».

Summary. This article deals with the main forms of psychological representation of the main characters. The classification of psychological analysis that consists of the three main forms is described. Specific features of artistic psychologism of each form are defined. The dominant forms of psychological representation in the novel «The Help» by K. Stockett are revealed.

Key words: psychologism, psychological representation, forms of psychological representation, K. Stockett, «The Help».

Литература, тесно связанная с такими областями научного знания как история, философия, социология, психология и другие, представляет собой дисциплину, в которой язык используется как средство выражения и интерпретации человека, бытия и культуры, личностных и индивидуальных различий, – объектов творческих и научных изысканий писателей, философов, художников и психологов.

Литература, как и психология имеет дело с людьми и их реакцией, восприятием мира, страданиями, желаниями, страхами, конфликтами и примирениями. Они исследуют индивидуальные и социальные проблемы с помощью различных концепций, методов и подходов.

Автор литературного произведения представляет жизнь в соответствии со своими целями, представлениями, идеологиями и ценностями, открывает читателям двери в неизвестные и невидимые миры не только возбуждением чувств и эмоций, но также помогая им раскрыть смысл жизни и существования.

Появившийся в XIX в. в работах немецкого филолога Ф. Бенке (1798-1854) и немецкого философа Я. Фриза (1773-1843) термин «психологизм» обозначал трактовку главных логических феноменов с точки зрения психологии. С течением времени «психологизм» расширяет свое значения и становится методом других научных дисциплин и разного рода искусств, в т.ч. литературы. В современном мире психологизм – это неотъемлемая часть создания художественной реальности. По мнению А. Б. Есина, «психологизм – это достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств литературы» [2, с.18].

В литературном произведении «психологизм» проявляется в виде системы приемов и форм, которые раскрывают внутреннее состояние героя. Литературоведы предлагают разные классификации и терминологии для определения видов психологических приемов в тексте. Как правило, все они соглашаются о существовании двух форм психологического изображения персонажей – прямой и непрямой (косвенной). Однако содержание данных форм у каждого исследователя свое. Так, Л. Я. Гинзбург, отмечает, что: «Психологический анализ осуществляется в форме прямых авторских размышлений или в форме самоанализа героев, или косвенным образом – в изображении их жестов, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель» [1, с. 347]. Тогда как И. В. Страхов противопоставляет внутренние переживания героя и внешние проявления чувств (мимика, обстановка, поведения). В последнее время общепринятым и наиболее полным считается разделение психологических приемов на три группы: прямой, косвенной и суммарно-обозначающей. Любой вид речи персонажа, сны, воспоминания, поток сознания, исповедь относятся к прямому способу характеристики. Косвенный предполагает кинесика-миметические проявления характера, а также психологическое описание посредством художественных образов природы, интерьера и т.д. Суммарно-обозначающий прием позволяет «сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа – с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во

внутреннем мире» [2, с. 13], т.е. автор интерпретирует и объясняет мотивы поступков, эмоции и мысли персонажей.

Одной из примечательных книг в данном контексте является роман «Прислуга» (The Help, 2009) американской писательницы Кэтрин Стокетт. Дебютное и самый известное произведение автора рассказывает историю афро-американской горничной, которая работает в 1960-х гг. у белых в городке штата Миссисипи, США. Роман возглавлял список бестселлеров New York Times на протяжении года, написан на диалекте и отличается темой и организацией повествования, в которой четко прослеживается использование психологических приемов.

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить своеобразие художественных средств выражения художественного психологизма в романе К. Стокетт «Прислуга».

Данный роман написан в смешанной форме гетеродиегетического и гомодиегетического повествования с преобладанием нарратива от первого лица. Автор произведения перепоручает повествование трем фокальным персонажам: белой леди (Мисс Скитер) и темнокожей прислуге (Эйбилин и Минни), которые повествуют о событиях своей жизни в одноименных главах, и лишь одна глава написана от лица всеведущего автора. Посредством выбранной специфики повествования реализуются три формы психологического изображения персонажей в данном романе.

Главные героини раскрывают свои внутренние переживания и страдания, делятся самым сокровенным с читателем. Мисс Скитер осознает какому риску подвергается прислуга, отважившаяся рассказать о своей жизни, свои мысли она передает посредством внутренней речи: «I look at Aibileen and am reminded, once again, the risk she's taking to me» [3, с. 154]. Смерть сына побуждает Эйбилин сфокусировать свое внимание на несправедливости, царящей в обществе, и возникает неодолимое желание изменить сложившуюся ситуацию: «But it was't too long before I seen something in me had changed, a bitter seed was planted inside me and I just didn't feel so accepting anymore» [3, с. 27]. У прислуги появляется надежда на справедливость, возможность раскрыть свои чувства, которые ей приходится скрывать всю жизнь: «It feels cool, like water washing over my sticky-hot body. Cooling a heat that's been burning me up all my life» [3, с. 77]. Данные примеры являются прямой формой психологического изображения.

Демонстрация внешнего проявления эмоций является косвенной формой психологического изображения. Эйбилин представлена стойкой женщиной, которая умело скрывает свои чувства от окружающих, но порой и она не в силах сдержать свои переживания, особенно когда вспоминает о своем сыне: «I feel tears come up in my eyes, cause three years just ain't enough. A hundred years ain't gone be enough» [3, с. 99]. Прислуга видит бесконечные притеснения со стороны белых, но не в силах противостоять: «The tears roll down. It's all them white peoples that breaks me, standing around the colored neighborhood. White peoples with guns, pointed at colored peoples. Cause who gone protect our peoples? Ain't no colored policeman» [3, с. 163]. Со временем Эйбилин набирается смелости, чтобы рассказать правду о происходящих событиях: «My breath feel like fire. "Time to write to every person in Jackson the truth about you» [3, с. 195].

Особое внимание заслуживает 25 глава романа, которая не названа именем рассказчиц. Специфика данной главы представлена повествованием от лица всеведущего автора, который передает и комментирует мысли всех действующих лиц относительно происходящего во время благотворительного вечера. В центре внимания Селия Фут в откровенном наряде. Всеведущий автор передает чувства и мысли ее мужа, который не осмеливается сделать ей замечание: «Johnny gives her a sympathetic smile. He'd never tell her «I told you so», and insisted whispers, «You look gorgeous. But if you're cold, you can put my jacket on» [3, с. 320]. Автор комментирует сдержанность реакции присутствующих мужчин: «They all seem to be thinking – Finally... But, then, feeling the fingernails of their wives, also staring, digging into their arms, their foreheads wrinkle» [3, с. 321].

В романе К. Стокетт «Прислуга» доминирующими приемами психологического изображения являются прямая и косвенная формы психологизма. Художественными средствами выражения психологизма является внутренняя речь и кинесика-миметическое проявление характера.

Список использованных источников

1. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Москва : Inrada, 1999. – 415 с.
2. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – Москва : Просвещение, 1988. – 176 с.
3. Stockett, K. The Help / K. Stockett. – New York : Penguin Books, 2009. – 451 p.

УДК 811.12

ЭЛЕМЕНТЫ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ В РОМАНЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР»

Э. К. Джапарова¹, П. М. Герасимова²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГБОУВО РК «Крымский Инженерно-Педагогический Университет имени Февзи Якубова», Симферополь

²обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, Крымский Инженерно-Педагогический Университет имени Февзи Якубова, Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются различные заимствования из кельтской мифологической культуры в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», в частности элементы кельтской символики (природные символы, символика чисел, символы-предметы) и задействование кельтских мифологических существ для создания видového разнообразия в магической вселенной автора.

Ключевые слова: художественная литература, романы Дж. К. Роулинг, кельтская мифология, кельтская культура, символы.

Summary. The article covers various borrowings from Celtic mythological culture in J. K. Rowling's novel «Harry Potter», such as the components of Celtic

symbolism (natural, numerical and object symbols) and the integration of Celtic mythological creatures to create species diversity in the author's magical universe.

Key words: fiction, J. K. Rowling's novels, Celtic mythology, Celtic culture, symbols.

Гепталоги́я Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» является примером современного неомифологического произведения, где мы наблюдаем не переосмысление классического мифа с помощью новых героев и сюжета, а помещение самой жизни в мифологический контекст. При этом в современном мифотворчестве автором могут заимствоваться закономерности мифологического мышления (цикличность времени, ритуальный контакт мира живых и мертвых и т.д.), а не конкретные сюжеты [1, с. 58].

Принципы, которыми руководствуется автор в ходе построения собственного мифологического пространства, обусловлены его языковой и культурной средой: так, сюжеты Дж. К. Роулинг часто отсылают к античным мифам, составившим значительный культурный пласт западноевропейской цивилизации. В то же время в романе Дж. К. Роулинг присутствует ярко выраженный национальный колорит, что обусловлено заимствованиями из фольклора Британских островов, на формирование которого повлияла кельтская мифологическая традиция. Именно ей магический мир «Гарри Поттера» обязан своим символизмом, и по сей день вызывающим интерес у исследователей.

Центральным местом действия в романе «Гарри Поттер» является школа чародейства и волшебства Хогвартс (Hogwarts). Это слово восходит к английскому «hog» – «вепрь, кабан». Вепрь был общепринятым символом воинов как в Северной Европе, так и в кельтской традиции; кроме того, у кельтов кабан символизировал духовную власть. Друиды, сами себя называвшие «кабанами», отождествляли себя с оккультным лесным знанием. Хогвартс является местом постижения тайных знаний, а также местом укрытия для юных волшебников и их защиты от внешнего мира: «One o' the only safe places left was Hogwarts» [3, с. 42]. Он обладает своей особой магией, которая призвана помочь героям в трудные времена: «Help will be given at Hogwarts to those who ask for it» [4, с. 263–264]. Похожее значение в книге имеет и деревня Хогсмид неподалеку от Хогвартса, населенная исключительно волшебниками.

Другие анималистические символы, которые могут быть косвенно связаны с кельтской мифологией – черный пес и олень, формы анимагов Джеймса Поттера и Сириуса Блэка. Они могут отсылать к кавалькаде призрачных всадников, известных в средневековых, скандинавских и кельтских преданиях как «Дикая Охота». Это сонм духов, появляющихся на небе в бурные ночи, чаще всего во время Самайна. Кавалькаду возглавляет рогатый всадник, а впереди с громким лаем мчится свора собак. В кельтской мифологии образ Дикой Охоты не обладал демоническими характеристиками; эти духи не обязательно представляли опасность для людей, но могли стать и предвестниками беды. Разгульная сущность Дикой Охоты вполне перекликается с образами этих двух персонажей в качестве Мародёров.

Стоит упомянуть и о символике деревьев, которая также широко распространена в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер». Наиболее часто в книге встречается символ тисового дерева: тис упоминается как материал, из которого изготовлена волшебная палочка Тёмного Лорда Волдеморта, из тиса

построена изгородь вокруг старого кладбища и дома семьи Риддлов, также из тисовых деревьев состоит лабиринт на Турнире Трех Волшебников, откуда кубок переносит Гарри Поттера и Седрика Диггори на кладбище, в ловушку Тёмного Лорда и его приспешников. Здесь читателя снова встречает образ тисового дерева: «...a gloomy, neglected cemetery, with an enormous yew tree...» [5, с. 520]. У Дж. К. Роулинг этот образ не зря связан с Волдемортом, персонажем, стремившимся победить саму смерть: древние кельты считали тис символом бессмертия, а полый ствол этого дерева считался воротами в Иной Мир. Именно тис был непременным атрибутом друидической магии: из этого дерева друиды изготавливали магические палочки.

Волшебная палочка главного героя книги, Гарри Поттера, сделана из остролиста, или падуба. Древние кельты украшали ветвями этого растения свои жилища, приписывая ему защитные свойства. Волшебная палочка Гарри также не раз спасала герою жизнь: «As the pain from Harry`s scar forced his eyes shut, his wand acted of his own accord» [6, с. 61].

Помимо традиционных для древнекельтской культуры природных символов, в романе Дж. К. Роулинг присутствует также символика чисел, которая играла важную роль в жизни древних кельтов. Поистине магическим, даже мистическим в книге является число три: троица главных героев, три поворота маховика времени, которые нужно совершить, чтобы переместиться в прошлое, три головы гигантского пса, охраняющего потайную дверь в Хогвартсе, Турнир Трех Волшебников, где три чемпиона должны выполнить три задания, три года обучения, которые потребовались Мародёрам, чтобы стать анимагами, три запрещенных заклятия и т.д. Для кельтов число три также представлялось особенно важным. Триады были широко распространены в кельтской мифологии, к примеру, часто встречались троичные богини, такие, как триединая богиня-воительница Бадб, Нимэйн и Маха у ирландских кельтов. Другими важными числами в книге можно назвать число семь (семь книг, обозначающих семь ступеней развития главного героя, семь препятствий на пути к Философскому камню, рождение Гарри Поттера в июле – седьмом месяце, его седьмой номер в команде по квиддичу) и число одиннадцать (возраст зачисления в Хогвартс, длина волшебной палочки Гарри Поттера – одиннадцать дюймов, Хогвартс-Экспресс отправляется в путь в одиннадцать часов дня).

На влияние кельтской мифологии указывает также присутствие в цикле Дж. К. Роулинг таких важных магических атрибутов, как котел и чаша. Котел играл огромную роль в кельтской сакральной традиции: на европейских территориях, некогда занятых кельтами, в ходе археологических изысканий были найдены древние ритуальные котлы; магические котлы упоминаются в огромном числе древнекельтских текстов. В романе Дж. К. Роулинг встречается несколько магических котлов и чаш: сперва читатель знакомится с Кубком Огня – волшебной чашей, способной отличить правду от лжи и достойных от недостойных, подобно золотой чаше короля Кормака, позже в этой же части романа появляется другая важная чаша – Кубок Турнира Трех Волшебников, который оказывается порталом, перенесшим героя из тисового лабиринта на кладбище (подобие Иного Мира). В романе также описывается Омут Памяти Дамблдора – каменная чаша, изукрашенная рунами, которая сыграла особую роль в сюжете, и самая зловещая из всех чаш – огромный каменный котел, из

которого возродился Тёмный Лорд Волдеморт [2].

О присутствии элементов кельтской мифологии в романе говорит не только соответствующая символика, но и попытки Дж. К. Роулинг задействовать в книге таких мифологических существ из кельтской традиции, как банши, келпи, фея (fairy) и лепреккон. Образы этих существ в книге Дж. К. Роулинг подверглись значительным изменениям, что позволило интегрировать их в мифологическое пространство «Гарри Поттера» и сделало их более привлекательными для детской читательской аудитории. К примеру, образ фей восходит к фейри, общему названию для сверхъестественных существ в кельтской мифологии: к фейри можно отнести фей, эльфов, сидов, Динни Ши и т.д. Они подразделялись на две основных группы: Благой Двор (благосклонные к людям фейри) и Неблагой Двор (враждебные к людям фейри). Всю свою жизнь они проводили в празднованиях и развлечениях, иногда показываясь на глаза людям, чтобы понаблюдать за их реакцией. По причине своей лени эти существа редко вмешивались в людские дела: как правило, они помогали либо мстили людям, только если те сами становились помехой их обычным праздным занятиям. У Дж. К. Роулинг феи представлены как маленькие существа со слабо развитым интеллектом, которые часто используются или даже создаются волшебниками в декоративных целях. Их магия довольно слаба по сравнению с кельтскими фейри, способными поразить воображение человека или серьезно навредить ему, а роль декораций их вполне устраивает благодаря природному тщеславию.

Лепреккон, маленький и хитрый ирландский волшебник, встреча с которым приносит удачу или великое богатство, в романе Дж. К. Роулинг предстает как маскот ирландской сборной по квиддичу. На вероломность этого существа читателю намекает описание особых магических способностей лепрекконов, позволяющих им создавать вещество, похожее на золото, но имеющее свойство исчезать через некоторое время («золото лепрекконов»).

Образ другого ирландского мифологического существа, банши, связан с Симусом Финниганом – персонажем ирландского происхождения. Читателю становится известно о его страхе перед банши, чьи пронзительные крики предвещают смерть. Стоит сказать, что образ банши в ирландском фольклоре довольно неоднозначен: она может быть представлена в виде кровожадного духа или покровительницы своего рода, безобразной старухи или молодой красавицы, а ирландские поверья о банши зачастую трагичны и вызывают сочувствие к героине. К тому же, по одной из версий, образ банши связан с мифом о кельтской богине Дану, «душе Ирландии». В романе Дж. К. Роулинг амбивалентность образа банши не раскрыта должным образом, однако читатель может сделать свои выводы о его многогранности из рассказа об известной певице Селестине Уорлок, которой довелось выступить на одной сцене с этими духами, ставшими в этой магической вселенной частью хора.

В целом присутствие кельтских мифологических существ, в отличие от образов, построенных на кельтской символической системе, не играет значительной роли в сюжете романа, однако оно необходимо для создания разнообразия в магической Британии Дж. К. Роулинг и для раскрытия персонажей через взаимодействие с ними или демонстрацию своего отношения к ним. В свою очередь, символы, пришедшие из кельтской мифологии, не только способствуют созданию ярких и

запоминающихся персонажей, а также облегчению понимания их мотивации для читателя, но еще и являются средством продвижения сюжета, что делает их роль в создании авторского мифологического пространства Дж. К. Роулинг более существенной.

Список использованных источников

1. Лотман, Ю. М. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира ; гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : Сов. Энцикл., 1980. – С. 58–65.
2. Мифомания в мире Дж. К. Роулинг и Гарри Поттера : [сайт]. – URL : http://www.snapetales.com/mythomania/stories/58_6.php. (дата обращения: 28.02.2022).
3. Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J. K. Rowling. – Bloomsbury : London, 1997. – 223 p.
4. Rowling, J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J. K. Rowling. – Bloomsbury : London, 1998. – 251 p.
5. Rowling, J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J. K. Rowling. – Bloomsbury : London, 2000. – 636 p.
6. Rowling, J. K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J. K. Rowling. – Bloomsbury : London, 2007. – 607 p.

УДК 821

ЛИТЕРАТУРА ПО ЗАКОНАМ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Д. А. Кириченко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Севастополе, Севастополь

Аннотация. Цель исследования – определить степень влияния телевизионных передач на тексты современных зарубежных писателей. Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые предпринята попытка рассмотреть ряд современных драматургических и прозаических произведений с точки зрения наличия в них элементов, присущих телевидению. Опираясь на принципы структурного и сравнительно-сопоставительного методов, а также метод интермедиального анализа, мы установили, что в исследуемых произведениях авторы заимствуют профессиональную телевизионную терминологию, дают описание съёмочного процесса, используют образ «большого брата», приводят свод правил, по которым для достижения желаемого результата должны существовать их герои. Источником заимствований становятся передачи следующих форматов: телемагазин, вокальное шоу талантов, шоу трендов и музыки.

Ключевые слова: М. Рауд, Ч. Паланик, Л. Хюбнер, шоу талантов, телевидение.

Summary. The purpose of the study is to determine the degree of influence of television programs on the texts of contemporary foreign writers. The scientific originality of the research lies in the fact that the author for the first time made an attempt to consider a number of modern dramatic and prose works from the point of view of the presence of television elements in them. Based on the principles of structural and comparative methods, as well as the method of intermedia analysis, we found out that in the analyzed works the authors borrow professional television terminology, give a description of the shooting process, use the image of the "Big Brother", give a set of rules to their heroes. The source of borrowing is the transmission of the following formats: TV shop, vocal talent show, trend and music show.

Key words: M. Raud, C. Palahniuk, L. Hubner, talent show, TV.

Всё чаще в наше время массовая культура оказывает влияние не только на отдельно взятого индивида, но и на целые направления в искусстве. Для большого количества людей иконами стиля, вкуса и поведения становятся лица с обложек глянцевого журналов, телевизионных передач, хорошо раскрученных Instagram-аккаунтов и Youtube-каналов. Телевидение уже давно стало неотъемлемой частью жизни индивида. Всё чаще современные зарубежные писатели и драматурги стремятся отобразить в своём литературном творчестве одну из проблем современного общества – подмену реальной жизни иллюзорной.

Все события в пьесе Михкеля Рауда «Американская обезьяна» (*Mihkel Raud "American Monkey"*) проходят на съёмочной площадке телешоу, по описанию один в один похожего на телевизионный вокальный конкурс «Голос» (*The Voice*). В основе первой картины «Мелизмы» – выступление двадцатипятилетнего конкурсанта Фреда и последующий анализ представленного номера членами жюри Норманом, Хелен и Александром: профессиональная оценка особенностей голоса испытуемого, советы на будущее и долгожданный вердикт судей. В отличие от шоу, в котором два «нет» и одно «да» в первом туре обычно говорит о том, что участник должен покинуть проект, в пьесе результаты голосования жюри становятся поводом для совершенно неожиданного развития сюжета. Собственно вердикт покинуть шоу, лишившись возможности пройти в следующий тур и спеть с одним из членов жюри, становится завязкой пьесы.

Михкель Рауд предлагает посмотреть на знакомое всем шоу под иным углом, ответив на вопрос: «А судьи кто?». Получивший отказ Фред решает устроить испытание тем, кто обычно сам оценивает стоящих на «точке пения». Герою достаточно достать заряженный пистолет и направить его на одного из «мэтров шоу-бизнеса», чтобы задать уже свои правила игры. Теперь он сам – один из членов жюри, а все они – конкурсанты, которым предстоит выступить с сольным номером и услышать «да» или «нет». Но если раньше на кону был следующий тур, то теперь – жизнь или смерть.

Драматург откровенно высмеивает членов жюри. Оказывается, что *Норман*, позиционирующий себя настоящим профи – бывший солист группы «Стальные яички», а название песни «Держись за крайнюю плоть моего микрофона, детка», которую в нынешних предлагаемых обстоятельствах приходится ему исполнять, явно говорит об отсутствии вкуса. Ещё один гуру,

композитор *Александр*, тоже может похвастаться лишь сомнительными достижениями. Например, оперой «Простые радости жизни», которая посвящена волейболисту, влюбившемуся в свой мяч и ласково называющего его Волли. И, наконец, «живородящая бильдюга», *Хэлен*. Явно не имеющая собственного мнения, не умеющая петь и танцующая словно «дешёвая стриптизёрша».

Видно, что конкурсанты для членов жюри – безликая масса. Даже пистолетом в руках их не сразу удивишь. Необычны и ассоциации, которые возникают после выступления конкурсантов. Оказывается, что за словом «нет» могут скрываться довольно обидные и колкие пояснения.

Мустафа – продюсер шоу, к здравому смыслу которого периодически обращаются члены жюри, до конца не понимающие, является ли происходящее правдой или вымыслом. Норман воспринимает Фреда в качестве очередного «подосланного клоуна», которого продюсеры шоу отправляют в студию, чтобы оживить съёмочный процесс. Когда ситуация окончательно выходит из-под контроля и Александр получает ранение в ногу, Норман в открытую обвиняет в произошедшем не выстрелившего Фреда, а Мустафу. В его монологе и вся суть телевизионных шоу, и объяснение названия пьесы. В представлении Нормана, Фред – очередная поющая обезьянка, вышедшая за рамки формата шоу.

Единственное место действия в пьесе Лутца Хюбнера (*Lutz Hübner*) – музыкальная студия, в которой проходит кастинг на роль ведущей в новое шоу трендов моды и музыки «Creeps». Закадровый голос сообщает об условиях конкурсного отбора: претендентки от шестнадцати до восемнадцати лет должны быть полны энергии, чувствовать себя яркими и современными личностями, любящими тусовки, и иметь «дерзкий фейс», который станет для остальных объектом поклонения, иконой. На кастинг приглашены три девушки – Петра, Марен и Лилли. Все их действия подчинены «закадровому голосу», принадлежащему, как это видно из вступительной авторской ремарки, мужчине, «возраст – за тридцать, тип профессионального юнца / медийная версия» [2, с. 297]. Именно голос «сверху», подобно «большому брату», пришедшему к нам из антиутопий, пытается влиять на дальнейшее развитие сюжета. Сразу понять, чем должен завершиться кастинг и что все конкурсантки здесь выполняют функцию технических кандидатов, можно лишь в конце пьесы.

Арно, режиссёр шоу, чей закадровый голос звучит перед очередным конкурсным испытанием, перенасыщает свою речь иностранными словами; то и дело отпускает шуточки, пытаясь то ли говорить на одном с подростками языке, то ли разрядить атмосферу. Среди наиболее повторяющихся слов и оборотов в речи: «*things like that*», «*ready steady go*», «*up to you*» / «типа того», «три, четыре, начали», «решать тебе» и другие. Пьеса построена таким образом, что каждое новое задание для трёх участниц – это следующая ступень в постижении себя. Сама идея кастинга становится лишь отправной точкой. Уже первое задание, рассказать на камеру о себе, ставит некоторых участниц в тупик и вскрывает целый ряд психологических проблем. Так, например, Марен сначала сообщает о себе довольно стандартные, ничем не примечательные факты собственной биографии: «Ну, в общем, я – Марен Тербейкен, живу в городе Хамм, под Дортмундом, родилась 29 июля 1982 года, значит, Лев. Хобби – театр, чтение, и я считаю важной охрану окружающей среды» [2, с. 304]. Ещё одну попытку самопрезентации назвать более успешной тоже нельзя. Быстрее всех в игру

включается Лилли. Видно, что она довольно хорошо ориентируется в музыкальных вкусах потенциальных слушателей, держит внимание аудитории, в нужный момент сдабривает свою речь английскими словами и фразами. Уверенности ей придаёт и то, что её отец – один из крупнейших арт-директоров, которому ничего не стоит сделать один-единственный звонок и место ведущей Лилли обеспечено.

После каждого этапа, который обозначают то развлекательным раундом, то личностным, Голос предлагает посмотреть девушкам смонтированный фильм. Основу каждой видеозарисовки составляет только что отснятый на кастинге материал. И какой бы напряжённой и нервной не была атмосфера на площадке, благодаря умелому монтажу, наложению звуков и эффектов конечный результат восхищает не только потенциальных зрителей шоу, но и самих участниц.

Хорошей возможностью избавиться от соперника становится раунд, в котором конкурсантки должны проводить интервью друг с другом. Лилли использует этот шанс: начав отвечать на вопросы Петры, она быстро предлагает продолжить вести беседу на английском языке. Так она позволяет себе в очередной раз продемонстрировать один из важных профессиональных навыков и одновременно с этим напомнить важное журналистское правило: «Раз позволяешь отобрать у себя интервью, тогда ты выбрала не ту профессию» [2, с. 314]. В отношении Марен она выбирает иную тактику, но не менее удачную: переводит интервью из сферы профессиональной в личную. С каждым новым вопросом волнение и без того неуверенной в себе девушки нарастает.

Перед финальным раундом «общее лайканье», когда три участницы должны изобразить всеобщее ликование и, наконец, воссоединиться, внезапно раздаётся звук Голоса из невыключенного переговорника. Амбициозная и считающая себя самой лучшей Лилли слышит, что ей место не в этом шоу, а где-нибудь на съёмочной площадке *Телепузиков*. Позже выясняется, что и так называемый «кастинг» был задуман не для поиска ведущей, а для съёмки трейлера, который будет открывать каждый выпуск новой передачи.

Рассказ Мисс Америки, одной из героинь романа Чака Паланника «Призраки» (*Chuck Palahniuk "Haunted"*), полностью связан с подробным описанием съёмочного процесса передачи «Просыпайся, Чаттануга!», специализирующейся на продаже различного рода товаров: от ножей для очистки моркови до видеокурсов. Казалось бы, в совершенно безобидном стремлении начинающих телекоммивояжёров прорекламировать свой продукт нет ничего необычного. Однако за кулисами съёмочной площадки, в гримёрке царит настоящая битва не на жизнь, а на смерть. Оказывается, что выступление здесь – это определённого рода философия, постижение которой непременно приведёт к успеху.

Прежде всего, стоит обратить внимание, в каком городе проходит съёмка и к какой зоне прямого влияния (ЗПВ) этот населённый пункт относится, то есть, сколько потенциальных клиентов выступающий может получить. Так, например, зрители в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе относятся к первой и второй ЗПВ, покупатели в Далласе к седьмой. А вот город, в котором разворачиваются события в данный момент, занимает место в конце первой сотни в списке ЗПВ.

Соответственно, реклама товаров для местной публики способна привлечь «никого».

Важную роль играет и то, в какой блок попадает человек. Самый лучший блок – первый, дальнейшие блоки В, С, D, E, F сопряжены с риском, потому что в любой момент могут быть прерваны или отменены из-за срочного выпуска новостей, посвящённых какому-то локальному или мировому происшествию. Именно это и случается в дальнейшем, когда после трёх пропущенных блоков перед редактором стоит выбор, кого из сидящих в гримёрке гостей пустить в оставшийся блок – блондинку с колесом для фитнеса или зализанного молодого человека с видеокурсами.

Для редакторов подобных программ все гости безлики и безымянны. Их обозначают по названию товара, который они пришли рекламировать: «Пятновыводитель», «Видеокурсы» или «Колесо для фитнеса». При этом к каждому гостю выдвигают ряд требований, применимых к съёмочному процессу. Нельзя смотреть в принесённые с собой записи, потому что тогда в кадре будет видна лишь макушка, а это вызывает в редакторах лишь чувство ненависти. Важным условием нахождения в кадре является и специфический дресс-код: не надевать ничего белого или чёрного с белым, чтобы такой узор не «рябил» и не «стробил» [1, с. 72]. Слишком выбеленные волосы тоже сослужат плохую службу, потому что при ярком освещении они начинают «гореть» и бликовать. Гость будет лучше смотреться в кадре, если у него достаточно «выступов и углублений» на лице [1, с. 73].

Живой методичкой по поведению в телеэфире становится именно зализанный молодой человек, который обучает всем изложенным выше тонкостям молоденькую блондинку. Правда финал главы говорит о том, что вся эта информация была ни к чему. Даже если ты правильно одет, эффектно выглядишь и хорошо ориентируешься в своём продукте, представить его ты не сможешь. Достаточно, чтобы твой конкурент плеснул в лицо, на волосы и на одежду содержимое бумажного стаканчика. Например, холодный кофе. Именно так и поступает блондинка, отбирает у молодого человека микрофон и говорит: «Спасибо за добрый совет. Видимо, следующей пойду я...» [1, с. 82].

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Большое влияние на сюжет и структуру проанализированных нами текстов оказали телевизионные передачи таких форматов, как: вокальное шоу талантов, шоу трендов и музыки, телемагазин. Авторы используют профессиональную терминологию, подробно описывают съёмочный процесс, показывают всё, что обычно остаётся за кадром идеальной картинки. Во всех трёх произведениях присутствует образ «большого брата», выступающего в разных ипостасях: голос за кадром/продюсер/редактор. Он выполняет ряд функций: от руководства съёмочным процессом до выпуска финального продукта в эфир. Приходящие на передачи гости, мечтающие проявить индивидуальность и продемонстрировать собственную уникальность, воспринимаются ведущими серой безликой массой. Каждое шоу имеет свои правила, неукоснительное следование которым должно принести участникам победу. Однако все произведения заканчиваются тем, что героев ждёт удача лишь в случае действия не по правилам, а руководствуясь собственными убеждениями.

Список использованных источников

1. Паланик, Ч. Призраки / Ч. Паланик. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 544 с.
2. Хюбнер Л. Creeps / Л. Хюбнер // Шаг 11+. Новая немецкоязычная драматургия для детей и юношества. – Москва : Гете-Институт, 2015. – С. 297–330.
3. Raud, M. American monkey [Electronic Resource] / Mihkel Raud. – Access mode: <https://www.amazon.com/American-Monkey-Stage-Mihkel-Raud-ebook/dp/B00Y6WHCB8>. (Access date: 04.01.2022).

УДК 82.09

ФУНКЦИИ ЛОКУСА ЛЭНТ-СТРИТ В РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «ТОНКАЯ РАБОТА»

О. Н. Кохан,

*ст. преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт
филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение пространственного локуса Лэнт-стрит в неовикторианском романе Сары Уотерс «Fingersmith» с точки зрения сенсационного жанра. В основе методологии исследования лежат культурно-исторический, спациологический и жанровый подходы. Лондонская улица Лэнт-стрит является одним из ключевых образов в романе, поскольку она является локацией для одного из главных сенсационных пространств – воровского притона, хранящего в себе семейные тайны главных героев, мотивы незаконного рождения, а также скрываемые от викторианского общества порочные стороны жизни его представителей. Вместе с тем, образ Лэнт-стрит и ее обитателей несет в себе черты социальной критики.

Ключевые слова: сенсационный роман, функции пространства, Сара Уотерс, английская литература.

Summary. The purpose of the article is to descry the spatial locus of Lant Street in Sarah Waters' neo-Victorian novel “Fingersmith” from point of view of sensational literary genre. The methods of the study include cultural-historical, spatiological and genre approaches. London's Lant Street is a focal street in the novel as it is the location for one of the main sensational spaces – the den of thieves that keeps the basic family secrets of the main characters, the motives of illegitimate birth and hidden from Victorian society the vicious life aspects of its representatives. At the same time, the image of Lant Street and its inhabitants contains the features of social criticism.

Key words: sensational novel, space functions, Sarah Waters, British literature.

Сюжетное действие романа «Тонкая работа» («Fingersmith», 2002) начинается с загадочного дома на Лэнт-стрит, воровского притона, в котором родилась и выросла одна из главных героинь Сью Триндер. Девушка считала себя сиротой и была воспитана под чутким присмотром хозяйки притона Миссис Саксби: «Звали меня тогда Сьюзен Триндер, или просто Сью. Я точно знаю, в каком году родилась, но долгое время понятия не имела, в какой день, и потому

привыкла считать днем своего рождения Рождество. Я сирота. Моя мать умерла. Я никогда не видела ее и совсем не помню. И если говорить о родственных чувствах, то матерью мне скорее была миссис Саксби, а вместо отца – мистер Иббз, державший слесарную мастерскую на Лэнт-стрит, в Боро, недалеко от Темзы» [1, с. 9].

Улица Лэнт-стрит – историческая топографическая реалья Лондона, с которой связаны многочисленные сенсационные сюжеты «теневого» Лондона, преступные дела представителей которого вызывали осуждение и интерес уважаемых классов викторианской эпохи. Лэнт-стрит находится в районе Боро, Саутуарк и простирается с запада на восток от Саутуарк Бридж Роуд до Боро Хай Стрит. Улица расположена в районе, называемом «Монетный двор», который был печально известен как место обитания воров, фальшивомонетчиков, портних, перешивающих ранее украденную одежду на продажу, кормилиц сомнительной репутации. За Лэнт-стрит закрепилась печальная слава места крайней нужды, преступности, беспорядка и антисанитарии.

Профессиональный историк и восторженная поклонница сенсационных романов викторианской эпохи Сара Уотерс не случайно избирает именно этот локус как одну из важнейших сценических площадок для своего неовикторианского романа. Как представляется, сенсационное начало в нем тесно связано с социальной критикой, прямо ассоциирующейся с историческим значением романов Диккенса. Более того, Лэнт-стрит известна тем, что в 1824 году в возрасте 12-ти лет здесь вынужденно жил будущий писатель [9, с. 2], когда его отец был заключен за долги в тюрьму Маршалси, которая находилась неподалеку. Хозяйка квартиры, которую семья Диккенса снимала на Лэнт-стрит, стала прототипом миссис Гарленд из романа «Лавка древностей». В 1837 году в «Пиквикских записках» Диккенс описал Лэнт-стрит как улицу, где звонят в полночь, чтобы арендовать жилье. На Лэнт-стрит Диккенс «поселил» одного из героев «Пиквикских записок» Боба Сойера. По-видимому, уже во времена своей жизни на Лэнт-стрит Диккенс познакомился с такими представителями английской адвокатуры того времени, каким был мистер Соломон Пелл. Такого рода «ходатаи», по словам Диккенса, селились обычно по периферии тюремных границ [2, с.75].

В 1851 году на Лэнт-стрит было зарегистрировано 68 домов и 181 домовладение, так как в некоторых домах проживало по пять или шесть семей. Крайне перенаселенный и грязный район Боро имел один из самых высоких показателей смертности в Лондоне как среди младенцев, так и среди взрослых. Самыми распространенными заболеваниями были холера, оспа, тиф, корь, грипп и туберкулез, многие из них были связаны с антисанитарными условиями жизни в Боро.

Дом воров на Лэнт-стрит в романе Уотерс сочетает в себе множество пространств под одной крышей [5, с. 68]. Он одновременно является и логовом воров и фальшивомонетчиков, и домом для воспитания детей, и борделем, и сумасшедшим домом с безумной, занимающей, одну из верхних комнат. В притоне на Лэнт-стрит присутствовал иерархический порядок. И для воспитанной в воровском притоне Сью местный образ жизни был обыденным делом, а его представители казались ей интересными, и даже необычными: «Все

эти люди для меня были словно волшебники – куда там, даже больше чем волшебники! Потому что из-под полы куртки или из рукава у них вдруг выпархивали изящные бумажники, шелковые носовые платки, часы или украшения, а иногда на свет божий появлялись серебряные блюда, медные подсвечники, нижние юбки – порой даже целый ворох одежды» [1, с.15]. Более того, в таком суровом месте находилось место участия и заботе: с детства Сью не была лишена любви и внимания, благодаря заботе миссис Саксби, которая заменила ей мать.

Образ миссис Саксби в романе является весьма неординарным, поскольку сочетает в себе две роли – строгой хозяйки воровского притона, задумывающей и осуществляющей коварные планы, воспитывающей оставленных младенцев ради прибыли, и любящей матери. Миссис Саксби является представительницей практики «baby farming» (забота о брошенных детях), популярной в викторианскую эпоху среди самых бедных представительниц общества. Она заключалась в принятии опеки над младенцем или ребенком за определенную плату, единовременную или постоянную [7].

Методы ухода Миссис Саксби были весьма циничными, что характеризует ее не столько как заботливую кормилицу, но и как детоубийцу: «А по всему дому, уложенные в колыбельки валетом, как шпроты, лежали младенцы миссис Саксби. По ночам они в любую минуту могли поднять крик от малейшего шума. Тогда миссис Саксби обходила их с бутылкой джина и вливала каждому в ротик по капле, слышно было, как серебряная ложечка позвякивает о стекло» [1, с. 13].

Чаще всего корыстные «кормилицы» старались поскорей приумножить свой доход и избавиться от ребенка. Иногда детей поили лауданумом либо алкоголем, подолгу не кормили для того, чтобы приблизить их смерть [6]. Менее жестокие воспитатели заботились о них до определенного возраста, чтобы потом продать как домашних рабов, слуг или чернорабочих [4, с. 28]. В конце романа миссис Саксби постигает неизбежная участь, казнь, как расплата не только за убийство мистера Риверса, но и за профессиональное детоубийство.

Однако Уотерс демонстрирует и другое: миссис Саксби во многом вынужденная детоубийца, так как она проявляет исключительную заботу о Сью, которая всегда была для нее особенной. Как выяснилось позже, дело заключалось не только в нежных чувствах, но и в тайне ее рождения. Тем не менее, для Сью она была воплощением материнской любви и ласки: «По мне, лучше уж миссис Саксби! Гораздо лучше. Ей заплатили за то, чтобы я пожила у нее месяц, а она продержала меня аж семнадцать лет... И спать укладывала в свою собственную постель. И мыла мне волосы уксусом. Обращалась со мной, словно я сокровище какое, ну, там, бриллианты» [1, с. 20].

Миссис Саксби одновременно является воплощением добра и зла, ее образ, сочетающий в себе две личности, доброй матери и детоубийцы, является весьма противоречивым и прекрасно отвечает жанровым ожиданиям сенсационного романа (преступление и казнь). Но в конце романа обе героини, Сью и Мод, выживают благодаря ее самопожертвованию. Миссис Саксби становится для них и биологической, и социальной матерью [8, с. 3], проявив высшую степень сопереживания, не характерную для детоубийцы.

Сенсационное пространство дома на Лэнт-стрит хранит в себе семейные тайны, связанные с деторождением и подменой младенцев. С самого детства

Сью считала, что ее родную мать повесили за убийство, и даже знала все подробности казни: «И полиция ее поймала. Месяц мать просидела в тюрьме. А потом ее повесили. Повесили как убийцу, на крыше городской тюрьмы. Миссис Саксби смотрела на казнь из окна той комнаты, где я появилась на свет» [1, с. 19].

Из окна комнаты, где выросла Сью, открывался вид на городскую виселицу. Смертная казнь в викторианском Лондоне часто воспринималась как театральное зрелище, и Сью не была исключением. Она часто наблюдала за процессом казни преступников из окна, сохраняя при этом спокойствие и равнодушие: «Отсюда очень красивый вид – говорят, самый красивый во всем южном Лондоне. Люди даже платили нам, только чтобы поглядеть из этого оконца в день казни. Все другие девчонки визжали, когда дверца люка с треском падала, я же – никогда. Ни разу даже не вздрогнула и не зажмурилась» [1, с. 20].

Питер Акройд в своей книге «Лондон: биография» называет Лондон городом виселиц и рассказывает о том, что все готовящиеся атрибуты предстоящего действия – виселица, барьеры, платформы – привлекали внимание праздных или заинтересованных зрителей. Накануне владельцы кофеен и баров распахивали свои двери и сдавали внаем комнаты; сдавались даже крыши и окна, пригодные для наблюдения за казнью [3]. Пространство на Лэнт-стрит в романе Уотерс не случайно связано с виселицей – из окна комнаты Сью собирающиеся здесь преступники могли наблюдать за смертной казнью как за своей возможной участью, платой за совершенные злодеяния.

Однако притон на Лэнт-стрит является не только домом для воров и детоубийц, но также и воплощением домашнего тепла и уюта, местом комфорта и безопасности. Находясь впервые в поместье Терновник, Сью чувствовала тоску по родному дому: «Я представила, как миссис Саксби сварит суп из свиных костей, оставшихся после прощального пира, и это было так странно: я вдруг представила их всех, как они сидят, едят суп и вспоминают обо мне, а может, о чем другом, не важно. Если бы я была девицей плаксивой, я бы, конечно, разрыдалась от таких мыслей... Я лежала под одеялом и дрожала от холода, и, знаете, больше всего на свете мне хотелось быть сейчас рядом с миссис Саксби, на Лэнт-стрит, там, где мой дом» [1, с. 79].

Воровской притон на Лэнт-стрит также является символом пересечения географических и классовых границ. Так, уютный и дружелюбный для Сью дом становится опасным пространством для Мод. Вынужденно переместившись из богатого особняка в воровской притон, Мод почувствовала собственное бессилие, и даже безумие, постоянно находилась в страхе и предчувствии опасности: «Не думаете ли вы, что я сяду и буду с вами ужинать? Хоть с кем-то из вас?! Да я бы слугами и то постыдилась вас называть! Соединить с вами свою судьбу? Я скорее по миру пойду. Я скорее умру!» [1, с. 376].

Сенсационное пространство дома на Лэнт-стрит сочетает в себе несколько функций. С одной стороны, он является «сенсационным» локусом, местом воров, фальшивомонетчиков и убийц, замышляющих коварные заговоры, скрывающих семейные тайны и цинично убивающих младенцев. С другой стороны, он является пространством, позволяющим продемонстрировать социальную критику викторианского общества, которое вынуждало к преступлениям женщин низших сословий. Образ воровского притона на Лэнт-

стрит способствуют развитию сенсационных мотивов в романе, раскрывающих важные социальные проблемы викторианского общества.

Список использованных источников

1. Уотерс, С. Тонкая работа: роман / Сара Уотерс ; пер. с англ. Н. Усовой. – Москва : Иностранка, Азбука Агтикус, 2018. – 640 с.
2. Шпет, Г. Г. Комментарий к роману Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» / Г. Г. Шпет. – Москва, 2000. – 145 с.
3. Ackroyd, P. London: the Biography / P. Ackroyd. – London : Vintage, 2000. – P. 822.
4. Costantini, M. “‘Faux-Victorian Melodrama’ in the New Millenium: The Case of Sarah Waters.” / M. Costantini // Critical Survey 18 (2006). – Pp. 17–39.
5. Hall, D. M. Space and Sexuality in the Post-Victorian Fiction of Sarah Waters / D. M. Hall // School of English, Journalism and European Languages ; the University of Tasmania. – Tasmania, 2006. – P. 88.
6. Haller, D. L. “Bastardy and Baby Farming in Victorian England.” / D. L. Haller // The Student Historical Journal 2 (1989-1990), 2010.
7. Homrighaus, R. E. Baby Farming: The Care of Illegitimate Children in England, 1860–1943 /R. E. Homrighaus // Ph.D. diss., 2003. Rev. ed., 2010.
8. Onega, S. Pornography and the Crossing of Class, Gender and Moral Boundaries in Sarah Waters’ Fingersmith / S. Onega // Études britanniques contemporaines, 2015. – P.11.
9. Prettejohns, G. et al. *Charles Dickens and Southwark* / G. Prettejohns // London Borough of Southwark, 1994. – p. 29.

УДК 821.111

ЭТНИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС: ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Ю. Ю. Кравинская,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматривается англоязычное творчество авторов-маори в постколониальном пространстве. Определяется влияние этнического ренессанса как культурного явления на литературный процесс в целом через призму понятия «малая литература». Статья носит теоретический характер, так как ставится задача очертить объект исследования, которым является литературная составляющая этнических ренессансов в бывших переселенческих колониях Британской империи.

Ключевые слова: постколониальная литература, маори, гибридность, глокализация, этнический ренессанс, малая литература.

Summary. English-speaking belles-lettres of maori authors in postcolonial space is considered in the article. The impact of ethnic renaissance as a culture phenomenon on literary process through the perspective of notion “minor literature” is

determined. The article is of theoretical nature, as the author is to formulate the problem of a subject-matter framing. The latter is the literary constituent of ethnic renaissance in former settlers' colonies of the British Empire.

Key words: postcolonial literature, Maori, hybridity, glocalization, ethnic renaissance, minor literature.

Результатом масштабности и гетерогенности постколониального пространства является неоднородность постколониальной литературы. Причиной этого являются различия в формах культурной интеракции между британской литературной традицией и европейской в целом с национальной литературой бывших британских колоний. Кроме того, англоязычное творчество таких автохтонных народов, например, как австралийские аборигены или новозеландские маори, презентует взаимное влияние культуры коренного народа и переселенческого белого большинства, довлеющего над автохтонным этносом и находящегося с ним в диалоге культур. Обе культуры находятся внутри постколониального пространства, то есть, они подвергались влиянию культуры метрополии и строят новый диалог культур, отягощённый колониальным прошлым и ограничениями бинарной оппозиции «колонизатор–колонизированный». Это приводит к более глубокому процессу гибридизации идентичности коренных народов наряду с длительным развитием культуры переселенческого общества и автохтонного этноса внутри единого постколониального пространства. А. Н. Соловьева следующим образом охарактеризовала влияние единого социального пространства на такие процессы как гибридизация и детерриторизация: «Культурное знание, освоенное в результате проживания в едином (общем) социальном ландшафте, определяет общность и различия в интерпретации тех его образов, что конструируются людьми в различных социокультурных ситуациях» [6, с. 128].

Неоднородность постколониальной литературы, в свою очередь, усиливается процессом «глокализации». Этот термин, предложенный Робертом Робертсоном, отражает региональный сценарий глобализации, обусловленный универсализацией связей между людьми [10]. В ходе глокализации возникают новые коллективные идентичности, возрождаются и формируются региональные культуры, что выражается в возникновении такого явления как «этнический ренессанс/этноренессанс». Данное понятие было введено в социо-гуманитарные исследования в 1960–70-х гг., будучи «образным обозначением процесса усиления борьбы народов, не имеющих собственной государственности, за самостоятельность и территориальный суверенитет» [4, с. 73]. В ходе этнического ренессанса активизируются следующие процессы: «интерес к историческому и этнокультурному наследию, состаривание собственной истории, конструирование этнокультурных мифов, героизация определенных исторических персонажей, использование прошлого для легитимизации настоящего и т.д.» [2, с. 51]. В филологическом плане этнический ренессанс проявляется в популяризации родного языка, создании автохтонного исторического нарратива и возникновении литературной традиции, основанной на этническом культурном коде.

С дальнейшим углублением всех перечисленных социокультурных процессов возникло явление этнического ренессанса в рамках постколониального пространства. Е. А. Окладникова отмечает:

«Этноренессансные настроения в обществе возникают как реакция на смену исторических реалий, связанных, например, с изменением государственного строя, выходом из-под колониального протектората...» [3, с. 450]. Освободившись от управления метрополии, представители колонизированных коренных этносов в поисках ресурсов формирования национальной идентичности стремятся создать образ или образы, которым они могут быть тождественны, отвечая на основные идентификационные вопросы. Находясь в этом процессе, автохтоны обращаются к родному языку в попытке сохранить его и к родной культуре в поисках элементов ключевых образов для идентификационного процесса.

Примером этнических ренессансов в рамках постколониального общества являются Индейское (Этноамериканское) возрождение (Native American Renaissance, 1960–2000) и Маорийский ренессанс (Maori Renaissance, 1970–2000), манифестация которого в литературе находится в центре нашего исследовательского интереса.

Для анализа нарративного аспекта этнического ренессанса обратимся к понятию философов-постструктуралистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари «малая литература», которое было предложено в работе «Кафка: за малую литературу» (1975). Ученые рассматривали творчество евреев Праги (на примере анализа поэтики Франца Кафки), которые избрали немецкий язык инструментом повествования, но сохранили национальную специфику внутри «большой» австрийской литературы. «Малая литература» была определена следующим образом: «это не литература малого языка; скорее она – то, что меньшинство делает внутри большого языка» [1, с. 20].

Идея о применении понятия «малая литература» по отношению к литературе этнических ренессансов была высказана новозеландскими критиками Е. Павловым и М. Уильямсом в статье «Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеароа» [5]. Рассматривая беллетристику Маорийского ренессанса, авторы статьи находят в англоязычном нарративе маори революционный потенциал, который характеризует малую литературу: «В основе такого потенциала лежит энергия детерриториализации, «становления малым» посредством интенсивного использования большого языка. А интенсивность и сопротивление ретерриториализации вырастают еще больше, когда одна «малая» традиция пересекается с другой...» [5]. В случае с маори пересечение «малых» традиций происходит при обращении автохтонных авторов к творчеству белых переселенцев Новой Зеландии как элемент восприятия эстетической базы колониальной культуры автохтонами в постколониальном пространстве.

Философы определили следующие характеристики малой литературы: «...детерриторизация языка, подключение индивидуального к непосредственно политическому, коллективная сборка высказывания» [1, с. 23]. Ученые дают следующие разъяснения выделенным характеристикам малой литературы. Детерриторизация языка проявляется в стремлении, усиленном невозможностью писать на родном языке, выразить нарратологически национальную идею [1, с. 20]. Так, представители этнических ренессансов пишут на английском языке, использование которого имеет коннотацию подчинения подавляющей культуре,

и развивают в творчестве темы идентификационного поиска, сохранения национальной специфики, потери культурных корней.

Также, по словам Ж. Делеза и Ф. Гваттари, любой нарратив политичен в малой литературе, что возникает из-за тесного творческого пространства, которое не дает ничему остаться индивидуальным делом и несет в себе революционный призыв [1, с. 21]. Писатели-автохтоны обращаются к описанию внутрисемейных и внутриплеменных взаимоотношений, но изображают их как платформу для манифестации и решения политических и идентификационных вопросов. Обратимся к творчеству авторов Маорийского ренессанса. В романе П. Грейс «Потики» («Potiki», 1986, маор. – потомки) типичный земельный конфликт между маорийским племенем и девелоперской компанией рассматривается автором как политический, который олицетворяет борьбу маори за право быть свободными на своей земле [7]. В. Т. Ихимаэра в романе «Матриарх» («Matriarch», 1986) пересматривает исторические события 1860-х, когда группа маори в главе с Тэ Кути (Te Kooti Arikirangi Te Tūruki), проповедующим религию, возникшую на стыке язычества и христианства, сбежала из заключения и начала партизанские действия. В. Т. Ихимаэра сравнивает Те Кути с Моисеем, его отряд с народом Израиля, а преследующий их военный корпус – с египтянами. Выполняя деконструкцию одного из основополагающих элементов библейского нарратива, автор раскрывает ценность данного события для политической и вооруженной борьбы маори за землю [8, с. 133-153].

В условиях плотности культурного пространства для авторов малой литературы на первый план выходит коллективное высказывание, которое делает позицию писателя во многом вне социальных процессов наиболее ценной [1, с. 21-22]. Авторы этнических ренессансов обладают гибридной идентичностью, будучи потомками обеих культур, находящихся в диалоге. Тем самым они получают доступ к культуре переселенческого общества, будучи вовлеченными в нее, и имеют возможность взглянуть извне на формирование идентичности коренного населения и развития культуры внутри постколониального пространства, будучи на границе культур. Примером автора с гибридным базисом является Джеймс Филипп Уэлч-младший (1940–2003), представитель Индейского ренессанса, чей роман «Зима в Крови» («Winter in the Blood», 1974). Он получил мировое признание как презентация кризиса идентичности главного героя-индейца, который живет на два мира и стремится к саморазрушению, так как не находит своего места ни в одном из них. Сам Дж. Ф. Уэлч пребывает на рубеже индейской культуры и культуры белой Америки, соединяя индейские традиции и мифологию с западным литературным канонам, что дает ему возможность выработать свой стиль письма «стороннего наблюдателя с инсайдерским пониманием опыта коренных американцев» (перевод автора) [9, с. 320]. Иными словами, автор находится в состоянии «внеположенности», что является одним из критериев гибридной идентичности по Х. К. Бхабхи. Это позволяет представителям этнических ренессансов создать типичного героя, который олицетворяет не только личностный поиск автора, но общие тенденции развития идентификационных процессов.

Таким образом, предпосылки возникновения этнических ренессансов имеют социокультурный характер. Этнический ренессанс как культурное

явление благотворно влияет на развитие литературного процесса, так как включает активизацию различных культурных практик, в том числе создание нарративного культурного слоя. Для того чтобы охарактеризовать творчество англоязычных авторов-маори в рамках Маорийского ренессанса представляется перспективным обращение к понятию «малая литература» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Это позволит очертить место англоязычной прозы авторов-маори в литературном процессе Новой Зеландии и проанализировать их творчество как нарративную презентацию гибридной идентичности коренного этноса.

Список использованных источников

1. Делез, Ж. Кафка: за малую литературу / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. Я. И. Свирский. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 112 с.
2. Курбачева, О. В. Феномен этнического ренессанса в условиях глобального транскультурного диалога / О. В. Курбачева // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 49–56.
3. Окладникова, Е. А. Этнический ренессанс: теории и современная российская практика / Е. А. Окладникова, А. О. Зобнина // Радловский сборник : Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2008. – С. 449–455.
4. Октябрьская, И. В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) / И. В. Октябрьская, Е. В. Самушкина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 4(42). – С. 73–79.
5. Павлов, Е. Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеаро/Новой Зеландии / Е. Павлов, М. Уильямс // НЛО. Независимый филологический журнал. – 2007. – № 85. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/pa23.html>. (дата обращения: 19.07.2021).
6. Соловьева, А. Н. Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов / А. Н. Соловьева // Вестник Поморского университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 5. – С. 126–130.
7. Grace, P. Potiki / P. Grace. – London : Penguin Books, 2020. – 182 p.
8. Ihimaera, W. The Matriarch / W. Ihimaera. – Auckland : Heinemann, 1986. – 456 p.
9. Nelson, C. "Embodying the Indian: Rethinking Blood, Culture, and Identity in James Welch's *Winter in the Blood* and *The Death of Jim Loney*" / C. Nelson // *Western American Literature*. – 2006. – Vol. 41. – № 3. – P. 301–334. – (Project MUSE).
10. Robertson, R. Glocalization: Time-space and Homogeneity–Heterogeneity / R. Robertson // *Global Modernities* / ed. by C. M. Fetherstone, S. Lash, R. Robertson. – Langham, 1995. – P. 25–44.

УДК 82-3

A L'HONNEUR DE MAURICE DRUON

Т. Е. Краутман,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

Annotation. L'article est consacrée à l'œuvre de M. Druon. Ce qui attire surtout dans son œuvre c'est sa manière d'exposer les faits historiques comme des processus de conformité à la loi et le rôle de la personnalité historique. Dans le monde d'art du cycle historique *Les Rois Maudits* M. Druon a exprimé sa conception de la philosophie de l'histoire. Cette conception a été analysée du point de vue de thesaurus. Le but de projet - l'étude approfondie de l'évolution du roman historique en France.

Mots clés: les faits historiques, le cycle historique, la philosophie de l'histoire, la conception, thesaurus, l'évolution du roman historique.

Summary. The article is devoted to the work of M. Druon. What is particularly attractive in his work is his way of exposing historical facts as processes of compliance with the law and the role of historical personality. In the art world of the historical cycle *Les Rois Maudits* M. Druon expressed his conception of the philosophy of history. This conception has been analyzed from the point of view of thesaurus. The aim of the project - the in-depth study of the evolution of the historical novel in France.

Keywords: historical facts, historical cycle, philosophy of history, conception, thesaurus, evolution of the historical novel.

Au centre de la structure du thesaurus de M. Druon ce trouve l'histoire, la morale, la conscience de soi du régent et du peuple, la conscience du milieu le plus proche, les relations sociales et les sentiments, la politique, l'économie, la religion, la philosophie, les lois d'être. Cette structure a permis d'étudier l'action réciproque du sujet avec le monde à régime du dialogue et a saisi la conception du monde de M. Druon pour créer le modèle de thesaurus de l'écrivain c'est-à-dire la corrélation de l'écrivain comme le créateur des textes avec la réalité.

L'actualité des recherches consiste en étude du modèle du thesaurus de M. Druon, sa conception de la philosophie d'histoire dans le contexte des doctrines de K. Yaspers, A. J. Toynby, R. Aron, N. Berdiaeff et le reflet de la conception de l'écrivain dans l'esthétique, dans le journalisme, dans les nouvelles et les romans historiques, surtout dans le cycle *Les Rois Maudis*; la nécessité d'élargissement des idées sur les particularités du développement du roman historique dans la littérature française du XX siècle et la précision du rôle de M. Druon comme écrivain-philosophe, créateur des nouvelles formes synthétiques de la narration épique; la concrétisation et l'approfondissement en pratique l'analyse des bases théoriques du thesaurus (la conception de Val.A. et Vl.A. Loukov) comme la base méthodologique des recherches actuels dans le domaine de la science humanitaire.

Dans la littératures française du XX siècle l'histoire attire l'attention des écrivains de différents courants littéraires. On a tracé deux tendances de sa réalisation: d'une part l'histoire c'est le fond pour le développement des sujets romantiques et sociaux comme la partie de la réalité (les romans de H. Barbusse, A. Maurois, J. Cassou, R. Rolland, R. M. du Gard, L. Aragon, J. Roy); d'autre part –le

développement du roman historique comme genre qui se manifeste dans le cycle de M. Druon *Les Rois Maudits*.

Dans la littérature française au milieu du XXe siècle les romans sur les sujets historiques ont été examinés par M. Nadeau, P. Curnier, J. Brenner, R. - M. Albérès, D. Bourdet, A. Thérive et etc. Mais ils n'ont pas dégagé le roman historique comme le genre indépendant.

Les littéraires connus de la Russie de cette époque (L. Andréév, I. Anicimov, F. Narkirier, A. Boguinskaya, E. Maksimov, B. Pessis, N. Orlyque, V. Féssenko, O. Florovskaya et etc.) ont considéré le roman historique plus détaillé mais sous le jour de l'idéologie soviétique.

F. Narkirier a constaté dans son livre *Le roman français de nos jours* (1980) que les origines de la renaissance du roman historique en France commence avec le cycle de M. Druon *Les Rois Maudits* qui marque (avec l'apparition en 1955 *Le Roi de Fer*) une étape moderne dans le développement du roman historique français.

La place essentielle dans le thesaurus de M. Druon occupe la conception de la philosophie de l'histoire qui a été élaborée d'abord dans le journalisme de l'écrivain ou les notions *personnalité* et *histoire* tombent sous la dépendance mutuelle et la personnalité est responsable du destin de sa nation.

Dans sa philosophie de l'histoire M. Druon considère l'homme comme l'être historique qui ne peut pas renverser le fardeau de l'histoire. L'écrivain affirme que l'expérience historique et le temps historique sont étroitement liés avec sa vie intérieure et sa personnalité. M. Druon croit que l'histoire dépend entièrement de l'arbitraire de l'homme mais en se développant à travers de l'homme l'histoire finit par trouver le visage humain. Ce qui est plus complexe c'est que chaque homme personnifie à la fois le peuple, la publique et la masse et il ne se sent pas qu'il est de la même pâte. La situation exige de l'homme être la masse, il fait des efforts pour garder les liens avec son peuple. Mais M. Druon charge la personnalité historique de la responsabilité sur les cours des événements et le progrès social. L'écrivain fait la conclusion que le type de la personnalité détermine le caractère du mouvement historique. Il donne le rôle particulier à une grande personnalité qui mène les masse inertes, organise les conflits sociaux.

Les nouvelles de M. Druon reflètent les idées essentielles de son esthétique. Ce sont ses nouvelles qui forment le monde d'art de M. Druon comme le système d'appréciation de la réalité historique organisé dans la conscience de l'auteur et saisi à travers le prisme de la philosophie de l'histoire et trouvé le reflet dans les caractères des personnages historiques qui portent la vision particulière de l'histoire.

Dans les premiers romans (*Alexandre le Grand*, *Les Mémoires de Zeus*, *La Dernière Brigade*, *La Fin des Hommes*) M. Druon analyse le rapport de cause à effet entre la personnalité historique et les événements historiques. Il fait la conclusion que la personnalité historique a les mêmes dignités et les mêmes insuffisances que les autres mais si cette personnalité est au pouvoir elle est responsable de l'avenir de son peuple et de sa nation.

Dans son cycle historique M. Druon se présente comme innovateur dans le cadre du roman historique qui a réalisé dans son œuvre sa propre conception de la philosophie de l'histoire qui donne son appréciation de l'histoire qui a reçu son reflet dans la structure du cycle.

La vision de l'auteur du conflit du l'époque du Moyen Age se manifeste déjà dans la structure extérieure du cycle, dans ses cadres. M. Druon fait des expériences avec les cadres: titres, prologues, épiloques, épilogues, épigraphes, notes historiques etc. Il emploie la liste des personnages qui sont typiques pour les œuvres dramatiques. Les cadres occupent une place importante dans la décoration du cycle et établit les liens réciproques entre les romans et les soumet la conception de l'artiste.

Le chronotope occupe la place particulière dans la structure du cycle *Les Rois Maudits* qui se développe sur quelques directions: historique (dates précises, noms de lieux), culturelle (littérature, architecture, traditions, coutumes, costumes etc), de l'auteur qui permet voir la vision individuelle de l'histoire au centre de laquelle la personnalité historique.

On a souligné le rôle de l'auteur et du narrateur. La présence de l'auteur dans le texte a les formes différentes: dans les premiers six romans l'auteur décrit les événements historiques de la part de la troisième personne et dans le septième roman c'est le cardinal de Périgord qui exprime la philosophie de l'histoire de l'auteur.

Liste des sources utilisées

1. Ерофеева, Н. Е. Философия истории в публицистике М. Дрюона / Н. Е. Ерофеева, Т. Е. Краутман // Знание. Понимание. Умение ; гл. ред. И. М. Ильинский – Москва : Издательство Московского гуманитарного университета. – № 1, 2008 – С. 171–177.

2. Ерофеева, Н. Е. Основные константы тезаурусной модели М. Дрюона / Н. Е. Ерофеева, Т. Е. Краутман // Вестник Челябинского государственного университета ; гл. ред. В. В. Латюшин. – Челябинск : ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет». – №5, 2009 – С. 216–225.

3. Краутман, Т. Е. К проблеме классификации французского исторического романа XX века / Т. Е. Краутман // Итоговая научно-практическая конференция преподавателей и студентов Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет» (2008 год) : материалы. – Орск : Издательство ОГТИ, 2008. – С. 406–410.

4. Краутман, Т. Е. Периодизация творчества М. Дрюона: тезаурусный подход. / Т. Е. Краутман // Балтийский гуманитарный журнал, 2018. – №2 (23).

УДК 82-14

ОБРАЗ ГОРОДА В РУССКОЙ РЭП-ПОЭЗИИ

Г. С. Курьянов,

*аспирант кафедры русской филологии, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова»,
г. Симферополь*

Аннотация. В статье анализируется своеобразие воплощения образа города в поэзии русских рэперов. Делается вывод о смысловой амбивалентности

этого образа, в котором сочетаются представления о городе как сфере привычного обитания лирического героя, аналоге дома, «малой родине», и как о пространстве, враждебном человеку, подавляющем его индивидуальность, об однообразном лабиринте, суете, хаосе. Конкретные пространственные реалии в общем контексте того или иного произведения получают как положительные, так и негативные смысловые коннотации, что позволяет выделить «доминанту самосознания» лирического героя.

Ключевые слова: образ, лирический герой, топоним, мотив, бинарная оппозиция.

Summary. The article analyzes the originality of the embodiment of the image of the city in the poetry of Russian rappers. The conclusion is made about the semantic ambivalence of this image, which combines the idea of the city as the sphere of habitual dwelling of the lyrical hero, an analogue of the house, "small motherland", and as a space hostile to a person, suppressing his individuality, about a monotonous labyrinth, vanity, chaos. Specific spatial realities in the general context of a particular work receive both positive and negative semantic connotations, which makes it possible to single out the "dominant self-awareness" of the lyrical hero.

Key words: image, lyrical hero, toponym, motif, binary opposition.

Русский рэп – особый феномен современной культуры. Его национальной спецификой является логоцентричность, что соответствует общей направленности русской культуры и делает тексты отечественных рэп-поэтов и литературным феноменом. Русская рэп-поэзия постепенно начала складываться в особое поэтическое направление, для которого характерны броское словесно-образное оформление мыслей и чувств, наличие оригинальных мотивов и идей, особого героя-максималиста.

Достаточно долгое время рэп-поэзия не становилась предметом исследований учёных. В последние годы наблюдается постепенно возрастающий интерес к рэпу лингвистов, социологов, культурологов, защищены несколько лингвистических диссертаций [3; 7; 14]. Причина такого научного интереса видится в этическом и эстетическом потенциале поэзии рэперов. К сожалению, на сегодняшний день нет ни одной серьезной литературоведческой работы, посвященной этому направлению в новейшей отечественной поэзии.

Цель работы – исследовать своеобразие воплощения образа города в русской рэп-поэзии.

Рэп – это урбанистическая культура. Центральными являются образы города, дома, двора, района, улицы как «среды обитания» молодых поэтов. Поэтому образ города имеет особенное значение для понимания характера лирического героя, его мироощущения, доминант его самосознания.

Как свидетельствуют тексты рэп-поэтов, в городском пространстве человек чувствует себя неоднозначно. С одной стороны, это сфера его привычного обитания, аналог дома, здесь всё знакомо и близко. Отсюда в стихах топонимы и урбанонимы, получающие в общем контексте того или иного произведения положительные смысловые коннотации. Так, у Гуфа (А. Долматов) в песне «Для нее» [4] создается образ Москвы – мегаполиса, живущего бодрой, напряженной жизнью. Здесь узнаваемы все улицы и площади, упоминаются Ленинский проспект, Кузнецкий мост, торговый центр «Европейский» и т. д. Среди реалий, маркирующих деловитую городскую

жизнь, – такси, вагоны метро, окна офисов, автомобильные «пробки» на транспортных «кольцах». Герой песни Анта (А. Завьялов, группа «25/17») «На городской карте» утверждает: «Как детский рисунок на асфальте, / Вся моя жизнь на городской карте. / вспомнить то, что мне дорого, / вспомнить все мне поможет город» [5], и перечисляет те реалии и события своей биографии, которые связаны с жизнью родного города, с взрослением в нем человека.

Город воспринимается как «малая родина», в неразрывной связи к которой лирический герой рэперов находит нравственную опору. Как отмечает писатель З. Прилепин, «...русский рэп <...> совершил очень важную вещь: возвратил русскому подростку ощущение... Родины» [12]. Любовь к родине у героя рэп-поэзии чаще всего проявляется как любовь к своему городу, району, двору, дому: «Мне изначально есть чем гордиться, / Ведь мне довелось родиться в самом центре столицы, <...> Поймите, я – москвич, москвич до мозга костей, / Гораздо больше, чем большинство из москвичей <...> Я один из оставшихся в живых коренных жителей. / Для меня это важно, действительно, / Я вижу, как город умирает от жажды, зато сыты строители, / Больше новых многоэтажек на репите <...> Я, например, больше Лужкова переживаю, / За то, чтобы в центре продолжали ходить трамваи [4] (Гуф «Для нее»).

Именно в родном городе авторы многих текстов видят свои истоки, исторические корни: «Моя улица не смеётся, не плачет. / Скорее, если ты на ней родился, надо мозги и удачу. / Одна из тех, что город будто стыдится и прячет. / Никакого шопинга, каблучков или модных клатчей, / Мест парковочных. Тупо: молочный, аптека, / Турников пара. Школа где-то в двухстах метрах. / Детские глаза, мафон, не испорченный рэпом, / Больше того, скажу, что он далеко не кассетный [6] (Карандаш, «Двор»).

С другой стороны, город в рэп-поэзии обретает чудовищные очертания, воспринимается таким молохом, разрушающим человека, высасывающим его силы:

Мой город благословляет и сыплет проклятья,
Смекаешь? Хочешь пробиться – работай локтями,
Скитаясь, между домами, как будто бродяга,
Пытаясь увидеть знаки и открыть его тайну.
Мой город – гигантский пазл из сотни деталей,
Болото, что тянет братьев когтями, как дьявол,
Стирая память, стегает плетями и гладит,
Съедая годы, глотая как стаи пираний [8] (Крес, «Мой город»).

Лирический герой ощущает себя потерянным в городской суете, задавленным, лишенным индивидуального начала. Этот эффект достигается нагнетанием в тексте лексики, обнажающей мотивы тесноты и суеты:

Пока в облаках летают такси-вертолеты,
Ленинский опять *перекрывают* из-за прилета кого-то <...>
Заняты все места на парковке в «Европейском»,
В *полном* вагоне метро может не оказаться местных <...>
Пока все три кольца *страдают от пробок*,
А под землей туда-сюда *носятся суетливые толпы*,
Я ничего не прошу, просто хочу, чтобы
Оставили немного места для моего хип-хопа [4] (Гуф «Для нее»).

В текстах рэп-поэзии часто воссоздается образ замкнутого и однообразного городского лабиринта, становящегося символом хаоса. Актуализируются мотивы непогоды, холода, бесконечно долгой зимы, ночи («*На сердце север у людей*», «*снегопады и ливни в этом городе, ночи и дни одни мы*» [2]; «*Околозима – я ждал тебя в холодном парке, / Дома, дворы и арки, мой пустынный Аркхем (вымышленный город в штате Массачусетс, впервые упомянутый американским писателем Говардом Лавкрафтом. – Г. К.)*» [9]; «*На этой улице так холодно, что не согреться*» [6] и т. п.). Действительность в текстах предстает как мир, лишенный гармонии, враждебный по отношению к человеку. Идеальный мир невозможен в настоящем, существует лишь в прошлом (например, связан с детством). Так, лирический герой Смоки Мо (А. Цихова) переживает острое разочарование от столкновения с миром и напряженно ищет «потерянный рай». «Этот город сметает остатки любви, / Орудует метлой, как заправский дворник» [13], здесь царят жестокость и агрессия («*гладиаторские бои*»), поэтому «даже ангелы скоро захотят пострелять» [13]. «*Микроавтобус уходит в микрорайон <...> Нас не жалует город, удар ножа – и ты вспорот*» [10], – замечает герой Оксимирона. «*Микроавтобус*», «*микрорайон*» – «*сигналы*» современной городской жизни.

Образ города реализуются, в том числе, посредством ключевой для русского мировосприятия бинарной оппозиции «верх – низ». Рассмотрим ее на примере художественного пространства «городских» текстов В. Вакуленко (Басты).

«*Баржа на мели – поэтому непотопляема, / Мы смотрим карты, тайно мечтая о плаванье <...> / А пока прячемся в двухкомнатных карцерах, / Живя на своей земле, как в оккупации, / Пытаться ни к чему – эпоха двойственности...*» [2] («*Птицы*»). Окружающая реальность воспринимается автором в смысловых координатах «низа», который обозначен такими понятиями, как «мель», «земля», «двухкомнатные карцеры».

В песне с метафорическим названием «*С надеждой на крылья*» лирический герой Басты укоренён в земной, «низовой» жизни: «*Вместо заката для обшарпанных общаг и пятиэтажек – / Дым и сажа из заводских оранжево-ржавых скважин <...> Огромный Урбан (город. – Г. К.) прячет от нас солнце за тучами. / Друг другу наскучив, просто ночуем в холодных лачугах* [2]. Закат, солнце в данном контексте воспринимаются как принадлежность «верха», вершинного мира, воплощение духовности. Однако в суете дымного города герой Басты не забывает о небе:

Огромный город дымит,

И здесь из этого дыма весь климат этот не искоренить. <...>

И снегопады и ливни в этом городе, ночи и дни одни мы,

Пусть нас небо обнимет [2] («*Фонари*»).

Здесь обнаруживается традиционное восприятие неба как обители Всевышнего, ласкового к своим чадам и всепрощающего. Герой говорит о себе: «*Навсегда устал от зимы я, / От всего, что считаю земным*» [2]. Небесное («верх») противопоставляется земному («низ») как преходящее – вечному, дегуманизированное – гуманному, формируя оппозицию этих понятий. В данном случае оппозиция «верх – низ» оказывается непреодолимой.

Многие тексты рэп-исполнителей содержат пафос ностальгии по детству. И здесь тоже появляется образ города. Маркерами прежней жизни становятся родной двор, школа. Эта рефлексия связана с противопоставлением прошлого настоящему: «На этой улице так холодно, что не согреться. / Поможет лишь огонь тех воспоминаний из детства» [6] (Карандаш, «Двор»); «В ропоте детском было что-то знакомое, / Что-то яркое в голосе, детские слезы мои / Кажутся мне крупинками горя в таком большом городе» [1] (Ассаи, «Южные сны»).

Выводы. Образ города в поэзии русских рэперов амбивалентен. С одной стороны, с ним связывается мотив «малой родины», начальной точки отсчёта жизни, места, где герой чувствует себя своим, находящимся в своей стихии. Это место силы для героя, мир его детства и юности. С другой стороны, город – это пространство, враждебное для человека, вызывающее тотальное обезличивание, лишенное гуманности. Одна из ключевых тем русской рэп-поэзии – тема дисгармоничного мира-инвалида, агрессивного по отношению к человеку, реализуется, в частности, в мотивах города как замкнутого и однообразного лабиринта, символизирующего хаос, холода, бесконечно зимы, долгой ночи, собственной неприкаянности, «бездомья».

В поэзии русских рэперов город представлен конкретными пространственными реалиями (район, улица, двор, дом, подъезд, парк, фонари), однако связывается и с метафорическими понятиями (земля, мель, дым, тайна и др.), имеющими амбивалентное значение – как «низменное», «нравственно низкое», «уродливое» и как «земное» («находящееся на земле»), «повседневное», «обыкновенное», «реальное».

Образ города в текстах рэперов дает возможность выделить «доминанту самосознания» [11, с. 84] (Н. Д. Тмарченко) лирического героя. Определяющая его черта – бунтарство, непримиримость к лицемерию, прагматизму закосневшего общества, мучительные поиски гармонии в мире, стремление изменить жизнь.

Список использованных источников

1. Ассаи : [сайт] / А. Косов. – URL: <http://assai.ru/>. (дата обращения: 20.03.2022).
2. Баста – Ноггано : [сайт] / В. Вакуленко. – URL: http://www.basta-aka-noggano.ru/text_basta_rossiya.html (дата обращения: 10.03.2022).
2. Богданов, А. В. Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса : специальность 10.02.19 «Теория языкознания» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Антон Валерьевич Богданов. – Москва, 2007. – URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnye-kharakteristiki-afroamerikanskogo-rep-diskursa>. (дата обращения 26.03.2022).
3. Гуф : [сайт] / А. Долматов. – URL: <http://gufzm.ru/>. (дата обращения: 19.03.2022).
4. 25/17 : [сайт] / А. Завьялов, А. Позднухов. – URL: <http://www.2517.ru/>. (дата обращения: 19.03.2022).
5. Карандаш : [сайт] / Д. Григорьев. – URL: <http://karandash-production.ru/>. (дата обращения: 22.03.2022).
6. Кожелупенко, Т. П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп-текстах : специальность : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и

сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. П. Кожелупенко. – СПб., 2009. – 28 с.

7. Krec :[сайт] / А. Косов, А. Бровков. – URL: <http://www.krec.ru/>. (дата обращения: 22.03.2022).

8. Луперкаль, Д. Проект Увечье / Д. Луперкаль. – URL: http://proekt-uveche.ru/index/denis_luperkal_biografija/0-4. (дата обращения: 12.03.2022).

9. Охххуmiron : [сайт] / М. Федоров. – URL: <http://охххуmiron.com/music/>. (дата обращения: 12.03.2022).

10. Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий ; гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

11. Прилепин, З. Мы лишь добавляем в тему бит и бас / Захар Прилепин // Официальный сайт З. Прилепина. – URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/columnistika/sobakaru/mi-lish-dobavljaem-v-temu-bit-i-bas.html>. (дата обращения: 15.03.2022).

12. Смоки Мо : [сайт] / А. Цихов. – URL: <http://smokymo.ru/>. (дата обращения: 17.03.2022).

13. Шевченко, О. В. Лингвосемиотика молодежного песенного дискурса : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. В. Шевченко. – Волгоград, 2009. – 28 с.

УДК 801.81

**ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ
МАРКА ЛЕВИ)**

М. С. Никитина,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков №4,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности современной литературы. Основные методы исследования, применяемые в данной работе: типологический, сравнительно-сопоставительный. Рассмотрены понятия элитарной, массовой литературы. Особое внимание уделено анализу жанрового своеобразия и функций массовой литературы. На основе проанализированного материала автором установлено, что феномен современной литературы включает в себе наличие произведений с универсальной структурой, несущих эскапистскую функцию и ориентированных на читателя с целью формирования у него определенного видения мира и нравственности. Материалом исследования являются романы Марка Леви.

Ключевые слова: элитарная литература, массовая литература, роман.

Summary. This article examines the features of modern literature. The basic research methods used in this paper are typological, contrastive-comparative. The concepts of elite, mass literature are considered. Particular emphasis is placed on the study of the mass literature genre diversity and functions. On the basis of the analyzed

material the author reveals that modern literature phenomenon includes the presence of works with a universal structure that carry an escapist function and focused on the reader in order to form his certain world and morality vision. The material of the study is the novels of Mark Levy.

Key words: elite literature, mass literature, novel.

Всестороннее и многоуровневое развитие современного общества приводит к глобальным преобразованиям и кардинальным изменениям в различных отраслях научной деятельности. В настоящее время ярко выражено разделение современной культуры на элитарную и массовую. Данный процесс также вызывает активный интерес у специалистов в сфере литературы.

Суть элитарной литературы связана с понятием элиты. Элита (от лат. *electus*, англ. фр. *élite* – избранный, лучший) – в социологии и политологии – неотъемлемая и важная часть любого социума. Осуществляет функции управления социумом, а также выработки новых моделей (стереотипов) поведения, позволяющих социуму приспосабливаться к изменяющемуся окружению [7]. Как производитель и потребитель данной литературы, высшие, привилегированные слои, классы осуществляют функции управления, развития производства и культуры. Элитарная литература является продуктом «не для всех» в силу собственного высочайшего уровня; уникальные, нестандартные способы подачи материала, которые создают «препятствие» для восприятия искусства неподготовленным соответствующим образом читателям.

В свою очередь массовая литература – многозначный термин, имеющий несколько синонимов: популярная, тривиальная, пара-, бульварная литература; традиционно этим термином обозначают: ценностный «низ» литературной иерархии – произведения, относимые к маргинальной сфере общепризнанной литературы, отвергаемые как псевдолитература. Нередко под массовой литературой понимают весь массив художественных произведений определенного культурно-исторического периода (или какого-либо литературного направления), которые рассматриваются как фон вершинных достижений писателей первого ряда.

Произведения массовой литературы невозможно свести к неизменному единству, так как условия определения художественности, социальной и эстетической весомости изменчивы и не универсальны. В некоторых случаях они меняются в зависимости от историко-культурных эпох, каждая из которых характеризуется своей системой ценностей и, соответственно, своим типом восприятия художественных произведений. Следовательно, и «высокая», и массовая литература подвержены значительным изменениям и иначе могут трактоваться представителями различных литературных школ и направлений. Исходя из этого, можно утверждать, что для определения феноменов массовости художественных произведений не достаточно их приравнять к «низам» литературной системы, достаточно сложно поддающихся классификации и унификации [3, с. 515–516].

Стоит отметить, что перечень жанров произведений, представляющих массовую литературу, имеет определенную основу и включает в себя: детектив, авантюрно-приключенческий, фантастика (научная и фэнтези), дамский (женский, любовный, розовый, сентиментальный) роман, исторический роман, триллер. Однако со временем некоторые жанровые каноны подвергаются

преобразованиям, ассимилируясь с другими разновидностями массовой литературы, порождая новые виды произведений [1, с. 209].

Традиционно основными функциями литературы как словесного творчества считают следующие три: 1) эстетическую, 2) познавательную, 3) воспитательную. В настоящее время массовая литература представляет собой целую индустрию, специализацией которой является издание стандартизированной продукции, имеющей ряд функций: развлекательная (гедонистическая, эскапистская); коммуникативная (престижная, ценностно-ориентировочная); познавательная, психосоматическая, воспитательная, пропагандистская [2, с. 291]. Данные функции определяют сущность выпускаемой литературы.

Одним из ярких представителей современных авторов, работы которого отражают суть и своеобразие нынешней литературы, является французский писатель Марк Леви. В его библиографии насчитывается более двадцати романов, отличающихся своей жанровой принадлежностью, выполняющих различные функции и имеющих большой коммерческий успех.

Писатель начинает свое творчество с написания сентиментальных романов, основной темой которых является сила любви. Например, первое произведение Марка Леви «А если это правда?» (фр. «Et si c'était vrai...») повествует о девушке, неожиданно появившейся в доме молодого архитектора. Впоследствии мы узнаем, что девушка является призраком и только главный герой может помочь ей вернуться в мир живых. Права на экранизацию данного романа приобрел американский кинорежиссер Стивен Спилберг, а фильм, вышедший под названием «Между небом и землей», получил широкую известность. Последующие произведения автора («Где ты?» (фр. «Où es-tu?»), «Семь дней творения» (фр. «Sept jours pour une éternité»), «Следующий раз» (фр. «La prochaine fois»), «Встретиться вновь» (фр. «Vous revoir»)) также повествуют о несокрушимости такого чувства как любовь и дружба. Преобладающей функцией данных произведений является развлекательная, эскапистская в частности. Романы могут играть роль заместителя реальности, увлекать и «отключать» читателя от происходящих вокруг событий.

Особняком стоит следующий роман Марка Леви «Дети свободы» (фр. «Les enfants de la liberté»). В его основу легли воспоминания отца и дяди писателя, участвовавших в движении Сопротивления во Франции (в Тулузе). Леви повествует об интернациональной бригаде подростков, ведущих подпольную деятельность против оккупантов и мечтающих о светлом будущем, о свободе. Автор дает свое представление о происходящих событиях во время Второй мировой войны и об уровне поддержки, степени участия США, в частности. Произведению присущи элементы исторического, приключенческого романа. Он отличается отсутствием фирменного «налета мистики» Леви. Меняется и функция романа. В этом произведении она коммуникативная (ценностно-ориентировочная), влияющая на мировоззрение читателей, формируя определенную иерархию ценностей [2, с. 291].

Последующие работы автора, например, «Первый день» (фр. «Le premier jour»), «Первая ночь» (фр. «La première nuit»), «Странное путешествие мистера Долдри» (фр. «L'étrange voyage de Monsieur Daldry»), «Она и он» (фр. «Elle et Lui») также можно отнести к сентиментальным романам. Произведения «Те

слова, что мы не сказали друг другу» (фр. «*Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites*»), «Другое счастье» (фр. «*Une autre idée du bonheur*»), «Последняя из Стэнфилдов» (фр. «*La dernière des Stanfield*»), «Влюбленный призрак» (фр. «*Ghost in love*») затрагивают тему семейных отношений и их тайн.

В произведении «Сильнее страха» (фр. «*Un sentiment plus fort que la peur*») автор через призму любовных и профессиональных связей разоблачает теорию мирового заговора. В конце романа Марк Леви утверждает, что при написании произведения изучал и использовал подлинные документы. Книгу «Опрокинутый горизонт» (фр. «*L'Horizon à l'envers*») стоит также отнести к роману о любви, однако его отличает наличие научно-фантастической направленности. В произведение рассказывается о студентах медицинского университета, изучающих нейробиологию. Затрагивается тема криоконсервации. В благодарственном слове Марк Леви отмечает плотное сотрудничество и получение консультаций у исследователей нейрохирургии.

В настоящее время писатель работает над серией книг о «Группе 9», состоящих из хакеров вне закона, целью которых является борьба со злом: разоблачение мировых заговоров, предотвращение терактов, восстановление справедливости. Автор планирует написать девять книг, две из которых уже переведены на русский язык («Это случилось ночью» (фр. «*C'est arrivé la nuit*»), «Сумерки хищников» (фр. «*Le crépuscule des fauves*»)), третья – «NOA» планируется выйти во Франции в мае 2022. Марк Леви посвятил три года исследованиям для подробного изучения специфики работы хакеров и вопроса мирового господства. В одном из своих интервью автор утверждает, что посредством творчества он высказывает свою гражданскую позицию и протест.

С каждым годом поднимаемые Марком Леви темы в романах становятся все серьезнее и сложнее, что можно отнести к характеристике элитарной литературы, однако в то же время соответствует особенностям развития именно массовой литературы в настоящее время. Сохраняется формульность произведений, их совершенная структура (для лучшей перцепции читателем), сложный сюжет с коллизиями и интригой, а также специфика написания текста, ориентированного на экранизацию [4, с. 97]. Серийность выпускаемых книг, периодичность издания раз в год, соответствие содержанию рынка культуры также говорит о принадлежности произведений Марка Леви к массовой литературе. Однако, стоит отметить усиление содержательного начала романов, что обусловлено качественными изменениями в структуре потребления современного общества. С появлением электронных книг на первое место выходит содержание, а оформление и цена издания становятся второстепенными [6, с. 8, 13].

Таким образом, творчество французского писателя Марка Леви является ярким примером феномена современной литературы, произведения которой отличаются формульностью и унифицированностью. Романы автора выполняют в основном функцию эскапизма и ориентированы на читателя с целью формирования у него определенного видения мира, внутренней культуры и нравственности.

Список использованных источников

1. Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман. – Т. 3. – Таллинн, 1994. – 290 с.

2. Назарова, Л. А. Изучение текстов массовой литературы: функционально-рецептивный подход / Л. А. Назарова, Д. В. Спиридонов // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2 : Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 286–294.
3. Николукин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николукин. – Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – Москва : Интелвак, 2003. – 1596 с.
4. Скокова, Т. А. Специфика массовой литературы в эпоху постмодернизма / Т. А. Скокова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 95–100.
5. Черняк, М. А. Массовая литература конца XX - начала XXI века: технология или поэтика? / М. А. Черняк // Филологический класс. – 2008. – №2 (20). – С. 4–11.
6. Норманская, А. В. Массовая литература как феномен современной массовой культуры / А. В. Норманская, А. В. Швецова // Таврические студии. Серия: искусствоведение. – 2016. – № 11 (25). С. 6–14. – URL:https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32389574_18585488.pdf. (дата обращения: 27.02.2022).
7. Буренко, В. И. Инструментальное измерение политической элиты / В. И. Буренко // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – № 6 – История. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/68051>. (дата обращения: 13.02.2022).

УДК 82-1/-9

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖАНРА ВИДЕНИЯ

В. Ю. Новикова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и
иностраных языков и литературы,
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт
культуры», Краснодар*

Аннотация. В статье рассматриваются историко-культурные источники сюжета в средневековом жанре видения. Изучаются шумеро-аккадские, античные, персидские и арабские аналоги сюжетной модели видения. Выдвигается предположение об одном из литературных источников происхождения «Божественной комедии» Данте Алигьери и его связи с Толедской переводческой школой.

Ключевые слова: видение, визионерская литература, сюжетная модель, путешествие в загробный мир, «Божественная комедия».

Summary. The article deals with the historical and cultural sources of the plot in the medieval genre of vision. The Sumerian-Akkadian, Antique, Persian and Arabic analogues of the plot model of vision are being studied. An assumption is made about

one of the literary sources of the origin of the «Divine Comedy» by Dante Alighieri and its connection with the Toledo school of translation.

Key words: visio, visionary literature, plot model, journey to the underworld, «The Divine Comedy».

Жанр видения в средневековой литературе неразрывно связан с визионерской традицией в тех культурах, в которых большое значение имеет концепция чудесного в приложении к поискам концепции мироустройства. При этом мир земной и мир «иной» – потусторонний, загробный или просто далекий от визионера – часто понимаются как две стороны одной и той же структуры – единого мира, в котором есть место и чудесному, и обыденному. Однако исследователи жанра видения часто подчеркивают характерную особенность средневековых видений – их христианскую, религиозную составляющую, которая важна для текста не только с позиции прозелитизма раннего Средневековья, но и постепенного конструирования христианского мира в Средневековье позднем. Можно привести в пример постепенное «встраивание» в загробное мироустройство Чистилища – некоего промежуточного места для существования души, пока она будет избавляться от греха, который хоть и не позволяет ей попасть в Ад (этот грех не является смертным), но его наличие еще не дает ей возможность приобщиться к блаженствам Рая.

Видение, как отмечает Б.И. Ярхо, открывает «истины, недоступные человеческому познанию» [5, с. 21]. Но это не означает, что эти истины должны быть связаны в нашем понимании только с христианской тематикой текста. Сюжет видения может варьироваться от получения информации от некоего потустороннего источника до полноценного путешествия, часто вместе с мистическим проводником, по изнанке мироздания или каким-то далеким землям. Отметим, что, на наш взгляд, откровение, данное визионеру в путешествии, – либо свыше, либо полученное вербально от спутника – является важным элементом познания не только мира потустороннего, но и законов человеческого общества, и часто – его прошлого и будущего.

В раннем Средневековье «видение не отмежевывается в отдельный жанр, а существует как часть жития, богословского сочинения или хроники» [4, с. 22], но позже постепенно начинает восприниматься как самостоятельный текст, сюжет которого концентрируется на концепции откровения, дарованного визионеру. Видения становятся неотъемлемой частью письменной традиции христианского богословия Средних веков, и часто их основной сюжет воспринимается исключительно привязанным к реалиям этого исторического периода. Однако это не совсем так.

Видение – не как жанр, а как сюжетная модель, – встречается не только в христианской культуре. Более того, концепция видения была свойственна многим архаическим культурам еще до возникновения христианства. Ж. Ле Гофф, перечисляя 12 самых известных средневековых текстов, рассказывающих о посещении визионерами потустороннего мира, завершает список «Божественной комедией» Данте Алигьери и отмечает, что «хождение в мир иной» [3, с. 66] – это самый распространенный сюжет в жанре средневекового видения. При этом Ле Гофф указывает, что подобные сюжеты были характерны еще для Древнего мира. Действительно еще в мифологии шумеро-аккадской цивилизации и в египетской мифологии уже можно

наблюдать формирование сюжета о своего рода «знакомстве» стороннего наблюдателя с загробным миром, при этом история с пребыванием Энкиду в мире мертвых в шумерской мифологии уже не похожа на историю бога Нергала. Божество, спускающееся в подземный мир мертвых, в мифологии традиционно исполняет другие функции – покорителя, завоевателя, посланника или, напротив, пленника. Для божественной сущности мир мертвых может быть опасен, но не смертелен, и, тем более, для божества пребывание в подземном мире не синонимично его постижению, изучению с целью описания. Энкиду же в описании своего пребывания в мире мертвых рассказывает об условиях посмертного существования людей, особо выделяя то, что для них смерть – это чудовищная неизбежность, с которой невозможно бороться.

Визионерские истории о путешествии человека в загробный мир есть и в античной мифологии и литературе. При этом стоит отметить, что человек в подземном мире у греков и римлян – это не всегда визионер. Например, миф об спустившемся в Аид Орфее – это классический шаманский миф, в архаическом изводе – о неудачной инициации. Более поздний миф о Геракле, спускающемся в Аид за чудовищным Цербером, это тоже история инициации, но в высшей степени успешной, после которой Геракл стал бессмертным богом и вошел в олимпийский пантеон. В имперский период существования Древнего Рима, когда постепенно формируется представление о загробном существовании, основанное на греческой концепции, визионерская традиция начинает складываться из римской идеологической составляющей и греческих представлений о посмертии. Самым ярким примером этого может считаться сюжет, созданный Вергилием в «Энеиде»: Эней спускается в подземный мир и наблюдает все подробности посмертного существования человеческих душ и «изучает географию» подземного мира, но целью его становится беседа с духом собственного отца Анхиза, который рассказывает Энею не только о его собственном будущем, но и о том знаменитом городе, который заложат его потомки, о всех великих завоеваниях и свершениях будущих римлян, квинтэссенцией которых станет восхождение к власти последнего из рода Юлиев – будущего Октавиана Августа. «Энеида», таким образом, превращается целиком в визионерское произведение: все, что в ней происходит, неразрывно связано с будущим Энея и его рода, которое превращается в будущее всего государства, и сцена в царстве мертвых только окончательно это подтверждает. Но в позднеантичной литературе имперская идеологема исчезает из текстов с сюжетом о путешествии в загробный мир. Более того, сама визионерская составляющая в них начинает пародироваться, что можно увидеть, например, в «Мениппе» Лукиана Самосатского, который откровенно использует опыт, наработанный классической комедией 5 в. до н.э. (см. «Лягушки» Аристофана).

Исследователи испытывают понятное искушение связать появление визионерского сюжета в средневековой христианской традиции с античными источниками. Но средневековое богословие подпитывается не только и не столько античными сюжетами о путешествии в загробный мир. Параллельно античной мифологической традиции визионерский сюжет развивается и в зороастризме. События III в. до н.э. (проведение первым царем Сасанидской персидской династии Ардеширом I Бабеканом определенного религиозного ритуала в честь Ахура-Мазды и откровение, полученное одним из жрецов после

употребления магического напитка) легли в основу многих персидских легенд, бытовавших в устной форме и записанных только в начале второго тысячелетия н.э. в знаменитой книге «Арда-Вираф-намак». Согласно этому источнику, праведный жрец в сопровождении божественных существ совершил путешествие в небеса, встретив Ахура-Мазду, и в мир мертвых, где своими глазами наблюдал наказание грешников. После захвата Персии арабами, постепенно начавшими воспринимать персидское население как «ахль аль-китаб» – людей Книги (Писания), элементы зороастизма начали проникать в ислам. Доказательством этого принято считать знаменитую «Китаб аль-Мирадж», приписываемую Абу'л-Касиму Абдалкариму бин Хавазину бин Абдалмалику бин Талху бин Мухаммаду аль-Кушаири аль-Нисабури, – историю о путешествии пророка Мухаммеда в Иерусалим и вознесении его в небеса в сопровождении ангела Джibriля.

Сюжет о путешествии в рай пророка Мухаммеда стал известен и в средневековой Европе. До сих пор остается открытым вопрос о времени первого знакомства христианских книжников с арабскими источниками этого сюжета, но можно с уверенностью предположить, что известные нам полные переводы таких текстов были сделаны в XIII в. при дворе кастильского короля Альфонсо X Мудрого. Именно в правление этого монарха возобновила работу крупнейшая переводческая школа в Толедо [2]. Одним из активных деятелей этой школы был придворный врач короля Альфонсо X – Авраам, переложивший на кастильское наречие историю о восхождении Мухаммеда в рай («La escalera de Muhammad»), где он встречается с пророками, открывающими ему сущность бытия. Спустя какое-то время в Толедо был сделан перевод этого текста на латинский и французский языки. Автором этого перевода («Livre de leschiele Mahomet») был известный политический деятель при дворе Альфонсо Мудрого – Бонавентура Сиенский, придворный писец и юрист.

Бонавентура Сиенский, помимо своей переводческой деятельности, вел обширную дипломатическую переписку кастильского двора. Вполне возможно, что ему довелось встретиться с представителями Флоренции, когда после победы партии флорентийских гвельфов над гибеллинами к Альфонсо Мудрому было направлено посольство из Италии, предложившее королю выдвинуть свою кандидатуру на выборах императора Священной Римской Империи. Однако кастильские дипломаты отвергли предложение флорентийцев, не в последнюю очередь – из-за их несогласованной по многим вопросам позиции с представителями других итальянских городов, прежде всего Сиены. Вполне возможно, Бонавентура каким-то образом оказался причастен к дипломатической неудаче флорентийских политиков, но для нас гораздо важнее то, что в составе посольства был один ученый книжник и поэт по имени Брунетто Латини. Вне всяких сомнений, помимо своей дипломатической задачи Латини был заинтересован в знакомстве с результатами работы широко известной переводческой школы, из-под пера представителей которой вышло уже немало текстов, перелавших труды античных и арабских философов, писателей и богословов на европейские языки. Неизвестно, мог ли Латини ознакомиться с переводами «Лестницы Мухаммеда» в исполнении самого Бонавентуры, которые были закончены, как известно, около 1264 года, тогда как посольство Латини отправилось к Кастилию после 1258 года. Можно

предположить, что Латини имел возможность держать в руках кастильский перевод Авраама или незаконченные переводы самого Бонавентуры.

Скорее всего, именно Брунетто Латини мог стать тем человеком, который принес в Италию сюжет о видении Мухаммеда, а, возможно, и копию перевода самой книги и позже познакомил с ее содержанием одного из своих учеников, мальчика из семьи гвельфов, к партии которых принадлежал и он сам. Этого мальчика звали Данте Алигьери.

Исследователи полагают [1; 3], что именно к «Божественной комедии» Данте сводится вся запутанная история развития визионерского сюжета в средневековой европейской литературе. Но, как мы доказали, можно заметить, что у видения как сюжетной концепции текста гораздо более древние истоки, проистекающие, в том числе из античной традиции и традиции, принесенной с Востока.

Список использованных источников

1. Гуревич, А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков / А. Я. Гуревич // Труды по знаковым системам. – Тарту : [б. и.], 1977. – Вып. 411. – С. 3 – 27.
2. Калашников, А. В. Толедская школа – колыбель научного перевода Европы / А. В. Калашников // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. – Вып. 4. – Москва : [б. и.], 2012. – URL: http://www.iling-gan.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/4.pdf. (дата обращения: 21.02.2022).
3. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Ж. Ле Гофф ; общ. ред. С. К. Цатуровой. – Москва : Изд. группа «Прогресс», 2001. – 440 с.
4. Самарина, М. С. Изображение Рая в «Божественной комедии» Данте как развитие средневековой западноевропейской традиции / М. С. Самарина, М. А. Кедрова // *Acta Eruditorum*. – 2017. – № 22. – С. 22–26.
5. Ярхо, Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» / Б. И. Ярхо // Восток–Запад: Исследования, переводы, публикации. – Москва : Наука : [б. и.], 1989. – Вып. 4. – С. 18–55.

УДК 821.111-31.09

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ ФРАГМЕНТАРНОСТИ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ДЖ. УИНТЕРСОН «РАЗРЫВ ВО ВРЕМЕНИ»

Т. Ю. Осадчая,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и
зарубежной филологии, Севастопольский государственный университет,
Севастополь*

Аннотация. В статье рассматривается специфика взаимосвязи категорий фрагментарности и интертекстуальности в романе современной британской писательницы Дж. Уинтерсон «Разрыв во времени». Автор переосмысливает

пьесу У. Шекспира «Зимняя сказка», поместив ее персонажей в современные реалии. Взаимосвязь фрагментарности и интертекстуальности проявляется в том, что роман воспринимается как часть художественного целого: пьеса У. Шекспира присутствует в произведении как фон, как культурный артефакт, как набор архетипичных идей, мотивов и образов. Анализ произведения показал, что интертекстуальность в романе используется, чтобы обратить внимание читателя на универсальные ценности, в то время как фрагментарность подчеркивает хрупкость и нестабильность современного мира, позволяя читателю узнавать современные ему реалии и отождествлять себя с персонажами.

Ключевые слова: фрагментарность, интертекстуальность, Дж. Уинтерсон, «Разрыв во времени», целостность, художественное целое.

Summary. The article deals with the relationship between the literary discourse strategies of fragmentation and intertextuality in the novel «The Gap of Time» by a contemporary British writer J. Winterson. The author reconsiders W. Shakespeare's play «The Winter's Tale», placing its characters in modern realities. The relationship between fragmentation and intertextuality is manifested through the fact that the novel is perceived as a part of an artistic whole: W. Shakespeare's play is present in the work as a background, as a cultural artifact, as a set of archetypal ideas, motifs and images. The analysis of the work has showed that intertextuality in the novel is used to draw the reader's attention to the universal values, while fragmentation emphasizes the fragility and instability of the modern world, allowing the reader to recognize contemporary realities and identify themselves with the characters.

Key words: fragmentation, intertextuality, J. Winterson, «The Gap of Time», integrity, artistic whole.

Современная литература характеризуется оригинальным сочетанием различных литературных приемов, техник, новой интерпретацией классических сюжетов, тем и мотивов, игрой с категориями текста. Известно, что литература эпохи постмодерна широко использует фрагментарность и интертекстуальность в их самых разнообразных проявлениях и неожиданных сочетаниях. Очевидно, что появление подобного рода произведений «... требует обновленного взгляда на споры вокруг целостности текста, тяготеющего к фрагментарности, декларирующего квантовость нарративной организации произведения и одновременного пронизанного интертекстуальностью, интердискурсивностью, создающих ситуацию поликодовости его прочтения и анализа» [1, с. 2].

По справедливому замечанию Г. И. Лушниковой, «в настоящее время практически все исследователи признают, что интертекстуальность как текстовая категория дискурсивного уровня является той закономерностью, без учёта которой адекватное понимание / интерпретация всех смыслов текста / дискурса невозможна» [2, с. 87]. Интересным в этом плане представляется произведение, в котором категория интертекстуальности тесно взаимосвязана с фрагментарностью, взаимное дополнение их функций служит для реализации замысла автора и усиления воздействия на читателя. Роман британской писательницы Джанет Уинтерсон «The Gap of Time» / «Разрыв во времени» был опубликован в 2015 г., перевод на русский язык появился в 2017 г. [3]. В этом произведении автор переосмысливает пьесу У. Шекспира «Зимняя сказка», поместив ее персонажей в современные реалии.

Интертекстуальность в романе проявляется в своеобразном «переписывании» пьесы У. Шекспира, которая, в свою очередь, является интерпретацией романа известного английского писателя Роберта Грина «Пандосто» (1588 г.). Дж. Уинтерсон представляет новый взгляд на основные темы пьесы Шекспира с другой перспективы, с точки зрения современного читателя.

Р. Грин, У. Шекспир, а затем и Дж. Уинтерсон обращаются к темам становления личности в условиях авторитарного мира и превратности судьбы человека. Все три произведения объединяют образы Судьбы и Времени. В романе Р. Грина «Пандосто» Судьба выступает как полноправный персонаж, она по своей прихоти изменяет жизнь и обстоятельства героев, причем делает это исходя из собственных чувств и прихотей. Однако судьбы не в состоянии изменить характеры главных героев. Судьба не может противостоять силе Времени, которое в этом произведении не персонифицировано, оно призвано выражать идею изменчивости мира, обстоятельств жизни и внутреннего состояния людей. Название романа Дж. Уинтерсон «Разрыв во времени» указывает на тот факт, что именно Время, его течение предоставляет возможность каждому человеку изменяться, расти, и, что не менее важно, преодолевать хаос и дисгармонию в отношениях с другими людьми и всем миром.

Кроме того, название можно интерпретировать таким образом: история, рассказанная Шекспиром в «Зимней сказке», может быть по-новому рассказана после перерыва (разрыва) в четыреста лет. Для нового поколения читателей эта история может быть переосмыслена совершенно по-другому: «Jeanette Winterson's contemporary version of the Shakespearean play seems to suggest, with its very title, *The Gap of Time*, that a story can be readapted, after a gap of four hundred years, and made successful for a totally different kind of audience, in a totally new re-creation, proposing an original creative (though faithful) reading of a story» [4, p. 226].

Интертекстуальность представлена в романе наряду с фрагментарностью, которая проявляется в разных формах и на всех уровнях текста: включение в роман элементов драмы (отдельные части произведения называются «действия» и «антракты»), эффект коллажа, полифоническое звучание повествовательных инстанций (включая голос самого автора, напрямую обращающегося к читателю), нарушение линейности повествования, ретроспекция, использование разных шрифтов в разных частях романа, незаконченные предложения и абзацы, ненормативное использование пунктуации, необычное расположение текста на странице, прием кинематографического монтажа, создание поэтического ритмического рисунка некоторых фраз. Кроме того, в романе автор использует элементы дискурса компьютерной игры, которая также называется «Разрыв во времени».

В данном произведении элементы фрагментарности нередко становятся объединяющими и текстообразующими. Например, эпизод, когда Пердита была оставлена около больницы и затем спасена Шепом, несколько раз воспроизводится в разных частях романа, причем каждый раз с разных точек зрения и в разных контекстах. Повторяющееся описание данной сцены является, с одной стороны, признаком фрагментарности, с другой, – объединяющим

стержневым элементом всего произведения, который генерирует множество импликаций. Фраза «разрыв во времени», являющаяся названием романа, а также названием компьютерной игры, созданной одним из персонажей, кроме того повторяется в романе несколько раз в разных контекстах, становясь художественным образом, который создает целостность произведения.

Фрагментарность в романе призвана усилить реалистичность описываемого автором мира, который воспринимается человеком как фрагментарный и лишенный логики: «the rejection of the principle of coherence makes fragmentary writing particularly suited to represent the chaos and contingency of reality <...>. It can thus be regarded as endowed with a capacity to be a “truer” form of realism than ostensibly realist art» [5, p. xxi].

Взаимосвязь фрагментарности и интертекстуальности проявляется в том, что роман «Разрыв во времени» воспринимается читателем как часть художественного целого: пьеса У. Шекспира «Зимняя сказка» незримо присутствует в романе как фон, как культурный артефакт, как набор архетипичных идей, мотивов и образов.

Автор намеренно создает контраст между теми элементами, которые объединяют роман и пьесу, и теми, которые в этих двух произведениях существенно отличаются. Данный прием позволяет автору, с одной стороны, достичь целостности художественного произведения за счет сквозных мотивов, образов и идей. С другой стороны, через фрагментарный «рванный» характер нарратива автор подчеркивает хаос, неопределённость и дисгармонию мира и душевного состояния человека в мире: «... the overall structure of the novel, by dint of its careful patterns of images and tropes, achieves a formal aesthetic unity that transcends the fragmented perspective while, at the referential level, it describes discordance, fragmentation and disharmony» [7, p. 94].

Анализ романа «Разрыв во времени» позволяет сделать вывод о том, что интертекстуальность в романе призвана обращать внимание читателя на универсальные человеческие чувства и «вечные» ценности, в то время как фрагментарность указывает на хрупкость и нестабильность мира, позволяя читателю узнавать современные ему реалии и отождествлять себя с персонажами: «“Winterson’s tale” reconstructs the story of *The Winter’s Tale* organising the literary discourse along new spatial and temporal dimensions, creating a narrative which turns round those universal feelings and values (jealousy, love, friendship, forgiveness, etc.) that were already at the centre of the previous narrations, at the same time giving details as to locations, objects, actions and facts that make it a contemporary story where readers can recognise their own worlds» [4, p. 232].

В целом, можно утверждать, что оригинальное использование категорий интертекстуальности и фрагментарности в их взаимосвязи позволяет современным авторам точно запечатлеть окружающий мир, а также его восприятие и осмысление человеком: «the analysis leads to a final reflection on fragmentary texts that often exploit intertextuality and metafictional techniques as best fitting the contemporary worldview» [6, p. 211]. Подобный прием позволяет авторам создавать поликодовое произведение, требующее соответствующего прочтения и интерпретации, и является одним из наиболее продуктивных приемов в литературе 21 века.

Список использованных источников

1. Владимирова, Н. Г. Интертекстуальный анализ произведения в методическом аспекте / Н. Г. Владимирова, Е. С. Куприянова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 2 (27). – С. 1–4.
2. Лушникова, Г. И. Специфика интертекстуальных отношений в литературной пародии / Г. И. Лушникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26. – С. 86–91.
3. Уинтерсон, Дж. Разрыв во времени / Дж. Уинтерсон. – Москва : Эксмо, 2017. – 320 с.
4. De Filippis, S. The Gap of Time: The Creative Cycle of a Story / S. De Filippis // Worlds of Words: Complexity, Creativity, and Conventionality in English Language, Literature and Culture. Vol.2 Literature and Culture; ed. by F. Ciompi, R. Ferrari, L. Giovannelli, S. Soncini. – Pisa : Pisa university press, 2019. – P. 223–232.
5. Guignery, V. Introduction: the Art of the Fragment / V. Guignery, W. Drag // The Poetics of Fragmentation in Contemporary British and American Fiction; ed. by V. Guignery, W. Drag. – Malaga : Vernon Press, 2019. – P. xxi–xxx.
6. Martínez-Alfaro, M. J. Parasites, Plagiarists and “Fictual” Stories in Charles Palliser’s “A Nice Touch” And “The Catch” / M. J. Martínez-Alfaro // Brno Studies in English. – 2020. – Vol. 46. – No. 2. – P. 211–229.
7. Struzziero, M. A. «Make it new» to return as rupture and difference: a study of Jeanette Winterson’s The Gap of Time / M. A. Struzziero // The Poetics of Fragmentation in Contemporary British and American Fiction; ed. by V. Guignery, W. Drag. – Malaga : Vernon Press, 2019. – P. 91–104.

УДК 82.09

ЖАНРОВЫЕ ГРАНИЦЫ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

Т. Ю. Осадчая,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и
зарубежной филологии, Севастопольский государственный
университет, Севастополь*

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые признаки авантюрно-философской фантастики, или альтернативной истории. Анализ литературоведческих работ позволяет утверждать, что альтернативная история представляет собой контаминацию жанров исторического, фантастического и антиутопического романов, однако заслуживает отдельного места в системе жанров. Ключевым мотивом альтернативной истории является эксперимент, который создает условия для испытания героя. Герой, в свою очередь, воплощает универсальные качества всех людей, человечества в целом. У него нет опоры, примера, следуя которому, он может сделать свой выбор. Художественная реальность альтернативной истории – это новая, существующая в параллельном измерении реальность, не соприкасающаяся с нашей и не

нарушающая её законы. В альтернативной истории важную роль также играет метамотив исторической альтернативы.

Ключевые слова: альтернативная история, антиутопия, научная фантастика, исторический роман, жанр, контаминация жанров, жанровые признаки.

Summary. The article deals with genre features of adventurous-philosophical fiction or alternative history. The analysis of literary criticism works suggests that alternative history is a contamination of genres of historical, dystopian and science fiction novels; however, it deserves a separate place in the system of genres. The key motif of the alternative history is an experiment that creates conditions for testing the hero. The main character embodies the universal qualities of all people, humanity as a whole. The protagonist does not have a support, an example following which he can make his choice. The artistic reality of an alternative history is a new reality existing in a parallel dimension that is not exposed to ours and does not violate its laws. In alternative history, a metamotive of historical alternative also plays an important role.

Key words: alternative history, dystopia, science fiction, historical novel, genre, genre contamination, genre features.

Авантюрно-философская фантастика, или альтернативная история, привлекает внимание читателей и исследователей сочетанием разнообразных фантастических сюжетов, художественного переосмысления истории, погружения в своеобразный философский эксперимент, который позволяет герою вмешаться в исторический процесс, изменить что-то в прошлом и увидеть результаты своего вмешательства: «фантастика авантюрно-философская имеет характер авторского эксперимента, а иногда и эксперимента героя или целого человеческого общества по проверке определенной идеи» [6, с. 278]. В таких произведениях писатель может использовать образы известных исторических фигур, иногда в абсолютно отличном от их биографии контексте, что позволяет ему решать определенные художественные задачи.

Актуальность исследования обусловлена растущей популярностью данного жанра. В современном литературоведении актуализируется проблема определения жанровых особенностей альтернативной истории и ее места в системе жанров: «связь жанровой системы авантюрно-философской фантастики с нефантастическими жанрами едва намечена и не исследована» [3, с. 129].

Историческая эволюция жанра – самый важный критерий его существования, поскольку жанр – это система, ведущая себя как живой организм, который непрерывно развивается и видоизменяется. Жанровая система не является постоянной; все жанры так или иначе «обмениваются» творческим опытом, что приводит к появлению большого количества литературных произведений, сочетающих в себе характеристики сразу нескольких жанров. Это, в свою очередь, делает границы жанров гибкими, а также способствует их смешению. Кроме того, по справедливому замечанию исследователей, «радикальная экспериментальность и инновационность современной литературы, особенно постмодернистской, нуждается в постоянном обновлении жанровой терминологии, с тем чтобы избежать бессилия традиционной теории при определении жанра отдельного произведения» [6].

Цель данной статьи – проанализировать жанровые особенности альтернативной истории (авантюрно-философской фантастики), представляющей собой контаминацию жанров исторического, фантастического и антиутопического романов, однако заслуживающей отдельного, самостоятельного места в системе жанров.

Генетически альтернативная история возникла в рамках научной фантастики: «авантюрно-философская фантастика XX века – одна из разновидностей фантастической литературы и наследница “научной фантастики” – представляет собой группу жанров» [1, с. 96].

Теоретически любые произведения, относящиеся к жанру альтернативной истории, можно разделить на две основные категории: чистая альтернатива и псевдо-альтернатива. В чистой альтернативе, как правило, описывается развитие событий в параллельной реальности (само существование которой – элемент фантастики) с помощью задействования методов реализма, в то время как в псевдо-альтернативе, напротив, основой для расхождения с действительной реальностью служат какие-то фантастические события, например, вмешательства из будущего. Псевдо-альтернатива – явление более частое, и иногда её очень сложно отличить от чистой альтернативы. Так, роман «Человек в высоком замке» Филипа Дика относится к чистой альтернативе, тогда как произведение «11/22/63» Стивена Кинга – к псевдо-альтернативе. Общим для обеих категорий произведений является присутствие фантастических элементов.

Ключевым мотивом альтернативной истории является своего рода эксперимент, который создает условия для испытания героя, который часто воплощает в себе универсальные качества всех людей, человечества в целом: «испытание “природы человека” возможно только перед лицом нечеловеческой или безличной силы, и ее изображение во многом определяет “фантастичность” интересующей нас литературы» [1, с. 98]. Именно эксперимент является отличительным для данного жанра элементом, а также обуславливает смешение жанровых установок в альтернативной истории: «наличие философского эксперимента стимулирует варьирование жанров; вариации происходят в пределах не одного жанрового поля, а сразу нескольких» [3, с. 146].

Итак, можно утверждать, что альтернативная история по содержательному наполнению научно-фантастическими элементами более всего тяготеет к жанру научной фантастики. Фантастические элементы в альтернативной истории могут быть разных типов. В одном случае сюжет альтернативной истории сосредоточен на самом факте и моменте разветвления истории, в другом – он может быть сфокусирован на неординарных событиях, которые становятся следствием вмешательства в историю, в третьем – двигателем сюжета становится тема попыток главных героев «вернуть всё на круги своя», то есть с помощью путешествия во времени направить историю в первоначальное русло, каким-то образом отменить изменение, приведшее к появлению альтернативной реальности, а иногда наоборот, для того чтобы закрепить результат этого изменения.

Основными элементами научной фантастики в альтернативно-историческом романе можно назвать: фантастические события и факты, противоречащие конкретной исторической эпохе; возможность главного героя

путешествовать во времени и менять ход истории; резкий скачок научно-технического прогресса.

Рассмотрим сходства и различия жанров утопии/антиутопии и альтернативной истории. Утопия/антиутопия может являться альтернативной историей, и наоборот, альтернативная история может быть одновременно антиутопией, но данные жанры не идентичны. Утопия/антиутопия призвана вызвать у читателя рефлексии на тему идеального мироустройства и/или негативных тенденций, существующих в современном обществе. Альтернативная история позволяет читателю узнать мир в том его виде, каким бы он мог быть, если бы в определённый момент в ходе истории объективной реальности произошло или не произошло какое-либо значимое, событие: «обязательным условием для этих произведений является совпадение исторических событий до определенного ключевого момента в развитии человечества и в альтернативной истории, и в истории, которую принято считать состоявшейся в действительности» [4, с. 32].

Другими словами, содержательное наполнение альтернативной истории часто включает в себя множество элементов и сюжетных приёмов утопии/антиутопии: анализ и критика определенных тенденций развития общества, описание какого-либо социального конфликта, сравнение фантастического и реального исторического процессов, изображение вымышленных изменений политической карты Земли.

Главным отличием альтернативной истории от утопии/антиутопии можно назвать идею параллельных миров. Антиутопические романы показывают возможное будущее действительной реальности, а альтернативные романы отражают реальность, параллельную той, в которой мы живем; чаще всего «вымышленный мир антиутопии отражает планируемую перспективу развития реальной действительности, мир альтернативный – параллелен по отношению к нашему» [5, с. 183]. В произведениях альтернативной истории идея параллельных миров позволяет устранить логический парадокс путешествия во времени. Сутью данной идеи является то, что художественная реальность альтернативной истории – это реальность не нашего мира в изменённом виде, а другая, совершенно новая, существующая в параллельном измерении, не соприкасающаяся с нашей и не нарушающая её законы.

Основными жанровыми признаками исторического романа в альтернативной истории являются следующие элементы: опора на факты реальной истории; стремление передать атмосферу эпохи с помощью описания интерьеров, архитектуры, костюмов и т. д., а также нравов, обычаев и психологии персонажей; введение в текст романа символических архитектурных сооружений; доминирование исторического художественного времени.

В отличие от исторического романа в альтернативной истории присутствует метамотив исторической альтернативы: «под мотивами исторической альтернативы <...> понимаются те события, которые 1) контрафактически отличаются от повествования в историографии и архивных документах; 2) происходят в точке бифуркации дальнейшего исторического процесса или сами играют роль этой точки; 3) имеют семантико-структурообразующий потенциал построения альтернативного хронотопа» [7, с. 38].

Учитывая все эти факты, можно сделать вывод, что альтернативная история находится в неразрывной связи с исторической художественной литературой, антиутопическим и научно-фантастическим романом, но не совпадает ни с одним из жанров полностью. Исходя из этого, мы считаем целесообразным выделять её как отдельный жанр.

Альтернативную историю как отдельный жанр характеризуют следующие константные признаки. В романе жанра альтернативной истории главный персонаж – не случайный человек, а человек, являющийся представителем всего человечества. У главного героя нет опоры, примера, следуя которому он может сделать свой выбор. Вследствие столкновений с нормами, отличающимися от общепринятых человеческих, возникают совершенно новые требования к выбору протагониста. Перед ним, как перед главным героем сказок, нет определенного пути и изначально правильных действий, у него нет друзей и помощников, сопровождающих его на этом пути и знающих, как поступить, нет похожих ситуаций, которые он мог бы взять в расчет. Такой портрет протагониста совершенно оправдан, потому что он зависит от основной художественной задачи всех подобных произведений – изобразить глобальные проблемы человечества, которые могут стать для него фатальными. Другими словами, «... субъект видения и сопоставления эпох – главный герой» [2, с. 128].

Отличительным элементом альтернативной истории можно назвать также хронотоп. Действия в романах альтернативной истории происходят не на уровне города или страны, а на уровне Земли или даже всей Вселенной. Речь идет о новой вселенной, которая существует в параллельном измерении, не соприкасается с нашей и не нарушает её законы.

Еще одним константным элементом жанра альтернативной истории можно назвать проблематику сохранения и защиты истории в ее первоначальном варианте.

Таким образом, анализ жанровых характеристик альтернативной истории позволяет судить о широте возможностей жанра, его гибких границах, отсутствии шаблонов для характеров героев. Неизменной чертой альтернативной истории является попытка автора переосмыслить историю человечества.

Список использованных источников

1. Козьмина, Е. Ю. Авантюрно-философская фантастика XX века и философская повесть / Е. Ю. Козьмина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 5. – С. 96–100.
2. Козьмина, Е. Ю. Жанровые традиции исторического романа в авантюрно-философской фантастике XX века / Е. Ю. Козьмина // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica. – 2012. – № 5. – С. 120–129.
3. Козьмина, Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра / Е. Ю. Козьмина. – Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. – 292 с.
4. Полищук, О. Л. Теоретико-литературные аспекты альтернативно-исторических произведений / О. Л. Полищук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Янкі Купалы. Серыя 3: Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2017. – № 2 (7). – С. 28–36.

5. Путило, О. О. О жанровых границах отечественного альтернативно-исторического романа / О. О. Путило // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 181–186.

6. Тмарчченко, Н. Д. Фантастика авантюрно-философская / Н. Д. Тмарчченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – Москва : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 277–278.

7. Чэндун, Чж. Историческая альтернатива как метамотив в постмодернистских текстах Виктора Пелевина / Чж. Чэндун // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 15. № 1. – С. 36–45.

УДК 82.0

ИНОСКАЗАТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА ДИАЛОГИЗМА

В. В. Силин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В исследовании была поставлена цель – на основе анализа поэтики нескольких диалогических произведений определить иносказательную природу диалогизма. В результате исследования было доказано, что диалогические произведения, как и другие иносказательные жанры, являются двухплановыми. Первый план, эксплицитный, М. М. Бахтин определил как «внешний композиционно выраженный диалог», так как в этом плане герои размышляют над конкретными проблемами в своих внутренних монологах или в повествовании от третьего лица с их точки зрения. Второй план, имплицитный, который М. М. Бахтин назвал «внутренним диалогом», выражает универсальные «вечные» проблемы.

Ключевые слова: иносказание, диалогизм, полифония, универсализм, бинарная оппозиция.

Summary. The aim of the study was to determine the allegorical nature of the dialogism through the analysis of the poetics of some dialogical works. As the result of the research, it was proved that dialogical works, like other allegorical genres, are two-dimensional. The first plan, explicit, M. Bakhtin defined as an "external compositionally expressed dialogue", because in this plan the characters reflect on specific problems in their internal monologues or in a third-person narrative from their point of view. The second plan, implicit, which M. Bakhtin called "internal dialogue", expresses universal "eternal" problems.

Key words: allegory, dialogism, polyphony, universalism, binary opposition.

В диалогическом произведении все структуры сливаются в единое целое. Достоевский, как писал М. М. Бахтин, «целое романа <...> строил как «большой диалог». И функционирование этого диалога он описал таким образом: «Внутри этого «большого диалога» звучали, освещая и стущая его, композиционно выраженные диалоги героев, и, наконец, диалог уходит внутрь, в каждое слово романа, делая его двуголосым, в каждый жест, в каждое мимическое движение

лица героя, делая его перебойным и надрывным; это уже «микродиалог», определяющий особенности словесного стиля Достоевского» [1, с. 25]. Вторая формулировка «большого диалога» представлена в конце последней, пятой главы, перед заключением, когда М. М. Бахтин подчеркивает, что у Достоевского «внешний композиционно выраженный диалог неразрывно связан с диалогом внутренним, то есть с микродиалогом, и в известной мере на него опирается. И оба они так же неразрывно связаны с объемлющим их большим диалогом романа в целом» [1, с. 158]. На основании этих формулировок в исследовании поставлена **цель** – доказать, что диалогизм является своеобразной формой иносказания, в которой «внешний композиционно выраженный диалог» выражает некое эксплицитное содержание, а «внутренний диалог» несет в себе имплицитное содержание.

Полное представление о взаимодействии «внешнего композиционно выраженного диалога» и «внутреннего диалога» дают романы Достоевского. Например, в «Преступлении и наказании» (1866) все повествование ведется от третьего лица, но с точки зрения главного героя, Родиона Раскольникова, внешнее общение которого с окружающими сведено к минимуму, так как он вначале скрывает от всех свое решение совершить преступление, а затем не решается в этом признаться, несмотря на то, что испытывает душевные муки. По этой причине общение героя с другими персонажами полно аллюзий и недомолвок. Например, Свидригайлов, который догадывается о преступлении, предлагает в своем диалоге с Раскольниковым выход из сложившейся ситуации – бегство в Америку или самоубийство. Опытный сыщик Порфирий Петрович, который также догадывается о мучениях героя, подкупает его сладостью искупления, указывая на пример Миколки.

При такой коммуникации узнать об истинных намерениях героя возможно только благодаря повествованию с точки зрения героя, которое передает тайные переживания и рассуждения постоянно сомневающегося Раскольникова. В своих размышлениях герой доказывает или отвергает различные доводы в пользу того или иного решения, того или иного поступка. При этом герой часто меняет свое мнение и мучительно переживает. Как отмечал Бахтин, Достоевский «всегда изображает человека на пороге последнего решения, в момент кризиса и незавершенного – и непредопределимого – поворота его души» [1, с. 35].

Тайна героя, в которую посвящен читатель, а не второстепенные персонажи, стала центральным художественным принципом диалогических романов Достоевского. В этих романах «внешний диалог» и «внутренний диалог» создают два плана содержания, как в иносказательных произведениях. В «Преступлении и наказании» внешний, *эксплицитный* план содержания освещает только банальное преступление, за что некоторые критики называли этот роман Достоевского «бульварным». Второй план, *имплицитный*, тайный, подвергает сомнению известную идейную проблему: оправдывает ли цель средства, или нет, так как Раскольников желает устранить социальную несправедливость – старуха-процентщица имеет больше денег, чем ей нужно, а он, молодой человек, вынужден подрабатывать «за пятаки». А поскольку общество толерантно к такой несправедливости, то избавиться от нее возможно только насильем, решает герой. Если во внешнем плане Раскольников является заурядным преступником, то во внутреннем диалоге он предстает идейным

человеком. Как утверждал Бахтин, «герой Достоевского не только слово о себе самом и о своем ближайшем окружении, но и слово о мире: он не только сознающий, - он идеолог» [1, с. 44].

Роман «Преступление и наказание» основан на синтетической модели «большого диалога», в которой один сомневающийся герой осмысляет оба положения идейного конфликта. В своих размышлениях он всегда отталкивается от мнений второстепенных персонажей, поэтому синтетическая модель может определяться как *полифоническая*. В своей книге «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтин не описал синтетическую модель, а только антитетическую, которую можно назвать *диалогической*, так как в ней идейный конфликт персонифицируют два героя. Эту модель хорошо иллюстрирует рассказ Достоевского «Вечный муж» (1870). В этом произведении повествование от третьего лица ведется исключительно с субъективной точки зрения Вельчанинова. Во «внешнем диалоге» обсуждается только тайна рождения дочери Трусозкого – оппонента Вельчанинова. Оба подозревают, что ее отцом является Вельчанинов, а узнать правду невозможно, так как жена Трусозкого умерла. Но во «внутреннем диалоге» обнаруживается, что в романе поставлена универсальная проблема, в которой противопоставлены два образа жизни мужчин – «вечного мужа» Трусозкого и «вечного холостяка» Вельчанинова со всеми их достоинствами и недостатками.

Обращение к универсальным общечеловеческим проблемам стало отличительной чертой литературы конца XIX и начала XX веков. Идейный универсализм не является новаторским явлением, так как он существует, по утверждению И. Ф. Волкова, со времен «искусства ранних эпох, поднимавшегося до художественного освоения всеобщей сущности человеческой жизни», и самым первым называет «античный мифологический универсализм» [2, с. 167, 170]. Однако это явление стало особенно заметным на фоне выдающихся произведений реалистической литературы XIX века, для которой характерно обобщение содержания на уровне *типизации*. Стендаль, как известно, использовал в своем романе «Красное и черное» (1830) историю реального прототипа, чтобы представить его типичным представителем молодого поколения французов третьего сословия, живших в эпоху Реставрации.

Некоторые писатели конца XIX века – начала XX века обратились к давно известным художественным средствам универсального обобщения. В частности, Анатолий Франс в своем романе «Остров пингвинов» (1908) использовал *аллегория*. На примере сказочной цивилизации пингвинов, которая зарождается, развивается, достигает апогея своей эволюции и погибает, чтобы снова возродиться, Франс выразил универсальную идею цикличности развития человеческого общества. В своем романе «Портрет Дориана Грея» (1890) Оскар Уайльд использовал *символ*. Герой романа не стареет, стареет вместо него его изображение на портрете, но в финале люди находят мертвым старого Дориана, а на портрете видят его молодой образ. Портрет, таким образом, проиллюстрировал в романе Уайльда древнюю идею *ars longa, vita brevis est*. Но Достоевский нашел новый путь – он создал две модели иносказательного диалогического романа, в которых эксплицитный план содержания является *реалистическим*, представляя типичных героев своей эпохи и типичные

коллизии, а имплицитный план *иносказательно*, во внутреннем монологе, выражает универсальные идеи.

Подобным путем пошли первые создатели *модернистских* произведений. Например, Марсель Пруст в «Поисках утраченного времени» использовал *внутренний монолог*, Франц Кафка в «Превращении» – повествование от третьего лица с точки зрения героя, а Джеймс Джойс создал в «Улиссе» своеобразный *внутренний монолог*, названный «потокосознанием». В этих произведениях в эксплицитном содержании всегда можно выявить типичных персонажей конкретной страны и определенной исторической эпохи, но в имплицитном плане также всегда можно определить универсальные идеи, выраженные *иносказательно*.

Классическим примером подобного произведения является роман Джемса Джойса «Улисс» (1922). Основной текст этого произведения состоит из трех внутренних монологов трех героев – Леопольда Блума, Стивена Дедалуса и Молли. Эти монологи определены как «потоки сознания», так как в них в вербальной форме со стенографической точностью фиксируются все, даже мимолетные и фрагментарные ощущения. Л. В. Дудова и др. охарактеризовали повествование «Улисса» следующим образом: «Джойс отказывается от традиционного для жанра романа приема описания, портретных характеристик, экспозиции, диалогов. Он передает движение мыслей, фиксирует мельчайшие детали потока сознания, передает внутренние монологи, имитируя в структуре фраз перебои мысли, обрывая фразы, недоговаривая слова, отказываясь временами от знаков препинания» [3, с. 16].

На первый взгляд кажется, что в романе «Улисс» отсутствует сюжет с обязательным идейным конфликтом, так как в нем описан один обычный день жизни трех типичных дублинцев, которые не ставят перед собой никаких существенных жизненных целей и не борются за их достижение. Однако конфликт в романе существует, только создан он путем противопоставления этого сюжета мифу, название которого вынесено в заглавие романа. Сопоставление сюжета романа с мифом создает «внутренний диалог», который имплицитно придает произведению универсальное идейное значение. Дудова и др. указали на этот универсализм, отметив, что герои Джойса «само человечество, а Дублин – весь мир» [3, с. 16]. Древний миф выражает позитивную гуманистическую концепцию жизни людей, для которых верность в семейных отношениях является наивысшей ценностью, а роман Джойса, описывающий жизнь людей XX века, напротив, демонстрирует отсутствие верности. Выявляется этот идейный конфликт на многочисленных интертекстуальных взаимодействиях текста романа с мифом. В результате таких взаимодействий Блум, сравнивается с Улиссом, Стивен с Телемаком, а Молли с Пенелопой. От такого сопоставления герои Джойса предстают пародийными персонажами. Недаром Е. М. Мелетинский отмечал, что «мифологизм XX века не мыслим без юмора и иронии, неизбежно вытекающими уже из самого факта обращения современного писателя к древним мифам» [4, с. 329]. Пародийный эффект, без сомнения, создан интертекстуальной игрой, которая функционирует в двух направлениях, так как в тексте романа можно также обнаружить пародию на миф. На это обратил внимание, в частности, переводчик «Улисса» И. Шамир,

когда сказал, что «поцелуй в Моллин зад пародирует Одиссея, целующего камни Итаки» [5, с. 180].

Итак, анализ структур диалогических произведений показал, каким образом в них формируется иносказание. Как любое другое иносказательное произведение, диалогическое произведение является двухплановым. Первый, эксплицитный план, который Бахтин определил как «внешний композиционно выраженный диалог», является реалистическим, представляя типичных персонажей, решающих конкретные проблемы. Второй, имплицитный план, или «внутренний диалог», по определению Бахтина, является иносказательным, так как требует обобщения, то есть, необходимости увидеть в конкретной проблеме универсальную общечеловеческую проблему.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва-Augsburg : im Werden-Verlag, 2002. – 167 с.
2. Волков, И. Ф. Теория литературы : учеб. пособие для студентов и преподавателей / И. Ф. Волков. – Москва : Просвещение; Владос, 1995. – 256 с.
3. Дудова, Л. В. Модернизм в зарубежной литературе : учеб. пособие / Л. В. Дудова, Н. П. Михальская, В. П. Трыков. – 5-е изд. – Москва : Наука, 2004. – 240 с.
4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1976. – 407 с.
5. Шамир, И. Одиссея русского «Улисса» / И. Шамир // Иностранная литература. – 1990. – № 1. – С. 172–192.

УДК 81'42:811.14

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА А. САМАРАКИСА НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА «РЕКА»

Э. П. Чакалова¹, З. А. Фарамазян²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры новогреческой филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар*

*²преподаватель кафедры новогреческой филологии, ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет», Краснодар*

Аннотация. Целью данной работы является изучение идиолекта автора с помощью выявления средств выразительности и анализа лексических особенностей художественного произведения. В представленной статье рассматривается понятие «Человек» и его ценности в сравнении с понятием «Система» и условностями общества в рассказе греческого писателя А. Самаракиса «Река». В статье анализируются языковые средства, которые автор использует, чтобы донести основное послание читателю об истинном счастье и природе человека. В настоящем исследовании был применен описательно-аналитический метод. В ходе языкового анализа были выделены

основные понятия, лексические единицы, стилистические средства и близкие по значению слова, которые характеризуют индивидуальный стиль автора.

Ключевые слова: антитеза, метафора, олицетворение, фигура речи, понятие, смысл, человек, система, война, нация.

Summary. The purpose of this work is to study the author's idiolect, identifying the means of expression, analyzing the lexical features of the work of art. The notion “human being” and human values in comparison with the notion “System” and social conventions in the story “The River” by A. Samarakis are examined in this article. The language means the author uses in his message to the readers are analyzed. The author’s message is about genuine human happiness and human nature. In this study the descriptive-analytical method was applied. During the linguistic analysis main notions, lexical units, stylistic devices and synonyms were highlighted, that characterize the individual style of the author.

Key words: antithesis, metaphor, personification, figure of speech, notion, human being, system, war, nation.

Рассказ «Река» входит в первый сборник рассказов Антониса Самаракиса «Требуется надежда», опубликованный в 1954 году. Антивоенный посыл текста передается через трагическую историю 23-летнего солдата, убитого противником неизвестной национальности, что придает универсальный характер данной истории. Автор намеренно выбрал повествование от третьего лица, полностью контролируя происходящие события и мысли главного героя. Необходимо подчеркнуть простоту, фактографичность и строгость идиолекта автора. Отсутствие лишних деталей, использование коротких предложений придают быстрый темп повествованию, делают акцент на главном, и тем самым авторская речь достигает большего эффекта. Автор не пытается поразить читателя замысловатыми формулировками и остроумными выражениями. Он использует простую речь, избегает даже частого употребления прилагательных, желая при помощи максимально простых формулировок сосредоточить внимание на самом важном – истории молодого солдата.

Например, используя парцелляцию, автор не перегружает сознание читателя сложными синтаксическими конструкциями: *«Μπροστά του, πήγαψε τώρα ένα κλαδί που το έσερνε το ρεύμα. Βάλθηκε να το φτάσει μ' ένα μονάχα μακροβούτι. Και το κατάφερε. Βυήκε από το νερό ακριβώς δίπλα στο κλαδί. Ένωσε μια χαρά!»* [2]. (Мимо него проплыла ветка, которую уносило течение. Нырнул, чтобы достать ее. Ему удалось. Вынырнул рядом с веткой. Почувствовал радость!)

Описания его игры в воде в чистом блаженстве, которое он испытывает, блаженстве, которое возвращает его к почти детской невинности, искупление молодого солдата автор выражает простыми короткими предложениями, которые в то же время живописно передают ощущения героя и атмосферу.

В следующем примере с парцелляцией так же точно описывается не только сложившаяся ситуация, но и основная идея текста, его философский посыл: *«Δεν μπορούσε να τραβήξει. Ήτανε και οι δυο γυμνοί. Δυο άνθρωποι γυμνοί. Γυμνοί από ρούχα. Γυμνοί από ονόματα. Γυμνοί από εθνικότητα. Γυμνοί από τον χακί εαυτό τους. Δεν μπορούσε να τραβήξει»* [2]. (Оба стояли обнаженные. Два обнаженных человека. Обнаженные без одежды. Обнаженные без имен. Обнаженные без национальности. Обнаженные без униформы).

Вышеприведенный пример не только точно описывает стиль авторского изложения, но и главную мысль, которую А. Самаракис хочет передать людям. Они оба голые, без военной формы, без национальностей, разделяющих их на враждующие лагеря; двое обнаженных молодых людей с одинаковыми ценностями, с одинаковыми мечтами и надеждами. Герой рассказа видит перед собой всего лишь еще одного человека; он видит не врага, ненавистного противника, а простого человека.

Необходимо отметить и другие тропы в вышеуказанном примере, такие как повтор (*γυμνοί* / *обнаженные*) и метафоры (*γυμνοί από ονόματα* / *обнаженные без имен*, *γυμνοί από εθνικότητα* / *обнаженные без национальности*, *γυμνοί από τον χακί εαυτό τους* / *обнаженные без униформы*). Напротив главного героя – человек, имеющий полное право на жизнь, человек, который ничем не отличается от него (элемент, который усиливается и подчеркивается наготой двух солдат). Враг не имеет национальности. Автор хочет представить свою идею в широком, универсальном измерении, в том смысле, что в любой войне, независимо от ее формы, последствия одинаково катастрофичны для всех участников. А. Самаракис приводит еще одну сильную метафору: «*Ξανάγινε αμέσως αυτός που ήτανε και πρωτότερα: ένας φαντάρος που είχε κιόλας δύομισι χρόνια πόλεμο, που είχε έναν πολεμικό σταυρό*» [2] / *Вдруг он заново стал тем, кем был прежде, просто солдатом, который два с половиной года воевал, который нес на себе крест войны*. При помощи данной метафоры автор передает те тяготы и страдания, словно «тяжкий крест» выпадающие на долю простых людей.

Независимо от национальности врага, Другого (*Άλλος*), как его именует автор, будь то оборонительная или наступательная война, состояние войны доводит людей до крайностей, захватывает их, толкает их на совершенно бесчеловечные действия и непоправимо унижает их психологически и эмоционально. Эвфемизм *οι Άλλοι* / *Другие* в следующем примере еще больше развивает эту мысль: «*Οι πληροφορίες τους ήτανε πως οι Άλλοι είχανε δυο τάγματα εκεί*» [2]. / *У них была информация, что Другие расположились там, у них было два отряда*. Автор избегает слова «враг», имеющего негативную коннотацию. Использование эвфемизмов мы наблюдаем и в следующих примерах: «*Δεν έζησε πολλές ώρες*» [2]. / *Он не прожил долго*. Или: «*Δεν τους ζαναείδε πια κανένας*» [2]. / *Больше их никто не видел*. Или: «*... ύστερα έπεσε με το πρόσωπο στο χώμα*» [2]. / *... потом он упал лицом в землю*. Писатель использует данные описательные выражения вместо глагола «умереть».

Чтобы точнее выразить идею, ведущую к пониманию сути текста, А. Самаракис использует антитезу: «*Το ποτάμι δεν τους χώριζε τώρα, αντίθετα τους ένωνε*» [2]. / *Река больше их не разделяла, напротив, объединяла их*. Молодой солдат осознает абсурдность войны, абсолютную жестокость и противоестественность убийства другого человека просто потому, что он принадлежит к другой нации. Он понимает, что то, что объединяет их, этих двух обнаженных людей – это гораздо больше, чем то, что их разделяет, чем то, что, по мнению их лидеров, разделяет их.

С этой же целью, чтобы сфокусировать внимание читателей на содержании текста и не отвлекать от основного посыла, А. Самаракис использует лексические повторы: «*Τρεις βδομάδες απραξία...*» [2] / *три недели*

бездействия ... «Τρεις βδομάδες! Πώς είχανε περάσει τρεις βδομάδες!» [2] / Три недели! Как прошли эти три недели!

А также: «Και στις δυο όχθες του ποταμού, σε μεγάλο βάθος, ήτανε δάσος. Πυκνό δάσος» [2]. / По обе стороны реки, там в глубине, был лес. Густой лес. Или: «Ο Άλλος ήταν εκεί, γυμνός όπως είχε έρθει στον κόσμο. Κι αυτός ήταν εδώ, γυμνός όπως είχε έρθει στον κόσμο» [2]. / Другой был там, гол, каким явился в этот мир. А он был здесь, гол, каким явился в этот мир. Также: «Χαμήλωσε το τουφέκι του. Χαμήλωσε το κεφάλι του» [2]. / Опустил ружье. Опустил голову.

Олицетворение «Αυτά τα δύομισι χρόνια, τους είχε φάει η βρόμα» [2]. / Эти два с половиной года их пожирала грязь позволяет нам глубже прочувствовать постоянно растущее желание главного героя нырнуть в реку, снова ощутить себя свободным, свободным от постоянного страха и удушающего состояния. Становится понятным, что это – крик отчаяния перед лицом войны и безнадежности, это вспышка молодости.

Река стала настолько желанной для молодого солдата, настолько идеализирована, что буквально уносит главного героя от действительности. Здесь автор прибегает к олицетворению: «Ήτανε μπροστά του αυτό το ποτάμι και τον περίμενε» [2] / Река была перед ним, она ждала его; сравнениям: «Σα να τον βάσταγε ένα αόρατο χέρι» [2]. / Будто его удерживала невидимая рука. Или: «Σα να πέρασε ένα χέρι μ' ένα σφουγγάρι μέσα του και να τα 'σβησε αυτά τα δύομισι χρόνια» [2]. / Будто по его телу прошла рука с губкой и смыла эти два с половиной года.

Стилистические приемы, описывающие чувства героя в воде, помогают читателю понять его и этот безрассудный поступок, например, метафора: «Ήταν ένα παιδί τώρα αυτός ο φαντάρος» [2] / Он был снова ребенком этот солдат, или синекдоха: «Από τη στιγμή που το σώμα του, ολόγυμνο, μπήκε στο νερό, τούτο το σώμα που δύομισι χρόνια βασανιζότανε» [2] / С того момента, как его тело абсолютно обнаженное вошло в воду, то самое тело, которое страдало два с половиной года, также олицетворение: «το σώμα του μπήκε στο νερό» [2] / тело вошло в воду, «το σώμα βασανιζότανε» [2] / тело страдало. И, конечно, большая смысловая нагрузка заключена в стилистическом приеме повтора, когда на протяжении всего рассказа автором подчеркивается промежуток времени «два с половиной года».

Наряду с перечисленными выше описаниями тропов, в тексте можно выделить антитезу-метафору, троп внутри тропа, некий общий посыл, где идет противопоставление человека системе, противопоставление двух смысловых полей.

Смысловое поле, описывающее истинную человеческую природу, формируется благодаря таким лексическим единицам, как: «το ποτάμι» [2] / река, «το δάσος» [2] / лес, «το γρασίδι» [2] / трава, «που κυλούσε τα νερά» [2] / шумели воды, «μια νέα γυναίκα» [2] / молодая женщина, «μια γυμνή γυναίκα» [2] / обнаженная женщина, «το σφιχτοδεμένο κορμί» [2] / красивое тело, «το πρωινό» [2] / утро, «το θαύμα» [2] / чудо, «να βουτήξει στο ποτάμι» [2] / окунуться в реку, «να μπει στο ποτάμι» [2] / войти в реку, «κολυμπώ ανάσκελα» [2] / плавать на спине, «κολυμπώ μπρούμυτα» [2] / плавать на животе, «να κάνει μακροβούτια» [2] / нырять, «να είναι ένα παιδί» [2] / быть ребенком, «τα πουλιά φτερουγίζουν»

[2] / птицы летают, «το ρεύμα» [2] / течение реки, «το κλαδί» [2] / ветка, «η χαρά» [2] / радость.

Смысловое поле, описывающее ценности, навязанные человеку системой, наполнено такими лексическими единицами, как: «ο πόλεμος» [2] / война, «η διαταγή» [2] / указ, «το στρατοδικείο» [2] / трибунал, «ο πολυβολισμός» [2] / пулеметная стрельба, «τουφέκι» [2] / ружье, «τα βάσανα» [2] / мучения, «βαλαντωμένος» [2] / истощенный, «τα τραύματα» [2] / травмы, увечья, «ο εχθρός» [2] / враг, «η τουφεκιά» [2] / выстрел. Также стоит отметить такие устойчивые выражения как: «τους είχε φάει η βρώμα» [2] / их съедала грязь, «να φυτέψει μια σφαίρα στο κεφάλι» [2] / всадить пулю в голову, «να τραβήξει τη σκανδάλη» [2] / спустить курок.

Таким образом, те лексические единицы, которые описывают понятие «общечеловеческое» по значению родственны лексико-семантическим полям *природа, красота, любовь, наслаждение, удовольствие, беззаботность, радость, свобода*. Однако, анализируя лексические единицы, которые описывают ценности и порядки системы, можно выделить такие смысловые поля как *долг, повинование, патриотизм, национализм, раса, враг, страдание* [1].

Используемые автором языковые средства, фигуры речи дают нам возможность глубже понять основной посыл данного произведения – бессмысленность войны и напрасные человеческие жертвы.

Список использованных источников

1. Чакалова, Э. П. Языковые средства реализации антитезы «Человек – Система» в рассказе А. Самаракиса «Река» / Э. П. Чакалова // Греция и Кипр: язык, общество, культура: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Эллинистов. – Краснодар : Кубанский гос.ун-т, 2019. – С. 140–144.
2. Σαμαράκης, Α. Ζητείται ελπίς / Α. Σαμαράκης. – Αθήνα : Καστανιώτη, 2001.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 821.14'06

ОБРАЗ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА В РОМАНЕ АЛКИ ЗЕИ «НЕВЕСТА АХИЛЛЕСА»

Н. В. Будурова,

*обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является раскрытие основных составляющих образа русского интеллигента в романе «Невеста Ахиллеса» современной греческой писательницы Алки Зеи. Исследование проводилось при помощи герменевтического, лингвокультурологического подходов, культурно-

исторического метода. Лингвокультурный типаж русского интеллигента воплощён в образах Сергея, журналиста газеты «Известия», Михаила, преподавателя института, Льва, художника, Надежды, сценариста. В видении писательницы русский интеллигент представлен несколько идеализированным образом, отмечаются только достоинства характеров и поведения русских: высокообразованность, мудрость, любовь к чтению, духовность, справедливость, преданность моральным ценностям и идеалам, жертвенность ради дружбы. Русским присущи щедрость, гостеприимство, умение искренне сопереживать и сочувствовать. Также русский представлен образцовым мужем и семьянином.

Ключевые слова: современная греческая литература, Алки Зеи, образ русского интеллигента, Россия, лингвокультурный типаж.

Summary. The purpose of this article is to reveal the main components of the image of the Russian intellectual in the novel "Achilles' Fiancee" by the modern Greek writer Alki Zei. The research was carried out using hermeneutical, linguoculturological approaches, cultural and historical methods. The lingocultural type of the Russian intellectual is embodied in the images of Sergei, a journalist of the newspaper "Izvestia", Mikhail, an Institute teacher, Lev, an artist, Nadezhda, a screenwriter. The Russian intellectual is represented in a somewhat idealized way, only the virtues of the characters and behavior of Russians are noted: highly educated, wise, fond of reading, spiritual, just, devoted to moral values and ideals, ready to sacrifice for friendship. Russians are characterized by generosity, hospitality, the ability to sincerely empathize and sympathize. Also, the Russian is represented by an exemplary husband and family man.

Key words: modern Greek literature, Alki Zei, the image of the Russian intellectual, Russia, linguistic and cultural type.

Литература играет ведущую роль в создании этностереотипов, образа другой страны в восприятии читателей той страны, которую представляет писатель. Благодаря литературным произведениям жители одного государства могут увидеть глазами писателя другую страну. В греческой литературе ярким примером имагологического литературного произведения является роман «Невеста Ахиллеса» Алки Зеи, в котором центральным становится типаж русского интеллигента.

В отечественном литературоведении роман «Невеста Ахиллеса» становился предметом анализа в аспекте функционирования мифа [3]. Изучению образа русского в греческой литературе в отечественном литературоведении посвящены статьи Л. С. Банах, Н. В. Будуровой [1], Л. С. Банах, В. С. Лысовой [2]. Новизна данного исследования обусловлена тем, что впервые в отечественном литературоведении проведён анализ типажа русского в романе Алки Зеи. Все переводы в статье принадлежат автору.

Целью исследования является раскрытие основных составляющих образа русского интеллигента в романе Алки Зеи «Невеста Ахиллеса». В статье ставятся следующие задачи: 1) раскрыть отношение греческой писательницы Алки Зеи к России и русским; 2) проанализировать образы представителей русской интеллигенции в романе.

Общественно-социальные вопросы, события пережитой эпохи, актуальные проблемы общества, личный опыт – фундамент прозаических литературных произведений современной греческой писательницы Алки Зеи. Её

творческий метод основывается на личном и коллективном социальном опытах Греции послевоенного периода, и для него характерна деконструкция исторических событий и мифологических сюжетов, сложная техника подачи сюжетной информации, которая включает внутренний монолог, чередование рассказчиков, освещение событий с учётом разных аспектов, ретроспективы и перспективы, комментарии и описания [1, с. 451]. Образу русских и России посвящены такие произведения Алки Зеи, как: «Рядом с рельсами» («Κοντά στις ράιιες»), «Дядя Платон» («Ο θείος Πλάτων»), «С карандашом фирмы Фабер номер два» («Με μολύβι φάμπερ νούμερο δύο»), «Невеста Ахиллеса» («Н αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα»).

Роман «Невеста Ахиллеса» важен тем, что не просто декларирует исторические события, а показывает их через призму личного опыта героев произведения. Алки Зеи была участницей изображаемых событий, о чём она заявляла в интервью журналу «Женщина»: «Невольно моя жизнь переплелась с историей, и я стала её частью. Так что нравится мне или нет, моя писательская деятельность полна истории» («Άθελά μου η ζωή μου μπλέχτηκε μέσα στην ιστορία κι έγινα κι εγώ ένα κομμάτι της. Το συγγραφικό μου λοιπόν έργο, θέλω δε θέλω, είναι γεμάτο ιστορία») [7, с. 22].

В России Алки Зеи оказалась, последовав за своим супругом Йоргосом Севастикоглу, который, являясь приверженцем коммунистического движения, был вынужден в 1948 году бежать в Ташкент. В России они прожили десять лет: два из них в Ташкенте, а остальные в Москве, куда им помогли переехать русские друзья профессора, сосланные в Ташкент по политическим убеждениям. В России Алки Зеи родила двоих детей. Характерно, что за всё время проживания в Советском Союзе семья Севастикоглу была окружена верными друзьями как русскими, так и греками, в основном людьми умственного труда. Большая часть событий из жизни писательницы нашла своё отражение в романе «Невеста Ахиллеса», вышедшем в свет в 1987 году. Роман имел большой успех и был распродан тиражом 135 тысяч. В 2002 году в Италии книга получила Премию имени Джузеппе Ачерби.

Переданное Алки Зеи в романе видение образа России и русского человека, принятие или отторжение каких-либо, чуждых ей как гречанке, традиций, смело можно назвать одним из звеньев цепи построения стереотипа образа России и её народа в сознании греческих читателей. Образ, созданный Алки Зеи, лёг в основу лингвокультурного типажа русского интеллигента в греческом сознании.

По определению В. И. Карасика, лингвокультурный типаж – это «обобщенный образ представителя определённой социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [5, с. 116] Он формируется из суммарных типов личностей, являющихся характерными для данного общества.

Основные концептуальные отличительные характеристики лингвокультурного типажа находятся в возможности типизации определённой личности, её хрестоматийности и рекуррентности; степени значимости её для культуры; существовании наличия ценностного элемента в концепте, фиксирующем такой типаж; возможности как фактического, так и

вымышленного существования, его конкретизации в реальной личности или литературном персонаже, его упрощённой и карикатурной репрезентации, а также описания с помощью специальных приёмов социолингвистического и лингвокультурологического анализа [4, с. 31].

Главная героиня романа «Невеста Ахиллеса» Дафна (Элени – для своих товарищей по партии) находится со своей несовершеннолетней дочерью в изгнании в Париже (1970-е гг.) в связи с приходом к власти хунты Чёрных полковников. Её супруг находится под стражей, в ожидании суда, в тюрьме Греции из-за своих политических убеждений. Элени зарабатывает на жизнь, исполняя эпизодические роли в съёмках фильма «Поезд ужаса» («Το τρένο της φρίκης»). В небольших перерывах она вспоминает пережитое: диктатуру Метаксаса, сопротивление немцам, знакомство с мужем, гражданскую войну в Греции, задержание и казнь друзей, вынужденную ссылку в Ташкент, а затем жизнь в Москве.

Книга постоянно отсылает читателя в прошлое и возвращает в настоящее. Автор применяет приём монтажа. Смена исторических эпизодов чередуется с кинематографическими временами посредством сигнала хлопушки и образного объявления о начале дубля «сцена-план-съёмка» («σκήνῆ-πλάνο-λήψη») и его окончания – «мотор стоп» («μωτέρ στοπ»). В описании событий реального времени автор использует третье лицо, а воспоминания ведутся от первого лица. Выбор повествования свидетельствует об отношении главной героини к настоящему и прошлому. Таким образом, создаётся впечатление, что Элени дистанцируется от настоящего и смотрит на себя не изнутри, а снаружи, как будто ей неприятно её нынешнее положение. С другой стороны, становится очевидным, что связь с прошлым не разорвана, она чувствует, что принадлежит ему, и ей трудно оторваться от ситуаций, которые оставили глубокий след в душе, мыслях, памяти.

Алки Зеи раскрывает чувства потерянного и преданного поколения сторонников коммунистического движения того времени: преследуемого собственным государством, фашизмом, партийными лидерами, разочарованного идейным «отцом» – Сталиным. Зеи описывает внутрипартийные трудности в Компартии Греции, а также скорбь неоправданных надежд ожидаемого «социалистического рая» задолго до эпохи перестройки. В романе «Невеста Ахиллеса» Алки Зеи отмечает, что образ русского в сознании коммунистической молодёжи Греции, был совершенным, вызывающим неподдельное восхищение [6, с. 34, 245, 246, 286, 313, 326, 341]. Одним из первых «идеальных русских» в книге появляется журналист газеты «Известия» Сергей. Он сотрудничает с коммунистической организацией Афин, а потому часто и продолжительное время бывает там. Элени знакомится с ним в конце 1944 года на вечере, посвящённом советским поэтам. Писательница передаёт восторг и очарованность молодых греков русским человеком: «За один год в Греции он выучил греческий лучше нас», – подраживая, говорил Панос. Такое мнение сложилось не потому, что мы любили и восхищались всем советским, просто Сергея нельзя было не полюбить с первого знакомства. Он всегда смотрел тебе в глаза, глубоко внутрь» («Εμάθε τα ελληνικά πιο καλά κι από μας, όπως έλεγε πειραχτικά ο Πάνος. Όχι γιατί αγαπούσαμε και θαυμάζαμε καθετί που ήτανε σοβιετικό, μα τον Σεργκέι δεν μπρούσε να μην τον αγαπήσεις μόλις τον γνώριζες.

Σε κοιτούσε στα μάτια πάντα, βαθιά βαθιά») [6, с. 34]. Сергей также предстаёт перед читателем человеком преданным таким моральным ценностям гражданина Советского Союза, как уважение к женщинам, семье. Предположительно он испытывает нежные чувства по отношению к Элени, но ни разу не позволяет себе их проявить открыто, напротив, его поведение исключительно тактично. Читатель наблюдает со стороны Сергея проявление редкой заботы и чуткого дружеского внимания к героине, временами предстающих на грани дружбы и нежной любви [6, с. 102, 103, 285, 286, 328]. Тем не менее, автор рассеивает всяческие сомнения по этому поводу, представляя героя образцовым любящим мужем и заботливым семьянином. Внимание Элени привлекла встреча им супруги Сони по возвращении её домой с работы. «Он обнял её и поцеловал, как только она вошла в дом, как будто возвращалась из путешествия» («Εκεῖνος, μόλις μπήκε σπῖτι την αγκάλιασε και τη φίλησε, λες κι ερχότανε ἀπό ταξίδι») [6, с. 327]. Героиню также поражает открытость и лёгкость в общении Сони и детей с ней. «Дети и Соня так раскрепощены со мной, как будто я много лет хожу в их дом. Соня спрашивает, комфортно ли мне в Москве и чего мне не хватает, что бы она могла мне дать» («Τα παιδιά κι η Σόνια εἶναι τόσο άνετοι μαζί μου, λες και χρόνια μλαινόβγαίνα στο σπῖτι τους. Η Σόνια με ρωτάει αν βολεύτηκα στη Μόσχα και τι μου λείπει που θα μπορούσε να μου το δώσει») [6, с. 326]. Писательница акцентирует внимание на щедрости и тёплом гостеприимстве практически незнакомого человека – Соня замечает, что у Элени очень тонкое, совершенно не подходящее для московской зимы пальто и отдаёт ей одну из своих двух шуб [6, с. 326].

Вышеописанные качества проявляются и у других персонажей романа. В частности, у преподавателя Михаила Григорьевича, обучающего Элени русскому языку, который оказался в Ташкенте в связи с тем, что отказался исключить по «рекомендации сверху» некоторых отличников из московского университета, где работал ранее, так как его моральные качества не позволяли ему запятнать имя учителя. Со своей сожительницей узбечкой Урун они не только традиционно угощают ученицу, приходящую к ним домой на занятия, а также искренне заботятся о состоянии её здоровья, которое от множественных волнений ухудшилось [6, с. 243, 279]. Учитель представлен сопереживающим и сочувствующим человеком. Типаж Михаила Григорьевича собран из лучших представлений о преподавателе, который вмещает в себя и учителя, и наставника, и старшего товарища. Это образ высокообразованного, всесторонне развитого, мудрого, высоконравственного, эмпатического интеллектуала. Несмотря на большую разницу в возрасте, он обращается к Элени, выражая человеческое уважение, во множественном числе, что для греческих традиций непривычно [6, с. 243]. Элени и её друга Андреаса поражает скромность преподавателя: «настолько мудрый человек, который перевёл Гёте и Шекспира, знает пять языков, даже древнегреческий и при этом преподаёт в Ташкенте в Педагогическом институте» («...ένας τόσο σοφός άνθρωπος, που έχει μεταφράσει Γκαίτε και Σαίξπηρ και ξέρει πέντε γλώσσες, ως και αρχαία ελληνικά, διδάσκει στην Τασκένδη σ' ένα Παιδαγωγικό Ινστιτούτο») [6, с. 245]. Моральные качества преподавателя не позволяют ему ни жаловаться, ни говорить о причинах его появления в Ташкенте. Напротив, мудрость его настолько велика, что он называет сложившиеся обстоятельства добром, поскольку теперь в его жизнь

вошла Урун. Высокое чувство справедливости и неотступность от своих моральных принципов прослеживается в его реакции на просьбу Элени снизить оценку на экзамене одной из своих учениц, которой та хотела отомстить. Неожиданный неистовый гнев преподавателя сильно поразил главную героиню. Он резко отказал ей в просьбе, в назидание рассказав историю его появления в Ташкенте. Элени учится на примере его поведения. Она анализирует ситуацию, делая соответствующие выводы, что придаёт её действиям верное направление. Автор демонстрирует изменения в образе мыслей Элени, которые происходят посредством благотворного влияния общения с учителем: «Михаил Григорьевич простил меня. Я себя не простила. Никогда в своей жизни не забуду этот свой «по поступок», потому что, если бы не мой учитель, я бы совершила его, и стыд остался бы на моей совести навсегда» («Ο Μιχαήλ Γκρηγκόρεβιτς με συγχώρεσε. Εγώ δεν συγχώρεσα τον εαυτό μου. Αυτή την «πράξη» μου δεν θα την ξεχάσω ποτέ στη ζωή μου, γιατί, αν δεν ήτανε ο δάσκαλός μου, θα την είχα εκτελέσει κι η ντροπή θα κολλούσε για πάντα στο δέρμα μου») [6, с. 281].

На протяжении всего повествования автор отсылает читателя к философской позиции Михаила Григорьевича. Так, несмотря на высокий уровень образованности, он считает, что и ему будет полезно многому поучиться у Элени [6, с. 246]; после очередного столкновения противостоящих организаций, где участвовала и его ученица, герой комментирует рассказанную ею историю следующими словами: «Мне нравится, что ты с теми, кого били, а не с теми, кто били» («Μ' αρέσει που είσαι μ' αυτούς που δάρθηκαν παρά μ' εκείνους που δέρνανε») [6, с. 280].

За все его исключительные качества, которые сильно впечатлили гречанку, она называет его вышедшим «из книги Толстого или Чехова» («Βγαλμένος από βιβλίο του Τολστόι ή του Τσέχοφ») [6, с. 245]. Михаил Григорьевич – это пример того учителя, о котором мечтает каждый ученик во всём мире – влюблённый в своё дело, жизнь, людей, справедливый и искренний. Именно благодаря ему Элени пошла изучать лингвистику в московский университет, после окончания которого, по его рекомендации, стала преподавать греческий язык в Институте иностранных языков.

Живя в Ташкенте, Элени заводит дружбу с людьми искусства, которая продолжается в Москве. Образам сценариста Нади и художника Льва Ильича характерны, как и предыдущим персонажам, открытость, гостеприимность, щедрость [6, с. 286-287, 315, 340, 366-367, 370-371], способность сопереживать и слушать с неподдельной искренностью и интересом [6, с. 312, 367], умение дружить, отдавая себя без остатка [6, с. 313, 315, 329, 341, 391, 371, 374].

Алки Зеи обращает внимание читателя на то, что русскому интеллигенту свойственно отстаивание своих идеалов. Наравне с Михаилом Григорьевичем, Лев Ильич поплатился ссылкой в Ташкент за своё видение образа Ленина, изобразив его не характерным способом с целеустремлённым взглядом, полным глубокой мудрости, и протянутой перед собой рукой, а будто утонувшего в думах всего мира, с глазами полными созерцания горечи [6, с. 314].

Таким образом, роман «Невеста Ахиллеса», основанный на реальных, пережитых самой писательницей событиях, имеет все основания послужить источником для формирования образа русского интеллигента, представленного в лице следующих персонажей: журналиста газеты «Известия» Сергея, как

идеального советского гражданина, образцового мужа и семьянина; преподавателя Михаила Григорьевича, не только образованного интеллектуала, а и мудрого наставника, высоконравственного человека; людей искусства – сценариста Нади и художника Льва Ильича, как открытых, искренних, знающих цену дружбе.

Яркие искренние образы русских, созданные Алки Зеи с особой проникновенностью и чувственностью, производят сильное впечатление на читателя, формируя типаж русского интеллигента как человека не только высокообразованного, а и приверженца идеологии справедливости, высоконравственного, открытого, умеющего сопереживать, помогать, дружить.

В перспективе представляется интересным изучение и других произведений Алки Зеи, включающих образ России и русского человека.

Список использованных источников

1. Банах, Л. С. Интерпретация образов русских эмигрантов в Греции в романе М. Карагациса «Полковник Ляпкин» / Л. С. Банах, Н. В. Будурова // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы VI международного научного конгресса ; под ред. Е. В. Полховской. – Симферополь : Изд-во «Ариал», 2021. – С. 111–115.

3. Банах, Л. С. Этностереотип русского в произведении Никоса Казандзакиса «Путешествуя в Русию» / Л. С. Банах, В. С. Лысова // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV международного научного конгресса ; под ред. Е. В. Полховской. – Симферополь: Изд-во «Ариал», 2019. – С. 166–171.

4. Васько, В. Н. Интерпретация античного мифа в романе Алки Зеи «Невеста Ахиллеса» («Н αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα») / В. Н. Васько // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV международного научного конгресса ; под ред. Е. В. Полховской. – Симферополь: Изд-во «Ариал», 2019. – С. 450–454.

5. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века : специальность : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дисс. д-ра филол. наук / Дмитриева Ольга Александровна; ВГПУ «Перемена». – Волгоград, 2007. – 307 с.

6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.

7. Ζέη, Α. Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα / Α. Ζέη. – Αθήνα: Μεταίχμιο, 2013. – 432 σ.

8. Παλαστεργίου, Κ. Αλκη Ζέη: δεν είμαι η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα / Κ. Παλαστεργίου // Γυναίκα. – 1987. – № 10 – Σ. 22.

УДК 82.09

ТИПОЛОГИЯ «СЮЖЕТОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАСТЕЙ» В ЛИРИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ «ЗМЕИНЫЙ ГЛАЗ», «МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ» И «ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТ» К. Д. БАЛЬМОНТА

С. А. Гришина,

*обучающаяся кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности построения лирических сюжетов в циклах «Змеиный глаз», «Млечный путь», «Зачарованный грот» из книги стихов «Будем как Солнце» (1903) К. Д. Бальмонта. С помощью филологического анализа текстов стихотворений с применением описательного и психоаналитического методов выявлена типология «сюжетов человеческих страстей», обосновано их значение и функционирование в тексте. Сюжеты страстей подразделяются на сюжеты мести, ревности и вожделения. Их существование обусловлено внутренним конфликтом лирического субъекта и активным процессом познания окружающего мира чувственным путем. Сопровождается познание мира переходами лирического субъекта через пространственно-временные границы и усложнением образного уровня.

Ключевые слова: онирическое пространство, символизм, картина мира автора, лирический цикл, сюжет, хронос, топос.

Summary. The article deals with the peculiarities of the construction of lyrical plots in the cycles "Snake Eye", "Milky Way", "Enchanted Grotto" from the book of poems "Let's Be Like the Sun" (1903) by K.D. Balmont. With the help of the philological analysis of the texts of the poems using the descriptive and psychoanalytical methods, the typology of "plots of human passions" was revealed and their meaning and functioning in the text were substantiated. The plots of passions are divided into the plots of revenge, jealousy and lust. Their existence is caused by the inner conflict of the lyrical subject and the active process of cognition of the world around by sensual way. The cognition of the world is accompanied by transitions of the lyrical subject through spatial and temporal boundaries and complication of the imagery level.

Key words: onirical space, symbolism, author's picture of the world, lyrical cycle, plot, chronos, topos.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942) является одним из старших символистов. Его влияние на культуру Серебряного века высоко ценят, так как поэтическое творчество автора во многом определило направление символизма в русской литературе.

Поэты Серебряного века с особым вниманием относились к жанру книги стихов, сделав ее одной из главных категорий в поэтической культуре русского модернизма. Поэтическая книга становится способом художественного и онтологического моделирования виртуальной реальности. В ней авторы использовали лирические циклы как форму передачи собственного видения мира.

Отличительными особенностями данной поэтической формы является конструирование цикла как единого произведения, и одновременно с этим дробление его на самостоятельные стихотворения. Поэт получает возможность в системе стихотворений четче и полнее воплотить авторскую концепцию, чем в рамках одного программного стихотворения. Художественная циклизация встраивается в лирику, сохраняя свойственную ей дискретность и уникальность

состояний лирического субъекта, позволяя делать обобщение изображаемого и "укрупняя" лирического субъекта до масштабов лирического характера.

Углубленному изучению поэтических циклов способствует перспективное направление – исследование лирических сюжетов как единства субъектной сферы, образной организации и пространственно-временного континуума, на основе которых формируется картина мира автора, воплощенная в художественном тексте [5]. При описании субъектной сферы нами используется классификация профессора И. В. Остапенко [6].

Книга стихов К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» состоит из семи циклов («Четверогласие стихий», «Змеиный глаз», «Млечный путь», «Зачарованный грот», «Danses macabres», «Сознание», «Художник-дьявол»), каждый из которых имеет свое тематическое направление.

Изучение циклов «Змеиный глаз», «Млечный путь», «Зачарованный грот» в рамках исследования книги привело к их смысловому объединению, основанному на сильном эмоциональном переживании лирическим субъектом таких чувств, как ревность, месть и вождление, которые самим автором объединяются в единую концепцию «человеческих страстей».

В стихотворении «Три цвета» (цикл «Млечный путь») К. Д. Бальмонт актуализирует концептуальное наполнение понятия «страсть» как триаду «возмездие – ревность – желание», которые коррелируют со смысловым содержанием выбранных для анализа циклов. Таким образом, основой для формирования «сюжета страстей» становится процесс переживания лирическим субъектом мести в цикле «Змеиный глаз», ревности в «Млечном пути» и желания в «Зачарованном гроте» как наиболее ярких, продолжительных эмоций, сопровождаемых последовательными пересечениями границ виртуальных реальностей.

По мнению отечественного психолога и философа, автора фундаментального труда «Основы общей психологии» С. Л. Рубинштейна, страсть представляет собой сильное, стойкое, длительное чувство, которое захватывает человека и долго им владеет [7]. В Серебряном веке понятие «страсти» коррелирует с понятием «эроса», представленным через любовь и плотские влечения.

В процессе сюжетобразующего познания окружающего мира лирический субъект преодолевает последовательно пространственные границы физического, онирического, астрологического и мифологического миров.

Физический мир представлен в меньшинстве стихотворений: в нем присутствуют все основные законы физики, сохраняется смена времен года, дня и ночи; используются реальные объекты действительности в естественном их виде; лирический субъект выражен формой личного местоимения «я».

Иная позиция лирического субъекта в книге стихов «Будем как Солнце» по отношению к пространству и времени – онирическая реальность и сформированный на ее основе онирический сюжет. Создание данного сюжета является для автора уникальным приемом, с помощью которого показано, как лирический субъект воспринимает окружающий его мир и каким образом постижение истин бытия влияет на него.

Онирический сюжет представляет собой процесс проникновения в «другие» виртуальные реальности (сна, видения, галлюцинации, вдохновения,

иллюзии, медиумического состояния и т.д.), которые будут иметь схожие свойства хронотопа в фазе «сна».

Онирический сюжет представлен автором в цикле «Четверогласие стихий» и имеет характерные черты: статичность природы и тягучесть времени; неограниченная возможность перемещения в пространстве, как по горизонтали, так и по вертикали. Текст строится автором с умышленным неразличением сновидения и других пограничных ситуаций. Это усложняет проведение четких пространственно-временных границ, а вместе с тем и определение на субъектном уровне позиции лирического «я». Тем не менее, «посещение другого мира» сопровождается изменением структуры субъектной организации, а именно, созданием субъектной формы «я-другого», который также воплощен в тексте в облике перволичного «я».

В этой виртуальной реальности «я-другой» сталкивается с олицетворенными небесными телами – «другими», которые формируют собственную реальность, отличную от «сна» – астрологическую. В ней присутствуют такие самостоятельные субъекты, как Солнце, Луна и звезды, а также эпизодически встречаются силы стихий (огонь, вода, ветер и земля) – все они обладают волей и могут вести диалог. При этом их отношения не на равных. Силы природы и небесные тела занимают по отношению к «я-другому» позицию учителей.

В цикле «Змеиный глаз» в лирическом субъекте активизируется деятельное начало. В первом стихотворении – «Праздник свободы» – он фиксирует, что во сне только существовал, чувствовал себя одиноким и пассивным, сливался с силами природы, которые его окружали: «Я спал как воды моря, // Как сумрак заключенья, // Я спал как мертвый камень, // И странно жил во сне». Однако он выбирается из онирического мира. Физическая реальность пробуждает в нем новые острые ощущения, которые затмевают спокойствие мира «снов». Он выбирает новый вектор своего пути – «О, как я нов и молод, // В своем стремленьи жадном, // как пламенно и страстно // Живу, дышу, горю!» [1, с. 354].

Обратим внимание на стихотворение «Цветок» из цикла «Четверогласие стихий»: «От восхода Солнца до заката // Мне дышать, любить и жить дано» [1, с. 352]. Меняется последовательность и сила основных установок лирического субъекта благодаря познанию мира с помощью стихий и небесных тел.

Изначальные интенции после знакомства с астрологическим пространством: 1) дышать, как форма существования; 2) любить, чтобы выразить чувства к кому-то; 3) жить. Любовь создавала цель всей жизни как познание мира. Однако в «Празднике свободы» тезис меняется: 1) жить, как форма существования; 2) дышать, как проявление жизни; 3) гореть.

Интенция «люблю – дышу» преобразуется в «дышу – горю». Любовь замещается страстью, как наиболее острым чувством, которое пробуждает в душе «огонь». Эта новая внутренняя сила, подкрепляемая знаниями о мире и законах бытия, открывает для лирического субъекта новый путь исследования физической реальности и заставляет отказаться от правил, которые ему диктовало онирическое и астрологическое пространство.

В физической реальности лирический субъект пытается воплотить в себе «новое Светило». Жажда славы и признания толкает его к призыву «других»

следовать его примеру. Момент «перехода» из одного душевного состояния в другое запечатлен в стихотворении «Жить среди беззакония...»: «Жить среди беззакония...// Быть свободным, несвязанным, // Как движенье мечты...// **Я иду в неизвестное, // И в душе все равно...** // Знаю, мелкие низости // Не удержат меня // Нет в них чаянья близости // Рокового огня» [1, с. 358].

Вследствие этого онирическое пространство, как внешнее выражение внутренних интенций, реагирует на изменения. В стихотворениях «Я полюбил свое беспутство...», «Мне снятся караваны», «Воля» замечаем пессимистический настрой, «я-другой» ощущает близость смерти и чувствует, что «Вечность в пропасти видна».

Начиная полноценно познавать физическую реальность, лирический субъект встречает сопротивление со стороны других людей. Непонимание и желание отомстить за свое непринятие толкает его на мысль о возмездии. В стихотворениях «В домах», «Мститель», «Соперники», «Нашим врагам» появляется сюжет мести.

Особенности данного сюжета заключены в яростном противопоставлении «я» – «другие»: причины конфликта – жизненные и философские установки; призывы к открытому конфликту и нежелание мириться с чужой позицией становятся для лирического субъекта основанием, чтобы закончить чью-то жизнь в словесном или личном поединке. Он также использует новое чувство, любовь в самых отрицательных ее проявлениях – ревности и вожделения, для того чтобы доказать свое превосходство над «другими», избирая своими жертвами женщин, как одиноких, так и уже состоящих в отношениях с другими мужчинами.

Попутно пробуждая в себе и «других» чувство ревности, изображенное в цикле «Млечный путь», лирический субъект стремится завоевать внимание женского пола, однако, терпит неудачи. Чужое счастье и расставание с желанными девушками ломают его изнутри, он начинает довольствоваться мимолетными знакомствами и не ищет настоящих чувств. Ревность к их избранникам и нежелание встречать презираемую им несвободу, толкает лирического субъекта искать все новых и новых женщин.

В этом же цикле размещено стихотворение «Солнце удалилось». «Светило» отворачивается от своего бывшего «ученика». Ревность перерастает в злость. Девушка, которая не может ответить ему взаимностью или связана узами брака, не воспринимается им, как интересная личность. Он начинает поиск более доступных вариантов.

Сам лирический субъект в физической реальности и в онирическом пространстве начинает замечать присутствие сверхъестественного («Колдунья», «Морская душа» и др.). Происходит переход на образном уровне: Солнце удаляется, а на его место приходит тьма, создавая мифологическую виртуальную реальность. Ее чертами становятся: на образном уровне – присутствие сверхъестественных, фольклорных, мифических и мистических существ; на уровне хронотопа – используется вечернее или ночное время, пространство также имеет полумифический характер («зачарованный грот», «темное дно» и др.).

«Зачарованный грот» представляет собой цикл, в котором в полной мере показана тема вожделения и плотского желания. В нем на субъектном уровне

женские образы претерпевают изменения. Образ возлюбленной девушки трансформируется в антропоморфный (цветок, пантера, волна, ручей), а после становится мифологическим (нереида, русалка, колдунья). Выражение личности женщины с помощью природных компонентов обусловлено внешней свободой субъектов и независимостью, а с помощью мифологических – с внутренней свободой и/или отсутствием моральных и духовных запретов. Описанные таким способом женщины не стремятся познать любовь и слепо следуют за влечением.

Лирический субъект входит в «зачарованный грот» (мифологическое пространство) и «знакомится» со «сладострастным миром» [1, с. 397]. В стихотворении «Отпадения» он формулирует новый девиз: «Так люби. И целуй. И молчи» [1, с. 397]. Познав «земную сладость», лирический субъект становится напористей. Его больше не волнует, «что нет благословенья», он от познания окружающего мира через законы бытия перешел к познанию ярких ощущений:

Когда в душе, как перепевный стих,
Услышанный от властного поэта,
Дрожит любовь ко мгле – у ног твоих,
Ко мгле и тьме, нежней чем ласки света [1, с. 409].

Кульминационным становится последнее стихотворение цикла «Зачарованный грот» – «Она отдалась без упрека» [2, с. 410]. В нем мы видим апогей «сюжетов человеческих страстей» – лирический субъект обрел ту девушку, которую не волнует внешние обстоятельства, которую ничего не держит, и она не оказывает сопротивления.

В циклах «Змеиный глаз», «Млечный путь», «Зачарованный грот» лирический субъект трансформируется в образ «змея-искусителя» для своих «возлюбленных», использует слова о дружбе, преданности и любви ради удовлетворения плотского желания. Знаменательными становятся последние стихотворения в каждом из циклов: в «Sin Miedo» лирический субъект закаливает «меч» – свое сознание; в «Крестonosце» начинает воплощать свой замысел; в «Она отдалась без упрека...» мы видим, как наносится «удар» и что происходит с «жертвой».

Женщина становится способом преодоления внутренней пустоты и одиночества, однако, лирический субъект не желает узнавать ее внутренний мир. Добиваясь от них такой же внутренней свободы, он сталкивается с непониманием и нежеланием разрушать привычный уклад жизни. Водоворот страстей открывает лирическому субъекту новый взгляд на реальность и меняет его направление изучения мира с познания природы и самого себя через нее на познание других людей и поиск своего места чувственным способом.

Как показал анализ, лирический цикл выстраивается на внутреннем конфликте лирического субъекта и его поступках, для его решения автор формирует «я-другого», который и проникает в иные виртуальные реальности. В процессе познания страстей как наиболее ярких и острых чувств лирический субъект преодолевает последовательно несколько пространственных и образных границ: уходит от онирического мира снов, выбирает физическую реальность, разрывает связи с астрологическим пространством, разрушает целостность своего внутреннего мира, входит в зачарованный мифологический грот.

Общий сюжет познания основ бытия, развивающийся в книге «Будем как Солнце» с первого по четвертый цикл, заключается в поиске лирическим

субъектом верного для себя вектора жизни. Последовательно это направление смещается от познания мира через самого себя и силы природы к пути получению ярких чувств и наслаждений. Итогом реализации такой интенции становится нравственное падение лирического субъекта, его переход на «темную» сторону.

Список использованных источников

1. Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Полное собрание стихов 1909-1914 : кн. 1-3 / К. Д. Бальмонт; вступит. статья В. Макарова. – Москва : Книжный клуб Книговек, 2010. – 504 с.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин Собр соч. : В 7 т. : Т. 1 / М. М. Бахтин. – Москва : Изд-во «Русские словари»; Языки славянской культуры, 2003. – С. 69–262.
3. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / Бахтин М. М. ВЛЭ; Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 томах. Тт. 1, 3. – Москва, 1968-1971.
4. Константин Бальмонт глазами современников. Воспоминания. Письма. Дневники. Поэтические посвящения. Подражания, эпиграммы, пародии. Шаржи / Вступ. ст. Л. Н. Таганова ; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А. Ю. Романова. – Санкт-Петербург : Росток, 2013 (Неизвестный XX век). – 976 с.
5. Остапенко, И. В. Лирический сюжет в парадигме картины мира / И. В. Остапенко / Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 25 (64). – №1. – Часть №2. – Симферополь, 2012. – С.435–444.
6. Остапенко, И. В. Субъектная сфера лирического текста: теоретические аспекты / И. В. Остапенко / Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2010. – Вып. 17 (74). – С. 104–118.
7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер Ком, 1998. – 688 с.: (Серия «Мастера психологии»).

УДК: 82-32

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ КОСОВСКОЙ ВОЙНЫ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ»

Д. В. Келембетов,

*обучающийся кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются политические взгляды на Косовский военный конфликт, отражённые на страницах романа «Похищение Европы» Е. Г. Водолазкина, и описываются ключевые представители оппозиционных точек зрения. В результате сопоставительного анализа в статье выводится авторское отношение к вопросу о причинах и целях Косовской войны.

Ключевые слова: «Похищение Европы», Е. Г. Водолазкин, Косовская война, постмодернистский роман, система персонажей, литературный герой, гуманизм литературы.

Summary. The article deals with the political views on the Kosovo war, reflected in the novel "The Abduction of Europe" by E. G. Vodolazkin and describes the key representatives of these points of view. As a result of the comparative analysis in the article the author's attitude to the question of the reasons and objectives of Kosovo war is deduced.

Key words: "Abduction of Europe", E. G. Vodolazkin, Kosovo war, postmodernist novel, system of characters, literary hero, humanism of literature.

«Похищение Европы» Е. Г. Водолазкина – яркий образец постмодернистского романа, на страницах которого нашли место многие актуальные проблемы. Роман, написанный в 2005-м году, спустя несколько лет после острого конфликта в Югославии, проливает свет на это событие, отражая полярные точки зрения. К концу романа автор отражает ещё одну точку зрения, находящуюся вне политических и национальных интересов, что делает её наиболее уникальной, и, главное, – объективной.

Цели данной статьи: зафиксировать отражённые в романе «Похищение Европы» политические взгляды на причины и итоги Косовской войны, выявить приверженцев этих взглядов и сформулировать наиболее справедливую точку зрения. Также важным является определение позиции автора в этом вопросе.

Хотя политические основы романа уже не раз становились предметом исследования, в настоящее время в научной среде отсутствует классификация представленных в романе точек зрения. Наиболее близко к решению вопроса подходит Н. А. Ефимова в статье «Отражение истории в романе Е. Г. Водолазкина "Похищение Европы"». В данной работе рассматривается появление и развитие отдельных политических взглядов на эту ситуацию, однако, не приводится их классификация.

Система персонажей романа является, пожалуй, самым ярким репрезентантом представлений о Косовском конфликте. Сюжет романа поочерёдно сталкивает читателя с персонажами, имеющими собственное видение Косовского военного конфликта и мирового порядка в целом.

В общей сложности герои романа образуют четыре лагеря, воплощающие четыре точки зрения. Три из них – европейская, русская и американская – обусловлены национальными интересами, а одна – теневая и, возможно, самая правдивая – отражает скрытые мотивы, которые не принято выражать.

Повествование в романе ведётся от лица двадцатилетнего немца Кристиана Шмитта. Именно его эволюцию политических взглядов читатель наблюдает на протяжении всего романа. В начале своего пути Кристиан выступает типичным европейцем, стражем свободы и мировой справедливости.

Просвещённое и демократичное западноевропейское общество формирует к любой войне несколько особое отношение: война не воспринимается как нечто страшное по своей сути; это борьба между добром и злом, благородное дело, мера в значительной степени необходимая.

Сам Кристиан объясняет свою позицию: «Пытаясь ответить самому себе на вопрос о причинах войны, я искал их в попытке восстановить справедливость, в западной приверженности принципам, порой, правда, довольно абстрактным и

лишенным связи с действительностью» [1]. То есть до определённого момента отношение Кристиана к войне не было отрицательным, хотя он и отмечал, что не считает военное вмешательство лучшим выходом.

Первоначально отношение Кристиана к войне, проходящей где-то вдали от его родной страны, формируется только посредством телевидения и газет. События в них освещаются драматично, захватывающе и, как впоследствии оказывается, небеспристрастно. С самого начала военных действий Кристиан интуитивно улавливает некоторое несоответствие событий на экране и в реальности. «Мои подозрения не были самыми худшими, но как человек, воспитанный западным обществом, я испытывал определенное недоумение», – замечает он [1]. Хотя, по словам журналистов, велась война за свободу, методы зачастую были крайне жестокими и нарушали многие из установленных ранее законов.

В какой-то момент борьба за свободу, крайне важное для западного человека понятие, становится выше морали. Именно этот конфликт становится двигателем поисков главного героя. Постепенно недоверие сменяется сомнением, а потом и полным разочарованием. Информационный кокон Кристиана разрушается вмешательством новых героев.

Традиционная русская позиция в оценке Косовской войны и всей западной политики представлена в романе в лице Саввы Петровича, русского князя в эмиграции. Будучи уже пожилым, князь обладает широким взглядом на происходящие события, отстаивая свою позицию в спорах со служащим у него американцем. Она, хоть и опирается на большой жизненный опыт, не лишена явной национальной окраски.

Для Князя Косовская война – лишь ещё один эпизод конфликта Соединённых Штатов и России. «Я не очень верю в наивных слугителей прогресса», – говорит Князь [1]. Он указывает и на поддельность некоторых западных ценностей, которые становятся прикрытием негуманных стремлений: «Вы спекулируете понятием «демократия», которое давно уже обозначает у вас исключительно то, что выгодно Америке. Ваше стремление объединить народы не имеет ничего общего с нравственностью. Ничего. Вы разрушаете границы не для движения людей, а для движения капитала» [1].

В дальнейшем сюжет романа показывает, что эта точка зрения отнюдь не безосновательна. Главного врага Князь видит не в лице похитителей свободы, подобно Кристиану, а в лице западного общества, в особенности Соединённых Штатов: «У Америки есть несколько проблем, которые может решить только война. Её не устраивает старый миропорядок, потому что он отражает двуполярный мир» [1].

Таким образом, русская политическая позиция в романе «Похищение Европы» носит явную антикапиталистическую окраску, провоцируя этим осторожное отношение к военным конфликтам, в которых принимают участие Соединённые Штаты Америки и Европа. Носитель традиционного русского взгляда испытывает явное недоверие к пропагандируемой идеологии свободы, интуитивно чувствуя фальшивость некоторых её проявлений. Такая позиция приводит к простому уравнению: «Целью войны является война» [1]. Следовательно, и Косовский военный конфликт ставится в вину Западу и рассматривается как проявление расчётливого, жадного зла.

Американская позиция не выражается в романе так ярко и многословно, как русская. Она имеет много общего с европейской, но представлена более широко и амбициозно. Носитель этой точки зрения – Билл, военный врач на службе русского князя. Из-за разницы в социальном статусе героев американская позиция в основном оборонительная. Она базируется на ряде неудобных вопросов и метких замечаний о России.

Билл вскрывает разницу между высокими внутренними устремлениями русских и их «нищенским» существованием: «Ваша страна не рассчитана на существование людей, там могут жить только идеи. Ваша мерка – вселенная, чего бы это ни касалось. В христианстве вы – богоносцы, в коммунизме – поджигатели мировой революции, и так далее» [1]. Русской духовности и морализаторству Билл противопоставляет американский практицизм.

«Почему развалился Советский Союз?», «Чем советская империя лучше американской?» – эти и другие неудобные вопросы, зачастую риторические, выражают американскую политическую позицию не только в отношении Косовского военного конфликта, но и по отношению к политике «Запад – Россия» в целом.

Все национальные взгляды на Косовский военный конфликт оказываются в разной степени справедливыми, но полное раскрытие проблемы происходит только в откровениях Анри.

Главный носитель четвёртой точки зрения на Косовский конфликт – Анри, PR-агент, освещающий события войны для европейских телезрителей и раскрывающий главным героям некоторые секреты своего дела. Он один из немногих людей, понимающих реальное положение дел. Но в его задачи не входит объективное отражение действительности. Вот как он описывает свою работу: «Приведу свежий пример. Есть истина, что сербы изгоняли албанцев и хорватов из тех земель, которые считали своими. Но есть и истина, что албанцы и хорваты изгоняли сербов... Любой из этих народов ведет себя по отношению к двум другим довольно скверно. Прямо скажем, не по-джентльменски. Но, несмотря на все свои зверства, и хорваты, и албанцы – союзники Запада. Много лет они поддерживались нашими спецслужбами. Волей-неволей из всех имевших место зверств нам приходится упоминать только сербские. Из многих истин мы упоминаем одну, но от этого она не перестает быть истиной, не так ли? По крайней мере, формально» [1].

Анри озабочен не столько действительностью, сколько её восприятием, а поэтому для Анри этика не является объективной и самоценной, она интересует его как общественный инструмент. Во многом именно эта профессиональная особенность восприятия мира определяет отношение Анри к Косовской войне. Для него это очередное событие, где нет правых и виноватых, есть только то, что будет написано в СМИ. Профессия открывает Анри возможность смотреть на мир без готовых интерпретаций, видеть события такими, какими они являются. Это определяет то, что позиция Анри становится самой объективной, по крайней мере в отражении действительности.

Интересно, что автор романа не является приверженцем последней точки зрения. Это находит своё выражение в сюжете. Так, знакомство с Анри и открытие новой, лишённой пропаганды реальности, становится для главного героя не вершиной, а лишь этапом развития. В конечном счёте он приходит к

осуждению войны и её руководителей, подобно князю Савве Петровичу. Неподдельные факты, открытые главному герою, подтверждают опасения русского князя. Данная позиция в оценке Косовской войны является вершиной внутреннего развития главного героя, так как в ее основе – реальные факты, подвергшиеся анализу с гуманистической точки зрения. И в большей степени такая позиция близка русской.

Таким образом, в тексте романа Е. Г. Водолазкина «Похищение Европы» представлены разные мнения о причинах и целях Косовской войны.

Западноевропейское представление о происходящих событиях можно назвать «попыткой восстановить справедливость». Она представлена в романе как миротворческая, позитивная, хотя автор романа указывает, что она формируется в условиях жёсткой информационной цензуры, следовательно, она необъективна.

Русская позиция строится на неприятии поддельных европейских ценностей и разоблачает намерения западных политических лидеров: «Целью войны является война» [1].

Американская идея – милитаристская. Она похожа на европейскую, но неприкрыто выражает коммерческие интересы в военном конфликте. Подытоживает её главный носитель – Билл: «Мы – реалисты и поэтому живём хорошо» [1].

Четвёртое мировоззрение – это торжество слова над действительностью, позиция того, кто сам участвует в формировании других точек зрения. Только определённое социальное положение может открыть человеку доступ к фактам, лишённым всяческих интерпретаций. Истина оказывается доступна лишь избранным людям, которые и участвуют в формировании мнений.

Список использованных источников

1. Водолазкин, Е. Г. Похищение Европы. История Кристиана Шмидта, рассказанная им самим / Е. Г. Водолазкин. – Санкт-Петербург: Издательство “Logos”, 2005. – URL: <https://www.6lib.ru/books/pohihenie-evropi-182645.html>. (дата обращения: 05.03.2022).
2. Ефимова, Н. А. Отражение истории в романе Е. Г. Водолазкина «Похищение Европы» / Н. А. Ефимова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2020. – № 4. – С. 52 – 59.
3. История России: новейшее время (1945-1999): Учебник для вузов / Под ред. А. Б. Безбородова. – Москва: Издательство АСТ, 2001. – С. 423 – 450

УДК 82.09

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ЛИРИКИ К. Д. БАЛЬМОНТА

И. В. Остапенко¹, С. А. Гришина²

¹доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Аннотация. В статье рассмотрена структура художественного языка лирического произведения на материале стихотворения К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке...» из книги «Будем как Солнце» (1903). Анализ субъектно-объектной организации художественного языка произведения позволил выявить символический принцип иносказательности. Структура субъектной организации текста свидетельствует о синкретизме лирического субъекта, а объектной – о его амбивалентной природе. Символический образ «язык» предстает сюжетообразующим в пространстве художественного мира, презентует индивидуально-авторские смыслы расширения первичного значения слова, что в целом определяет специфику художественности на семиотическом уровне текста и указывает на символический тип иносказания как один из критериев художественности поэтической системы К. Д. Бальмонта.

Ключевые слова: лирическое произведение, книга стихов «Будем как Солнце», К. Д. Бальмонт, тип иносказательности, картина мира автора, субъектная и объектная структура художественного языка, хронотоп, символический художественный язык.

Summary. The article considers the structure of the artistic language of a lyrical work on the material of K. D. Balmont's poem "I can speak to everyone in his language..." from the book "Let's be like the Sun" (1903). The analysis of the subject-object organization of the artistic language of the work reveals the symbolic principle of allegoricality. The structure of the text's subject organization testifies to the syncretism of the lyrical subject, and the object organization testifies to its ambivalent nature. The symbolic image "language" appears as a plot-forming one in the space of the artistic world, presents individual author's meanings of expanding the primary meaning of the word, which in general determines the specificity of fiction on the semiotic level of the text and points to the symbolic type of allegorizing as one of the criteria of fictionality of K. D. Balmont's poetic system.

Key words: lyrical work, book of poems "Let's be like the Sun", K. D. Balmont, type of allegoricality, author's picture of the world, subject and object structure of artistic language, chronotope, symbolic artistic language.

Категория художественности является центральной для филологии как науке о духе, поскольку именно художественность является единственным отличительным качеством деятельности креативного субъекта – художника, способного создать новую виртуальную реальность по им же самим сформированным законам. Подобно языку как «дому бытия» (М. Хайдеггер), художественный язык представляет собой бытие системы знаков в их структурно-иерархических отношениях, сконструированной в творящем сознании. Тип художественного языка, или способ иносказания (аллегория, эмблема, символ, гротеск), является одним из критериев художественности, выявляющим условно-конвенциональный, семиотический характер созданной автором-творцом виртуальной эстетической реальности.

Исходя из семиотической природы художественного произведения, любой образ является «знаком знака», «иносказанием». Внешняя сторона знака в художественном тексте созвучна с именем в языке коммуникации, а его значение и смысл варьируются в зависимости от целей и задач авторского сознания, создающего собственный художественный язык для своего высказывания-произведения. Следовательно, чтобы аналитически определить тип художественного языка, необходимо рассмотреть его на уровне структуры – субъектной и объектной организации художественного текста.

Субъектная организация предполагает анализ системы голосов (глосализация), внутритекстовых дискурсов (композиция), ритмических рядов (ритмотектоника). Объектная организация просматривается на уровне объектной детализации (фокализация), системы эпизодов (сюжет), системы хронотопов (архитектоника целого). Поскольку стихотворение является лирическим произведением, представляется возможным дополнить методику исследования обращением к категории «картины мира автора в лирике» [13; 14], эксплицированной в тексте на субъектном, хронотопном, образном и сюжетном уровнях. При этом необходимо помнить о синкретизме как генетическом коде лирики, который обнаруживается на всех уровнях художественного произведения.

Объектом исследования в статье избрано стихотворение К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке...», которое открывает цикл «Сознание» книги стихов К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» (1903) [2]. Предмет исследования – структура художественного языка стихотворения, эксплицирующая авторские интенции, адресованные воспринимающему сознанию.

Цель исследования – выявить специфику субъектно-объектной организации поэтического произведения, что позволит определить тип художественного языка как одного из критериев художественности.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) – знаковая фигура в русской литературе начала XX века, один из первых символистов, который не только обогатил поэтическую сокровищницу национальной культуры, но своими эстетико-философскими рефлексиями способствовал расширению духовного плана художественного сознания. Личность и творчество К. Д. Бальмонта вызывали широчайший интерес соратников по перу [5] и современных ему литературных критиков [1; 8], не ослабевает к нему внимание литературоведов и впоследствии, и в наши дни [6; 9; 11; 20]. Богатая эрудиция и внутреннее стремление к осознанному постижению мироустройства направляли автора в русло создания собственной концепции мира и человека, презентованной через художественный язык.

Книга «Будем как Солнце» состоит из семи частей, их принято рассматривать как лирические циклы, снабженные отдельными названиями, объединяющими тексты в целостные высказывания. Интересующее нас стихотворение «Я с каждым могу говорить на его языке...» открывает шестой цикл книги под названием «Сознание».

Для наглядности, приводим текст стихотворения полностью:

Я с каждым могу говорить на его языке,

Склоняю ли взор свой к ручью или к темной реке.

Я знаю, что некогда, в воздухе, темном от гроз,
Среди длиннокрылых, меж братьев, я был альбатрос.

Я знаю, что некогда, в рыхлой весенней земле,
Червем, я с червем наслаждался в чарующей мгле.

Я с Солнцем сливался, и мною рассвет был зажжен,
И Солнцу, в Египте, звучал, на рассвете, Мемнон.

Я был беспощадным, когда набегал на врагов,
Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов.

С врагом я, врагом, состязался в неравной борьбе,
И молча я вторил сраженный «О, слава тебе?»

И мной, безымянным, не раз изумлен был Сократ.
И ныне о мудром, со мной, обо мне, говорят.

Я с каждым могу говорить на его языке,
Ищи меня в небе, ищи меня в темной реке [2, с. 428]

Как видим, в стихотворении преобладают именно субъектные формы, но они же раскрывают и объектную организацию на уровне детализации. Субъектная организация лирики на внутритекстовом уровне представлена перволичной формой («я», внеличный голос, личные местоимения), формой «я-другой» и формой «другой» [13]. Синтез этих форм очерчивает образ лирического субъекта текста как презентанта авторского сознания.

Преобладающей субъектной формой является перволичное «я», представленное как начальной формой местоимения (11), так и косвенными формами – «мною», «мне», «меня» (6), а также глаголами в перволичной форме – «знаю» (2). Объектные характеристики перволичного актанта обнаруживаются через его коммуникацию с «другими». Чтобы их осмыслить, необходимо этих «других» идентифицировать.

К сфере «другого» отнесем такие субъектные формы: «каждый», «ручей», «река», «братья», «червь», «Солнце», «враги», «враг», «Сократ», «ты» («ищи»). Этот ряд форм сам по себе уже является информативным, поскольку выстраивает облик перволичной формы лирического субъекта. Но обратить внимание в первую очередь следует на иное – на связь между субъектными формами. Отношения между субъектными формами всегда имеет коммуникативную основу, но в данном тексте коммуникация прямо эксплицирована «языком» – «Я с каждым могу говорить на его языке». Художественный образ «язык» – центральный во всем произведении, и именно он несет наибольшую смысловую нагрузку. Язык – средство коммуникации, это основное значение знака-образа, но у К. Д. Бальмонта первичное значение расширяется за счет наполнения новыми смыслами, что является основной отличительной чертой символа как художественного языка [17, с. 25]. Язык как

средство общения эксплицирует картину мира человека, является презентантом его мировоззрения, то есть, выражает собственно индивидуальность говорящего. Лирическое «я» К. Д. Бальмонта может говорить с «каждым» на «его языке» – это значит, что между «я» и «каждым» установлена субстанциальная близость, сродство, единение.

Рассмотрим последовательно фигуры собеседников, которых авторское сознание выбирает для оформления лирического «я». Буквально в первой строфе «каждый» в функции «другого» представлен «ручьём» и «рекой». Конечно, это маркеры пространственных реалий, но в данном тексте они выполняют субъектную функцию – *«Склоняю ли взор свой к ручью или к темной реке»*. Образы актуализируют символический смысл, поскольку говорить с пространством субъект не может. Собеседник должен также владеть языком, и раскрывается он именно через символику – жизни, ее динамики. «Ручей» акцентирует символику изначальности, истока, «река» – текучести, изменяемости; в каждом обнаруживается бинерное единство: «ручей» соединяет подземное и наземное пространства, «река» – разделяет два берега. Здесь актуализируются языческие и пантеистические представления одушевления природных стихий.

Следующие субъектные формы «другого», дополняющие облик перволичного субъекта на уровне объектной детализации, можно представить в антиномиях – «братья» / «враги», «червь» / «Солнце». «Братские» отношения у перволичного субъекта с «длиннокрылыми», имплицитными насельниками небесного пространства; «червь» обитает в «земле», но весенней; с «весной» и «рассветом» коррелирует образ «Солнца», как источника жизни, в единстве с которым явлено лирическое «я» – *«Я с Солнцем сливался»*.

Образ «Солнца» является смысло- и структурообразующим в масштабах всей книги, той магистральной «связующей нитью» (М. Волошин), которая удерживает всю конструкцию целостного авторского высказывания. В данном тексте он коррелирует с образом «языка» через символику человеческого творчества и божественного творения. «Язык» символически связан со «Словом» как результатом творения, а «Солнце», с пропиской буквы, с истоком мирового творения – с Богом. Созидательные мотивы в тексте органично переплетаются с деструктивными, что подчеркивает антиномичность перволичного лирического субъекта – *«Я был беспощадным, когда набегал на врагов, / Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов»*.

Особое место среди «других» занимает «Сократ» – традиционный символ человеческой мудрости – *«И мной, безымянным, не раз изумлен был Сократ»*. «Безымянность» перволичного субъекта, намеренная уничижительность (Ср. у А. С. Пушкина *«И меж детей ничтожных мира, // Быть может, всех ничтожней он»*), как видим, не стала преградой для выбора собеседника, как впрочем, и в случае с «Солнцем», что вполне вписывается в эстетическую традицию идентификации поэта-пророка, вестника, «божественного глагола». Истоки таких высоких амбиций авторского сознания станут более понятны, если рассмотреть еще один ряд субъектных форм текста – «я-другой».

Напомним, эта субъектная форма актуализировалась в лирике эпохи модальности, когда синкретизм авторско-геройного плана проявился через принцип дополнительности. Лирическое «я», которое перестало быть аналогом

автора, что можно было наблюдать в эйдетическую эпоху, потребовало для своей завершенности «другого». Но не только «другого» дистанцированного, а «себя как другого», «внутреннего другого», того «я», которое может быть открыто другим, которое позволяет и себе самому посмотреть на себя как бы со стороны.

Обратим внимание, что анализируемое стихотворение начинает цикл «Сознание». Понятие «сознание» является одной из онтологических категорий, разные науки и религии дают ему свою трактовку. Обобщая взгляды ученых и теологов, можно посмотреть на «сознание» как на синтез аспектов личности – духовного, эмоционально-этического, физического. В поэтическом мире этот синтез возможно обнаружить в субъектной организации текста. Облик лирического субъекта отдельного произведения создается авторским сознанием из взаимодействия перволичного «я» (духовный план), «я-другого» (эмоционально-этический план), «другого» (физический план). Для реализации духовных задач личности («я») авторское сознание вводит перволичного субъекта в коммуникацию с «другими» в определенных жизненных обстоятельствах, разворачивающихся в пространственно-временных координатах.

Выбор собеседника актуализирует ценностную систему «я» через экспликацию хронотопного измерения. Сам же выбор формируется в эмоциональной, душевной сфере личности, что, собственно, в психологии соответствует понятию «сознание», а в литературоведении определяет эстетический план произведения. В лирическом тексте – это уровень субъектной сферы «я-другого». Эмоциональный уровень личности напрямую связан с ее ценностной системой, поскольку эмоция как реакция человека на внешние обстоятельства всегда обусловлена его уже сложившимися представлениями о мире. В то же время, картина мира личности всегда эмоционально окрашена. Форма «я-другой» в лирическом произведении оказывается весьма презентабельной для выявления авторских интенций по формированию своего эстетического презентанта, поскольку раскрывает душевный потенциал его духа.

В анализируемом стихотворении эта форма впервые появляется во второй строфе – «я был альбатрос», и далее в каждой следующей, кроме последней, возникают новые формы: «я-червь», «я-Солнце», «я-Мемнон», «я-враг», «я-Сократ». Рассмотрим семантику каждого образа в их корреляции, обратим также внимание на их бинерность: «альбатрос» / «червь», «Солнце» / «Сократ», «Мемнон» / «враг». Напомним, каждая из субъектных форм вносит определенные черты в облик лирического субъекта текста в целом.

«Среди длиннокрылых, меж братьев, я был альбатрос». Кроме традиционной классической символики (птица/поэт) этот образ эксплицирует выбор литературных ориентиров автора. К. Д. Бальмонт был переводчиком Кольриджа и Бодлера, следовательно, «альбатрос» («Сказание о Старом мореходе» Кольриджа и «Альбатрос» Бодлера) связывает поэта с английской романтической и французской символистской традициями – отношения человека и природы; божественное творение и человеческое проявление; стихийность и гармоничность; поэт и толпа и др. аспекты, которые, как видим, амбивалентны по своему содержанию. В форме «я-альбатрос» на уровне объектной организации обнаруживаем цветовую символику – альбатрос имеет белое

оперение, в пределах текста он помещен в пространство, которое само по себе нейтральное в колористическом плане и задает аксиологический верх, но обретает цвет вследствие природного явления – «в воздухе, темном от гроз», что усиливает общую амбивалентность художественного мира. Таким образом, форма «я-альбатрос» в контексте стихотворения – «среди длиннокрылых, меж братьев» – эксплицирует эстетические приоритеты авторского сознания.

«Я знаю, что некогда, в рыхлой весенней земле, / Червем, я с червем наслаждался в чарующей мгле». Субъектная форма «я-червь», в первую очередь, выстраивает пространственную оппозицию в корреляции с предыдущей строфой – «воздух» / «земля». Далее раскрываются многослойные смыслы образа «червя». Это и прямая апелляция к державинской оде «Бог» – «Я царь – я раб – я червь – я бог!», что демонстрирует включенность авторского сознания в классическую русскую поэтическую традицию, и в широкую сферу философско-теологической трактовки основ мироздания (образ «Змия» как антипода Бога, одна из символических номинаций – «великий червь» [21]); и автореминисценции (один из циклов книги «Будем как Солнце» – «Змеиный глаз»).

В корреляции с объектной детализацией этот образ позволяет выявить аксиологические параметры лирического субъекта. «Рыхлая», «весенняя» «земля» – начало жизненного цикла, оплодотворенность пассивного женского начала активным мужским, великий союз неба и земли. «Чарующая мгла» – иллюзия проявленного мира по отношению к божественному истинному плану бытия. Властелином проявленного мира стал символический «Змий», он же «червь» у К. Д. Бальмонта. Этот образ презентует этическую бинерность мира, эстетическую амбивалентность лирического субъекта как презентанта авторского сознания, субстанциальную связь с миром Бытия в его высших и низших реализациях.

«Я с Солнцем сливался, и мною рассвет был зажжен, / И Солнцу, в Египте, звучал, на рассвете, Мемнон». Здесь эксплицированы две субъектные формы – «Я-Солнце» и «я-Мемнон». Наблюдаем связь образа «Солнца» с лейтмотивом книги – Солнце как воплощение Бога-творца, что традиционно для многих мировых мифологических и религиозных традиций. Но если в эйдетической парадигме человек – «образ и подобие» Бога, то в философско-эстетической парадигме эпохи модальности человек представлен как вместилище бога, он сам становится богом созданного им самим мира. Именно этот ракурс божественного присутствия обнаруживается у К. Д. Бальмонта – «мною рассвет был зажжен».

Вторая субъектная форма актуализирует два мифа, древнегреческий и древнеегипетский. У древних греков Мемнон – сын Эос, богини утренней зари, и Тифона, царя эфиопов, брата Приама, чье оружие изготовил Гефест, бог огня. Во время Троянской войны Мемнон привел большое войско эфиопов на защиту Трои. Он убил Антилоха, но погиб от руки Ахилла, который мстил за смерть друга. Аллюзия на этот аспект образа еще обнаружится в тексте в последующих строфах.

Древние египтяне мемнонами называли фараонов, а они, как известно, имели солнечную родословную (Ра – бог Солнца). Статуям Аменхотепа III в Фивах греки дали имя Колоссы Мемнона [15], приняв Нембаатра (тронное имя

Аменхотепа III) за Мемнона. Колоссы в силу природных явлений и материала, из которого они созданы, издавали на рассвете специфические звуки, за что были названы «поющими», отсюда образ – «звучал на рассвете Мемнон». Так в субъектных формах «Я-Солнце» и «я-Мемнон» синтезируются древние египетские и греческие мифы, а облик лирического субъекта расширяет свои культурологические параметры.

«Я был беспощадным, когда набегал на врагов, / Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов». Здесь раскрывается семантика мифического героя – «я-беспощадный», что коррелирует с образом Мемнона. Эллинистические мифы фиксируют переход коллективного сознания к индивидуальному, постепенно формируется понятие вины и ответственности. Мифическое сознание не имело этической составляющей, задачей героя было совершение подвига, одна сила противопоставлялась другой, и для установления космического равновесия совершалось убийство врага, которое не расценивалось как преступление в современном понимании. И все же в древнегреческих мифах обнаруживается ритуал физического очищения, а позже и морального. Функция очищения приписывается Аполлону, богу Солнца у древних греков, и даже самому Зевсу. Обряд состоял в том, «что руки убийцы обливались кровью животного и затем обтирались, что служило символом его освобождения от кровавого греха» [10], а далее – «умиловления божества жертвами и молитвами» [10].

Так в облике лирического субъекта постепенно формируется нравственная парадигма, но бинарные полюса не противопоставляются, а уравниваются оригинальным способом, привлеченным авторским сознанием, что обнаруживаем в следующей строфе: *«С врагом я, врагом, состязался в неравной борьбе, / И молча я вторил сраженный “О, слава тебе?”».* Субъектная форма «я-враг» демонстрирует актуализацию авторским сознанием понятия реинкарнации, перерождения, одного из главных принципов мироустройства, не актуализированных в мировых религиях Откровения. Так понятие греха, убийства, уравнивается понятием кармы, причинно-следственных отношений, не ограниченных одним воплощением индивидуальности. Принцип реинкарнации и кармы, по определенным причинам выведенный за пределы официальных религий западной культуры, ближе восточной традиции. Актуализация его в поэтическом мире К. Д. Бальмонта свидетельствует о знании и принятии данных идей автором.

Разворачиваются эти идеи и в следующей строфе: *«И мной, безмянным, не раз изумлен был Сократ. / И ныне о мудром, со мной, обо мне, говорят».* Форма «я-Сократ» утверждает мировоззренческие приоритеты авторского сознания, основания которых следует искать не столько в восточных религиях, сколько в герметической философии, известной К. Д. Бальмонту через теософию Н. П. Блаватской [3], чрезвычайно популярной в России в конце XIX – начале XX века. Связь Сократа с Платоном имплицитно вводит в символическую семантику стихотворения и имя Гермеса. Отметим лишь одно из значений древнегреческого Гермеса, или древнеегипетского Тота, актуальное в данном контексте – бог мудрости, покровитель наук, писцов и священных книг. Согласно Платону, Тот познакомил египтян со знаниями предыдущих цивилизаций, открыл геометрию, астрономию, числа и буквы.

Несущий уровень текста в структуре художественного языка представлен на субъектном уровне композицией, а на объектном – сюжетом. Специфика лирического сюжета состоит в получении авторским сознанием новых знаний о мире, это некая когниция, переводящая сознание на новый уровень восприятия и понимания. В стихотворении обнаруживается кольцевая композиция, первая и последние строфы почти идентичны, за исключением одного нюанса. Если в первой констатируется способность перволичного субъекта говорить с «каждым» «на его языке», то есть, авторская интенция направлена на самое лирическое «я» как утверждение его дара коммуникации с «другими», в последующих строфах доказывается эта возможность в диалоге с самим собой «как с другим», то в последней строфе появляется совершенно новая форма «другого» – ты, выраженная личным глаголом «ищи». Этим «другим» «ты», как представляется, является имплицитный читатель, к сознанию которого апеллирует автор, делясь с ним собственным духовным опытом.

Таким образом, анализ внешнего уровня субъектной организации текста позволяет выявить систему голосов субъектных форм – «я», «я-другого» и «другого», где две последние формы представлены образами, в которых преобладает контекстуальный смысл, обусловленный исключительно авторскими интенциями, что позволяет говорить о символизации как принципе иносказания, работающей на формирование синкретической амбивалентной природы лирического субъекта произведения.

Кольцевая композиция высказывания поддерживается и на внутреннем уровне субъектной организации (ритмических рядов). Не имея возможности в пределах статьи рассмотреть все тонкости ритмо-звуковой системы текста, обратим внимание лишь на самые значимые аспекты. Стихотворение поделено на восемь строф по два стиха, написано пятистопным анапестом с гипометрией первой стопы, то есть, первая стопа имеет два слога со вторым ударным. Строфы чередуются по наличию мужских и женских рифм. При парном количестве строф стихотворение начинается и заканчивается женской рифмой, а четвертая и пятая строфы – мужской. Таким образом, двусложная первая стопа, строфы из двух стихов, парные рифмы и деление текста на ритмическом уровне на две части поддерживают амбивалентность лирического субъекта, а обрамление мужских рифм в центре текста женскими в начале и финале – его синкретизм, внутреннее единство.

Внутренний уровень объектной структуры художественного языка выявляет специфику хронотопа как синтеза ценностной системы авторского сознания. Хронос в стихотворении представлен преимущественно грамматически – перволичными глаголами в настоящем («знаю») и прошедшем времени («сливался»), притом, настоящее время относится к перволичному «я», в прошедшее – к форме «я-другой» или характеризует «других». Единственный временной маркер – неопределенное временное наречие «некогда», но именно он является ключевым в лирическом сюжете. По мнению Л.Н. Синельниковой, «неопределенное местоимение может быть маркером перехода одного вида знаний в другой вид – физического в метафизическое» [16, с. 329], что и является основной функцией лирического сюжета – экспликация «рефлексии лирического субъекта, формирующейся из синкретизма сенсорно-эмпирического и ментального планов текста [13, с. 188].

Пространственные маркеры текста формируют бинарные оппозиции – «воздух» / земля», «небо» / «река», что само по себе определяет ценностную вертикаль авторского сознания, акцентируя его амбивалентность. Особое внимание здесь надо обратить на образ «реки» в корреляции с ведущим образом внешнего уровня объектной организации текста – «языком».

«Язык», или «речь», на фонетическом уровне созвучна слову «речка». И такое сближение не может быть натянутым. Синкретизм «речи» и «реки» является архетипическим образом и обнаруживается во многих мировых мифологиях. К примеру, у хеттов (Малая Азия) и ханаанейн (Палестина, Сирия) он олицетворяет «божество, символизирующее высший суд» [12]. В мифопоэтическом, народном, сознании человеческая речь издревле сближается со звучанием течения воды («речь льется», «речевой поток», «плавная речь»). Несмотря на то, что этимологические словари славянских языков не зафиксировали семантическое родство слов «река» и «речь», все же В. И. Даль не отрицал их близости, «речь по отношению к река – вероятно того же корня, но отшатнулось и стоит по себе» [7, с. 95]. Наиболее крепкой эта связь оказалась в культуре Индии. В древнеиндийской мифологии Сарасвати – имя высшего женского божества и сакральное имя священной реки Инд. Сарасвати также отождествляют с богиней речи Вач, считают ее покровительницей поэзии. Она находится на небе и на земле, а ее лоно – в воде [19, с. 220].

Культуру Индии В. Н. Топоров охарактеризовал как «словоцентричную», поскольку она «ставит в своем начале Слово как высшую реальность», сохраняет «уникальную среди исторически известных культур осознанность своего отношения к языку» [18, с. 6]. Идея «словоцентризма» характерна и для религиозной христианской традиции – «В Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна (1:1,2)).

Как видим, связь «реки» с «языком» в инициальной (субъектная функция образа «реки») и финальной (пространственный маркер) позиции стихотворения «Я с каждым могу говорить на его языке...» оказывается весьма значимой и выявляет символичность иносказания в художественном тексте.

Таким образом, проведенный анализ стихотворения К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке...», позволяет определить тип его художественного языка как символический. Анализ субъектной организации текста позволяет сделать вывод о синкретизме лирического субъекта, а объектной – о его амбивалентной природе. Символический образ «язык» предстает сюжетообразующим в пространстве художественного мира, презентует индивидуально-авторские смыслы расширения первичного значения слова, что в целом позволяет выявить специфику художественности на семиотическом уровне текста.

Список использованных источников

1. Анненский, И. Ф. Книги отражений / Иннокентий Анненский ; изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров ; [Акад. наук СССР]. – Москва : Наука, 1979. – 679, [1] с. – [4] л. ил. портр.
2. Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 1: Полное собрание стихов 1909-1914 : Кн. 1–3 ; Вступит.ст. В. Макарова / К. Д. Бальмонт. – Москва : Книжный Клуб Книговек, 2010.– 504 с.
3. Блаватская, Е. П. Теософский словарь / Е. П. Блаватская. – Москва :

Изд-во Эксмо, 2004. – 640 с.

4. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика : Учеб. пособие / С. Н. Бройтман ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 418 с.

5. Брюсов, В. Я. Бальмонт («Будем как Солнце») / В. Я. Брюсов // Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894 - 1924: Манифесты, статьи, рецензии. – Москва : Сов. Писатель, 1990. – 714 с.

6. Бурдин, В. В. Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х — 1900-х годов. : дис. канд. филол. н. : 10.01.01 «Русская литература» / Бурдин Виктор Валерьевич ; Ивановский Государственный Университет. – Иваново, 1998. – 175 с.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4-х т.] / И. В. Даль. – Т.4. – Москва : Русский язык, 1978. – 712 с.

8. Красин, П. Нравственные начала новейшей русской художественной литературы / П. Красин // Вера и Разум. – 1907. – № 6. – С. 795–810.

9. Куприяновский, П. В. К. Д. Бальмонт и его литературное окружение / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – Воронеж, 2004. – 198 с.

10. Латышев, В. В. Очерк греческих древностей / В. В. Латышев. – URL: <http://centant.spbu.ru/sno/lib/lat/2/3-10.htm>. (дата обращения: 03.10.2021).

11. Марьева, М. В. Книга К. Д. Бальмонта "Будем как солнце". Вопросы поэтики : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 «Русская литература» / Майя Владимировна Марьева ; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2003. – 17 с.

12. Мечковская, Н. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. II. Фидеистическое отношение к слову. Мифология речи. 18. Река – древнейший образ речи / Н. Мечковская. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Mechkov/06.php. (дата обращения: 03.10.2021).

13. Остапенко, И. В. Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов. : дис. ... докт. филол. н. : 10.01.02. «Литература народов СССР (советского периода)» / Остапенко Ирина Владимировна ; Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. – Симферополь, 2013. – 530 с.

14. Остапенко, И. В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира : монография / И. В. Остапенко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2012. – 432 с.

15. Поющие Колоссы Мемнона. – URL: <https://masterok.livejournal.com/2956540.html>. (дата обращения: 03.10.2021).

16. Синельникова, Л. Н. Местоимение в дискурсе : монография / Л. Н. Синельникова ; Гос. учрежд. «Луган. нац. ун-т имени Тараса Шевченко». – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2009. – 412 с.

17. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. : Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тamarченко. – Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.

18. Топоров, В. Н. Санскрит и его уроки / В. Н. Топоров // Древняя

Индия: Язык. Культура. Текст. – Москва : Наука, 1985. – 268 с.

19. Топоров, В. Н. Вач // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах (2-е издание) / В. Н. Топоров. – Москва : «Советская Энциклопедия», 1988. – Т. 1. А–К (Корейская мифология). – 720 с.

20. Цыкунова, Г. В. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 «Русская литература» / Галина Владимировна Цыкунова ; Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. – Москва, 2005. – 23 с.

21. Червь // Энциклопедия знаков и символов. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C>. (дата обращения: 03.10.2021).

УДК 821.111

ПАРАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. МИТЧЕЛЛА *GHOSTWRITTEN*)

А. В. Проворова,

*обучающаяся кафедры английской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*Научный руководитель: старший преподаватель кафедры английской
филологии Т. А. Радченко*

Аннотация. В статье рассматривается паратекст, его элементы и явление паратекстуальности как одно из звеньев внутренней структуры текста художественного произведения на материале романа Д. Митчелла *Ghostwritten*. Целью исследования стало выявление и анализ паратекстовых элементов в художественном тексте и установление их роли в организации текста литературного произведения. В настоящей работе использованы такие методы исследования как сравнение, анализ, структурно-описательный метод, описательно-функциональный метод, синтез, интертекстуальный метод. Стоит отметить, что паратекстуальность в данном романе служит цели образования единства смысла и структуры произведения и дополняет авторскую литературную работу.

Ключевые слова: паратекст, паратекстуальность, паратекстуальные элементы, художественный текст.

Summary. The article is focused on paratext, its elements and the phenomenon of paratextuality as one of the links in the internal structure of the text of a work of fiction and is based on the material of D. Mitchell's novel *Ghostwritten*. The purpose of this work was to identify and study paratextual elements in a literary text and establish their role in the organization of the text of a literary work. In this study, such research methods as comparison, analysis, the structural-descriptive method, the descriptive-functional method, synthesis and the intertextual method are used. It should be noted that paratextuality in this novel serves the

purpose of forming the unity of meaning and structure of the work and complements the author's literary work.

Key words: paratext, paratextuality, paratextual elements, literary text.

Нерешенность вопроса комплексного исследования взаимосвязей паратекста и художественного текста предполагает проявление интереса ученых к данному явлению, и, следовательно, реализацию попытки комплексного анализа данного литературного явления. Цель данной статьи – изучить явление паратекста как составляющей структуры текста художественного произведения на базе научно-исследовательской информации об организации текста в романе Д. Митчелла *Ghostwritten* и месте паратекстовых элементов в нем.

Впервые термин «паратекст» был введен французским ученым Ж. Женеттом. В своей работе *Paratexts. Thresholds of interpretation* он приводит такое определение: «паратекст – это то, что позволяет тексту стать книгой и быть предложенной как таковой ее читателям и, в более широком смысле, публике» [2, с. 1]. Ж. Женетт считал, что паратекст охватывает такие составляющие как заглавие книги, эпиграф к ней, послесловие, типографские решения, а также критику и высказывания самого автора о своем произведении и проч.

С помощью данных паратекстуальных элементов, оказывая непосредственное влияние на воображение и восприятие, читателю «транслируется» комбинация авторских смысловых концепций, способствуя верной интерпретации идеи писателя и всецелому пониманию читателем данного произведения (с поправкой на индивидуальный базис знаний и ассоциативно-аллюзивные ряды). Элементы паратекста являются средством перспективного представления основного текста произведения, отделены от него, семантически завершены и оформляют текст в законченное литературное произведение. Следовательно, паратекстуальность определяется как отношение художественного текста к данным паратекстуальным элементам.

Дебютный роман Д. Митчелла *Ghostwritten*, выбранный в качестве материала исследования, и, будучи композиционно и идейно сложным романом, является интересным произведением для литературоведческого анализа с точки зрения паратекста.

В результате проведенного анализа были сделаны следующие выводы, служащие лучшему и более глубокому пониманию идеи произведения, истории его создания и его пути в литературном мире.

1. Обложка оригинального издания романа от «Hodder and Stoughton» 1999 года проста и клиширована. В простой зарисовке атмосферы буддистских поисков ответов на вопросы мягкий закатный оранжевый цвет предстает цветом традиционного одеяния азиатского монаха из ашрама, затерянного где-то в горной местности. В целом, создается впечатление довольно неприятной и примитивной издательско-типографской работы по следующим причинам: 1) глубокая культурная связь митчелловского романа с Восточной Азией представлена не совсем корректно (восточноазиатские локации романа подменены южноазиатскими, буддистскими, индийскими стереотипными цветовыми ассоциациями); 2) роман, сюжетно и территориально охватывающий весь земной шар, представлен однобоко «азиатской» обложкой, несмотря на многообразие возможных художественных оформлений. Нивелирует критику

другой элемент внешнего оформления – мягкий тип обложки, обусловленный фактором коммерчески рискованного для издательства литературного дебюта, и, соответственно, недорогого оформления для книжного рынка. Этот же фактор повлиял и на другой элемент паратекста, такой как размер шрифта названия книги и имени автора – мы наблюдаем довольно скромное и не очень выразительное оформление «безымянного» авторского имени.

2. Авторское имя само по себе служит хорошей саморекламой, что на практике издательского дела чаще всего выражается увеличенным шрифтом и приметным дизайном. В оригинальном издании название романа выделено крупным шрифтом и другим цветом, нежели имя автора-дебютанта. Однако, на обложке российского издания от «ЭКСМО» 2009 года, бросается в глаза прежде всего несомненный акцент на авторское имя, которое к тому времени уже стало всемирно известным.

3. Изменение в узнаваемости автора отражается также на аннотации к роману, которая сменяется с исчерпывающе раскрывающей фабулу романа (1999 год), стремящейся лишь «зацепить» читателя, до перечисления блистательных заслуг и восхваления гениальности писателя, явно смещая акцент с сюжета книги в сторону популярности автора.

Другими словами, прошедшие 10 лет с момента выхода романа в свет оказали значительное влияние на восприятие автора и сюжета *Ghostwritten*. Если в 1999 году это дебютант с многообещающим романом, то в 2009 году – это уже дебютный роман знаменитого автора. Признание автора возросло, а критическое восприятие и интерес к первому роману Д. Митчелла несколько снизились.

4. Знакомство с любым произведением всегда начинается с его заголовка – тезисной авторской формулировки концепции содержания произведения. Следовательно, «это должно быть очень емкое понятие, передающее целый комплекс ассоциаций» [1, с. 1].

Ниже представлены три наиболее достоверные трактовки выбора такого интеллектуально-ёмкого и вариативного заглавия Д. Митчеллом для своего дебютного романа:

1) *Ghostwritten* — «написанный призраком». Сквозь весь текст романа, порою незримо, порою неприкрыто проходит нить присутствия кого-то или чего-то. Разумная сущность, призрак, бестелесный дух встречаются в разных частях романа. Затрагиваются темы инобытия, сверхъестественного соприсутствия. Можно предположить, что, писатель просто воспользовался приемом игры слов, используя омонимию и полисемию, и обыграл мистические элементы романа.

2) Одним из возможных вариантов перевода заглавия романа является словосочетание «безымянный автор», которым, собственно говоря, и являлся Д. Митчелл в 1999 году. С другой стороны, практика предоставления услуг анонимного писательства известным личностям довольно распространена, и исключать мысль о том, что когда-то Д. Митчелл и сам выступал в роли *ghostwriter* нельзя.

3) Д. Митчелл – практик нестандартной структуры произведения. Здесь наша теория приобретает два направления.

А) «I really am a writer, too. A ghostwriter» [3, с. 122] – вот слова Марко, главного персонажа 7 главы «London». Марко, занимающийся литературной

работой, является «литературным призраком» в прямом смысле этого слова. Хотя сюжетно линия Марко не связана с большинством персонажей, его глава является «кольцевой», «развилкой», раскрывая идею романа и задавая тон остальным главам.

Б) Основная идея романа метко выражена во фразе: «*Chance. People say they choose, but it comes down to the same thing: why people choose what they choose is also down to chance*» [3, с. 123]. А значение названия романа проясняет фраза: «*We're all ghostwriters, my boy. And it's not just our memories. Our actions, too. We all think we're in control of our own lives, but really they're pre-ghostwritten by forces around us*» [3, с. 134].

Таким образом, литературным призраком (в переносном смысле слова) является каждый из персонажей произведения, ведь, согласно авторской идее, герои пишут свои судьбы, хотя на самом деле они – не более чем цепочка случайностей.

Можно заключить, что взаимосвязь заглавия с идеей романа предстает наиболее прочной. Также следует подчеркнуть, что заголовок произведения взаимодействует с образами, персонажами, идеей романа и даже с личным жизненным опытом автора.

5. Эпиграф, выбранный Д. Митчеллом из повести пулитцеровского лауреата Т. Уайлдера «Мост короля Людовика Святого» подчеркивает близость мотивов данных литературных работ.

Данный эпиграф [3, с. 1] откровенно наталкивает нас на вопрос: «судьба уготована Богом или же простой спонтанный случай?», что весьма органично звучит на фоне сказанного Д. Митчеллом в его романе. Так, оба романа исследуют философские вопросы: что есть судьба и зависит ли она от воли индивида. Повесть Т. Уайлдера зиждется на христианских постулатах и той тонкой грани между индивидуальным мнением и богохульством, а митчелловский *Ghostwritten* пропитан восточной философией, ее эфирами и в целом полон духа агностицизма. Автор вовсе не отрицает воли случая, но уверен в том, что случайности неслучайны.

6. Основная задача названий глав – предвосхищать, «сжимать» и структурировать содержательную часть текста.

Д. Митчелл выбрал лаконичные заглавия для частей своего романа, перечисляющие места действий каждой из историй: «Okinawa», «Tokyo», «Hong Kong», «Holy Mountain», «Mongolia», «Saint Petersburg», «London», «Clear Island», «Night Train», таким образом, перемещаясь все дальше на запад, а финальная история-эпилог получила название «Underground». Каждая часть повествует отдельную, обрывочную историю, характеризуется переменой места действия, временным перерывом и сменой персонажей (но при этом все они взаимосвязаны цепочками случайных событий, которые перекрещиваются и запускают новую цепь случайностей, которая приводит к финальным событиям). Таким образом, сюжет *Ghostwritten* – это продукт множественного влияния случайных событий и решений. «*History is made of arbitrary choices*» [3, с. 188]. Названия глав служат средством создания глобальной картины всех сюжетных взаимосвязей романа.

Такие «географические» заглавия концентрируют внимание на конкретной сюжетной линии, и самое главное — на определенной локации.

Место действия в романе имеет отдельную важную функцию. Города, страны, острова, территории – все это включает в себе новый пласт смысла, географическая местность оказывается второстепенным персонажем. Локации в *Ghostwritten* – это образчик географического паратекста, соотносимые, во-первых, по пространственной принадлежности персонажа к городу или территории, а во-вторых, само пространство определяет персонажа — шторм у моря на острове высвобождает дух Квазара; цветение вишни проходит на фоне зарождающихся чувств Сатору.

Таким образом, изучив паратекст и его элементы, мы выявили паратекстуальные составляющие в романе Д. Митчелла *Ghostwritten*, подвергли их анализу и определили их роль и связь с художественным текстом. Проанализированные нами элементы указывают на следующие их цели и функции: привлечение читательского внимания; отражение изменения отношения читательской публики к автору и его произведению; придание глубины смыслу и мотиву произведения, заявление о его идее; создание полноты картины обширных сюжетных взаимосвязей.

Список использованных источников

1. Богданова, О. Ю. Проблема связи заголовка с содержанием текста / О. Ю. Богданова // Ярославский педагогический Вестник. – 2007. – №3. – С. 52–55.
2. Genette, G. Paratexts. Thresholds of interpretation / G. Genette. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 427 p.
3. Mitchell, D. *Ghostwritten* / D. Mitchell. – London : Hodder & Stoughton, 1999. – 426 p.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.221.18'271.2 +81'373.44+811.111+
+81'255.4+811.161+81'373.211.1

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ ОСЕТИНСКИХ ХРЕМАТОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

И. Д. Бекоева,

*ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет имени
А. А. Тибилова», Цхинвал*

Аннотация. В центре внимания исследования находится проблема переводимости осетинских хрематоимов средствами русского языка. Этот сегмент осетинской онимической лексики развит недостаточно, хрематоимы собраны не в полном объеме, а те, что уже зафиксированы, недостаточно описаны с этимологической точки зрения. Отсутствуют специальные исследования семантических и лингвопрагматических характеристик, лингвокультурного фона реализации хрематоимов и способов их перевода. Хрематоимы являются особыми лингвокультурными маркерами и могут быть ключом к изучению истории, культуры, менталитета народа.

Ключевые слова: переводческая ономастика, прецедентные онимы, хрематоимы, языковая картина мира, осетинский язык.

Summary. The study focuses on the problem of translatability of Ossetian chrematonyms by means of the Russian language. This segment of Ossetian onymic vocabulary is not well developed, chrematonyms have not been collected in full, and those that have already been recorded are not sufficiently described from the etymological point of view. There are no special researches on semantic and linguo-pragmatic characteristics, the linguocultural background of realization of chrematonyms and methods of their translation. Chrematonyms, being special linguo-cultural markers can be the key to the history, culture and mentality of the people.

Key words: translation onomastics, precedent onyms, chrematonyms, language picture of the world, ossetian language.

В современной ономастике различаются ядерные и периферийные группы онимов. Периферийные разряды имен собственных изучены в меньшей степени, чем ядерные, что связано с несколькими факторами: 1) наличием в них нехарактерных особенностей; 2) недостаточной разработанностью общепринятых оснований для выявления и описания однородных групп, поддающихся классификации; 3) изменчивостью под влиянием экстралингвистического контекста; 4) реализацией в виде многокомпонентных наименований и аббревиаций [2, с. 1]. Проблематика, связанная с описанием, изучением и классификацией периферийных онимных разрядов, привлекла внимание исследователей только в конце XX века (В. Д. Бондалетов, М. В. Голомидова, Ю. А. Карпенко, Е. В. Кныш, И. В. Крюкова, М. Э. Рут и др.).

Прецедентные имена рассматриваются как особый класс единиц, характеризующихся ценностной значимостью [2, с. 13]. Прецедентность обретается лишь в процессе коммуникации, при условии включения того или иного онима в систему ценностей какой-либо языковой или лингвокультурной общности. Не существует четко ограниченных критериев при выделении прецедентных онимов. Тем не менее, при дискурсивном подходе выделяются следующие существенные признаки имен собственных: 1) регулярная воспроизводимость в текстах; 2) регулярность неденотативной (образной, метафорической, коннотативной) реализации имени собственного в функции культурного знака [3, с. 56].

Хремотонимы определяются как категория онимной лексики, обозначающей собственное имя предмета материальной культуры. Это и названия оружия, музыкальных инструментов, предметов быта, домашней утвари, драгоценных камней. Исключительная ценность или уникальность предмета окказионально приводят к наречению его именем собственным [4, с. 161].

Актуальность данного исследования обусловлена малой изученностью переводческого аспекта проблемы периферийных разрядов прецедентной югоосетинской онимной лексики. Научная новизна состоит в том, что впервые 1) на материале интернет-ресурсов исследуется один из элементов периферийного разряда югоосетинской онимной лексики – хремотоним *Цыкурайы Фардыг* (досл. с осет. – ‘бусина, исполняющая желания’); 2) анализируются способы перевода данного онима средствами русского и английского языков; 3) выявляются этнолингвокультурные особенности прецедентного хремотонима, влияющие на выбор переводчиком принципов и методов передачи его средствами переводящих языков.

Изучение прецедентных онимов и особенностей их реализации в тексте предполагает, что их функционирование в разных видах дискурса имеет свою специфику, в частности, в общественно-политической и массовой коммуникации они должны использоваться без дополнительных пояснений, поскольку имеют общенациональный характер и должны быть известны большей части участников коммуникации. В этом смысле, хремотоним *Цыкурайы Фардыг* ‘бусина желания’ может быть отнесен к категории прецедентных, поскольку активно используется в общественной коммуникации. Данные проведенного в ходе исследования социолингвистического опроса показали, что все 64 (100%) респондента-носителя осетинского языка знают, что значит *Цыкурайы Фардыг* и не нуждаются в дополнительной информации.

Понятийная зона двухкомпонентного хремотонима *Цыкурайы Фардыг* включает значение ядерного компонента: 1) *Фардыг* – ‘бусина’ [1, с. 447] и *Цыкурайы* (*цы* ‘что’+ *курай* ‘просишь’ +словоизменяемый формант *-ы*). *Færdyg/ færdug* самоцвет, драгоценный камень, бусинка; *cykuraju færdyg* ‘чудесный камень-самоцвет, доставляющий его обладателю счастье’. Этимологически восходит к иранскому **pardu-ka*, где **pardu-* первоначально – это ‘пестрый’, ‘яркий’ [1, с. 452]. Референтному и денотативному компонентам противопоставляется сигнификат хремотонима, отражающий существующее в коллективном сознании носителей языка представление о бусине как о волшебном средстве, способствующем реализации задуманного.

Образ и мотив чудесной бусины, обладающей волшебными свойствами, занимает важное место в осетинской мифологии, фольклоре и является значимым компонентом архаичной языковой картины мира осетин. *Волшебная бусина Цыкурайы Фардыг в представлениях осетин являлась олицетворением Солнца <...> [6].*

В обрядовом комплексе и сценарии поведения осетин традиции, связанные с волшебной бусиной, по-прежнему играют значительную роль. В югоосетинском национальном музее ежегодно проводится ночь музеев, включающая церемонию выноса волшебной бусины. *<...> наши двери будут открыты для всех желающих. В ночное время <...> атмосфера музея бывает необыкновенной, волшебной. По сложившейся традиции состоится вынос "Цыкурайы фардыг". И присутствующие смогут загадать желание [9].*

Раз в год в каждой семье бусину достают из потайного места, при этом выполняется обряд ее омовения в молоке. Затем бусина помещается в центр трех ритуальных пирогов и старший член семьи обращается с благодарственной молитвой к Богу и высшим силам за то, что ниспослали семье волшебную бусину.

Никакой дружбой <...> вы не достигнете, чтобы хозяин дома показал вам камень счастья – Цыкурайы Фардыг, который он хранит, как говорится, за семью замками, от всякого постороннего глаза. Это его неоценимое достояние и величайшая домашняя святыня, которую даже его семья имеет право созерцать с молитвенными приношениями, только один раз в году [10]. В анализируемом фрагменте перевод на русский язык осуществлен способами транслитерации и транскрипции, при переводе реализованы принципы сохранения графической формы звукового образа. Представлен также гибридный вариант перевода, совмещающий вышеуказанные способы перевода и экспликацию 'камень счастья'. Обращает внимание то, что компонент хремотонима 'Цыкурайы' в одном случае пишется с заглавной буквы, в другом – со строчной.

Обряд, связанный с волшебной бусиной темпорально соотнесен, проводится в дни празднования Нового Года. Бусины являются семейными реликвиями, иногда приобретая статус значимости на уровне патронимического объединения, всей общины, или даже ущелья [3, с. 3].

В этнической культуре осетин важной место занимает уникальная реликвия – Цыкурайы Фардыг (бусина исполнения желаний, дословно: бусина, дающая все, что попросишь) [11]. Символическое значение Цыкурайы фардыг отражено и в этиологических мифах о происхождении небесных светил <...>. От дыхания Создателя От дыхания Создателя <...> Вселенной <...> появилась Цыкурайы бур фардыг (Чудесная желтая бусина)" [11]. Цыкурайы фардыг (буса изобилия и счастья) [8]

Этот камень-самоцвет на мог лицезреть никто <...> особо охранялся от «всякого постороннего взгляда». О значении, которое придавалось магическим свойствам камня, можно судить по его названию, которое можно перевести как «буса, исполняющая все просьбы» [7].

В наши дни традиция, связанная с бусиной желаний, обрела новое наполнение. Ежегодно в здании национального музея Южной Осетии

проводится ритуал омовения бусины, участниками которого становятся все желающие.

В данных фрагментах текстов представлены двойные варианты перевода хрематонима – 1) *Цыкурайы фардыг* (перевод на уровне фонетическом, сохранены звуковая и графическая формы, реализованы способы транскрипции и транслитерации); 2) магическая бусина, чудесная бусина (полукалька, сохранен компонент *фардыг* ‘бусина’, изменен первый элемент двухкомпонентного хрематонима, таким образом, вместо *Цыкурайы* – ‘исполнения желания’ в род. п. переводчики предлагают прилагательные ‘магическая, чудесная’); экспликация – ‘буса изобилия и счастья’; ‘буса, исполняющая все просьбы’; ‘бусина исполнения желаний’; ‘бусина, дающая все, что попросишь’.

Касаясь темы бусины желания, <...> добавляем, что речь идет об «осетинской бусине», поскольку следует пояснить, что данные о «цыкурайы фардыг», встречаются также в фольклоре и мифологии ряда других народов мира [7].

Как показывает анализ текстовых фрагментов, выбранных из электронных СМИ и материалов социальных сетей, хрематоним *Цыкурайы Фардыг* не так часто встречается в речи носителей языка (254 реализации), тем не менее, он может быть отнесен к группе прецедентных, поскольку, в соответствии с результатами опроса носителей осетинского языка, все 100% респондентов подтвердили, что им известен данный хрематоним.

В переводах хрематонима *Цыкурайы Фардыг* на русский язык наблюдается вариативность, реализуемая в применении принципов: 1) сохранения графической формы (метод прямого графического переноса); 2) сохранения графического подобия (метод транслитерации); 3) звукового подобия (метод транскрипции); 4) отражения национально-языковой принадлежности (транскрипция, транслитерация и гибридный метод).

Список использованных источников

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 томах] / В. И. Абаев. – Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. – Т.1. А-К. – 656 с.
2. Бурмистрова, Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бурмистрова Елена Анатольевна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2006. – 204 с.
3. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – 276 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; ответственный редактор А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.
5. Сокаева, Д. В. Образ чудесной бусины в осетинском фольклоре / Д. В. Сокаева // Информационный бюллетень отдела фольклора СОИГСИ. – Владикавказ, 2007. С. 3

6. Осетины – мотив чудесной бусины (цыкурайы фæрдыг) в фольклоре и этнической культуре осетин (ossetians.com) – URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=1360>. (дата обращения: 27.02.2022).

7. Об одном направлении в скифологии – URL: <http://osinform.org/69343-esche-raz-o-tainstvennoy-busine-zhelaniya-zykurayy-f230rdyg.html/>. (дата обращения: 27.02.2022).

8. Текст песни Цыкурайы Фæрдыг – буса изобилия и счастья – URL: https://webkind.ru/text/555022127_m36082495p660026202_text_pesni_zykurajy-fardyg-busa-izobiliya-i-schastyia.html. (дата обращения: 27.02.2022).

9. Традиционно внесем и Цыкурайы фæрдыг – экскурсовод нацмузея о ночи музеев – URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20210517/Traditsionno-vynesem-i-Tsykurayy-fagdyg-Ekskursovod-Natsmuzeya-o-nochi-muzeev-12228637.html>. (дата обращения: 27.02.2022).

10. Цыкурайы фæрдыг – (бусина желаний) – URL: <https://ok.ru/vritmekavkaza2016/topic/67324350974850>. (дата обращения: 27.02.2022).

11. Цыкурайы фæрдыг – URL: <http://sevosetia.ru/Article/Index/>. (дата обращения: 27.02.2022).

УДК 81-119

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ)

М. А. Давыдова,

*Факультет иностранных языков и регионоведения, ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова», преподаватель кафедры сопоставительного
изучения языков, аспирант кафедры лингвистики, перевода и
межкультурной коммуникации, Москва*

Аннотация. В фокусе настоящей статьи находится функционирование когнитивной метафоры в политическом дискурсе. Будучи объективированной в политическом дискурсе, когнитивная метафора служит инструментом манипулирования сознанием людей для достижения политиком определенных целей, а также является составляющей индивидуальной концептосферы политического лидера. Цель работы – рассмотреть когнитивную функцию метафоры как средства вербализации определенных концептов, представляющихся значимыми для конкретного политика.

Ключевые слова: когнитивная метафора, когнитивная функция, политический дискурс, концептуализация, концепт.

Summary: The paper looks into cognitive metaphor in political discourse. Used in political discourse, cognitive metaphor serves as a tool for manipulating people's consciousness to achieve certain goals a politician, and also constitutes a political leader's individual conceptual sphere. The paper aims to examine the

cognitive function of metaphor as a means of verbalizing certain concepts that seem significant for a particular politician.

Key words: cognitive metaphor, cognitive function, political discourse, conceptualization, concept.

При рассмотрении феномена метафоры, как правило, цитируют Аристотеля, согласно которому, метафора представляет собой «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1, с. 109]. К числу основных функций метафоры принято относить когнитивную, коммуникативную, прагматическую и эстетическую. Как отмечает проф. Г. Г. Молчанова, «когнитивная концептуальная метафора обладает большой силой воздействия в силу ряда факторов: она упрощает, делает более доступными для понимания абстрактные и сложные процессы, она опирается на символическую систему, скрытую в сознании человека, в ней соединено рациональное и идеальное, логическое и эмоциональное» [6, с. 565].

Большинство отечественных и зарубежных исследований метафоры в политическом дискурсе восходят к разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теории концептуальной метафоры, положения которой изложены в знаменитой книге “Metaphors We Live by” [15]. Согласно данной концепции, метафора представляет собой феномен преимущественно ментальный, а не языковой. В своей более поздней работе “The Contemporary Theory of Metaphor” исследователи последовательно разграничили языковую и когнитивную метафоры, локус последней из которых находится исключительно в мышлении [14]. В современных исследованиях, посвященных функционированию метафоры в политическом дискурсе, общепризнанным является положение о том, что политическая метафора служит эффективным средством манипуляции общественным сознанием; при этом используемые в политической коммуникации метафоры обнаруживают аргументативный потенциал только в том случае, если они соотносятся с концептуальной сферой определенного социума [3].

Проблемами политической лингвистики и метафорологии занимаются представители таких основных с точки зрения территориального признака научных школ, как школа США, Центральной, Западной и Восточной Европы, а также в некоторой степени школа стран Азии, Африки, Океании и Латинской Америки. При этом лидирующее положение занимает преимущественно американская школа, за которой следует европейская [4]. В отечественном языкознании проблемы функционирования метафоры в политическом дискурсе находятся в фокусе внимания представителей Уральской лингвистической школы под руководством проф. А. П. Чудинова [10]. За годы своего существования спектр исследований рассматриваемой научной школы существенно расширился, при этом изучение функционирования политической метафоры как в рамках анализа одного национального дискурса, так и в рамках сопоставления нескольких национальных дискурсов, занимает одно из приоритетных направлений в исследовательской деятельности данной школы.

Далее обратимся к сущности понятия «дискурс» и рассмотрим один из видов дискурса, представленный политическим дискурсом. Понятие «дискурс» получило широкое распространение в 70-х гг. прошлого века и изначально употреблялось в значении, тождественном понятию «функциональный стиль» в

отечественном языкознании. Данное обстоятельство было продиктовано спецификой национальных лингвистических школ, а не предметом исследования. Дискурс изучался в рамках англоязычной традиции [13], школы французского структурализма [8, 9]. Необходимо подчеркнуть, что в научной литературе отсутствует устоявшееся определение понятия «дискурс», что продиктовано многозначностью данного явления, представляющего собой объект исследования различных гуманитарных наук, среди которых выделяют лингвистику, литературоведение, семиотику, социологию, философию, этнологию, антропологию, педагогику, историографию, психологию и пр. В связи с разнообразием подходов к определению дискурса в рамках различных областей гуманитарного знания Т. А. ванн Дейк предлагает широкий и узкий подходы к его рассмотрению. В широком понимании дискурс обозначает коммуникативное действие, происходящее между продуцентом и реципиентом сообщения, ограниченное определенными временными и пространственными рамками. При этом данное коммуникативное действие обнаруживает как устную, так и письменную формы передачи информации, объединяя вербальные и невербальные компоненты. В рамках узкого понимания дискурс обозначает устный или письменный текст при наличии исключительно вербальной составляющей. Соответственно, дискурс представляет способ устный или письменный продукт коммуникативного действия, созданный с целью дальнейшего его восприятия реципиентами [5]. В отечественном языкознании одна из наиболее известных интерпретаций дискурса была предложена Н. Д. Арутюновой, согласно которой дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «речь, погруженную в жизнь» [2, с. 136–137].

Политический дискурс представляет собой один из видов дискурса. Устойчивый исследовательский интерес к данному типу дискурса продиктован ключевой ролью политики в современном мире. Принятое в данной статье рабочее определение политического дискурса основывается на определении Шейгал Е. И., согласно которому «политический дискурс – любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [11, с. 121]. В работе Е. В. Переверзева и Е. А. Кожемякина [7, с. 76] предлагается выделять следующие аспекты изучения политического дискурса: 1) синтаксические и стилевые особенности политического дискурса; 2) семантика политического дискурса; 3) прагматика политического дискурса; 4) дискурсивная рефлексия. Мы сосредоточим внимание на семантических характеристиках политического дискурса, актуализируемых посредством когнитивной метафоры.

Проведенный анализ речей У. Черчилля позволяет заключить, что для дискурса У. Черчилля характерно использование развернутой когнитивной метафоры, восходящей к разным сферам-источникам метафорической экспансии. Под сферой-источником подразумевается концептуальный домен, из которого заимствована метафора. Обратимся к эмпирическому материалу и проанализируем следующий фрагмент: «I do not think it would be wise at this moment <...> to embark upon elaborate speculations about the future shape which would be given to Europe or the new securities which must be arranged to spare mankind the miseries of a third World War. *The ground is not new, it has been*

traversed and explored <...> *The right to guide the course of world history is the noblest prize of victory. We are still toiling up the hill; we have not yet reached the crest-line of it; we cannot survey the landscape or even imagine what its condition will be when that longed-for morning comes*» [12, с. 152]. Как явствует из представленного отрывка, когнитивные метафоры восходят к следующим сферам-источникам: 1) «Движение и путь» и 2) «Неживая природа» и «Окружающий мир». В данном фрагменте политик размышляет о преждевременности рассуждений о поствоенном устройстве мира, пока силы зла не будут окончательно побеждены. В то же время британский премьер-министр говорит о трудностях, связанных с победой, о том, что еще предстоит многое предпринять, для того чтобы установить мир («*We are still toiling up the hill; we have not yet reached the crest-line of it*»). Анализ фрагмента позволяет заключить, что У. Черчилль рассматривает победу над врагом и, соответственно, дальнейшее развитие мировой истории посредством слов и словосочетаний, связанных с концептуальным доменом «Движение и путь» («to traverse», «to explore», «to guide», «to toil up the hill», «to reach the crest-line of it (of the hill)»). При этом итоги /результаты победы концептуализируются посредством единиц, заимствованных из сферы-источника «Неживая природа» и «Окружающий мир», что, соответственно, наполняется положительным смыслом («landscape», «longed-for morning»). В этой связи следует отметить, что обращает на себя внимание когнитивная (концептуальная) метафора «*longed-for morning*», которая, несмотря на свою краткость и лаконичность структуры, несет глубокий смысл: это и победа над врагом, и связанные с ней надежды на светлое, послевоенное будущее, и особенности послевоенного устройства мира, что выводится на основе прямого словарного значения данной лексемы: «ранняя часть дня, тот момент, когда восходит солнце, продолжающаяся до полудня» [16, с. 1134]. Соответственно, для этого отрезка дня характерны чистый воздух, пение птиц, тишина и пр. Все вышеперечисленное является чем-то приятным, положительно оцениваемым и, следовательно, позволяет дешифровать смысл, вложенный политиком в анализируемую метафору.

Таким образом, для речей У. Черчилля свойственно соположение и взаимодействие когнитивных метафор, связанных с разными сферами-источниками, за счет чего конструируется определенный когнитивный сценарий, связанный с динамикой развития отношений между странами в непростой военный период.

Список использованных источников

1. Аристотель. Поэтика; Риторика; О душе / Аристотель. – Москва : Мир книги, 2009. – 310 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы: учебное пособие / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 383 с.
3. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2008. – 248 с.
4. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2006. – 215 с.

5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: монография / Т. А. ванн Дейк. – БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Молчанова, Г. Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация: учебное пособие / Г. Г. Молчанова. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 381 с.
7. Переверзев, Е. В., Политический дискурс: многопараметральная модель / Е. В. Переверзев, Е. А. Кожемякин // Вестник ВГУ. – 2008. – С. 74–79.
8. Пешё, М. Контент-анализ и теория дискурса / М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1999 – С. 302–337.
9. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
10. Чудинов, А. П. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – 303 с.
11. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 326 с.
12. Churchill, W. Into Battle / W. Churchill. –New York : Rosetta Books, 2013. –325 p.
13. Harris, Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.
14. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought; Cambridge University Press. – 1993. – Pp. 202–251.
15. Lakoff, G. Metaphors We Live By/ G. Lakoff, M. Johnson ; University of Chicago Press. – Chicago, 1980. – 256 p.
16. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by Diana Lea. – 8th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 1033 p.

УДК 81

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАУЗАТИВНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ж. ВАЛЛЕСА «ДЕТСТВО»)**

Л. В. Дудникова¹, В. В. Москат²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

²магистрант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Одним из способов репрезентации субъектно-объектных отношений в языке является каузация, имеющая различные средства выражения. Во французском языке данная грамматическая категория актуализируется за

счёт каузативных конструкций. Материалом настоящей работы послужил роман Ж. Валлеса «Детство». В статье рассматриваются особенности семантического содержания каузативных конструкций, использованных в романе французского писателя.

Ключевые слова: каузация, каузативные конструкции, каузативные глаголы, объект, субъект, французский язык.

Summary. Causation is one of the means for subject-object relations' representation in the language, that enjoys a variety of ways for its expression. In French, this grammatical category actualizes due to casual constructions. The material of the given research is the novel «The Child» by J. Vallès. In the article we consider the peculiarities of semantical content used in the novel written by the French author.

Key words: causation, causative constructions, causative verbs, subject, object, French.

В каждом языке можно обнаружить определённый набор грамматических категорий и отношений, выражаемых различными средствами. Отечественный лингвист С. В. Шустова рассматривает каузацию как функционально-семантическую категорию, так как она, по мнению исследователя, имеет обобщённое значение и оформляется богатой палитрой языковых средств. Говоря о способах выражения названной категории, С. В. Шустова считает, что «одним из ведущих средств актуализации семантики каузативности являются каузативные глаголы» [6, с. 195].

Н. Д. Арутюнова под каузативным глаголом понимает глагол, «определяющий отношения между объектами внешнего мира и вызываемыми им состояниями человека» [2, с. 23]. Схожую трактовку данного понятия можно встретить у Г. А. Золотовой, которая полагает, что «каузативные глаголы обозначают действие на лицо или предмет, в результате которого лицо совершает действия, испытывает состояния, предмет изменяет своё состояние, качество, местоположение» [4, с. 45]. В свою очередь, глаголы с каузативным семантическим компонентом могут образовывать конструкции с инфинитивом, называемые каузативными конструкциями.

П. М. Аркадьев выделяет в каузативных конструкциях субъект (каузатор) и объект (каузируемый) [1, с. 1–3]. В. Г. Гак, занимающийся изучением французского языка, рассматривает каузацию как залог, показывающий, что субъект побуждает объект совершить некоторое действие. Он утверждает, что «наибольшая степень активности субъекта проявляется именно у каузативных (фактитивных) глаголов» и, что данные глаголы передают семантику побуждения к совершению какого-либо действия [3, с. 293]. Так, в своей работе исследователь приводит «грамматизованные сочетания служебного глагола с инфинитивом», наиболее частотным из которых является конструкция с глаголом *faire* (делать) + *inf.*

Е. Е. Корди отмечает, что данная грамматическая категория присутствует практически в каждом языке, в том числе во французском, и позволяет выразить причинно-следственную связь между событиями. Одним из аспектов исследования Е. Е. Корди является семантика каузативных конструкций. В своём научном труде она приводит собственную семантическую классификацию каузативных глаголов [5, с. 111]:

1. Фактитивные: субъект инициирует объект к действию (faire, ordonner, obliger, contraindre, autoriser, forcer, ordonner, interdire и др.).

2. Пермиссивные: субъект позволяет объекту осуществить действие (laisser, permettre и др.).

3. Ассистивные: субъект помогает объекту в совершении действия (aider, contribuer).

Приведённая семантическая классификация основывается на типах ситуаций, выражаемых каузативными конструкциями. Согласно Е. Е. Корди, можно разделить каузативные ситуации на четыре типа: воздействие человека на человека, воздействие человека на предмет или событие, воздействие событий или предметов на человека, воздействие одних событий на другие [5, с. 124]. По утверждению лингвиста, наиболее употребительными каузативными конструкциями во французском языке являются faire + inf. и laisser + inf. Знаменательный каузативный глагол faire может употребляться при обозначении любой из вышеперечисленных ситуаций, однако глагол laisser применяется в основном в ситуациях с одушевлённым субъектом или объектом каузации.

Рассмотрим особенности семантики каузативных конструкций, образованных посредством фактитивных глаголов, на следующих примерах, представленных в романе Ж. Валлеса «Детство»:

On me fait apprendre à lire dans un livre où il y a écrit en grosses lettres, qu'il faut obéir à ses père et mère (Vallès J. L'enfant).

Меня заставляли учиться читать, и в одной книге было написано большими буквами, что нужно слушаться маму и папу.

Il ne rit pas. Ces nouaux lui font peur (Vallès J. L'enfant).

Он не смеялся. Эти косточки пугали его.

Как мы можем увидеть, в приведённых примерах каузативные конструкции, образованные с помощью глагола faire, передают значение побуждения к совершению действия. Е. Е. Корди называет конструкцию faire + inf. фактитивной результативной каузацией, подразумевая под результативностью выполнение каузируемого действия объектом, если данная конструкция употребляется в настоящем или прошедшем времени [5, с. 111]. Так, в первом примере данная каузативная конструкция использована в настоящем времени, что позволяет утверждать следующее: можно наблюдать принудительную каузацию, поскольку субъект, выраженный безличным местоимением on, принуждает объект, выраженный местоимением me осуществить действие: научиться читать и запомнить совет из книги. Этот пример использования фактитивной каузативной конструкции также можно отнести к первому типу каузативной ситуации. Во втором примере мы наблюдаем третий тип каузативной ситуации, так как на героя (lui) воздействуют предметы окружающей среды (nouaux «косточки»), изменяя его состояние, вызывая у него чувство страха.

Проанализируем значение ещё одной каузативной конструкции, образованной другим фактитивным глаголом ordonner:

Ce jour-là, on m'ordonne majestueusement de rester tranquille (Vallès J. L'enfant).

В тот день мне величественно приказали сохранять спокойствие.

Конструкция *ordonner de + inf.* выражает значение непосредственного приказа к осуществлению действия, а значит актуализирует принудительную каузацию.

Вторым видом каузативных конструкций, согласно семантической классификации Е. Е. Корди, являются пермиссивные конструкции. Основным репрезентативным глаголом данного типа каузации является глагол *laisser*, а также образованная с помощью него конструкция *laisser + inf.*:

La cousine Marguerite se coupe le doigt et laisse tomber de grosses gouttes de sang sur le blanc des feuilles (Vallès J. L'enfant).

Кузина Маргарита порезала палец, и большие капли крови упали на белоснежные листы бумаги.

Исходя из утверждения Е. Е. Корди, конструкция *laisser tomber* относится к подтипу ситуаций, в которых субъект не имеет большой активности, в таком случае данная каузативная конструкция выражает значение допущения, невмешательства, то есть субъект не контролирует полноценно действие объекта [5, с. 117]. В этом предложении субъект каузации *la cousine Marguerite* неактивен и позволяет объекту *grosses gouttes de sang* осуществить действие. Кроме того, Е. Е. Корди отмечает, что глагол *laisser* употребляется в основном с одушевленными субъектами каузации, что мы можем также наблюдать в приведённом примере.

Ещё одной каузативной конструкцией, с явным пермиссивным значением является конструкция *permettre de + inf.* Например:

Je trouve mal qu'on ne me permette pas de rester à la maison (Vallès J. L'enfant).

Плохо, что мне не разрешают остаться дома.

В конструкции с глаголом *permettre* субъект каузации обладает большей активностью, в отличие от субъекта конструкции *laisser + inf.* В свою очередь, объект обладает низкой степенью инициативности и самостоятельности, поскольку выполняет действие с позволения каузатора, выраженного в данном случае безличным местоимением *on*. Примечательно, что в анализируемом нами предложении конструкция передаёт запрещающую семантику.

Последним видом каузативных конструкций, согласно семантической классификации Е. Е. Корди, является ассистивная каузация. Автор утверждает, что данная каузация до сих пор является мало изученной и представляет интерес для лингвистических исследований. Рассмотрим употребление ассистивной конструкции с глаголом *aider* на следующих примерах:

«Veux-tu t'amuser, m'aider à arroser les choux?» – me dit le père Soubeyrou (Vallès J. L'enfant).

«Не хотел бы ты помочь мне полить капусту?» – сказал мне отец Субейро.

Madame Brignolin met un tablier blanc, ma mère retrousse sa robe, et mon père aide à éplucher les légumes (Vallès J. L'enfant).

Мадам Бриньолин надела белый фартук, моя мать подвернула рукава своего платья, а мой отец помог почистить овощи.

В этих примерах использование конструкции *aider à + inf.* реализует ассистивное значение; субъект не принуждает объект и не изменяет его

состояние, а способствует осуществлению действия. Также необходимо отметить, что субъект не утрачивает свою активность.

Таким образом, каузативная категория представляет собой комплекс языковых элементов, используемых как средство репрезентации причинно-следственных связей в экстралингвистической среде. Разнообразие лексико-грамматических средств выражения каузативности позволяет передать степень влияния участников субъектно-объектных отношений. В свою очередь, семантические особенности каузативных конструкций, являющихся ведущим средством выражения данной категории во французском языке, представляют большой интерес для изучения в силу своей многогранности.

Список использованных источников

1. Аркадьев, П. М. Транзитивность импликации и естественный язык: парадоксы каузативных конструкций в типологическом освещении / П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий // Семинар НПММВЯ, МГУ. – Москва, 2009. – Заседание № 135. – С. 1–10.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 341 с.
3. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Москва: Добросвет, 2000. – 306 с.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 368 с.
5. Корди, Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е. Е. Корди. – Москва: УРСС, 2004. – 168 с.
6. Шустова, С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов. Динамический подход / С. В. Шустова. – Пермь: Пермский гос. ун-т; Прикамский социальный ин-т, 2010. – 248 с.

УДК 811.133.1

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АННЫ ГАВАЛЬДА «35 KILOS D'ESPOIR» И МАРКА ЛЕВИ «ELLE ET LUI»)

С. М. Кравцов¹, М. С. Попова²

*¹доктор филологических наук, профессор Института филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО
«Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону*

*²магистрант кафедры романской филологии, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО
«Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону*

Аннотация. Цель работы заключается в рассмотрении семантики фразеологизмов в данных художественных произведениях, в выявлении парадигмы наиболее репрезентативных семантических групп. Методами исследования служат описательный, метод наблюдения, метод контекстуального анализа, метод словарных дефиниций. В результате исследования установлены

семантические группы, в составе которых фразеологизмы наиболее многочисленны.

Ключевые слова: семантика, план содержания, семантический анализ, фразеология, фразеологизм, художественный текст.

Summary. The purpose of the work is to examine the semantics of phraseological units in the given fiction, to identify the paradigm of the most representative semantic groups. The methods of research are descriptive, the method of observation, the method of contextual analysis, the method of dictionary definitions. As the result of the study, there have been identified the semantic groups in which phraseological units are the most numerous.

Key words: Semantics, plane of content, semantic analysis, phraseology, phraseme, literary text.

Исследование значения языковых единиц, в частности фразеологических (далее – ФЕ), привлекает пристальное внимание учёных не только в рамках системы языка, но и в большей степени в речевых произведениях. Изучение ФЕ с точки зрения их содержания в речевых произведениях, в том числе художественных, представляет существенный интерес по ряду причин. Во-первых, совокупность значений фразеологизмов является частью общей семантики текста. Во-вторых, эмоционально-оценочный компонент значения ФЕ позволяет более полно реализовать интенцию автора при описании им действий, образа персонажа, его состояния, физических и внутренних качеств. В-третьих, план содержания ФЕ может трансформироваться в определённом контексте, в результате чего его интерпретация отличается от словарной дефиниции.

Исследованию семантики фразеологизмов посвящены работы многих лингвистов, таких как А. В. Василенко [1], Т. Л. Павленко [3], В. Н. Телия [4] и др. Тем не менее разнообразие плана содержания фразеологизмов, потенциал его трансформации в художественном тексте до сих пор не исследованы достаточно глубоко. Необходимость и важность их дальнейшего изучения определяют актуальность настоящей работы.

При существовании различий в трактовке фразеологизма в данной статье под ним понимается относительно устойчивый, воспроизводимый в речи, раздельнооформленный (чаще всего в виде непредикативного сочетания слов), содержащий хотя бы один переосмысленный компонент знак языка, обладающий целостным значением. С учётом данной дефиниции в работе анализируются идиомы и фразеологические сочетания, но не рассматриваются пословицы, поговорки и крылатые слова, т.к. в синтаксическом плане они представляют собой законченное предложение (в коммуникативном отношении являющееся, как правило, изречением) и в силу своей структуры не могут быть связаны со словом. За пределами нашего внимания остаются также речевые штампы, поскольку штампом может стать любая структурная и содержательно-смысловая единица языка – слово, словосочетание, предложение, высказывание, лозунг и т.п. [2, с. 588].

Наличие переосмысленного компонента в составе фразеологизмов обуславливает эмоционально-оценочную, экспрессивную окраску их семантики, в результате чего они достаточно широко используются в художественных произведениях. Основываясь на представленном подходе к пониманию объёма фразеологического фонда, рассмотрим наиболее репрезентативные

семантические группы ФЕ в произведениях Анны Гавальда «35 kilos d'espoir» («35 кило надежды») и Марка Леви «Elle et lui» («Она и он»). При этом заметим, что данные единицы активнее употребляются первым автором.

1. Физическое качество

Качество описания внешнего признака весьма релевантно как для автора, так и для читателя, чему способствует не только точность, но и образность описания. Например: «**Mon grand-Léon m'a toujours consolé de tout depuis que je sois comme trois pommes**» [5, с. 16] («Мой высокий Леон всегда утешал меня во всём со времён, когда я был ещё очень маленького роста»). В данном микроконтексте очень маленький рост персонажа образно обозначается ФЕ *comme trois pommes* (досл. «как три яблока»).

Ещё пример: «**J'ai mangé un tartare gros comme un Vésuve**» [5, с. 21] (Я съел огромный бифштекс»). Здесь очень большой размер бифштекса передаётся посредством сравнительной ФЕ *comme un Vésuve* (досл. «как Везувий»).

2. Внутреннее качество

Не менее важны адекватность и яркость объективации внутреннего признака. Рассмотрим примеры: «**Parfois je suis tellement tête de mule que je me supporte difficilement moi-même**» [5, с. 39] («Иногда я так упрям, что с трудом сам себя выношу»). В данном случае упрямство персонажа также манифестируется при помощи сравнительного фразеологизма *tête de mule* (досл. «голова мула), основанного на образе домашнего животного.

Такое внутреннее качество, как невнимательность, передаётся в следующем примере: «**Ça rentre toujours par une oreille et ressort par l'autre**» [5, с. 53] («Это всегда в одно ухо входит, а из другого выходит»).

3. Эмоциональное состояние человека

Полнота образа персонажа предполагает описание не только его внешних и внутренних качеств, но и эмоций, которые он способен переживать. Например: «**Cette nuit-là, j'ai serré les dents**» [5, с. 47] («Этой ночью я сильно страдал»). Страдание персонажа транслируется при помощи ФЕ *serrer les dents* (досл. «сжать/стиснуть зубы»).

Другой пример: «**Elle aussi était capable de rendre David jaloux. Et puis mieux valait être entourée d'inconnus que chez soi broyer du noir**» [6, с. 35] («Она тоже была способна довести Давида до ревности. Тогда лучше было окружить себя незнакомцами, чем дома предаваться мрачным мыслям, хандрить»). Здесь мрачное, тоскливое настроение человека основано на образе ФЕ *broyer du noir* (досл. «растирать чёрный цвет»).

4. Эмоциональное отношение к кому-либо, чему-либо

Качества, эмоциональное состояние персонажа оказывают влияние на его эмоциональную реакцию по отношению к окружающему миру, передача которой также является интенцией писателя. Например: «**J'avais bouffé du lion !**» [5, с. 29] («Я был агрессивным, проявлял определённую волю к битве»). В данном случае агрессивное отношение человека к кому-либо обозначается посредством глагольной ФЕ *bouffer du lion* (досл. «сожрать льва»), значение которой мотивируется образом льва, ассоциирующегося с силой и агрессивностью.

Ещё пример: «**Ça ne m'a fait ni chaud ni froid**» [5, с. 38] («Мне это было безразлично, ни холодно ни жарко»). В данном микроконтексте нейтральное

эмоциональное состояние человека к кому-либо или чему-либо передаётся через его физические ощущения, заложенные в образе ФЕ *ne faire ni chaud ni froid* (досл. «не делать ни жарко, ни холодно»).

Итак, результаты анализа микроконтекстов, приведённых из художественных произведений Анны Гавальда «35 kilos d'espoir» и Марка Леви «Elle et lui», позволяют сделать вывод о том, что, во-первых, фразеологизмы весьма активно употребляются во французском художественном тексте; во-вторых, с точки зрения семантики они весьма разнообразны в художественном тексте, при этом наиболее продуктивны такие семантические группы, как «Физическое качество», «Внутреннее качество», «Эмоциональное состояние человека», «Эмоциональное отношение к кому-либо, чему-либо»; в третьих, фразеологизмы значительно активнее употребляются Анной Гавальда, чем Марком Леви.

Список использованных источников

1. Василенко, А. П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Анатолий Петрович Василенко; Орловский гос. ун-т. – Орёл, 2011. – 44 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Павленко, Т. Л. Анализ фразеологических гнезд как экспрессивного компонента идиостиля М. А. Шолохова / Т. Л. Павленко // Изучение творчества М. А. Шолохова в высшей и общеобразовательной школе: материалы шолоховских чтений. – 2003. – С.186–195.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Gavalda, A. 35 kilos d'espoir [Electronic Resource] / Anna Gavalda. – Access mode: [file:///C:/Users/Home/Downloads/Anna%20Gavalda%20-%2035%20kilos%20d'espoir%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Home/Downloads/Anna%20Gavalda%20-%2035%20kilos%20d'espoir%20(1).pdf). (Access date: 11.02.2022).
7. Levy, M. Elle et lui [Electronic Resource] / Marc Levy. – Access mode: <https://mail.yandex.ru/?uid=429728371#message/178736610211318523>. (Access date: 12.02.2022).

УДК 811.111'42

АНГЛИЙСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АМЕРИКАНСКИХ И РОССИЙСКИХ АННОТАЦИЯХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ЭТАПА КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Миколайчик,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных
языков № 3, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь

Аннотация. В работе представлены результаты второго этапа исследования модальных глаголов в англоязычных аннотациях современных российских и американских статей по экономике. Семантический анализ, проведенный с использованием метода перефразирования, показал, что и американские, и российские авторы используют модальные глаголы преимущественно в неэпистемических значениях, более чем в два раза реже – в эпистемических, еще реже – в смешанных. В российских аннотациях процент употребления модальных глаголов в эпистемических и смешанных значениях немного ниже, в неэпистемических – чуть выше, чем в американских. Полученные результаты указывают на необходимость уделять больше внимания модальным глаголам как в эпистемических, так и в неэпистемических значениях при обучении английскому языку в российских вузах.

Ключевые слова: английский язык, корпус, модальность, модальные глаголы, научный дискурс, экономика.

Summary. The paper highlights the results of the second stage of a corpus-based study of modal verbs in American and Russian economics research article abstracts. Semantic analysis based on paraphrasing revealed that although both American and Russian researchers used modals mostly in non-epistemic meanings and more than twice less frequently in epistemic ones, Russian abstracts showed a somewhat lower percentage of modals in epistemic and mixed meanings and a slightly higher percentage of modals in non-epistemic meanings than American ones. These findings suggest that the use of modal verbs – both in epistemic and non-epistemic meanings – deserves more attention when teaching English at Russian universities.

Key words: academic discourse, corpora, economics, English, modality, modal verbs.

В материалах VI Международного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» были представлены результаты первого этапа корпусного исследования модальных глаголов в аннотациях американских и российских англоязычных научных статей по экономике, показавшего, что российские авторы используют основные модальные глаголы (в особенности *may, can, would, might*) достоверно реже, чем американцы [4].

Для уточнения специфики выявленных количественных различий в использовании модальных глаголов на втором этапе исследования был проведен семантический анализ словоупотреблений, результаты которого освещаются в данной статье.

В процессе систематизации и описания значений английских модальных глаголов ведущими лингвистами выделялись различные типы модальностей и предлагались разные наборы терминов, однако все это семантическое многообразие можно свести к двум основным типам модальности: 1) объективной (или корневой), которая включает в себя значения долженствования, разрешения и способности и 2) субъективной (или эпистемической), выражающей значение предположения [2, с. 101]. Именно особенности реализации дихотомии между эпистемическими и неэпистемическими значениями представляют наибольший интерес для нашего исследования по двум причинам.

Во-первых, в работе Ю. А. Лобиной отмечается, что в рассмотренных ею англоязычных статьях по лингвистике российские авторы практически не употребляют модальные глаголы в значениях предположения, на которые приходится 50% случаев их использования в работах носителей английского языка [3, с. 66]. Во-вторых, анализ учебников и учебных пособий по английскому языку, предназначенных для студентов-экономистов, показал, что, за редким исключением [7], модальные глаголы рассматриваются в них в основном лишь в неэпистемических значениях [1, с. 131–134; 5, с. 58–61; 8, с. 216–217]. Эти факты позволили предположить, что эпистемические значения английских модальных глаголов реализуются в российском экономическом научном дискурсе реже, чем значения объективной модальности. На проверку истинности этого предположения направлен второй этап нашего исследования.

Анализ значений модальных глаголов, выявленных в российском и американском корпусах на первом этапе исследования [4], проводился на втором этапе с помощью метода перефразирования, который ранее использовался для решения аналогичных задач Ф. Р. Палмером [13], Дж. Коутс и Дж. Личем [10], а также современными исследователями [6].

Каждый случай употребления модального глагола в корпусе рассматривался как имеющий эпистемическое значение (значение предположения) при возможности его замены перифразом «It is possible that...», «Perhaps...» [10, p. 25], «It is probable that...» или «The only possible conclusion is that...» [13, p. 50–51], как, например, в следующем предложении: «We then offer an overview of current research on the reasons for the underrepresentation, highlighting evidence that *may* be less familiar to economists. We argue that implicit attitudes and institutional practices *may* be contributing to the underrepresentation of women and minorities at all stages of the pipeline...» [9, p. 221] (здесь и далее курсив мой – М. М.).

При возможности его замены перифразом «It is possible for... to...» или «It is necessary for... to...» [10, p. 25] модальный глагол рассматривался как использованный в неэпистемическом значении. Примером может служить следующее предложение: «Reductions in tenure rates *can* have larger effects, but *must* be accompanied by substantial salary increases» [14, p. 100].

В наших корпусах встречались и такие случаи, когда конструкцию с модальным глаголом можно было заменить обоими вариантами перифраза. Например, предложение «As such, policies designed to limit bias by seeking impartial evaluators *may* reduce the quality of funding decisions» [11, p. 60] может быть заменено как на «*It is possible for policies* designed to limit bias by seeking impartial evaluators as such *to* reduce the quality of funding decisions», так и на «*It is possible that policies* designed to limit bias by seeking impartial evaluators as such *will* reduce the quality of funding decisions». Как и в предшествующих изысканиях [6], такие словоупотребления рассматривались в данной работе как случаи слияния эпистемического и неэпистемического значений модального глагола. Подобные факты совмещения в конкретном случае употребления модального глагола двух значений неоднократно отмечались ведущими зарубежными лингвистами [12, p. 492; 10, p. 26; 13, p. 103, 110].

Результаты анализа значений модальных глаголов, выявленных в американском и российском корпусах, приведены в таблицах 1 и 2

соответственно. Области, где между российскими и американскими аннотациями с помощью теста отношения правдоподобия Т. Даннинга были обнаружены значимые различия, отмечены в таблице 2 звездочкой (*).

Таблица 1. Использование модальных глаголов в различных значениях в американских аннотациях

Глагол	Количество словоупотреблений			
	эпистемические значения	неэпистемические значения	смешанные значения	всего
<i>can</i>	0	191 (99,5%)	1 (0,5%)	192 (100%)
<i>could</i>	1 (3,6%)	4 (14,3%)	23 (82,1%)	28 (100%)
<i>may</i>	20 (25,3%)	17 (21,5%)	42 (53,2%)	79 (100%)
<i>might</i>	15 (75%)	0	5 (25%)	20 (100%)
<i>must</i>	3 (17,6%)	14 (82,4%)	0	17 (100%)
<i>shall</i>	1 (100%)	0	0	1 (100%)
<i>should</i>	2 (10%)	18 (90%)	0	20 (100%)
<i>will</i>	39 (75%)	13 (25%)	0	52 (100%)
<i>would</i>	38 (92,7%)	3 (7,3%)	0	41 (100%)
Всего	119 (26,4%)	260 (57,8%)	71 (15,8%)	450 (100%)

Таблица 2. Использование модальных глаголов в различных значениях в российских аннотациях

Глагол	Количество словоупотреблений			
	эпистемические значения	неэпистемические значения	смешанные значения	всего
<i>can</i>	0	141* (99,3%)	1 (0,7%)	142* (100%)
<i>could</i>	3 (6,7%)	12 (26,6%)	30 (66,7%)	45 (100%)
<i>may</i>	8* (20,5%)	17 (43,6%)	14* (35,9%)	39* (100%)
<i>might</i>	6* (75%)	0	2 (25%)	8* (100%)
<i>must</i>	0	6 (100%)	0	6 (100%)
<i>shall</i>	0	1 (100%)	0	1 (100%)
<i>should</i>	4 (9,5%)	38 (90,5%)	0	42 (100%)
<i>will</i>	55 (90,2%)	6 (9,8%)	0	61 (100%)
<i>would</i>	17* (85%)	3 (15%)	0	20* (100%)
Всего	93* (25,6%)	224* (61,5%)	47* (12,9%)	364* (100%)

Как видно из таблиц, и американские, и российские авторы используют в аннотациях статей по экономике модальный глагол *can* почти исключительно в неэпистемических значениях, *should* – в основном в неэпистемических, *might*, *will* и *would* – преимущественно в эпистемических. Глагол *could* в обоих корпусах и глагол *may* в американских аннотациях чаще всего встречаются в смешанных значениях, хотя имеют место и случаи их использования в чисто эпистемических и неэпистемических значениях. В российских аннотациях *may*

употребляется преимущественно в неэпистемических значениях, хотя случаи его использования в смешанных и сугубо эпистемических значениях тоже нередки. Глагол *must* зафиксирован в российском корпусе только в неэпистемических значениях, тогда как в американских аннотациях он иногда выражает и эпистемическую модальность.

В целом, как показывает итоговая строка таблицы 2, российские авторы используют модальные глаголы чаще всего в неэпистемических значениях, более чем вдвое реже – в эпистемических, еще реже – в смешанных. Эти данные подтверждают наше исходное предположение. Однако, как видно из итоговой строки таблицы 1, картина, полученная на материале американских аннотаций, в процентном отношении аналогична. Процент использования модальных глаголов в эпистемических (25,6%) и смешанных (12,9%) значениях в российских аннотациях лишь немного ниже, в неэпистемических (61,5%) – немного выше, чем в американских (26,4%, 15,8% и 57,8% соответственно).

Тем не менее, как видно из таблицы 2 (см. значения, помеченные звездочкой), между американским и российским корпусами были обнаружены статистически достоверные различия для глаголов *may*, *might* и *would* в эпистемических значениях, для *can* в неэпистемических значениях и для *may* в смешанных значениях, а также суммарно по частотностям основных модальных глаголов в эпистемических, неэпистемических и смешанных значениях. По всем перечисленным показателям российские авторы значительно уступают американским. Учитывая приведенные выше данные по процентным соотношениям модальных глаголов, использованным в различных значениях, такой количественный результат, очевидно, обусловлен тем фактом, что, как было установлено на первом этапе исследования, в российских аннотациях научных статей по экономике модальные глаголы вообще (и в особенности *may*, *can*, *would*, *might*) имеют в целом более низкую частотность, чем в работах американских авторов.

Полученные результаты указывают на необходимость уделять в ходе преподавания английского языка в российской высшей школе больше внимания модальным глаголам как в эпистемических, так и в неэпистемических значениях.

Список использованных источников

1. Агабекян, И. П. Английский для экономистов / И. П. Агабекян, П. И. Коваленко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2015. – 413 с.
2. Вдовина, М. В. О двух интерпретациях английских модальных глаголов / М. В. Вдовина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, 2010. – Вып. 1. – С. 101–110.
3. Лобина, Ю. А. Проблемы сопоставления национальных научных стилей / Ю. А. Лобина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика, 2014. – № 2. – С. 63–71.
4. Миколайчик, М. В. Английские модальные глаголы в американских и российских аннотациях научных статей по экономике: результаты первого этапа корпусного исследования / М. В. Миколайчик // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы VI Международного научного конгресса. – Симферополь: АРИАЛ, 2021. – С. 172–176.

5. Полякова, О. В. Грамматический справочник по английскому языку с упражнениями : учебное пособие / О. В. Полякова. – Москва : Флинта, 2016. – 159 с.
6. Фамина, Н. В. Использование глаголов *may, can, shall* и *will* для передачи особенностей текстовой модальности в научном дискурсе / Н. В. Фамина, А. И. Осминкин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2018. – № 6. – С. 43–56.
7. Шевелева, С. А. English on Economics : учебное пособие для вузов / С. А. Шевелева. – Москва : Юнити-Дана, 2012. – 415 с.
8. Шляхова, В. А. Английский язык для экономистов : учебник / В. А. Шляхова, О. Н. Герасина, Ю. А. Герасина. – Москва : Дашков и К°, 2020. – 296 с.
9. Bayer, A. Diversity in the Economics Profession: A New Attack on an Old Problem / A. Bayer, C. E. Rouse // Journal of Economic Perspectives, 2016. – Vol. 30 (4). – P. 221–242.
10. Coates, J. The Meanings of the Modals in Modern British and American English / J. Coates, G. Leech // York Papers in Linguistics, 1980. – No. 8. – P. 23–34.
11. Li, D. Expertise versus Bias in Evaluation: Evidence from the NIH / D. Li // American Economic Journal: Applied Economics. – 2017. – Vol. 9 (2). – P. 60–92.
12. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech [et al]. – Harlow : Pearson, 2007. – 1204 p.
13. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. – New York ; London : Routledge, 2013. – 220 p.
14. Rothstein, J. Teacher Quality Policy When Supply Matters / J. Rothstein // American Economic Review. – 2015. – Vol. 105 (1). – P. 100–130.

УДК 81'1

КАТЕГОРИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

К. А. Секрет,

*ассистент кафедры «Иностранные языки»
ФГАОУ ВО «Севастопольский Государственный Университет»,
Севастополь*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты становления понятия «персуазивность» в зарубежной и отечественной лингвистике. Был проведен анализ функционирования термина «персуазивность», основываясь на котором можем утверждать о постоянном интересе исследователей к понятию «персуазивности» в лингвистическом и междисциплинарном характере.

Ключевые слова: лингвистика, персуазивность, речевое воздействие, дискурс.

Abstract. The article deals with the theoretical aspects of the formation of the “persuasiveness” concept in foreign and Russian linguistics. Analysis of the functioning of the term "persuasiveness" was carried out, based on which we can state

the constant interest of researchers to the concept of "persuasiveness" in linguistic and interdisciplinary way.

Key words: linguistics, persuasiveness, linguistic manipulation, discourse.

Способность убеждения в современном мире играет ключевую роль в различных сферах жизни человека. На сегодняшний день реалии требуют все более убедительных доказательств и изощрённых схем внушения необходимых истин. Мультикультурное разнообразие населения, из-за миграционных процессов и свободного доступа к информации, позволяет использовать новые, более действенные, способы убеждения. Для достижения высокой коммуникативной цели адресата в различных сферах деятельности применяется феномен речевого воздействия. Под речевым воздействием О. С. Иссерс понимает «общение с точки зрения одного из говорящих и связанное с его целевой обусловленностью» [4, с. 21].

Многие исследователи современности обращаются к понятию «убеждение» или «персуазивность», видя в нём еще нераскрытые области и возможности языка как средства манипуляции выбором индивида. Развитие общества и технологий позволяет посмотреть на понятие «персуазивность» под новым углом.

Целью статьи является анализ специфики функционирования термина «персуазивность». Актуальность настоящего исследования обуславливается важностью категории «убеждение» в системе коммуникативных технологий, её способность мутировать и переходить в категорию «серых» и «черных» технологий коммуникации [5, с. 100], а также значимостью естественного языка для формирования особого фокуса восприятия действительности у его носителей [6, с. 155].

Для достижения поставленной цели, были использованы методы анализа и синтеза.

Понятие «персуазивность» образовано от лат. *persuadeo*, имеющего два основных значения: 1) заверить, убедить; 2) уговорить, склонить, побуждать [2, с. 577]. Формирование категории «персуазивность» наблюдается в античной риторике, а её становление было продолжено в трудах неориториков Ю. В. Рождественского и В. И. Аннушкина, и лингвистической парадигме. В ранних работах, давая определение предмета риторики, Ю. В. Рождественский и В. И. Аннушкин трактуют его как «учение об убедительной и эффективной речи», а затем заменяют «учением о правилах построения общественной речи» [3, с. 33]. Возрождение же интереса к категории убеждения в научном сообществе наблюдался в 70-х–80-х годах XX столетия.

В рамках современной исследовательской парадигмы языкознания речевое общение рассматривается как вид деятельности, побуждающий к выполнению индивидом определенных целей как личностно-ориентированных, так и социальных. Если рассматривать речевое общение в сфере социализации индивида, то его можно рассматривать как мощнейший инструмент, оказывающий влияние на формирование мнений и убеждений, на регулирование взаимодействия людей, когнитивного моделирования сознания [7].

С категорией персуазивности работали многие зарубежные исследователи, рассматривая данную категорию в следующих аспектах:

- социальная психология – С.И. Novland, I.L. Janis, Н.Н. Kelley (1953), L.Sherif (1961) и другие;
- когнитивная психология – S.Chaiken, A.Liberman (1989), J.T. Cacioppo, R.E. Petty (1986), Н. Eagly, А. McGuire (1976);
- теория массовой коммуникации – J.H. Peteraiann, R.E. Petty, J.S. Ray (1986), W. Schenk.

Комплексные исследования персуазивности нашли отражение в обобщающих работах американских и немецких исследователей, таких как Е.Р. Bettinghaus (1994), М.В. Smith (1994), Н. Drinkmann, N. Groeben (1989); подчеркнем, что их изыскания основываются на *психологических концепциях персуазивности*.

Лингвистический аспект исследования персуазивности доминировал в работах:

- Е. Mann, P. Kosta (2000) рассматривал категорию персуазивности как макроакт базирующийся на конверсационном анализе;
- G.L. Hatch (1996), I.L. Janis (1959), С. Kessler, F. Pohl, В. Sandig (2006), Н. Stoeckl (2011) обратились к персуазивности, как к одной из возможных составляющих коммуникативной стратегии текста и его существенной функционально-прагматической характеристике на примере коммерческой рекламы;
- М. Hoffmann (1998), W. Halle, U. Pueschel (1995) посвятили свои труды исследованию персуазивности в области политической коммуникации;
- W. Schoeberle (1984), К.Л. Higbee (1978) рассматривали персуазивность как разновидность манипулирования, противопоставляемую рациональному аргументированию;
- W. Holly, U. Pueschel трактовали персуазивность как совокупность приемов, направленных на усиление доказательств в процессе аргументирования [1];
- G.E. Moore, L. Wittgenstein, G.L. Austin касались категории «персуазивность» в аспекте языковой проблематики знаний и мнений, которая изначально исследовалась в рамках аналитической философии [8].
- J. Brown, Т.А. Van Dijk, Н. Weinrich, J. Lakoff рассматривали реализацию категории «персуазивность» в области прагмалингвистики, теории речевого воздействия.

Что касается отечественной лингвистики, следует отметить, что исследователи-лингвисты отдавали предпочтение термину «речевое воздействие». В данной области активно работали В. М. Аврасин, Е. А. Гончарова, В. А. Лившиц, Т. Л. Миронова и др. изучая данные явления языка и речи в рамках стилистики и лингвистики текста; О. С. Иссерс, Г. В. Колшанский, И. П. Сусов, Е. Ф. Тарасов, Н. Д. Арутюнова, Р. М. Блакар, В. Е. Чернявская и др. активно изучали категорию персуазивности в теории речевого воздействия [1]. Необходимо обозначить и тот факт, что в современной лингвистике отсутствует единая классификация способов речевого воздействия, так как данное определение используется учеными с позиций различных лингвистических походов [4].

Таким образом, языковедческие исследования, направленные на изучение персуазивности, ядром своих изысканий ставят изучение процессов и методов влияния на мышление, действия и мнения людей. Свою роль в непрерывном обращении исследователей к понятию «персуазивности» и «убеждения» играют и широкие междисциплинарные связи, которые прослеживаются во время анализа функционирования данного понятия.

Список использованных источников

1. Голоднов, А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: На примере современной немецкоязычной рекламы : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Голоднов. – Санкт-Петербург, 2003. – 23 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvopragmaticheskie-osobennosti-persuazivnoi-kommunikatsii-na-primere-sovremennoi-nemetsko/read>. (дата обращения: 15.02.2022).
2. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / Дворецкий И. Х. – 12-е изд., стереотип. – Москва : Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009. – VIII, [II]: 1055 с.
3. Зверев, С. Э. Риторика : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / С. Э. Зверев, О. Ю. Ефремов, А. Е. Шаповалова. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 311 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/433357>. (дата обращения: 22.02.2022).
4. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – Москва : Флинта; Наука, 2009. – 224 с.
5. Кислицына, Н. Н. К вопросу о манипулятивных технологиях в новостных блоках в СМИ: лингвистический аспект / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : материалы III Международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 28 ноября – 05 2018 года. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2019. – С. 99–103.
6. Кислицына, Н. Н. Коннотативное значение слова как дифференциальный компонент национальных языковых картин мира / Н. Н. Кислицына // Англистика XXI века : Сборник статей по материалам VIII научно-методической конференции, посвященной памяти профессора С. В. Воронина, Санкт-Петербург, 20–22 января 2016 года. – Санкт-Петербург : АНО "Университетские Образовательные Округа", 2016. – С. 153–158.
7. Кислицына, Н. Н. Стилистические приемы как инструмент когнитивного моделирования сознания / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1(26). – С. 82–85.
8. Рыбка, К. В. Персуазивность как квалификативная категория модуса СМК/ К. В. Рыбка // Профессиональная коммуникативная личность в 78 институциональных дискурсах : тез. докл. междунар. круглого стола, Минск, 22–23 марта 2018 г. / БГУ, Институт журналистики, каф. англ. яз. и реч. комм. ; редкол.: О. В. Лушинская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 79–81.

ПРЕДЛОГИ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

С. И. Синяева,

*Аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной
коммуникации*

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск

Аннотация. В данной статье исследуются семантические функции предлогов, выражающих пространственные отношения в английском языке. Данные функции рассматриваются с применением лингвокогнитивного подхода, в котором сочетаются когнитивные и внутрilingвистические способы исследования предлогов, с последующим анализом их значений и способов представления пространственных отношений, отраженных в семантике анализируемых предлогов, в художественной литературе.

Ключевые слова: предлог, текст, лингвистика, пространство, пространственные отношения, языковая репрезентация.

Summary. The article deals with the semantic functions of prepositions expressing spacial relations in the English language being considered with the use of linguocognitive approach which combines cognitive and intralinguistic methods of studying prepositions, followed with the analysis of their meanings and ways of representing spacial relations in fiction reflected in semantics of the analyzed prepositions.

Key words: a preposition, a text, linguistics, space, spacial relations, language representation.

В настоящее время в филологической науке допущение о перцептуальности индивидуальной картины мира уже не является дискуссионным. В личностном тезаурусе «формирование индивидуальной картины мира характеризуется особой представленностью и эмотивной «изобразительностью» составляющих его единиц, причем средствами придания «изобразительности» соответствующему концепту служат самые разнообразные приёмы и языковые единицы. Это может быть создание индивидуального образа на базе соответствующего слова-дескриптора <...> формирование определенного набора индивидуальных ассоциаций, выделение нетривиального признака, являющегося перцептивным триггером, меняющим картину мира» [1, с. 65]. При этом лингвокогнитивный компонент формирует рамку экспликации индивидуальных концептов, встраивая последние в аксиологическую основу конкретной лингвокультуры. В данной связи заметим, что предлоги являются не просто членами предложения, которые указывают на наличие известных отношений между значимыми словами, но при помощи своих значений они раскрывают и уточняют содержание и характер отношений в тексте, согласно традициям его построения в конкретной языковой системе.

Предлоги и те значения, которыми они обладают, выступают объектом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов. Ряд ученых применяет внутрilingвистический подход при анализе функций предлогов, в то

время как другие работают в рамках когнитивной лингвистики [4]. Но, как показывают последние исследования в изучении предлогов, комплексный подход, сочетающий в себе когнитивный и лингвистический способы исследования предлогов, является предпочтительным вариантом.

Изучение языкового отображения пространства берет свое начало с работ по семантике пространственных предлогов более полувека назад и до сих пор продолжается [7]. В настоящее время интерес к работам по семантике предлогов продолжает усиливаться. Рассмотрение предлогов в качестве объекта исследования «позволяет выявить закономерности пространственного восприятия, преломленных в языковых значениях, и помогает раскрыть систему понятий, через которую мы осмысливаем окружающий мир» [6, с. 721].

В нашем анализе значимым является тезис о том, что на основе изучения пространственных отношений, выраженных при помощи предлогов в английском языке, прослеживается лингвокультурная специфика этих отношений, а также мысль о связи пространственных представлений как с общей концептуализацией пространства, так и с характерными чертами национального менталитета. В процессе познания и отображения окружающего мира важная роль отводится языковым средствам репрезентации пространства, представления которого лежат в основе формирования многочисленных фундаментальных концептов человеческого сознания. Как отмечает Ю. С. Степанов, люди, воспитанные в разных национальных культурах, по-разному обращаются с пространством, «в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns), <...> согласно которым, для американца вы «в комнате» только тогда, когда внутри целиком ваше тело и вы можете оторвать руку от дверного косяка» [8, с. 7].

Вопрос о происхождении и функции пространственных предлогов является спорным в лингвистике. Самые первые предлоги возникли из наречий места “Lokaladverbien” [10, с. 298]. Изначально это были предлоги с пространственным значением, некоторые из которых позднее стали использоваться и в переносном смысле. Данная группа предлогов, передающая пространственные отношения, позволяет выявить закономерности пространственного восприятия мира через языковые единицы и помогает раскрыть систему понятий, с помощью которой человек воспринимает окружающий мир. Благодаря категории «пространство» индивид воспринимает происходящее в окружающем мире и отображает эти явления в процессе речемыслительной деятельности. Язык не копирует реальность, а категоризирует ее. Предлоги с пространственным значением различны в разных языках, что обусловлено особенностями языковой картины мира того или иного языка. Ярким примером описания данных различий выступают толковые словари и национальные корпуса языка.

В нашем исследовании мы предпринимаем попытку рассмотрения пространственных предлогов на примере английского рассказа Рэя Брэдбери [9]. Американский писатель традиционно считается классиком научной фантастики, при этом значительная часть его творчества тяготеет к жанру фэнтези, притчи или сказки. Рассказ, как и сказка, восходит к фольклорным жанрам устного пересказа в виде сказаний или поучительного иносказания и притчи. Изучая отношение к действительности, лежащее в поэтике фольклора и поэтике

литературы, В. Я. Пропп не отрицает их взаимосвязь и указывает, что процесс перехода сюжетов или повествовательного стиля в литературу совершался не только путем заимствования, но путем преодоления того отношения к действительности, которое характерно для сказочного повествовательного фольклора [5]. Здесь можно наблюдать перенос текста из фольклора в литературу: если для народной сказки характерна устная традиция, то при переносе ее на бумагу, она теряет часть своих важных черт, но при этом приобретает ряд не присущих ей свойств, которые придают ей черты литературной сказки. В свою очередь, когда литературную сказку наполняет определенная степень психологизма, превращающая персонажей в полноценные образы и «реализующая психические и психологические особенности говорящего человека, ускользающие от доминирующей системы языковой символизации» [1, с. 23] и раскрывая их сказочными клише, отображая двойное бытование (разница в понимании детской и взрослой аудиторией одного и того же произведения), мы наблюдаем становление авторской сказки, с ее индивидуальными намерениями и различными адаптациями в картине мира.

В своем рассказе Р. Брэдбери поднимает актуальную проблему появления и проникновения технологизации во все сферы жизни человека, с каждым годом развития технологий, проблема зависимости людей от электроприборов становится только сильнее. При этом автор рисует мир с приборами вокруг и мир без приборов после их выхода из строя яркими красками: люди выжили, ничего страшного не произошло, они стали интересоваться музыкой и спортом. Но это всего лишь ширма, под которой скрывается желание жить как раньше – перед экранами телевизора: «Imagine four weeks ago, a late Saturday morning, women and children staring at clowns and magicians on TV. In beauty shops, women staring at TV fashions. In the barbershop and hardware stores, men staring at baseball or trout fishing. Everybody everywhere in the civilized world straring. No sound, no motion, except on the little black-and-white screens» [9, с. 840].

В толковых словарях один предлог объясняется через значение другого, но при этом не всегда присутствует единая точка зрения на значение предлога. Например, предлог *through* согласно онлайн-словарю Oxford Learner's Dictionaries имеет 6 значений. При этом данный предлог в этих словарях имеет общую семему: *through* (prep.) – from one end or side of something/somebody to the other (от одного конца или стороны чего-либо / кого-то до другого). Например: «*They had driven perhaps a hundred feet through town when Willy kicked the brakes*» [9, с. 838]. «*The jalopy swerved around a corner through a wind that smelled of turpentine and whitewash*» [9, с. 839]. В приведенных примерах у данного предлога *through* раскрывается еще одно значение «*past a barrier, stage, or test*» («преодоление барьера, этапа или испытания»): спустя месяц путешествий по пустыне Сэмюэл и Вилли въехали в Аризону, предвкушая, с каким интересом жители городка будут слушать их рассказ, с городом что-то было не так, и какое-то время они не могли понять что именно.

Что касается английского предлога *in*, то он играет большую роль в восприятии пространственных отношений. В словаре мы находим больше 10 значений данного глагола, среди которых обозначение места (at a point within an area or a space), когда что-то в чем-то находится (into something) и даже обозначение времени (during a period of time). Для данного исследования

интересны первые значения предлога *in*, которые раскрывают его пространственное значение. Для носителей английского языка, пребывая где-либо, важна не плоскость, а объем: «*Opening his mouth, in town, he breathes it out* [9, с. 837]; *Set a man way out in the strange lands and he fills with wellsprings of silence*» [9, с. 837]. Англичане воспринимают любое дерево объемно, для них улица – это город, что касается кресла/стула/головы, однозначно, является объемом. Различия в восприятии плоскости нашли свое отражение в языке. Предлог *in* с частицей *to* меняет свое значение в сторону направления движения (значение «где?» переходит в «куда?»): «*Well, we bring things into the town that it hasn't got – mountains, creeks, desert night, stars, things like that...*» [9, с. 837].

Наряду с пространственным предлогом *in*, выражающим геометрическое положение предмета/человека, предлог *on* также обладает пространственной функцией: в словарях у данного глагола также находим более 10 значений, среди которых «*on a surface of something*» (на поверхности чего-то), «*in a particular place*» (в каком-то конкретном месте), «*next to or along the side of*» (следующий или вдоль чего-то) и также возможность использовать его при выражении времени – «*used to show the date or day when something happens*» (показать дату или день, когда что-то произошло). Предлог *on* тоже может менять свое значение при рядом стоящей частицы *to*: переход из значения «где?» в «куда?». Приведем несколько примеров: «*Willy Bersinger let his miner's boot rest easy on the jalopy's' accelerator* [9, с. 837]; *If those psychologists ever strike off gold medals, they should pin one on that woman.../ Men everywhere slapped paint on anything that stood still ten seconds...*» [9, с. 842].

Согласно этимологическому словарю английского языка «*Online Etymology Dictionary*», предлог *on* часто использовался в старом английском во многих местах, где сейчас используют предлог *in*, до сих пор данная тенденция замены предлогов присутствует в северном диалекте английского языка [11].

Другой предлог *at* используется для многих видов отношений, причем некоторые из них далеки от его первичного локального смысла [11]. При выборе предлогов *at* и *in* положение «внутри» и «на» должно быть четко определено: «*After a couple of months out at the mine, a juke-box looks like a stained-glass window to me* [9, с. 837]; *In beauty shops, women staring at TV fashions*» [9, с. 840].

Приведенные примеры показывают различные значения одного и того же предлога, имеющих пространственный смысл, что «определяется конфигурацией когнитивной сети, активизируемой, с одной стороны, самим опытом, а, с другой, – говорящим (на уровне событийных структур)» [2, с. 32]: в первом предложении предлог *at* в словосочетании *at the mine*/ «на шахте/ внутри шахты» показывает пространство, в котором находились предметы/люди, а во втором предложении этот же предлог *at* в *staring at TV fashions*/ «уставившись на телевизионную моду» несет в себе значение «смотреть на что-то/ кого-то/на какую-то поверхность».

Таким образом, пространство является одним из базовых понятий в индивидуальном тезаурусе носителя языка, чем объясняется важность его изучения. Осмысление и описание пространственных отношений в разных языках представляет интерес в лингвокогнитивном аспекте, отражающем аксиологические основы картины мира конкретного этноса. Изучение пространственных предлогов дает возможность раскрыть закономерности

пространственного восприятия мира, отраженного в значениях языковых единиц.

Список использованных источников

1. Зубкова, О. С. Специфика объективации означающих практик в рамках интегрированного лингвосемиотического пространства / О. С. Зубкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1 (13). – С. 23–30.
2. Зубкова, О. С. Неоднородность каламбура как лингвосемиотического феномена и проблема понятийной редукции / О. С. Зубкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1 (15). – С. 32–37.
3. Зубкова, О. С. Лингвосемиотическая реализация каламбура в публичной речи : монография / О. С. Зубкова, М. В. Ушкалова ; Юго-Западный государственный университет. – Курск, 2017. – 155 с.
4. Маляр, Т. Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственно-дистанционных предлогов и наречий : автореф. дис... д-ра филол. наук. – Москва : 2002. – 44 с.
5. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В. Я. Проппа.). – Москва : Издательство «Лабиринт», 1998. – 352 с.
6. Селиверстова, О. Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия / О. Н. Селиверстова // Труды по семантике. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 719–941.
7. Солоницкий, А. В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов / А. В. Солоницкий. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – 126 с.
8. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1971. – 679 с.
9. Bradbury, R. Bradbury Stories: 100 his most celebrated tales / R. Bradbury. – William Morrow, 2003. – 893 p.
10. Der Große Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. – Leipzig : Meyers Lexikoverlag, 1992. – 748 с.
11. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.etymonline.com/word/on#etymonline_v_7013. (Access date: 27.01.2022).

УДК 81-139

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ THE OXFORD ENGLISH DICTIONARY)

Н. Н. Трунченкова,

*старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт
иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ изменений в словарном составе английского языка, вызванных изменением климата на планете. Для осуществления поставленной цели были использованы следующие методы: статистический, тезаурусный и описательный методы (наблюдение, интерпретация и обобщение). Материалом исследования послужили более 100 лексических единиц, вошедших в the Oxford English Dictionary. В ходе исследования выяснилось, что изменение климата оказывает существенное влияние на лексический строй английского языка, поскольку язык не может не отражать проблемы планетарного масштаба.

Ключевые слова: лексическая единица, изменение климата, климатический кризис, климатическая чрезвычайная ситуация, Оксфордский словарь английского языка.

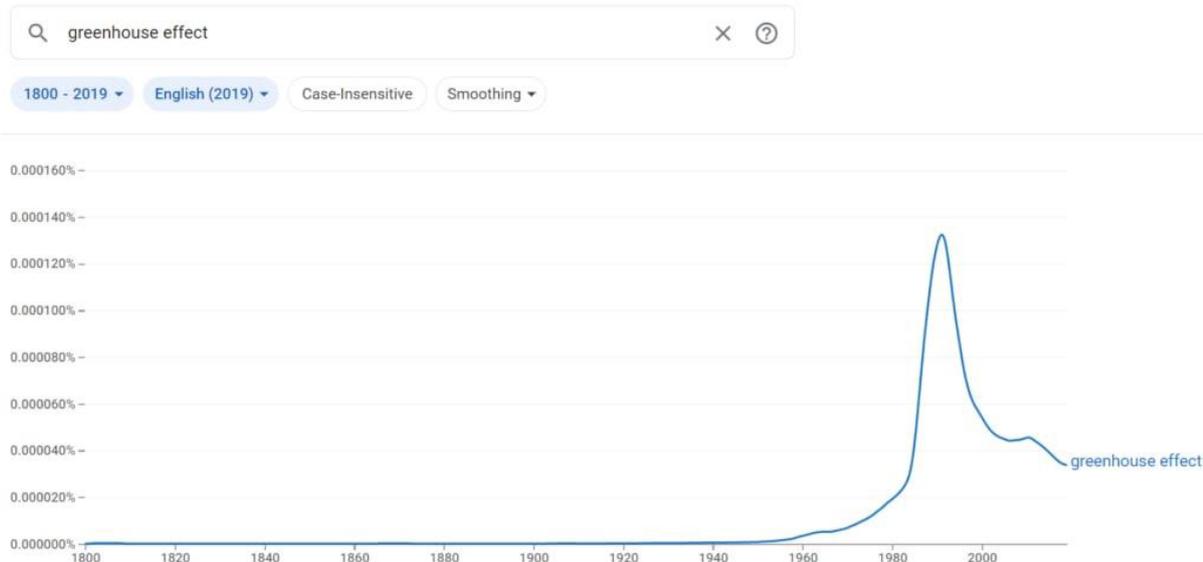
Summary. The main purpose of this research is analysis of the changes in the English vocabulary caused by climate change. To achieve the aims, the following methods were employed: the statistical, the thesaurus and the descriptive methods (observation, interpretation and generalization). More than 100 lexical units contained in the Oxford English Dictionary served as research material. The findings of the research show that climate change has a powerful influence on the word-stock of the English language as any language cannot but reflect critical global issues.

Key words: lexical unit, climate change, climate emergency, climate crisis, the Oxford English Dictionary.

В течение последних 30 лет редакторы OED зарегистрировали многие из самых известных терминов, связанных с изменением климата, такие как *global warming*, *microplastic* и *emissions*, а также *carbon* и связанные с ним соединения. Тем не менее, язык постоянно развивается, и в начале 2021 года OED приступило к проекту по расширению и пересмотру словарного запаса, связанного с изменением климата и экологической устойчивостью. С ростом климатических забастовок и экстремальных погодных явлений в последние годы становится ясно, что это область словарного запаса стремительно меняется. Лексикографы же внимательно отслеживают и фиксируют проверенные временем изменения.

Целью данной статьи является анализ изменений в словарном составе английского языка, вызванных глобальным потеплением на планете. Для осуществления поставленной цели были использованы следующие методы: статистический, тезаурусный и описательный методы (наблюдение, интерпретация и обобщение). Материалом исследования послужили более 100 лексических единиц, вошедших в the Oxford English Dictionary.

Сразу стоит отметить резкое увеличение количества более эмоциональных выражений, применяемых к изменению климата. *Greenhouse effect*, мягкий термин по сравнению с родственными терминами, стал гораздо реже встречаться с 1990-х годов. В 2019 году произошел небольшой всплеск частоты (когда наблюдался общий рост частоты многих слов, связанных с окружающей средой), но общее использование сокращается, как мы можем видеть на диаграмме из Google Ngrams:

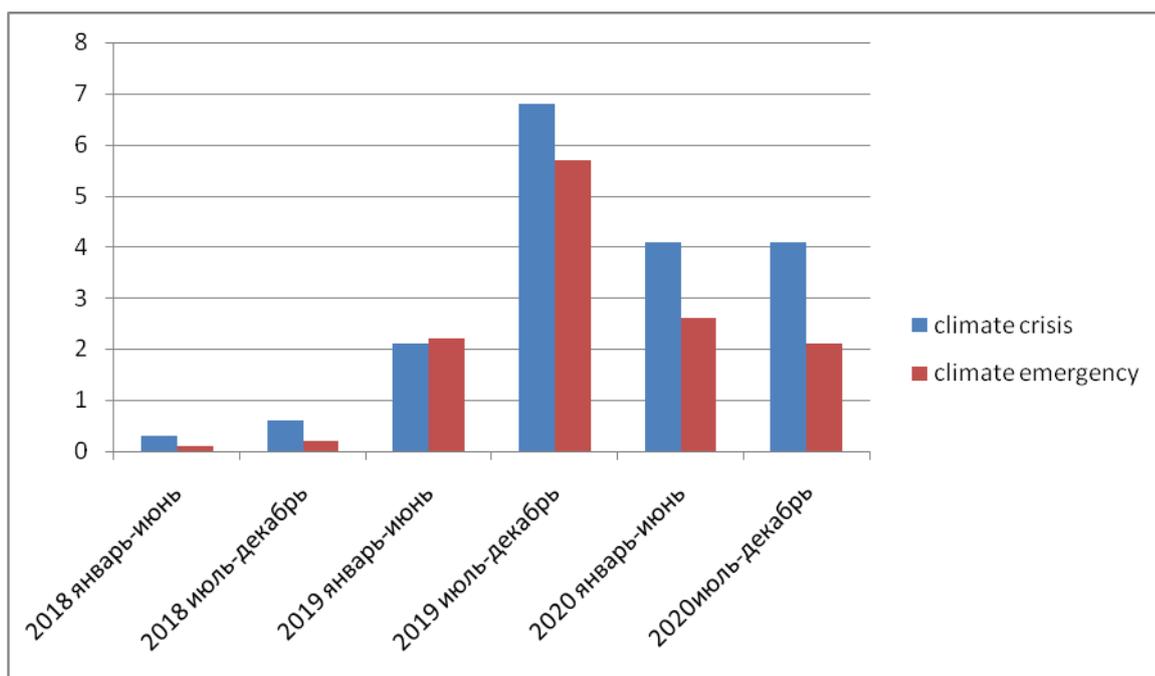

Хотя термины *climate change* и *global warming* не совсем синонимичны, *climate change*, безусловно, используется чаще:

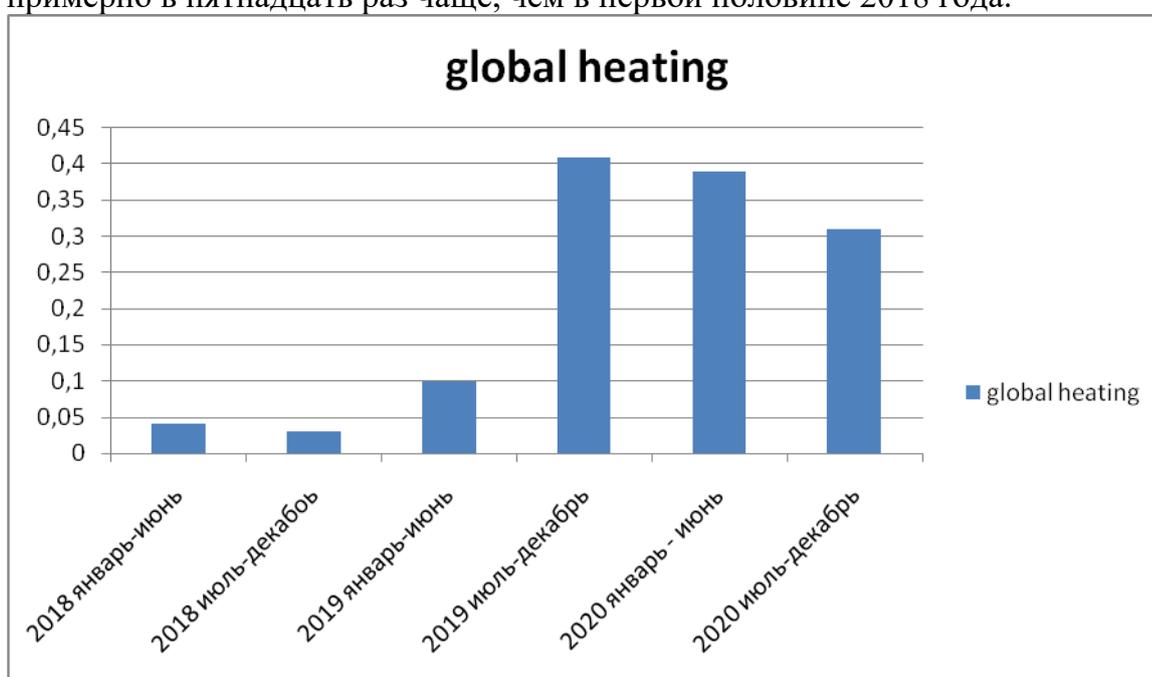

И точно так же, как термин *climate change* обогнал *global warming*, *climate crisis* (впервые зарегистрированный в OED в 2021) все чаще используется вместо *climate change*. Многие организации и правительственные органы также объявили *climate emergency* (климатическую чрезвычайную ситуацию), а газета *the Guardian* сделала редакционной политикой использование более резкой лексики, чтобы подчеркнуть актуальность проблемы.

Из этой группы терминов *climate change* по-прежнему является наиболее частым в общем употреблении и в основных средствах массовой информации, но частота употребления *climate emergency* и *climate crisis* значительно возросла за последние два года. В Oxford Monitor Corpus of English выражение *climate emergency* в первой половине 2021 года употреблялось в 76 раз чаще, чем в первой половине 2018 года, а использование словосочетания *climate crisis* увеличилось почти в 20 раз за тот же период.

Еще одна новая запись в OED в обновлении 2021 года – *global heating*. *Global warming* по-прежнему встречается намного чаще, чем *global heating* в общем пользовании и средствах массовой информации, но за последние несколько лет использование термина *global heating* стало более частым. Корпус Oxford Monitor показывает, что в первой половине 2021 года это происходило примерно в пятнадцать раз чаще, чем в первой половине 2018 года.

В конце XIX века термин *climate refugee* применялся (особенно в несколько пренебрежительном тоне в калифорнийских газетах) к человеку, который переезжает в место с более здоровым или благоприятным климатом. Однако теперь мы связываем этот термин с людьми, вынужденными переехать в связи с вышеупомянутыми экстремальными погодными явлениями или повышением уровня моря в результате глобального потепления.

К *climate refugee* в списке новых слов OED присоединились слова *eco-anxiety* (экологическая тревога), *food insecurity* и *water insecurity*. Лексикографами также были пересмотрены определения терминов *overconsumption* (чрезмерное потребление) и *unsustainable* (экологически неустойчивый). Префиксы с отрицательной коннотацией в терминах *degrowth* (антирост) и *decoupling* (ослабление связи – процесс, посредством которого экономический рост достигается при более низких объемах вводимых ресурсов и более низких уровнях выбросов) демонстрируют, что традиционные представления о вечном экономическом росте нуждаются в пересмотре.

Сравнивая коллокации *fossil fuel* в Оксфордском корпусе английского языка (2000–2014 гг.) [1] и the Oxford Monitor Corpus of English (с 2018 г. по настоящее время), мы обнаружили некоторые интересные различия: в более поздних данных гораздо больше коллокатов, относящихся к отказу от ископаемых видов топлива и поиску альтернатив, таких как *deinvestment*, *transition* и *phasing out*. Это не единственный термин, в котором произошел переход к языку, более ориентированному на решения. Например, потребность в смягчении последствий экстремальных погодных явлений подтверждается включением в словарь термина *rain garden* (влажная зона, куда можно отводить дождевые осадки, чтобы предотвратить перегрузку городских дренажных систем и резкие перепады температуры в связанных реках).

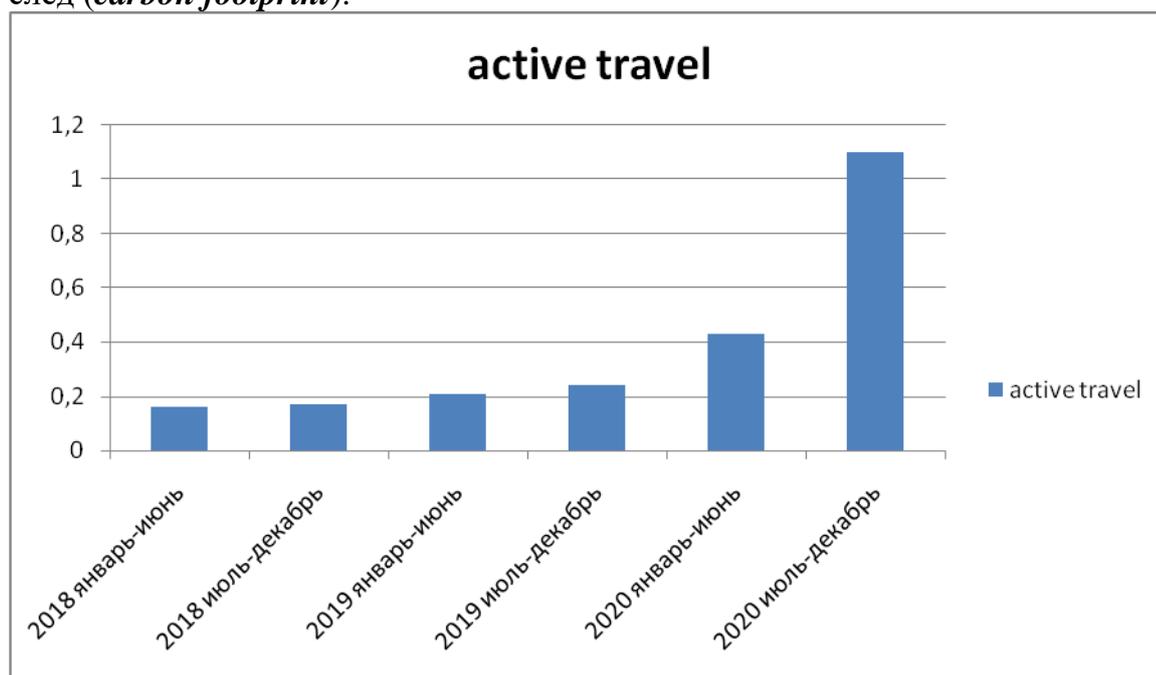
Признание воздействия традиционного агробизнеса на окружающую среду находит свое отражение в таких терминах, как *urban agriculture* и *vertical farming*, новых методах ведения сельского хозяйства с использованием меньшего количества земли, влекущих за собой меньшую потерю биоразнообразия и требующих меньше продовольственных миль для доставки продукции потребителям.

Некоторые термины, ориентированные на решения, остаются слишком специализированными в своих секторах, чтобы заслуживать включения в настоящее время в OED, но из тех, которые зарекомендовали себя в общепринятом языке, лексикографы включили *carbon capture* (процесс, включающий отделение углекислого газа от промышленных и энергетических источников, транспортировку и долгосрочную изоляцию от атмосферы). Следует заметить, что **CO₂** зарегистрирован в OED, несмотря на то, что, как правило, в словарь не входят химические формулы.

Включение таких лексических единиц, как *wind park* и *solar park* обусловлено необходимостью перехода на электричество в качестве основного источника энергии, все чаще генерируемого за счет возобновляемых источников. То, что этот переход иногда происходит в локальном, а не в национальном масштабе, отмечено включением таких терминов, как *air-source* и *ground-source* (применительно к тепловым насосам), *wind mill* в значении «ветряная турбина» и *microgrid*. Словарная статья *retrofit* (модернизация, переоборудование, дооснащение) также была обновлена, чтобы отразить все более частое использование этого слова в отношении модернизации жилищного фонда с плохой изоляцией.

Активные путешествия (*active travel*), которые получили толчок во время пандемии новой коронавирусной инфекции признают, что ходьба, езда на велосипеде и другие способы передвижения являются экологически

безопасными видами транспорта, которые могут помочь уменьшить углеродный след (*carbon footprint*).

Такие термины, как *natural capital* и *ecosystem services*, добавленные в обновление 2021 года, свидетельствуют о растущем осознании жизненно важной роли, которую должны играть экосистемы, и рисках чрезмерной эксплуатации человеком ресурсов Земли. В 2018 году премьер-министр Новой Зеландии Джасинда Ардерн предложила концепцию Маори *kaitiakitanga*, человеческом долге по охране окружающей среды, в качестве ключа к борьбе с изменением климата, и это заимствованное слово вошло в OED.

Человечество сейчас находится на переломном этапе (*tipping point*). Изменения в лексическом составе современного английского языка, зафиксированные в обновлении 2021 года, охватывают самый мрачный сценарий (*mass extinction*), но также отражают неуклонно растущее осознание изменения климата на протяжении десятилетий и растущий импульс к действиям, инновациям и технологиям, которые могут склонить чашу весов в сторону более благоприятного исхода.

Таким образом, проанализировав лексемы, вошедшие в состав OED, пришли к выводу, что изменение климата оказывает огромное влияние на лексический строй английского языка, поскольку язык не может не отражать актуальные проблемы человечества.

Список использованных источников

1. The Oxford English Corpus [сайт]. – URL: <https://www.sketchengine.eu/oxford-english-corpus/>. (дата обращения: 12. 03.2022).

УДК 811.111

ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ КАК РЕФЛЕКСИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

Л. В. Ягенич,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных
языков №4, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Рефлексия стала важным инструментом учёных и врачей. Однако в медицинской литературе существует множество форм рефлексии, каждая из которых имеет особое значение для успешной клинической практики. Актуальность исследования состоит в необходимости понимания рефлексии, аргументированного и обоснованного мышления, которое имеет выражение в тексте. В этой статье сравниваются и обсуждаются наиболее распространенные типы рефлексии, в частности их потенциальная роль в доказательной медицине. Рефлексия, которая побуждает ученых сосредоточиться на различных точках зрения, позволяет выполнять исследования, анализировать, систематизировать и обобщать значимую информацию, что определено целью статьи. Примеры научных трудов позволят продемонстрировать рефлексивность в письменных англоязычных трудах XVIII – XIX веков.

Ключевые слова: письменный научный медицинский текст, рефлексия, трактат, доказательная медицина.

Summary. Reflection has become an important way for scientists and doctors to make decisions. There are many forms of reflection in the medical literature. Each form is of the particular importance for successful clinical practice and written scientific work. The relevant information, due to reflection on the doctor's activity, is connected with the process of treatment and scientific results, which are expressed in the text. This article compares and illustrates the most common types of reflection in the evidence-based medicine. Reflection encourages scientists to focus on different points of view and allow doctors to perform research, analyze, systematize and summarize significant information. The purpose of the article is to determine the ways of expression reflections in the treatises. Treatises are the scientific works which demonstrate reflexivity in English written scientific researches of the XVIII-XIX centuries.

Keywords: written scientific medical text, reflection, treatise, evidence-based medicine.

Медицинские тексты, в том числе научные, приобретают значимость в современном цифровом мире в связи с потребностью населения быть обозванными в вопросах сохранения здоровья и активного долголетия. Для сотрудников сферы медицины, значимо и важно своевременно получить информацию о мировых практиках лечения, опытах, новых препаратах – всё это обеспечивается возможностью работать с международными базами данных, которые размещены на платформах, например: NCBI, HIENS и других.

Таким образом, актуальность данной статьи обоснована необходимостью находить и обрабатывать информацию, научное осмысление позволяет анализировать полученные данные и оценивать необходимость применения рекомендаций в лечении пациентов, в диагностике и способах реабилитации. Рефлексия помогает выдержать баланс между практикой, научными исследованиями, личным опытом и потребностями пациентов. Рефлексия

способствует определению важной информации, учёные и врачи становятся вовлеченными и сосредоточенными на проблемах пациентов. Оценивая полученную с научных источников информацию, они также смотрят через призму личного опыта и возможности применить знания в данном клиническом случае [5, с. 266]. Рефлексия – это форма познания, главной особенностью которой является направленность на получение новых умозаключений, основанных на полученных знаниях, практике и деятельности в определённых социальных условиях. В результате рефлексии адресант перестраивается и определяет новые стратегии деятельности [2; 3]. Процесс познания и оценка релевантности информации взаимодействуют и влияют на конечный результат, представленный клиническим решением и, возможно, описанный в трудах.

В словаре... термин «рефлексия» (поз.-лат. reflexio обращение назад) – означает размышление, самонаблюдение; осмысление собственных действий; в лингвистике: языковая рефлексия – осмысление собственной речевой деятельности [1]. Мы также обращаемся к философскому пониманию «рефлексии» как типу мышления, направленного на осмысление и обоснование собственных предпосылок, требующих обращения сознания на себя. Рефлексия также трактуется как размышление, самонаблюдение, самопознание, осмысление человеком собственных действий и их законов [6, с. 700]. Поэтому, мы переносим на врачебную деятельность в сфере науки, что познания через интерпретацию личного опыта врачебной практики имеет характеристику рефлексии, которая может быть представлена как практическая часть научных работ исследовательской деятельности в сфере медицины. Наука позволяет представить в доказательной форме полученные и экспериментально проверенные результаты [8; 9].

Определение рефлексии в письменных научных медицинских текстах позволяет в диахронии англоязычной науки представить понимание врачебного сознания в виде научных определений и понятий, которые были сформулированы в результате исследовательской врачебной деятельности. Выделение эмпирической и теоретической стадий развития науки также включает критерии и степень рефлексивности. Научный прогресс позволяет определить познание, заключающееся в преодолении недостатка знаний, традиционности и пассивности, поэтому, рефлексивное сознание по отношению к концептуальным средствам, нормам, существующим законам требует изменений и способствует развитию медицинской науки. Научно-теоретическое мышление учёных раскрывает процесс познавательной деятельности с последующим изложением в письменной форме. Такой подход связан с увеличением теоретического материала и его эмпирическим базисом, что приводит к появлению принципиально новых компонентов в самой системе научного знания: теоретической рефлексии над логической структурой и познавательным смыслом тех концептуальных систем, которые отображают объективную реальность [4]. Рефлексия в медицинской практике врача повышает профессионализм и компетентность, подтверждение этого мы находим в письменных научных медицинских текстах учёных. Анализируя информацию авторитетных журналов, монографий, находят подтверждение своих гипотез или их опровержение. Результатом рефлексии является врачебное решение, основанное на работе с научными источниками и оценкой значимости

и релевантности освоенного медицинского знания (Анализ медицинских баз данных NIH, PubMed, PubMed Central).

Целью данной статьи является проиллюстрировать выражение врачебной рефлексивности в письменных научных медицинских текстах на материале трактатов.

Проблема рефлексии в сфере научной медицины недостаточно изучена. Научная медицина является частью сферы науки, где широко раскрываются доказательные факты с описанием экспериментально проверенных результатов. В научных текстах встречается информация о медицинских данных, а также фактуальная информация, указывающая на период, место происходящего и уровень развития медицинской науки, прескриптивная и дескриптивная информация, раскрывающая опыт лечения, рекомендации по восстановлению, возможные методы диагностики. Рефлексия способствует развитию новых тенденций и направлений. Помимо решения вопросов, связанных с лечением и описанием состояний, рефлексия имеет научный компонент. В частности, рефлексия способствует формированию научной карты мира в сфере медицины. Рефлексия иллюстрирует когнитивную и аффективную стороны деятельности, таким образом, рефлексия очень важна для врачей, которые занимаются сферой научного развития медицинских познаний.

Доказательная медицина теоретически основана на аргументировании, описании фактов и полученных экспериментально проверенных результатов. В медицинской науке следует максимально уходить от субъективности, авторской оценки. Учёные выстраивают иерархию знаний с учётом традиционной медицинской практики. Современное внимание сотрудников медицины сосредоточено на физиологии и биологических маркерах. Основная идея в медицинских трудах заключается в том, что болезнь вызывает телесный дисбаланс, который можно обнаружить с помощью тщательной физической оценки и диагностики. Такое исследование позволяет избежать влияния субъективности с адекватным ограничением. Описание применения научных практик, а также внедрение более сложных технологий описывается в научных трудах. Авторские стратегии являются ограничением влияния ценностей и интерпретаций данных, которые приводят к возможным суждениям, не связанными с ценностями. Поиск объективности позволяет определиться и найти релевантное значение в научной карте мира в сфере медицины, что можно определить как банк знаний, позволяющих оценивать ситуацию в целях оказания своевременной и правильной медицинской помощи.

Медицинская рефлексия иллюстрирует преодоление границ, ограничивающих и разделяющих восприятие проблемы врачом и её описание учёным. Простейшая форма рефлексии связана с анализом, сравнением, сопоставлением и, способностью понять состояние и определить этап развития проблемы [8; 10]. Основным принцип заключается в том, чтобы прийти к правильному суждению и оказать помощь с использованием прогрессивных знаний и актуальной информации.

В медицинских текстах мы находим описания медицинских проблем, которые подтверждают проявление клинического мышления. Например: «On the second day, and sometimes later, efflorescence's appear about the face and neck, and by degrees spread over the whole body. There are some cases where this efflorescence

does not make its appearance; and when it does, is considered by Dr. Rowley as artificial.

A coryza is often a very distressing symptom in this disease, which sometimes discharges a matter so acrid, as to corrode and inflame the parts over which it passes. We have accounts of its being of so corroding and malignant a nature, as to produce mortification in the parts of thoe to whom it has been applied.

These are the symptoms which generally appear at the commencement of the disease, which, if judiciously treated» [14, с. 20].

Ещё одним фактором проявления рефлексии в научном тексте является описание личного опыта с использованием ранее полученных знаний с других источников, например: «The Pain of her Side, as it was previous to these Fits, for it had no Concern with them, but feemed to be of the hot scurvy Kind, contrasted from overheating her Blood, and which the Heat of the Cantharides rather exasperated, but was mitigated, when the Humors were kept in a quiet State, and with gentle Perpiration by the Warmth of the Bed» [12, с. 89].

Рефлексия является установлением связей, имплицитно и последовательно вытекающих из аргументативного способа размышления и, в рамках данной работы, изложением результатов научных исследований в трудах. Рефлексия помогает учёным проанализировать достижения и результаты экспериментальной деятельности в доказательной медицине. Примером анализа, сопоставления и размышления, реализующихся в процессе рефлексии и способствующих принятию правильного врачебного решения, является текст трактата: «The various forms of idiocy resulting from false porencephalus, which in its turn comes from thromboses, embolisms, extravasations of blood into the meninges, local inflammation from compression of the head during protracted labour, or from the too severe or prolonged application of the forceps, with consequent brain atrophies and scleroses, may be grouped together under the general designation of paralytic idiocy» [13, с. 510].

Центральное место в этом размышлении занимает пересмотр: врачебный опыт расширяется в условиях упущения данных, результатов анализов, описания симптомов, которые возникли неожиданно, в результате дополнительных действий. Альтернативное мнение способствует появлению новых знаний и рекомендаций – всё это является продуктом оценочного и аргументативного размышления. Такую рефлексю можно определить как аргументативную, и не обязательно с элементами критики, при этом с более широким представлением медицинской проблемы.

Следует отметить, что в связи с постоянным прогрессивным развитием науки в процессе рефлексии постоянно проходит переоценка ранее принятых правил и догм, поэтому, учитывая дополнительную аргументацию, рефлексивная переоценка имеет выражение в научных работах, например: «In order to add to our knowledge of the symptoms of disease in children, M. Jadelot has proposed a physiognomical semeiology, by which he has rendered a valuable service to science, since this theory is capable of shedding some light on the diagnosis of diseases of children, a subject always obscure. M. Jadelot has not as yet given publicity to this subject, otherwise than to those who have been in the habit of accompanying him in his visits; notliitig therefore has been published respecting it, except by M. Eiisebe de Salle, in some preliminary remarks appended to Underwood's

Treatise on diseases of children. "During the first months of life," says this author, "the face of the child scarcely presents anything more than a shapeless mass, when but few remarkable lineaments can be distinguished. Yet acute diseases will produce evident modifications in it. These alterations will be more manifest in chronic diseases." It is from the first dentition to puberty, according to M. Eusebe de Salle, that we may derive assistance from physiognomical semeiology» [15, с. 50–51]. Размышление над проблемой не подчеркивает общие рамки практики или вмешательства, а представляет модификации и новые направления.

Таким образом, выделено рефлексии: описание через личный опыт, аргументативная, пересмотр клинических случаев. Рефлексия дает развернутое описание практики или когнитивного поведения врача в научной деятельности. Следует учесть значимость эпистемологического компонента, требуемого доказательной медициной при рефлексивной деятельности учёного в письменном виде. В соответствии с требованиями доказательной медицины существующая схема вмешательства, когда очевидна проблема и пути её решения. Такая связь с реальностью выявляется между человеческими действиями и интеллектуальной структурой [9; 10; 11], в центре внимания доказательной медицины находятся клинические случаи, описание, лечение, существующее в медицинской практике, например: «From the first appearance of this gangrenous inflammation, cerebral disturbance was very evident, and there existed at the same time an intense fever; while the restlessness, cries, convulsive movements, all announced that the progress of the disorganization was accompanied with great pain. There were, however, no alteration of the features ; the abdomen was soft and without pain on pressure, and the stools procured by injections were of a soft consistence ; urine limpid and small in quantity. The means employed in the treatment, until the termination of the disease, were acidulated drinks, injection of sulphate of quinine, warm baths, lotions, and injections of chloride of lime and of soda, and pledgets of lint saturated with a similar solution. This treatment was unsuccessful, and the child died, after unheard of sufferings, on the twelfth day» [15, с.510].

Проиллюстрируем рефлексивную переоценку, которая имеет выражение в научных трудах, например: «I propose now to consider all the phenomena which precede, accompany, and follow, the separation of the umbilical cord. Notwithstanding the interesting accounts on this subject contained in the numerous treatises on midwifery, and legal medicine, it appears to me that there still exists a want of information in reference to it; a deficiency which I propose to supply by detailing the results of my observations.

§ I. Of the desiccation of the umbilical cord. The desiccation of the umbilical cord, and the time of its separation from the abdomen, differ very considerably in different individuals, in so much that it is extremely difficult to establish in relation to it any fixed rules. In order to be familiar with these varieties, I shall examine particularly the subject of this chapter, and compare the inferences made, with the statements of those authors who have preceded me.

My observations have been directed to eighty-six children of different ages and sexes, all apparently in good health: and in the first place I examined particularly the two well-marked differences between the cords which have been pointed out by accoucheurs» [16, с. 26].

Последний способ рефлексии включает в себя как только что обсуждавшуюся эпистемологическую позицию, так и определяет возможности. На этапе размышления видно, что аргументированная и обоснованная позиция каждого врача имеет определённое значение в решении клинической проблемы. Ключевым результатом клинического мышления является то, что медицинские доказательства подвержены субъективным факторам, связанным с умозаключениями и выводами на основе анализа знаний. Поэтому следует отметить происходящий эпистемологический сдвиг в представлении информации. Рефлексия является способом размышления и выявляет интерпретационную деятельность вмешательства с аргументативной доказательной базой, посредством которой медицинские знания и практика организуются и используются в формировании письменного научного медицинского текста.

Анализ текстов подтвердил, что описание клинических исследований является способом рефлексии, позволяющим иллюстрировать естественно-научную ситуацию, открытую для обсуждения. Формы рефлексии являются важными компонентами развития доказательной медицины. Иллюстрация на примерах трактатов позволяет проследить процесс оценки релевантности информации, изложенной в научных трудах. Рефлексия способствует обработке и обобщению информации с целью мобилизации и повышения продуктивности в развитии медицинской науки. Рефлексия с эпистемологическим измерением влияет на стратегию развития научных идей, обеспечивающих изменения в карте мира. Учёные, применяя различные способы размышления, достигают поставленных целей. Доказательная медицина определяет рефлексивную деятельность врачей в науке и её аргументативное изложение в научных трудах.

Список использованных источников

1. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
2. Залевская, А. А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии / А. А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»; Тверской государственный университет. – Тверь : 2015. – С. 36.
3. Иванников, Е. Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву / Е. Б. Иванников // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – №1 (55). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-refleksiya-ot-metateksta-k-refleksivu>. (дата обращения: 16.02.2022).
4. Корнилова, Т. В. Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. – Санкт-Петербург.: Питер, 2006. – 320 с.
5. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – Москва : Наука, 1980. – 359 с.
6. Новейший словарь иностранных слов и выражений : более 25000 слов.ст. ; отв. за вып. Ю. Г. Хацкевич. – Москва : Мн. : АСТ : Харвест, 2002. – 976 с.
7. Обидина, Ю. С. Философия и методология науки: учебно-методическое пособие / Ю. С. Обидина. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2017. – 238 с.
8. Стрюковский, В. И. Научная рефлексия и социальное управление / В. И. Стрюковский // Государственное и муниципальное управление. Ученые

записки. – 2012. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-refleksiya-i-sotsialnoe-upravlenie>. (дата обращения: 11.02.2022).

9. Veno, M. Evaluating our strategy for including reflection in medical education and practice. / M. Veno, H. Silk, J. Savageau, K. Sullivan ; FamMed, 2016. – P. 300–304.

10. Nguyen, Q. D. What is reflection? A conceptual analysis of major definitions and a proposal of a five-component model. / Q. D. Nguyen, N. Fernandez, T. Karsenti, B. Charlin ; MedEduc, 2014. – P. 1176–1189.

11. Worrall, J. What is evidence in evidence-based medicine? / J. Worrall ; Philos Sci, 2002. – P. 316 – 330.

Список проанализированных источников

1. Andree, J. Cases of the Epilepsy, Hysteric Fits, and St. Vitus Dance, with the Process of Cure: Interspersed with Practical Observations to which are Added Cases of the Bite of Mad Creatures, Treated after the Method of Dr. Defaule, with Some Additional Means of my Own; Observations upon the Same, and Remedies proposed for the Cure of the Hydrophobia / J. Andree. – London : Printed for W. Meadows and J. Clarke, 1746. – 298 p. – Access mode: <https://archive.org/details/b30523291/page/n4>. (Access date: 22.11.2019).

2. Berkley, H. J. A treatise on mental diseases: based upon the lecture course at the Johns Hopkins University (designed for the use of practitioners and students of medicine) / H. J. Berkley ; New York : D. Appleton, 1899. – 684 p. – Access mode: <https://archive.org/details/b31350550>. (Access date: 05.02.2022).

3. Bell Sir Ch. The Anatomy of the Human Body / Sir Ch. Bell, J. Bell. – Longman : Hurst, Rees and Orme, 1808. – 536 p. – Access mode: https://ia800207.us.archive.org/4/items/b21688825_0003/b21688825_0003.pdf.

4. Billard, C. A treatise on the diseases of infants: founded on recent clinical observations and investigations in pathological anatomy made at the Hospice des Enfants-Trouvés: with a dissertation on the viability of the child / C. Billard, J. Stewart, S. H. Dickson. – Philadelphia : A. Hart, 1850. – 642 p. – Access mode: <https://archive.org/details/101588488.nlm.nih.gov>. (Access date: 15.01.2022).

5. Blundell, J. The principles and practice of obstetricy, as at present taught / J. Blundell. – Washington : D. Green, 1834. – 520 p. – Access mode: <https://wellcomecollection.org/works/w45u5k3x>. (Access date: 25.01.2022).

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 81'33

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДНО ЛАНДШАФТНОГО КОДА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ШВЕЙЦАРИИ

К. Р. Битарова,

*магистрант кафедры немецкой филологии, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО
«Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье представлен анализ языковых единиц, актуализирующих природно-ландшафтный код швейцарской лингвокультуры в художественной литературе немецкоязычной Швейцарии. Материалом исследования послужили языковые средства из двух романов швейцарской писательницы Йоханны Спири («Heidis Lehr- und Wanderjahre», 1880; «Heidi kann brauchen, was es gelernt hat», 1881). Методом сплошной выборки отобрано для анализа 876 примеров. В результате исследования были установлены единицы природно-ландшафтного кода и их актуализация в художественных произведениях. К доминирующим относятся: природные объекты и явления ('Sonne', 'Wind', 'Luft', 'Schnee'), земля/почва ('Berg', 'Alpen', 'Tal', 'Fels'), растительность ('Alp', 'Alm', 'Weide', 'Gras', 'Tanne', 'Ast', 'Blümchen/Blumlein', 'Baum').

Ключевые слова: лингвокультурный код, природно-ландшафтный код, лингвокультура, Швейцария.

Summary. The article presents an analysis of linguistic units that actualize the natural-landscape code of the Swiss linguaculture in the fiction of German-speaking Switzerland. The research material was the language means from two novels by the Swiss writer Johanna Spyri («Heidis Lehr- und Wanderjahre», 1880; «Heidi kann brauchen, was es gelernt hat», 1881). 876 examples were selected for analysis by the continuous sampling method. As the result of the study, the units of the natural-landscape code and their actualization in the novels were established. The dominant ones are: natural objects and phenomena ('Sonne', 'Wind', 'Luft', 'Schnee', 'Regen'), land/soil ('Berg', 'Alpen', 'Tal', 'Fels'), vegetation ('Blümchen/Blumlein', 'Baum').

Key words: linguocultural code, natural-landscape code, concept, linguoculture, Switzerland.

Введение

Лингвистическая традиция новейшего времени тяготеет к всестороннему изучению взаимосвязи языка и культуры. Об этом свидетельствуют активно развивающиеся исследования в русле лингвокультурологии [2; 4]. Находясь на стыке лингвистики и культурологии, она располагает определенным арсеналом, позволяющим через призму языка наиболее точно исследовать картину мира определенного народа [8], способствует сохранению культурной идентичности в условиях быстро меняющегося и тяготеющего к глобализации общества [4].

На данный момент активно развивается теория лингвокультурных кодов, которая позволяет исследовать глубинные смыслы, культурную семантику тех или иных концептов, закрепившихся в языке и имеющих вербальное выражение [3; 5; 6]. Уникальным в этом смысле является природно-ландшафтный код, актуализирующий природные объекты или элементы ландшафта, окружающие человека на протяжении всего его развития. Специфика языковой реализации категории «природно-ландшафтный код» отражает национальное самосознание, национально-культурную идентичность, языковую картину и мироощущение отдельно взятого этнокультурного сообщества [1; 4].

Особый интерес представляет изучение таких кодов в культурах, сосуществующих в едином языковом пространстве, к которому относятся немецкая, австрийская и швейцарская лингвокультуры. В данном случае немецкая лингвокультура является доминантной, другие же лингвокультуры, по

сравнению с ней, остаются малоизученными. **Актуальность** настоящей статьи заключается в изучении характерных черт природно-ландшафтного кода швейцарской лингвокультуры.

Все вышеперечисленное позволяет выделить **цель настоящей статьи**: проанализировать языковую актуализацию единиц природно-ландшафтного кода в швейцарской лингвокультуре на материале двух романов немецкоязычной писательницы швейцарского происхождения Йоханны Спири «Heidis Lehr- und Wanderjahre» и «Heidi kann brauchen, was es gelernt hat». В связи с поставленной целью, требуется выполнить следующие задачи: 1) дать определение понятию «природно-ландшафтный код»; 2) установить языковые единицы, актуализирующие природно-ландшафтный код в немецкоязычной литературе Швейцарии.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили два немецкоязычных романа швейцарской писательницы Йоханны Спири – «Heidis Lehr- und Wanderjahre» (1880) и «Heidi kann brauchen, was es gelernt hat» (1881). Выбор материала обусловлен лингвокультурологической компонентой произведений, которая находит подтверждение в высказывании Р. Целлер о романах Й. Спири. Простая жизнь в Альпах ассоциируется не только с тесной взаимосвязью с природой, но и с вдохновением, гармонией, которые дарит окружающая среда. Мир, представленный в произведениях Й. Спири, – типично-швейцарские альпийские деревушки («Dörfli»), альпийские луга и дедуля, живущий на них («Alp-Öhi») – все это стало символами Швейцарии, создавая ее образ как страны, где люди живут в единении с природой, а дети растут здоровыми, играя на свежем воздухе на альпийских просторах [7].

Для решения поставленных задач были задействованы различные методы: метод сплошной выборки, метод наблюдения, метод описания, методы контекстуального и концептуального анализа. При помощи методов сплошной выборки, наблюдения и описания были отобраны языковые единицы, актуализирующие природно-ландшафтный код в швейцарской лингвокультуре. Данные языковые единицы анализировались в развернутом культурологическом контексте. При помощи концептуального анализа осуществлялось выявление концептов, их моделирование и лексическая репрезентация в художественном тексте.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования нами были отобраны и распределены все лексические единицы, актуализирующие концептосферы NATUR и LANDSCHAFT в романах Й. Спири «Heidis Lehr- und Wanderjahre» (1880) и «Heidi kann brauchen, was es gelernt hat» (1881), по трем лексико-семантическим группам: 1) природные объекты и явления (всего 280 примеров); 2) земля/почва (всего 263 примера); 3) растительность (всего 333 примера).

Как видно из данной классификации, наиболее обширной лексико-семантической группой является субкатегория «растительность», в которую вошли 333 элемента: 'Alp', 'Alm', 'Weide', 'Gras', 'Tanne', 'Ast', 'Blümchen/Blumlein', 'Baum'. Данные элементы актуализируют обе концептосферы – «Природа» и «Ландшафт» – и наиболее точно описывают красочность альпийской местности.

Альпийские поля, наполненные буйством зелени и цветов, являются для главной героини романа местом размышлений: *So saß Heidi täglich da und hatte alle Zeit, sich auszudenken, wie nun die **Alm** wieder grün war und wie die gelben **Blümchen** im Sonnenschein glitzerten...* [10, S. 74].

Главная героиня Хайди часто рассказывает о невероятных красотах альпийских пастбищ, которые она каждый день видит, гуляя по ним и выпасая козочек. Несмотря, однако, на повседневность таких пейзажей, она каждый раз рассказывает о них восторженно, что, безусловно, говорит о ее неподдельном чувстве единения с альпийской природой: *Davon erzählte das Heidi seiner Freundin Klara immer wieder, denn nur oben auf der **Weide** konnte man das alles so recht sehen, und von der Stelle oben am Abhange erzählte es mit besonderem Feuer, wie dort jetzt die großen Scharen der glitzernden, goldenen **Weideröschen** stehen und **Blauglöckchen** so viele, daß man meine, dort sei das **Gras** blau geworden, und daneben ganze **Büsche** von den braunen **Kolbenblümchen**, die so schön riechen...* [9, S. 65].

Второй по численности элементов является субкатегория «природные объекты и явления», в которую вошли 280 примеров с лексическими единицами, актуализирующими различные природные феномены. К доминирующим элементам в данной категории относятся лексические единицы с компонентами ‘Sonne’, ‘Wind’, ‘Luft’, ‘Schnee’.

Горный ветер олицетворяет мощь и силу, в то время как горный воздух ассоциируется с чистотой, целительной для здоровья: *Das Kind hat keine zähe Natur, indessen, wenn du es jetzt gleich wieder in **die kräftige Bergluft** hinaufschickst, an die es gewöhnt ist, so kann es wieder völlig gesunden* [10, S. 105].

Солнечный свет озаряет всю альпийскую местность так, что кажется, будто она вся блестит и утопает в золоте: *Da lag **der funkelnde Sonnenschein** um die ganze Hütte herum und auf allen Bergen **glänzte er** und weit, weit das Tal hinunter, und der Boden dort am Abhang sah so **goldig** und trocken aus, es mußte ein wenig darauf niedersitzen und umherschauen* [9, S. 12].

Следующей группой, рассматриваемой в рамках данной работы, является субкатегория «земля/почва», которая насчитывает 263 примера с лексическими единицами, актуализирующими богатства почвы: ‘Berg’, ‘Alpen’, ‘Tal’, ‘Fels’. Выделенные нами примеры наиболее ярко иллюстрируют разнообразие ландшафта, которым изобилует альпийская местность: *So gelangte der Zug nach drei Viertelstunden auf die **Almhöhe**, wo frei **auf dem Vorsprung des Berges** die Hütte des alten Öhi stand, allen Winden ausgesetzt, aber auch jedem Sonnenblick zugänglich und mit der vollen Aussicht weit ins **Tal** hinab. ... Weiter hinten ging es nochmals **bergan** bis hoch hinauf in **die alten, grauen Felsen**, erst noch über schöne, kräuterreiche Höhen, dann in steiniges Gestrüpp und endlich zu **den kahlen, steilen Felsen** hinan* [10, S. 12].

Проанализированные романы швейцарской писательницы Й. Спири, признанные классическими произведениями немецкоязычной Швейцарии, являются ярким примером языковой вербализации единиц природно-ландшафтного кода. Такая частотность употребления различных лексических единиц, актуализирующих природно-ландшафтный код, говорит об особо важном положении природы и ландшафта в швейцарской лингвокультуре, обуславливая ее уникальность в немецкоязычном языковом пространстве.

Список используемых источников

1. Завгороднева, М. П. Природно-ландшафтный код немецкой культуры: линвокультурологический и линводидактический аспекты : монография / М. П. Завгороднева, С. В. Шустова ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь : 2019. – 172 с.
2. Иванова, С. В. Линвокультурология: проблемы, поиски, решения : монография / С. В. Иванова, З. З. Чанышева ; Башкирский государственный университет. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
3. Карасик В. И. Концепт как единица линвокультурного кода / В. И. Карасик // Известия ВГПУ. – 2009. – №10. – С. 4-11.
4. Ленец, А. В. Динамика линвокультурных констант в современном немецкоязычном пространстве (Австрии, Германии, Швейцарии) / А. В. Ленец, Т. В. Овсиенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 71. – С. 70-90.
5. Розенкова, Х. Е. Линвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации / Х. Е. Розенкова, С. В. Шустова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2017. – №2. – С. 101-104.
6. Савицкий, В. М. Линвокультурные коды: к обоснованию понятия / В. М. Савицкий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – №2. – С. 55-62.
7. Heidi / R. Zeller // Historisches Lexikon der Schweiz : [сайт]. – Bern, 2008. – URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/044036/2006-08-25/> (дата обращения: 22.02.2022).
8. Kireeva, I. I. Linguocultural specifics of the language picture of the world / I. I. Kireeva // Russian Linguistic Bulletin. – 2017. – № 3 (11). – Pp. 40-42.
9. Spyri, J. Heidi kann brauchen, was es gelernt hat / J. Spyri. – Zürich : Diogenes, 1978. – 98 S.
10. Spyri, J. Heidis Lehr- und Wanderjahre / J. Spyri. – Zürich : Diogenes, 1978. – 132 S.

УДК 811.111

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Л. Ш. Кубединова¹, В. Н. Зув²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь;
ведущий научный сотрудник, НИИ «Институт прикладная семиотика»,
Академия наук Республики Татарстан
kubedinova@gmail.com*

*²бакалавр, обучающийся 4 курса кафедры английской филологии
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
zuevmelancholy@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются английские фразеологические единицы, отражающие предрассудки данного общества. В материале исследования наибольшее количество фразеологических единиц характеризуют национальные, гендерные и социальные предрассудки. Рассматриваются социально-исторические причины и условия возникновения исследуемых предрассудков, а также причины их последующего забвения в языке. Основными методами исследования являются: метод фразеологической идентификации, метод компонентного анализа, анализ словарных дефиниций, описательный метод.

Ключевые слова: предрассудок, фразеологизм, английский язык, социальный, национальный, гендерный.

Summary. This article deals with the English phraseological units describing prejudices of the society. The most part of the investigated material is represented by the phraseological units that characterize prejudices based on nationality, gender and social status. The socio-historical reasons and conditions of appearing the considered prejudices are examined as well as the reasons of their falling into oblivion. The main research methods are: the method of phraseological identification, the method of component analysis, analysis of dictionary definitions, the descriptive method.

Key words: prejudice, phraseological unit, stereotype, the English language, social, national, gender.

Фразеологизмы являются высоко информативными единицами, так как отражают многовековую историю народа, своеобразие его культуры, быта и традиций. Фразеологический фонд изменяется, пополняется и обновляется с течением времени, как и предрассудки человека, которые могут изжить себя, трансформироваться во что-то новое или остаться неизменными.

Предрассудок – суждение, усвоенное некритически, без размышления. Это иррациональные компоненты общественного и индивидуального сознания: суеверия и предубеждения [7].

Предрассудки также нашли своё место во фразеологии, ведь они охватывают почти все виды деятельности человека. Одними из источников предрассудков являются малые группы, такие как семья или окружение человека. Также предрассудки могут формироваться в более широком смысле, в рамках народа, государства и т.д.

Появление предрассудков – следствие социальных условий и результат стремления человека упростить сложный мир. Это представление, сложившееся в конце XX в., базируется на результатах исследований социального мышления благодаря более чем 2100 публикациям [10].

Объектом социальных предрассудков могут выступать различные аспекты и характеристики человеческой жизни. В нашем исследовании, мы опирались на наиболее часто встречающиеся во фразеологическом фонде английского языка виды предрассудков, а именно: предрассудки по национальному признаку, гендерные предрассудки и предрассудки по социальному статусу.

Предрассудки по национальному типу отражают предубеждения о складе ума, менталитете и стандартном поведении представителей того или иного этноса. Источником национальных предрассудков часто являются исторически сложившиеся предубеждения [8].

Например, фразеологизмы про голландцев занимают 19% всех отобранных фразеологических единиц с компонентом, содержащим национальный признак. Это самая большая группа, возникшая в следствии англо-голландских войн в XVII – XVIII веках. Например, фразеологизм *Dutch courage* «храбрость во хмелю» имеет две версии происхождения. Обе версии сводятся к алкогольному напитку джин, впервые произведенному в Голландии в XVI веке. Первая версия заключается в том, что джин был довольно дешевым напитком, поэтому ценился у военных. Он согревал перед битвой, а также придавал смелости. Англичане в свою очередь заметили, что голландские военные пьют джин перед битвой, вследствие чего возникло данное выражение. Вторая версия заключается в том, что сами англичане, попробовав джин и оценив все его свойства, стали говорить перед боем «мне нужна голландская смелость», то есть джин.

Исторические военные конфликты послужили почвой и для возникновения предрассудков по отношению к другим национальностям. Например, начиная с XIV века, в результате войн между Великобританией и Турцией начали возникать фразеологизмы со словами *Turkish*, *Turk*, *Tartar*. Турки представляются как эмоциональные, жестокие и раздражительные люди, например: *turn Turk* «стать раздражительным, высокомерным или жестоким»; *young Tartar* «трудный, капризный ребенок».

Восемсот лет конфликтов между Ирландией и Англией с середины XII и до конца XX века нашли свое заметное отражение в английском языке. Ирландцы технически заметно отставали от английской армии, как, впрочем, и в бытовой сфере. Английским всадникам в латах с копьями и мечами противостояли ирландцы с палками и камнями. С течением истории оба народа развивались, но преимущество англичан во всех сферах (в том числе и социальной) сохранялось долгие столетия, что и породило массу язвительных и уничижительных устойчивых выражений, подчеркивающих отсталость и бедность ирландцев. Например: *Irish buggy* «тачка, тележка», *Irish beauty* «женщина с двумя синяками под глазами»; *Irish confetti* «кирпичи, камни, используемые в качестве оружия»; *Irish clubhouse* «полицейский участок»; *Irish stew* «дешёвая похлебка» (ирландское рагу – самое дешевое крестьянское блюдо, основными ингредиентами которого были кусочки баранины и клубневые овощи, а также любые остатки пищи и продуктов в доме); *Irish-apricots* «картофель». Стоит отметить, что большинство данных фразеологизмов давно утратило первоначальное значение или изначальную оценочную и коннотативную нагрузку, или вовсе стали давно неупотребляемыми архаизмами. Примером тому служит упоминание блюда *Irish stew* в популярном произведении конца XIX века Джерома К. Джерома «Трое в лодке», где оно фигурирует с исключительно положительным значением. Название современного популярного *Irish beauty show* имеет только положительные коннотации.

Следует отметить, что не все предрассудки, сформированные одним народом по отношению к другому, имеют негативный оттенок. Частым примером является формирование предрассудка по отношению к какому-то народу, опираясь на общее представление о его менталитете или социальном устройстве его общества: *with English sang froid* «с английским хладнокровием,

выдержкой, сдержанностью»; *American dream* «американская мечта, т.е. провозглашенное идеальное равенство возможностей для любого американца». Однако предрассудки относительно национальности с нейтральным или положительным оттенком встречаются гораздо реже по причине того, что негативные впечатления и конфликтные ситуации гораздо сильнее отражаются как на истории отношений между народами, так и на восприятии одного народа другим.

Гендерные предрассудки – это сформированные внутри общества предубеждения об особенностях и поведении представителей разных гендеров.

Гендерные предрассудки возникают как следствие существования гендерных ролей – социальных ожиданий, предписывающих человеку определенное поведение в зависимости от его гендерной принадлежности [2].

В то же время гендерные предрассудки служат механизмом поддержания гендерных ролей: верования об уникальных качествах и отличительных особенностях того или иного гендера используются для обоснования необходимости вести себя в соответствии с соответствующей гендерной ролью [6].

Следует отметить, что стереотипные суждения, характеризующиеся на данный момент как предрассудки, имеющие отношение к половой принадлежности и отраженные во фразеологизмах английского языка, на момент их появления предрассудками не являлись. Однако с течением времени и в силу изменений общественных норм и взглядов на привычные вещи, данные фразеологизмы попадают в разряд гендерных предрассудков.

Отобранные фразеологические единицы отражают стереотипные представления, в большинстве своём, о женщинах. Образ женщины во фразеологических единицах является неоднозначным, им присущи такие качества как болтливость, капризность, непостоянность и острота языка, например: *A woman always thinks it takes two to keep a secret; Frailly, thy name is woman; Hell hath no fury like a woman scorned.*

В то же время, роль женщины в жизни мужчины как супруги и хранительницы очага в основном представлена с положительной стороны: *A good wife and health is man's best wealth; Where there is no wife, there is no home; Men build houses, women build homes; Man is the head but woman turns it.*

Умственные способности женщины в отобранных фразеологических единицах оцениваются низко: *Long hair and short wit; a woman's reason* «женская логика» (выражение, которое указывает на нелогичность мышления).

Говоря про образ мужчины во фразеологизмах, можно сказать, что положительный образ мужчины преобладает над отрицательным. Так, например, отец выступает в роли примера для подражания в семье: *One father is worth more than a hundred schoolmasters.*

Однако, образ мужчины с точки зрения женщины также имеет негативный оттенок: *Men are born the slaves of women; Good men are scarce.*

Особенностью гендерных предрассудков является тот факт, что одно и то же качество трактуется по-разному в зависимости от гендерной принадлежности носителя: *A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks; Women are wiser than men because they know less and understand more; Patience is a virtue, possess it if you can, seldom found in woman, never found in man.*

Таким образом, гендерные предрассудки, в отличие от предрассудков национальных, не являются преимущественно негативными. Рассматривая различные качества, образ мужчины и женщины может быть представлен, как отрицательно, так и положительно. Некоторые качества могут восприниматься совершенно по-разному в зависимости от гендерной принадлежности носителя.

Социальный статус личности – это положение человека в обществе, которое он занимает в соответствии со своим возрастом, полом, происхождением, профессией, семейным положением.

Среди отобранного материала, предрассудки относительно социального статуса отражены, в большинстве своем, во фразеологизмах о бедных и богатых людях. Материальное положение является одним из аспектов в расслоении общества на различные социальные группы. Таким образом, предубеждение существует на уровне коллективного представления, сформированного в межгрупповом отношении.

Источником таких предубеждений может являться как личный опыт человека, так и формирование общего классового впечатления о людях противоположной социальной группы для объяснения и оправдания собственного материального положения.

Богатые люди, в основном, характеризуются как нечестные, не имеющие друзей, жадные и высокомерные: *Rich people are always stingy; Greedy folk have long arms; Muck and money go together; Set a beggar on horseback and he'll ride to the devil.*

Образ бедного человека содержит в себе такие качества как бережливость, простота, беспечность и безвыходность: *Beggars must not be choosers; The beggar may sing before a footpad.*

Также следует рассмотреть пример фразеологизма, иллюстрирующего распространенное предубеждение о различиях в структуре общества между богатыми и бедными людьми: *One law for the rich, and another for the poor.*

Предрассудки во фразеологизмах о семейном положении занимают всего 12% среди отобранного материала и в общем встречаются гораздо реже. Среди них чаще всего встречаются фразеологизмы с предрассудками про свекровь и невестку. Образ свекрови в английских фразеологизмах выражен резко отрицательно: *Mother-in-law and daughter-in-law, storm and hail; A mother-in-law made of sugar, still tastes bitter; Mothers-in-law are fine so long as they are deaf and blind.* Таким образом, выделяются такие черты характера как сварливость, несговорчивость и злость.

Источником такого рода предрассудков чаще всего является личный опыт. Различия в статусе обоих членов семьи, а также специфика внутрисемейных отношений дает почву для возникновения общеизвестных конфликтов и разногласий, что в свою очередь является почвой для предубеждений.

Проведя исследование, мы пришли к выводу, что большинство предрассудков, имеющих свое отражение во фразеологическом фонде английского языка, изжили себя в современном мире, в результате резкого осуждения любых попыток выражения предубеждения к человеку на основе национального и гендерного признака, а также социального статуса. Также следует отметить, что наблюдается сдвиг восприятия установленных в обществе

гендерных ролей от традиционного и приемлемого к отрицательному и осуждаемому.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых ; Астраханский государственный педагогический университет. – Астрахань, 2004. – 429 с.
2. Агеев, В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В. С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 2.
3. Ажгихина, Н. И. Гендерные стереотипы в современных массмедиа / Н. И. Ажгихина // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 261–273.
4. Алешко-Ожевская, С. С. Фразеологический состав английского языка и проблемы аллюзивности художественного текста : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. фил. наук / Светлана Сергеевна Алешко-Ожевская ; Московский гос. университет. – Москва, 2007. – 26 с.
5. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова ; Ленинградский государственный университет. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 216 с.
6. Баскакова, М. Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда / М. Е. Баскакова. – Москва, 1998. – 64 с.
7. Виноградов, В. В. Предрассудок // История слов : Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва, 1999. – 1138 с.
8. Крысько, В. Г. Этнопсихологический словарь / В. Г. Крысько. – Москва : МПСИ, 1999.
9. Питерова, А. Ю. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения / А. Ю. Питерова, Е. А. Тетерина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Пенза, 2016. – Т. 4, № 1. – URL: <http://esj.pnzgu.ru>. – (дата обращения: 17.03.2022).
10. Стефаненко, Т. Г. / Т. Г. Стефаненко // Большая российская энциклопедия: в 35-ти т. Т. 27 ; под ред. Ю. С. Осипова. – Москва, 2015. – 416 с.

УДК: 811.11-112

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЙНО- ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. Р. Матвейкина,

*магистрант кафедры романской филологии, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, ЮФУ «Южный
Федеральный Университет», Ростов-на-Дону*

Аннотация. Цель работы заключается в том, чтобы выявить и описать систему языковых средств выражения понятийной категории отрицания в английском языке.

Межпредметный статус категории отрицания, интерес лингвистов к ее исследованию свидетельствуют о значимости и важности ее более глубокого изучения, что определяет актуальность данной статьи.

Методы исследования: описательный, метод наблюдения, метод контекстуального анализа, метод словарной дефиниции.

Результат проведенного анализа показывает, что понятийно-языковая категория отрицания действительно имеет полевою структуру и объединяет в себе средства разных уровней. В этом плане в дальнейшем будет интересно рассмотреть структуру понятийно-языковой категории отрицания в английском в сравнении с таковой во французском языке, представляющем романскую языковую группу.

Ключевые слова: отрицание, понятийно-языковая категория, языковая структура, языковые уровни, полевая структура, средства выражения.

Summary. Aim of the current research is to determine and describe the system of language means for expressing negation in English.

Interdisciplinary status of this category and interest to it on the part of many linguists testify to the importance of its more profound study, which determines the relevance of the given research.

Methods: the descriptive, the observational methods, the method of the dictionary definition and that of contextual analysis.

The analysis shows that the conceptual-linguistic category of negation really has a field structure and combines the means of different levels. The language means of expressing negation in English texts are quite numerous and diverse.

Key words: negation, conceptual-linguistic category, language structure, field structure, language levels, means of expression.

Категория отрицания имеет универсальный, общезыковой характер и с древних времен является объектом разностороннего изучения таких наук как философия, логика, психология и лингвистика. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» отрицание определяется как одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы [4, с. 354]. Таким образом, категория отрицания рассматривается как присущая всем языкам мира понятийно-языковая категория, которая, обладая обширной системой средств выражения, проявляется на всех уровнях языковой структуры.

В том же словаре понятийно-языковые категории, к которым, как было упомянуто выше, и относится отрицание, определяются как «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами» [4, с. 385].

Понятийные категории имеют полевою структуру, т.е. такую, которая характеризуется взаимодействием структурных элементов, которые, в свою очередь, объединяются на основе тех или иных общностных признаков и различаются по принципу ядро (центр) – периферия. Та или иная категория при этом относится к ядру структуры, поскольку «имеется в виду некая совокупность взаимосвязанных явлений, расположенных так, что одно находится в центре того пространства, которое занято этими явлениями, а

остальные группируются вокруг него, соотносясь и тем самым сцепляясь друг с другом наличием многих смысловых и формальных признаков, т.е. находятся на периферии [2, с. 41].

Таким образом, понятийно-языковые категории имеют в своей основе способность к типизации явлений, которая является общей для разных сторон деятельности человеческого сознания [1]. Эта способность свойственна и человеческому мышлению, и психике, и языку, именно она позволяет связать процессы перевода внеязыковой информации в слова, а также обратные процессы декодирования вербальной информации «на основе устойчивых связей между событиями и выражающими их понятиями, между понятиями и выражающими их словами, между категориями событий и языковыми категориями» [5].

Как показывает анализ конкретного языкового материала, средства выражения отрицания относятся к разным уровням языковой системы: лексическому, грамматическому (который подразделяется на морфологический и синтаксический подуровни), словообразовательному и стилистическому уровням. Помимо этого, различается отрицание имплицитное, т.е. то, что входит в саму семантику слова, и эксплицитное, которое выражено определенным языковым маркером.

Следующий пример иллюстрирует отрицание, выраженное имплицитным способом:

*But now the world is awash in energy, and Russia's recent efforts to reach an entente with the Saudis **failed** to support oil prices.* / Но сейчас энергоносителей в мире больше, чем достаточно, и недавние попытки России достичь соглашения с саудовцами не увенчались успехом, и поддержать цены на нефть не удалось.

Данный глагол, заключающий отрицательную семантику, является часто употребляемым в современном английском языке.

Далее рассмотрим эксплицитные средства выражения отрицания. В.Н. Бондаренко выделяет среди них следующие основные эксплицитные лексические средства:

- отрицательные местоимения (nobody, no one, none, nothing, neither)

*No **one** has yet solved the chicken-and-egg conundrum of security and development.* / Никто еще не решил головоломку, что первично яйцо или курица, и в отношении вопросов безопасности и развития компании.

*But in the end, **none** of those were formally presented to the president.* / Однако в конечном итоге ничего из этого не было представлено на рассмотрение президента.

*Yet her humiliation solves **nothing**.* / Но это унижение ничего не решает.

*But **neither** mentioned the election that brought Abraham Lincoln to the White House.* / Но ни один из них не упомянул выборы, которые привели Авраама Линкольна в Белый дом.

- отрицательные наречия (never, nowhere);

В проанализированных текстах политической тематики категория отрицания часто выражается отрицательным наречием never вместо приглагольного отрицания с отрицательной частицей:

*But, he added, she would **never** adopt the mantle of leader should something happen to her brother.* / Однако он отметил, что Ким Е Чжон ни в коем случае не наденет на себя мантию лидера, если что-то случится с ее братом.

*One of the activists was also killed, but his death was **never** investigated.* / Один из активистов был также убит, но его смерть до сих пор не была расследована.

- отрицательное слово *no*;

*Several videos showed the crowd chanting “**No** to war”.* / Было несколько видео с изображением толпы, поющей “Нет войне”.

*This could mean a dramatic deterioration of security in Eastern Europe, with **no** end in sight.* / Это может означать резкое ухудшение безопасности в Восточной Европе, которому не будет видно конца.

Среди грамматических средств выражения категории отрицания представлены такие, как:

- отрицательные частицы (*not*);

*This was **not** something that was done casually, this was **not** something that was done by chance, this was **not** a target that was selected purely arbitrarily.* / Это не было сделано непредумышленно, это не было сделано случайно, и цель была выбрана вовсе не произвольно.

Стоит отметить, что в данном примере автор текста внедряет отрицательную частицу в анафорический повтор.

- отрицательные союзы (*unless, not only ... but, if not ... then, not that ... but, whether or not, nor, neither ... nor*);

Такие союзы часто используются выражения некатегоричного отрицания.

*However, I haven't heard much of this – **nor** school closures or other things front and center – being an issue in Nebraska.* / Однако я мало что слышал об этом — ни о закрытии школ, ни о других важных вещах – в Небраске.

- отрицательные предлоги (*without, despite, nonetheless*)

*Can there be Trumpism **without** Trump, and what's so unappealing or frightening about progressivism and the Democratic Party?* / Возможен ли трампизм без Трампа, и что такого непривлекательного или пугающего в прогрессивизме и Демократической партии?

*Airspace over Ukraine remains contested, **despite** predictions that Russian fighter jets would quickly dominate the skies.* / Воздушное пространство над Украиной остается спорным, несмотря на прогнозы о том, что Российские реактивные истребители должны были сохранять там доминирующее положение.

На словообразовательном уровне продуктивными средствами отрицания в английском языке являются такие средства, как:

- отрицательный суффикс *-less*;

*A Russian gallery says one of its security guards has vandalized an avant-garde painting on loan from the country's top art repository by drawing eyes on the picture's deliberately **featureless** faces.* / В Российской галерее утверждают, что один из ее охранников испортил авангардную картину, взятую напрокат в главном художественном хранилище страны, нарисовав глаза на нарочито безликих лицах картины.

And countless Democratic members of Congress say inflammatory things on a daily basis. / И бесчисленное количество членов Конгресса от Демократической партии ежедневно говорят подстрекательские вещи.

- отрицательные префиксы – un-, in-, u-, -ir-, im- non-, dis-, mis;

The inevitable consequence of all this is a world that has become more unpredictable and much less safe. / Неизбежное следствие этого – мир, становящийся более непредсказуемым и менее безопасным.

Like many Republicans and non-Republicans over the last 62 years, Gellman believes that Kennedy's 8,858-vote margin in Illinois was the product of fraud. / Как и многие республиканцы и нереспубликанцы за последние 62 года, Геллман считает, что перевес Кеннеди в 8 858 голосов в Иллинойсе был результатом мошенничества.

- отрицательный предикативный индекс по.

At most companies, bonuses are paid of profits. No end-of-year profits, no bonuses. / В большей части компаний премии выплачиваются из прибыли. Нет прибыли по итогам года – нет премий.

Следует отметить, что отрицание может выступать либо как фразовое (или предикатное), т.е. выраженное отрицательным словом в составе сказуемого или отрицательной формой сказуемого, либо присловное, т.е. отрицательный компонент использован не при сказуемом, а при других членах предложения [6, с. 41].

Yet her humiliation solves nothing. / Но это унижение ничего не решает.)

В данном примере мы видим использование присловного отрицания. Само отрицательное средство представляет собой лексическую единицу в функции дополнения. Ср.:

And no plan acceptable to both Parliament and the EU is on the table. / Но приемлемого плана нет ни у парламента, ни у ЕС.

В заключение отметим, что средства выражения понятийно-языковой категории отрицания в англоязычных текстах достаточно многочисленны и разнообразны. Они представлены на разных уровнях языковой системы.

Список использованных источников

1. Болдырев, Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-funktsii-otritsaniya-kak-osnova-formirovaniya-kategorii>.
2. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/otrizan/text.pdf>.
3. Бондарко, А. В. Введение. Полевые структуры в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – Санкт-Петербург : Наука, 2005.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая рос. энцикл., 1990. – 688 с.
5. Мусаева, А. А. Семантика и функции отрицания в англоязычном публицистическом дискурсе : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дисс. канд. филол. наук / Мусаева Айна Абдулхамидовна ; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2012. – 199 с.
6. Падучева, Е. В. Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. –

УДК 81'37

**СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ВЕРБАЛИЗИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПРИВАТНОСТЬ», В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В. Т. Муслимова¹, С. Е. Чернобай²,

*¹обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается семантика фразеологизмов, вербализирующих концепт «приватность», в английском языке. Целью исследования является определение основных семантических характеристик фразеологизмов, вербализирующих данный концепт. В ходе работы использовались метод компонентного анализа и описательный метод. В результате исследования установлено, что прежде всего приватность осознается как личная сфера человека, как право на сохранение личной информации в секрете. Отрицательно оцениваются вмешательство в чужие дела, нарушение личных и территориальных границ, навязывание мнения, нарушение социальных норм поведения, грубая критика. Подчеркивается важность сохранения свободы выбора индивидом.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, приватность.

Summary. The article considers the semantics of phraseologisms which verbalize the concept «privacy» in English. The aim of the research is to expose the main semantic characteristics of the phraseologisms which verbalize this concept. In the research the method of component and the descriptive method are used. As a result of the research it is ascertained that first and foremost privacy is realized as the personal sphere of a human being, as the right for keeping the personal information in secret. The interference into one's affairs, the breach of personal and territorial boundaries, imposing one's opinion, the violation of social norms of behaviour and rough critics are negatively evaluated. The importance of having freedom of choice by an individual is highlighted.

Keywords: phraseologism, concept, privacy.

Введение. В современном мире особое внимание уделяется соблюдению прав и свобод человека. Одной из основополагающих свобод человека в европейском и американском обществе является соблюдение права человека на частную жизнь. А. Х. Ульбашев отмечает, что приватность (privacy) «является одной из базовых категорий правовой системы США» [4, с. 94]. В связи с этим приватность как одна из фундаментальных ценностей большей части мирового

сообщества привлекает внимание ученых в разных научных областях, включая лингвокультурологию, философию, психологию, юриспруденцию и литературоведение [2; 3; 4; 5; 6], чем и обусловлена **актуальность** данного исследования. **Целью** данного исследования является определить основные семантические характеристики фразеологизмов, вербализирующих концепт «приватность», в английском языке. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**: 1) дать определение понятия концепт; 2) рассмотреть словарные дефиниции лексемы *privacy*; 3) проанализировать семантику фразеологических единиц, вербализирующих концепт «приватность» в английском языке. В ходе работы применялся **метод** компонентного анализа и описательный метод.

Результаты исследования. В конце 90-х годов XX столетия активно развивается концептология, в результате чего появляются различные лингвоконцептологические школы. Несмотря на некоторые различия в понимании терминов, в выборе методов исследования, ученые сходятся во мнении, что концепт представляет собой основную единицу сознания, он овеществляется (объективируется/ вербализируется) с помощью языковых средств, через которые можно составить представление о структуре концепта и описать его. С. Г. Воркачев определяет концепт как «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде» [1, с. 11]. Под концептом понимается «реально существующая форма бытия культурного феномена, при этом концепты “транслируются” в различные сферы человеческого бытия, такие, как язык, искусство, религия и др.» [3, с. 144]. Приватность осознается человеком как личная сфера и противопоставляется публичной (общественной) сфере. Согласно определению Кембриджского словаря приватность – это 1) право, которое кто-то имеет; 2) право держать личные дела и отношения в секрете; 3) состояние одиночества [7]. Приватность тесно связана с состоянием безопасности и защищенности, с правом человека на приватность в интернете и неприкосновенность личных данных, с нарушением личных и социальных границ [7].

Анализ исследуемых фразеологизмов, вербализирующих концепт «приватность», позволяет выделить основные модели поведения человека. Так, отрицательно оценивается стремление завладеть личной информацией о других людях, а также распространять такую информацию: «worm oneself into smb's confidence» – «втираться в чье-либо доверие»; «have itching ears» – «проявлять любопытство»; «stab smb in the back» – «клеветать, злословить»; «cast dirt at smb» – «очернить кого-либо». Не одобряется вмешательство в чужие дела: «poke one's nose into smb's affairs» – «совать свой нос в чужие дела»; «roach on smb's preserves» – «вмешиваться в чью-либо личную жизнь». И, наоборот, люди побуждаются не вмешиваться в чужие дела («keep one's nose out of smth») в связи с тем, что каждый имеет право на сохранение собственной приватности («be a master in one's own house»). Нарушением личных границ приватности считается пристальное рассматривание кого-то («watch smb like a hawk» – «зорко следить за кем-то»; «stare like a stuck pig» – «вытаращить глаза (от удивления)»). Отрицательное отношение выражается к навязыванию чужого мнения,

знакомства или присутствия («cram smth down smb's throat» – «навязывать кому-либо что-либо»; «a Dutch uncle» – «человек, любящий давать советы в родственной манере»; «scrape acquaintance with smb» – «искать чьего-либо знакомства»; «cling like a limpet to smb» – «пристать к кому-либо как банный лист»; «breathe down smb's neck» – «гнаться за кем-то; погонять кого-то»). Нарушением личных границ также будет упоминание в разговоре неприятных для человека тем и грубая критика: «touch a sore spot» – «задевать кого-либо за живое»; «hit smb where it hurts» – «задевать кого-либо за живое»; «bite smb's head/ nose off» – «грубо ответить кому-либо»; «pick a hole in smb» – «выискивать недостатки в ком-либо; критиковать». Для любого человека свобода и независимость, право самостоятельно принимать решения очень важны: «free smb's hand» – «предоставить свободу действий»; «give smb his head» – «опустить поводья; дать волю кому-либо». Осуждается контроль или попытка установления контроля над кем-то: «get smb by the short hairs» – «командовать»; «get the whip over smb» – «держат кого-либо в полном подчинении»; «throw one's weight around» – «важничать, давить авторитетом». Не допускается нарушение чужой территории: «crash a party» – «явиться без приглашения»; «a cuckoo in the nest – нежеланный гость». Недопустимо нарушать правила приличия и вести себя высокомерно: «as independent as a hog on ice» – «нахал»; «a rough customer» – «грубиян»; «go beyond all bounds» – «выходить из границ дозволенного»; «have one's nose in the air» – «быть высокомерным». Соблюдение приличий и норм вежливости очень важны в британской культуре: «keep on the rails» – «не нарушать законов; соблюдать нормы поведения»; «keep a civil tongue in one's head» – «говорить вежливо».

Рассматривая образное содержание исследуемых фразеологизмов, положенное в основу метафорического переосмысления, выделяются образы, связанные с:

- 1) физическим восприятием пространства индивидом: «give the cold shoulder» – «игнорировать»; «turn on/ up the heat» – «усилить давление на кого-либо», «put on the grill» – «допрашивать с пристрастием»;
- 2) физическими ощущениями тела человека: «stick pins into smb» – «раздражать кого-либо»; «cut to the bone» – «глубоко уязвить»;
- 3) укрощением животных и охотой: «be in blinkers» – «быть ограниченным человеком»; «wear the collar» – «быть в зависимости»; «crack the whip» – «запугивать»; «follow smb like a dog» – «ходить за кем-то по пятам»; «cover smb's tracks» – «заметать следы»; «be on one's track» – «следить за кем-то».

Анализ пословиц и поговорок выявляет дополнительные нормы приватности в английской языковой картине мира. Так, отрицательно оценивается вмешательство в личные/ семейные дела: «Put not your hand between the bark and the tree»; «Every fool will be meddling». Не поощряется фамильярность в отношениях: «Familiarity breeds contempt». В дружеских отношениях следует проявлять уважение к праву друга на частную жизнь, а также лучше избегать денежных отношений, в частности долговых обязательств: «Friends are thieves of time»; «God defend me from my friends, from my enemies I can defend myself»; «Lend your money and lose your friend». Не рекомендуется проявлять любопытство: «Curiosity killed the cat»; «Ask no questions and you will

hear no lies». Люди, ценящие приватность, внимательно относятся к распространению личной информации (о себе и о других): «A talebearer is worse than a thief»; «Give a dog a bad name and hang it»; «Never tell tales out of school»; «It's an ill bird that fouls its nest». Хотя мы все ценим дружеские отношения, ими никогда не следует злоупотреблять, грубо нарушая границы личной территории: «Visitors and fish stink after three days»; «A constant guest is never welcome». Человек всегда высоко ценит свободу, поэтому любая попытка подчинить кого-то, поставить его в зависимость от кого-то считается нарушением приватности человека и оценивается отрицательно: «No man likes his fetters, be they made of gold». Попытка высокомерно вести себя никогда не увенчается успехом, а приведет к противоположному результату: «Pride goes before a fall». При этом положительно оценивается невмешательство в чужие дела, как в социуме, так и в отношениях с друзьями: «Live and let live»; «Judge not and you won't be judged»; «A hedge between keeps friendship green». Необходимо уважительно относиться к личной территории и соблюдать границы: «Good fences make good neighbors»; «A man's home is his castle». При этом одинаково ценится уважение как индивидуалистических, так и коллективных ценностей: «Every tub must stand on its own bottom»; «A house divided against itself cannot stand».

Выводы. Приватность является базовым концептом, который в первую очередь выражает понимание человеком личной сферы в противоположность коллективной. Каждый участник коммуникативной ситуации стремится воспрепятствовать вторжению в свое личное пространство. Образная сторона этого концепта представляет собой физическое и символическое пространство личности, которое может соблюдаться или нарушаться другими. Также образная сторона исследуемого концепта включает предметы и события, ассоциируемые с приватностью, а именно: свободой, собственностью, одиночеством, секретностью, нарушением приватности и личных границ, статусом и вежливостью.

Список использованных источников

1. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва : Гнозис, 2007. – С. 10–11.
2. Пороховская, Т. И. Концепт приватности: нормативное содержание в сфере межличностных отношений / Т. И. Пороховская // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология». – Том 27 (66). – 2014. – № 1–2. – С. 3–10.
3. Прохвачева, О. Г. Приватность / О. Г. Прохвачева // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва : Гнозис, 2007. – С. 142–155.
4. Ульбашев, А. Х. Эволюция доктрины приватности (privacy) в американском праве / А. Х. Ульбашев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 2. – С. 93–98.
5. Шкудунова, Ю. В. Концептуальная основа «публичности» и «приватности» / Ю. В. Шкудунова // Вестник Омского университета. – 2007. – № 4. – С. 64–67.

6. Юсупова, Ю. Л. Категория «привэси» и ее языковая репрезентация в романе Дж. Фаулза «Дэниел Мартин» / Ю. Л. Юсупова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена . – 2009. – № 96. – С. 231–235.

7. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/privacy?q=Privacy>. (Access date: 05. 04. 2022)

УДК 659.1 : 811.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Л. Ш. Кубединова¹, К. Ю. Назаренко²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь;
ведущий научный сотрудник, НИИ «Институт прикладная семиотика»,
Академия наук Республики Татарстан
kubedinova@gmail.com*

*²бакалавр, обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
ksuksu20012001@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается использование иноязычной лексики в рекламе Республики Крым. Цель исследования – выявить особенности внедрения и заимствования иностранной лексики в рекламном пространстве Республики Крым. В ходе исследования был применен аналитический, сравнительно-сопоставительный метод, а также метод контекстуального анализа. Исследование позволило выявить ряд особенностей использования иноязычной лексики в рекламе Республики Крым. Одними из таких особенностей являются адаптация иноязычных слов к системе русского языка, а также представление иностранной лексики в рекламе вместе с русскими, знакомыми словами, чтобы создать эффект доверия у потребителя. Кроме прочего, результатом исследования может послужить выявленный факт того, что зачастую иноязычные слова не заменяют русскоязычные, а несут дополнительную смысловую нагрузку и сохраняют свою самобытность, вследствие чего и не переводятся на русский язык. Также было определено, что рекламодатели посредством введения иностранных слов или русских слов латинской графики в рекламу различных услуг или заведений создают, так называемый, эффект престижа.

Ключевые слова: иноязычная лексика, английский язык, реклама, Республика Крым.

Summary. In this article there has been described the usage of foreign vocabulary in the Crimean Republic advertisements. The purpose of the research is to identify the features of implementing and loaning of foreign vocabulary in the

Crimean Republic's advertising space. During the research the compare-matching method and the method of contextual analysis have been used. The research revealed a number of features of foreign vocabulary usage. One of these features is considered to be adaptation of the foreign words to the system of the Russian language and, besides, performing of the foreign vocabulary in advertisements with Russian familiar words in order to make the consumers experience an effect of confidence. Moreover, as a result we can see the fact that usually foreign words do not replace Russian words, but make more sense and maintain their identity, that is why many of them are not being translated into the Russian language. Also it was defined that advertisers with the help of using the foreign words in advertisements of different services and places somehow make a sort of greater prestige effect.

Key words: foreign lexis, the English language, advertisement, vocabulary, Crimean Republic.

Любой язык – это сложная многофункциональная система, посредством которой человек не только осуществляет коммуникацию, но и мыслит. Также язык является отражением исторической, культурной, социальной составляющей народа, что отражено в тех или иных словах, фразах, пословицах и поговорках. Именно такие яркие слова и фразы рекламодатели стремятся заключить в названия своих заведений, в их слоганы. Те же самые англицизмы в рекламе являются ничем иным как инструментом по привлечению внимания потребителя, повышения престижа заведения: иностранные слова, а особенно различные метафоры, эпитеты, игра слов и другие тропы создают ощущение чего-то неизведанного, экзотического, но в то же время и особенного. Подобные заимствования и внедрения из иностранных языков требуют тщательной систематизации и изучения. Они широко распространены в рекламном пространстве Крыма, но остаются малоизученными, что обуславливает актуальность указанной темы.

Цель исследования – выявление особенностей заимствования и внедрения иностранной лексики в рекламном пространстве Республики Крым. Цель обуславливает следующие задачи: компиляция и систематизация рекламы, представленной в Республике Крым в различных ее проявлениях, которая содержит целые части или элементы иноязычных слов и заимствований. Другой задачей является исследование и анализ собранных примеров иноязычной лексики в рекламе РК. Следующим этапом на пути к достижению цели исследования будет являться сравнительный, семантический и стилистический анализ выявленных примеров. В заключении статьи будут охарактеризованы особенности использования иноязычных элементов в рекламном пространстве Республики Крым.

Как было сказано ранее, подобная методика использования иноязычной лексики в рекламном пространстве не обошла стороной и крымский полуостров. Современное общество и его экономическая состоятельность создает спрос, а, соответственно, и высокое предложение, которое развивает конкуренцию. Это ведет к тому, что многие слова на иностранном языке начинают использоваться повсеместно, приобретают преобладающую и вливаются в культурный поток Крыма. Другой причиной наличия большого количества иностранных заимствований, внедренных в рекламу, является многонациональный состав полуострова. Кроме того, стоит выделить наличие тех же англицизмов как

результат международной туристической направленности бизнеса на территории республики.

Банки на территории полуострова пытаются избегать иностранных слов в своих названиях. Это, по их мнению, может вызвать недоверительные отношение со стороны потребителя, что как раз-таки обусловлено экзотичностью зарубежных слов: от банка не должна исходить неизвестность, так как люди передают туда свои ценности, а это речь лишь о доверии. Однако, и банки иногда прибегают к использованию иностранных слов по типу «кэшбэк». К тому времени пока такие слова войдут в рекламный обиход банков, они проходят культурный ценз и из простых иностранных слов переходят в полноценные заимствования, что уже не вызывает такого отторжения у потребителя.

Некоторыми словами заведения или торговые центры пытаются создать, так называемую, лексическую иерархию, так, например, торговый центр «*SeaMall*», который находится в городе Севастополь, в своем названии включает английский аналог русского словосочетания – торговый центр. Само название было подобрано не случайно: как мы знаем, Севастополь находится вблизи моря, следовательно, ввиду местонахождения самого торгового центра в этом городе мы и получаем эпитет «морской». Такой стилистический прием направлен на то, чтобы вызывать у посетителя ассоциации с морем, с морским стилем и тематикой этого места, то есть привлечь его своим названием.

Особых стилистических приемов на территории полуострова рекламщики пока пытаются избегать, однако они отнюдь редкими не являются. Так, например, мы можем обратить внимание на название одного из цветочных магазинов «*Flo-masters*». Название созвучно с русским словом «фломастер», что создает чувство каламбура, благодаря сокращению слова *flower*. Созвучность со словом «фломастеры» может вызывать у потребителя ассоциативный ряд с красками, чем-то разноцветным, что полностью оправдывает деятельность магазина по продаже цветов и оказывает влияние на восприятие потенциального клиента. Также подобным названием, а именно частью *masters*, магазин пытался раскрыть свою образовательную функцию: не только продажа цветов, но и подготовка новых кадров в сфере флористики.

Другая метафора служит для названия магазина «*Green market*», который по изначальной своей задумке должен был является магазином по продаже овощей и фруктов, что хорошо бы подкрепило наличие метафоры в названии. Однако же лексема “*green*” подразумевает зеленый цвет интерьера магазинов данной сети.

Помимо заведений из сферы общественного питания, стилистические приемы на английском языке пытаются использовать и учреждения, оказывающие образовательные услуги. Одно из таких учреждений: «*Long-Life learning*», учебно-консультационный центр непрерывного образования. Интересен тот момент, что в названии заведения английское слово *lifelong* (пожизненный) заменено на *Long-Life*, что скорее всего должно взаимодействовать со словом *learning* по отдельности. Эта задумка удивляет тогда, когда мы знаем, что в английском языке есть общепринятый термин *lifelong learning*, который включает в себя понятие непрерывного образования, как процесса роста образовательного потенциала личности в течение всей

жизни. Стоит заметить, что в русской культуре “пожизненное” обучение воспринимается отрицательно. В таком случае можно предположить, что перестановка слов в данном сложном слове послужило изменению значения – “обучение в любом возрасте”.

Вызывает удивление использование в названиях определённого артикля английского языка, о котором довольно небольшое количество жителей и гостей Крыма имеет представление в силу низкого уровня владения английским языком: «The "Угол" Burgers & Steaks» в Севастополе и «*The Mad Cook* на море» в городе Ялта. Следует отметить, что в англоговорящих странах избегают использования артикля в названиях учреждений и организаций. Тут также стоит обратить внимание на название заведения «*The Mad Cook* на море». Это название лексически может содержать несколько значений:

“Безумный повар на море”

“Безумная готовка на море”.

Можно предположить, что в данном случае автор пытался передать двойственную интерпретацию перевода английского слова *cook* на русский язык.

Внимания заслуживает ресторан с названием «Ин тайм», что является транскрипцией английской фразы *in time* – «вовремя». Таким образом, владельцы заведения, возможно, хотели вложить в название смысл того, что еда, которую вы закажете, будет подана вовремя. Стоит отметить, что было отдано предпочтение аналогу в английском языке, который звучит так же емко, но экзотично.

Среди иноязычной лексики, использованной в названиях заведений Республики Крым, также хочется выделить тюркские слова. Так, например, название кафе «*Divan*» означает высший орган государственной власти в Крымском ханстве, в котором заседали главы наиболее могущественных родов. Кроме этого, во многих тюркских языках термин «диван» приобрел еще одно значение – собрание стихотворений одного автора расположенных строго по жанрам. Почти каждый правитель Крымского ханства, крымский хан, имел свое собрание стихотворений – диван. Только в тюркских языках это слово имеет несколько понятий, в то время, как русскоговорящий человек, не знающий исторического контекста, может воспринимать это слово в качестве предмета мебели, дивана. Данное название кафе может служить примером, когда два слова в разных языках, имеющие одинаковое написание, но разные значения, могут вызывать разные ассоциации и влиять на людей, что отражается на их желании посетить или не посетить данное заведение. То есть у человека, владеющего крымскотатарским языком, возникает следующий ассоциативный ряд: диван – хан – богатая кухня, хорошее обслуживание. У человека, не владеющего крымскотатарским языком, может возникнуть такой ассоциативный ряд: диван – предмет домашней мебели – обычная кухня.

Представляется возможным выделить этно-кафе по типу по типу иноязычного названия «*Qirim Qavesi*», «Риони» и «Зирвак». Например, кафе (на крымскотатарском *qave* – кофе) уже давно превратилось в своеобразную сужающую синекдоху, под которой имеется в виду кофе, приготовленный в турке. Зирваком же в узбекской кухне называют основу плова, которая получается в ходе прожарки лука, моркови и мяса в раскаленном масле, которую заправляют специями. Очевиден тот факт, что фирменным блюдом кафе

является плов, а главной кухней – узбекская. Риони – аллюзия на одну из крупнейших рек в Грузии, соответственно, посетителю сразу понятно, что в кафе представлены блюда грузинской кухни. Так включение в название заведения этнической лексики позволяет привлечь целевую аудиторию.

Немецкий язык может быть представлен топонимикой – «*Ludwigsburg Cafe*» в Евпатории (Людвигсбург – город в Германии). Также мы можем столкнуться с германо-скандинавской мифологией, если обратимся к названию одного из садовых центров Ялты и Симферополя «*ФРЕЯ*». Фрейя – это богиня любви, плодородия и урожая в вышеуказанной мифологии, что как раз проливает свет на загадку выбора подобного названия – красота сада напрямую связана с плодородием.

В рамках данной статьи хотелось бы кроме всего прочего выделить не только названия, но и некоторые рекламные сообщения. Для начала следует познакомиться с одной из ярчайших антитез на территории Крымского полуострова в сфере рекламы заведений общественного питания: слова *классический* и *special*. Одним из многочисленных примеров может послужить меню кофейного магазина «*Brownies & Blondies*», в котором на стене заведения, в противовес *Классическому меню*, представлено меню *Special*, что опять же говорит о том, что в сфере бизнеса английским словам отдается предпочтение в виду престижа.

С ярким примером тропа, метонимией, в рекламных сообщениях нас знакомит одно из крымских кафе, которое просит посетителя: «съесть боул». *Bowl* – миска, стала счетной единицей в некоторых заведениях Крыма: боул с креветками, боул с курицей. Аналогом может послужить фраза: я съел три тарелки супа.

Помимо общепринятых рекламных приемов, например, в сообщениях о новинках компаний и магазинов, часто используется английское слово *NEW*, а скидки и распродажи объявляются при помощи английского слова *SALE*, что является весьма распространенным делом на территории всей РФ [4, с. 38].

Хотелось бы выделить одну из туристических компаний Симферополя, которая представляет следующий свой слоган: *We have holidays to suit every pocket*, – что является ярким примером концептуальной метафоры «*POCKET is MONEY*» (деньги отождествляются с карманом).

Некоторые из заведений, например, «*Мяги Family*», пытаются образовать новые слова, сочетающие в себе элементы как русского языка, так и иностранного: «неХот роллы» (холодные роллы), где «неХот» играет роль эпитета. Подобный синтез создает образ чего-то необычного. Это, по сути, и является правдой, так как поверх обычных холодных роллов заведение подает горячий крем. Такой крем используется на запеченных роллах, их в меню заведения и называют «хот» роллами, именно это и обусловило такое название – «неХот» роллы.

Другие заведения пытаются внедрять олицетворения и даже английские идиомы в свою рекламную компанию: «*наш сет will set you on fire*», – где слово “сет” используется в значении “set” – “набор”, например, сет суши – набор суши. Рекламный слоган, основанный на идиоме “*to set someone on fire*” (поджечь), весьма гармонично вписывается в рекламу.

Немецкий язык представлен в рекламе узких, специализированных ресторанов, которые представляют немецкую кухню. Часто используется транскрипция немецких слов с некоторой их корректировкой, судя по всему, для того, чтобы облегчить их произношение. Так одна из позиций меню заведения «Паб Хайдельберг» имеет название «Айсбан», что является измененным названием немецкого блюда “Eisbein” (досл. ледяная нога), транскрибированным кириллицей. Опираясь на историческую справку, это блюдо (отварная или жареная свиная рулька) готовилось моряками из солонины. После того, как солонину доставали из бочки, на ней все еще оставался белый налет соли, который напоминал лёд, что и послужило причиной данного ассоциативного названия. В современной немецкой кухне «Айс Байн» готовится из свежей свинины.

В качестве заключения можно сказать, что иностранная лексика в рекламе Республики Крым используется активно. Одной из особенностей использования иноязычной лексики является заимствование иностранных слов с попыткой их адаптации к культуре русского языка, внедрение в его общую систему. Посредством такого стремления мы получаем различные стилистические приемы с использованием английских слов и лексики других языков под влиянием логики русскоговорящего человека. Однако, нередко рекламодатели пытаются сохранить самобытность иноязычных фраз, идиом, слов, чтобы привлечь внимание потребителя экзотикой. Стоит отметить, что это представляется возможным только в том случае, если иностранные слова сопровождается русской лексикой, чтобы заимствование не воспринималось совсем чуждо и не оттолкнуло потенциального клиента.

Список использованных источников

1. Аксенова, К. А. Реклама и рекламная деятельность / К. А. Аксенова. – Москва : Приориздат, 2005. – 242 с.
2. Андерсон, О. В. Лингвокультурологические и национально-ментальные особенности языка рекламы : специальность 10.02.19 «Теория языкознания» : дис.... канд. филол. наук: / Ольга Владимировна Андерсон – Краснодар, 2006. – 150 с.
3. Бернадская, Ю. С. Основы рекламы : Учебник / Ю. С. Бернадская, С. С. Марочкина, Л. Ф. Смотровая ; под ред. Л. М. Дмитриевой. – Москва : Наука, 2005. – 281 с.
4. Бойко, С. А. Англицизмы в современном русском языке : лингвоэкологический аспект / С. А. Бойко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014.– №2. – С. 32–38.
5. Горская, С. А. Лексика. Фразеология. Лексикография : практикум / С. А. Горская. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 137 с.
6. Кравченко, А. В. Взаимодействие культур и гибридизация языка / А. В. Кравченко // Notocommunicans : человек в пространстве межкультурных коммуникаций. – Щецин : GRAFFORM, 2012. – С. 82–84.
7. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. – Москва : Наука, 1982. – 152 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1997. – 944 с.

9. Donald, M. Origins of the Modern Mind : Three stages in the evolution of culture and cognition / M. Donald. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1991. – 315 p.

УДК 81'37

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «CAT» И «DOG» В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

А. М. Сержантова¹, С. Е. Чернобай²,

¹обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается семантика фразеологизмов с компонентом «cat» и «dog» в английском, немецком и русском языках. Целью исследования является выявление национально-культурной специфики фразеологических единиц с компонентами «cat»/ «Katze»/ «кот» и «dog»/ «Hund»/ «собака». В ходе работы использовались методы компонентного и фразеологического анализа, сравнительно-сопоставительный и описательный методы. В результате исследования установлено, что большинство анализируемых фразеологизмов семантически идентичны, так как характеризуют человека, его поведение, образ жизни.

Ключевые слова: фразеологизм, кот, собака, зооним, коннотация.

Summary. The article considers the semantics of phraseologisms with the component «cat» and «dog» in English, German and Russian. The aim of the research is to expose the national and cultural specifics of the phraseological units with the components «cat»/ «Katze»/ «кот» и «dog»/ «Hund»/ «собака». In the research the methods of component and phraseological analysis, comparative and descriptive methods are used. As the result of the research it is ascertained that most analyzed phraseologisms are semantically identical as they characterize people, their behaviour and the way of life.

Keywords: phraseologism, cat, dog, zoonym, connotation.

Введение. Фразеология национальных языков играет в важную роль в понимании языковой картины мира носителей языка и развитии межкультурной коммуникации. Проблемам исследования фразеологии европейских языков посвящено достаточно научных трудов [1; 2; 5; 7; 8]. Тем не менее, **актуальность** данного исследования не теряет своей значимости, так как все больше людей стремятся овладеть иностранным языком для практического применения, т.е. для формирования межкультурной компетенции, свободного общения с носителями языка. Именно с помощью фразеологии можно понять

историю того или иного народа, менталитет, национальный характер, культуру и быт. Мы живем в неразрывной связи с окружающей нас средой и представителями животного мира, поэтому одним из распространенных компонентов многих фразеологизмов в разных языках является зооним. Образы собаки и кошки часто встречаются в составе фразеологизмов английского, немецкого и русского языков, так как эти животные были приручены человеком первыми и в настоящее время являются самыми популярными домашними животными.

Целью данного исследования является выявление национально-культурной специфики фразеологических единиц с компонентами «cat»/ «Katze»/ «кот» и «dog»/ «Hund»/ «собака» в английском, немецком и русском языках. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) исследовать семантическую структуру фразеологизмов с компонентами «cat»/ «Katze»/ «кот» и «dog»/ «Hund»/ «собака» в английском, немецком и русском языках; 2) провести сравнительный анализ семантики исследуемых фразеологических единиц. В ходе работы применяются **методы** компонентного и семантического анализа, сравнительно-сопоставительный и описательный метод. Материалом исследования послужили фразеологические единицы, отобранные из лексикографических источников [3; 4; 6; 9].

Результаты исследования. Зоонимы «кот» и «собака» обладают высокими фразообразовательными возможностями, что и обуславливает их многочисленность в русской, немецкой и английской зоонимической фразеологии. При этом кошкам и собакам не приписываются определенные человеческие качества. Коты выступают символом зла и тьмы. В мифологии данное животное выступает воплощением или помощником черта, нечистой силы. Негативная оценка кошки во многих культурах связана с агрессивной установкой по отношению к женщине. Коты чаще всего ассоциируются со злым, сварливым, хищным и недоброжелательным человеком. Поэтому среди фразеологизмов с зоонимом «cat» преобладают ФЕ с отрицательной коннотацией. Например: «to look like smth. the cat dragged in» – «выглядеть некрасиво, неважно»; «not a cat in hell's chance» – «никаких шансов»; «to fight like Kilkenny cats» – «бороться не на жизнь, а на смерть», «no room to swing a cat in» – «яблоку негде упасть»; «to move like a scalded cat» – «нестись как ошпаренный»; «curiosity killed the cat – любопытной Варваре на базаре нос оторвали»; «like a cat on hot bricks» – «сидеть, как на иголках»; «the cat would eat fish and would not wet her paws» – «и хочется, и колется». Реже употребляются ФЕ с положительной коннотацией: «to look like the cat that got the cream» – «выглядеть довольным и счастливым»; «a fat cat» – «важная персона»; «there is more than one way to skin a cat» – «есть много способов добиться своего». Кошка предстает перед людьми как существо таинственное («to let the cat out of the bag» – «раскрыть все секреты») и считается врагом собаки («to fight like cat and dog» – «часто ссориться»). Поговорки с компонентом «cat» имеют дидактический характер, напоминая о необходимости трудиться, об умении абстрагироваться и быть внимательным к происходящему: «a cat in gloves catches no mice» – «без труда не вытащишь и рыбку из пруда»; «there is more than one way to kill a cat» – «свет клином не сошелся»; «wait for the cat to jump» – «держи нос по ветру».

Практически у всех народов кошки и коты олицетворяют хитрость, ясновидение, способность перевоплощаться, внимательность, ум, сообразительность, грациозность, чувственную красоту и изящество. В средние века кошкам приписывалось служение ведьмам; последние нередко сами превращались в кошек. Даже немецкое существительное «еретик» — «der Ketzer» восходит своими корнями к слову «кошка» — «die Katze». В немецком языке фразеологизмы с данным компонентом тоже имеют отрицательную коннотацию: «Wie die Katze um den heißen Brei gehen» — «ходить вокруг да около»; «Da ist die schwarze Katze dazwischengekommen» — «между нами кошка пробежала»; «Wer keine Kuh hat, muss die Katze melken» — «у кого нет коровы, тот не кормит кошку, на безрыбье и рак рыба»; «die Katze weiss, wo sie genascht hat» — «знает кошка, чье мясо съела»; «die Katze lässt das Mäusen nicht» — «как волка не корми, он все в лес смотрит»; «wenn die Katze aus dem Haus ist, tanzen die Mäuse auf dem Tisch» — «кошки — со двора, а мыши — по столам».

В русской фразеологии фразеологизмы с компонентом «кот/кошка» тоже имеют отрицательную коннотацию, указывая на хитрость людей, тревожные переживания, малое количество и неведение, например: «играть в кошки-мышки» — «провести кого-либо»; «кот заплакал» — «очень мало, небольшое количество»; «кошки скребут на душе/ сердце» — «переживать, испытывать сильное беспокойство, тревогу»; «купить кота в мешке» — «приобретать то, о свойствах чего не знаешь»; «чёрного кота не вымоешь добела» — «неисправимого не исправить»; «носится, как кошка с котятками» — «проявлять безмерную заботу».

ФЕ с компонентом «dog» в основном обладают негативной коннотацией: «in the doghouse» — «в немилости»; «to treat someone like a dog» — «плохо с кем-л. обращаться»; «a dead dog» — «ненужная, бесполезная вещь». ФЕ с данным компонентом могут выражать отсутствие опыта («the tail wags the dog»), плохое самочувствие («to be as sick as a dog»), разорение («to go to the dogs»), жалкое существование («it is a dog's life»), что-то неприятное, о чем принято умалчивать («to let sleeping dog lie»), опасность («dumb dogs are dangerous» — «в тихом омуте черти водятся»), неспособность измениться («you cannot teach old dogs new tricks» — «старого пса к цепи не приучишь»). Тем не менее, есть ФЕ и с положительной коннотацией: «every dog has its day» — «счастье приходит к каждому», «a good dog deserves a good bone» — «по заслугам и честь». В английском языке собака рассматривается как низшее существо.

Популярностью в немецком языке пользуются фразеологизмы с зоонимом der Hund, что объясняется любовью немцев к собакам: «bekannt sein wie ein bunter Hund» — «быть известным, как пестрая собака, его всякая собака знает»; «mit altem Hunde sicherste Jagd» — «старый конь борозды не портит». ФЕ с данным зоонимом характеризуют такие качества человека как верность «treu wie ein Hund» и трудолюбие «ein scharfer Hund sein», умение добраться до сути «da liegt der Hund begraben!». Тем не менее, немецкие ФЕ с зоонимом «der Hund» обладают негативной коннотацией: «wenn die Hunde mit dem Schwanz bellen» — «когда рак на горе свистнет», «wie Hund und Katze leben» — «жить как кошка с собакой», «auf den Hund sein» — «бедствовать, терпеть крайнюю нужду», «jdn. Auf den Hund bringen» — «довести до нищеты кого-нибудь», «getroffener Hund bellt» — «на воре шапка горит». ФЕ с данным компонентом характеризуют

человека как глупого («ein blöder Hund»), лживого («ein falscher Hund»), подлого («ein gemeiner Hund»), трусливого («ein feiger Hund»), упрямого («ein sturer Hund»), эгоистичного («der Hund auf dem Heu»), настырного («ein sturer Hund»).

В русской культуре зоонимы «пес» и «собака» представляют человека в различных жизненных ситуациях: «вот где собака зарыта» – «именно в этом суть дела»; «как собака палку любит» – «очень не любит»; «как собаке пятая нога» – «совсем не нужен»; «псу (собаке) под хвост» – «напрасно, зря»; «собак гонять» – «проводить время зря»; «собаку съел» – «имеет большой опыт, знания в чем-л.»; «собачий нюх» – «кто-л. обладает способностью подмечать что-либо скрытое, тайное».

Негативная коннотация русских ФЕ с компонентом «собака» обусловлена тем, что в мифологической картине мира славян собака занимает крайне низкое положение и причисляется к нечистым существам, кроме того, в народном сознании она часто отождествляется с дьяволом. Однако встречаются ФЕ и с положительной коннотацией, так как собака считается идеальным сторожем и помощником в охоте, который может спасти.

В английском, немецком и русском языке *собака* описывает, в основном, плохие качества человека. Однако, в немецком языке «Der Hund» используется для номинации некоторых объектов и явлений: волны на море (weiße Hunde), сильный холод (Hundekälte), строгого судью (scharfer Hund).

Для фразеологизмов в большинстве случаев характерно наличие более или менее живой внутренней формы. Образы, которые лежат во внутренней форме ФЕ, в своем большинстве базируются на прямых значениях компонентов. Следует заметить, что образ ФЕ практически всегда шире внутренней формы лексической единицы. Можно говорить о сходстве образов, положенных в основу номинации ФЕ в сопоставляемых языках, но полное совпадение образа встречается редко. К ФЕ с полным совпадением образа можно отнести следующие ФЕ: «let the cat out of the bag» = «die Katze auf dem Sack lassen»; «покупать кота в мешке» = «die Katze im Sack kaufen»; «Da ist die schwarzes Katze dazwischengekommen» = «между нами черная кошка пробежала»; «Katze und Maus spielen» = «играть в кошки-мышки»; «bei Nacht sind alle Katzen grau» = «ночью все кошки серы»; «a dog's life» = «собачья жизнь»; «like a scalded cat» = «как угорелая кошка»; «as tired as a dog» = «устал как собака».

Исследование национально-культурной специфики фразеологии является очень важным для понимания культуры и мышления народа, так как культурная самобытность языкового сообщества наиболее ярко раскрывается во фразеологии.

Выводы. Зоонимы в составе фразеологизмов обладают богатым информативным потенциалом. Они так же могут характеризовать человека с абсолютно разных сторон, подчеркивая как отрицательные, так и положительные черты характера. Многие анализируемые фразеологизмы имеют дидактический характер, подчеркивая и осуждая отрицательные качества человека, такие как глупость, подлость, предательство, никчемность. Английские, немецкие и русские фразеологизмы с зоонимическим компонентом дают нам ключ к пониманию национального характера народов Великобритании, Германии и России, их культуре и видению мира. В исследуемых языках можно найти похожие по смыслу фразеологизмы. Это

можно объяснить тем, что в основе языковой объективации окружающего мира лежат похожие или идентичные образы. Тем не менее, особенности национального мировосприятия проявляются в появлении фразеологизмов, не имеющих аналогов в других языках.

Список использованных источников

1. Звягинцева, В. В. Зоонимы в русской, английской и французской лингвокультурах / В. В. Звягинцева, И. А. Толмачева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – 2014. – С. 16–20.
2. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка (опыт систематизированного осмысления) / А. В. Кунин. – Москва: Международные отношения, 1972. – 289 с.
3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Москва: Русский язык – Медиа, 2005. – 1214с.
4. Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка/ Ю. А. Ларионова. – Москва: «Аделант», 2014. – 512 с.
5. Лесота, Ю. Л. Английская зоосемия: учебное пособие / Ю. Л. Лесота. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1984. – 116 с.
6. Литвинов, П. П. 3500 английских фразеологизмов и устойчивых словосочетаний / П. П. Литвинов. – Москва: Lingua, Астрель, АСТ, 2007. – 288 с.
7. Сафина, Р. А. Сопоставительная фразеология немецкого и русского языков / Р. А. Сафина. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2004. – 35 с.
8. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – Москва: Высшая школа, 1970. – 199 с.
9. Seiler, F. Deutsche Sprichwörterkunde / F. Seiler. – München, 1922. – 472 s.

УДК 811.112.2

КОНЦЕПТЫ В НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

А. А. Доброва¹, С. Е. Перепечкина²

¹обучающаяся 4 курса, кафедра немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается немецкая фразеологическая картина мира, её особенности и характерные черты. Актуальность такого исследования обусловлена тем, что фразеологизмы играют одну из ключевых ролей при изучении языковой картины мира. Эти образцы народного творчества отражают основные черты национального характера и обобщают богатейший

жизненный опыт немецкого народа. Целью данной работы является выявление и анализ концептов в немецких фразеологизмах, отражающих немецкую картину мира. В ходе исследования использовались аналитический и концептуальный методы.

Ряд характеристик немецких фразеологизмов, как и содержащиеся в них концепты, можно рассматривать в качестве особенностей, которые позволяют говорить о специфичности немецкой национальной картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая картина мира, идиома, немецкие фразеологизмы, концепт.

Summary. The article examines the German phraseological picture of the world, its features and characteristics. The relevance of such a study is due to the fact that phraseological units play one of the key roles in the study of the linguistic picture of the world. These examples of folk art reflect the main features of the national character and summarize the richest life experience of the German people. The purpose of this work is to identify and analyze concepts in German idioms that reflect the German picture of the world. During the research, the analytical and conceptual methods have been used.

A number of characteristics of German phraseological units, as well as the concepts contained in them, can be considered as features that allow us to speak about the specificity of the German national picture of the world.

Key words: language picture of the world, phraseological picture of the world, idiom, German phraseological units, concept.

Фразеологизмы обладают познавательной ценностью, которая проявляется в том, что, благодаря им мы видим, как тот или иной народ воспринимает реальность. Данные образцы фольклора наряду с другими устойчивыми единицами играют одну из ключевых ролей при изучении языковой картины мира, этим и обуславливается актуальность данного исследования. Его *целью* является рассмотрение фразеологической картины мира немецкого народа, выявление и анализ имеющихся в ней концептов. В ходе работы использовались аналитический и концептуальный методы. Материалом для исследования послужила научная литература, где представлены исследования идиом, сборники немецких фразеологизмов, а также статьи и онлайн-словари [12;13].

Анализируя исследования лингвистов прошлого – В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Э. Сепира и Б. Уорфа и др., учёные приходят к выводу, что «каждый язык по-своему членит мир» [5, с. 66], т.е. в каждом языке отражается своя картина мира, где с помощью разных языковых единиц фиксируются культурные ценности народа и его отношение к реальности.

В лингвокультурологической науке одним из основных понятий является «языковая картина мира» (ЯКМ). Е.С. Яковлева характеризует языковую картину мира как зафиксированную в языке и специфичную для данного коллектива схему восприятия действительности [11, с. 9].

З. Д. Попова и И. А. Стернин дают более обширное толкование ЯКМ, определяя её как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определённом этапе развития народа, отражённое в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных

значениях слов информация о мире» [7, с. 37].

Ярким примером отражения ЯКМ может служить устное народное творчество, ведь в нём заключен опыт предыдущих поколений и мудрость народа. Различные устойчивые единицы: пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые фразы – можно считать стереотипами национального сознания [2, с. 46]. Наряду с ЯКМ учёные выделяют фразеологическую картину мира, которая представляет собой картину мира, выраженную с помощью фразеологических средств языка [10, с. 209].

Говоря об основных признаках фразеологической картины мира, Р. Х. Хайруллина выделяет такие признаки как универсальность, антропоцентризм и экспрессивность. Учёный утверждает, что «во фразеологизмах используются названия предметов и явлений, с которыми человек сталкивается в реальной жизни, а также то, что его окружает (небо, земля, флора, фауна). При этом основное отличие фразеологизмов от слов в их экспрессивности» [9, с. 67].

В. А. Маслова, характеризуя фразеологические единицы, указывает на то, что они «в своей семантике отражают длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [5, с. 82]. Такого же мнения придерживается и Ф. И. Буслаев, заключающий, что фразеологизмы могут содержать в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [4, с. 37].

Материалом для фразеологической картины мира могут служить разные виды устойчивых выражений: идиомы, коллокации, пословицы, поговорки, крылатые слова и т.д. [1, с. 9, 68–69]. Данный анализ фразеологической картины мира построен на исследовании ряда идиом, отражающих концепты национальной культуры. Под идиомами мы понимаем «своеобразные выражения определённых языков, являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу, обыкновенно не поддающиеся точной передаче на другие языки и требующие при переводе замен сходной стилистической окраски» [3, с. 32].

В немецком языке фразеологизмы обозначаются термином «Phraseologismus» и включают в себя несколько классов: *Idiome, Kollokationen, Sprichwörter, Redewendungen, geflügelte Worte, Funktionsverbgefüge* [6, с. 81]. А. Д. Райхштейн выделяет класс устойчивых фразовых оборотов (УФО), называя их термином «Festgeprägte Satzwendungen». Рассматривая данные выражения, учёный обращает внимание, что УФО формируются на базе устойчивых оборотов, которые составляют лексико-синтаксическое ядро фразы, то есть имеют оба главных члена предложения (S + P). Данные выражения «характеризуются образным переосмыслением и обладают более или менее монолитным значением, то есть являются идиоматическими» [8, с. 10].

Если говорить о структурно-грамматических особенностях идиоматических УФО, то данные выражения имеют фиксированную структуру (S + P), иногда дополненную ещё одним членом (S + P + X), в роли которого обычно выступает предложно-именная группа, наречие либо прилагательное. Большинство УФО структурно не завершены и чаще всего в предложении

выступают в роли дополнения, которое обозначает характеризующее лицо или предмет [там же, с. 11–12].

В немецком языке также широко представлены идиоматические выражения, не требующие распространения, другими словами, они могут образовать фразу с помощью собственного состава (например, *Der Nebel lichtet sich*). Их ролью является оценка ситуации. Однако и структурно завершённые, и не завершённые выражения могут быть распространены другими членами (чаще всего обстоятельством). А. Д. Райхштейн обращает внимание на то, что УФО «безразличны» к морфологической форме глагола, интонации, порядку слов и наличию либо отсутствию отрицания, таким образом, они допускают ряд структурных изменений.

С точки зрения стилистики, УФО могут быть как высокого стиля, так и грубо-просторечного. А. Д. Райхштейн подчёркивает, что «основной сферой употребления УФО являются функциональные стили, для которых характерна образность, то есть прежде всего обиходно-разговорный стиль, стиль художественной литературы и стиль публицистики» [там же, с. 14]. Однако множество устойчивых оборотов принадлежат к стилистически нейтральной литературной норме.

С точки зрения толкования фразеологизмов многие лингвисты обращают внимание на то, что их источником могут выступать концепты, которые получают значение символов. В. А. Маслова определяет культурные концепты как «имена абстрактных понятий, где культурная информация прикрепляется к сигнификату, т.е. понятийному ядру» [5, с. 48]. Далее уточняется, что ключевыми концептами культуры называются «обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [там же, с. 51]. Обращаясь к исследованиям А. Я. Гуревича, учёный предлагает разделить концепты на две группы: «космические» – философские категории, которые А. Я. Гуревич называет «универсальными категориями культуры» (время, пространство, движение и т.д.); социальные категории – культурные категории (труд, богатство и т.д.). Также В. А. Маслова выделяет ещё одну группу концептов – «категории национальной культуры (в русской культуре – это воля, соборность и т.д.)» [там же, с. 51].

Данная классификация А. Я. Гуревича и В. А. Масловой применима и для немецких идиом. Проведённое исследование позволяет увидеть, что для немецкой фразеологической картины мира в большей степени свойственно обращаться к концептам социальной направленности и выделять понятия, связанные с нравственной характеристикой человека, его чувствами и поступками. Во фразеологизмах описываются как положительные черты характера («стойкость» – *es ist noch nicht aller Tage Abend*, «внимательность» – *ganz Auge sein*, «находчивость» – *um keine Antwort verlegen sein*), так и отрицательные («высокомерие» – *die Backen voll nehmen*, «непрочность» – *keinen langen Atem haben*, «раздражительность» – *j-n ärgert die Fliege an der Wand*).

В то же время, в немецкой фразеологии находят место концепты философской тематики: «движение» (*die Welt aus den Angeln heben*), «время» (*stille Zeit; sich (D) die Zeit mit etw. vertreiben*), «начало» (*von A bis Z*), «конец» (*am Ende sein; am Ende der Welt*), «рождение» (*der Storch beißen jßn ins Bein*),

«смерть» (*j-s Tage sind gezählt; bei j-m rieselt der Kalt*) и другие.

Своеобразие немецкой фразеологической картины мира характеризуется двойственностью понятий. Например, большинство абстрактных категорий описываются с использованием чётких образов. Так, один из основополагающих концептов немецкого менталитета – «порядок» – отображается во фразеологических единицах при помощи слов *Ordnung, Dienst, Dienstleid (einen auf den Dienstleid nehmen; etw. auf seinen Dienstleid nehmen; etw. ist nicht in Ordnung)*. Другими словами, у немцев порядок ассоциируется с дисциплиной, делом и присягой.

В противовес абстрактным конкретные понятия обладают многозначностью и могут быть использованы в разных контекстах. Типичный для немецкого народа продукт – колбаса – отражён во множестве фразеологических единиц (*die Wurst nach der Speckseite werden; Wurst aus j-m machen; Wurst wieder Wurst*) и наделён как положительными, так и отрицательными значениями. Похожая картина наблюдается в использовании понятия «яблоко». Данный фрукт в немецкой картине мира также наделён противоположными смыслами: при описании чего-либо совершенного (*goldene Äpfel in silbernen Schalen*) и в роли пустяков (*Äpfel braten*).

Часто употребляемыми при описании мировоззрения немцев являются образы животного мира. Каждый из них наделён чертами, характеризующими человека или ситуацию. Заметим также, что одному животному приписываются одноплановые черты. Например, обезьяна ассоциируется с игрой и весельем (*ich bin doch nicht dein Affe; sich einen Affe kaufen*), кошка – со смирением и покорностью (*(die) Katze (aus)halten; der Katze die Schelle umhängen*), осёл – с глупостью и тщетностью чего-либо (*j-n auf den Esel setzen; der (graue) Esel fährt heraus*).

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что все вышеперечисленные характеристики немецких идиом можно рассматривать как специфичность, отображающую менталитет немецкого народа и его национальную картину мира. Изучение пласта концептов в рамках фразеологической картины мира может способствовать углублённому изучению отражения мировоззрения немцев в их языке и культуре.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
2. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : Автореф. дис. ...док. филол. наук / Т.Г. Бочина. – Казань, 2003. – 53 с.
3. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. – Ч. 2.– Москва : 1954. – 174 с.
4. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – Т. 1. [Русская народная поэзия]. – Санкт-Петербург : Издание Д. Е. Кожанчикова : Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – 643 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

6. Петренко, Д. А. Лексикология немецкого языка : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д. А. Петренко, А. В. Пономарёва. – Симферополь, 2018. – 117 с.
7. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
8. Райхштейн, Д. А. Немецкие устойчивые фразы : [учебное пособие] / А. Д. Райхштейн. – Ленинград : Просвещение, 1971. 184 с.
9. Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р. Х. Хайруллина. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.
10. Шкатова, В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения / В. В. Шкатова. Вестник ЛГУ им А. С. Пушкина. – Том 7. – №1. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 208–215.
11. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 344 с.
12. Deutsche Sprichwörter und Redewendungen von A-Z. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sprichwoerter.net/deutsche-sprichwoerter-und-redewendungen/>.
13. Redewendungen Deutsch. [Электронный ресурс]. – URL: <https://deutsch.lingolia.com/de/wortschatz/redewendungen>.

УДК 81'367.623

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АКАДЕМИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. В. Рейнова,

обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель: Полховская Е. В., зав. кафедрой английской филологии, к. филол. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Исследование направлено на изучение словообразовательного значения английских сложносоставных прилагательных, а также на анализ особенностей их употребления в рамках академического и художественного дискурсов. Были использованы следующие методы: сплошной выборки, описательный, сопоставительный, метод контекстуального, компонентного и количественного анализа. Предложенная в работе классификация словообразовательных моделей сложносоставных прилагательных и трактовка их семантического значения способствуют

осмыслению нормативных схем речевого поведения, используемых в анализируемых дискурсах.

Ключевые слова: сложносоставное прилагательное, качественное, относительное, словообразовательная модель, академический дискурс, художественный дискурс.

Summary. The research is aimed to study the word-formation meaning of English compound adjectives, and analyze the peculiarities of their usage, within the framework of academic and artistic discourses. The following methods were used: sampling, descriptive, comparative, contextual, component and quantitative analysis. The classification of word-formation models of compound adjectives proposed in the article and the interpretation of their semantic meaning contribute to the understanding of normative schemes of speech behavior used in the analyzed discourses.

Key words: compound adjective, qualitative, relative, word-formation model, academic discourse, artistic discourse.

Имя прилагательное обслуживает оценочную и познавательноклассифицирующую сферы человеческой деятельности, иллюстрирует разные способы репрезентации признаков, качеств и свойств объектов и используется в языке в соответствии с определенными правилами и нормами. Особое внимание следует уделить сложносоставным прилагательным, которые Е. С. Кубрякова рассматривает как «производные слова, вторичные единицы разных способов образования и разной структурной сложности, ассоциативно связанные с исходными единицами и создаваемые на их основе по определенным моделям» [2, с. 87]. Они состоят из морфем, создающих определенные контекстуальные микросферы и оказывающих влияние на их преобразование в словообразовательной модели.

Актуальным по своей значимости является вопрос функционирования сложносоставных прилагательных в рамках определенной дискурсивной нормы, а именно то, каким образом регламентированность определенной прагматикопсихолого-речевой деятельности определяет способы конструирования сложного слова и его экспрессивные возможности. Таким образом, **целью** исследования стало изучение словообразовательного значения английских сложносоставных прилагательных в рамках академического и художественного дискурсов и анализ особенностей их употребления, принимая во внимание экстралингвистические факторы: социокультурные (лингвокультурные, психолингвистические), прагматические (речевые стратегии и тактики, принципы общения и интенции коммуникантов) и когнитивные (ментальные процессы, сопровождающие речь). Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) раскрыть особенности смысловой структуры лексикограмматических разрядов прилагательных; 2) проанализировать словообразовательные модели сложносоставных прилагательных; 3) изучить функционирование анализируемых прилагательных в относительно регламентированных моделях коммуникации в языке преподавания и в тексте современной художественной литературы. Исследование проводилось с использованием следующих **методов**: сплошной выборки, описательный, сопоставительный, метод контекстуального, компонентного и количественного анализа.

В ходе исследования для анализа были отобраны сложносоставные прилагательные из практических курсов английского языка издания Oxford University Press [11], Longman [7], Express Publishing [10] и книг Dan Brown “The Da Vinci Code” [6], Helen Fielding “Bridget Jones’s Diary” [8], Jojo Moyes “Me Before You” [9]. Сложение внутри сложносоставного прилагательного, как показывает отобранный в рамках исследования языковой материал, представлено следующим образом:

- Классифицирующий признак – части речи (см. табл. 1):

Таблица 1

наречие + причастие прошедшее		<i>fast-paced, poorly-kept, closely-knit, long-lived, long-awaited, well-designed</i>
прилагательное + причастие прошедшее	+	<i>high-flown, open-ended, metal-rimmed, short-spoken, short-breathed</i>
прилагательное + причастие настоящее	+	<i>evil-smelling, long-playing, long-suffering, smart-looking, easy-going</i>
существительное + причастие настоящее	+	<i>attention-getting, soul-stirring, school-leaving, labour-consuming, bloodcurdling</i>
существительное + причастие прошедшее	+	<i>plum-coloured, air-conditioned, evil-minded, home-cooked, purpose-built</i>
существительное + прилагательное	+	<i>fat-free, brand-new, childlike, sugar-free, dirt-cheap, colour-blind</i>

- Классифицирующий признак – полнота использования корневых морфем и фразеологизированных морфем (см. табл. 2):

Таблица 2

корневая морфема + корневая морфема		<i>filler-type, state-matching, armor-piercing, cost-prohibitive, human-supremacist, book-length, cat-like, back-breaking</i>
semi-affix: multi-, over-, self-, all-, above-, on-, out-, in- + полная корневая морфема		<i>multi-objective, over-time, self-pitying, all-night, above-ground, on-screen, outdoor, in-flight</i>
усеченная корневая морфема + полная корневая морфема		<i>eco-friendly, techno-optimistical, socio-environmental, socio-technical</i>
фразеологизированная корневая морфема на основе свободно связанного словосочетания/устойчивого словосочетания		<i>drop-dead, lighter-than-air, happy-go-lucky, wishy-washy, chicken-hearted, dog-eared, smooth-tongue</i>

Отметим, что в современном языке типы и средства словообразования остаются прежними, но характер именованый, который образуется с их помощью, изменяется. Внедряется новый лексический материал, который «функционально расширяется: используются единицы, находящиеся на границе литературного языка и выходящие далеко за его пределы» [1, с. 64].

Как отмечает Е. Ю. Махницкая, «в ходе дискурсивной деятельности текст строится в соответствии с коммуникативно-прагматическим намерением; дискурсивная деятельность в качестве цели имеет репрезентацию социально значимых личностных смыслов; дискурсивный текст строится с учетом знания о реципиенте и когнитивных стратегий восприятия текста» [3, с. 130].

Регламентированность академического дискурса зависит от следующих факторов: «целеустановки, предмета и содержания коммуникации, коммуникативной ситуации и конвенциональных правил, норм речевого поведения, принятых в том или ином социуме» [4, с. 5]. Академический дискурс является статусно-ориентированным вследствие контекстной зависимости – академической среды и социально-ролевых возможностей коммуникантов. Как показывает анализ, в данном дискурсе чаще встречаются относительные прилагательные, семный анализ которых позволяет выявить их информативную функцию и необычный характер. Они передают прямое номинативное значение и помогают ликвидировать некую «номинативную лакуну»: *free-time activity, man-made disasters, family-sized house*.

В художественном дискурсе чаще встречаются качественные прилагательные, в семантике которых присутствует субъективно-оценочный компонент. Они отличаются экспрессивной окраской, передающей эмоциональное восприятие действительности, несущее положительную или отрицательную оценку: *heat-slurred days, life-enhancing presence, tedious-beyond-belief manuscript*. В данном дискурсе активизируется словотворчество, позволяющее реализовать потенциал языка. Это связано с применением тех языковых единиц, которые призваны оказать эстетическое воздействие на адресата и пробудить в нем определенные эмоции. Для этого авторы часто прибегают к использованию сложносоставных прилагательных в составе которых можно выявить скрытые стилистические тропы, такие как: 1) **метафора**: *mind-blowing genius, bloodcurdling scream, breathtaking view*; 2) **метонимия** (описание эмоции через ее внешнее проявление): *spine-chilling horror film, open-mouthed astonishment, close-fisted person*; 3) **гипербола**: *scared-to-death child, book-length description, ever-lasting show*; 4) **литота**: *pea-size brain, lighter-than-air bodyweight, dead-silent treatment*; 5) **сравнение**: *chicken-hearted boy, houndstooth pattern*.

В текстах художественного дискурса также встречаются ситуативные окказионализмы, отличающиеся новизной и оригинальностью:

1) “*Have failed to do cards or Christmas tasks shopping apart from **doomed panic-buy** yesterday lunch-time...*” [8, с. 292].

2) “*... and the raw emotion that comes from sitting on a **slightly-too-bumpy** flight for seven hours...*” [9, с. 493].

Таким образом, можно сделать вывод, что словообразовательный потенциал сложносоставных прилагательных складывается из ряда специфических признаков, определяющих их морфемную, словообразовательную и мотивационную структуру, заложенных в инвариантном категориальном значении прилагательного как части речи. Нормы академического и художественного дискурсов, характеризующиеся коммуникативной целесообразностью, ограничивают широту спектра значений, выражение оценочных характеристик и способность к семантическому варьированию имени прилагательного, которое призвано служить оптимальным средством реализации прагматической интенции продуцента в определенных дискурсивных рамках.

Список использованных источников

1. Дроздов, Р. К. Активные словообразовательные процессы в языке современной публицистики / Р. К. Дроздов // Проблемы русистики / Воронежский государственный педагогический университет. – Воронеж : Издательство ВГПУ, 2011. – С. 63–67.
2. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 119 с.
3. Махницкая, Е. Ю. К обоснования понятия «дискурсивная норма» / Е. Ю. Махницкая // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – №3. – С. 129–132.
4. Трепак, Я. В. Лингвостилистические и когнитивно-прагматические характеристики дискурса академической блогосферы : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. _... канд. филол. наук / Я. В. Трепак; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2016. – 226 с.
5. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А. Н. Шрамм. – Ленинград : Наука, 1979. – 228 с.
6. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown. – London : Corgi Books, 2009. – 592 p.
7. Evans, V. New Round-Up 6. Grammar Practice Student's Book. 4th Edition Special / V. Evans, J. Dooley. – Harlow : Longman, 2018. – 257 p.
8. Fielding, H. Bridget Jones's Diary / H. Fielding. – London: Picador, 2001. – 310 p.
9. Moyes, J. Me Before You / J. Moyes. – London : Penguin Books, 2012. – 505 p.
10. Obee, B. Upstream Upper Intermediate. / B. Obee, V. Evans. – Newbury : Express Publishing, 2008. – 264 p.
11. Viney, P. Handshake. Student's book. – London : Oxford University Press, 2005. – 175 p.

КОММУНИКАТИВИСТИКА И ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

УДК 657.01

METHODS OF ACCOUNTING AT AGRICULTURAL ENTERPRISES IN THE DIGITAL TRANSFORMATION CONTEXT

E. E. Kuznetsova¹, N. A. Khlybova²,

¹Graduate student of the Department of Personnel Management, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

²Candidate of Philological Sciences, Docent, Head of the Department of Foreign Languages №2, Institute of Foreign Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В данной статье рассматриваются варианты цифровизации бухгалтерского и налогового учета агропромышленных предприятий. Описываются возможности, открытые перед компанией, завершившей процесс автоматизации. Переход на цифровую систему рассматривается на примере специализированного программного продукта. Раскрываются плюсы и минусы данного программного обеспечения.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, налоговый учет, цифровизация, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство.

Summary. This article examines the options for digital transformation of accounting and tax accounting of agro-industrial enterprises. It describes the opportunities open up to a company that has completed the automation process. The transition to a digital system is considered on the example of a specialized software product. The pros and cons of this software are revealed.

Key words: accounting, tax accounting, digitalization, agro-industrial complex, agriculture.

In the conditions of changes caused by digital transformation, all market entities are forced to adapt to modern trends in business process automation. This change is a prerequisite for the work of all enterprises in connection with the digitalization of state institutions that control the work, production and accounting of enterprises. An increasing number of reports, declarations and documents are prohibited from being submitted on paper. Communication with government agencies and the ability to remotely solve emerging problems is also a significant factor in favor of digitalization of accounting and tax accounting.

Digital technologies contribute to increasing the productivity and attractiveness of agricultural labor, product quality and reducing the cost of its production. The problem lies in the high proportion of peasant and small farms in the industry that do not have access to technical means of digitalization due to their lack of financial resources. The article suggests the directions of state support for innovation activities of small agribusiness [1, p. 26].

Automation of accounting in agriculture makes it possible to solve various problems in a timely manner with updating and correctly filling out accounting documents and building an effective system of accounting, tax and management accounting.

Consider three options for automating the accounting of agricultural enterprises:

- the first is the use of office programs, which is feasible in small enterprises.

These programs do not require large financial costs, but they require a large amount of labor for entering document forms, developing a system of tables and databases, etc. Also, this option is complicated by submitting reports to funds and management, it is necessary to select additional software products for the implementation of these tasks;

- the second is the most popular way to automate accounting with the help of a specialized applied accounting program, which allows you to conduct all types of accounting and analytics and have communication with regulatory authorities directly in the program in which accounting is performed, in this version there is already data protection and additional capabilities for forecasting and analyzing business processes;

-the third option is the most expensive, but the most effective, is the development of a software product specifically for the enterprise, taking into account all the subtleties and requests of the organization. This requires, as a rule, a long time and is advisable only for large-scale enterprises, provided that already developed software products for some reason do not meet the needs of the enterprise. Also, individual development requires close monitoring by the chief accountant in order to take into account all the rules and regulations of accounting and tax accounting.

One of the options for switching to automated accounting by means of specialized programs in agriculture is, for example «1C: An enterprise for the accounting department of an agricultural enterprise».

This program is a multifunctional solution that allows you to conduct not only accounting, but also tax reporting in accordance with the requirements of the legislation. The program takes into account many years of experience in automation of reporting in agriculture. The program is suitable for reporting in agricultural production companies, organizations working in the field of product processing companies, organizations working in the field of product processing [2, p. 186].

Along with all the advantages of automating business processes, there are difficulties that an enterprise may face. Agriculture has many number of sectoral purposes. A separate production line has its own specifics. The difficulties of accounting at agricultural enterprises consist in the selection of personnel, their availability of skills and knowledge that are necessary for the introduction and maintenance of automation. Specialists must possess unique and rare data on the structure of accounts, standards that apply to the production of a particular type of product or raw materials, goods [3, p. 162].

Uneven distribution of work, seasonality and non-standard cost formation in accordance with invoices and regulatory documents complicates the formation of reporting forms. The costs of keeping animals or growing plants are distributed with reference to certain categories of raw materials, goods. Several finished goods or products can be produced from one plant variety. The software must take into account all these nuances of accounting, and specialists must correctly enter data and understand the principles by which the software keeps records.

The seasonal nature of the activities of agricultural enterprises involves the creation of a unique classification system for accounting expenses, which are displayed in the form of assets, costs in future periods and current expenses.

A number of specialized reports are available, which are generated using the program, for example, a report on the movement of poultry, livestock, feed in animal husbandry, the structure of acreage in crop production.

Also, for owners of various enterprises involved in production processes, an important criterion is the ability to maintain all organizations in one database, this greatly simplifies working with information and reduces labor costs for data entry, since it is possible to synchronize the transfer of information from one organization to another.

Список использованных источников

1. Воробьева, Н. П. Проблемы перехода малого агробизнеса на цифровые технологии / Н. П. Воробьева, Л. В. Попова // КИП и автоматика: обслуживание и ремонт. – 2021. – № 1. – С. 25– 28.

2. Незамова, О. А. Цифровой маркетинг в управлении маркетинговыми каналами / О. А. Незамова // Социально-экономические системы в условиях глобальных трансформаций: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Нальчик, 27–28 мая 2021 года. – Нальчик : ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, 2021. – С. 185–189.

3. Рожкова, А. В. Международный опыт реализации на предприятиях АПК систем заработной платы / А. В. Рожкова, Э. В. Степанова // Проблемы современной аграрной науки: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2018 года. – Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2018. – С. 161–164.

4. Рожкова, А. В. Факторы, определяющие решение о выходе на внешний рынок / А. В. Рожкова // Развитие регионального АПК и сельских территорий: современные проблемы и перспективы: материалы XVI Международной научно-практической конференции, посвященной 65- летию СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, Новосибирск, 15–16 октября 2020 года. – Новосибирск : Издательский центр НГАУ «Золотой колос», 2020. – С. 186–188.

5. Незамова, О. А. Цифровой маркетинг в управлении маркетинговыми каналами / О. А. Незамова // Социально-экономические системы в условиях глобальных трансформаций: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Нальчик, 27–28 мая 2021 года. – Нальчик : ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, 2021. – С. 185–189.

УДК 811.12

ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

Е. А. Абрамова,

*обучающаяся 2 курса очной формы обучения направления
подготовки 45.04.01 Филология, направленности «Социолингвистика*

Аннотация. Песенный дискурс на данный момент – один из самых востребованных наиболее актуальных предметов лингвистического исследования. основополагающая специфика музыкально-поэтического дискурса, выделяющая его на фоне общего поэтического дискурса, – то, что в силу особенности структуры своего содержания необходимо, чтобы он воспринимался реципиентом на слух, а не визуально. При рассмотрении песенного текста в рамках лингвокультурологического подхода стоит понимать его как важнейшую функционирующую культурную единицу. Каждая составляющая текст лексема, а также их совокупность обладают определенной культурологической функцией, являются частью культуры социума, выражая определенный смысл. Таким образом, лингвокультурологический аспект изучения песенного текста позволяет обнаружить состояние и особенности современной массовой культуры.

Ключевые слова: песенный дискурс, музыкально-поэтический дискурс, креолизованный текст, лингвокультурологический подход.

Summary. Song discourse is currently one of the most relevant subjects of linguistic research. The fundamental specificity of the musical and poetic discourse, which distinguishes it from the background of the general poetic discourse, is that, due to the peculiarity of its content structure, it is necessary that it should be perceived by the recipient by ear, and not visually. When considering the song text within the framework of the linguoculturological approach, it is worth understanding it as the most important functioning cultural unit. Each component of the text lexeme and their totality has a certain culturological function, is a part of the culture of the society, expressing a certain meaning. Thus, the linguoculturological aspect of the study of the song text allows us to discover the state and features of modern mass culture.

Key words: song discourse, musical and poetic discourse, creolized text, linguoculturological approach.

Песенный дискурс на данный момент является одним из самых востребованных и наиболее актуальных предметов лингвистического исследования. Во-первых, это объясняется тем, что в современной науке о языке относительно мало работ, связанных с этой темой, и, по этой причине, отсутствуют общепринятый терминологический аппарат, а также набор методов для решения поставленных проблем. Во-вторых, как многоаспектное явление песенный дискурс представляет широкое поле для изучения в рамках отдельных лингвистических дисциплин. В-третьих, с древности музыка является одним из основных и наиболее распространённых направлений искусства в любой стране и культуре, используемым людьми для выражения своих чувств и эмоций. Иными словами, можно сказать, что песенный дискурс представляет собой «симбиоз языка и культуры» [5, с. 56]. Актуальность исследования песенного дискурса определяется значимостью этого социокультурного феномена для выявления особенностей как авторского мировоззрения, так и менталитета лингвосоциума, к которому автор принадлежит, его ценностных установок, верований и убеждений.

Музыкальный дискурс предполагает лингвистический анализ экстрамузыкальных ситуаций. Е. В. Алешинская и Е. С. Гриценко определяют его как «социальную практику», т. е. такую категорию, которая обозначает своеобразные методы репрезентации специфических компонентов музыкальной жизни. Таким образом, музыкальный дискурс состоит из следующих элементов:

- процесс формирования музыкального текста;
- сам текст и его изучение;
- существующие, а также потенциально вероятные трактовки музыкального текста;
- восприятие музыкального текста и его трактовку, значение и роль в культуре.

Основополагающая специфика музыкально-поэтического дискурса заключается в том, что в силу особенности структуры своего содержания необходимо, чтобы он воспринимался реципиентом на слух. В ситуации музыкально-поэтического дискурса трактовка сообщения происходит в рамках более широкого контекста музыкальных, визуальных и вербальных указателей, в связи с чем, песенный текст должен быть именно услышан, а не прочтен. В рамках исследования дискурсивного пространства песен наиболее релевантным термином для лингвистического исследования представляется «песенный дискурс», поскольку в области исследования пребывают непосредственно тексты песен.

Известно, что для песенного дискурса типичны развлекательная и поэтическая функции. Поэтическая функция обусловлена отношением песенного текста к литературному жанру. Помимо поэтической функции, песенный дискурс осуществляет эмотивную, коммуникативную, а также тесно связанную с ними фатическую функцию. Эмотивная функция соответствует субъективной модальности автора и передает отношение адресата к теме сообщения. Песенный дискурс обращается к эмпатии реципиента. Коммуникативная функция отвечает за взаимообмен информацией. Фатическая функция направлена на установление контакта между представителями социума с помощью осознанного оглашения определенных философских, политических, культурных установок, либо на основе бессознательных, психологических мотивов.

Уникальность песенного дискурса также можно определить через двойственный характер песен. Это связано с тем, что песенные тексты представляют собой сложное единство вербального и невербального компонентов. Данный факт дает возможность рассматривать песенный текст как особый вид креолизованного или смешанного текста, который включает в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты.

По теории Н. С. Валгиной, смешанные тексты могут быть как с частичной креолизацией, так и с полной креолизацией. К первой группе мы можем отнести тексты, где вербальная часть автономна и может воспроизводиться без невербальной. В свою очередь, Ю.Е. Плотницкий относит песни к такой группе, аргументируя это тем, что вербальный текст песни может быть представлен как поэтическое произведение, в то время как мелодическая часть может воспроизводиться музыкантами и без сопровождения слов. Тем не менее,

исследователь добавляет, что мелодичный и вербальный компоненты взаимосвязаны друг с другом структурно и композиционно.

Ко второй же группе относятся тексты с полной креолизацией. Вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве обязательного элемента текста. Вербальный и мелодические компоненты характеризуются отношениями синсемантии и при объединении создают целостный образ, рассчитанный на слуховое восприятие и обладающий свойством многообразной интерпретации, где доминирует музыкальность в плане создания формального аспекта текста и передачи эмоционально-экспрессивной информации.

Песенный текст, как вид креолизованного текста, может рассматриваться так же в трех аспектах. В таком случае, помимо вербального и мелодического компонента, Ю. Е. Плотницкий обращает внимание также на визуальную составляющую в виде музыкального видеоклипа. Такая многослойность в рамках песенного дискурса отражается в терминах «поликодовый текст», «синкретический вербально-иконический текст» и представляется особенно перспективной в аспекте мультимодального подхода к исследованию песенного дискурса [3]. Все аспекты текста постоянно взаимодействуют друг с другом, создавая единое дискурсивное пространство.

Если для языкознания язык – это система знаков, то для литературоведения, как и для любой науки об идеологических образованиях, язык – это практика, где следует учитывать как наличие субъектов (в частности, адресанта), так и способ, каким они перераспределяют ту или иную знаковую систему.

При рассмотрении песенного текста в рамках лингвокультурологического подхода стоит понимать его как важнейшую функционирующую культурную единицу. Каждая составляющая текста лексема и их совокупность обладают определенной культурологической функцией, являются частью культуры социума, выражая определенную этнокультурную коннотацию [4]. Лингвистическая наука стремится осмыслить феномен культуры как особой формы существования человека и общества в мире, этим объясняется активное развитие лингвокультурологического подхода. «Язык при этом выступает в роли средства конструирования и интерпретации социальной реальности, в том числе культуры, этничности, менталитета» [7, с. 45].

Динамичность развития речевых явлений в современном обществе и преимущественный интерес к вопросам взаимодействия человека и культуры в научных исследованиях обуславливает наш интерес к песенному тексту. Как известно, язык «встроен» в культуру, он сформировывает культурный фон в обществе, поэтому языковую составляющую песни, ее особые свойства и функции необходимо анализировать в лингвокультурологическом аспекте. Текст является неотъемлемой частью культуры, так как «культура существует в форме текстов – знаковых произведений духовной деятельности человека» [6, с. 164].

Так, посредством текста происходит слияние лингвистики с культурологией, появляется новая дисциплина – лингвокультурология. В данной дисциплине наряду с иными способами выражения культуры (фольклор, литература и т.д.) значимое место занимает песня. «Песенный дискурс – это особая форма хранения культурных знаний <...> песня является «зеркалом

жизни», которое отражает основные ценности, этические воззрения, социальные представления, общественные изменения и стереотипы эпохи, создает модели поведения и культурные нормы» [1, с. 10]. Аудитория песенного искусства поистине широка. Действительно, песня как материал для исследования культурного своеобразия, как фрагмент национальных языковых картин мира [2], представляет большую ценность.

Таким образом, лингвокультурологический аспект изучения песенного текста позволяет посредством анализа языка, семантической функции языковой единицы, выявления ее стилистической окраски, определять уровень и выявлять специфику современной массовой культуры. Песенный текст как форма существования культуры сосредотачивает в себе насущные для современного общества проблемы и идеи, при этом как значимый фрагмент массовой культуры, обладает доступностью и легкостью в интерпретации. Автор в своем тексте передаёт универсальное посредством единичного, затрагивает «глобальное» посредством конкретного, и в этом смысле, несомненно, является выразителем культурных смыслов, мировоззрения современного ему общества.

В аспекте дальнейшего исследования песенного дискурса перспективным представляется использование мультимодального подхода, который, с точки зрения автора, позволит более целостно воспринимать смысл произведения. Так, например, анализ песенного произведения на материале видеоклипа позволит рассматривать жесты исполнителя, сопровождающие звучащий текст песни, в качестве определенных «ключей», дополняющих вербальное содержание.

Список использованных источников

1. Дуняшева, Л.Г., Гриценко Е.С. Конструирование гендера в блюзе и рэпе: глобальное и локальное: монография. Нижний Новгород, 2013. – С. 10-213.

2. Кислицына, Н. Н. Коннотативное значение слова как дифференциальный компонент национальных языковых картин мира / Н. Н. Кислицына // Англистика XXI века : Сборник статей по материалам VIII научно-методической конференции, посвященной памяти профессора С.В. Воронина, Санкт-Петербург, 20–22 января 2016 года. – Санкт-Петербург: АНО "Университетские Образовательные Округа", 2016. – С. 153-158.

3. Кислицына, Н. Н. Мультимодальный анализ дискурса в англоязычных блогах психологической тематики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 64-76.

4. Кислицына, Н. Н. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63). – № 4. – Ч.2. – 2011. – 129-136.

5. Кислицына, Н. Н. Симбиоз языка и культуры: антропологический, этно- и социолингвистический аспекты // Вестник МГПУ Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – № 4 (28) . – 2017. – С. 56-63.

6. Мурзин, Л.Н. Язык, текст и культура / Л.Н. Мурзин // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С. 160-169.

7. Носкова, А.Н., Газизова, Л.Г., Дуняшева, Л.Г. Национально-культурная семантика лексических единиц, отражающих формы трудовой деятельности (на материале венесуализмов и никарагуэнсизмов) // Филология и культура (Philology and Culture). 2017. № 4 (50). – С. 44-50.

**ВАРИАТИВНОСТЬ СПОСОБОВ МАНИФЕСТАЦИИ
ДИРЕКТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ЗНАКАХ**

А. В. Анищенко¹, Т. С. Ларина²,

*¹кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого
языка ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический
университет», Москва*

*²кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
немецкого языка факультета международных отношений МГИМО МИД
России, Москва*

Аннотация. В статье на материале немецких и австрийских общественных знаков изучается вариативность в реализации категории директивности в немецкоязычном лингвокультурном пространстве. Наряду с конвенциональными формами языковой манифестации директивности в немецком языке анализируется имплицитная директивность, в основе которой лежит лингвокреативность. Семантический и контекстуальный виды анализа позволили выявить способы реализации директивности на вербальном и невербальном уровнях общественного знака как особого типа текста. В результате исследования авторы приходят к выводу, что имплицитные способы реализации категории директивности характеризуются креативностью и выступают в качестве аттракторов внимания, что способствует увеличению их прагматического потенциала.

Ключевые слова: вариативность, директивность, директивный речевой акт, лингвокреативность, общественный знак, дикодовый текст.

Summary: On the material of German and Austrian public signs, variability in implementation of the category of directiveness in German-speaking linguocultural space is being studied in this paper. Along with the conventional forms of linguistic manifestation of directiveness in German language, the implicit directiveness based on linguistic creativity is being analyzed. Semantic and contextual types of analysis made it possible to identify ways to implement directiveness at the verbal and non-verbal levels of a public sign as a special text-type. As a result, the authors come to the conclusion that implicit ways of implementing the category of directiveness are characterized by creativity and act as attention attractors, which increases their pragmatic potential.

Key words: variability, directiveness, directive speech act, linguistic creativity, public sign, dicode text.

В лингвистической науке последних десятилетий отмечается возрастающая роль коммуникативно-прагматической парадигмы, в рамках которой исследуются способы реализации участниками коммуникации своих коммуникативных намерений соответствующими языковыми средствами. В качестве основных коммуникативно-прагматических единиц выступают речевые

акты как минимальный относительно самостоятельный отрезок процесса деятельности общения, совершаемой определенным субъектом по отношению к определенному адресату в конкретных условиях с определенными намерениями [6, с. 5]. Согласно Е. И. Беляевой, любой речевой акт может быть выражен прямо либо косвенно, эксплицитно либо имплицитно. Тем не менее, конкретная интерпретация иллокутивной силы высказывания возможна лишь с учетом всех аспектов коммуникативной ситуации: обстановки общения, отношений между коммуникантами, пропозиционального содержания и др. [3, с. 26].

В настоящем исследовании на примере общественных знаков анализируется вариативность директивных речевых актов в немецкоязычном лингвокультурном пространстве. В фокусе исследования находится особый тип текста – общественные знаки, определяемые как дикодовые тексты, то есть тексты, включающие в себя коды не более двух семиотических систем – вербальной (языковой) и невербальной (цветовое соотношение; шрифтовые выделения; вариации пунктуационных знаков; пространственное расположение графем; наличие изображения), воспринимаемые с помощью одного канала и допускающие отсутствие или замену компонентов невербальной составляющей [5, с. 84]. Помимо общепринятых в немецкоязычном лингвокультурном пространстве международных общественных знаков, соответствующих стандартам ISO (International Organization for Standardization), в исследовательский корпус включены уличные объявления, которые рассматриваются нами в качестве варианта типа текста «общественный знак». Цель предлагаемого исследования – выявить эксплицитные и имплицитные способы трансляции категории директивности в данном типе текста.

Категория директивности выражается в побуждении адресата к выполнению или невыполнению определенного действия. В немецком языке она традиционно реализуется посредством пяти типов директивных речевых актов (далее ДРА), а именно ДРА «*Befehl / Приказ*», ДРА «*Bitte / Просьба*», ДРА «*Verbot / Запрет*», ДРА «*Rat / Совет*» и ДРА «*Vorschlag / Предложение*» [5, с. 45].

Выполняя апеллятивную функцию, общественный знак может рассматриваться как один из вариантов реализации категории директивности в лингвокультуре. Общественный знак всегда прагматически направлен и тематически ориентирован, что оправдывает возможность выделения его в особый тип текста. Ввиду своего многообразия общественные знаки могут быть классифицированы в зависимости от тематики, функций, вербального и графического наполнения, способа экспликации информации, адресанта и адресата, сферы использования, типа и материала носителя общественного знака, времени его действия, количества используемых в общественном знаке языков.

Одной из самых многочисленных групп общественных знаков, доминантным критерием при систематизации которой стала тематика общественного знака, является группа знаков, регулирующих поведение владельцев собак по отношению к их питомцам. Многие владельцы собак не чувствуют ответственности за своих питомцев и не считают необходимым обеспечивать уборку продуктов жизнедеятельности животного в общественных местах. В этой связи среди рассматриваемых в данной тематической группе

знаков часто встречаются общепринятые знаки-символы, выражающие ДРА «*Verbot / Запрет*», который на невербальном уровне выражается в исследуемых знаках в виде красного круга с диагональной линией внутри, перечеркивающей изображение собаки, загрязняющей окружающую среду.

На вербальном уровне ДРА «*Verbot / Запрет*» в немецком языке характеризуется следующими лексико-грамматическими моделями: Partizip-II-Formen + sein (*etw. ist verboten, untersagt, nicht gestattet, nicht erlaubt, nicht erwünscht / unerwünscht*); Infinitiv + zu; nicht + dürfen; verneinter Infinitiv; kein + Substantiv [9, с. 245]. Вышеперечисленные конструкции отражают прямой категоричный запрет. Вербальная составляющая рассматриваемых знаков включает конструкции «*etwas ist verboten*», «*etwas ist nicht gestattet*», «*kein Hundeklo*». Отрицательная частица *kein* может носить амбивалентный характер, указывая одновременно на факт отсутствия объекта в знаке, так и на волеизъявление адресанта, в данном случае – прямой запрет на то, чтобы питомец загрязнял указанное место.

В большинстве общественных знаков ДРА «*Verbot / Запрет*» выражен эксплицитно. Такие знаки однозначны и стереотипны. Таким образом, механизмом категоризации директивности в общественном знаке выступает, как и в некоторых других типах креолизованных текстов [2, с. 2018], стереотипизация, которая обеспечивает узнаваемость общественного знака и однозначность интерпретации реализуемого в нем ДРА.

Однако, сегодня мы наблюдаем тот факт, что, помимо намерений адресата и коммуникативной ситуации, одним из важных критериев при создании данного типа текста стала креативность создателя знака, благодаря которой происходит «не только создание нового продукта – текста или слова, которых «никогда не было», но и нетривиальный выбор одного из уже имеющихся и известных говорящему средств конструирования образа объекта», что, в свою очередь, обусловлено пониманием тонкости механизмов создания нового в языке, а также творческими особенностями человеческого мышления [4, с. 158]. Таким образом, нетривиальное использование одной из составляющих общественного знака – вербальной или невербальной – способствует появлению знаков, в которых тот или иной тип речевого акта будет носить имплицитный характер. Рассмотрим в качестве примера знаки, содержащие следующие запрещающие конструкции «*Hier darfst Du nicht!*» (рис. 1) и «*HIER NICHT, sonst...*» (Рис. 2) [8], используемые в пространстве общественного знака наряду с изображением собаки, загрязняющей окружающую среду.

Рис. 1. Германия.
Тематическая группа
«Содержание и выгул собак»

Рис. 2. Германия.
Тематическая группа
«Содержание и выгул собак»

Текст и изображение в этих знаках не могут существовать друг без друга, иначе смысл знака может быть неверно истолкован. Вербальная составляющая предполагает завершение запрета смысловым глаголом, замещение которого иконическим знаком мы наблюдаем на невербальном уровне. Таким образом, адресант пытается уйти от неловкой для него темы и не выражать ее словесно, а прибегнуть к своего рода «невербальному эвфемизму» – изображению собаки, загрязняющей общественное место. Когерентность знака достигается за счет использования местоимения «*du*» в вербальной части и изображения собаки в невербальной части. Гипотетическим адресатом в таком случае является не владелец собаки, а само животное. Таким образом, подчеркивается отношение немцев к собакам, наделение их человеческими качествами, что приравнивает их к человеку.

Стоит отметить также частую замену некоторых элементов вербальной составляющей иконическими знаками, выполняющими эвфемистическую функцию и передающими визуальную информацию, которая в силу известных причин не может быть вербализована [1, с. 54]. Например, в знаке, запрещающем собакам загрязнять общественные места (рис. 2), в качестве эквивалентов отсутствующих членов предложения выступает иконический знак.

Австрийские знаки, регламентирующие выгул домашних животных, характеризуются креативностью. Выявлено, что во многих знаках адресант, пытаясь призвать владельцев собак к ответственности, проводит параллели со свиньей: ... nicht der Hund ist hier die Sau, «nein» ... das Herrchen oder die Frau / ... не собака здесь ведет себя как свинья, а ее хозяин или хозяйка. (рис. 3 [7], 4 [личный архив авторов]). В качестве примера можно привести также уличное объявление следующего содержания: Ihr Hund schämt sich! / Вашей собаке стыдно! [10]. Или же, наделяя собаку человеческими качествами (речью), адресант пытается призвать хозяина собаки к уборке за питомцем, используя невербальные средства (рис. 5 [личный архив авторов]).

Рис. 3 Австрия.
Тематическая группа
«Содержание и выгул
собак»

Рис. 4 Австрия.
Тематическая группа
«Содержание и выгул
собак»

Рис. 5 Австрия.
Тематическая группа
«Содержание и выгул
собак»

Директивность в общественных знаках данной тематической группы также может выражаться имплицитно посредством смещения фокуса внимания на другую коммуникативную ситуацию, как, например, в следующем уличном

объявлении: **LUST AUF YOGA?** Dann starten Sie damit sich langsam nach vorne zu beugen und Ihre **Hundescheiße** aufzuheben. Herzlichen Glückwunsch! Sie haben die Position «**Herabschauender Hund**» gelernt! Jetzt müssen Sie es nur mehr in den Mistkübel werfen. / Хотите заняться йогой? Тогда медленно наклонитесь и уберите за своей собакой. Поздравляю! Вы выучили позу «собака мордой вниз»! Теперь Вам нужно только донести всё до урны [10].

При помощи средств метаграфемике (увеличение шрифта) вербальная составляющая в объявлении выполняет функцию аттракции и содержит эксплицитную информацию – ДРА «*Vorschlag / Предложение*», в данном случае предложение заняться йогой. Однако, ознакомившись с полным текстом объявления, реципиент понимает, что, упоминая позу йоги «собака мордой вниз» автор пытается привлечь владельцев собак к уборке за своими питомцами, совместив, тем самым, занятие полезной для здоровья йогой с выполнением общественного обязательства.

Таким образом, директивность в немецкоязычном общественном знаке может проявляться на уровне плана содержания знака эксплицитно и имплицитно. Культурная специфика общественного знака отражается в его семиотической, функциональной и языковой вариативности, а также в его лингвистической креативности. Для привлечения внимания адресата в конвенциональной коммуникативной ситуации создаются новые способы языкового выражения – вместо общепринятых запрещающих знаков-символов или вербальных конструкций-клише в данных знаках созданию нового вербального облика служит лингвокреативность, а адресат сталкивается с задачей интерпретации нового содержания на основе уже имеющихся знаний.

Список использованных источников

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – Москва : Академия, 2003. – 107 с.
2. Анищенко, А. В. К вопросу о концептуализации эмоций в немецкоязычном комиксе / А. В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. –2018. – Вып. 9 (801). – С. 69–77.
3. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1992. – 168 с.
4. Ирисханова, О. К. О понятии лингвокреативности и ее роли в метаязыке лингвистических описаний / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – Вып. 5: Исследование познавательных процессов в языке. – Москва, – Тамбов : Институт языкознания Российской академии наук; Издательский дом Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2009. С. 158–171.
5. Ларина, Т. С. Лингвокультурные особенности директивных речевых актов в немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : дис. ... канд. филол. наук / Татьяна Сергеевна Ларина; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2021. – 239 с.
6. Сусов, И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и её единицы / И. П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц ; под

ред. И. П. Сусов. – Калинин : Издательство Калининского государственного университета, 1984. С. 3–12.

7. Amazon Digital Germany GmbH: [сайт]. – URL: https://www.amazon.de/dp/B07FPVGFHZ/ref=cm_sw_r_pi_dp_U_x_V9fyBb42C92F4. (дата обращения: 26.02.2022).

8. Bauer Schilder: [сайт]. – URL: <https://bauer-schilder.de/Kennzeichnung/Hinweisschilder>. (дата обращения: 26.02.2022).

9. Buscha, J. et al. Grammatik in Feldern / J. Buscha. – Ismaning : Verlag für Deutsch, 1998. – 336 s.

10. Notes of Berlin: [сайт]. – URL: <https://www.notesofberlin.com/hundehaufen-in-der-hauptstadt>. (дата обращения: 26.02.2022).

УДК 81'371

КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА «ДЕПРЕССИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ СТАТЕЙ И

КОММЕНТАРИЕВ К НИМ)

Н. Б. Боева-Омелечко¹, А. Н. Якубович²,

¹доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону

²магистрант кафедры теории и практики английского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена интересом англоязычных СМИ к феномену депрессии и неоднозначной оценкой данного заболевания в англоязычном социуме. Цель данной работы состоит в выявлении лингвистических средств, участвующих в контрастной репрезентации феномена «депрессия» в элементах блока «новостная статья + комментарии к новостной статье». В работе используются методы лингвистического наблюдения, семного, контекстологического и лингвостилистического анализа. Авторы приходят к выводу о том, что между статьями, описывающими депрессию как серьёзное заболевание, и комментариями, содержащими противоположное мнение, устанавливаются отношения антонимической когезии (дихотомия «реальное/мнимое заболевание»).

Ключевые слова: новостная статья, комментарий, антонимическая когезия, контраст, когнитивная метафора, депрессия.

Summary. The relevance of the article is attributed to the interest of the English-language media in the phenomenon of depression and its ambivalent assessment in the English-speaking community. This work aims to identify the linguistic means utilized in the contrast

representation of the phenomenon in the elements of the communicative block «news article + comments on the news article.» The methods of linguistic observation, seme, contextual, and linguo-stylistic analyses were employed in the study. The authors conclude that relations of antonymic cohesion are established (the dichotomy «real/imaginary disease») between elements of the «news article + comments on the news article» block.

Key words: news article, comment, antonymic cohesion, contrast, cognitive metaphor, depression.

Депрессия – одна из насущных проблем современного общества. Данное заболевание можно определить как распространенное психопатологическое состояние сильной эмоциональной подавленности человека, сопровождающееся резким снижением его психологической и поведенческой активности [2; 5].

В связи с распространенностью заболевания, оно часто обсуждается в средствах массовой информации англоязычных стран. Можно утверждать, что языковые средства, употребляемые для репрезентации феномена «депрессия», используются журналистами с целью формирования в обществе определенного отношения к данному заболеванию. В то же время в комментариях к новостным статьям, представляющим собой отдельный элемент единого блока «новостная статья + комментарии к новостной статье» [3], может высказываться иное, даже прямо противоположное мнение о феномене депрессии, чем в новостной статье-стимуле, с использованием соответствующих языковых средств.

Цель данной работы состоит в выявлении лингвистических средств, участвующих в контрастной репрезентации феномена «депрессия» в элементах блока «новостная статья + комментарии к новостной статье».

В работе используются методы лингвистического наблюдения, семного, контекстологического и лингвостилистического анализа.

В качестве материала исследования использовались тексты англоязычных новостных статей и комментариев к ним из таблоидов Великобритании и США. В частности, были выбраны следующие новостные ресурсы: британский таблоид Daily Mail со средней ежедневной читательской аудиторией в 2,1 миллиона человек, американский таблоид US Weekly со средней еженедельной аудиторией в 1,9 миллиона читателей и австралийская газета *Stock Journal* со средней аудиторией в 40 тысяч читателей. Объем выборки составил 20 статей, посвященных депрессии из таких разделов, как Звезды, Семья, Спорт, Здоровье, и др. за период с 2017 по 2022 год.

Проведенный анализ показал, что элементы блока «новостная статья + комментарии к новостной статье» контрастно изображают феномен «депрессия». Большинство новостных статей описывают данное заболевание как серьезную проблему современного общества. В то же время многие комментаторы с этим не согласны, считая депрессию слабостью, а не болезнью.

Чтобы способствовать принятию в обществе депрессии как заболевания и мотивировать страдающих от него на поиск помощи и активное лечение, авторы новостных статей прибегают к использованию милитарных метафор *to struggle with depression, to battle with depression, to fight depression, и to combat depression* (бороться с депрессией), репрезентирующих депрессию как битву, военное действие [4]. Например, в статье английского таблоида *Daily Mail* о борьбе с заболеванием английской телеведущей Лизы Сноудон, депрессия

представляется как долгий вооруженный конфликт, победа в котором требует значительных усилий:

[1] Lisa Snowdon has spoken out on her 30-year *battle with depression*, admitting she's had to work hard on herself for a long time to find peace.

Когнитивная метафора *to struggle with depression* (*бороться с депрессией*) часто употребляется для того, чтобы показать опустошительные последствия поражения в борьбе с депрессией:

[2] Sources said he was *struggling with depression* before his 20-floor plummet.

В комментариях, напротив, депрессия представляется как несерьезное, надуманное заболевание, которое не требует особого внимания. Этому способствует употребление пользователями слов и словосочетаний с семой «обман». Например, в ответ на статью о растущих случаях заболевания депрессией среди подростков один из комментаторов высказал возражение, считая, что обсуждаемое заболевание – выдумка:

[3] Depression another *fake illness*.

Также комментаторы часто выбирают ироничные высказывания для того, чтобы показать свое отношение к депрессии и подчеркнуть несерьезность заболевания. Например, ироничное выражение «проблемы первого мира», используемое для обозначения людей, не имеющих в своей жизни других, более насущных проблем, чем депрессия:

[4] *First world problems*. ... It isn't rocket science.

В текстах новостных статей феномен «депрессия» также репрезентируется как негативное явление, которое приносит людям душевные и физические страдания. Данный образ передается через слова и словосочетания с семами «страдание», «мучение». Так, в статье американского таблоида *US Weekly* словосочетание *to suffer from depression* (*страдать от депрессии*) используется для того, чтобы подчеркнуть серьезность заболевания и указать на душевные мучения, которое оно приносит:

[5] The “Reality” singer opened up to *US Weekly* in May 2016 about *suffering a bout of depression* while she was six weeks pregnant.

На контрасте с этим, в текстах комментариев данное негативное психическое состояние показывается как прихоть и привилегия. Комментаторы, выбирающие стратегии негативного реагирования на материал статей описывающих депрессию как серьезное, приносящее страдания заболевание используют слова и сочетания с семами «привилегия», «особенный». Так, многие комментарии на веб версии таблоида *Daily Mail* к статьям о депрессии указывают на привилегированность страдающих от депрессии:

[6] *Entitlement era* for the young... Being told no means depression

[7] Stop raising them like they're *special* and *entitles* before the shock of reality seets in.

Тексты новостных статей также рисуют определенный образ людей с диагностированной депрессией, показывая их как жертв и страдальцев. Для создания данного образа используются существительные с ярко выраженной негативной коннотацией: *victim*, *sufferer* (*жертва*, *страдающий*). Стоит отметить, что и *victim*, и *sufferer* предполагают пассивность человека, страдающего от депрессии. Люди становятся жертвами депрессии вследствие

вмешательства в их жизнь внешних сил, будь то личное горе, болезнь или другие жизненные обстоятельства.

[8] That we, Australian cattle breeders, can lose someone like David, at the top of his game, yet a *victim of depression*, is a fact that is hard to digest.

Напротив, комментаторы часто утверждают, что депрессия – результат действий (или бездействия) самих страдающих от этого заболевания. Для того, чтобы подчеркнуть их вину, комментаторы активно используются слова, словосочетания и каламбуры с лексемой *self* семой «самостоятельность» или, как её иногда называют «самость». Например:

[9] I have to wonder if some of these people have *self* inflicted mental health issues.

[10] Classis SELFphone addiction – with classic side effects.

Комментаторы также дают деструктивные советы в форме повелительных высказываний, предлагая больным совершать действия, нереальные в состоянии депрессии (найти работу, отключиться от соцсетей и т.д.):

[11] No. You're depressed because you're unemployed – *so get a job instead of numbing yourself with drugs*.

[12] *Take yourself away* from social media, celebrity and all associated things.

В дополнение комментаторы используют существительные с ярко негативной коннотацией, чтобы показать свое отношение к больным депрессией, в частности, и к самому заболеванию в целом: *snowflake*, *wokeism*, *virtue signalling* (*неженка*, *воук*, *сигнализация добродетели*). Данные существительные указывают на неспособность человека справиться с простейшими жизненными ситуациями, неспособность к жизни в реальном мире и излишнюю чувствительность. Часто высказывания с этими лексемами сочетаются с высказываниями, содержащими деструктивные предложения о возможных действиях человека, страдающего депрессией:

[13] *Poor snowflakes. So fragile. Man up! Grow a pair!*

[14] Wow, that was a heaping word salad of excuses ripe with stale *wokeism* and *virtue signaling* - "everyone else is to blame for my short comings, missed opportunities and failures." *Grow up already*.

Проведенный анализ показывает, что феномен «депрессия» в англоязычном медиадискурсе характеризуется аксиологической амбивалентностью. При этом можно утверждать, что между частями коммуникативного блока «новостная статья + комментарии к новостной статье» устанавливаются отношения антонимической когезии, под которой понимается межтекстовый тип связи, основанный на противоположности элементов и обеспечивающий логико-семантическую целостность между различными сообщениями [1]. В этих случаях четко заметно контрастная репрезентация одного и того же феномена в дихотомии «реальное/мнимое заболевание».

Список использованных источников

1. Боева (Боева-Омелечко), Н. Б. Антонимическая когезия в современном английском языке / Н. Б. Боева. // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования ; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина ; ответственный редактор Л. А. Манерко. – Рязань : [б. и.], 2002. – С. 199–203.

2. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – Москва : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
3. Полоян, А. В. Прагмалингвистические особенности жанра интернет-коммента к неполитическим новостным статьям и откликам на них : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Анна Васильевна Полоян ; Южный Федеральный Университет. – Ростов-на-Дону, 2021. – 158 с.
4. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–200) : монография / А. П. Чудинов ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2001. – 238 с.
5. Tolentino, J. C. DSM-5 Criteria and Depression Severity: Implications for Clinical Practice / J. C. Tolentino, S. L. Schmidt // *Frontiers in Psychiatry*. – 2018. – Vol. 9. – P. 1–9.

УДК 811.111

**РОЛЬ ДЕТАЛИ В СОЗДАНИИ ПЛАКАТНЫХ ОБРАЗОВ «СВОИХ»
И «ЧУЖИХ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

О. В. Емельянова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской
филологии и лингвокультурологии, филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу языковой репрезентации характерных признаков элементов универсальной семиотической оппозиции «свой – чужой» в американском искусствоведческом дискурсе. На примере таких визуализированных сигналов как платок на голове женщины и ленинская кепка показано, что данные атрибуты отражают пропагандируемые ценности и способствуют однозначной и безошибочной идентификации героя плаката как классово и идеологически «своих» или «чужих». Кроме того, «взгляд со стороны», представленный в работах англоязычных исследователей, дает возможность заглянуть в «мир других» носителям иной культуры, расширяя их знания об этом мире и способствуя взаимодействию «своей» и «чужой» культур.

Ключевые слова: плакат, образ, оппозиция «свой-чужой», интерпретация, взаимодействие культур.

Summary. The article deals with the linguocultural analysis of language representation of elements of a binary antagonistic model “friend-foe / other”, or “us versus them” in American art discourse on political posters. Attention is drawn to the fact that some visualized symbols like the way women tie their kerchiefs and Lenin’s cap reflect the values popularized by the posters and help identify unambiguously the characters as belonging to the category of «us» or «them» from ideological and class

point of view. Furthermore, the outside perspective presented in American art discourse makes it possible for representatives of a different culture to get a better idea of «another world» and contribute to better understanding of a different culture.

Key words: poster, image, “us versus them” opposition, interpretation, interaction of cultures.

Противопоставление «свое» и «чужое», по мысли Ю.С. Степанова, в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [2, с. 123]. Неудивительно, что многие грани этой семиотической оппозиции, уходящей своими корнями в глубокую древность, нашли свое отражение в искусствоведческом дискурсе. Об этом свидетельствует большое количество специальных исследований, посвященных разным аспектам данной проблемы; среди них особое место занимает монография профессора Калифорнийского университета в Беркли Викторией Боннелл «Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin» [4], выполненное на стыке искусствоведения, политологии и имагологии.

Исследование «золотого века» советского плаката как концентрированного образа времени и политики и его роли в символической репрезентации власти посвящено анализу ключевых образов, призванным способствовать достижению властями основной цели – the redefinition of all social values; это образы рабочего (в первую очередь кузнеца), советской женщины и советского вождя. Учитывая колоссальную разницу социокультурных и политических ситуаций, ценностных представлений и менталитетов, трудно себе представить нечто более «чужое» и чуждое, с точки зрения «воспринимающего субъекта» (Боннелл), чем эти знаковые для своего времени фигуры. Таким образом выстраивается бинарная антагонистическая модель «свой-чужой» – основополагающая концепция имагологии, основная цель которой – обобщение и выработка некоей объединяющей парадигмы рецепции и репрезентации других/чужих в пространстве своей и других культур. Практически каждый из упомянутых в монографии плакатов получает более или менее подробный анализ-интерпретацию, доносящую до читателя особый колорит эпохи. В случае, когда «имагологическое пространство» таких плакатов населено «иными/другими», в значительной степени чуждыми читателям монографии образами, «считывание» призывов заложенной в плакатах кампании, направленной на завоевание среди населения поддержки нового порядка и дискредитацию старого, уничтожение старых ценностей и традиций и создание собственных, существенно затруднено. И здесь на первый план выходит предлагаемая Боннелл интерпретация. Иногда комментарий Боннелл касается глобальных вопросов, иногда – деталей, которые без него могли бы остаться незамеченными или непонятыми. Очень показательный пример – это такой знаковый атрибут женщины на плакате, как платок, входящий в обязательный набор визуальных маркеров, позволяющих однозначно атрибутировать персонаж как принадлежащий к категории классово и идеологически «своих» как носителей ценностей нового общественного строя, с одной стороны, и «чужих», воплощающих пережитки прошлого, с другой. Практически ни один из авторов, пишущих о советском плакате, отечественных или зарубежных, не проходит мимо этого, как его многие называют, аксессуара.

Боннелл, сравнивая изображения городской и сельской женщины (работницы и крестьянки/колхозницы), регулярно отмечает способ, каким повязан неизменный платок, поскольку за этим стоит принципиальная разница в статусе персонажа: *Each woman wears a red kerchief tied behind her head, in the style of women workers, rather than under the chin, as was formerly conventional in the representation of peasant women ; The strong handsome features and determined expression of this woman, shown wearing a kerchief (tied behind the neck as befitting working women) and holding a red banner, make this the most powerful image of a woman worker during the NEP period.* Другой автор работы о советском плакате не просто акцентирует внимание на одном из главных визуальных маркеров «архетипа новой советской женщины» на плакате «Трудящаяся женщина»; она объясняет читателю истоки этой традиции, тем самым противопоставляя прогрессивную городскую работницу, знающую правила охраны труда, отсталой крестьянке: *The woman in the center is a new Soviet woman archetype; she has her kerchief tied behind her head, in contrast to the peasant women seen earlier with their kerchiefs tied around their necks. A woman that is hard at work must tie her kerchief behind her head for safety reasons; something a backward peasant woman would not know to do or need to do [5].* В интерпретации плаката «Религия – яд» завязанный под подбородком платок становится одной из важных составляющих крайне неприятного отталкивающего образа старухи, больше всего напоминающей бабу-ягу, которая пытается затащить яростно упирающуюся девочку в церковь: *The baba in the poster is rather frightening with her old and worn face, her missing teeth and a large boil on her right cheek. She also has the iconic hump back and kerchief tied under her chin of the illiterate and superstitious baba.* Значимость цвета и способа завязывать платок в создании образов «старого» (отрицательного) и «нового» (положительного) отражены в плакате, который так и называется: «Красные и белые платочки»: *The poster shows the clash between the traditional religious culture of Russia with the Soviet culture then beginning to form. The poster shows two sets of women, the older baba and the young proletarki).* Так платок, позволяющий опознавать «потенциально своих» и «очевидно чужих», входит в конкретный набор атрибутов, которые со временем начинают функционировать по принципу метонимии: любой такой атрибут отсылает ко всей полноте знакомого образа, со всем положенным набором визуализированных идеологических сигналов [1]. Что касается «взгляда со стороны», Боннелл описывает и интерпретирует мир если не «чужих», то «других» со свойственными ученому объективностью и беспристрастностью; ей в равной степени чужды (хотя при этом и интересны) все персонажи, населяющие плакаты. С другой стороны, художники-авторы этих плакатов делали все возможное, чтобы их современники однозначно считывали упомянутые «визуализированные идеологические сигналы» классово и идеологически «своих» и «чужих», делая одни образы привлекательными и достойными подражания, а другие – отталкивающими, не вызывающими никакого желания идентифицировать себя с ними. К числу последних относится baba (в платке, повязанным на старый манер, под подбородком), образ, впервые появившийся на плакате Михаила Черемных и ставший воплощением многих негативных, с точки зрения большевистской идеологии, качеств: ignorance, political stupidity, blind self-

interest, and petty bourgeois greed, не имеющих ничего общего с провозглашаемыми властями социалистическими ценностями.

Другая важная деталь, способствовавшая формированию образа одного из самых значимых «своих» для аудитории революционной и постреволюционной России (и в дальнейшем СССР) – это знаменитая ленинская кепка, которая в течение длительного времени оставалась неотъемлемой частью образа вождя. Кепка – всего лишь одна деталь, из которых складывается канонический плакатный образ Ленина. Наряду с неизменным костюмом-тройкой, характерными позами, жестами, выражением лица – образ, воплотивший целый набор ценностей: *During these festivities (празднование пятидесятилетия Ленина – О.Е.), key elements in the aesthetic of Leniniana became established: the superhuman qualities of the vozhd, his simplicity and humaneness, the popular essence (narodnost') of the vozhd', and his power (moshch')*. В этом наборе именно кепка «отвечала» за такие качества как simplicity, humaneness и popular essence (narodnost'). Ленин на плакатах предстает как уверенный в своих действиях вождь, правящий сильной рукой – и в то же время как свой, близкий к народу человек, так вовремя сменивший (по некоторым источникам, по совету Н.К. Крупской) буржуазный, классово чуждый котелок, который он носил в Европе, на народную кепку. Боннелл не ограничивается простым перечислением внешних атрибутов Ленина, среди которых неизменно упоминается кепка: *The artists presented Lenin wearing a suit, vest, tie, and cap. Она старается вписать эту деталь в сложную семиотическую систему и объяснить читателю истоки традиции изображать Ленина в головном уборе, получившем впоследствии название ленинки: The addition of the cap must be considered a significant detail in the semiotic system that was taking form. Caps were considered informal, unpretentious attire in this period and were not uncommon.* Автор ассоциирует кепку с простотой и скромностью Ленина (informal, unpretentious attire); кроме того, она отмечает международный аспект, важный в связи с ролью Ленина как вождя мирового пролетариата: *In England and France, the cap had been a common part of proletarian attire since the 1890s.* Интересно следующее замечание по поводу присутствия кепки на плакатах: *This was in contrast to the hatless image of Lenin, the leader of Soviet Russia.* Справедливости ради, надо сказать, что и в России Ленин в кепке воспринимался не только как internationalist leader, но и как leader of Soviet Russia. Скромность, простота, близость к народу, в первую очередь рабочему классу, пролетариату, выраженные при помощи «орабоченного наряда», получают разнообразную языковую репрезентацию в книге Боннелл: *Lenin repeatedly voiced strong objections to the adulation of Bolshevik political leaders, including himself, and prior to August 1918; He firmly discouraged visual representations of living Bolsheviks, including himself; Lenin remained unenthusiastic about public adulation of himself and other leading Bolsheviks* и мн. др. Однако простота, неприхотливость и доступность, в значительной степени символизируемые пролетарской кепкой, прекрасно сочетаются с властью и мощью Ленина как политического деятеля, позволяя создать многогранный образ: *Leniniana cultivated the image of Lenin as a simple and modest man whose outstretched arm projected a new type of power.*

Боннелл прослеживает определенную эволюцию плакатного образа Ленина после его смерти, отмечая изменения коснувшиеся и кепки: *These*

attributes of the Lenin image, carried over from the 1920s into the 1930s, included the following: Lenin always wore a suit, vest, and tie and sometimes an overcoat but rarely a cap (though sometimes he held it in his hand); one arm was outstretched, but the precise position of the hand continued to vary; his expression was serious, determined, thoughtful, or slightly ironic, but never jovial; The painting shows Lenin standing on a tribune high above the masses gathered below; he appears to be giving a speech, and his left hand clutches his cap, while his right hand holds his lapel; his face is almost in profile, his chin slightly elevated и мн.др. Такое внимание к перемещению непритязательной пролетарской кепки с головы Ленина в его руку далеко не случайно; по мнению Боннелл, нет больше необходимости подчеркивать простоту и доступность "Ильича", формируя в сознании населения образ как человека, если не из народа, то довольно близкого к нему, понятного простому человеку: Lenin had been transformed from a rousing revolutionary into a stern and dignified statesman whose immortality was continually reaffirmed by "the masses," who carried on his legacy and obeyed his commands, even after death. Стоит сказать, что так называемая «диктатура кепки», резко опрощавшей одежду государственного деятеля и безраздельно царившая в 20-е годы, закончилась в 40-е годы в результате «шляпной революции», когда все руководители партии и правительства (за исключением военачальников) 1 мая 1946 года выстроились вокруг Сталина на Мавзолее в шляпах [3], и эта мода надолго закрепилась в высших эшелонах власти. Но память о кепке как традиционной детали плакатного образа Ленина, призванной обеспечить его узнаваемость и символизировать подкупающую простоту, человечность, народность бесспорно «своего» вождя и его понятность массам, сохраняется до сих пор.

Платок, завязанный «по-старому» (под подбородком) или «по-новому» (позади), кепка на голове или в руках Ленина – эти незначительные на первый взгляд детали играли существенную роль в формировании плакатных образов «своих» и «чужих». Данная оппозиция носит универсальный характер и проникает в разные сферы социокультурной жизни, особенно в бурный революционный и постреволюционный период 20-го века, когда вся Россия была расколота на «своих» и «чужих» по классовым и идеологическим признакам. В условиях безграмотности подавляющего большинства населения в 1917-1920 гг. именно зрительные плакатные образы имели наибольший эффект в пропаганде новой системы социальных ценностей и стандартов поведения. В таких условиях регулярно воспроизводимые атрибуты служили своего рода визуализированными сигналами, позволявшими быстро и однозначно идентифицировать «своих» и «чужих». В свою очередь «взгляд со стороны», представленный в работах англоязычных исследователей, дает возможность заглянуть в «мир других» носителям иной культуры, расширяя их знания об этом мире и способствуя взаимодействию «своей» и «чужой» культур.

Список использованных источников

1. Михайлин, В. Ю. «Наш» человек на плакате: конструирование образа / В. Ю. Михайлин, Г. А. Беляева // Неприкосновенный запас. – 2013. – №1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/1/nash-chelovek-na-plakate-konstruirovani-obraza.html>. (дата обращения: 16.01.2022).

2. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры: монография / Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Акад. проект, 2001. – 989 с.

3. 100 лет Революции. "Диктатура кепки". – URL: <https://ru-polit.livejournal.com/12681603.html>. (дата обращения 19.01.2022).

4. Bonnell, V. E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin [Electronic Resource] / Victoria Bonnell. – Access mode: <https://ru.scribd.com/document/254275736/V-E-bonnell-IconographyofPower-1998>. (Access date: 19.12.2021).

5. St. Julian, K. Baba, Proletarka and the Kolkhoznitsa: Soviet Depictions of Women in Anti-religious Posters [Electronic Resource] / Kimberly St. Julian/ – Access mode: <https://museumstudiesabroad.org/baba-proletarka-and-the-kolkhoznitsa-soviet-depictions-of-women-in-anti-religious-posters/>. (Access date: 11.12.2021).

УДК 808.2

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕКЛАМЫ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ВО ВРЕМЯ ЭПЕДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Д. П. Желязкова,

доцент, Региональная академия менеджмента, Казахсатан, Медицинский университет, Пловдив, Болгария

Аннотация. В статье рассматривается регулирование рекламы лекарственных средств в Болгарии, ее роль в формировании культуры здоровья общества, а также некоторые лингвистические обращения при исследовании 64 рекламных объявлений, распространяемых в аптечной сети Болгарии во время коронавируса, большинство из которых предназначено для неспециалистов. Комментируется связь между вербальными и иконическими знаками рекламы, распространяемой в условиях коронавируса, когда ведущими призывами являются страх и сила.

Ключевые слова: реклама лекарственных средств, культура здоровья, правовое регулирование, иконические и вербальные знаки.

Summary. The article examines the regulation of advertising of medicinal products in Bulgaria, its role in shaping the health culture of society, as well as some linguistic appeals in the study of 64 advertisements distributed in the pharmacy network in Bulgaria during the coronavirus, most of them are designed for non-specialists. The connection between verbal and iconic signs of advertisements, distributed during the coronavirus when the leading appeals are fear and power, is commented on.

Key words: advertising of medicinal products, health culture, legal regulation iconic and verbal signs.

В целях полной гармонизации болгарского законодательства с законодательством ЕС в области лекарственных средств и обеспечения

выполнения действующих 4 директив и одного регламента Сообщества в этой области 13.04.2007 г. вступил в силу Закон о лекарственных средствах для человека. В ст. № 246 и ст. № 247 регламентируются основные параметры и распространение рекламных сообщений, продвигающих лекарственные средства. Согласно этому закону, рекламе подлежат только лекарственные средства, разрешенные к применению в стране (утверждение и контроль за рекламой и ее распространением осуществляет Исполнительное агентство по лекарственным средствам – ИАЛ). Содержание рекламы также должно соответствовать данным сводки характеристик товара, утвержденной на момент авторизации. Важно, чтобы реклама лекарственных средств указывала только на их надлежащее применение, объективно представляя терапевтические показания лекарственного средства, не преувеличивая возможности лечения и профилактики.

Другим регулирующим фактором является то, что рекламировать следует только лекарства, отпускаемые без рецепта, а те, что назначаются врачом, – только в специализированных медицинских журналах.

Разрешительный режим утверждения рекламы, продвигающей лекарственные средства, закреплен в ст. 251 Закона о лекарственных средствах в медицине, в соответствии с которым лицо подает в ИАЛ заявление по форме, сопровождаемое необходимой документацией (черновик объявления, литературные источники использованных цитат, приналичии – иллюстративный материал, дополнительные административные документы). Регистрационное удостоверение выдается на конкретный лекарственный препарат и действует в течение срока действия регистрационного удостоверения на то же лекарственное средство.

Согласно ст. 251, абз. 3 ЗЛПХМ (Закона о лекарственных средствах в медицине человека), создается Экспертный совет по рекламе. В его состав входят врачи и специалисты с практическим опытом работы в сфере рекламы. Исполнительный директор ИАЛ своим приказом определяет состав совета, в который входит по одному представителю Комиссии по профессиональной этике Болгарского союза врачей, Болгарской стоматологической ассоциации и Болгарского фармацевтического союза. В состав совета могут также входить представители организаций пациентов.

Совет по абз. 3 готовит экспертизу по проекту рекламы и заключение исполнительному директору ИАЛ. При установлении несоответствия объявления требованиям настоящего Закона в течение 7 дней со дня подачи заявления в соответствии с п.п. 1 ИАЛ должно дать письменные указания по их устранению в течение одного месяца с даты уведомления. В случае невыполнения заявителем указаний в течение одного месяца с даты уведомления процедура авторизации прекращается. Статья 290 Лекарственного законодательства (Государственная газета, ном. 102 от 2012 г., в силу с 21.12.2012 г.) также регулирует штрафы за нарушение, которые составляют значительные суммы – от 5 000 до 20 000 левов.

Дифференциация адресатов предопределяет способ подготовки рекламы – выбора лекарственного препарата, который решит проблему здоровья потребителя без медицинского образования, с одной стороны, и рекламу,

основанную на научных фактах, когда речь идет о медицинской аудитории, с другой стороны [2, с. 197–198].

Образовательная функция рекламы сводится к тому, что она:

- предоставляет значимый фактор формирования гражданского общества;
- демонстрирует правильные правовые и этические отношения;
- воспитывает определенные модели поведения;
- дает возможность ответственно продвигать отношение к личному и общественному здоровью.

Роль рекламы лекарственных средств в формировании культуры здоровья общества рассмотрена в публикации Д. Сиджимовой и Л. Спасова [4, с. 69–72].

Сила рекламного воздействия применяется и в области стоматологии. Реклама на всех каналах распространения информации насыщена многочисленными рекламными объявлениями, призывающими поддерживать высокий уровень гигиены полости рта. Данный вид рекламы является одним из источников повышения санитарной культуры общества по вопросам стоматологического здоровья. Благодаря многократному ежедневному повторению в прайм-тайм одного из популярных рекламных роликов той или иной марки зубной пасты болгарский потребитель уже хорошо знаком с признаками здоровых зубов.

Сиджимова [5, с. 24–38] указывает, что влияние рекламы на формирование экологического сознания и культуры чрезвычайно велико, и в связи с этим ряд экологических НКО используют рекламную коммуникацию как средство пропаганды современных экологических движений и иницируют массовые акции по защите природы и защиты окружающей среды.

Существенный вклад в повышение санитарно-экологической культуры нации внесла рекламная кампания, инициированная организацией, деятельность которой связана с построением устойчивых систем раздельного сбора и утилизации упаковочных отходов. Реклама призывает к формированию экологического сознания и поведения путем демонстрации преимуществ раздельного сбора мусора – утверждается, что после переработки стеклянная бутылка обеспечивает 4 часа электроэнергии, что призывает получателей обращений поддержать процесс раздельного сбора бытовых отходов.

С позиций санитарного просвещения и культуры потенциал рекламы должен быть направлен на пропаганду здорового образа жизни, на демонстрацию терпимости к людям с психическими и физическими недостатками, уважение и защиту окружающей среды и другое.

Реклама является важным стимулирующим и регулирующим фактором воздействия на сознание и поведение широких масс и именно эти ее качества, а также ее массовость определяют ее как один из основных элементов в процессе укрепления здоровья путем адресации рекламных сообщений целевым группам населения и путем демонстрации определенных моделей поведения.

Благодаря социальной рекламе меняется отношение людей к общественно значимой проблеме, формируются новые ценности. Одна из самых эффективных и воздействующих социальных реклам связана с вопросами общественного здоровья, поэтому ее потенциал необходимо использовать для

пропаганды здорового образа жизни и профилактики социально значимых заболеваний [3, с. 11–35].

Связь между вербальным и иконическим знаком можно продемонстрировать на изображениях на рис. 1, на которых видно, что в первой рекламе крема от остеоартрита и ревматизма иконическая хроматема связана с символической желтой упаковкой, и поэтому рекламная привлекательность иконического и словесного уровней одинакова. Во втором рекламном ролике также показана игра с хроматами, так как потенциальный пользователь цветоделен на языковом уровне, а связь с иконическим уровнем – ребенком, изображенным с медведем – очевидна. Символ ребенка связан с иконическим знаком – изображением ребенка. Третья реклама нового комплекса Б-17 Форте связывает знаковый признак пожилых людей с назначением продукта – для людей с упадком сил, усталостью, часто болеющих и т.д. В четвертой рекламе продукта с куркумой используется удобный инструмент – ножницы, чтобы срезать накопленные килограммы. Связь между избыточным весом и похудением за счет «сушки» весьма показательна. Пятая реклама связывает иконический знак кислорода O_2 с символическим кислородом, который входит в мощное действие лекарственного средства.

Ibutop® Крем
КРЕМЪТ В ЖЪЛТАТА ОПАКОВКА,
КОЙТО МИ ПОМАГА!

Ибутоп®
50 mg/g гел
ибупрофен

735 лв.

ЦЕЛЕНАСОЧЕНО ДЕЙСТВИЕ СРЕЩУ
БОЛКАТА ПРИ АРТРОЗА
И РЕВМАТИЗЪМ

ПОДХОДЯЩЕ ЗА ЛЕЧЕНИЕ НА
СПОРТНИ ТРАВМИ И
РЕВМАТИЧНИ ЗАБОЛЯВАНИЯ

ТАНТУМ ВЕРДЕ®
ОРИГИНАЛНИЯТ СПРЕЙ
ЗА МАЛКИ ДЕЦА ПРИ
ВЪЗПАЛЕНИЕ И БОЛКИ
В ГЪРЛОТО!

■ БЕЗ АНТИБИОТИЦИ
■ БЕЗ АНЕСТЕТИЦИ
■ БЕЗ ЗАХАР

Новият В-17 комплекс Форте:

**1 КАПСУЛА - 7 ПОЛЗИ
ЗА ЗДРАВЕТО!**

НОВАТА ДОБАВКА В17 КОМПЛЕКС
ФОРТЕ Е ПОДХОДЯЩА ПРИ:

- Хора, които често се разболяват,
- При честа умора, липса на енергия, отпадналост,
- След прекратено лечение с химко или лучетерапия, за повишаване имунитета на организма,
- Регулиране на нивото на кръвната захар, мазнина, холестерин и кръвното налягане,
- Одобрява гъвкавостта и пропускливостта на кръвоносните съдове,
- При онкологични проблеми.

В новата формула на В17-Комплекс се използват единствено сертифицирани екстракти, което увеличава ефективността. Освен, доказалите своето действие, екстракти от киселини ядки (Амигдали), гъби Рейши и Облепиха, са добавени екстракти от гъба Чага, корени от Глухарче и Джинджифил. Съчетанието на всички тях подсилва единичното им действие и подпомага естествен имунитет на организма.

ПОВЕЧЕ ЗА В17 МОЖЕ ДА ПРОЧЕТЕТЕ НА WWW.LEKUYA.NET

**КУРКУМА
+ БИО-ПЕРИН**

Турмирин®
Куркума
+ биоПерин®

ЗАСИЛВА
МЕТАБОЛИЗМА
И ПРЕДОТВРЯВА
НАТРУПВАНЕТО
НА МАЗНИНИ.

90% 2000%

Овладей своята форма.

Рисунок 1. Соотношение словесных и иконических знаков

Эта разработка не претендует на завершенность. Данное исследование ставит вопрос о связи вербальных и невербальных (визуальных) методов аргументации в рекламе лекарственных препаратов и перспективно в плане расширения охвата рекламных текстов.

Список использованных источников

1. Закон о лекарственных средствах в медицине человека пром. ДВ. нет. 71 от 12 августа 2008 г.
2. Тарновская, М. Построение курса лекций по биоэтике и деловой этике с практической частью. Второе исправленное и дополненное издание по порядку. Доценту, доктору М. Лечковой / М. Таановская. – Пловдив : МУ–Пловдив, 2016. – С. 197–198.
3. Тарновская, М. Реклама медицинских услуг. Этические, правовые и экономические аспекты / М. Тарановская. – Пловдив : Лакс Бук, 2018. – С. 11–35.
4. Сиджимова, Д. Журнал управления здравоохранением / Д. Сиджимова, Л. Спасов. – Вып.1, 2008. – С. 69–72.
5. Сиджимова, Д. Реклама и общественное здоровье / Д. Сиджимова ; под ред. жилой домСимел. – София, 2008. – С. 24–38.

УДК 811.133.1

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ВО
ФРАНЦУЗСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ**

А. Г. Жилнин¹, С. М. Кравцов²,

*¹аспирант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
Ростов-на-Дону*

*²доктор филол. наук, профессор кафедры романской филологии ФГАОУ
ВО «Южный федеральный университет»,
Ростов-на-Дону*

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении прагматического потенциала феномена языковой игры во французском рекламном тексте. Методами исследования служит наблюдение, описание, контекстуальный анализ, словарная дефиниция. В результате исследования делается вывод о том, что наиболее распространенными средствами создания языковой игры являются метафора, сравнение, каламбур.

Ключевые слова: языковая игра, прагматический потенциал, французская реклама, игра слов, тропы.

Summary. The aim of the work is to identify the pragmatic effect of the phenomenon of the language play in the French advertising text. The research methods are observation, description, contextual analysis, dictionary definition. As a result of the study, it is concluded that the most common means of creating a language game are metaphor, comparison and pun.

Key words: language play, pragmatic potential, French advertising, pun, tropes.

Автором термина «языковая игра» принято считать Людвига Витгенштейна – австрийского философа, который понимал под этим лингвистическим феноменом весь процесс употребления слов в языке, вербального общения субъектов в определенных обстоятельствах. Каждое человеческое высказывание, таким образом, становится языковой игрой [2].

Во французском словаре «Le Petit Larousse» языковая игра определяется более узко – «jeu de mots fondé sur la différence de sens entre des mots qui se prononcent de la même façon» («игра слов, основанная на различии значений одинаково произносимых слов») [10].

Отечественный лингвист А. П. Сковородников под языковой игрой понимает творческое, нестандартное использование любых языковых единиц и / или категорий с целью создания красивых выражений, в том числе комического характера, порой пренебрегающих стилистическими и логическими правилами языка [6, с. 50–62]. С данной трактовкой термина «языковая игра» согласны и другие отечественные ученые. Подобное определение встречается и в работах Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой. В своих трудах они трактуют языковую игру как средство, в котором реализуется «установка на комический эффект» в результате «игры с формой речи», подчеркивая таким образом первостепенную роль комизма в создании языковой игры. [3, с. 172–214]. Универсальный механизм построения языковой игры предполагает нарушение языковых норм со стороны одного из коммуникантов и готовность другого или других коммуникантов восстановить речевой акт или хотя бы приблизиться к изначальной идее автора высказывания.

Таким образом, языковая игра заключается в использовании словесного выражения, целью которого является создание остроумных, преимущественно комического характера, высказываний, которым присущи точность, оригинальность и неожиданность. Как правило, языковая игра реализуется в речи в виде каламбуров и различных тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.).

В настоящее время реклама стала основным связующим звеном между потребителем и производителем того или иного товара или услуги. Она служит неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, сопровождая его повсюду: в дороге, во время работы на компьютере, при использовании медиаресурсов. Реципиенты рекламных текстов настолько адаптировались к вездесущей рекламе, что стандартные изображения и тексты ими не воспринимаются. Экстралингвистические причины побуждают маркетологов прибегать к различным лингвистическим приемам с целью повышения привлекательности их рекламного текста. Одним из наиболее популярных в рекламе лингвистических приемов является языковая игра, повышающая

привлекательность, выразительность и эмоциональность рекламного текста. Отражение в языковой игре как лингвистических, так и экстралингвистических проблем за пределами языковой реальности углубляет интерес специалистов к исследованию данного феномена в целом и в сфере рекламы в частности.

Особенно актуальным является прагматический аспект изучения данного явления. Рекламный текст, как правило, становится реализацией иллокутивных целей, т.е. намерений говорящего, направленных на определенное взаимодействие с реципиентом рекламируемого продукта. При рассмотрении рекламного текста как иллокутивного (речевого) акта, обладающего конкретной целью, можно констатировать, что особую значимость приобретает определение его «иллокутивной силы», которая является «тем, что согласно намерению, должно быть понято» [7, с. 64].

Согласно классификации иллокутивных актов, составленной Дж. Серлем, можно выделить следующие типы актов: директивы, репрезентативы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [5, с. 98]. Прагматическим центром рекламной коммуникации в большинстве случаев выступает директив, т.е. «стремление одного из коммуникантов оказать на адресата такое воздействие, которое могло бы побудить последнего совершить определенные действия, исполнения которых отправитель желает» [1, с. 92].

Таким образом, прагматический потенциал позволяет реализовать основную задачу рекламного текста, которая заключается не только в донесении до адресата информации о товаре или услуге, но и в его стимулировании приобрести рекламируемый продукт, а также в формировании приверженности потребителя к определенному бренду. Реализации данной задачи рекламы способствует языковая игра.

По мнению Е. Я. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, одним из основных инструментов создания языковой игры являются тропы [3, с. 172–214.]. Данная мысль легла в основу гипотезы нашего исследования.

Тексты рекламы довольно часто содержат в себе языковую игру, реализуемую посредством метафоры, целью которой является замена собственного (прямого) значения слова на производное (переносное), однако, его смысл становится явным лишь в определенном контексте. Примером метафоры в рекламе может послужить следующий слоган: «La force du lion domestiqué» (досл. «сила прирученного льва») [12]. Авторы рекламного текста осуществляют метафорический перенос, основанный на схожести силы «царя зверей» и мощности автомобильного двигателя. Следует также добавить, что использование слова «domestiqué» (прирученный / одомашненный) неслучайно. Мы предполагаем, что таким образом маркетологи хотят подчеркнуть верность автомобиля хозяину, несмотря на свободолюбивый львиный нрав.

Метафора встречается и в рекламном слогане компании «Citroën»: «Pack lounge: tout le confort d'un loft» (досл. Pack lounge: комфорт в стиле лофта) [8]. Данный текст убеждает автолюбителей в том, что, находясь за рулем, они будут себя чувствовать как дома. Более того, следует отметить, что маркетологи используют в рекламном тексте слово «лофт», а не «дом» или «квартира». Можно предположить, что это является попыткой указать на современный дизайн салона рекламируемого автомобиля.

Сравнение также является довольно популярным стилистическим приемом в современном французском рекламном тексте. Оно заключается в сопоставлении двух номинаций с целью выявления аналогий, которыми они обладают. Как правило, сравнение реализуется с помощью слов «как», «словно», «подобно», «будто» и так далее. Примером сравнения является следующий рекламный текст: «Lorsque les dents sont sensibles, le froid est douloureux comme des clous!» (досл. «Когда зубы чувствительны, холод болезнен как гвозди») [14]. В представленном тексте рекламы фармацевтического продукта сопоставляются холод и гвозди. Таким образом, авторы рекламного текста подразумевают, что контакт зубов с холодом может быть столь же болезненным, как контакт тела с гвоздями. Данный текст является примером выражения прагматического эффекта, создающегося в результате актуализации в сознании потенциальных клиентов, страдающих чувствительными зубами, неприятных ощущений, справиться с которыми поможет рекламируемый медикамент.

Языковая игра зачастую основывается на использовании различного рода каламбуров, игры слов. Игра слов реализуется благодаря несоответствию плана содержания и плана выражения. Необходимыми элементами данного лингвистического приема являются такие языковые явления, как полисемия, омонимия, паронимия, паронимазия. Примером игры слов может служить следующий рекламный текст: «Il n'y a que Maille qui m'aille» (досл. «Мне подходит только горчица Maille») [11]. В слогане данной компании присутствует игра слов, основанная на омонимии выражения «m'aille» и названия бренда горчицы. Таким образом, при помощи игры слов авторы рекламного текста стимулируют быстрое запоминание названия бренда рекламируемого продукта.

Другим примером игры слов является реклама французского почтового банка: «Je m'épargne du stress, j'épargne à la banque postale» [9], основанная на полисемии. Авторы рекламы «играют» со смыслами глагола épargner (в первом случае он означает «оберегать себя, избавляться», во втором – «размещать свои сбережения»).

Рекламный постер компании «Uber», создавшей приложение по поиску и вызову такси, также строится на игре слов. В основе слогана «Uber&mère» (досл. «Убер и мать») [15] лежит паронимазия, имеющая аллюзию на фразу «Père&mère» (досл. «Отец и мать»). Можно предположить, что таким образом маркетологами подчеркивается безопасность использования данного приложения вне зависимости от возрастной категории пассажиров, а также радушный прием, оказываемый данной компанией по отношению к клиентам, который можно сравнить с встречей с родными.

Эффективность рекламного текста возрастает в случае многократного повторения одного и того же сообщения. По мнению А. В. Костиной, «будучи навязчивой идеей, повторение становится барьером против отличающихся или противоположных мнений. Таким образом, оно сводит к минимуму рассуждения и быстро превращает мысль в действие» [4, с. 102]. Примером повторения может послужить рекламный слоган «Nivea Men»: «N'hésitez plus entre le soin et le soin» [13], что переводится как «Не выбирайте между уходом и уходом». Дублирование слова «soin», вероятно, используется с целью подчеркнуть заботу рекламируемого продукта по отношению к своему владельцу.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что феномен языковой игры широко представлен во французском рекламном тексте. Наиболее частотными средствами ее создания являются метафора, сравнение, каламбур (игра слов). Языковая игра в рекламном тексте порождает привлекающий внимание его адресата прагматический потенциал, создающийся благодаря эмоционально-экспрессивной окраске, содержащейся в контекстуальной семантике языковых единиц.

Список использованных источников

1. Беляева, И. Е. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык / Беляева И. Е. – Воронеж, 1992. – 168 с.
2. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1984. – №8. – С. 401–403.
3. Земская, Е. А. Языковая игра. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : Наука, 1983. – С. 172–214.
4. Костина, А. В. Основы рекламы / А. В. Костина. – Москва : КНОРУС, 2006. – 352 с.
5. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – Москва : Прогресс, 1986. – 423 с.
6. Сковородников, А. П. Об определении понятия «языковая игра» / А. П. Сковородников // Игра как прием текстопорождения: коллектив : монография под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2010.
7. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – Москва : Прогресс, 1986.
8. Citroën [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.citroen.fr/>. (Access date: 15.05.2021).
9. Grunig, B.: Les mots de la publicité / B. Grunig. – Paris : Editions du CNRS, 1998.
10. Le Petit Larousse. – Paris, 2019.
11. Maille [Electronic Resource] – Access mode: <http://fr.maille.com/>. (Access date: 14.02.2021).
12. Mitsubishi [Electronic Resource] – Access mode: www.mitsubishi-motors.fr/. (Access date: 12.02.2019).
13. Nivea [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.nivea.fr/>. (Access date: 15.05.2021).
14. Sensodyne [Electronic Resource] – Access mode: www.sensodyne.fr/. (Access date: 17.01.2020).
15. Uber fait sa pub à coup de jeux de mots [Electronic Resource] – Access mode: <http://blog.shanegraphique.com/>. (Access date: 15.05.2021).

УДК 811.133.1

ФРАНЦУЗСКИЙ СПОРТИВНЫЙ ДИСКУРС: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА КОММЕНТАРИЯ)

С. М. Кравцов¹, К. В. Шевченко²

¹ доктор филологических наук, профессор Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

² магистрант кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

Аннотация. Неотъемлемость спорта от жизни социума, а также недостаточность исследования репрезентации ее спортивной составляющей в языке свидетельствует о важности и значимости данной работы для развития языкознания, что определяет её актуальность. Цель работы заключается в исследовании прагмалингвистического потенциала французского спортивного дискурса на материале жанра комментария. Методами исследования являются описание, метод наблюдения, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки.

Делаются выводы о том, что во французском спортивном дискурсе используются такие фигуры речи и тропы, как лексический повтор, риторический вопрос, фразеологизмы и метафоры для акцентуации внимания зрителя.

Ключевые слова: спортивный дискурс, прагмалингвистический аспект, жанр комментария, фигуры речи, тропы, невербальные средства.

Summary. The inalienability of sport from the life of society, as well as the lack of research into the representation of its sports component in the language, indicates the importance and significance of this work for the development of linguistics, which determines its relevance. The aim of the work is to study the pragmalinguistic potential of the French sports discourse on the material of the commentary genre. The research methods are description, the observation method, the contextual analysis method, the continuous sampling method. It is concluded that French sports discourse uses such figures of speech and tropes as lexical repetition, rhetorical question, phraseological units and metaphors to focus the attention of the viewer.

Key words: sports discourse, pragmalinguistic aspect, commentary genre, figure of speech, non-verbal expression.

Понятие дискурса, будучи ёмким и многогранным, отличается разнообразием его интерпретации. Несмотря на это, мы придерживаемся позиции Н. Д. Арутюновой, которая рассматривает дискурс неразрывно с социокультурными, экстралингвистическими, психологическими и другими факторами и определяет дискурс как «речь, погружённую в жизнь» [2, с. 137]. Данная трактовка предполагает, что дискурс может выражаться как в письменной, так и в устной форме.

Место спортивного дискурса в современном языкознании в настоящее время окончательно не определено, поэтому не существует его точной и единой дефиниции. В теории дискурса принято его разделение на личностно-ориентированный и институциональный [3, с. 6]. Не вызывает сомнения личностно-ориентированный характер спортивного дискурса, ибо он может

ассоциироваться с разговорной речью, диалогической или монологической. В то же время спортивный дискурс относится к институциональным, так как он представляет собой специализированную клишированную разновидность между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [3, с. 20]. Следовательно, спортивный дискурс трактуется в данной работе как вид дискурса, являющийся одновременно личностно-ориентированным и институциональным и отражающим либо конкретные спортивные события, проводящиеся в определённом месте, либо спортивную жизнь определённого социума.

Мы понимаем прагмалингвистический аспект спортивного дискурса, опираясь на дефиницию прагматики Ю. Д. Апресяна. По его мнению, прагматика – «закреплённое в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [1, с. 12].

В эру развития информационных технологий роль комментаторов несколько изменилась. Если в эпоху черно-белого телевидения комментаторы были практически единственным доступным для зрителя источником информации (например, в фигурном катании комментаторы всегда описывали цвет костюмов, поскольку зрителям данные сведения были недоступны), то в эпоху Интернета доступ к любого рода материалам о спорте, будь то правила или биографии спортсменов, есть почти у каждого. Несмотря на это, спортивный комментарий остается актуальным среди активных и, в особенности, пассивных болельщиков.

Комментарий является неотъемлемой частью спортивного дискурса. Именно этот жанр характеризуется особым разнообразием стилистических средств в силу того, что является преимущественно спонтанным жанром. Основная цель комментария – передача информации о происходящем зрителям. В нашем исследовании взяты за основу комментарии прокатов чемпионата Европы по фигурному катанию 2020 года, проката Алины Загитовой на Олимпийских играх-2018, а также футбольного матча Франция-Хорватия в финале чемпионата мира 2018 года.

Комментарии в футболе и фигурном катании очень отличаются по своей структуре по причине особенностей данных видов спорта. Футбол – это игра, в ней постоянно происходит динамичная борьба между двумя сторонами, в то время как в фигурном катании борьба «лицом к лицу» отсутствует. Если для футбольного комментатора типично непрерывно описывать всё происходящее на поле, то комментаторы фигурного катания во время выступления зачастую отмечают лишь название элементов и качество их исполнения, а свою точку зрения и более подробный анализ высказывают после выступления, во время ожидания оценок, поскольку постоянное комментирование в данном виде спорта мешает восприятию музыки и самого проката в целом. Несмотря на различия в структуре комментариев футbola и фигурного катания, их основная цель остаётся единой – информирование зрителя о происходящем. Чтобы точнее и ярче передать информацию зрителю, комментаторы прибегают к различным стилистическим и прагматическим приёмам.

Например, для данного жанра характерны лексические повторы, такие как:

«Dans la Provence de Styrie dans l'Autriche tout, tout s'arrête, tout s'arrête pour accueillir Gabriella Papadakis et Guillaume Cizeron». – В провинции Штирии, в Австрии, всё затихает, всё затихает, чтобы поприветствовать Габриэлле Пападакис и Гийома Сизерона.

« La jury discute, ils discutent, ils discutent... Ça nous enquête énormément énormément». – Жюри обсуждает, они обсуждают, обсуждают... Нас это очень, очень сильно волнует.

Комментатор 1: «Je pense qu'il la touche. Il la touche, il la touche... »

Комментатор 2: «Bien sûr que si! Bien sûr que si! D'abord c'est la main et ensuite – le pied d'Ivan Peresic. Bien sûr que oui! Bien sûr que oui!» – Комментатор 1: Я думаю, он коснулся его. Коснулся, коснулся... Комментатор 2: Конечно, да! Конечно, да! Сначала была рука, а затем нога Ивана Перешича! Конечно! Конечно!

Повторы в данном случае применяются, чтобы обозначить напряжённость момента, а также чтобы передать зрителю важность происходящего, заострить внимание на том или ином моменте. Стоит отметить, что не всегда повторы являются именно фигурой речи, например, «Il y a... Il y a... Il y a un appel sur un élément qui va être discuter par le jury ». (Есть... есть один элемент, который будет обсуждаться жюри). Такой повтор является не выразительным средством, а скорее особенностью спонтанной речи, поэтому в данном исследовании не классифицируются подобные случаи как фигуры речи.

Ещё одна особенность, которую часто можно услышать в речи спортивных комментариев, – это риторические восклицания.

«Quelle efficacité! Quelle efficacité, Paul Pogba! Réussite maximale! Maximale!» – Какая эффективность! Какая эффективность, Поль Погба! Максимальный успех, максимальный!

«Quelle finale, quelle finale... Quel match étonnant.» – Какой финал, какой финал... Как удивительный матч.

«Alina Zagitova devant Satoko Miyahara de Japon... Quelle compétition magnifique!» – Алина Загитова обходит Саотоко Мияхару из Японии... Какое великолепное соревнование!

Риторические восклицания используются комментаторами, чтобы передать эмоции и повысить интерес к событию. Таким образом, комментатор оказывает огромное влияние на зрителя не только вербальными, но и невербальными средствами, такими как ритм, интонация, скорость речи.

Нередки также и риторические вопросы, которые выполняют похожую роль:

«Mais qu'est-ce que c'est que cette finale? Magnifique!» — Ну что за финал? Великолепно!

«Trois buts d'avance pour les Bleus! Est-ce que c'est terminé ? Sans doute pas! Mais cette deuxième étoile est très proche!» – Голубые впереди на три мяча! Всё кончено? Конечно, нет! Но эта вторая звезда очень близка!

С помощью риторических восклицаний и риторических вопросов комментатор вовлекает зрителя в происходящее, подчёркивает особо эмоциональные, соответственно, важные моменты.

Помимо перечисленных нами стилистических особенностей, в жанре комментария встречаются фразеологизмы.

«*C'est le calme avant la tempête*». – Это затишье перед бурей.

«*C'est médaille d'or qui lui tend les bras mais il y a quatre minutes pour cela à franchir*». – Золотая медаль протягивает к ней руки, но есть ещё четыре минуты, которые ей предстоит для этого пройти.

Фразеологизмы используются комментаторами в целях разнообразия своей речи. Как ранее было отмечено, комментарий уже давно направлен не только на информирование зрителей, в его цели также входит и развлекательная функция.

Чтобы удержать интерес к какому-либо виду спорта, комментаторы стараются быть ближе к публике. В этих целях часто используются жаргонизмы и элементы разговорной речи. Например:

«*Fantastique! Quelle efficacité, super bon travail de Lucas et Hernandez!*» — Фантастика! Какая результативность, отличная работа Лукаса и Эрнандеса!

Необходимо отметить ещё одну особенность спортивного комментария – его субъективность. Комментаторы спортивных событий зачастую выражают личную позицию, стремясь поддержать контакт со зрителем. Рассмотрим примеры:

«*Je pense qu'elle va gagner... J'espère qu'elle va gagner parce que son patinage est quand même plus féminin, plus artistique...*» – Я думаю, что она выиграет. Я надеюсь, что она выиграет, всё же её катание более женственно, более артистично...

«*Les juges ne nous sont pas favorables*». – Судьи к нам не благосклонны.

Комментатор передает зрителю информацию с позиции своего личного мнения и, таким образом, конструирует модель восприятия спортивного мира реципиентом.

Итак, результаты произведённого нами анализа позволяют сделать вывод о том, что речь французских комментаторов достаточно разнообразна и многофункциональна. Установлено, что во французском спортивном дискурсе используются такие фигуры речи и тропы, как лексический повтор, риторический вопрос, фразеологизмы и метафоры для акцентуации внимания зрителя. Также в силу реализации в устной форме и спонтанности речи в комментарии обнаруживаются разговорные элементы.

В отличие от репортажа, который в основном существует в текстовом виде, в комментарии имеется возможность использовать такие методы воздействия, как, например, интонация, ритм, сила голоса. Исходя из этого можно сделать вывод, что отличительной и преобладающей чертой комментария при прагматическом воздействии на зрителей являются невербальные средства, а художественные фигуры, будучи важным компонентом, тем не менее, отходят на второй план.

Более того, комментарий является достаточно субъективным жанром, где говорящий часто выражает своё личное мнение и даёт субъективную оценку.

Список использованной источников

1. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности. – Москва : Ин-т яз-я АН СССР, 1988. – С.7–44.

2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс. Речь / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь ; глав. ред. В. Н. Ярцева. – Москва

: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. – С. 687.

3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 385 с.

УДК 811.161.1

ДИАГНОСТИКА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК

И. Н. Литвинчук,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и
культуры речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного исследования особенностей письменной речи молодых субъектов речевой деятельности с использованием лингвостатистических и психолингвистических методик «Письмо другу», коэффициент лексического разнообразия, коэффициент синтаксического разнообразия, коэффициент эмотивности. Выявлены количественные и качественные различия по данным коэффициентам в речевой продукции обучающихся различных направлений подготовки. Обучающиеся КФУ им. В. И. Вернадского выступили в качестве респондентов. Результаты исследования могут найти применение в диагностике психоэмоциональных характеристик обучающихся и особенностей развития их речи.

Ключевые слова: речь, языковая личность, психолингвистические коэффициенты, текст.

Summary. Article represents results of pilot study of written language peculiarities among young subjects of speech activity using linguo-statistical and psycholinguistic methods «A letter to a friend», lexical diversity, syntactic diversity and emotivity coefficients. V. I. Vernadsky Crimean Federal University students acted as respondents. Study has revealed quantitative and qualitative differences for above coefficients in the speech product from students of various training directions. Results of this investigation might be applied among students to diagnose their psycho-emotional characteristics and peculiarities of speech development.

Key words: speech, language personality, psycholinguistic coefficients, text.

Обсуждение проблемы исчезновения языков и стремление ответить на вопрос, будут ли говорить по-русски в XXI веке, приводят российских ученых к грустным выводам о том, что речевой код, очевидно, деградирует [3]. Молодое поколение носителей русского языка зачастую воспринимает возможности «новой эры и свободы воли» [8] в духе игнорирования норм литературного языка и арсенала его выразительных средств, что проявляется в десемантизации речевых единиц, толерантности к инвективному словоупотреблению [7], обеднению синтаксической структуры высказываний. Цифровизация всех

социальных сфер способствует экспансии письменной речи, например, в социальных сетях, в то время как показатели ее лексического и синтаксического разнообразия неуклонно снижаются. В этих обстоятельствах своевременная и эффективная диагностика речевой компетенции молодых субъектов речевой деятельности, индивидуальных особенностей их речевого кода [10] представляется целесообразной особенно в процессе обучения в университете.

Автором предпринята попытка пилотажного исследования актуальных количественных и качественных показателей письменной речи обучающихся с применением психолингвистических методик. В качестве респондентов выступили 107 обучающихся КФУ им. В. И. Вернадского различных направлений подготовки: гуманитарного, инженерно-технического, естественнонаучного и других. Возраст респондентов – от 17 до 22 лет (1–2 курс обучения). Участие в исследовании носило добровольный характер.

Респонденты получили задание написать письмо другу / подруге. Время написания текста было унифицировано для всех респондентов. Основными условиями были следующие: 1) нужно стараться сохранить особенности своего стиля речи, придерживаясь при этом норм русского литературного языка; 2) в письме нужно отразить наиболее актуальные, волнующие автора вопросы и проблемы; 3) письмо должно быть строго определенного объема (250 ± 3 слов). Соблюдение второго условия актуально, поскольку формирует коммуникативную ситуацию, когда письменная речь тяготеет к спонтанности и менее формализована, а это способствует процессу детального психолингвистического портретирования субъекта речевой деятельности. Следует отметить, что третье условие особенно важно в плане результативности анализа текстов, например, по критерию лексического разнообразия, поскольку многие исследователи отмечают, что объем текста существенно влияет на результаты его анализа [11; 12; 13]. При этом «современные ученые склоняются к отказу от сложных формул и применению независимых способов, поскольку тексты для анализа в большинстве исследований имеют разную длину» [4, с. 21].

В ходе анализа текстов нашли применение различные психолингвистические методики, включая такие показатели, как коэффициент Трейгера, коэффициент опредмеченности действия, коэффициент эмболии, индекс прегнантности Эртеля, однако ввиду ограниченности объема статьи предметом обсуждения являются только нижеупомянутые методы.

Коэффициент лексического разнообразия речи (КЛР), который может «служить мерой успешности речевого акта, например, при патологии речи или в ситуации говорения на иностранном языке» [10, с. 398], определяется как отношение числа лексем (L) в анализируемом тексте или его фрагменте к общему количеству слов (C) в данном тексте, то есть по формуле: $КЛР = L / C$ [1]. Результаты анализа текстов респондентов показали довольно низкие значения по данному коэффициенту. Так, в текстах обучающихся инженерно-технического направления среднее значение данного коэффициента – 0,29, обучающихся естественнонаучного направления – 0,36, гуманитарного направления – 0,47.

По такому критерию анализа, как коэффициент синтаксического разнообразия (КСР), или сложности конструкции (вычисляется по формуле: $КСР = 1 - П / С$, где $П$ – это общее количество предложений в тексте, а $С$ – общее

количество слов в нем), получены следующие результаты по различным направлениям подготовки: в текстах обучающихся естественнонаучного и инженерного направлений не выявлены значимые различия по этому коэффициенту (среднее значение – 0,94), а у гуманитариев средний КСР – 0,96. Здесь следует учитывать, что разнообразие синтаксических отношений между словами в конкретном предложении соотносится с таким критерием, как количество слов в нем: чем ближе значения коэффициента к 1, тем меньше синтаксическое разнообразие. Таким образом, будущие филологи, историки, философы, политологи, журналисты действительно проявляют более высокие способности к синтаксической комбинаторике в текстах письменной речи, однако показатели коэффициента синтаксического разнообразия в целом невысокие.

По мнению исследователей, синтаксические особенности, которые проявляются в речевой продукции того или иного индивида, коррелируют с неосознаваемыми психическими процессами [5]. Так, изменения в синтаксической структуре предложения и текста указывают на регрессивный характер речи и обусловлены уровнем социализированности субъекта речевой деятельности [9]. Анализ текстов респондентов позволил выявить явную тенденцию к деструктивному паратаксису: в более чем половине сложносочиненных и сложноподчиненных предложений отсутствуют формальные средства связи, которые позволяют установить логико-семантическое соотношение простых предложений. Таким образом, принцип фрагментации предложений, детерминирующий оформление речи в социальных сетях, определяет и структуру письменной речи молодых субъектов речевой деятельности в других коммуникативных ситуациях.

Нет каких-либо универсальных общепринятых стандартов, касающихся коэффициентов разнообразия речи, однако в роли «...оценки какого-либо текста в однородной группе текстов вполне может служить среднестатистическая норма величины коэффициента для равных по длине отрывков» [2, с. 28].

Определение частотности употребления в речевой продукции говорящего местоимения «я» в именительном и косвенных падежах интерпретируется для определения внешнего или внутреннего локуса контроля индивида, а отношение количества неопределенных местоимений к общему числу слов в анализируемом тексте может выступать как коррелят неопределенности коммуникативных установок [9]. Обращает на себя внимание факт высокочастотного употребления подавляющим большинством респондентов-обучающихся всех направлений подготовки местоимения «я» и отрицательных частиц (чаще всего – «не»). Эти данные требуют дополнительных исследований в аспекте интерпретации: подобные явления свидетельствуют о высокой степени демонстративности респондентов, высокой самооценке и доминирующем внутреннем локусе контроля или о чрезмерном индивидуализме, сосредоточенности на себе, самоизоляции и социальной депривации?

Определение коэффициента эмотивности [6, с. 279] осуществляется с целью выявления степени эмоциональной экспрессии в речи респондентов. Данная методика основана на подсчете количества эмотивных морфолого-синтаксических конструкций в одной единице текста и доминирования в этом фрагменте конструкций с определенным качеством формально-семантических

связей. В результате анализа текстов выявлены тенденции к доминантному использованию респондентами эмотивных морфолого-синтаксических конструкций определенного типа: в текстах обучающихся инженерного и естественнонаучного направления более 65% всего количества эмотивных конструкций представляют субстантивные конструкции (*У меня страх. Страх войны*), в то время как глагольных конструкций (*Они боятся войны*) – в среднем 25–30. Адвербативные и адъективные конструкции (*Она страшная. Мне страшно*) в письменной речевой продукции респондентов этих групп представлены мало (5–8%), в то время как респонденты-гуманитарии употребляют их гораздо чаще (в среднем – 20% от общего количества эмотивных конструкций). Таким образом, можно говорить об более высоком уровне оценочности в трансляции эмоциональной семантики обучающимися-гуманитариями.

Рассмотренные коэффициенты просты в применении, поскольку «все они представляют собой уравнение и могут быть рассчитаны без применения специального программного обеспечения» [4, с. 29]. Результаты данного пилотажного исследования могут найти применение в диагностике психоэмоциональных характеристик обучающихся и особенностей развития их речи. Выявление индивидуального речевого портрета обучающихся посредством применения психолингвистических коэффициентов позволяет наметить приоритетные направления в аспекте языковой подготовки.

Рассмотренные методики обладают экспланаторным потенциалом и в аспекте речевой диагностики и самодиагностики студентов, которая способствуют рефлексии в аспекте культуры речи: «Почему я говорю / пишу так?» С целью мониторинга процесса и качества формирования языковой и речевой компетенции обучающихся представляется целесообразным применение комплекса рассмотренных методов в начале и в конце курса таких дисциплин, как «Русский язык и культура речи» и «Культура речи и делового общения».

Список использованных источников

1. Борунов, А. Б. Разнообразие речи и методы его измерения в тексте (лингвостатистический подход) / А. Б. Борунов, А. В. Кубасов ; *Litera.* – 2017. – № 4. – С. 81–84. – URL: https://e-notabene.ru/fil/article_20751.html. (дата обращения: 24.02.2022).
2. Варфоломеев, А. П. Психосемантика слова и лингвостатистика текста: Методические рекомендации к спецкурсу / А. П. Варфоломеев ; Калининградский университет. – Калининград : [б. и.], 2000. – 37 с.
3. Будут ли говорить по-русски в 2100 году? Проблема исчезновения языков / О. А. Донских, К. А. Губарь, С. П. Исаков, Д. Г. Калашников, И. А. Канакин, К. М. Курленя, Н. И. Макарова, Г. М. Мандрикова, Л. А. Монахова, Т. А. Рубанцова, Ю. Е. Фигуровская, М. И. Грицко, А. Е. Аникин, Н. Б. Кошкарёва // *Идея и идеалы.* – Т. 1. – № 1 (19). – С. 4–31. – URL: <https://docplayer.com/54476443-Budut-li-govorit-po-russki-v-2100-godu-problema-ischeznoveniya-yazykov.html> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Захарова, Е. Ю. Лексическое разнообразие текста и способы его измерения / Е. Ю. Захарова, О. Ю. Савина // *Вестник Тюменского*

государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Том 6. – № 1 (21). – С. 20 – 34.

5. Лингвистические характеристики текстов психически больных и здоровых людей

/ С. Н. Ениколопов, Т. И. Медведева, О. Ю. Воронцова, Н. В. Чудова, Ю. М. Кузнецова, М. Ю. Пенкина, А. Н. Минин, М. А. Станкевич, И. В. Смирнов, А. А. Любавская // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11. – № 61. – С. 1 – 24. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1622-enikolopov61.html>. (дата обращения: 01.02.2022).

6. Литвинчук, И. Н. Составление портрета субъектов сетевого взаимодействия с использованием психолингвистических методик / И. Н. Литвинчук // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума (9–11 июня 2020 г.) / отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е. Я. Титаренко. В 2-х т. – Симферополь : Издательский дом КФУ. – 2020. – Том 2. – С. 276–280.

7. Мандрикова, Г. М. Русский язык как отражение интеллектуальной свободы личности: как говорит современная молодежь? / Г. М. Мандрикова // Народное образование. – 2013. – № 8. – С. 161–170.

8. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др. ; отв. ред. Е. А. Земская ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Языки русской культуры. – 1996. – 481 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php>. (дата обращения: 21.01.2022).

9. Самохвалов, В. П. Психиатрия / В. П. Самохвалов / Учебное пособие для студентов медицинских вузов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 576 с.

10. Philipsen, G., Coutu, L., Covarrubias, P. Speech codes theory: Restatement, revisions, and response to criticisms // W. Gudykunst (ed.). Theorizing about intercultural communication. Thousand Oaks, CA: Sage. – 2005. – P. 55 – 69.

11. Measuring lexical diversity in narrative discourse of people with aphasi / G. Fergadiotis, H. W. Heather, M. W. Thomas // American Journal of Speech-Language Pathology. – 2013. – Vol. 22. – No. 2. – P. 397–408.

12. McCarthy, P. M. MTLD, vocd-D, and HD-D: a validation study of sophisticated approaches to lexical diversity assessment / P. M. McCarthy, S. Jarvis // Behavior Research Methods. – 2010. – Vol. 42. – No. 2. – P. 381–392.

13. Torruella, J. Lexical statistics and tipological structures: a measure of lexical richness / J. Torruella, R. Capsada // Social and Behavioral Sciences. – 2013. – Vol. 95. – P. 447–454.

УДК 811.111:81'42=111

**ПОНЯТИЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЛИТЕРАТУРНЫЙ
РЕЦЕНЗЕНТ»**

М. Д. Рыжикова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. На материале рецензий на книгу приемом анализа словарных дефиниций, когнитивно-дискурсивным и коммуникативно-прагматическим методами выделяются концептные и этнокультурологические особенности типажа «литературный рецензент», а также некоторые способы их вербализации. Устанавливается, что концептуальная составляющая анализируемой личности заключается в высказывании критического отношения / оценки к рецензируемому объекту с намерением сформулировать объективное мнение о нем у реципиента для продвижения товара на рынке. Специфика языкового образа раскрывается путем анализа его понятийного содержания и структурно-содержательных характеристик отзыва. К лингвистическим приемам реализации типажа относятся средства разных уровней: лексические, синтаксические, риторические.

Ключевые слова: языковая личность, типаж, литературный рецензент, понятийно-концептуальная специфика, лингвокультурология.

Summary. On the data of book reviews, the conceptual, ethnic and cultural features of the literary reviewer as a linguistic identity are revealed by means of dictionary definition analysis, cognitive, discursive, communicative, and pragmatic methods. The author proves that the conceptual component under investigation consists in expressing a critical attitude or assessment of the reviewed object with the intention to develop an objective opinion about it in order to promote. The peculiarities of this linguistic identity are pointed out by researching its conceptual content and structural and content characteristics of the review itself. The verbal ways of this language type realization include lexical, syntactic, rhetorical techniques.

Key words: linguistic identity, character, book reviewer, notational and conceptual peculiarities, linguistic and cultural studies.

Выход книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» в 1987 году способствовал углублению лингвистических разработок в парадигме антропологии. Человек изучается как отдельная личность, т.н. индивидуальное образование [1], а также как коллективная личность. Высокая степень разработанности данного аспекта привела к тому, что стало возможным выделение еще одной области языкознания – лингвоперсонологии.

Языковая личность, безусловно, становится объектом лингвокультурологического подхода в исследованиях, отражающим ту или иную культуру. Языковая личность рассматривается как носитель определенной культуры конкретного общества. Изучение ее отдельных и / или совокупности же типичных узнаваемых образных черт способствует формированию образа всего общества. Следовательно, актуальность изучения лингвокультурных типажей позволит систематизировать и структурировать стереотипные представления о частных, либо общих социальных элементах (явлениях, группе(-ах), личности, в т.ч. исторической, и др.) в данной культурной среде.

Объектом настоящего исследования послужил лингвокультурный типаж «американский критик-рецензент». Предметом для научного анализа выступают его понятийные, образные и ценностные особенности.

Цель исследования заключается в проведении комплексного лингвокультурологического исследования лингвокультурного типажа «критик-рецензент».

Материал исследования представлен англоязычными рецензиями на книги, отобранные методом сплошной выборки с сайта www.amazon.ru за последние пять лет.

Исследование проводилось, помимо использования общелингвистических методов, приемом анализа словарных дефиниций (который установил концептные характеристики объекта анализа), когнитивно-дискурсивным методом (устанавливающим ценностные особенности) и коммуникативно-прагматическим (характеризующим этнокультурологические аспекты коммуникации) [2].

Составление речевого портрета анализируемого типажа требует анализа значения слова «рецензент» (англ. *reviewer*, взято с сайта www.amazon.ru), а также специфики написания отзывов подобного типа. Далее слова «отзыв» и «рецензия» будут употребляться синонимично во избежание тавтологии.

Анализ словарных дефиниций слова «*reviewer*» [3-13] показал, что это – некто, кто пишет статьи, в которых выражает мнение о книге / пьесе / фильме, новом товаре, услуге; кто-то, кто работает на организацию, контролирующую подобные отзывы (прим.: перевод словарных определений здесь и далее – наш). В тезаурусе также можно найти такую дефиницию: кто-то, кто анализирует и проводит суждения; кто-то, работающий в издательстве. Среди синонимов встречаются:

- судья, арбитр, третейский судья – принимающий решения (англ. *Adjudicator*);
- судья, арбитр, третейский судья, главный судья, верховный судья, законодатель – принимающий решения (англ. *Arbiter*);
- высказывающий острую и резкую критику (англ. *Basher*);
- цензор – человек, отвечающий за анализ книг, фильмов, произведений искусства; решающий, будет ли ограничен доступ ко всему или части объекта; является ли рецензируемый товар оскорбительным или вредным, часто по политическим причинам (англ. *Censor*);
- отстаивающий интересы определенного социального класса (англ. *class warrior*);
- критик, искусствовед, рецензент, оппонент; высказывающий свое неодобрение чему-то / кому-то; в чьи обязанности входит высказывать мнение, в особенности о книге, фильме и т.д. (англ. *critic*);
- малоуважаемый критик (англ. *criticaster*);
- отрицающий (англ. *denier*);
- эмпирик, использующий экспериментальные, а не теоретические методы (англ. *empiricist*);
- экзаменатор, эксперт, исследователь, инспектор, ревизор, контролер, досмотрщик, проверяющий; дающий оценку (англ. *examiner*);
- внешний эксперт / экзаменатор (англ. *external examiner*);

- исследователь, исследователь, расследователь; расследующий с целью установления правды (англ. *investigator*);
- судья, арбитр, эксперт, ценитель; выбирающий наказание за преступление либо разрешающий законодательные дела (англ. *judge*);
- присяжные, жури; группа людей, решающая, виновен ли преступник или доказано ли деяние (англ. *jury*);
- ведущий, председатель, регулятор, посредник; помогающий другим людям прийти к согласию; следящий за соблюдением правил / стандартов (англ. *moderator*);
- наблюдатель; обозреватель, замечающий особые вещи (англ. *monitor*);
- участник дискуссии, член дискуссионной группы / группового обсуждения (англ. *panelist*);
- рейтинговое агентство; оценивающая организация (дающая рейтинг) (англ. *rating agency*);
- судья, арбитр, третейский судья, рецензент, рекомендатель; судья в спорте, рекомендатель работодателю (англ. *referee*);
- группа людей, принимающая резкие / строгие решения (англ. *star chamber*).

Следовательно, рецензент – это человек или организация, в чьи обязанности входит подготовка критических отзывов на товары и услуги, в особенности на книги / фильмы / произведения искусства; принятие решения вместо реципиента в части качества рецензируемых объектов, зачастую высказывание резких суждений (критики) или в пользу определенного социального класса. По словарным определениям становится очевидно, что сомневаться в качестве, высказывать оценку, в особенности неодобрение, замечать специфическое, проводить свое рода расследование – всестороннее изучение объекта – все это входит в служебные задания критика. Функции, раскрывающие правду, не всегда приятную, порой формируют нелюбовь к такой профессии (что подчеркивает синоним *criticaster*).

Следует отметить метафорические сравнения, которые присутствуют в приведенных выше трактовках: критик сравнивается со спортивным или юридическим судьей, экзаменатором, которые также оценивают, следят за соблюдением норм и стандартов, бывают резки в своих суждениях – другими словами, призваны быть объективными в формировании (высказывании) мнения о чем-то или о ком-то.

Когнитивно-дискурсивный и коммуникативно-прагматический подход позволил выявить ряд общих характеристик, свойственных экспертным отзывам, которые раскрывают понятийную специфику анализируемого типажа.

Так, рецензенты обращают внимание на издательство, автора, героев и внешний вид книги. С лингвистической точки зрения это выражается посредством оценочной лексики и степеней сравнения имен прилагательных, сравнения, перечисления, настоящего завершенного времени глаголов (издательство; автор), эпитетов, степеней сравнения имен прилагательных и метафоры (герои и внешний вид книги), например: «*This book is a wonderful tactile experience, from the shimmering glittery cover to the gentle watercolors inside, which are printed on the creamiest of papers*», «*These deluxe Oxford editions offer*

the exploits of Holmes and Watson the red carpet treatment they truly deserve». Исследование показало, что, как правило, рекомендуются книги с приятными тактильными свойствами, с яркими, «живыми», впечатляющими иллюстрациями, увлекательным сюжетом; книги, написанные на понятном языке.

Кроме того, в рецензиях встречаются аллюзии и отсылки на известных людей (в частности, цитирование). Также подчеркивается тот факт, что определенный писатель / книга служила образцом для других, либо автор рецензируемого произведения работал с известными издательствами, например: «*What an artist and what a psychologist! It seems to me there are some passages worthy of Shakespeare. I found myself crying out in admiration while reading*’ (by *Gustave Flaubert*)». Очевидно, что положительная оценка автору книги свидетельствует о том, что для англоязычных стран важно, чтобы писатель был известным, успешным, таким, что написал не одну успешную книгу и имеет определенные известные награды за творчество.

Таким образом, концептуальная составляющая типажа «рецензент» заключается в высказывании критического отношения / оценки к рецензируемому объекту с намерением сформулировать объективное мнение о нем у реципиента для продвижения товара на рынке. Специфика языкового образа раскрывается путем анализа его понятийного содержания и структурно-содержательных характеристик отзыва. Учитывая тот факт, что многие рецензии являются заказными и преследуют рекламную цель, данная языковая личность не носит абсолютно объективный характер.

Направлением дальнейших исследований может стать изучение средств вербализации проанализированного концепта, а также его социолингвистическая специфика.

Список использованных источников

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
2. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
3. Compact Oxford English Dictionary [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.askoxford.com/>.
4. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary [Electronic Resource] – Access mode: <http://dictionary.cambridge.org/>.
5. Dictionary of the English Language [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.bartleby.com/>.
6. Lingvo [Electronic Resource] – Access mode: www.lingvo.ru.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. – England : Pearson Education Limited, 2005. – 1620 p.
8. Macmillan Dictionary [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.macmillandictionary.com/>.
9. Merriam-Webster On-Line Dictionary [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/>.
10. New Collegiate Dictionary [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.dic.academic.ru/>.

11. OneLook Dictionary [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.onelook.com/>.
12. Roget's II: The New Thesaurus, Third Edition [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.ask.com/reference/thesaurus/roget/>.
13. The Collaborative International Dictionary of English [Electronic Resource] – Access mode: <http://www.dic.academic.ru/>.

УДК 821.111Roberts.03/.08=161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛАКУНАРНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

О. Г. Скидан¹, Е. Е. Попова²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

²выпускница кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурная адаптация и формы ее осуществления, дается характеристика явлению лакунарности. Анализируются различные виды безэквивалентной лексики романа Г. Д. Робертса «Шантарам», в частности реалии и иноязычные вкрапления.

Ключевые слова: адаптация, лакунарность, безэквивалентная лексика, реалии, иноязычные вкрапления.

Summary. The article considers the linguistic and cultural adaptation and the ways it is applied; the phenomenon of cultural gap is described. Various types of culture-specific vocabulary in G. D. Roberts' novel "Shantaram", particularly realia and foreign language inclusions, are analyzed.

Key words: adaptation, cultural gap, realia, culture-specific vocabulary, foreign language inclusions.

Художественный текст, будучи погруженным в культурное пространство эпохи, несет на себе печать культуры определенного этапа в истории общества, культуры определенного народа с его традициями, устоями, менталитетом. Это в той или иной степени проявляется как в описании предметно-бытовых ситуаций, так и в самом характере осмысления и изображения окружающей действительности, ведь все когнитивные процессы культурно обусловлены. Художественный мир романа «Shantaram» столь неповторим как раз за счет пласта безэквивалентной лексики, поэтому преодоление лакунарности стало важнейшей задачей при его переводе.

Цель данной статьи – проанализировать решения проблемы лингвокультурной лакунарности при переводе романа «Shantaram» на русский язык

Под лакунарностью принято понимать явление, заключающееся в различиях систем культурно-специфических эквивалентов и приводящее к тем или иным переводческим трансформациям, которые направлены на замену всего чуждого привычным для носителей культуры языка перевода. Иными словами, лакунарность – это отсутствие в языке перевода как самого культурно специфического объекта или явления, так и способа его обозначения. Существует лакунарность как языкового (грамматические, синтаксические, лексические, номинативные различия), так и речевого характера (несовпадение средств описания референтной ситуации, узуральной сочетаемости, фразеологии и идиоматики, жанрово-стилистических норм).

Для работы с лакунами переводчики зачастую прибегают к лингвокультурной адаптации. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне считали, что адаптация ориентирована на компенсацию информации, потерянной в переводном тексте, за счет замены ситуации, несуществующей в языке перевода другой, но эквивалентной, ситуацией, которая будет понятна целевой аудитории [5, с. 3]. В. Н. Комиссаров называет лингвокультурную адаптацию «обозначением способа достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала и тексте перевода» [1, с. 125]. Так или иначе, мнения большинства лингвистов сводятся к тому, что суть адаптации заключается в преобразовании лексических единиц, в результате которого они приспособляются к необходимой языковой действительности и компенсируют потерянную информацию за счет замены чуждой предметной ситуации эквивалентной и понятной реципиенту.

Характер лингвокультурной адаптации определяется стратегией, которой переводчик предпочтет придерживаться для работы с культурно специфическими элементами. Наиболее распространенными являются стратегии «одомашнивания» (*domestication*) и «отчуждения» (*foreignization*) [7, с. 145-146].

Первая стратегия направлена на стирание культурных и языковых барьеров, препятствующих пониманию информации на переводящем языке. Недостаток данного способа заключается в том, что в результате чрезмерного нивелирования всех чуждых культуре переводящего языка слов и словосочетаний перевод может утратить самобытность и колорит, характерный для оригинала. При выборе второй стратегии переводчик сможет сохранить культурное своеобразие подлинника, однако из-за недостатка соответствующих фоновых знаний представители принимающей культуры, скорее всего, не смогут распознать большинство реалий и иноязычных вкраплений.

Наиболее распространенными формами лингвокультурной адаптации являются: снятие лакуны; экспликация, то есть замена самого культурно маркированного элемента пояснением его сути и отличительных характеристик; компенсация за счет аналогичного речевого или языкового явления в языке перевода; формальная передача единицы оригинала (калькирование, транскрипция, транслитерация, лексико-семантическая замена). Объектом лингвокультурной адаптации является безэквивалентная лексика, то есть реалии и иноязычные вкрапления.

подавляющее большинство реалий романа «Шантарам» передавалось с помощью транскрибирования: *ganga-jamuna* – ганга-джамуна, *paan* – пан, *kaffiyeh* – куфия, *chaikhana* – чайхана, *beedie* – биди, *dhikr* – зикр; реже использовался прием транслитерации: *Gora* – Гора, *taluka* – талука, *sainik* –

саиник, *Kismet* – Кисмет. Калькирование применялось лишь к самой малочисленной этимологической группе реалий – реалиям русского и австралийского происхождения: *sly-grog shop* – самогонный погребок, *Stechkin APS pistol* – автоматический пистолет Стечкина.

В ходе исследования были выявлены случаи применения стратегии одомашнивания. Так, реалии, значение которых не было понятно из контекста, разъяснялись либо в форме затекстовых примечаний (сносок), либо с помощью экспликации. Названия заменялись развернутым объяснением того или иного явления (*malaikofta* – мясо, тушеное с крупой; *vegetable korma* – тушеные овощи со специями; *hot buttered naan bread* – горячие лепешки с топленным маслом; *dhal* – гороховая похлебка; *green mango chutney* – поджаренные в масле чечевичные вафли с приправой из зеленого манго).

Иноязычные вкрапления (ИВ), которые, по мнению переводчиков, могли быть непонятны русскому читателю, передавались аналогичным образом, то есть за счет экспликации. Ю. П. Листрова-Правда называет подобные лексические единицы нулевыми иноязычными вкраплениями, поскольку при переводе они теряют свою национально-культурную самобытность в результате снятия лакуны [2, с. 119]: *The Saurabh served what many regarded as Bombay's best masala dhosas, in a city where thousands restaurants vied for the honour* [6, с. 472]. *Фирменным блюдом "Саураба" были блины из рисовой муки со специями* [3, с. 528].

Способ передачи остальных иноязычных вкраплений определялся этимологической принадлежностью. Индийские ИВ подвергались транскрибированию или транслитерации и объяснялись с помощью за и внутритекстовых примечаний в случае необходимости:

"No problem dying, baba", Prabaker soothed, offering the distraught Canadians ... [6, с. 18]

– Умирание для вас тоже не проблема, баба*, – успокоил Прабакер пришедших в смятение канадцев, предлагая им...

*Баба – уважительное обращение [3, с. 25]

The slum where I lived, known as the zhopadhatti... [6, с. 183]

Оказывается, джхонадпатти, трущобы, где я жил... [3, с. 213]

Французские и немецкие вкрапления сохранялись в исходном знаковом обозначении:

And don't you have any, wie soll ich das sagen, any program? Anyplan? [6, с. 42] *И у тебя нет никакой... wie soll ich das sagen*– программы? Ты не делаешь каких-нибудь планов?*

*Как это сказать? (нем.) [3, с. 54]

Выделенная фраза указывает на то, что персонаж родом из Германии. Читатель видит, что говорящему трудно сформулировать мысль на иностранном языке, поэтому в ходе разговора герой неосознанно начинает использовать фразы из родного языка. В русском переводе за счет нарушения сочетаемости слов образуется уже третий тип, эффект «ломаной речи»: носитель скажет «строить планы», а не «делать планы».

Эффект «ломаной речи» проявляется либо в форме нарушения лексико-грамматических и речевых норм языка принимающей культуры, либо в форме стилистических приемов, имитирующих иностранный акцент [2, с. 119]. В

подобных случаях зачастую применяется прием компенсации. Рассмотрим примеры, приведенные ниже. В первом из них стилистическая компенсация употреблялась для перевода анаколупов. Так, явление языковой интерференции индийского языка в английский (использование местоимения «it» как аналога аккузативного предлога хинди «ki») компенсируется нарушением лексической сочетаемости слов («приобрести раны»). *Such scratches and bruises I have it on my bodies, Lin, ...For this old fellow to put the left-side buttocks on the seat, I have these scratches and bruises* [6, с. 106]. *Шесть синяков и царапин насчитал я на своем туловище, Лин... Ради того, чтобы этот старик устроил свою левую ягодицу на сиденье, я приобрел эти серьезные раны* [3, с. 130].

Второй пример иллюстрирует еще три характерных для исследуемого романа формы «ломаной речи»: неправильное формирование превосходной степени сравнения. При переводе на русский язык неправильная превосходная степень формируется аналогичным образом, то есть добавлением лишнего составного элемента. Вариант с сохранением отглагольного существительного в русскоязычном тексте удачен, потому что создает неуместный эффект комизма. Сохранена и инверсия, но уже с помощью постановки дополнения перед управляющим словом.

A most very excellent taste and chewing it is. Everyone in Bombay is chewing and spitting, chewing and more spitting, no problem, day and night also. Very good for health it is [6, с. 24].

Самый наиболее отличный вкус, и жевание тоже. Все в Бомбее жуют его и плюют, жуют и опять плюют без проблем, днем и ночью. Это для здоровья полезно [3, с. 33].

Стоит упомянуть и о ИВ, значение которых не разъяснялось при переводе. Происходило это в трех случаях: если значение лексической единицы было понятно из контекста, обозначаемый объект или явление относился к культурно специфической лексике, но широко известен представителям других лингвокультур (*sari – сари, Taliban – талиб*) и если ИВ непонятно из контекста, но и не несет особой смысловой нагрузки и необходимо, скорее, для воссоздания колорита.

Hindi love songs jingled beside heart-breaking gazals [6, с.141].

Индийские любовные куплеты перемежались с душераздирающими лирическими газелями [3, с. 168].

Gazal – слово, значение которого становится ясным из контекста: нетрудно понять, что речь идет о разновидности песен, а с помощью прилагательного *heart-breaking* уточняется ее стиль. В переводе для более подробного описания этого стиля добавляется прилагательное *лирические*. Как и большинство индийских вкраплений и реалий слово *gazal* было транскрибировано при переводе. Следующие два примера иллюстрируют ИВ, значение которых не объяснялось, так как они не препятствуют пониманию высказывания. Большинство ИВ данного типа относились к вводным словам (*alors – с франц. «так, таким образом»*) или междометиям (*merde – с франц. «черт подери»*). *Alors, my father returned to Marseilles, after the war, and returned to the very house that he had been forced to leave when the Jew-haters took control of the town* [6, с. 544]. *Alors, отец после войны вернулся в Марсель, в тот самый дом, откуда его вытерли антисемиты, когда они захватили власть в*

gorode [4, с. 6]. *Merde, I heard that you were dead, but I didn't believe it!* [6, с. 796]
Merde, мне говорили, что ты погиб, но я не верил этому! [4, с. 315]

Таким образом, результат сопоставительного переводческого анализа англоязычной и русскоязычной версий романа «Шантарам» показал, что переводчики пошли по пути сохранения культурного своеобразия произведения, ведь в большинстве случаев фонетико-графическое обозначение реалий и иноязычных вкраплений сохранялось. Прием компенсации использовался преимущественно для передачи на русский язык эффекта «ломаной речи». Для передачи различных реалий и иноязычных вкраплений использовалось в основном транскрибирование и чуть реже – транслитерация. Если для восприятия определенного фрагмента текста русскоязычному читателю могло быть недостаточно контекстуальной информации или фоновых знаний, переводчики применяли либо затекстовые примечания, либо «снимали» лауну с помощью экспликации. Последние два решения преодоления лакунарности стали одними из немногих примеров применения доместикации.

Список использованных источников

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
2. Листрова-Правда, Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. – 143 с.
3. Робертс, Г. Д. Шантарам: роман. Т.1; пер. с англ. Л. Высоцкого, М. Абушика. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 608 с.
4. Робертс, Г. Д. Шантарам: роман. Т.2 ; пер. с англ. Л. Высоцкого, М. Абушика. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 480 с.
5. Baker, M. Routledge encyclopedia of translation studies / M. Baker, G. Saldanha. – London, New York : Routledge, 2009. – 447 p.
6. Roberts, G. D. Shantaram / G.D. Roberts. – London : Abacus, 2010. – 933 p.
7. Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – London, New York : Routledge, 1995. – 353 p.

УДК 81'33

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ ЛЕКСЕМЫ «МИГРАНТ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Г. М. Чопсиева,

*ассистент кафедры немецкой филологии,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
Ростов-на-Дону*

Аннотация. Статья посвящена изучению семантических особенностей лексических единиц синонимического ряда «мигрант» в немецкоязычном

миграционном дискурсе. Методом сплошной выборки были отобраны статьи из аутентичных немецких онлайн-газет на тему мигрантов и миграции, опубликованные в период 2016-2017 гг., а также методом статистического подсчета выявлены 5 наиболее часто используемых лексем. Результаты исследования показали, что авторы в зависимости от цели статьи, используют нейтральные или стилистически окрашенные синонимы лексемы *Migrant*. Чаще всего авторами статей используются лексические единицы *Flüchtling*, *Migrant*, *Asylbewerber*, *Ausländer*, *Zuwanderer*.

Ключевые слова: мигрант, миграционный дискурс, миграционная лингвистика, лингвистические средства, положительный/отрицательный образ мигранта, портрет мигранта.

Summary. The article is devoted to the study of the semantic features of the lexical units of the synonymic series “migrant” in the German migration discourse. The articles on the topic of migrants and migration published in the period 2016-2017 were selected using the continuous sampling method from the authentic German online newspapers. The 5 most frequently used lexemes were identified using the statistical calculation method. The results of the study showed that the authors, depending on the purpose of the article, use neutral or stylistically coloured synonyms of the *Migrant* lexeme. Most often, the authors of articles use such lexical units as *Flüchtling*, *Migrant*, *Asylbewerber*, *Ausländer*, *Zuwanderer*.

Key words: migrant, migration discourse, migration linguistics, language means, positive/negative image of a migrant, portrait of a migrant.

На сегодняшний день представления о мире, восприятие тех или иных событий и предпочтения формируются в нашем сознании под воздействием текстов средств массовой информации. СМИ выступают инструментом власти для осуществления информационного диктата и способом когнитивной обработки индивида с целью формирования определённой картины мира [3, с. 6]. Так как тексты публикаций СМИ выступают одной из популярных форм существования языка, возникает необходимость изучения лингвостилистических особенностей языка СМИ, а также способов его воздействия на реципиента.

Вопросами функционирования языка в медиасфере, представленной печатными, аудиовизуальными, сетевыми медиа, а также анализом медиадискурса занимается новое направление в лингвистике – медиалингвистика [1, с. 104]. Медиадискурс представляет собой когнитивно-прагматическую среду, реализующую свою сущность посредством производства и трансляции широкой аудитории оценочных смыслов, а также посредством именовании и метафорической интерпретации фактов социального бытия [2, с. 27].

В связи с ростом межнациональных миграций, Европейским миграционным кризисом 2015 года, следовательно, и увеличением количества публикаций о миграции и мигрантах, большое внимание медиалингвистика уделяет изучению миграционного дискурса в СМИ. Основу миграционного дискурса составляют высказывания, тексты различных жанров прямо или косвенно касающихся сферы миграционных процессов и мигрантов [10, с. 7].

Цель настоящей статьи заключается в анализе семантических особенностей синонимов лексемы «мигрант» в немецкоязычном миграционном дискурсе. В ходе исследования был использован ряд методов: критический

анализ научной литературы, метод сплошной выборки, метод лингвистического описания и контекстуального анализа СМИ с элементами статистического подсчёта. В ходе исследования методом сплошной выборки были отобраны 37 статей и 20 лексических единиц из аутентичной немецкой прессы 2016-2017 гг. „*Der Spiegel*“, „*Das Bild*“, „*Die Zeit*“, „*Die Welt*“, „*Süddeutsche Zeitung*“. В процессе анализа текстов статей нами был выявлен ряд лексических единиц и словосочетаний, используемых в отношении мигрантов. Наиболее популярными оказались лексемы: „*Flüchtling*“ и „*Migrant*“.

Лексема «мигрант» является нейтральной в своем синонимическом ряду и обозначает переселенца из одной страны в другую, или же лицо, совершающее миграцию, то есть пересекающее границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время [9]. В словаре «*Das digitale Wörterbuch der Deutschen Sprache*» представлен следующий синонимический ряд к слову „*Migrant*“: *Einwanderer, Immigrant, Neubürger, Neuzuzüger, Quiddje, Reigschmecker, Zugereister, Zugezogener, Zuwanderer, Zuzüger, Zuzügler; Ausländer, Ausländischer Mitbürger, Fremdling, Fremdstämmiger, Gastarbeiter, Kanake, Mensch mit ausländischen Wurzeln, Mensch mit Migrationshintergrund, Tschusch* [5]. Однако в проанализированных статьях нам встретились следующие варианты:

*Was tun, wenn muslimische **Einwanderer** Hassverbrechen begehen?* (Die Zeit)
*Selbst bei gleicher Qualifikation haben **Immigranten** schlechtere Karten* (Die Welt).

*Die Gewaltausbrüche unter jungen **Zuwanderern** in Schwerin reißen nicht ab* (Das Bild).

*Kinder von EU-**Zuzüglern**, Spätaussiedlern oder Arbeitsmigranten sind immerhin noch zu mehr als der Hälfte in Sportvereinen oder Gruppen vertreten* (Die Welt).

*Der Kriminologe Christian Pfeiffer hat sich in der Debatte um kriminelle **Ausländer** für mehr Klarheit ausgesprochen* (Die Zeit).

*Wir, die Einheimischen, müssen uns in Acht nehmen, der **Fremde** ist eine Gefahr* (Süddeutsche Zeitung).

*Viele deutsche Firmen stehen **Menschen mit ausländischen Wurzeln** offen gegenüber* (das Bild).

*Zugleich hält jedes vierte Unternehmen **Menschen mit Migrationshintergrund** für besonders motiviert* (Das Bild).

*Und anerkennen, dass die allermeisten **Neuankömmlinge** ebenso in Frieden und Sicherheit leben wollen, wie wir* (Die Zeit).

„*Flüchtling*“ – (беженец) обозначает человека, оставившего место своего жительства вследствие какого-либо бедствия, покинувшего страну по экономическим, политическим, религиозным или этническим причинам [12, с. 486]. Слово „*Flüchtling*“ признано Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache, GfdS) «Словом 2015 года» [13]. Данная лексема общеупотребима и может использоваться как в положительном, так и негативном контексте. Однако с языковой точки зрения слово „*Flüchtling*“ обладает негативной коннотацией, то есть является стилистически-маркированным. Это объясняется тем, что существительное „*Flüchtling*“ образовано при помощи суффикса *-ling*, который придаёт слову

пренебрежительный оттенок. Большинство существительных с данным суффиксом ассоциируются у носителей языка с чем-то негативным [9].

Для слова „*Flüchtling*“ в словаре „Das digitale Wörterbuch der Deutschen Sprache“ представлены следующие синонимы: *Aussiedler, Auswanderer, Emigrant, Heimatloser, Umsiedler; Asyl Suchender, Asylant derb, Asylantragsteller, Asylbewerber, Asylsuchender, Asylwerber, Geflüchteter, Heimatvertriebener, politisch Verfolgter, Refugee, Schutz Suchender, Vertriebener* [50]. Из них в статьях мы обнаружили следующие:

Da er hier kein Flüchtling sondern eben schon anerkannter Asylant war, galt er als obdachlos und konnte nur in einer entsprechenden Unterkunft leben (Bild).

5,7 Prozent aller registrierten Tatverdächtigen waren 2015 laut Bundeskriminalamt Asylbewerber, Geduldete oder Menschen mit illegalem Aufenthalt (Süddeutsche Zeitung).

Das gilt auch für die Asylsuchenden, Kriegsflüchtlinge und Armutsfüchtlinge, denen der Sinn nicht nach wirtschaftlichem Luxus steht, wie das inzwischen irreführende Wort „Wirtschaftsflüchtlinge“ suggeriert (Der Spiegel).

Zum Bild gehört aber auch, dass die Gesamtzahl der Geflüchteten erheblich zugenommen hat, stärker als die Zahl der Tatverdächtigen (Süddeutsche Zeitung).

Wer als Flüchtling nach Deutschland kommt, also als Schutzsuchender, sollte diesen Schutz zu schätzen wissen. (Die Zeit).

Und es ist auch ein Erfolg der Integrationspolitik, die sich seit Jahren um Schulabschlüsse und Berufsübergänge für Benachteiligte bemüht (Die Zeit).

Davon sind 214 ausgesprochene Massenlager, in denen noch über 40 000 Flüchtlinge und Heimatvertriebene leben müssen (Süddeutsche Zeitung).

Mohamad Alkhyoti ist so etwas wie ein Mustermigrant (Die Zeit).

Рассмотрим стилистическую маркированность всех синонимов обозначающих мигрантов.

Слово *Ausländer* является нейтральным и обозначает граждан других государств, в общем и целом. Также употребимо сочетание *Ausländer ohne Aufenthaltsstatus*, которое тоже не является стилистически-маркированным и обозначает иностранцев без официальной регистрации. Слова *Einwanderer, Immigrant* обозначают людей, переехавших из одной страны в другую, не являются стилистически окрашенными и используются как синонимы, также как и существительные *Zuwanderer, Zuzügler*. Лексемы *Geflüchteter, Neuankömmlinge* используются в любом контексте и являются нейтральными, могут выступать в качестве альтернативы слову *Flüchtlinge*. Сочетания *Mensch mit ausländischen Wurzeln, Mensch mit Migrationshintergrund* применяются в отношении к: проживающим в Германии иностранцам; иммигрировавшим и получившим гражданство; молодым людям, рожденным в Германии, у которых родители имеют миграционное прошлое. Данные определения могут восприниматься нейтрально, однако в своем большинстве они ассоциируются с проблемными группами иностранцев. Следовательно, приведённые сочетания приобретают коннотативную окраску в зависимости от контекста употребления. Такие слова как *Asylbewerber, Asylsuchender* являются синонимами и не имеют коннотативной окраски. Данными словами называют людей, подавших документы на подтверждение того, что являются политически преследуемыми, однако не получивших статуса беженца.

Также встречается обозначение *Asylant*, которое имеет то же значение, но уже является стилистически-маркированным, обладает негативной коннотацией. Чаще всего применяется в отношении беженцев, представляющих опасность для общества. Синоним *Fremde* имеет негативную коннотацию. Употребление данного синонима по отношению к мигрантам указывает на то, что они не являются частью местного общества, то есть чужие. Слова *Heimatvertriebener*, *Schutzsuchender* выступают в качестве синонимов к слову *Flüchtling* и являются эмоционально окрашенными: *Heimatvertriebener* означает буквально «изгнанный с родины», *Schutzsuchender* – «ищущий защиты». Контекстуальным синонимом к данным словам выступает также лексема *Benachteiligte*, в прямом значении означает «обделённые». Существительное *Mustermigrant* обладает положительной коннотацией и является стилистически окрашенным, так как данным синонимом обозначают отличившихся, преуспевающих мигрантов.

Исходя из проведенного анализа нами установлено, что авторы чаще всего используют следующие пять лексем: *Flüchtling* (в 60% статей), *Migrant* (в 42%), *Asylbewerber* (в 30%), *Ausländer* (в 20%) и *Zuwanderer* (в 18%). Частое употребление лексемы *Flüchtling* обусловлено большим наплывом беженцев в Германию в 2015-2016 гг. и как следствие большим количеством публикаций в СМИ, затрагивающих данное событие.

Итак, в немецких средствах массовой информации используются различные синонимические выражения для обозначения мигрантов. Употребление тех или иных сочетаний зависит от цели публикации: некоторые формулировки являются политически-корректными, а некоторые эмоционально-окрашенными. Все лексемы, обозначающие мигрантов можно разделить на две группы: нейтральные синонимы (*Ausländer*, *Einwanderer*, *Immigrant*, *Geflüchteter*, *Neuankömmlinge*, *Mensch mit ausländischen Wurzeln*, *Mensch mit Migrationshintergrund*, *Asylbewerber*, *Asylsuchender*) и стилистически-окрашенные синонимы (*Schutzsuchender*, *Benachteiligte*, *Mustermigrant*). Так слова без коннотативной окраски используются для объективного изображения ситуации, а стилистически-маркированные синонимы придают тексту экспрессивности и играют решающую роль при создании образа мигрантов.

Список использованных источников

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика, 2006. – С. 20–33.
3. Кузьмина, Н. А. Современный медиатекст: учебное пособие / Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
4. Das Bild [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bild.de/>. (дата обращения: 10.12.2016).
5. Das digitale Wörterbuch der Deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 15.12.2016).
6. Der Spiegel [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spiegel.de/the-ma/immigration_en/. (дата обращения: 20.02.2017).

7. Die Welt [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.welt.de/themen/migration/>. (дата обращения: 20.02.2017).
8. Die Zeit [Электронный ресурс]. – URL: https://www.zeit.de/index?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. (дата обращения: 11.11.2016).
9. Duden [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duden.de/>. (дата обращения: 20.01.2017).
10. Guillem, S. Migration discourse / S. Guillem // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. – Boston: JohnWiley&Sons, 2015. P. 1–10.
11. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/>. (дата обращения: 10.12.2016).
12. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. – München: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 2000. – 1451 S.
13. Wort des Jahres (Deutschland) [Электронный ресурс]. – URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Wort_des_Jahres_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Wort_des_Jahres_(Deutschland)). (дата обращения: 12.01.2017).

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 659.1:81'38

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

К. П. Самброс,

*обучающийся 4 курса кафедры немецкой филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу заголовков статей и новостных публикаций, имеющих социально-политическую направленность, в наиболее известных немецкоязычных СМИ. Выявлено, что к стилистическим приемам, наиболее часто используемым в заголовках публицистических текстов, относится метонимия, метафора, персонификация, риторический вопрос, параллелизм, антитеза, оксюморон, антономазия, игра слов. Установлено соотношение используемых стилистических приемов и функций, которые заголовок выполняет как самостоятельная часть медийного текста.

Ключевые слова: публицистический стиль, стилистический прием, газетный заголовок, СМИ, открытая оценочность.

Summary. The article is devoted to the analysis of the headlines of articles and news publications that have a socio-political orientation in the most famous German-language media. It was revealed that the stylistic devices most often used in the headings of journalistic texts include metonymy, metaphor, personification, rhetorical question, parallelism, antithesis, oxymoron, antonomasia, pun. The correspondence between the used stylistic devices and the functions that the title performs as an independent part of the media text is established.

Key words: publicist style, stylistic devices, newspaper headline, media, open appraisal.

Современная тенденция к развитию информационного сообщества предполагает усиление роли средств массовой информации в осуществлении идеологической функции, с помощью которой происходит продвижение конкретного мнения, формирование ценностно-мировоззренческой системы. Особое острое значение в данный период приобретает продвижение статей и новостных публикаций, имеющих социально-политическую направленность. В этой связи необходимо соблюдать определенную систему принципов организации текста в соответствии с особенностями публицистического стиля.

Актуальность данной работы заключается в том, что в ней делается упор на то, что в условиях острой конкуренции мировых СМИ особенно важной представляется уникальная подача материала, подразумевающая определенный способ стилистической организации новостного текста. Заголовок публикации при этом предстает в качестве самостоятельной части медийного текста, способной оказывать эффективное влияние на распространение новостного материала. Являясь аттрактивным для реципиента, грамотно составленный заголовок призван стимулировать читательский интерес и когнитивную деятельность. Целью работы является выявление и описание стилистических приемов, наиболее часто используемых в заголовках публикаций немецкоязычных СМИ, а также установление взаимосвязи между стилистической окраской заголовка и функциями, который призван выполнить публицистический текст.

Материалом исследования послужили 500 заголовков новостных публикаций и статей наиболее распространенных немецкоязычных изданий – *der Spiegel*, *Stern.de*, *Handelsblatt*, *die Welt*, *die Zeit*, *Deutsche Welle*, *Bild*, *Süddeutsche Zeitung*, *Tageszeitung* – за период с ноября 2021 года по февраль 2022 года. Отметим, что наибольший интерес для исследования представили заголовки публикаций из таких информационных разделов, как внутренняя и международная политика, поскольку именно они в значительной степени обладают стилистической окраской и имеют экспрессивную коннотацию. С помощью методов стилистического, а также компонентного и контекстуального анализа изучены особенности лексико-грамматической организации заголовков, а также установлена взаимосвязь между примененными в них стилистическими приемами и функциями такой самостоятельной части медийного текста, как публицистический заголовок.

Анализ заголовков новостных публикаций и статей, имеющих социально-политическую направленность и размещенных в наиболее известных немецкоязычных СМИ, позволил выявить применение следующих стилистических приемов: метонимия (21), синекдоха (5), олицетворение (12), риторические вопросы (10), метафора (21), антономазия (2), оксюморон (1), климакс и антиклимакс (3), параллелизм (5), антитеза (1), игра слов (1). Отдельно стоит отметить такое решение, при котором несколько стилистических приемов объединяются в одном заголовке (19). Общее количество приемов, рассмотренное в данном разделе, составило 101.

Наиболее распространенным стилистическим приемом стала **метонимия** (встречалась 21 раз, составила 21% от общего количества) – оборот речи,

закрывающийся в переносе названий предметов или явлений на основе их смежности и существующей между ними связи: «Die Ukraine kann sich nicht uneingeschränkt auf die NATO verlassen» [5]; «Die USA versagen in Afghanistan» [2]; «Ukraine wirft Deutschland vor, Putin zu ermutigen» [1]; «Griechenland rüstet auf Französische Kampfjets gegen die Türkei» [6]; «So kann Washington einen Propaganda-Erfolg Putins verhindern» [6]; «NATO hält große Militärübung im Mittelmeer ab» [1], и т.д.

Благодаря использованию метонимии в вышеперечисленных газетных заголовках названия стран или организаций имеют переносное значение: под ними подразумеваются собирательные понятия правительства или военных формирований государств, руководства политических группировок. Упоминание названий столиц имеет прямое отношение к официальному правительству соответствующих государств, которые имеют физическое расположение в данных городах. Замена слов и словосочетаний, обозначающих государственные управленческие структуры, более краткими и емкими лексическими единицами, обусловлена смежностью понятий.

Такой стилистический прием, как **синекдоха** – употребление общего названия вместо частного – применялся в основном для обозначения коллективного руководства стран западной геополитической системы, в данном случае выступающей в оппозиции восточной. «Gastkommentar: Der Westen darf vor Russland nicht einknicken [2]»; «Fundamentale Sorgen Russlands ignoriert»: Putin warnt den Westen» [6]; «Die Freiheit des Westens wird auch an den Grenzen verteidigt – aber anders als gedacht» [1].

Стилистический прием **персонификации**, употребленный 12 раз (12%) в проанализированных заголовках, способствовал созданию высокой образности: «Was muss sich China noch leisten, bevor Europa reagiert?» [6]; «Deutsche Wirtschaft startet trotz Omikron-Welle überraschend gut ins neue Jahr» [5]; «Inflation in Eurozone steigt auf Rekordwert von 5 Prozent» [2]. При наделении государства человеческими свойствами, имеются в виду их комплексные политические, экономические, военные и другие достижения. В заголовках, имеющих отношение к экономической повестке, стилистический прием олицетворения позволяет описать экономику как живой механизм, совокупность динамично меняющихся процессов (рост акций, рецессия, инфляция). Более экономное использование языковых ресурсов позволяет быстрее передать основы концептуальной информации, содержащейся в дальнейшем тексте новостной публикации или статьи.

Распространенным стилистическим приемом явился также **риторический вопрос** (его употребление выявлено в 10 случаях, или же 10%): «Weiß Putin eigentlich, was er will?» [3]; «Komplott des Kremls in der Ukraine?» [2]; «Was will die deutsche Armee noch in Mali?» [1]. Риторический вопрос, вынесенный в заголовок, не только стимулирует читательский интерес, но и побуждает реципиента к самостоятельному анализу предлагаемых материалов, поиску вопросов на обсуждаемую тему.

Особый интерес для исследования представляет применение **метафор**, что не является типичной чертой заголовков новостных публикаций и статей в немецкоязычных СМИ. Рассмотрим наиболее интересные примеры:

– «Putins Pistole am Kopf der Ukraine» [2]. Метафора «пистолет» представляет собой буквальный образ, но контекстуально отсылает читателя к негативным ассоциациям с опасностью, неизбежностью, властью, военными действиями, риском гибели. Именно такую образность автор закладывает в данную метафору с целью транслировать «разрушительные» действия российского президента по отношению к соседнему государству. Такое стилистическое решение соответствует публицистической риторике немецкоязычных СМИ, транслирующих линию противостояния России как геополитическому оппоненту.

– «Der ewige Zankapfel Nord Stream-2» [2]. Данный заголовок содержит стилистический прием, который возможно рассматривать как аллюзию на образ древнегреческой мифологии («яблоко Эриды»), который одновременно представляет собой броскую и точную метафору – яблоко раздора. Данный заголовок отражает противоречия между европейскими государствами и США по вопросу о введении в эксплуатацию российского газопровода «Северный поток-2».

– «Rhetorischer Amoklauf»: So bewertet die Presse die Ukraine-Aussagen des deutschen Marinechefs [5]. В качестве «риторического убийства» автором понимаются последствия заявления главнокомандующего ВМС Германии, высказанные в поддержку президента России в отношении неоспоримой принадлежности Крыма к Российской Федерации, что является недопустимым в условиях актуальной европейской повестки. Заявление ознаменовало ухудшение дипломатических отношений между Германией и рядом европейских стран.

– «Russland, Kalter Krieg 2.0: Putins Pokerspiel mit einer neuen Kuba Krise» [6]. Объединяя в одной синтагме геополитический термин «холодная война» и приставку «2.0», заимствованную из современного Интернет-сленга, автор передает идею о том, что противостояние между странами выходит на новый уровень, происходит в новую эпоху и имеет новые, возможно усовершенствованные, черты. Под «новым» кубинским кризисом автор предлагает понимать актуальное на момент написания статьи напряжение между блоками стран во главе с США и Российской Федерацией, вызванное обострением украинского вопроса. Емкая метафора «игра Путина в покер» описывает стремление российского президента применять свои политические действия таким образом, чтобы завоевать выгодное положение на геополитической арене, а также вынудить соперников ослабить позиции, отказаться от притязаний на власть над другим государством.

Высокую образность создает такой стилистический прием, как **автономазия** – имя собственное, употребляемое в переносном смысле в качестве замены имени нарицательного или описания присущих ему существенных особенностей (употребление составило 2%). В заголовке «Der Mann, der so gern Churchill gewesen wäre» [6] автор сравнивает личные и профессиональные характеристики британского премьер-министра Бориса Джонсона и Уинстона Черчилля.

Употребленный 1 раз **оксюморон** «Macrons diplomatische Offensive in Moskau» [2] представил нестандартное сочетание двух противоположных друг другу единиц: существительное «die Offensive», обозначающее наступление или атаку и часто использующееся в качестве военного термина, обладает

соответствующей коннотацией и не подразумевает ассоциаций с мирным, дипломатическим решением политического конфликта.

Стилистические приемы **климакс** и **антиклимакс** подразумевают особую синтаксическую организацию лексических единиц в предложении. Например, в заголовке «Vom Millionär zum Tellerwäscher» [1] автор снижает лексические единицы в порядке уменьшения их значимости и далее излагает материал о банкротстве одного из крупнейших предпринимателей Германии.

В ходе анализа заголовков также удалось выяснить, что синтаксические конструкции многих из них построены на принципе **параллелизма**. Так, входящие в состав предложения фразы построены сходным образом на основе их смежности; такое стилистическое решение вызывает у читателя более яркие и точные ассоциации, более эффективно доносит закладываемую автором мысль: «Gespräch Blinken-Lawrow vorzeitig beendet – US-Außenminister warnt vor Eskalation» [6]; «Russland antwortet USA – Pentagon meldet Truppenaufmarsch» [3]; «Johnson versteckt sich hinter dem Ermittlungsverfahren – Vorgängerin May rechnet mit ihm ab» [5].

Созданию высокой художественной образности служит использование **игры слов**: «Die Kraft, die angeblich Gutes will, aber Böses schafft» [6]. В данном случае автор заимствует известную цитату Мефистофеля из драмы Вольфганга фон Гете «Фауст», меняя местами ключевые лексические единицы (в оригинале сила «вечно хочет зла, но совершает благо»). Таким образом, автор вызывает у читателя яркие ассоциации с дальнейшей излагаемой информацией. В соответствующей статье речь идет об опасных тенденциях организации Greenpeace, выступающей за защиту редких видов животных, но часто оперирующей вредоносными методами. Автор позиционирует компанию как успешный «маркетинговый проект», а не руководствующийся прозрачными мотивами холдинг. Именно в приведенной цитате, измененной с помощью игры слов, наиболее ярко отражено противопоставление демонстративных намерений (успешное продвижение в международной среде) и реальных действий компании (которые по мнению автора являются разрушительными).

Применение всех вышеупомянутых стилистических приемов мотивировано необходимостью кратко и оперативно передать основную мысль медийного текста с помощью содержательного заголовка; стимулировать читательский интерес за счет нестандартной подачи информации и когнитивную деятельность благодаря использованию риторических вопросов; эффективно транслировать авторскую или коллегиальную позицию с помощью высокой художественной образности. Таким образом, считаем возможным полагать, что все использованные в проанализированных заголовках стилистические приемы способствуют успешному выполнению функций публицистического медийного текста.

Список использованных источников

1. Der Spiegel [Electronic Resource]. – Hamburg, 2021. – URL: <https://www.spiegel.de/> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Deutsche Welle [Electronic Resource]. – Bonn, 2021. – URL: <https://www.dw.com/en/world/s-1429> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Die Zeit [Electronic Resource]. – Hamburg, 2021. – URL: <https://www.zeit.de/index> (дата обращения: 22.01.2022).

4. Handelsblatt [Electronic Resource]. – Düsseldorf, 2021. – URL: <https://www.handelsblatt.com/> (дата обращения: 24.01.2022).
5. Stern [Electronic Resource]. – Hamburg, 2021. – URL: <https://www.stern.de/> (дата обращения: 16.01.2022).
6. Welt [Electronic Resource]. – Munich, 2021. – URL: <https://www.welt.de/politik/> (дата обращения: 20.01.2022).

УДК 81'2

РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЭЛЛИПСИСА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Чэнь Цзин,

Магистрант, 2 курс,

ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы қ., Қазақстан

Cheng Jing,

graduate student, 2nd year,

Al-Farabi Kazakh National University

Almaty, Kazakhstan

Аннотация. Эллипсис обладает определенной риторической функцией в контексте художественной литературы, и стоит задуматься над тем, как полностью передать риторический эффект при переводе. В статье рассматривается использование эллипсиса в классической литературе. Автор приходит к выводу, что эллипсис выполняет определенные стилистические функции, формируя характерные черты персонажей, усиливая экспрессию и создавая атмосферу. Были предложены три способа перевода эллиптических конструкций: перенос, опущение, преобразование.

Ключевые слова: эллипсис, риторические функции, перевод, литература.

Summary. Ellipsis has a certain rhetorical function in literary works, but how to fully convey the rhetorical effect in literary translation is a problem worth pondering. Through the analysis of the use of ellipsis in classic literature, the author summarized that the ellipsis creates characters' characteristics, enhances the expressional power, creates specific situation. There were suggested three methods of general translation of the elliptical constructions: transplantation, ellipsis, transformation.

Key words: ellipsis, rhetorical function, translation, literary works.

«Принцип сохранения языка» является важным принципом развития современного языка, исключением является то, что Р. Квирк (Quirk R. (1985)) называет «grammatical omission», термином, часто используемым в грамматических кругах. Все эти исключения являются историческими языковыми явлениями, которые, согласно литературе, существовали в английском языке уже в 11 веке. Например, «So doth the moon with his pale light (shine) that the stars he obscureth in the heavens». (Life of Alfred) К 1516 году в шекспировских произведениях эллипсис ипользуется еще более широко. Ф.Р. Ливис (F. R. Leavis (1978)) назвал это компрессией и эллипсисом (Shakespearean

compression and ellipsis). Особое внимание было уделено изучению таких монографий, как ранняя англоязычная грамматика Джеперсона (Jesperson), а также современным английским грамматическим авторитетам (R. Quirk), трудам по английской литературе и языку ("A Comprehensive Grammar of the English Language") [14, 15, 16].

Большинство исследователей сосредоточили свое внимание на грамматических функциях эллипсиса, которые были значительно меньше связаны с риторическими функциями. Риторическая функция эллипсиса и способы перевода эллиптических конструкций имеют определенную исследовательскую ценность.

1. Функции эллипсиса

1.1 Грамматическая функция эллипсиса

В словаре Лю указал три функции эллипсиса, которые имеют значение: 1) обозначение упущения слов; 2) представление прерывистой речи, паузы, колебания в оформлении высказывания; 3) означает, что вся строка опущена [1].

1.2 Риторическая функция эллипсиса

На самом деле, в некоторых контекстах риторическая функция эллипсиса является художественным продолжением его грамматических функций, которые являются основой для создания риторических эффектов. В целом, риторическая функция может заключаться в необходимости: 1) сформировать образ персонажа; 2) усилить экспрессию; 3) создать особые обстоятельства, атмосферу повествования [2].

1.2.1 Формирование образа персонажа

В отличие от устной речи, книжные тексты не могут передавать речь с использованием акцентуации, тона, ритма и т.п., однако использование пунктуации может показать речевые изменения читателю. С точки зрения голоса, эллипсис, обозначенный пунктуационно, может отражать остановку речи, прерывание высказывания или молчание. Умело используя эллипсис, можно имплицитно указать на тон говорящего, его эмоциональное состояние в момент речи.

Ниже приведены подборки из «The Daughter of the Late Colonel» (*British Short Story* by Katherine Mansfield):

‘I think it might be nice to have it fried,’ said Constantia. On the other hand, of course, boiled fish is very nice. I think I prefer both equally well...Unless you...In that case —

‘I shall fry it,’ said Kate, and she bounced back, leaving their door open and slamming the door of her kitchen.

В этом художественном диалоге при помощи эллиптических конструкций два раза изображена неопределенность и нерешительность в словах Констанции, что указывает на ее робость и слабость характера. Находясь под влиянием своего волевого отца, она была очень осторожна, нервно-возбуждена, боялась почти всего, даже робела перед лицом прислуги Кейт и поэтому запинаясь, когда Кейт спросила ее, зажарить ли рыбу или сварить.

1.2.2 Усиление экспрессии

Речь может становиться прерывистой и сбивчивой ввиду специфических обстоятельств, таких как быстрое переключение с одной мысли на другую, значимость определенных событий для эмоционального состояния персонажа и

т.п. В книге «Происхождение риторики» прерывание речи делится на три основных вида (спешка, резкий переход и перебивание речи) [3].

'How in the... ' I trailed off, trying to clear my head, get my bearings. 'How did you get over here so fast?' (Twilight by Stephenie Meyer)

Вопросы, которые Белла вначале хотела задать Эдварду, но осеклась и спросила по-другому, возможно, были более оскорбительными из-за ее взволнованного состояния.

"The Creek was right! 'Meagan!' Poor little Meagan — coming over the hill! Meagan under the old apple tree waiting and looking!

Megan dead, with beauty printed on her! ..." (The Apple Tree by John Galsworthy)

Это монолог главного героя после того, как он узнал о смерти Меган два десятилетия спустя после печального события. Его скорбная речь обрывается на воспоминании того образа Меган, который запечатлен в его памяти. Автор не полностью детализирует этот образ, с одной стороны, для того чтобы выразить глубокое чувство ностальгии, тоски по Меган и сожалений о себе, с другой стороны, для того чтобы дать читателю возможность представить себе бесконечность невысказанных слов, смешанных эмоций и чувств.

Приведем еще один пример резкой смены темы разговора:

"Gatsby believed in the green light, the orgiastic future that year by year recedes before us. It eluded us then, but that's no matter — tomorrow we will run faster, stretch out our arms farther... And then one fine morning — So we beat on, boats against the current, borne back ceaselessly into the past." (The Great Gatsby by Francis Scott Key Fitzgerald)

Это был последний абзац романа, в котором Ник, от лица которого велось повествование, описывает свои собственные чувства по поводу того, что Гэтсби преследует американскую мечту, и после этого делает предположение, что американская мечта может осуществиться в будущем [4, 5].

1.2.3 Создание особой атмосферы

Кроме того, использование эллипса в художественном повествовании может быть подчинено цели создания атмосферы происходящего, вызывая у читателя слуховые и визуальные образы.

Приведем пример из англоязычного художественного текста:

"Beep..... Beep..... Beep.....Beep... Beep" The sound grew louder with each pulse: an irritating noise that would not be silenced.

Прямое звукоподражание "бип" (Beep), перемежающееся многоточием, делает предложение ритмичным, создавая атмосферу, наполненную шумом. Использование эллипсиса здесь стимулирует аудиосистему читателя, создавая звуковой образ [7].

2. Стратегии перевода эллипсиса

При переводе недопустимо упустить риторический эффект эллипсиса, и необходимо учитывать, как передать его в полной мере через определенные приемы перевода. Обычно есть три способа преодоления данной переводческой проблемы: перенос, опущение, трансформация [8, 9].

2.1. Перенос

Перенос, как указывает Гуо Хонгчжанг (Guo Hongjiang), чаще всего используется переводчиками, особенно если речь идет о многоточии. Для того,

чтобы не разрушить оригинальный риторический эффект, переводчик в целом сохраняет за собой этот знак препинания и вводит только некоторые морфологические изменения в языке перевода.

Возьмем, к примеру, второй раздел «*Dream Variations*» (Langston Hughes, 1902-1967):

<p style="text-align: center;"><i>To fling my arms wide In the face of the sun, Dance! Whirl! Whirl! Till the quick day is done. Rest at pale evening A tall, slim tree... Night coming tenderly Black like me.</i></p>	<p>Перевод: <i>Швырять руками В лицо солнечному Танцу! кружись! кружись! Пока не закончится быстрый день, Отдохни в бледный вечер . Высокое, стройное дерево ... Ночь наступает нежно- Черная, как я. (Переводчик: М. Зенкевич)</i></p>
---	---

2.2. Опускание

Эллипсис — это иногда непереводаемое явление в силу определенного языкового кода. Несмотря на то, что в большинстве случаев знаки препинания выполняют сходные функции, существуют различия, и в этих случаях прямой перенос может привести к несвязности, нарушению смысла или даже полному недопониманию. Для того, чтобы избежать противоречивых толкований или недопонимания, переводчик может использовать способы, которые упрощают оригинальный текст таким образом, чтобы он оставался связным [14].

<p><i>Если жизнь тебя обманет... Если жизнь тебя обманет, Не печалься, не сердись! В день уныния смирись: День веселья, верь, настанет. (Александр Пушкин)</i></p>	<p><i>假如生活欺骗了你 假如生活欺骗了你, 不要悲伤, 不要心急! 忧郁的日子里须要镇静: 相信吧, 快乐的日子将会来临!</i> (Переводчик: Ге Баошу (戈宝书))</p>
--	---

2.3 Трансформация

Предполагается замена многоточия, тире и т.п. другими пунктуационными знаками (Guo Hongjiang, 2013). Некоторые различия в значении пунктуационных знаков препятствуют сохранению риторического эффекта, и в этом случае необходимо позаимствовать другие знаки пунктуации, которые могут служить сходным риторическим и стилистическим целям. Длинные предложения требуют пунктуации для обеспечения цельности и гибкости, поэтому необходимо преобразование символов. Запятая, точка с запятой, многоточие, тире имеют функции разделения и паузы. Таким образом, надлежащее преобразование также может помочь переводчику лучше перевести прием эллипсиса [9, 10].

'Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху

наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.' («Хамелеон», Антон Павлович Чехов)

Формирование образа персонажа, усиление экспрессии, создание определенной атмосферы — три основные риторико-стилистические функции, характерные для эллипсиса. При переводе, если грамматические и риторические функции эллипсиса совпадают, возможен полный перенос [11]. Выбирается опущение, если при переводе оригинала нет возможности передать этими же средствами фактическое грамматическое или риторическое значение. Преобразование возможно при наличии других знаков препинания со сходными функциями. Из трех способов передачи на язык перевода наиболее часто используется перенос. Переводчик должен выбрать правильную стратегию, основываясь на конкретном художественном контексте и особенностях языка оригинала и языка перевода [12, 13, 15].

Список литературы

1. 陆谷孙.英汉大字典[M].上海:上海译文出版社.2004:2386.
2. 向莉.鲁迅作品中标点符号的修辞作用探析[J].西南民族大学学报.2003,11:457.
3. 陈望道.修辞学发凡[M].上海:复旦大学出版社.2010:177-178
4. 文车.英语标点符号修辞作用刍议[J].外国语文.1984.01:29.
5. 曹石珠.标点符号的修辞作用四益阳师专学报[J].1990,03:115.
6. 郭泓江.功能对等理论指导下的标点符号翻译——以《美国总统就职演说全集》为例[J].海外英语.2013,21:153-154.
7. 熊兵.英汉对比与翻译导论[M].武汉:华中师范大学出版社.2012:218.
8. 张本慎.英语圆点(...)省略号用法漫谈[J].现代外语.1986,04:71.
9. Haiman D. Iconicity in Syntax[J]. TSL6. Amsterdam:John Benjamins, 1985:97-139.
10. Givon T. On Understanding Grammar[M].New York: Academic Press, 1979.
11. Givon T. Mind, Code and Context[M]. Hillsdale, NJ: Academic Press, 1989.
12. Givon T. Syntax: A Functional-Typological Introduction[M]. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
13. Simone R. Iconicity in Language[M]. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
14. Эллиптические предложения в диалогической речи//Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». - № 2. - 2007. - М.: Изд-во МГОУ. - С. 33-39.
15. Особенности художественного перевода//Материалы международной научно-практической конференции «Лингвокультурные взаимодействия. Роль родного и иностранного языка в подготовке учителя». Сборник научных трудов. - Орехово-Зуево: МГОПИ, 2008. - С. 225-234.
16. К вопросу о переводе безглагольных эллиптических предложений с русского языка на английский. //Актуальные проблемы Романо-германской филологии. Сборник научных трудов. Вып.9.-Орехово-Зуево:МГОПИ, 2008.-С.24-30.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 811.12

DIFFICULTIES IN TEACHING SHIPBUILDING TERMINOLOGY TRANSLATION

Е. А. Васильева,

*преподаватель первой категории цикловой комиссии гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,*

ФГБОУ ВО «КГМТУ» Судомеханический техникум, г. Керчь

Аннотация. Умение грамотно переводить технические тексты у студентов кораблестроительных специальностей не приобретается только лишь в процессе изучения иностранного языка, нужна последовательная и фундаментальная подготовка в области теории и практики технического перевода. Определенная трудность заключается в том, что студенты не владеют знаниями по специальности в достаточной степени.

Ключевые слова: перевод с английского языка на русский, технический перевод, терминология, студенты кораблестроительных специальностей.

Summary: The students of shipbuilding speciality assume the ability to translate technical texts not only in the process of learning foreign language, they need the extensive and fundamental training in the field of theory and practice of technical translation. A certain difficulty is that students do not have sufficient knowledge in their specialty.

Key words: translation of ship-related texts, translation from English into Russian, technical translation, translation of terms, students of shipbuilding specialities.

The main aim of teaching a foreign language to students of technical specialities is developing the translation skills and skill in extracting the information from scientific-technical texts, ability to use this information in practical work. During the translation of technical texts on the topic of ship`s design and shipbuilding from English into Russian and vice versa, the translator should have special knowledge in this sphere. The first problem is that students only start to learn the ship`s hull construction, design of different details, and terminology according to Russian state standard, so they have lack of knowledge and difficulties in translation of Russian terms into the English language.

The second problem is the translation of specialized terms and abbreviations.

While working with terminology, a student needs to take the following actions: work with dictionaries; consult with teachers-technicians; study reference materials; study educational, scientific, technical materials; analyze the term, its application; use Russian National Standard (GOSTs).

The steps of translation of technical texts in shipbuilding:

1. Shipbuilding text characteristics

Shipbuilding texts, as in many other fields, are the main way to connect the builder, the engineer and the owner. Through the texts, all the necessary written information is transferred. So texts are divided in the following types:

a) Specification

For vessel, specification is the thing that introduces, describes the main particulars, equipment as well as necessary related matters the vessels must have when going in service. For example, outline specifications of a bulker ship

General description

Flag – Malta

Gross tonnage 34785

DWT 60136

Year of build 1973

Type of the ship

Classification American Bureau of Shipping (IACS) – ABS

The bulk carrier has a single two-stroke low-speed crosshead diesel engine directly coupled to a fixed-pitch propeller, with a single hull curvature.

Type of cargo – grain

Navigation area – ocean-going vessel

b) Technical manual

This kind of document is the one, besides specification, that the supplier, the maker and owner and builder get information about operation of the equipment in the vessel. Without it, it is impossible to build a ship, any equipment cannot be installed or assembled.

c) Procedure

Another kind of text the student must deal with is procedure, where any testing, installation, assembly onboard, in site, etc. are carried out.

d) Fly sheet

This kind of document is a short, concise text which shows the stage of shipbuilding. It can be the working modification – the reason and measures are pointed out.

2. Shipbuilding terms

Terms are also the main factor to distinguish a technical text from other kinds of texts. The central difficulty in technical translation is usually some new terminology. It is due to the fact that some technical terms appear only once in the source language and the context are not clear to translate. So students should translate the terms according to the following practical methods:

a) beginning technical translation – “practice makes perfect”

The more the student gets practice, the better he/she translates. However, the challenge is that the student is not well informed about the topic of the technical text, or is in lack of knowledge. In order to begin the technical text, the student should first read it to understand what the text is about (underline the difficult terms/ word-combinations) and then assess its nature, its degree of formality, its intention, the possible professional differences between the readership and original one. Next, the student should give the translation taking in account everything, every word, figure, letter and punctuation. For example, students always have problems with translation of word *beam*

beam – 1. металлическая полая конструкция

2. перекладина, балка, брус
3. ширина, траверз судна
4. бимс корабля
5. шток якоря
6. осадка судна

b) translating abbreviations

The student should pay attention to abbreviations and give the correct translation or explanation of them, using special vocabulary.

For example,

V.K.FL.C. vertical keel floor clip

FL.FR. floor frame

FL.S. floor stiffener

BB.FL.C. bilge bracket floor clip

c) going through the text

After translation, it is important to read the text through to get the gist of the main idea and underline all words and structures that appear to contain problems: new technical terms, special expressions, syntactic ambiguity. After that, the student can translate sentence by sentence, making grammatical shifts to mother language. And in the end, the student has to adjust the translated sentence per the technical style.

One most difficult problem which should be mentioned when translating the shipbuilding technical text from one language to another is the technical characteristic of the document, that is to say, the system of technical terms, especially new terms. Shipbuilding terms are equivalence in terms of connotative register. That is the language term in use which is considered to be suitable in a specific situation, and these terms are translated literally. Thus, the problem related to translation of technical shipbuilding terms is to find the register equivalence. And if these terms are not translated accurately, the interpretation is misunderstood and, consequently, the production stage, recommendation in production may be carried out wrongly.

For instance:

Hermaphrodite Brig: A two masted vessel, square rigged on the foremast and fore and aft main sail with a square topsail set above it.

Sail Burton: The block and tackle that extends from the heads of the topmasts to the deck in square rigged ships, used for hoisting the sails aloft when they are bent on to the yards.

Limber Rope: A rope threaded through the limber holes, running the length of a ship. Pulling it back and forth kept the holes from becoming plugged.

These are the very simple examples; they are only the interpretation of technical terms which were written by a recognized Classification Society to guide the surveyor to understand correctly terms to be used in hull structure.

In order to make a good translation of a technical text, the students must understand the problems they are facing with. The problems are the following: technical terms, technical characteristic in those terms or even the way they process the technical text.

Basing on the theoretical background, the investigation into translation of technical shipbuilding texts, the following rules can be formulated:

1. Translation must ensure the technicality and accuracy, that is to say, the way to choose the appropriate equivalent meanings of technical shipbuilding terms, the way to smooth the ambiguity, special expressions.
2. The main core in translation of technical shipbuilding texts is the translation of technical shipbuilding terms.
3. And, the method which is applied by the student is lateral translation, technical translation and connotative equivalence basing on register.

Technical translation or more specifically, translation of technical texts in shipbuilding is quite a difficult and interesting subject. It is difficult and interesting because it requires the accuracy, the technicality. For the technical translation, experience is the best, and experience is gained from co-working with experts in shipbuilding, reference documentation.

The most challenging matter in translating a technical text in shipbuilding is the technical terms. They are challenging because of their technicality and equivalence in the target language. Besides, special expressions, and syntactic ambiguity also contribute to the difficulty for the student. And in order to get the best translation, accuracy ranks first. To get the accuracy, the translator has to deal with the problems with technical terms and expressions.

Список использованных источников

1. Борисова, Л. И. Лексические закономерности научно-технического перевода / Л. И. Борисова. – Москва: Международные отношения, 1988. – 317 с.
2. Виноградов, В. В. Введение в переводоведение / В. В. Виноградов – Москва : Ладомир, 2001. – 464 с.
3. Кауфман, С. И. Некоторые особенности стиля американской технической литературы / С. И. Кауфман. – Москва : Учпедгиз, 1960. – 305 с.
4. Кауфман, С. И. Специфика перевода технического текста / С. И. Кауфман. – Москва : Просвещение, 1967 – 213 с.
5. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : Наука, 1980. – 351 с.
6. Львовская, З.Д. Теоретические проблемы перевода / З. Д. Львовская. – Москва : Высшая школа, 1985. – 406 с.
7. Морозов, М. М. Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский / М. М. Морозов. – Москва : Наука, 1964. – 362 с.
8. Скороходько, Э. Ф. Вопросы перевода английской технической литературы (перевод терминов) / Э. Ф. Скороходько. – Киев : Изд. КГУ, 1960. – 274 с.
9. Стрелковский, Г. М. Научно-технический перевод / Г. М. Стрелковский. – Москва : Просвещение, 1980. – 293 с.
10. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – 236 с.
11. Bell, R. T. Translation and translating: Theory and Practice. / R. T. Bell. – London and New York : Longman, 1991. – P. 322.

12. Koller, W. Equivalence in translation theory / W. Koller // Reading and translation theory. – London, 1989. – P. 286.

УДК 811.111:028.4

КОНТРОЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

О. А. Васильева¹, И. А. Борзова², И. А. Гулакова,³

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Работа посвящена анализу проблемы развития навыков чтения текстов в процессе языковой подготовки студентов 1 курса бакалавриата Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. В статье описаны методы обучения чтению; подчеркивается необходимость изучения специализированной лексики, грамматических конструкций, умения читать вслух и переводить тексты в качестве основы дальнейшего умения анализировать тексты для выполнения заданий по прочитанному материалу. Особое внимание уделяется рассмотрению упражнений, основанных на прочитанном и анализируемом материале текстов.

Ключевые слова: ознакомительное, поисковое, изучающее чтение, аутентичные тексты.

Summary. The work is devoted to the analysis of the problem of developing the skills of reading texts in the process of language training of students in non-linguistic universities. The article gives descriptions of some methods of teaching reading, emphasizes the need to study specialized vocabulary, grammatical structures, the ability to read aloud and translate texts as the basis for further ability to analyze texts to complete tasks on the material read. Particular attention is paid to the consideration of exercises based on the material of the texts read and analyzed.

Key words: introductory, search, studying reading, authentic texts.

В настоящее время большое внимание уделяется обучению студентов университетов умению читать оригинальные тексты с целью адекватного понимания. Чтение является одним из важнейших видов коммуникативно-познавательной деятельности обучающихся. Эта деятельность направлена на извлечение информации из письменно фиксированного текста. Цель работы – изучить использование разных элементов обучения чтению текстов с целью

достижения максимального понимания прочитанного материала обучающимися и улучшения выполнения ими заданий по прочитанному материалу.

Обучение иностранным языкам является одним из важных и приоритетных аспектов российского образования. Всемирная сеть Интернет открывает доступ к учебным материалам, пособиям и научным статьям на иностранном языке. Таким образом, обучающимся необходимо развить навык быстрого, полного и качественного извлечения информации из письменных текстов. Процесс чтения предполагает анализ, синтез, обобщение, умозаключение и прогнозирование. Чтение выполняет значительную воспитательную и образовательную роль.

В основе любого речевого умения лежат определенные навыки – действия, которые человек совершает автоматически, не задумываясь о том, как и что он делает. Процесс чтения базируется на технической стороне, т.е. на навыках, которые представляют собой автоматизированные зрительные, речемоторные, слуховые связи языковых явлений с их значением, на основе которых происходит узнавание и понимание письменных знаков и письменного текста в целом и, следовательно, реализация коммуникативного умения чтения. К речевым умениям чтения относят владение различными технологиями извлечения информации из текста, их адекватное использование в зависимости от поставленной задачи.

Важным психологическим компонентом процесса чтения является механизм вероятностного прогнозирования, которое проявляется на смысловом и вербальном уровнях. Смысловое прогнозирование – это умение предугадать содержание текста и сделать верное предположение о дальнейшем развитии событий по заголовку, первому предложению и другим сигналам текста. Вербальное прогнозирование – умение по начальным буквам угадать слово, по первым словам угадывать синтаксическое построение предложения, по первому предложению – дальнейшее построение абзаца. Под видами чтения принято понимать набор операций, обусловленных целью чтения и характеризующихся специфическим сочетанием приемов смысловой и перцептивной переработки материала, воспринимаемого зрительно.

В зависимости от коммуникативных потребностей и по степени проникновения в содержание текста в отечественной методике выделяют следующие виды чтения: аналитическое, изучающее, ознакомительное, просмотровое, поисковое.

Поскольку просмотровое и поисковое по многим характеристикам совпадают, в практике обучения их, как правило, принимают за один вид, называя поисково-просмотровым. Существует мнение о том, что не следует выделять слишком много видов информативного чтения, достаточно различать изучающее и поисковое чтение.

В зарубежной англоязычной методике также выделяют несколько видов или умений чтения: *skimming* – (просматривать поверхностно) определение основной темы/идеи текста; *scanning* – (пристально разглядывать, изучать) поиск конкретной информации в тексте; *reading for detail* – детальное понимание текста не только на уровне содержания, но и смысла.

Для эффективного чтения на иностранном языке необходимо сформировать следующие навыки: игнорировать неизвестное, если оно не

мешает выполнению поставленной задачи; вычленять смысловую информацию; читать по ключевым словам; работать со словарем; использовать сноски и комментарии, предлагаемые в тексте; интерпретировать и трансформировать текст.

Изучающее чтение представляет собой внимательное вчитывание, погружение в смысл, анализируя текст. Изучающее чтение является, прежде всего, самостоятельной целью обучения чтению особенно при чтении научно-технических текстов.

При ознакомительном чтении целью является извлечение основной информации, воссоздающее воображение читателя частично восполняет смысл текста. Для ознакомительного чтения подбираются большие по объему тексты. Навыки, приобретенные при изучающем чтении, используются при ознакомительном чтении.

Просмотровое чтение позволяет получить общее представление о содержательно-смысловом плане текста. Этот вид чтения выполняет важную функцию: из большой массы печатной информации выбрать нужную и исключить необязательное и вторичное. К просмотровому чтению прибегают в профессиональной и бытовой сфере жизни, например, при чтении газетных статей.

Коммуникативные цели обучения чтению подразумевают использование в учебном процессе различных типов текста разного жанра и стилей. Важной задачей является научить обучающихся понимать аутентичные тексты, не прибегая к словарю при каждом незнакомом слове. При чтении текста следует научить опираться в первую очередь на знакомые слова и выражения, обучающийся может попытаться спрогнозировать содержание текста, догадаться о значении незнакомых слов. Обращение к словарю рекомендуется лишь в тех случаях, когда все прочие возможности понять значение новых слов исчерпаны.

При определении уровня сформированности навыков чтения текстов на иностранном языке оценка осуществляется по результатам выполнения заданий на поисковое, ознакомительное или изучающее чтение. Для проверки понимания на продвинутом уровне используются разные упражнения для различных видов чтения. Ознакомительное чтение контролируется с помощью следующих упражнений: прогнозировать содержание по заголовку и иллюстрациям; ставить вопросы к основной информации и отвечать на них; выбирать заголовок, адекватный содержанию текста; делить текст на смысловые части и озаглавливать их; делать выписки основной информации.

Для проверки изучающего чтения используются следующие упражнения: составить развернутый план (резюме, выводы, комментарий); назвать утверждения, которые нужно подтвердить или опровергнуть; поставить вопросы ко всему тексту; выполнить выборочно или полностью адекватный перевод текста.

Поисковое чтение проверяется с помощью следующих упражнений: перечислить основные данные/факты; поставить вопросы к наиболее существенной информации; составить оценку/рецензию на весь текст/фрагмент; сравнить два текста на аналогичную тему (по сходству и различию); интерпретировать коммуникативную задачу автора; составить аннотацию/реферат; сделать выборочный перевод.

В качестве примеров приводим задания, нацеленные на контроль сформированности навыков чтения из опыта работы с бакалаврами в 2021-2022 учебном году.

1) *You are going to read the text about ecotourism. For questions 1-10 choose from the sections (A - E). The sections may be chosen more than once. In which section does the writer mention?*

1. the future of ecotourism?
2. the history of ecotourism?
3. any form of tourism can be sustainable but that doesn't make it ecotourism?
4. the principles of ecotourism? <...>

Ecotourism

A. Any form of tourism – adventure, sports, recreational, cultural or educational – can be based on the principles of sustainable tourism, because it contributes to and doesn't harm the environment it's in. However, ecotourism is a separate branch of tourism altogether, widely defined as: 'responsible travel to natural areas that conserves the environment and improves the well-being of local people'. <...>

2) *Read the text and put the information in the correct order of the article.*

	A. a possible benefit of recent changes to Detroit
	B. businessmen whose relatives are from Detroit
	C. how old parts of Detroit have changed recently<...>

Detroit: A tale of two cities

DETROIT was at one time one of the most famous cities in the United States and perhaps even the world. This was the city where Henry Ford built the FordMotorCompanyin1903 and it didn't take long for Detroit to become known as 'Motor City'. Later, 'Motor City' became simply 'Motown', which was, of course, the name given to the popular American music of the 1960s and '70s that came out of the city, including TheJackson 5 – the band where Michael Jackson sang such hits as “I Want You Back” and 'ABC'. Today, however, Detroit is a very different place. <...>

3) *Which sentences correspond to the content of the text?*

In May 1999, the company had about \$120 million from investors and seemed to be one of the brightest stars of the ‘new economy’. The founders spent \$25 million on advertising, which meant that they ran out of funds very quickly. They took on hundreds of employees, leaving the company with a huge wage bill every month. They had no competent financial director and wasted millions more on jetting round the world, staying at expensive hotels and giving large parties.

- The company shouldn't have spent so much on advertising. If they hadn't spent so much they wouldn't have run out of money so quickly.
- They have spent enough money on advertising. They have been able to get much profit from it.
- The financial director of the company had enough qualifications to make the company profitable.
- The company shouldn't have spent so much money on salaries for employees. They should have employed less staff. <...>

4) *You are going to read an article about how to become a good photographer. For the first question, choose the best answer (A, B, C, D) which you think fits best according to the text.*

These days it is much easier to become a good photographer because of the big improvements in camera technology over the past 20 years. In order to take good photos you need to have a good digital camera or a smartphone with a good camera. Make sure you read the manual carefully before you start using your camera. This will help you to understand the most important functions, such as how to use the flash and the zoom. Putting the camera in automatic mode is a good way to make sure you don't make too many mistakes while you are still unfamiliar with how your camera works. <....>

1. It is a simple task to take a good photo these days because
 - A. everyone has a good camera.
 - B. everyone can easily take good photos with a smartphone.
 - C. everyone should carefully read a manual.
 - D. everyone can buy a smartphone with a good camera. <....>

Таким образом, приходим к следующему выводу: будущие специалисты должны уметь читать оригинальные тексты по специальности (монографии, статьи научных журналов) с частичной опорой на словарь, извлекать из большого по объему материалу нужную для работы и научных исследований информацию. Большое внимание в процессе обучения иностранному языку на всех этапах обучения в университете уделяется различным видам чтения (просмотрового, ознакомительного, поискового, изучающего), так как чтение и понимание статей востребовано для решения профессиональных задач.

Список использованных источников

1. Савина, Т. Т. Обучение студентов экономических специальностей чтению про себя аутентичных текстов на английском языке / Т. Т. Савина, Н. С. Шимоторова // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 2. – URL: <https://human.snauka.ru/2017/02/21377>. (дата обращения: 24.01.2022).
2. Anderson, Peter Cambridge English Empower B1+ Intermediate. Workbook. Cambridge University Press / Peter Anderson. –University Printing House. – 2015. – 89 p.

УДК 81'138

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНИЯ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕРРИТОРИЯ PHYGITAL

И. И. Воронцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. Цель работы – определить, как гуманизация наук формирует понимание эпистемологической доступности цифровой трансформации в гуманитарных науках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью моделировать использование цифровых технологий, поддерживающих учебную программу, для создания оптимизированной учебной среды как в аудитории, так и на различных онлайн-платформах (Фиджитал).

Актуализируются практики аудирования, немедленная обратная связь с педагогом и поддержка в трансдисциплинарном иноязычном обучении. Исследуются преимущества использования технологии Mind Mapping, образовательных онлайн-сервисов Quizlet Test, Online Quiz, Online Test Pad в освоении профильной лексики и терминологии маркетинга и рекламы.

Автор подчеркивает значимость визуального обучения, предоставляемого работой с лексическим наполнением видеолекций медиохостинга TED.

Ключевые слова: гуманизация наук, цифровая трансформация, пространство Фиджитал, практики аудирования, визуальное обучение, профильная лексика и терминология маркетинга и рекламы.

Summary. The purpose of the work is to determine how the humanization of sciences forms an understanding of the epistemological accessibility of digital transformation in the humanities. The relevance of the research is to model the use of digital technologies that support the curriculum to create an optimized learning environment both in the classroom and on various online platforms (Phygital).

Listening practices, immediate feedback from the teacher and support in transdisciplinary foreign language learning are actualized. The advantages of using Mind Mapping technology, educational online services Quizlet Test, Online Quiz, Online Test Pad in mastering the specialized vocabulary and terminology of marketing and advertising are studied.

The author emphasizes the importance of visual learning provided by working with the lexical content of TED media hosting video lectures.

Key words: humanization of sciences, digital transformation, listening practice, visual education, specialized vocabulary and terminology of marketing and advertising.

Под влиянием «лингвистического поворота» – интеллектуального движения, связанного с переосмыслением понятия и роли языка, происходит своего рода гуманизация наук и одновременно формируется понимание того, что такое цифровые технологии в гуманитарном знании. Начавшаяся технологическая гуманитарная революция оказывает демократизирующее влияние на эпистемологическую доступность цифровой трансформации в гуманитарных науках – Digital Humanities.

Цифровой взрыв повлек за собой смену подходов к обучению, и сегодня педагоги во всем мире призваны задаться вопросом, чему и как учить, как создавать учебные сообщества, способные моделировать образовательный интерьер вне тех формул индустриализации, из которых выросло большинство образовательных традиций. В приоритете – определить, что такое цифровой гуманитарий, точнее, какого уровня специалиста мы должны готовить для цифровой гуманитаристики; описать профессиональные компетенции, способные обеспечить ему рабочее место на глобальном и национальном рынках.

Сегодня уже невозможно развивать академические коммуникации без формирования среды междисциплинарной цифровизации, где диджитал стал сакральным концептом. Мы активно вступаем в эру «Фиджитал» – образования, где цифра и физическое пространство переплетены и взаимно дополняют друг друга в едином образовательном ландшафте, объединяющем традиционные средства – brownfield – с эпохой greenfield.

Приходит и понимание того, что наращение цифровых технологий ведет к изменению личности как обучающего, так и обучающегося, а значит, актуализирует вопрос цифрового детокса, отстранения от информационного фастфуда и манипуляций, опознавания фейковых новостей (*Fake news* – «информационная мистификация ... в социальных медиа... с целью увеличения читательской аудитории, трафика и цитируемости и, следовательно, финансовой или политической выгоды» [2, с. 27]), рассылаемых ради собственного хайпа. Важно понять, какой должна быть экосистема, в которой человек и цифра будут коммуницировать гармонично.

Полифония профессиональной лексики в работе с англоязычными видеоматериалами

В современном мире иностранный язык превращается в медиум специальных знаний в реализации образовательной программы, обеспечивающей некий симбиоз иностранного языка и профильной дисциплины, устанавливающей между ними горизонтальные исследовательские связи.

Цифровые технологии акцентируют принципы трансдисциплинарности: миссия университетов видится в том, чтобы заложить у студентов как фундаментальные знания, так и эвристический потенциал их самостоятельного достраивания. Характер обучения смещается в сторону научения студентов быстрому прикладному использованию полученных знаний, и видеолекции TED представляют новый информационный порядок. Динамика видеолекции, задействуя зрительные и слуховые каналы восприятия, способствует освоению и усвоению лексического арсенала спикера.

Все явственнее обозначается тенденция интеграции экономических наук, в том числе, маркетинга, и лингвистики. Человек объединяет экономику и лингвистику, следом за *homo sapiens* идет *homo economicus*, а затем и *homo marketus* – субъект, принимающий экономические и маркетинговые решения.

Стали возможными лингвистические видения предметов. Терминологическая система создается в маркетинге как под воздействием внутренних законов развития языка, так вмешательства бизнеса и социума. Это двунаправленное движение в маркетинговом дискурсе Нина Давидовна Арутюнова называет «речь, погруженная в жизнь» [1].

Технология Mind Mapping в обучении языку рекламы/иностранному языкам

Mind map – ментальная карта, интеллект-карта, ассоциативная карта, карта памяти, схема мышления, диаграмма связей, ассоциативная диаграмма – столь многолик инструмент управления знаниями, который не только помогает структурировать концепции, но и генерировать идеи с помощью ассоциаций.

В конце 1960-х годов психологом Тони Бьюзеном разработана техника визуализации мышления за счет применения ментальных карт – Mind Mapping (майндмэппинг), позволяющая фиксировать, запоминать, анализировать информацию, прослеживая в ней внутренние связи, даже если изначально они не были очевидны. Мозг думает посредством воображения и ассоциаций, устанавливающих связи, которые, в свою очередь, необходимы для запоминания и мышления.

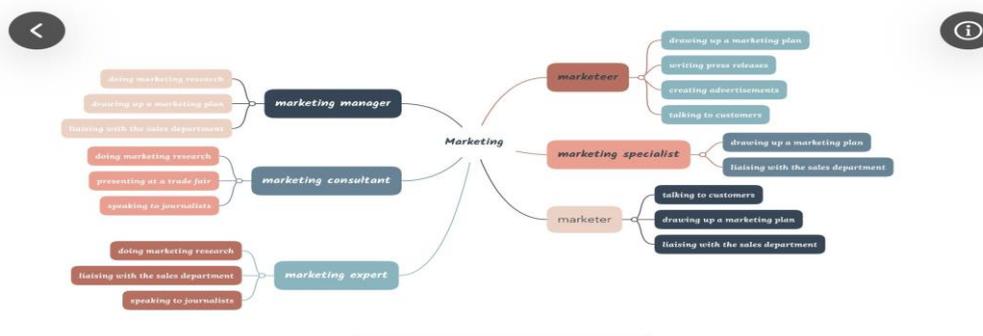
Технология майндмэппинга позволяет активизировать ассоциативное, визуальное и пространственно-образное мышление – творчество, логику, воображение – и улучшать перцептивные способности мозга. Исследования показали, что это крайне повышает ценность майндмэппинг в образовании, в том числе, при изучении языка.

Майндмэппинг как компактный способ обобщения большого объема информации; инструмент, обеспечивающий гибкий и привлекательный способ визуализации информации и получения сведений о взаимосвязях между концепциями; техника эффективного осмысления и запоминания информации, занял ключевые позиции в арсенале как обучающихся разных форм и ступеней, так и профессионалов в разных областях.

Ментальные карты могут быть использованы для: создания, визуализации, структурирования и классификации идей, стимулирования принятия решений и творческого решения проблем, а также в качестве вспомогательного средства планирования эссе или проведения мозгового штурма, повторения материала при подготовке к аттестационной работе.

Составление и последующий индивидуальный и совместный анализ ментальных карт дает возможность наглядно продемонстрировать всю простоту, изящество и полезность этого метода на практике. В процессе работы, например, выявляется, что само слово *marketing* обозначает *сбыт, реализацию, торговлю* и в англоязычной речи используется для описания комплексного подхода к процессу управления производством и реализацией продукции, призванного обеспечить спрос и требования потребителей наиболее рациональным способом. Собственно специалист в этой области именуется *marketing specialist, marketing expert, marketing consultant, marketer, marketing manager* – маркетолог, тогда как *marketeer* – обычно субъект рынка, который продает товары или услуги на рынке определенного типа и в меньшей степени вовлечен в рекламную деятельность.

Рис.1. Mind Map Marketing

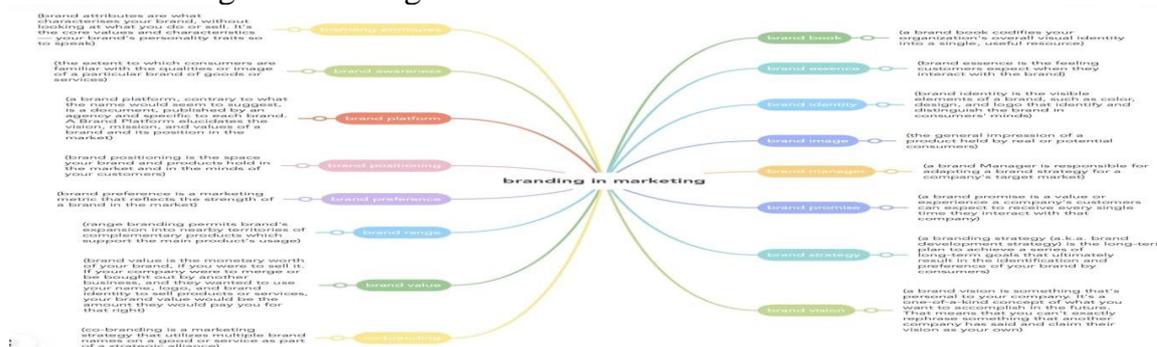

Следует учитывать основные принципы, лежащие в основе разработки ментальных карт как способов "свертывания" текста. Так, ассоциации приоритетно изображаются изогнутыми линиями, отражая свойственные мозгу изгибы. Использование цвета и образа столь же важно в ментальной карте, как и в воображении обучающегося. Кроме того, целесообразно оставлять некоторое пространство для внесения добавлений в диаграмму в течение определенного периода времени.

Сегодня стало неоспоримым, что миром правят бренды. В маркетинге много выражений, связанных с брендами, таких как *brand attributes* – атрибуты

бренд; *brand book* – брендбук (в брендбуке дается обзор истории, видения и ключевых ценностей брендов, зарегистрированных в организации. Также, это, по сути, набор правил, объясняющих, как работает тот или иной бренд); *brand promise* – обещание бренда (соответствие потребительских свойств ожиданиям покупателей). В процессе работы преподаватель может давать комментарии в чате, чтобы привлечь внимание к определенной лексике, например, *Make sure you know this* – Удостоверьтесь, что вы это знаете, когда будете делать презентацию/писать эссе, выполнять творческое задание.

Рис. 3 Branding in marketing

Для построения ментальных карт на лексическом материале видеолекций медиа-хостинга TED.com студентам были предложены онлайн-редакторы Coggle, XMind, Bubbl.us, Mapul, Mindmeister, MindGenius, Mindjet, iMindMap.

Вдохновение, неизменно сопутствующее созданию ментальных карт, студенты могут затем направить в воплощение презентации PowerPoint. Кроме того, после разработки ментальных карт и аналитической лексической работы по ним вполне закономерно предложить составить кроссворды с помощью образовательного онлайн-сервиса Online Test Pad¹. Одна группа студентов может составить кроссворд для других групп по своей ментальной карте. Модератор направляет ссылку на сервис другим членам группы, и вся работа по созданию и корректировке такого интеллектуального продукта осуществляется в совместном доступе.

Реклама в треугольнике «экономика – язык – культура»

Рекламный интерьер фактурно иллюстрирует взаимосвязи в треугольнике «экономика – язык – культура». В лексических и терминологических единицах отражены культурные коннотации, и систематизированный «лингвокультурный» сравнительный анализ между английским и русским языками выявляет возможные различия культурных коннотаций терминов и фразеологических единиц в зависимости от языка, воспитывая в обучающихся культурную чуткость.

Примером может служить задание к видеолекции TED.com “The post-crisis consumer”²

¹ Online Test Pad. URL: <https://onlinetestpad.com/ru> (дата обращения 14.02.2022)

² Cobley, Dan: What physics taught me about marketing. URL: https://www.ted.com/talks/dan_cobley_what_physics_taught_me_about_marketing (дата обращения 12.02.2022)

Fill in the empty spaces with the sentences from the box.

- a. This is a story on the yacht club that's all basically *blue collar*.
b. The first thing is, something must be happening when P. Diddy vows to *tone down his bling*.
c. We see *high-end haggling* in fashion today, *high-end haggling* for luxury and real estate.

Let's look at some examples of this *déclassé* consumption that falls out of this value. 1) _____. But seriously, we also have this phenomenon on Madison Avenue and in other places, where people are actually walking out of luxury boutiques with ordinary, generic paper bags to hide the brand purchases. 2) _____. We also see just a relaxing of ego, and sort of a dismantling of artifice. 3) _____. *Blue-collar* yacht club - where you can join, but you've got to work in the boatyard as condition of membership.

1) b 2) c 3) a

Работа с профильной лексикой строится по принципу интерактивности. В видеолекциях TED.com спикеры нередко ссылаются на онлайн-сервисы, и студент, выполняющий задания в Quizlet Test³ или Online Quiz⁴ чувствует себя *on the ball* – на высоте.

Quizlet помогает преподавателям вовлекать в учебную активность студентов всех уровней, вносит элемент соревновательности, повышая мотивированность и успеваемость. Сервис формирует индивидуальную статистику успешности выполнения заданий, благодаря чему студент видит свои правильные ответы и ошибки. Ошибки предполагают повторное самостоятельное выполнение и проверку.

Последующая работа со словарём, после отработки вокабуляра в MInd Maps и Quizlet, также способствует запоминанию новой лексики.

Match these words to make word partnerships based on the video.

1	customer	A	responsibility
2	advertising	B	consumption
3	social	C	group
4	focus	D	ambassador
5	mindless/ mindful	E	revenue
6	brand	F	service

Шаблоны WORDWALL

WORDWALL – www.wordwall.net/play/ – коллекция *шаблонов – templates* дидактических игр: **Викторина** – Quiz и **Кроссворд**, аркадные игры, например, **Погоня в лабиринте** – Maze chase /Пропущенное слово – Missing word / Найди пару – Find the match / Привести в порядок – Unjumble/Поиск слов – Wordsearch / Откройте поле – Open the box/ Анаграмма – Anagram/ Случайные карты – Random cards/Перевернуть плитки – Flip tile.

Результаты каждого студента регистрируются и предоставляются преподавателю.

Заключение

³ Quizlet Test. URL: www.quizlet.com (дата обращения 14.02.2022)

⁴ Online Quiz⁴. URL: www.wordwall.net/play/ (дата обращения 14.02.2022)

Цифровая трансформация обеспечила преподавателей доступными цифровыми медиа-инструментами – майндмэппинг, Quizlet Test, Online Quiz, Online Test Pad – для создания оптимизированной учебной среды как в аудитории, так и при автономной работе на различных онлайн-платформах.

Без использования адекватной цифровой инфраструктуры иноязычное обучение рискует вызвать утомление и скуку обучающихся. Звучание речи спикера в видеолекциях TED.com может выступить триггером в отношении практик аудирования в учебном процессе. Визуальное обучение, задействующее зрительную память, крайне предпочтительно в ситуациях охвата широкого круга тем, что характерно для видеолекций медиохостинга TED. Видеопрезентации оказывают студентам значимую помощь в освоении новой лексики и профильного словаря. Использование цифровых технологий имеет большое значение в устном переводе, что может быть элементом учебной работы с видеолекциями.

Преимущества цифровых инструментов включают в себя немедленную обратную связь с педагогом и поддержку в обучении. Видеотексты активизируют профильный словарь, помогают улучшить такие языковые навыки, как говорение и аудирование.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования / Н. Д. Арутюнова // Языки славянской культуры (ЯСК) / Studia philologica. – Москва, 2007. – 286 с.
2. Воронцова, И. И. Экология межкультурной online коммуникации: формирование новых компетенций. / И. И. Воронцова // II Международная научно-практическая конференция 18–23 сентября 2018 г. – Варна : Сборник статей. РГГУ, 2019. – 436 с.

УДК 378.14

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ КАК КОМПОНЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Е. Н. Горбачева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики
английского языка, Институт иностранных языков, ФГБОУ ВО
«Московский педагогический государственный университет», Москва*

Аннотация. Статья посвящена месту дисциплины «Лингвоэкспертология» в магистерской программе, разработанной в Институте иностранных языков МПГУ. Дисциплина рассматривается как раздел прикладной лингвистики и описывает виды профессиональной деятельности лингвистов-экспертов. В статье подчеркивается важная роль научных лингвистических теорий и прикладных методов при проведении лингвистической экспертизы. Реализация целей лингвоэкспертологии предполагает сочетание традиционных и инновационных технологий,

компетентностно-деятельный подход, профессионально обусловленные дидактические материалы. Использование указанных компонентов нацелено на получение специально оформленного результата экспертного исследования, который используется за пределами лингвистики.

Ключевые слова: лингвоэкспертология, лингвистическая экспертиза, юридическая лингвистика, межкультурная коммуникация, профессиональные навыки, формирование компетенций

Summary. The article considers the role of the discipline «Linguoexpertology» in the Master's programme developed in the Institute of foreign languages MPGU. The discipline is regarded as a part of applied linguistics and describes the types of professional activity of linguistic experts. In the article the important role of scientific linguistic theories highlighted and applied methods in the course of linguistic expertise. Realization of the goals requires a combination of traditional and innovative technologies, the competence-activity based approach, professionally determined didactic material. Application of the given components is aimed at obtaining specifically processed result of expert study, which is intended for being implemented into other linguistic spheres.

Key words: linguoexpertology, linguistic expertise, forensic linguistics, intercultural communication, professional skills, formation of competences.

Процесс глобализации и интернализации обусловил бурное развитие коммуникации между представителями различных народов и дал толчок к созданию таких направлений в области лингвистики как теория межкультурной коммуникации, коммуникативный менеджмент, деловой этикет и прочих. Одной из успешно развивающихся отраслей прикладной лингвистики является юридическая лингвистика (forensic linguistics), направленная на исследование аспектов взаимодействия языка и права. Сфера интересов юрислингвистики включает следующие подотрасли: законодательная техника и правила составления законодательного документа, история законодательного языка, судебное речеведение, лингвистическая политика в мультикультурных государствах, письменный и устный юридический перевод, лингвокриминалистика, а также производство лингвистической экспертизы спорного текста.

В современных исследованиях в области юрислингвистики представлены разные названия и определения лингвистической экспертизы: «Теория лингвистической экспертизы текста» (А. Н. Баранов), «Судебная лингвистическая экспертиза» (К. И. Бринева), «Судебно-лингвистическая экспертиза» (М. А. Грачев). Во всех приведенных формулировках прослеживается общая черта понятия «лингвистическая экспертиза», которую можно определить, как применение экспертных теоретических и практических знаний о функционально-семантических текстовых особенностях в различных сферах деятельности человека. Мы, вслед за К. И. Бринева, используем термин «Лингвоэкспертология» с указанием на дисциплину, изучающую «...вопрос о применении существующих лингвистических теорий при установлении доказательственных фактов в ходе экспертного исследования спорных текстов...» [2, с. 7].

Выводы о явлениях языка, полученные в результате проведения лингвистической экспертизы, представляются как формальное мнение

лингвиста-эксперта и используются не только в рамках юридической практики, но и за ее пределами: в сфере политической и экономической деятельности, в организации документооборота, в области научных исследований, в преподавательской деятельности. Такое обширное использование экспертных исследований вызвало жизненную необходимость в специалистах, обладающих знаниями иностранных языков, с одной стороны, и специальными навыками в области прикладной лингвистики, с другой стороны.

Поставленная задача привела к созданию образовательной программы «Профессиональная коммуникация в кросскультурной среде» по направлению 45.04.02 Лингвистика. Магистерская программа разработана на кафедре грамматики английского языка Института иностранных языков МПГУ и направлена на системное освоение коммуникативных стратегий, которые позволяют налаживать долговременные отношения государственных, общественных, коммерческих организаций с обществом. Программа состоит из трех базовых частей, включающих блок теоретических дисциплин, практическую и проектную деятельность, научно-исследовательскую работу. Такая структура обеспечивает подготовку специалистов в области лингвистики, рассматривающую язык «...как средство познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания, т.е. в его индивидуально-общественной сфере» [4, с. 106]. В то же время, программа формирует умения и навыки, имеющие яркий прикладной характер и позволяющие работать в современной кросскультурной среде.

Дисциплина «Лингвоэкспертология» входит во второй модуль базового блока (ДВ.1), нацеленного на изучение проблем на стыке лингвистики и других наук: психологии, маркетинга, права. Наряду с лингвоэкспертологией в него входят такие дисциплины как «Стилистическое редактирование текста», «Медиапланирование и продвижение брендов», «Основы PR и GR», «Конфликтология: кризисные коммуникации», «Технология рекламной деятельности в мультимедийном пространстве» и другие. Такая организация обучения обеспечивает формирование навыков создания и восприятия речи с учетом принципов комплексного подхода к диалогу культур.

В свою очередь лингвоэкспертология призвана обучать студентов следующим умениям и навыкам: анализу и экспертной оценке содержания спорного текста; описанию речевого поведения автора спорного текста, включающего речевые акты оскорбления, призыва, угрозы, утверждения; установлению семантических характеристик спорного речевого произведения (определение утверждения о фактах и мнения о фактах); описанию языковых особенностей спорных товарных знаков. С целью успешного формирования профессиональных навыков изучение лингвоэкспертологии проводится с установкой на компетентностно-деятельностный подход, требующий решения практических профессиональных задач на основе теоретических знаний и сформированных ранее компетенций, что предполагает преемственность обучения. В соответствии с учебным планом магистратуры «Профессиональная коммуникация в кросскультурной среде» выпускник, изучивший дисциплину «Лингвоэкспертология», должен быть способен осуществлять профессиональную коммуникацию в сфере межкультурных и межъязыковых контактов в соответствии с принятыми нормами и правилами поведения (ПК.3).

Данная компетенция относится к консультационному блоку и формируется в соответствии с типами задач профессиональной деятельности.

Основные виды профессиональной направленности выпускников, освоивших дисциплину «Лингвоэкспертология», включают научно-исследовательскую и консультационную деятельности. Научно-исследовательская деятельность предполагает критический анализ и проведение самостоятельных научных исследований в области лингвистической экспертизы текста с применением современных методик научных исследований. Специалисты в области лингвоэкспертологии должны быть способны проводить лингвистические исследования спорного текста в связи с существующими теориями языка: семантики, теории лингвистических оппозиций, прагматики, теории речевых актов, теории речевого воздействия, нарратологии. Примером успешной реализации данного аспекта является работа выпускницы Д. В. Калмыковой «Выявление семантических и прагматических характеристик вербального экстремизма», занявшая 2-ое место в конкурсе студенческих научных работ, проводимом среди всех институтов МПГУ в 2021 году.

Научно-исследовательская деятельность, проводимая студентами в рамках магистерской программы, служит основой выполнения и защиты выпускной квалификационной работы (магистерской диссертации). В соответствии с требованиями образовательной программы по дисциплине «Лингвоэкспертология» предлагаются следующие темы выпускных квалификационных работ: «Образ врага в аспекте лингвистической экспертологии», «Проблема лингвистического экстремизма в современном обществе», «Специфика употребления никонимов в английском политическом дискурсе», «Гендерно-маркированные лингвистические формы чести и достоинства лица в современном английском языке» и другие.

Консультационная деятельность предполагает проведение лингвистической экспертизы текста, нацеленной на выявление фактов для разрешения дела по существу и представляющей собой конечный продукт деятельности лингвиста-эксперта. Раскрытие определенных изыскательских задач при производстве лингвистической экспертизы предполагает использование методов анализа типизированных текстов, включающих легальное и словарное толкования, субституцию, синонимические преобразования, реферирование. Многообразие методов при проведении экспертного исследования спорного текста помогает обеспечить полноту качественной информации при производстве лингвистической экспертизы [1, с. 12].

Результаты экспертного лингвистического исследования реализуются в форме экспертного заключения, то есть письменно оформленных выводов по поставленным перед специалистом вопросам. Экспертные выводы фиксируются на том же естественном языке или на специально разработанном семантическом метаязыке, одним из которых является язык смысла (*lingua mentalis*) А. Вежбицкой. Например, на языке примитивов А. Вежбицкой определение прилагательного *оранжевый* выражается следующим образом «X – оранжевый о предметах, подобных X-у, можно подумать: они похожи на нечто желтое в то же самое время можно подумать: они похожи на нечто красное» [3, с. 225]. Специально оформленные выводы лингвиста-эксперта должны быть

адаптированы с тем условием, чтобы быть понятными всем участникам процесса. Следовательно, получение общепонятных и достоверных результатов лингвистической экспертизы спорного текста и является задачей профессиональной консультационной деятельности выпускника, освоившего образовательную программу.

Компетентностно-деятельностный подход при подготовке лингвистов-экспертов позволяет внедрять такие современные обучающие технологии как экспериментальные упражнения, тесты, анализ кейсов, то есть задания интерактивного характера, предусматривающие формирование общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Совершенствование знаний, умений и навыков студентов осуществляется на лекциях и практикумах, построенных на тщательном отобранном дидактическом материале. В подборе профессионально обусловленных материалов учитывается уровень сформированности компетенций студентов в области лингвистики, что позволяет отобрать адекватные учебные пособия ведущих российских и зарубежных ученых в области теории текста. В преподавании курса «Лингвоэкспертология» используются труды представителей ведущих школ судебной лингвистики России: Московской школы лингвокриминалистики (Галяшина Е. И., Баранов А. Н.), Сибирской школы юрислингвистики (Голев Н. Д., Бринев К. И.), Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» и правовой академии (Баранов В. М., Александрова А. С.). В конечном итоге, выбор материала для заданий активизирует интегративные компетенции выпускников.

Итак, при подготовке высококвалифицированных кадров нового поколения, востребованных в поликультурном обществе, необходимы новые формы организации учебного процесса, успешно реализуемые магистерской программой «Профессиональная коммуникация в кросскультурной среде». Важное место в образовательной программе занимает «Лингвоэкспертология» как дисциплина, обеспечивающая глубокую теоретическую подготовку и профессиональные экспертные навыки в сфере проведения лингвистической экспертизы. Использование указанных лингвистических и профессиональных аспектов нацелено на получение специально оформленных результатов исследования языковых данных, которые используются как во многих областях юрислингвистики, так и за ее пределами.

Список использованных источников

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: монография / А. Н. Баранов – Москва : Флинта, Наука, 2018. – 591с.
2. Бринев, К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев – Москва : Флинта, Наука, 2017. – 297 с.
3. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание: монография / А. Вежбицкая ; перевод с английского, ответственный редактор М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой – Москва : Русские словари, 1996 – 412 с.
4. Сергеева, Ю. М. Конвергенция профессионального и лингвистического образования в высшей школе (на примере образовательной программы «Профессиональная коммуникация в кросскультурной среде») / Ю. М. Сергеева // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 3–1. – С. 103–112.

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Л. А. Иванова¹, Е. Л. Лукомская²,

*¹кандидат филолог. наук, доцент кафедры иностранных языков
Российского технологического университета – МИРЭА (МИТХТ им.
М. В. Ломоносова), Москва, Россия*

*²старший преподаватель кафедры международной коммуникации
факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва,
Россия*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования грамматической компетенции при обучении студентов неязыковых вузов иностранному языку. Раскрываются основные этапы работы с грамматическим материалом. Анализируется технология формирования грамматических навыков. Представлены типы упражнений, направленных на развитие грамматических навыков и умений.

Ключевые слова: грамматическая компетенция, обучение иностранному языку, навыки и умения, система упражнений.

Summary. The article deals with the problem of formation of grammatical foreign language competence of students in non-linguistic universities. The main stages of working with the grammatical material are presented. Grammar skills formation is analysed. Types of exercises to develop grammar skills are given.

Key words: grammatical competence, foreign language training, skills, system of exercises.

Компетентностный подход к обучению является одним из главных направлений модернизации и совершенствования высшего образования.

В науковедении компетентность рассматривают как «интегративную личностную характеристику, представляющую собой совокупность ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений и навыков, готовности и способности, обуславливающих формирование опыта эффективной деятельности в ситуациях реальной действительности» [5, с. 59].

Целевая задача обучения в неязыковом вузе заключается в формировании коммуникативной компетентности студентов, представляющей собой комплексное свойство личности, характеризующееся степенью включенности в коммуникативную деятельность и определяющее качество этой деятельности. Онтогенез данной компетентности предполагает наличие у студентов умения использовать иностранный язык для достижения конкретных коммуникативных целей в различных ситуациях общения, т.е. становление коммуникативной компетенции как содержательного компонента вышеуказанной способности. Формирование и успешное развитие иноязычной коммуникативной компетенции невозможно без сформированности всех её базовых компонентов, одним из которых является грамматическая компетенция.

Существенный вклад в разработку проблем обучения грамматическому аспекту языка и формирования грамматической компетенции внесли как

отечественные (Н. И. Гез, Е. И. Пассов, И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, А. А. Миролюбов, С. Ф. Шатилов, Е. А. Рублёва, М. В. Лебедева, Р. П. Мильруд, Л. И. Карпова, С. В. Мерзляков, Е. И. Вовк, И. В. Рахманов, И. В. Чернецкая, Б. А. Лapidус, Ю. А. Ситнов, О. С. Якимчук, Н. А. Кафтайлова и др.), так и зарубежные (N. Chomsky, J. M. Grevisse, D. N. Hymes, R. Langacker, J. Dubois, S. J. Savignon, P. Byrd, G. Lock, M. A. K. Halliday, M. Celce-Murcia и др.) исследователи.

В современной лингводидактике сложилось достаточно устойчивое понимание грамматической компетенции, которая определяется как готовность и способность индивида к коммуникативно-целесообразному и ситуативно-адекватному использованию иноязычных грамматических знаний, навыков и умений в целях адекватной реализации своего речевого поведения на данном иностранном языке в процессе общения [3, с. 50].

Глобальные трансформации, происходящие в мире, содействовали выработке и становлению качественно иной парадигмы языкового образования, созданию нового лингвокультурологического кода, обеспечивающих общение на иностранном языке представителей различных культур и сообществ. Отметим, что с позиций межкультурного подхода грамматическая компетенция может рассматриваться как способность коммуниканта понимать и формулировать в ходе межкультурной интеракции смысл высказывания на основе осуществления когнитивной деятельности по выявлению специфики грамматических форм выражения национально-культурных концептов, присущих иной и родной картинам мира.

Методика формирования иноязычной коммуникативной компетенции строится с учётом конститутивных дидактических принципов, среди которых необходимо упомянуть следующие:

- принцип коммуникативного подхода к отбору, организации и тренировке материала;
- принцип учёта когнитивных процессов овладения материалом;
- принцип функциональности, заключающийся в показе функции данного явления в речи, в предложении, а не только его места в системе языка;
- структурно-тематический принцип организации грамматического материала, использование речевого образца как единицы обучения, связь «грамматической» и «коммуникативной» тем занятия;
- принцип ситуативности, предполагающий демонстрацию грамматического явления в типичной коммуникативной ситуации и его последующую тренировку в условно-речевых ситуативных упражнениях;
- принцип дифференцированного подхода к обучению грамматике;
- принцип учёта межъязыковой и внутриязыковой интерференции.

Грамматическая компетенция, как многокомпонентное явление, предполагает владение определёнными знаниями, навыками и умениями, а также наличие способности к выполнению речевой деятельности средствами иностранного языка.

В научной литературе подчёркивается, что знания, необходимые при формировании грамматической компетенции, должны быть составной частью общей базы знаний, которой овладевают студенты в процессе обучения и которая является подвижной саморегулирующей системой, изменяющейся на

основе новых данных. В состав общей базы знаний входят языковые, неязыковые и фоновые знания. Вышеназванные компоненты базы знаний, выступая комплексно, являются условием успешного обучения грамматическому аспекту общения, которое основывается на двух типах механизмов: коммуникативных и когнитивных. Первый компонент способствует овладению речевой деятельностью, второй – важнейшему процессу познавательной деятельности человека – концептуализации. Процесс концептуализации заключается в осмыслении входящей информации и приводит к образованию концептов (квантов структурного знания) в сознании человека [6, с. 116].

Лингводидакты сходятся во мнении, что овладение грамматической компетенцией может осуществляться с использованием двух основных образовательных технологий, а именно:

- эксплицитно (через осознанное, целенаправленное, системное обучение в процессе решения проблемных задач) или

- имплицитно (на основе бихевиористского подхода, через непровольное, интуитивное обучение, в процессе реальной, естественной коммуникации).

В процессе формирования грамматической компетенции важным становится приобретение обучающимися грамматических навыков, понимаемых как автоматизированные компоненты речевой деятельности, психофизиологическую основу которых составляют речевые стереотипы, формирующиеся и функционирующие в результате пользования речью, т.е. в процессе приобретения человеком индивидуального речевого опыта. Иными словами, это синтезированные действия, обеспечивающие адекватное морфолого-синтаксическое оформление речевой единицы любого уровня речи. С позиций психолингвистики «грамматический навык есть приобретённая способность к категоризации чувственного опыта индивида, т.е. соотнесение речевого замысла с системой грамматических значений, а последних – с организованным выбором (парадигмой) средств её выражения [1, с. 71].

Процессуальная модель формирования грамматических навыков включает в себя несколько последовательных этапов: 1) восприятие (ознакомление с грамматическим явлением); 2) имитация; 3) подстановка; 4) трансформация грамматического явления; 5) репродукция; 6) комбинирование [4, с. 103].

Восприятие заключается в предваряющем слушании для формирования динамического стереотипа, который является основой формирования грамматического навыка. Восприятие той или иной грамматической модели должно происходить посредством презентации, цель которой состоит в демонстрации модели в действии, т.е. её функционировании в речи. Имитация предполагает повторение грамматической формы без структурного изменения для выполнения речевой задачи с обязательной опорой на образец. Подстановка заключается в том, что обучающийся уже самостоятельно подставляет в одну и ту же грамматическую модель различные лексические единицы. Трансформация означает изменение усваиваемой грамматической формы в соответствии с речевой задачей и нормами иностранного языка. Изменение может касаться порядка слов, времени глагола, числа существительного и т.п. Репродукция строится на том, что обучающийся самостоятельно воспроизводит те

грамматические формы, которые были усвоены в предыдущих упражнениях. Комбинирование предполагает целенаправленное «сталкивание» усвоенной на вышеперечисленных этапах грамматической модели с другими, которые обучающиеся уже ранее усвоили.

Наряду со знаниями и навыками структуру грамматической компетенции составляют также и определенные умения. К ним можно отнести: 1) металингвистические умения, обеспечивающие активное использование иностранного языка; 2) общеучебные умения в состав которых входят: а) конструктивные умения, связанные с отбором и организацией учебного материала; б) организаторские умения, имеющие отношение к организации деятельности; в) гносеологические или исследовательские умения; 3) риторические умения, обеспечивающие иноязычное общение в различных ситуациях.

Любая способность развивается в процессе деятельности её упражняющей. Упражнение, являясь структурной единицей методической организации учебного материала, используемого в образовательном процессе, выступает фундаментом, на котором происходит становление и дальнейшее совершенствование навыков и умений [2, с. 145].

По определению С.Ф. Шатилова, упражнением является специально организованное в учебных условиях одно- или многократное выполнение отдельной или ряда операций либо действий речевого или языкового характера [7, с. 113].

Глубокое осмысление проблемы позволило исследователям разработать требования, которые необходимо соблюдать при создании системы упражнений, направленной на усвоение студентами грамматического строя изучаемого языка.

Упражнения должны составлять определенную систему, предполагающую повторяемость действий при постепенном возрастании трудностей; быть ситуативными и коммуникативно – мотивированными; способствовать созданию прочных грамматических связей, поэтому они должны стимулировать употребление тренируемого явления в устной речи при выражении собственной мысли обучающихся; создавать определенную гибкость речевых связей, для чего они должны быть вариативными; быть разнообразными; количество упражнений должно быть достаточно велико для того, чтобы заложить правильное употребление грамматических явлений в речи.

В отечественной лингводидактике неоднократно предпринимались попытки упорядочить в систему упражнения в зависимости от цели, объекта действия, характера формируемых знаний, способа и условий выполнения.

В методической литературе принято выделять три основных типа упражнений: языковые, условно-речевые и речевые.

Языковые (некоммуникативные) упражнения представляют собой тип упражнений, предполагающий анализ, тренировку и автоматизацию языковых явлений вне речевой деятельности. Они играют значимую роль при осмыслении и усвоении формы знания, сферы употребления грамматического языкового материала.

Условно-речевые (условно-коммуникативные) упражнения характеризуются наличием речевой задачи, ситуативной отнесенности фраз, заданности речевой деятельности, т.е. они предназначены для тренировки

языкового материала в рамках учебной (условной) коммуникации, имитирующей естественную.

Речевые (подлинно-коммуникативные) упражнения нацелены на осуществление коммуникативной функции иностранного языка. Речевые упражнения – это творческие, речемыслительные упражнения, побуждающие учащихся наиболее полно использовать изученный языковой материал как средство коммуникации, иными словами, это упражнения, которые решают задачи, характерные для естественной речевой деятельности.

Как известно, основными этапами работы над грамматическим материалом являются:

- этап презентации и объяснения нового грамматического явления и первичного выполнения грамматического действия (этап формирования механизмов использования языковых явлений);

- этап формирования речевых грамматических навыков;

- этап использования грамматического явления в различных видах и формах речи (этап формирования речевых умений).

Думается, что на этапе ознакомления с грамматическим явлением приоритетным является выполнение языковых (тренировочных) упражнений, направленных на запоминание и стереотипизацию формы, в эту группу входят:

- упражнения с проблемно-поисковыми заданиями, материалом которых является микротекст (или предложение). Они используются для показа роли и назначения изучаемых грамматических форм и структур в речи, а также для формирования в долговременной памяти учащихся образцов изучаемых явлений в опознании конкретного явления на основе выделения его формальных признаков;

- упражнения в воспроизведении изучаемых языковых явлений с целью овладения операционной структурой грамматических действий, необходимых для выражения мысли на изучаемом языке. Такие упражнения содержат изолированные единицы (без контекста) или отдельные предложения и включают задания воссоздать пропущенные части данного языкового явления или составить его из разрозненных частей;

- переводные упражнения, используемые в целях формирования умения переключаться с одного языка на другой.

Этап формирования речевого грамматического навыка предполагает развитие навыка относительно точного воспроизведения изученного явления в типичных для его функционирования речевых ситуациях и развитие его гибкости за счёт варьирования условий общения, требующих адекватного грамматического оформления высказывания.

На этом этапе рекомендуется выполнять условно-речевые упражнения, т.е. упражнения, формирующие и развивающие речевые навыки, имеющие коммуникативную задачу, на заданную форму высказывания. К ним относятся:

- имитативные, при выполнении которых учащиеся должны ориентироваться на заданную модель: они получают готовые формы и употребляют их в соответствии с речевыми ситуациями;

- постановочные, в которых обучающиеся должны дать другое лексическое наполнение осваиваемой конструкции, подставить другую лексическую единицу в обрабатываемую структуру;

- трансформационные, предполагающие определенную трансформацию предложения или реплики преподавателя, что выражается в изменении порядка слов, времени глагола, лица, падеже или числа существительного и т.п.;
- репродуктивные, означающие воспроизведение (самостоятельную репродукцию) в репликах учащихся тех форм, которые усвоены в предыдущих упражнениях,

Современное профессионально ориентированное обучение иностранному языку предполагает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных личностно-профессиональных сферах и ситуациях. Особая роль в этом процессе отводится сформированности иноязычной грамматической компетентности, способствующей реализации межкультурного общения. Принимая во внимание тот факт, что критерием усвоения того или иного грамматического явления выступает достижение конкретного результата при выполнении определенной коммуникативной задачи, следует подчеркнуть, что активизация грамматических структур должна осуществляться в коммуникативном контексте, в содержательно значимых для студентов заданиях. На этом этапе упражнения становятся подлинно коммуникативными, направленными на решение определенных проблем и творческих задач. Речевые (подлинно коммуникативные) упражнения развивают способность осуществлять речевое действие наиболее оптимальным образом.

Методологи выделяют ряд типологических признаков, характерных для речевых упражнений. Речевое упражнение есть форма общения, специально организованная таким образом, что обеспечивает управляемый выбор стратегии говорящего, актуализирует взаимоотношения участников общения, вызывает их активность и естественную мотивированность речевой деятельности, воспитывает самостоятельность и продуктивность речевого умения.

Речевые упражнения включают следующие виды: вопросно-ответные, репликовые, дискуссионные, круглые столы, завершение предложений/текстов, реконструкция текста, создание текста, ролевые игры, задания на беседу по содержанию графиков/схем/иллюстраций, различные варианты пересказа содержания текста (работа в парах, пересказ по цепочке и т.д.), создание проектов оригинальных историй по заданной теме с последующим обсуждением в группе и т.п.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что процессы международной интеграции повлекли за собой реформирование и модернизацию системы высшего профессионального образования. В современных условиях владение иностранным языком рассматривается как одно из важнейших социальных умений специалиста. В этой связи конечной целью обучения иностранному языку в неязыковом вузе следует считать овладение студентами иноязычной коммуникативной компетенцией. Ведущее место в процессе достижения этой цели занимает языковая (лингвистическая) компетенция и одна из её обязательных и существенно важных составляющих – грамматическая компетенция.

Формирование иноязычной грамматической компетенции сводится к созданию умения применять грамматические средства языка, опираясь на знание принципов, управляющих сочетанием лексических элементов в значимые фразы, т.е. умения как понимать и распознавать грамотно сформулированные

предложения говорящего, так и выражать свои собственные мысли в процессе производства речи, используя систему грамматических правил данного языка.

Таким образом, можно считать установленным, что обучение грамматическому оформлению речевого высказывания является одним из неперенных и обязательных условий практического овладения иностранным языком, и, следовательно, реализации полноценной иноязычной коммуникации, осуществляемой на разных уровнях, в том числе и профессиональном.

Список использованных источников

1. Горчев, А. Ю. Объекты, уровни и приёмы контроля / А. Ю. Горчев // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 6. – С.68–72.
2. Иванова, Л. А. Некоторые аспекты профессионально-ориентированной иноязычной лексической компетенции / Л. А. Иванова, Т. А. Кравченко // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2021. – № 1(19) – С.140–150.
3. Мерзляков, С. В. Место и роль формирования грамматической компетенции при автономном обучении иностранному языку / С. В. Мерзляков // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4
4. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – Москва : Просвещение, 1991. – 223 с.
5. Рыбина, И. Р. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей компетентности учащихся на уроке : дис. ... канд. пед. наук. – Орёл, 2011. – 199 с.
6. Рябцева, О. М. Формирование грамматической составляющей иноязычной коммуникативной компетенции / О. М. Рябцева // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2010. – № 10. –Том 111.
7. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе : учебное пособие для студ. пед. ин-тов / С. Ф. Шатилов. – Москва : Просвещение, 1986. – 223 с.

УДК 372.881.1+004

ПЛАТФОРМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ: АЛЬТЕРНАТИВЫ MOODLE И ДРУГИМ ЗАРУБЕЖНЫМ СДО

В. Ю. Ильина¹, Ю. М. Кукушкин²,

*¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
№1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²обучающийся 3 курса Таврического колледжа (сп) ФГАОУ ВО «КФУ им.
В. И. Вернадского», направления подготовки «Компьютерные системы и
комплексы», г. Симферополь*

Аннотация. Цифровизация образования, переход вузов на дистанционный и смешанный режимы работы требуют поиска системы дистанционного обучения (СДО) для качественной и эффективной реализации учебного процесса. В современной политической ситуации, когда санкционные ограничения могут

парализовать работу вузов, использующих зарубежные программные продукты, переход на российские дистанционные платформы приобретает особую актуальность. Целью статьи является отбор отечественных СДО как равноценной альтернативы Moodle и другим зарубежным системам. Методика исследования включает теоретические научные методы: дедукцию, анализ, в том числе сравнительный анализ, и синтез. В результате исследования были выбраны три российские СДО, которые могут служить полноценной альтернативой зарубежным.

Ключевые слова: система дистанционного обучения (СДО), платформа дистанционного обучения, российское программное обеспечение (ПО), критерии выбора СДО, российские вузы, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Summary. The shift towards digitalization, transition to distance and blended learning pose a challenge to choose a powerful distance learning system (DLS) for universities in Russia. In the current political situation sanctions may halt the academic process in the universities that use foreign software. There arises an urgent need for Russian distance learning platforms. The aim of the paper is to select Russian DLSs that can replace Moodle and other foreign platforms. The research methodology involved theoretical scientific methods: deduction, analysis, including comparative analysis, and synthesis. The findings suggest that at least three Russian DSLs can be credible alternatives to foreign ones.

Key words: distance learning system (DLS), distance learning platform (DLP), Russian software, DSL selection criteria, Russian institutions of higher learning, information and communication technologies (ICT).

В период пандемии вузы переходят на дистанционный формат обучения (ДО), который требует поиска цифровых инструментов, наиболее полно отвечающих требованиям образовательного процесса. Социальная сеть «В контакте», мессенджеры Viber, WhatsApp, Telegram, имея иное предназначение, не способны обеспечить функционал, необходимый для реализации качественного учебного процесса в вузе. Программы для общения в интернете Skype, Discord, BigBlueButton, действительно, позволяют успешно проводить занятия в дистанционном формате, поскольку имеют функции демонстрации экрана, делегирования права голоса и ведения стрима, текстовое и голосовое взаимодействие, однако на их базе невозможно вести электронный журнал, отслеживать время посещения и активность участников, вести календарь событий с напоминанием о важных отчётных уроках, осуществлять формирование портфолио работ обучающихся, составлять тесты и проводить тестирование с автоматической проверкой. Поскольку переход на дистанционный и смешанный форматы работы вузов становится не временной мерой на период карантина, а привычным режимом работы в современных эпидемиологических условиях, возникает необходимость поиска надёжной системы дистанционного обучения (СДО), способной обеспечить стабильность учебного процесса, его организацию и администрирование.

В последнее время в связи с обострением внешнеполитической ситуации и санкционных угроз, при выборе платформы для осуществления образовательной деятельности в дистанционном режиме российским вузам важно учитывать требование национальной и информационной безопасности. Google classroom,

которая перестала работать в Крыму в связи с введёнными санкционными ограничениями – пример того, как учебные заведения могут в одночасье утратить доступ к контенту и возможность осуществлять учебную деятельность дистанционно.

Для размещения образовательного контента, планирования, организации и администрирования учебного процесса, следовательно, рационально было бы выбирать программное обеспечение от российских разработчиков. В связи с этим, возникает необходимость изучить российские системы дистанционного обучения (СДО) с целью выбора вариантов, максимально удовлетворяющих требованиям вузов и цифровизации обучения.

Самой популярной платформой для осуществления учебного процесса в дистанционном формате в мире на сегодняшний день является Moodle с 118 миллионами пользователей [2]; крупные российские вузы также размещают свой образовательный контент на данной СДО [6].

Крымский федеральный университет в настоящее время также использует Moodle для проведения занятий дистанционно. Эта платформа, действительно, обладает большим потенциалом и широким набором функций, имеет открытый исходный код, что позволяет дорабатывать её под нужды вуза, но чрезвычайно сложна в настройке и управлении (имеет 38 настраиваемых плагинов). Попытки настроить систему своими силами без привлечения технических экспертов и педагогов приводят к частым сбоям в работе, нехватке функционала (например, в КФУ это отсутствие электронной доски, невозможность разделить студентов по академическим группам, вести электронный журнал, осуществлять оперативную обратную связь, информировать об отчетных занятиях, экспортировать вопросы тестовых заданий из одного теста в другой и т.д.), ошибкам прав доступа и ролей (прав студентов записаться на курс, прав преподавателя курса демонстрировать свой экран во время проведения занятия в BigBlueButton и др.).

Кроме того, что, штатная численность технического персонала вузов невелика и ресурсы ограничены, педагогические кадры высшей категории также не готовы столкнуться с вызовами дистанционного обучения. По результатам опроса, преподаватели российских вузов оценивают свои навыки работы с СДО на 3,2 балла из 5 [5]. Возможным выходом из ситуации могли бы стать профессиональные решения, предлагаемые российской компанией «Открытые технологии», разработавшей «Русский Moodle 3К» на основе базовой версии Moodle [9], которая предлагает услуги по установке, внедрению, технической поддержке и сопровождению системы.

Однако, в современной политической ситуации сложно предсказать, какие санкционные ограничения могут быть применены нашими зарубежными партнёрами, а СДО Moodle не является российским продуктом – она создана и поддерживается международной командой разработчиков под руководством австралийского фонда [1], поэтому инвестиции в развитие Moodle как платформы ДО в России не имеют под собой гарантий.

Наряду с популярной Moodle, по данным Центра дистанционного образования в России, отечественные вузы используют также зарубежные СДО: ATUtor, Eliademy, OLAT, ILIAS, Opigno, и др., а также российские программные продукты: iSpringLearn, eLearningServer, Diskurs [10].

Мы провели анализ рынка российских программных продуктов для реализации дистанционного обучения и систем управления обучением [7, 8], что позволило добавить к списку популярных российских СДО ещё несколько платформ: InStudy, Modeus, Эквио, eLearningServer, eTutorium, EduTerra.PRO, Mirapolis.

Среди основных критериев выбора платформы для проведения занятий в дистанционном формате выделяют следующие категории: удобство и функционал администрирования, взаимодействие с пользователями, возможности пользователей, наличие элементов геймификации, требования о защите данных, техподдержка [3].

При переводе обучения в дистанционный формат необходимо помнить, что технологии призваны не заместить традиционное обучение, а расширить его возможности и функции, трансформировать его. Рубен Пуэндетура, эксперт в области современных педагогических технологий [14], выделяет 2 основных сценария внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебный процесс: расширение и трансформацию.

Расширение предполагает только усиление каких-то составляющих учебного процесса, например замену традиционных технических средств обучения технологически-инновационными: задания пересылаются по электронной почте, учебники в цифровом формате заменяют традиционные бумажные копии, электронные тесты приходят на смену тестам на бумажных носителях, используется электронная доска вместо доски в аудитории, инфографика вместо плакатов. Иными словами, происходит подмена традиционных средств обучения электронными, но с точки зрения методики, формат остаётся неизменным, не реализована интерактивность обучения в той мере, которую могут обеспечить ИКТ. Трансформация, в свою очередь, предполагает модификацию и переосмысление всего педагогического процесса, использование форматов заданий, которые невозможно создать без технологий: заданий форматов веб-квест, проектов, портфолио, цифровых рассказов, игровых элементов, заданий с использованием виртуальной и дополненной реальности.

Несомненно, современная платформа дистанционного обучения должна поддерживать реализацию обоих сценариев модификации учебного процесса. Поэтому, в качестве важного критерия выбора СДО выделим также поддержку аудиальной и визуальной информации, графики, различных форм интерактивности, в том числе гипертекстовой, при которой в текст лекции могут помещаться упражнения и тесты на проверку усвоения материала, интерактивная инфографика, ссылки для перехода к другим материалам, в том числе в видео- и аудиоформатах.

Проведённый в 2020 году опрос среди профессорско-преподавательского состава вузов Российской Федерации выявил трудности, с которыми наиболее часто сталкивались педагоги при переходе на дистанционный режим работы [4]. Обращают на себя внимание трудности с получением необходимой технической помощи и консультаций (15,4 %), недостаточный уровень сформированности навыков работы с технологиями (28,1%), перебои в работе интернета и онлайн-сервисов (67,3%). Можно сделать вывод о том, что при выборе СДО важно также учитывать такие критерии как дружественный пользователю адаптивный

интерфейс, поддержка различных операционных систем, наличие мобильного приложения и возможность работы с системой в режиме офлайн в случае неустойчивого интернет-соединения.

Для крупных вузов также важно, чтобы платформа дистанционного обучения поддерживала иностранные языки для обеспечения доступа иностранных студентов к образовательному контенту. Следовательно, данный критерий тоже должен учитываться при выборе СДО.

По совокупности выделенных нами критериев был проведён анализ ранее отобранных российских систем дистанционного обучения: InStudy, Modeus, Эквио, eLearningServer, eTutorium, EduTerra.PRO, Mirapolis, iSpringLearn, и Diskurs. Изучив характеристики платформ, представленные на официальных сайтах и в обзорах, мы пришли к следующим выводам:

1. Платформа Diskurs – бесплатная, но имеет ограниченный функционал и не подходит для крупных высших учебных заведений.

2. iSpringLearn больше ориентирована на корпоративное обучение и бизнес, не включена в реестр российского программного обеспечения (ПО).

3. Mirapolis – платформа с 14-летним опытом работы, поддерживается Минцифры России, Российским фондом развития среднего и малого бизнеса, но больше ориентирована на обучение персонала компаний, чем на нужды вузов (для вузов важно наличие в программе модуля «электронный деканат»).

4. EduTerra.PRO – имеет скучный интерфейс официального сайта, поддерживает только русский язык.

5. eTutorium – поддерживает только русский язык и не включена в реестр российского ПО.

6. eLearningServer – соответствует выделенным критериям, кроме русского языка поддерживает английский и французский языки, входит в реестр российского ПО, но нет встроенного модуля видеоконференций, однако есть возможность использовать внешние.

7. Эквио – полностью соответствует всем критериям, входит в реестр российского ПО, поддерживает английский, немецкий и французский языки, способна работать без подключения к интернету в режиме офлайн, больше ориентирована на цели бизнеса, но благодаря широкому функционалу и набору модулей может быть настроена под нужды вуза.

8. Modeus – многофункциональная платформа с огромным функционалом и мощной технической поддержкой, по всем критериям отвечающая потребностям крупных вузов.

9. In Study – достойный конкурент СДО Modeus, включает конструктор курсов, электронно-библиотечную систему, лауреат премии «Цифровые вершины 2020».

По результатам анализа можно сделать вывод, что российские СДО Modeus [13], In Study [12] и Эквио [11] наилучшим образом удовлетворяют потребностям вузов в качественной, надёжной и функциональной платформе дистанционного обучения. Первые две разработаны для нужд учебных заведений, Эквио может быть настроена и для корпоративного обучения, и для академического. При этом большим преимуществом Эквио является способность работать в режиме офлайн. Для всех трёх платформ можно заказать

демонстрационную версию. Стоимость внедрения и обслуживания зависит от набора функций, численности обучающихся и других факторов.

В сложной политической ситуации, когда санкционные ограничения могут поставить под угрозу дистанционный учебный процесс в российских вузах, использующих зарубежные СДО, вопрос перехода на отечественные программные продукты является одним из приоритетных для обеспечения стабильной и безопасной работы. Российские дистанционные платформы не уступают зарубежным по функционалу и удобству использования.

Список использованных источников

1. Внедрение системы дистанционного обучения Moodle : [сайт]. – URL: <https://www.opentechnology.ru/products/moodle> (дата обращения: 28.02.2022).
2. Выбираем LMS. Обзор платформ для дистанционного обучения [Электронный ресурс]. – URL: <https://vc.ru/education/163205-vybiraem-lms-obzor-platform-dlya-distancionnogo-obucheniya> (дата обращения: 28.02.2022).
3. Дорохина А. LMS и СДО – в чём разница? [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-queo.com/blog/expertnie-stati/lms-i-sdo-v-chyom-raznitsa/> (дата обращения: 28.02.2022).
4. Интерфакс. Образование. Аналитика. Экстренный переход российских вузов на дистанционное обучение весной 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/bp6Mu> (дата обращения: 28.02.2022).
5. Интерфакс. Образование. Дистанционное обучение в экстремальных условиях [Электронный ресурс]. – URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/> (дата обращения: 28.02.2022).
6. Лучшие вузы России применяют Moodle [Электронный ресурс]. – URL: <https://distantplus.ru/luchshie-vuzy-rossii-primenjajut-moodle/> (дата обращения: 28.02.2022).
7. Онлайн-обучение в российских университетах [Электронный ресурс]. – URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/onlayn-obuchenie-v-rossiyskikh-universitetakh/> (дата обращения: 28.02.2022).
8. Системы дистанционного обучения (СДО) [Электронный ресурс]. – URL: <https://soware.ru/categories/distance-learning-systems> (дата обращения: 28.02.2022).
9. Среда электронного обучения 3KL Русский Moodle [Электронный ресурс]. – URL: <https://opentechnology.ru/products/russianmoodle> (дата обращения: 28.02.2022).
10. Топ-10 систем для организации дистанционного обучения [Электронный ресурс]. <https://vuz24.ru/news/o-distantsionnom-obrazovanii/top-10-sistem-dlya-organizacii-distancionnogo-obucheniya> (дата обращения: 28.02.2022).
11. Эквио: официальный сайт – URL: <https://e-queo.com/> (дата обращения: 28.02.2022). – Текст: электронный.
12. InStudy: официальный сайт – URL: <https://instudy.online/> (дата обращения: 28.02.2022). – Текст: электронный.
13. Modeus: официальный сайт – URL: <https://modeus.custis.ru/#modeus> (дата обращения: 28.02.2022). – Текст: электронный.

14. Ruben, R. Puentedura. SAMR (Substitution, augmentation, Modification, Redefinition): Moving from Enhancement to Transformation. – Access mode: <http://hippasus.com/blog/archives/95> (access date: 28.02.2022).

УДК 37.02

ПЛЮРИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЦЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. И. Ковригина,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
испанского языка, факультет иностранных языков и
регионоведения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. Основопологающим компонентом образования для устойчивого развития является воспитание определенной системы взглядов и представлений: уважительного отношения к многообразию мировых языков и культур, способности к быстрой адаптации своей речи исходя из условий коммуникации и стремления к совершенствованию своих знаний и умений на протяжении всей жизни. В качестве цели плюрилингвального языкового образования может рассматриваться совершенствование стратегий и навыков, необходимых для решения практических задач устойчивого развития. Объектом обучения становится не только иностранный язык и культура, но и социальные компетенции, метапредметные стратегии и когнитивные навыки высокого порядка. Переход к новой образовательной парадигме на основе принципа плюрилингвизма призван способствовать решению самых насущных проблем современного общества.

Ключевые слова: устойчивое развитие, языковое образование, плюрилингвальный подход, компетенции, стратегии, навыки.

Summary. The fundamental component of education for sustainable development is the acquisition of certain views and ideas: respectful attitude to the diversity of world languages and cultures, ability to quickly adapt one's speech style to the communication conditions, desire to improve knowledge and skills throughout life. We argue that the goal of plurilingual language education is the improvement of strategies and skills necessary to solve the practical aims of sustainable development. The object of learning is not only a foreign language and culture, but also social competencies, transversal skills and higher order thinking skills. The transition to a new educational paradigm based on the principle of plurilingualism is intended to help solving the most pressing problems of modern society.

Key words: sustainable development, language education, plurilingual approach, competencies, strategies, skills.

25 сентября 2015 года Генеральной ассамблей Организации Объединенных Наций принята резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой образованию уделена особая роль. Так, справедливое и качественное

образование на протяжении всей жизни, доступное для всех жителей планеты, выступает в качестве четвертой из семнадцати Целей устойчивого развития [2].

Согласно определению образования для устойчивого развития (ОУР), в качестве его основополагающего компонента выступает воспитание определенной системы взглядов и представлений, необходимых для содействия устойчивому развитию, «посредством обучения по вопросам устойчивого развития и устойчивого образа жизни, прав человека, гендерного равенства, пропаганды культуры мира и ненасилия, гражданства мира и осознания ценности культурного разнообразия и вклада культуры в устойчивое развитие» [2, с. 21].

На современном этапе развитие общества происходит в условиях интенсификации глобальных экономических и миграционных процессов, что не может не наложить свой отпечаток на содержание общественного заказа системе образования. Все острее ощущается необходимость формирования у изучающих иностранные языки толерантного и уважительного отношения к многообразию мировых языков и культур, способности к быстрой адаптации своей речи исходя из условий коммуникации и стремления к совершенствованию своих знаний и умений на протяжении всей жизни.

Необходимо акцентировать внимание на том, что в основе описанных выше общественных интересов и позиций безусловно лежат определенные потребности, способствующие комфортному и безопасному совместному существованию людей, что является обязательным условием развития общества. В настоящее время такими потребностями можно считать обеспечение тесных связей между государствами, поддержку интеграции страны в мировое образовательное и профессиональное пространство, развитие и поддержку многоязычия, снижение социальной и политической напряженности, воспитание толерантности, культуры взаимопонимания, эффективного и гармоничного сотрудничества, формирование культуры работы с информацией.

В связи с выдвинутыми требованиями в лингводидактике появилась концепция со-изучения нескольких языков и культур, которая получила множество наименований. Многоязычное (мультилингвальное, полилингвальное) образование ставит своей целью не только формирование лингвистической компетенции по каждому из изучаемых языков, но и получение систематических знаний о языках и национальных культурах, умения сопоставлять и сравнивать различные явления в них.

Согласно монографии Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка», говорить о существовании многоязычия (plurilingualism) можно только в поликультурном контексте (pluriculturalism), так как язык и культура неразделимы. Говоря о культуре, мы имеем в виду уникальную совокупность фрагментов мирового, национального, регионального и даже социального культурного наследия, характеризующих языковую личность. Все эти виды и фрагменты культур взаимодействуют друг с другом через рефлекссию, сравнение, противопоставление и образуют «обогащенную, интегрированную поликультурную компетенцию, частью которой является многоязычная компетенция» [1, с. 5–6]

Важно отметить, что концепция многоязычия и поликультурности, представленная в 2001 году в монографии Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка», не стала для российского лингводидактического сообщества принципиально новаторской идеей. В отечественной традиции уже существовала традиция многоязычного образования, которую было необходимо лишь дополнить для более успешной реализации национальной стратегии образования, в том числе в рамках движения за устойчивое развитие.

Таким дополнением стал плюрилингвальный подход, сфокусированный на пользе владения несколькими языками, включая родной, в когнитивном, психологическом и практическом (опытно-деятельностном) плане для успешной социальной адаптации индивида в глобализированном мире. Соответственно, можно говорить о том, что основанием для выделения плюрилингвального подхода в языковом образовании является принципиально новый объект обучения. В качестве такового предстает не язык и даже не совокупность двух и более иностранных языков и культур, но более широкий набор компетенций, позволяющий плюрилингву гибко и эффективно выбирать стратегии, необходимые для выполнения коммуникативной задачи. Акцент в преподавании делается на активизации сравнительно-сопоставительного компонента обучения, выстраивании связей между языками для получения системных лингвистических знаний, повышения уровня сознательного понимания функционирования языковых явлений (*language awareness*), а также для освоения металингвистических и метакогнитивных стратегий. В задачу преподавателя также входит показать ученику, как применять свой языковой репертуар в жизни и как проводить самостоятельную работу над его расширением и развитием, т.е. развитие учебных стратегий, формирование навыков работы с информацией.

Плюрилингвальный принцип изучения иностранных языков также предполагает, что языковая личность, формирующаяся в результате овладения несколькими языками (как иностранными, так и родным), может решать свои коммуникативные задачи, привлекая к этому все имеющиеся знания языкового материала и/или речевые умения одновременно. Таким образом формируется единая база коммуникативного опыта плюрилингвальной языковой личности, в которой все языки взаимодействуют и используются (язык семейного общения, язык, на котором ведется обучение в школе и вузе, язык профессиональной деятельности, язык, изученный по личным мотивам, официальный язык региона проживания и т.д.). Безусловно, подобные условия интеллектуального развития ребенка будут в первую очередь способствовать формированию гибкости интеллекта. В различных коммуникативных ситуациях говорящий-плюрилингв будет прибегать к различным частям своего коммуникативного опыта в зависимости от ситуации общения для достижения успеха с конкретным собеседником, извлечения информации из определенного источника, получения удовольствия от досуговой деятельности в виде чтения или прослушивания определенного текста и т.д.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что в качестве цели языкового образования на основе плюрилингвального подхода может рассматриваться совершенствование или расширение набора стратегий и навыков, необходимых для решения практических задач реальной жизни.

Объектом обучения становится не только иностранный язык, но и социальные компетенции, когнитивные навыки высокого порядка. В поддержку данной идеи высказываются и методисты Совета Европы. Прделанный ими анализ показал, что плюрилингвальное обучение способствует более глубокому пониманию механизмов языка и коммуникации, а также развитию метакогнитивных стратегий, что помогает участнику социального взаимодействия лучше понимать и контролировать так называемые «спонтанные» способы решения различных задач [1, с. 132].

Следует отметить преимущества использования плюрилингвального подхода в высшем образовании в контексте подготовки будущих профессиональных лингвистов. Упор на развитие сквозных компетенций и «гибких» навыков соответствует целевой установке ОУР и традиционным принципам фундаментальности и гуманистической направленности университетского обучения по гуманитарным специальностям, а также отражает многогранность и многоаспектность профессиональной деятельности лингвиста, будучи напрямую связанным с принципом междисциплинарности, декларируемым в стратегии ОУР [3].

Необходимым условием успешного достижения Целей устойчивого развития в области образования является понимание и поддержка этих целей со стороны общества и профессионального сообщества. Наша страна находится на нелегком пути создания единой системы непрерывного образования, направленного на изменение самосознания человека, формирование ответственного отношения к себе самому и к окружающей действительности на основе целого комплекса фундаментальных знаний, практических умений, нравственных и этико-аксиологических установок. При этом важно преодолевать недостатки «клипового» мышления, типичные для современных молодых людей, развивая навыки критического и творческого мышления, глобальные компетенции, связанные с здоровым, плодотворным, эффективным и включенным существованием в новом мире, в особенности «гибкие навыки», метапредметные компетенции и метакогнитивные стратегии. В таком ключе правомерно утверждать, что переход к новой образовательной парадигме на основе принципа плюрилингвизма призван способствовать решению самых насущных проблем современного общества.

Список использованных источников

1. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М.: МГЛУ (русская версия), 2003. 256 с.
2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.
3. Kovrigina A. FSES HE 3++ educational standard through the prism of the concept of “Education for sustainable development” // SHS Web of Conf., 94 (2021) 02006. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219402006>.

УДК 372.881.1

МЕТОД СО-TEACHING В ВЕДЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ ESP В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

А. А. Опрышко,

кандидат педагогических наук, доцент Института компьютерных технологий и информационной безопасности ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Таганрог

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения приема co-teaching в обучении студентов иностранному языку для специальных целей в вузах. Дается определение метода co-teaching и определяется его место в учебном процессе. Также рассматриваются роли преподавателей, основного и преподавателя помощника, в обучении студентов технических вузов.

Ключевые слова: co-teaching, ESP, обучение, студенты.

Summary. The article discusses the possibility of using the co-teaching method in teaching students a foreign language for special purposes in higher institutions. It also defines the co-teaching method itself and its place in the educational process. The roles of teachers, leading and assistant teachers, in teaching students of technical universities are also considered.

Key words: co-teaching, ESP, education, students.

В современном мире образовательные системы характеризуются динамичностью преобразований и появлением новых технологий, подходов, методов и приемов в обучении. Поиск и выработка новых приемов и методов обучения, нацеленных на повышение эффективности и качества образования, позволяют не только улучшать процесс обучения, но и расширяют возможности образовательных систем в обеспечении доступности образования и образовательной среды. Появление такого приема как co-teaching в первую очередь было направлено на обеспечение доступности образования, а во вторую очередь стало средством повышения эффективности обучения в целом.

Co-teaching или совместное обучение, также называемое team-teaching или командное обучение, представляет собой метод обучения, который объединяет двух учителей с равным статусом для создания учебного сообщества с совместным планированием, обучением и оценкой учащихся [2, с. 46-51; 3, с. 491-506].

Co-teaching как прием в обучении возник в США и начал набирать популярность и в Америке и за рубежом с конца 20-го века [6, с. 12-20]. На распространение данного приема в обучении прежде всего повлияло принятие законов, направленных на обеспечение доступности образования [7, с. 22–29]. В связи с этим большая часть исследований посвящена сочетанию учителя-помощника с учителем общего образования в условиях “инклюзии” для удовлетворения индивидуальных потребностей различных групп учащихся [5].

Рассматривая научно-исследовательские работы, посвященные использованию метода co-teaching в различных типах образовательных учреждений, можно выделить две категории в рамках которых применяется этот метод. Первый – это категория самих студентов. Co-teaching чаще всего внедряется в учебный процесс при обучении двух видов учащихся: учащиеся – будущие учителя и учащиеся с ограниченными возможностями. Второе направление – это предметная область. Иностранный язык – это такая дисциплина, которая требует от преподавателя не только знаний о языке, его

грамматических и лексических основах, но и владения им на достаточно высоком уровне. Для преподавателей, не носителей языка, такое требование является сложно выполнимым в условиях недостатка практики речи и общения с носителями языка. Многие исследования показывают, что занятия, проводимые совместно с носителем языка, могут повысить уровень общения на иностранном языке у учащихся, а сам преподаватель может служить как лингвистический и культурный справочник и ресурс [1, с. 19–23]. Тогда как преподаватель, не носитель языка, может более детально и понятнее, исходя из менталитета обучающихся, объяснить грамматические и лексические явления и структуры в языке. Такая совместная коллаборация показывает свою эффективность в обучении. Однако, вполне очевидно, что в современных условиях далеко не каждое образовательное учреждение может позволить себе найти и привлечь к преподаванию дисциплины «иностранное языки» носителя языка.

В условиях преподавания иностранного языка для специальных целей (ESP) роль носителя языка, помощника, могут играть постдоки с разных стран, для которых этот иностранный язык хотя и не является родным, но достаточно знаком, исходя из их опыта чтения профильных лекций, изучения статей, научного общения с коллегами на иностранном языке. Таким образом, с точки зрения их ориентированности не только в области специфических знаний в науке, но и в профессиональной лексике, они способны восполнить вполне понятный пробел у основного преподавателя в научных знаниях и в специфической лексике. Помимо постдоков можно привлекать к такому виду деятельности и преподавателей профильных дисциплин, владеющих иностранным языком.

Существуют различные модели совместного обучения. Какую модель использовать, во многом зависит от целей обучения [4]:

- Один преподает, другой помогает: один учитель ведет обучение, в то время как другой оказывает поддержку учащимся, которые нуждаются в дополнительной помощи, наблюдает и помогает управлять группой обучающихся.
- Параллельное обучение: преподаватели совместно планируют занятие, но каждый преподает одну и ту же информацию разным половинам класса в одно и то же время.
- Альтернативное преподавание: один преподаватель руководит большей частью класса, в то время как другой преподаватель работает с небольшой группой внутри или за пределами класса.
- Командное обучение: оба преподавателя отвечают за планирование и совместно обучают всех учащихся. Уроки проводятся обоими преподавателями, которые активно участвуют в беседе, а не читают лекции, чтобы стимулировать обсуждение студентами.

Первая модель co-teaching является приоритетной в достижении поставленных задач перед преподавателями иностранного языка для специальных целей в технических вузах. Опыт применения данного метода показывает эффективность в сравнении с обычными занятиями по иностранному языку.

Список использованных источников

1. Barratt, L. Native-English-Speaking teachers in cultures other than their own / L. Barratt, E. Kontra // TESOL Journal. – 2000. – P. 19–23.
2. Bouck, E. Coteaching . . . Not just a textbook term: Implications for practice. Preventing School Failure [Electronic Resource] / E. Bouck. – 2007. – Access mode: Retrieved from <https://www.dentonisd.org/cms/lib/tx21000245/centricity/Domain/900/CoTeachNotJustTextbook.pdf> <https://doi.org/10.3200/PSFL.51.2.46-51>.
3. Crow, J. Coteaching in higher education: Reflexive conversation on shared experience as continued professional development for lecturers and health and social care students / J. Crow, L. Smith // Reflective Practice, Department of Education & Training. – 2005. – P. 491–506. – Access mode: <https://doi.org/10.1080/14623940500300582>.
4. Friend, M. Interactions: Collaboration skills for school professionals / M. Friend, L. Cook // White Plains : Longman. – 1996.
5. King, A. H. Synchronizing and amending: A conversation analytic account of the “Co-ness” in co-teaching Linguistics and Education / Allie Hope King. – Vol. 67. – 2022. – Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.linged.2022.101015>.
6. Kloo, A. Coteaching revisited: Redrawing the blueprint. Preventing School Failure / A. Kloo, N. Zigmund. – №. 52(2). – 2008. – P. 12–20.
7. Sweigart, C. A. The impact of number of adults on instruction: Implications for co-teaching. Preventing School Failure / C. A. Sweigart, T. J. Landrum. – №. 59(1). – 2015. – P. 22–29. – Access mode: <https://doi.org/10.1080/1045988X.2014.919139>.

УДК 372.881.1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Н. А. Хлыбова¹, И. В. Томичева², И. В. Гиренко³

*¹кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
иностранных языков № 2, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры романской и классической
филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*³старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В современных условиях межкультурная компетентность становится одним из приоритетов в области языкового обучения. В данной статье осуществлена попытка проанализировать и обобщить важность и эффективность межкультурного навыка при работе с литературным текстом.

Несмотря на то, что в учебниках по иностранному языку акцентируется большое внимание на литературе и литературном тексте, в методических и учебных пособиях для преподавателей уделяется незначительное внимание межкультурной компетентности при анализе отрывков зарубежной поэзии или прозы.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, художественный текст, учебные пособия, иностранный язык, межкультурный подход в обучении.

Summary. In modern conditions, intercultural competence is becoming one of the priorities in the field of language learning. This article attempts to analyze and summarize the importance and effectiveness of cross-cultural skills when working with a literary text. Despite the fact that foreign language textbooks focus a lot on literature and literary text, methodological and teaching aids for teachers pay little attention to intercultural competence when analyzing passages of foreign poetry or prose.

Key words: intercultural interaction, literary text, textbooks, foreign language, intercultural approach in teaching.

В последние годы термин «межкультурность» широко применяется в языковой дидактике. Во многих лингвистических учебных пособиях и публикациях этот термин рассматривается и перерабатывается во всех смыслах, что свидетельствует о растущем интересе преподавателей к этой теме. Эта реальность не удивляет и кажется логичной, учитывая современную ситуацию в мире. Новый гражданин мира должен отличаться от своего предшественника, т.к. он активно взаимодействует с людьми разных национальностей. Культурный контекст играет важную роль. Сопоставление культур неизбежно, культурное образование становится крайне необходимым для современного человека. Языковое обучение представляет собой классическую область, в которой неизбежно возникают проблемы с обучением культурологической направленности, а также с межкультурным подходом. Учитывая тот факт, что язык находится на пересечении с культурой, занятия по иностранному языку представляют собой идеальную платформу для знакомства и понимания различных культур.

На занятиях по иностранному языку культура обучающегося сталкивается с иностранной культурой, что называется «диалогом культур». В этом диалоге собственная культура обучающегося обогащается при контакте с культурой других людей и приводит к формированию межкультурного навыка, к так называемой «третьей» культуре студента. Можно предложить схему, иллюстрирующую это явление:

Межкультурный навык формируется в ситуации, когда две соприкасающиеся культуры имеют несколько общих черт, особенно в неоднозначных ситуациях. Научиться говорить на иностранном языке означает постичь проблемы идентичности и культуры.

В данной статье поднимается вопрос о месте художественной литературы в методиках преподавания иностранных языков. При рассмотрении темы литературы и литературного текста в преподавании иностранного языка неизбежно встаёт вопрос о межкультурности. Считаем необходимым кратко рассмотреть вопрос важности литературы в преподавании иностранного языка, а также анализ цели использования литературных текстов. В настоящее время из этого вытекает понимание литературы, особого пространства, в котором разворачивается межкультурное взаимодействие.

В дидактике преподавания иностранного языка статус литературного текста пережил три важных периода, которые можно резюмировать следующим образом: величие, упадок и возрождение. Величие, наиболее ярко проявившееся в 50-х годах, отражено, прежде всего, в существовании определённых методик, всецело опирающихся на использование литературы, рассматриваемой в тот период как кульминация изучения языка.

С начала 80-х годов, опор на литературные тексты в методике преподавания становится все меньше. Их использование лишь иллюстрирует тему исследования, социальное явление и т.д.

К концу 80-х годов литературный текст был заново открыт преподавателями в их работе. Он снова появляется в методиках, использующих литературу, а также другие формы художественного выражения. В этот период литературный текст в основном интегрирован в учебники для продвинутого уровня. Несмотря на итеративное появление литературного текста в изучении иностранного языка, особой заинтересованности в использовании этого типа документа не наблюдается.

Только в конце 1990-х гг.-начале нового тысячелетия проведенные исследования показали интерес большинства лингводидактиков к литературным текстам. Работы Н. В. Барышникова, А. Н. Шамова, Е. Г. Таревой, Ж.-П. Гольденштейна, М. Натюрель, М. Сушона, Т. Роджерса, Ж. Ричардса и многих других демонстрируют стремление и готовность заняться проблематикой места литературы на языковых занятиях.

В преподавании иностранного языка цели использования литературных текстов варьировались в зависимости от методов, используемых в тот или иной период.

В 50-х годах, когда литература венчала изучение языка, в методике проявлялись две приоритетные цели: лингвистическое обучение, по сути грамматическое, а также обучение, ведущее к культурологическому образованию. Культурологическое образование представляет собой ступень, на которой литература рассматривается как репрезентант стандарта, как имманентное проявление культуры страны, «королевский путь», ключ к познанию определённой цивилизации [3]. Это мнение четко выразил Марк Бланкпен, полагающий, что цель изучения иностранного языка состоит в воспитании и обогащении умов, обучающихся посредством изучения великолепной литературы для того, чтобы они могли стать по-настоящему выдающимися личностями [5, р. 53]. Проблема межкультурного взаимодействия в тот период истории не стоял на повестке дня. В методике изучения иностранного языка художественная литература вновь появляется в 80-х годах параллельно с коммуникативным подходом. Литературный текст, рассматриваемый как аутентичный документ, появляется среди опор дидактических единиц без каких-либо дидактических или методологических рефлексий. Овладев основными языковыми навыками, обучающийся знакомится с избранными произведениями из традиционных литературных антологий. «Парадоксально, но все происходит так, как будто знакомство с текстами великих авторов можно заслужить только после длительного изучения текстов, созданных в лингвистических и образовательных целях» [3].

В настоящее время дидактики преподавания иностранных языков уделяют все большее внимание проблематике литературного текста в процессе обучения. Стоит отметить появление значительного количества комплексных глубоких образовательных разработок, опирающихся на прозаический, поэтический и театральный текст. Некоторые дидактики довольно пессимистично относятся к использованию литературных текстов в современных методиках, настаивая на том, что с 90-х годов наблюдается значительное существенное несоответствие между исследованиями и учебными материалами [3]. Можно утверждать, что современные учебные пособия недостаточно «загружены» литературными текстами, по крайней мере, в том, что касается прозы и поэзии. Обнаруживается практически полное отсутствие использования театрального текста в современных лингвистических методиках. Несмотря на наличие литературных текстов во многих пособиях по иностранному языку, следует отметить существование несоответствий на уровне педагогического сопровождения: некоторые «легкие» тексты сопровождаются системой заданий, в то время как другие, более сложные, даются в «обнаженном» виде и представлены без каких-либо отсылок, облегчающих работу с текстом, его понимание. Во многих учебных пособиях безрезультатно искать вопросник или комплекс заданий, подчеркивающих межкультурный подход к изучению текстов. Преподаватель обязан «разбираться» и самостоятельно искать инструменты или средства анализа. При выборе текстов авторы методик наряду с произведениями великих классиков все чаще обращаются к творениям современных авторов, которые позволяют составить мнение об определённых явлениях современного общества.

Использование в учебных пособиях по иностранному языку литературных текстов в виде отрывков из романов, рассказов, поэзии или даже в виде фрагментов пьес, не утратило своей цели, сформулированной в 50-х годах. Оно направлено на пробуждение у обучающегося интереса к изучению литературы, к познанию красоты и богатства произведений искусства, ведущих его к обретению личного эстетического опыта. Однако с 50-х годов диапазон целей несколько расширился. Лексический и текстуальный анализ, хотя и немного старомодный, может вызывать большой интерес, поскольку текст представляет собой «лексический резервуар» и, следовательно, расширяет лексический запас обучающегося за счет единиц, принадлежащих к разным регистрам и средствам выражения в литературном тексте. Огромный интерес представляет изучение литературных текстов, в которых затрагивается вопрос, позволяющий формировать и развивать культурную и межкультурную компетентность обучающегося. Изучение литературных текстов часто даёт место нескольким интерпретациям. Интерпретация и понимание семантики текста на иностранном языке осуществляется на основе референтных ссылок читателя, сформированных под непосредственным влиянием аутентичной культуры. Литературный текст содержит образы, которые отсылают к образам и понятиям, признанным и принятым сообществом, к которому принадлежит автор, и где его произведение было впервые воспринято. Мир студента сталкивается с миром другого человека. Этот факт позволяет ему релятивизировать статус собственной культуры и получить межкультурный опыт.

Художественное произведение – это культурный документ. Содержание текста позволяет более пристально рассмотреть некоторые социальные факты (расизм, бедность и т. д.), которые могут служить сравнением в культуре обучающегося и в культуре страны изучаемого языка. Однако следует проявлять осторожность, как отмечает Альфред Ноэ, поскольку повествование не является достоверным документом, позволяющий изучать определённую цивилизацию или реальность. В своем творчестве ни один писатель не стремится дать своему читателю статистически объективную картину реальности [7]. Существует риск ошибочной интерпретации и неверного толкования при восприятии текста, что связано с основными социально-культурными элементами и с культурой в целом. Жан-Пьер Кук утверждает, что в литературном тексте читатель встречает довольно разнообразный контент с учетом их опыта, идеологии, культуры или даже конкретного контекста чтения. Обучающийся может столкнуться с тем, что обычно называют культурным шоком. Чтобы уменьшить его, необходимо содействовать контакту и знакомству с другими людьми с помощью цивилизационных данных, ссылок на внеязыковые и внетекстовые реалии, позволяющие сформировать культурную компетенцию. Таким образом, несмотря на разделившую пополам XX век дихотомию культуры и цивилизации, литература и цивилизация могут встретиться на занятиях по иностранному языку, преследуя одну и ту же цель – облегчить обучающемуся доступ к мировой культуре.

Отметим, что межкультурный подход основательно «укоренился» в дидактике преподавания иностранного языка несмотря на то, что он еще не до конца освоен в отношении использования художественной литературы. Не требует доказательств тот факт, что использование художественной иноязычной

литературы имеет несомненный потенциал для использования межкультурного подхода в обучении иностранному языку.

Список использованных источников

1. Загвязинский, В. И. Теория обучения: современная интерпретация / В. И. Загвязинский. – Москва : Изд. центр «Академия», 2004. – 192 с.
2. Паперная, Н. В. Формирование кросскультурной и межкультурной коммуникации преподавателя иностранного языка / Н. В. Паперная. – Армавир : РИЦ АГПУ, 2008. Ч. 3. – С. 42–43.
3. Cuq, J.-P. Cours de didactique du français langue étrangère et seconde / J.-P. Cuq, I. Gruca. – Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble, 2005. – 504 p.
2. Earley, P. Ch. Cultural Intelligence [Electronic resource] / P. Ch. Earley, E. Mosakowski. – URL: <http://hr-portal.ru/varticle/cultural-intelligence-kulturnyy-intellekt>. (дата обращения: 17.02.2022).
3. Goes, J. Mauger bleu / J. Goes // Dialogos. – 2006. – № 14. – P. 53-56.
4. Hall, E. T. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. – Intercultural Press, 1990. – P. 16–17.
5. Noé, A. Littérature: retour au texte / A. Noé // Le Français dans le monde. – 1993. – novembre/décembre, № 261. – p. 45 – 46.

УДК 378

КЕЙС-СТАДИ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА КОНТЕКСТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ФИЛОЛОГОВ

Л. З. Цховребова,

*заведующая кафедрой иностранных языков,
ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет им.
А.А. Тибилова»*

г. Цхинвал, Республика Южная Осетия – Государство Алания

Аннотация. Практическая реализация контекстного подхода в обучении осуществляется в интерактивных формах, среди которых особую популярность приобретает кейс-стади. Суть метода кейсов состоит в организации коллективной работы студентов в ситуациях профессиональной деятельности, в проблемно-ситуационном анализе, основанном на обучении путем решения конкретных задач. В статье рассматриваются этапы работы с кейсом. Необходимо отметить, что метод кейс-стади способствует активному усвоению знаний, предоставляет студентам прекрасную возможность творчески применить их и адаптироваться к реальным переводческим ситуациям. Метод кейса позитивно мотивирует студентов к учебе и самостоятельной работе, вовлекая их в активную профессиональную деятельность.

Ключевые слова: кейс-метод, интерактивные методы обучения, профессиональная деятельность, реальные ситуации, мотивация.

Summary. The practical implementation of the contextual approach in teaching is carried out in interactive forms, among which the case study is becoming especially popular. The essence of the case method is to organize the collective work of students in situations of professional activity, in problem-situational analysis based on learning

by solving specific problems. The article discusses the stages of working with a case. It should be noted that the case study method contributes to the active assimilation of knowledge, provides students with an excellent opportunity to apply them creatively and adapt to real translation situations. The case method positively motivates students to study and work independently, involving them in active professional activities.

Key words: case method, interactive teaching methods, professional activity, real situations, motivation.

За последние годы в сфере образования и науки Республики Южная Осетия произошли значительные изменения. Вызваны они стремлением нашей страны войти в единое мировое образовательное пространство. Современное образование Республики Южная Осетия предъявляет новые требования к качеству подготовки студентов и указывает на необходимость интенсификации учебного процесса, внедрения новых учебных программ, активных методов обучения и инновационных технологий, способствующих формированию высококвалифицированных филологов.

Одним из инновационных подходов к обучению филологов является контекстный подход, трансформирующий учебно-познавательную деятельность студента в профессиональную деятельность квалифицированного специалиста. Следует заметить, что контекстное обучение становится все более востребованным в сфере образования, так как его практическая значимость в решении проблем образования и подготовки высококвалифицированного специалиста не вызывает сомнений.

Современная система профессиональной подготовки филологов не в достаточной степени использует учебный процесс с целью формирования готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности. Контекстное обучение может стать основой для решения данной проблемы.

Цель данной статьи заключается в выявлении роли и значимости кейс-технологии как инновационной формы контекстного обучения в подготовке филологов. В контекстном обучении развитие познавательных мотивов и профессиональных навыков приобретает приоритетное значение для процесса формирования личности будущего филолога.

Теория контекстного обучения, разработанная известным ученым, доктором педагогических наук, профессором Вербицким А. А., стала основой научной школы контекстного подхода, главной целью которого является подготовка высококвалифицированного специалиста, постоянно работающего над повышением своей компетентности и углублением своих профессиональных знаний, способного корректно решать проблемы, связанные со сферой его деятельности.

Контекстным считается такое обучение, в котором на языке наук, используя всю систему традиционных и инновационных форм, методов и средств обучения последовательно строится предметное и социально-культурное содержание будущей профессиональной деятельности студентов [1, с. 4]. В теории контекстного обучения понятие «контекст» выступает смыслообразующей категорией, а использование в образовательном процессе многообразных контекстов профессиональной деятельности является залогом личностного включения обучающегося как в процесс познания, так и в профессионально-ориентированную среду. Контекстный подход является

средством сближения учебной деятельности студентов с их будущей профессиональной деятельностью.

В современном образовании все чаще используются различные интерактивные методы, среди которых особую популярность приобретает кейс-стади. Он представляет собой метод, основывающийся на анализе реальной проблемной ситуации, поисках различных вариантов решения данной проблемы и выработке принципов коллективной работы по определению оптимального выхода из нее. С помощью метода кейсов можно развивать навыки всех видов речевой деятельности: чтения, говорения, письма и аудирования. Кейс-стади является комплексным методом и применяется во время практических занятий, на которых рассматриваются разнообразные ситуации, связанные с будущей профессиональной деятельностью студентов, тем самым мотивируя их на решение созданных проблем. Данный инновационный метод был разработан в Гарвардском университете. На данном этапе мы можем говорить о Гарвардской и Манчестерской школах кейс-стади. Гарвардская школа кейс-стади основана на традиционной технологии и одном правильном варианте выхода из ситуации, в то время как цель Манчестерской школы кейс-стади – найти несколько решений анализируемой проблемы [3, с. 131]. На наш взгляд наиболее полное определение кейс-стади, охватывающее всю многогранность анализируемого метода, дано Питером Скейлсом в его работе «Преподавание в области непрерывного образования». Данный интерактивный метод предназначен для студентов и основан на реальных ситуациях и аутентичном материале. Проблемы, содержащие в себе контекстуальную информацию, мотивируют студентов на их исследование, использование теоретических знаний и практических навыков в выявлении способов решения кейса [6, с. 111]

Кейс может быть представлен как в печатном варианте, так и в форме аудио или видео сообщения. При составлении кейсов преподаватель может воспользоваться материалами из средств массовой информации, публицистической, научной и художественной литературы. Огромные возможности в этом плане могут представлять интернет ресурсы.

Кейс-стади является одним из наиболее эффективных интерактивных методов профессионально-ориентированного обучения, при котором в искусственно созданной профессиональной среде совершается иноязычная коммуникация студентов, соединяющая их теоретическую подготовку, и практические навыки и умения.

Ситуации в кейс-стади основаны на конкретном опыте практической деятельности в определенной профессиональной сфере. Материал представляется преподавателем в виде кейсов, решение которых – задача студентов. Достичь цели они могут лишь в результате активной самостоятельной работы, сбора необходимой информации, анализа всех вариантов решения проблемы. Цель, которую преследует преподаватель, используя данный метод, состоит в организации коллективной работы студентов в ситуациях профессиональной деятельности, в умении провести подробный анализ проблемы, в обучении путем решения этой проблемы. Каждая профессиональная ситуация может состоять из трех компонентов: 1) проблемы, которой необходимо решение; 2) компетентности в рассматриваемой сфере; 3)

умственной и практической деятельности студентов, направленной на приемлемое решение проблемы [4, с. 126].

Кейс-стади широко используется в обучении иностранному языку, так как внедрение данного метода в процесс обучения студентов переводческой деятельности и полученные результаты доказали его эффективность. «Кейс-технологии развивают способность учащихся формулировать гипотезы и проверять их в ходе мыслительных операций и практических действий, характерных для решения профессиональных переводческих задач, что положительно сказывается на результативности учебного процесса» [2, с. 106].

В работе с кейсом можно выделить три основных этапа:
Подготовительный этап

- разработка кейса преподавателем, основанная на аутентичном материале и реальных фактах;
- составление заданий, выполнение которых необходимо для решения кейса.

Основной этап

- ознакомление студентов с кейсом;
- анализ информации, содержащейся в нем;
- обсуждение плана работы над кейсом;
- самостоятельный поиск дополнительной информации, необходимой для решения проблемы;
- выявление преимуществ и недостатков, разработанных студентами вариантов выхода из ситуации в процессе дискуссии.

Заключительный этап

- завершающее обсуждение основных наиболее приемлемых вариантов решения проблемы;
- доклад или презентация подводящие итоги проделанной работы

Для успешного использования метода кейсов обучение целесообразно проводить в группах по 4-5 человек. Задача студентов заключается в том, чтобы извлечь информацию, которая находится в кейсе, тщательно изучить и проанализировать его, найти несколько решений поставленной проблеме, а затем убедительно аргументировать правильность выбора одного из них. Анализ кейса проводится каждым студентом самостоятельно, но на следующем этапе необходим обмен мнениями, идеями, подходами и вариантами решения проблемы. Каждому участнику рассматриваемого процесса деятельности предоставляется возможность раскрыть свой потенциал и принять активное участие в дискуссии по выработке единой стратегии и подхода к принятию коллективного решения проблемы. Ответственность за конечный результат несет каждый участник мероприятия. Кейс-стади знакомит студентов с реальными профессиональными ситуациями в переводческой деятельности, развивает у студентов критическое мышление, коммуникативные навыки и умения работать в команде.

Необходимо отметить, что метод кейс-стади способствует активному усвоению знаний, предоставляет студентам прекрасную возможность творчески применить их и адаптироваться к реальным переводческим ситуациям. Благодаря этому методу они учатся добывать информацию, актуальную для конкретной рабочей ситуации, обрабатывать и анализировать собранный

материал и делать соответствующие выводы. Метод кейса позитивно мотивирует студентов к учебе и самостоятельной работе, вовлекая их в активную профессиональную деятельность. [5, с. 603]

В результате нашего исследования мы пришли к следующему выводу: контекстный компонент интегративного подхода к обучению профессиональной переводческой деятельности – это эффективная образовательная технология, включающая разнообразные методы обучения, способствующая учебно-познавательной мотивации студентов и расширению их когнитивной базы, обеспечивающая творческий и активный характер всего образовательного процесса и являющаяся обязательным условием успешности обучения переводу. При контекстном подходе важную роль имеет степень развития у студентов профессионально-ориентированной компетенции и формирование четкой мотивации к выполнению поставленных задач, а использование кейс-стади в технологии контекстного обучения стимулирует процесс профессионального развития будущего филолога.

Список использованных источников

1. Вербицкий, А. А. Контекстный подход к иноязычной подготовке студентов / А. А. Вербицкий // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – №10. – С. 3–8.

2. Пушкина, А. В. Метод case-study при обучении устному последовательному переводу / А. В. Пушкина // Вестник РУДН. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2016. – № 1. – С.103–107.

3. Сидельник, Э. А. Особенности использования метода “case study” в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе / Э. А. Сидельник // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2011. – Вып. 10. Т. 123. – С.131.

4. Степанова, И. М. Метод анализа проблемных ситуаций (кейс-метод) как средство обучения студентов иноязычному профессионально-ориентированному общению / И. М. Степанова // IX Всероссийская научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и в школе»: сборник статей. – Пенза : РИО ПГСХА, 2007. – С. 125–127.

5. Цховребова, Л. З. Роль контекстного подхода в формировании готовности будущих переводчиков к профессиональной деятельности / Л. З. Цховребова // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты. – Воронеж : Издательство «Истоки», 2021. – 656с.

6. Scales, P. Teaching in the Lifelong Learning Sector / P. Scales. – Maidenhead, England. – 2013. – 329 p.

МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 372.881.111.1

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА ОСНОВЕ АУТЕНТИЧНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ У УЧАЩИХСЯ 9 КЛАССОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

А. А. Георгиади¹, З. М. Бекирова²,

*¹кандидат педагогических наук, ассистент,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²обучающаяся кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В работе рассматриваются особенности аутентичного текста, которые способствуют формированию и развитию языковых навыков, а также процесс формирования навыков чтения на основе аутентичных англоязычных текстов у учащихся 9 классов средней школы.

Ключевые слова: аутентичный текст, английский язык, чтение, навыки, обучение, учащиеся 9 классов средней школы, учебники английского языка, учебный план.

Summary. The paper discusses the features of an authentic text that contribute to the formation and development of language skills, as well as the process of developing reading skills based on authentic English texts in 9th grade secondary school students.

Key words: authentic text, English, reading, skills, learning, 9th grade students of secondary school, English textbooks, curriculum.

Введение. Актуальность использования аутентичных текстов в процессе обучения чтению учащихся старших классов средней школы заключается в их функциональности. Функциональность аутентичных материалов – это их направленность на реальное использование, такие тексты погружают учащихся в естественную среду, что, согласно суждениям большого количества ведущих методистов, является одним из основных факторов для успешного освоения иностранного языка.

Применение в процессе обучения аутентичных материалов, которые являются естественным «живым» речевым произведением, созданным в методических целях и имитируют погружение в естественную речевую среду на уроках иностранного языка, предоставит возможность повысить эффективность обучения иностранному языку в целом и формирования навыков чтения в частности.

Целью работы является изучение возможностей формирования навыков чтения на основе аутентичных англоязычных текстов у учащихся 9 классов средней школы. **Задачи** исследования включали: 1) уточнение сущности понятия «аутентичный текст» и специфики использования аутентичных текстов на уроках иностранного языка; 2) определение сущности формирования навыков чтения и особенностей формирования навыков самостоятельного чтения англоязычных на основе аутентичных текстов; 3) создание базы рекомендуемых аутентичных текстов на интересующие старшеклассников темы.

Методы исследования: анализ научной литературы по теме исследования, нормативных документов, педагогическое наблюдение; (анкетирование).

Результаты исследования.

Проблема применения аутентичных материалов, используемых в обучении иностранным языкам, очень актуальна и вызывает много разногласий. Изучение потенциала аутентичных текстов для преподавания иностранных языков началось относительно недавно, что связано с развитием компетентностного и коммуникативного подходов в методике обучения иностранным языкам. В настоящее время существует несколько трактовок определения сущности аутентичных материалов.

Согласно словарю методических терминов Э. Г. Азимова, понятия «аутентичный», «подлинный», «оригинальный» соотносятся как синонимы [1]. Аутентичные тексты – это непедагогические материалы, которые позволяют обучающимся развивать не только свои коммуникативные навыки, но и свои культурные компетенции. Аутентичные материалы можно представить, как все, что создано для носителей языка. С изменением языковых границ, в современном мире сформировалось определение аутентичного текста, как объекта идей, слов, фраз и выражений, которые происходят в реальных жизненных ситуациях [12].

К аутентичным текстовым материалам относятся публицистические источники, региональные статьи международных журналистов, заметки и очерки писателей, телевизионные программы о разных странах, художественная, специальная и учебная литература, реклама, личные письма, интервью, сказки и др. [6, с. 10].

Можно разделить все аутентичные материалы на аутентичные и учебно-аутентичные. Учебно-аутентичные материалы – это материалы, специально разработанные с учетом всех аспектов аутентичного учебного процесса и фактических требований и предназначенные для решения конкретных учебных задач [5, с. 126].

Преподавателей и учащихся, конечно, больше привлекают аутентичные тексты. Понимание того, что есть возможность слушать и понимать речь, предназначенную для носителя языка, мотивирует к дальнейшему изучению иностранного языка, а использование аутентичных текстов на основе специальных методических разработок позволяет обучающимся читать более уверенно вне класса. Однако преподаватели также должны понимать, какую пользу выбранный текст принесет учащимся [9, с. 156].

Главный критерий подлинности – критерий функциональности. Под ним понимается направление аутентичных текстов на использование в жизни, на знакомство с естественной языковой средой, что является главным условием успеха в изучении иностранного языка. Работа над функционально аутентичным материалом показывает реальные ситуации употребления языка, знакомит учащихся с различными лингвистическими средствами и подготавливает к свободному использованию этих приемов в речи [5, с. 127].

Применение на уроках иностранного языка аутентичных материалов способствует проявлению познавательной мотивации, то есть обучающиеся получают информацию о неизвестных интересных фактах из современной жизни

страны изучаемого языка. Также учащиеся понимают, что они работают с источником информации, который употребляют носители языка. Это увеличивает практическую ценность знания иностранного языка. Чтение аутентичных материалов позволяет узнавать реалии, культуру, образ жизни страны изучаемого языка, и в тоже время выполняет функции методические.

З. И. Клычникова и Н. Н. Сметанникова определяют чтение как процесс восприятия и обработки прямой и зашифрованной информации, процесс общения, средством которого является текст, с целью: а) общения с автором; б) расшифровка текстовой информации; в) обучения языку; г) развитие личности читателя; д) получения эстетического наслаждения и познавательного воздействия; е) развития образного мышления и ясности речи; ж) активизации психологической деятельности человека [3, с. 13].

В начале обратим внимание на то, что разделяют несколько основных типов чтения: просмотровое, ознакомительное, изучающее и вдумчивое [2].

Задачей просмотрового чтения является поиск нужной информации и получение общего представления о содержании текста. Для достижения данной задачи достаточно прочитать заголовки материала, отдельных абзацев или предложения. Такой вид чтения относится к аутентичным функциональным текстам.

Ознакомительное чтение подразумевает понимание текста не менее 70%, причем вторичная информация должна быть понята четко. Такое чтение очень распространено в условиях реального общения и происходит в рамках аутентичных информативных текстов, содержащих информацию о специфике жизни, быта и культуры страны изучаемого языка [2].

Для аутентичных литературных текстов присуще изучающее чтение, ставящее задачей полное точное познание содержания текста для его дальнейшего критического осмысления. Такое чтение отличается более длительным периодом времени, наличием остановок и прочитыванием отдельных отрывков несколько раз. Полное познание содержания текста означает понимание его лексического, грамматического и синтаксического насыщения [2].

При вдумчивом чтении происходит просмотр текста с отбором нужной и ненужной информации. В свою очередь, для вдумчивого чтения характерен больший объем текстов, чем при ознакомительном чтении.

Существует три этапа в работе с любым текстом, а именно предтекстовый, текстовый и послетекстовый.

На первом этапе необходимо задать стимул для обучающихся в работе с текстом, актуализируются личностные навыки за счет использование знаний из других областей предметов, содержание текста предсказывается, основываясь на заголовках. Необходимым условием предтекстового этапа является формирование аутентичной коммуникативной задачи. Рассматривая предтекстовый этап при работе с аутентичным текстом, важно указать, что основная задача будет заключаться в решении словесных и языковых проблем через определение по заголовку, структуре текста, рисункам (например, рецепт блюда или объявление в журнале, т. е. функциональный, информативный или художественный текст); определение незнакомых слов в тексте и последующие изменения с использованием методов перевода в соответствии от языковых

навыков учащихся и с последующим прогнозированием содержания текста относительно незнакомых слов [4, с. 182].

Второй этап заключается в прочтении текста или отдельных его частей для того, чтобы решить коммуникативную задачу, установленную на предтекстовом этапе. Объектом контроля чтения является уровень понимания текста, при этом контроль понимания прочитанного текста связан как с коммуникативными задачами, так и с видом чтения. Время и глубина проработки текста зависят от типа текста. В случае с прагматическими текстами, следует иметь в виду, что некоторые из них рационально использовать для поискового чтения, тексты информационного характера – для изучающего чтения (инструкции), если они предложены в виде сообщающих текстов, то для ознакомительного чтения (вывески, объявления) [4, с. 183].

Последний послетекстовый этап работы с оригинальными текстами отличается коммуникативностью, поскольку здесь первенствуют задания репродуктивно-продуктивного и продуктивного типа. Последующая организация послетекстовой активности может быть выражена в устной (носить дискуссионный характер, выражение личного мнения) или письменной форме (например, написание личного письма, письма-жалобы или официального запроса) [4, с. 185].

В результате можно сказать, что устойчивый процесс планирования работы с аутентичным текстом на всех этапах чтения делает возможным обеспечение не только требуемого уровня мотивации, уменьшению количества предполагаемых языковых и речевых трудностей и развитие навыков в этой области речевой деятельности, но также оказывает содействие совокупному развитию коммуникативной компетенции.

Поэтому следует отметить, что эффективное обучение иностранному языку возможно только в том случае, если материалы получены из жизни носителей языка или составлены с учетом специфики их культуры и менталитета в соответствии с принятыми и используемыми речевыми нормами.

Использование аутентичных текстов на уроках английского языка должно осуществляться в несколько этапов. Поэтому первый шаг – это изложение учителем того или иного материала, знакомство учащихся с аннотацией, которую должен подготовить сам преподаватель. Перед изучением аутентичных материалов вводится новая лексика, выполняются упражнения, направленные на отработку различных грамматических форм, встречающихся в аутентичном тексте. Задания перед прочтением текста направлены на снятие трудностей при восприятии аутентичных материалов и на понимание текста [7, с. 40].

Однако следует отметить, что снятие таких трудностей не в полной мере готовит к восприятию естественной речи, поскольку именно пласт устной разговорной речи является наиболее подвижным и трудно моделируемым объектом языка. Поэтому правильным представляется не полное устранение, а постепенно устранять проблемы в процессе обучения. Здесь крайне важное значение имеет доступность материала, новые информационные материалы содержат уже известные учащимся факты, что облегчает понимание смысла для школьников [7, с. 40].

Следующим шагом является предъявление аутентичного исходного материала, а именно чтение текста, газеты, рекламы. Учащимся предлагается

прочитать весь материал или его часть. Это зависит от уровня языковой подготовки обучающихся и цели занятия.

Работу с аутентичным материалом после ознакомления с ним мы также включаем во второй этап классной деятельности преподавателя и обучающихся. В этот момент открывается широкое поле для деятельности учащихся. Работа с текстом может сопровождаться такими упражнениями на понимание увиденного и услышанного как ответы на вопросы по содержанию, перечитывание всего или части материала с последующим обсуждением и комментированием содержания. Все это приводит к письменным или устным упражнениям, которые способствуют различным речевым действиям, таким как аудирование, говорение и письмо. К примеру, учащимся предлагается пройти тест, выявляющий степень понимания материала, выражение согласия с мнением собеседника при обсуждении текста, кратко пересказать его, уловить основную мысль и сформулировать представленные в ней проблемы [7, с. 41].

Как первый, так и второй этапы работы с аутентичными материалами включают в себя не только деятельность учащихся по предмету под руководством преподавателя, но и самостоятельное знакомство обучающихся с аутентичными материалами, развитие навыков и умений, выполнение заданий во внеаудиторное время [7, с. 41].

На наш взгляд, самыми распространенными и используемыми аутентичными материалами на уроках английского языка являются небольшие рассказы, взятые из легкой публицистики или же статьи, которые соответствуют теме занятия. Однако у учащихся очень часто возникают проблемы с таким видом работы из-за незнакомой лексики. Преподаватель может преодолеть эту трудность, если перед чтением текста статьи проанализирует новую лексику вместе с учащимися. В то же время важно учить новые слова. Учитель может объяснить значение слова на английском языке, используя синонимы к этим словам или приводя примеры новой лексики, используемой в предложении [5, с. 128].

Необходимо подбирать аутентичные материалы для обучения чтению в соответствии с учётом определённых параметров, которые мы соблюдаем в своем социальном эксперименте, чтобы выявить наиболее интересные для старшеклассников темы аутентичных текстов:

- возраст учащихся и их речевой опыт в английском и родном языках;
- содержание материалов должно быть интересным и полезным для школьников;
- полнота отражения в материалах разных форм речи;
- наличие избыточных элементов информации;
- способность материала вызвать ответный эмоциональный отклик.

В анкетировании принимали участие 15 человек (учащиеся 9 классов) средней школы МБОУ «Школы-лицей им. Героя Советского Союза Ф.Ф. Степанова» города Саки. Нами были предложены определенные темы на английском языке, такие как «Мода», «Искусство», «Здоровье», «Спорт»; «Кулинария»; «Путешествия»; «Отношения»; «Знаменитости». Из данных тем учащимся необходимо было выбрать от наиболее до наименее интересных и проранжировать их.

Согласно, анкетированию, мы пришли к следующим результатам. На 1 место чаще всего ставили тему «Мода» – 10 человек, далее «Путешествия» – 3 человека и «Искусство» – 2 человека. На 2 место школьники поставили «Путешествия» – 8 человек, «Мода» – 5 человек, «Искусство» – 1 человек. 3 место заняли такие темы, как «Искусство» – 9 человек, «Знаменитости» – 4 человека, «Мода» – 1 человек. Наименее интересующие школьников темы оказались «Здоровье» и «Спорт».

Согласно проведенному анкетированию, мы смогли понять, какие из тем наиболее волнуют и интересуют подростков и предложить свои примеры аутентичных англоязычных текстов на данные темы. Топ три темы, выбранные учащимися 9 классов, по результатам исследования, являются «Мода», «Путешествия», «Развлечения». Аутентичные тексты были взяты из англоязычных журналов в электронном доступе BRITISH COUNCIL. Этот сайт представляет собой онлайн-журнал для подростков на английском языке.

Таблица 1. Темы с текстами согласно учебно-тематического плана дисциплины

Тема согласно учебно-тематического плана дисциплины	Аутентичный текст
Мода	EveryBODY is beautiful [10]
Путешествия	«Italian coffee culture» [11]
Искусство	«3D printing: the future of food production?» [8]

Включение аутентичных текстов в процесс обучения иностранному языку создает благоприятную почву для совершенствования коммуникативных навыков обучающихся, гарантирует активность и личное вовлечение обучающихся на уроках. Применение данных текстов делает процесс обучения иностранному языку более творческим и увлекательным, но, с другой стороны, требует специально разработанной методики, отличной от традиционной образовательной системы.

Вывод. На основании полученной информации можно сделать вывод, что при условии обеспечения методических рекомендаций, грамотном подборе аутентичных англоязычных материалов с учетом возрастных особенностей и интересов у учащихся 9 классов средней школы более успешно формируются навыки чтения.

Перед учителями иностранных языков стоит задача сформировать личность, которая будет способна принимать участие в межкультурной коммуникации. Знание социокультурного фона очень важно, так как необходимо иметь представление о культурных особенностях страны изучаемого языка. Культурология и лингвистика несут не только общеобразовательные идеи, но также обеспечивают индивидуальное развитие, поддерживая мотивацию учащихся. Следовательно, аутентичные тексты позволяют сформировать положительную мотивацию, а также познавательные интересы учащихся, потребностью в получении новых знаний, навыков и умений.

Список использованных источников:

1. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов / Э. Г. Азимов. — Санкт-Петербург, 1999.

2. Карева, Н. В. Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка. // Интернет-журнал «Науковедение», 2014. – С. 1 – 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-autentichnyh-audio-i-video-materialov-dfya-povyshemya-motivatsii-izuchemya-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 23.03.2022).
3. Клычникова, З. И. Особенности процесса понимания читаемого учащимися различных возрастных групп / З. И. Клычникова, Н. Н. Сметанникова // Психология и методика обучению чтению на иностранном языке: Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. — Москва, 1978. – 13 с.
4. Кузнецова, И. Н. Аутентичные материалы как средство развития навыков чтения в преподавании иностранного языка: критерии выбора и преимущества [Текст] / И. Н. Кузнецова, Н. В. Куркан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 182 – 185.
5. Маслыко, Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справ. пособие // Минск: Вышэйш. шк., 1999. – С. 126 – 128.
6. Носонович, Е. В. Критерии содержательной аутентичности учебного текста / Е. В. Носонович, Г. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – С. 10 – 20.
7. Томашук, Н. В. Роль аутентичных материалов в обучении иностранному языку // Евразийский научный журнал, 2016. – С. 40 – 41.
8. ChloeBlogger, 3D printing: the future of food production? // BRITISH COUNCIL, 2017. – Access mode: <https://learnenglishteens.britishcouncil.org/magazine/science-and-technology/3d-printing-future-food-production> (Access date: 26.03.2022).
9. Dornyei, Z. Teaching and researching motivation. Harlow. – 2011. – P.156 – 158.
10. ElsaBlogger, EveryBODY is beautiful [Electronic Resource] // BRITISH COUNCIL, 2018. – Access mode: <https://learnenglishteens.britishcouncil.org/magazine/fashion/everybody-beautiful> (Access date: 26.03.2022).
11. JenniferBlogger, Italian coffee culture. // BRITISH COUNCIL, 2018. – Access mode: <https://learnenglishteens.britishcouncil.org/magazine/life-around-world/italian-coffee-culture> (Access date: 26.03.2022).
12. Kondo-Brown, K. How do English L1 learners of advanced Japanese infer unknown Kanji words in authentic texts? // Language Learning. – 2010. – V. 56(1). – P. 109 –153.

УДК 373.3

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ УРОВНЯ PRE- INTERMEDIATE С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ

А. П. Галета¹, С. Е. Чернобай²,

*¹обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный*

*университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
2старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается применение дистанционных технологий и мультимедийных средств для формирования грамматических навыков обучающихся английскому языку уровня Pre-Intermediate. Целью исследования является выявить эффективные способы формирования грамматических навыков с помощью дистанционных технологий. В ходе работы используются методы анализа, синтеза, наблюдения и эксперимента. Применение онлайн платформ в обучении грамматике на начальном уровне обучающихся развивает познавательный интерес и поддерживает мотивацию к изучению английского языка, обеспечивает изучение нового материала, преподнесение новой информации и расширение кругозора, позволяет закрепить пройденное. Способствует самостоятельной отработке учебных умений и систематизации знаний по изучаемой теме.

Ключевые слова: грамматический навык, дистанционные технологии, мультимедиа.

Summary. The article considers the use of distance technologies and multimedia aids for the formation of grammatical skills of Pre-Intermediate English learners. The purpose of the research is to expose effective ways of forming grammatical skills using distance technologies and the main goals of using multimedia at English lessons. The methods of analysis, synthesis, observation and experiment are applied. The use of online platforms for teaching grammar at the beginning level develops the cognitive interest of the learners and stimulates the learners' motivation to study English. It also provides the study of new material, the presentation of new information and the expansion of the outlook, the consolidation of the studied material. Online technologies contribute to the individual training of educational skills and systematization of the acquired knowledge on a definite topic.

Key words: grammatical skill, distance technologies, multimedia.

Введение. Ученые-исследователи и педагоги разных стран мира подчеркивают особую потребность в медиаобразовании. Проблемами применения мультимедийных средств на уроках иностранного языка в школе занимались Н. С. Киргинцева [2; 3], С. Ф. Шатилов [6], Е. Н. Соловова [5], Н. Д. Гальскова [1]. Использование компьютерных, мультимедийных средств на уроке иностранного языка – актуальное направление в методике, требующее новых подходов и нестандартных решений. Мультимедиа – это интерактивные (диалоговые) системы, обеспечивающие одновременную работу со звуком, анимированной компьютерной графикой, видеокадрами, статическими изображениями и текстами. **Актуальность** данного исследования заключается в том, что изменения в образовании, происходящие под влиянием стремительного внедрения информационных технологий во все сферы жизни, предъявляют требования к уровню компетентности педагога. **Целью** исследования является выявить эффективные способы формирования грамматических навыков обучающихся английскому языку уровня Pre-Intermediate с помощью дистанционных технологий. Для достижения поставленной цели необходимо

решить следующие задачи: 1) рассмотреть способы применения онлайн технологий на занятиях; 2) дать определение грамматического навыка; 3) описать виды заданий, выполняемых на онлайн платформе. В ходе работы применяются методы анализа, синтеза, наблюдения и эксперимента.

Результаты исследования. Использование дистанционных технологий на уроках английского языка способствует развитию у учащихся мотивации к получению знаний, обеспечивает индивидуальный подход к учащимся, развивает речевую компетенцию наряду со способностью и готовностью самостоятельно изучать иностранный язык.

Н. С. Киргинцева выделяет следующие способы применения онлайн технологий на уроках английского языка: 1) использование уже готовых программных продуктов по изучению иностранного языка, поставляемых, преимущественно на компакт-дисках; 2) применение программных продуктов, создаваемых непосредственно преподавателями (или преподавателями совместно с обучающимися) в различных инструментальных средах или средах визуального проектирования); 3) использование ресурсов сети Интернет [3].

Грамматика является разделом языкознания, в котором изучаются закономерности изменения и сочетания слов, образующих осмысленные предложения или высказывания. Грамматическая компетенция включает способность понимать и выражать определенный смысл, оформляя его в виде фраз и предложений, построенных по правилам данного языка (в отличие от механического воспроизведения заученных образцов).

На занятиях по английскому языку грамматика является одним из основных компонентов речевого общения. Грамматический аспект является одним из самых сложных аспектов теории и практики обучения иностранному языку. По мнению Е. Н. Солововой, «недостаточный уровень грамматических навыков становится непреодолимым барьером на пути формирования не только языковой, но и речевой и социокультурной компетенции» [5, с. 125].

Ученые выделяют языковые и речевые грамматические навыки. Языковой грамматический навык – автоматизированное оперирование грамматическим явлением изолированно, вне условий общения. Речевой грамматический навык – автоматизированное использование грамматического материала во всех видах речевой деятельности. В основе языковых грамматических навыков лежат парадигматические связи и ассоциации. Это навыки изменения существительных в числе, реже в роде, прилагательных – в роде или степени сравнения, спряжении глаголов и пр. Языковые навыки формируются в подготовительных (неречевых) упражнениях, часто с опорой на знание правил. Они не являются достаточными для общения, поскольку в первую очередь предполагают автоматизированное формообразование и не включают операцию соотнесения грамматического явления с коммуникативной задачей и ситуацией общения.

Речевые грамматические навыки опираются на синтагматические связи слов в предложении, владение как языковой нормой, так и узусом. Формирование речевых грамматических навыков возможно только при выполнении условно-речевых и речевых упражнений, автоматизирующих ситуативно-обусловленное использование грамматического материала. Грамматические навыки могут быть компонентом экспрессивных умений

говорения и письма, а также рецептивных умений аудирования и чтения. В связи с этим выделяются экспрессивные и рецептивные грамматические навыки. Экспрессивные грамматические навыки (говорения и письма) обеспечивают автоматизированное формообразование и формоупотребление слов в речи (морфологические навыки), а также их правильное расположение в предложении (синтаксические навыки) согласно нормам конкретного языка.

Рецептивные грамматические навыки (в аудировании и чтении) – это автоматизированные действия по узнаванию и пониманию грамматических явлений (морфологической формы и синтаксических конструкций) в письменном и устном тексте как при активном, так и при пассивном владении материалом.

Следует обратить внимание на то, что, если учащиеся активно владеют языковым материалом, они используют его во всех видах речевой деятельности, т.е. при продуцировании и при восприятии высказывания в устной и письменной речи. Пассивное владение грамматическим языковым материалом предполагает его использование в рецептивных видах речевой деятельности, т.е. только при восприятии иноязычной речи.

При обучении грамматике на онлайн платформах при правильном расположении, удачном цветовом оформлении, использовании схем и таблиц, голосовом сопровождении (произношение примеров на иностранном языке) материал будет восприниматься легче и быстрее. С помощью мультимедийных средств можно провести контроль уровня сформированности грамматических навыков на основе тестовых программ, а также оказать справочно-информационную поддержку (автоматизированные справочники по грамматике, системы обнаружения грамматических ошибок на морфологическом и синтаксическом уровнях). Возможны следующие виды работ: изменить предложение, дополнить предложение глаголом в утвердительной или отрицательной форме, изменить предложение с настоящего времени в прошедшее время, вычеркнуть неверное слово. Широкое распространение информационных технологий обучения, а также специальных знаний, которые необходимы преподавателям для использования на уроках иностранного языка, позволяют говорить об обучении с помощью медиатехнологий как о направлении в методике преподавания иностранных языков, в рамках которой рассматриваются теоретические и прагматические аспекты.

Выводы. По сравнению с традиционным обучением применение мультимедиа технологий в образовании обладают следующими достоинствами: 1) допускает использование цветной графики, анимации, звукового сопровождения, гипертекста; 2) предоставляет возможность постоянного обновления; имеет небольшие затраты на публикацию и размножение; 3) допускает возможность размещения в нем интерактивных веб-элементов, например, тестов или рабочей тетради; 4) позволяет копировать и переносить части текста для цитирования; 5) допускает возможность нелинейного прохождения материала благодаря множеству гиперссылок. Мультимедийный инструментальный позволяет преподавателю перейти к новому типу обучения. Внедрение новых дистанционных технологий в процесс англоязычного образования является сегодня приоритетным направлением. Использование современных информационных и коммуникационных технологий в процессе

обучения иностранному языку позволяет более эффективно решать целый ряд дидактических задач, например, формировать у учащихся определенный уровень информационной компетентности, которая предполагает, что обучающийся использует дистанционные технологии при решении задач, которые он ставит для достижения целей личной и учебной деятельности.

Список использованных источников

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – Москва : АРКТИ-ГЛОССА, 2000. – 335 с.
2. Киргинцева, Н. С. Дидактическая информационная среда в системе языковой подготовки курсантов высших военно-учебных заведений / Н. С. Киргинцева // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». – 2016. – № 3. – С. 72–78.
3. Киргинцева, Н. С. Современные тенденции в разработке образовательных сред на основе средств ИКТ / Н. С. Киргинцева, С. А. Нечаев // Информатика и образование. – 2013. – № 3. – С. 84–89.
4. Рогова, Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова. – Москва: Просвещение, 1991. – 289 с.
5. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам : базовый курс лекций / Е. Н. Соловова. – Москва: Просвещение, 2005. – 239 с.
6. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе / С. Ф. Шатилов. – Москва: Просвещение, 1986. – 213 с.

УДК 373.3

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В 9 КЛАССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЛОГОВ О БРИТАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ)

В. Д. Скрипкина¹, С. Е. Чернобай²,

*¹обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию формирования навыков чтения на английском языке в 9 классе. Цель исследования состоит в выявлении наиболее эффективных способов совершенствования навыков чтения на данном этапе обучения. В ходе работы применяются методы анализа, синтеза, обобщения и эксперимента. В результате работы установлено, что использование материалов блогов на культурологическую тематику способствует совершенствованию не только навыков чтения различных видов,

но и развивают социокультурную компетенцию учащихся, а также повышают их мотивацию к процессу обучения.

Ключевые слова: чтение, навыки, английский язык, фольклор, блог, средняя школа.

Summary. The article scrutinizes the formation of reading skills in English in the 9th grade. The aim of the research is to expose the most effective ways of improving reading skills at this stage of teaching. The methods of analysis, synthesis, generalization and experiment are used. As the result of the research it is ascertained that the use of blogs on the culturological themes contributes to the improvement of different reading skills as well as develops the cultural competence of learners and motivates them to study.

Key words: reading, skills, English, folklore, blog, secondary school.

Введение. На современном этапе развития методической науки накоплен обширный теоретический материал по обучению чтению на иностранном языке в средней школе. Чтение определяется как вид общения, входящий в сферу речевой деятельности людей, который реализуется в форме опосредованного вербального общения. Кроме того, сформированные навыки чтения определяют письменную форму общения.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что совершенствование навыков чтения на современном этапе развития общества затрагивает не только печатные тексты, но и медиаресурсы. Интернет-тексты привлекают внимание читателей, в особенности подростков, поэтому целесообразно использовать блоги на английском языке в качестве аутентичных текстов для совершенствования навыков чтения. Более того, незначительное количество работ по применению блогов в преподавании английского языка [4] еще раз подчеркивает актуальность настоящей работы.

Предметом исследования является формирование навыков чтения на иностранном (английском) языке.

Цель данного исследования – выявить эффективные способы совершенствования навыков чтения на английском языке в 9 классе на материале блогов о британском фольклоре.

Задачи исследования: 1) дать общую характеристику обучению чтению на английском языке; 2) определить роль британского фольклора в изучении английского языка; 3) рассмотреть способы совершенствования навыков чтения на английском языке в 9 классе.

Методы исследования. Для выполнения поставленных задач были использованы методы синтеза, анализа, обобщения и эксперимента.

Результаты исследования. Чтение понимают как вербальное взаимодействие автора письменного текста и его читателя; при этом осознание текста подразумевает единство выводов, сделанных читателем, с представлением об отправителе этой информации, т. е. об авторе. Чтение представляет собой «визуальное понимание печатного текста и его осознание с различной степенью расширения, ясности и глубины» [1, с. 103]. И.В. Гордеева определяет чтение как «рецептивный характер общения, направленный на прояснение и понимание письменного текста, в ходе которого информация, содержащаяся в тексте, усваивается и оценивается» [2, с. 95].

Чтение на иностранном языке как один из видов речевой деятельности, наряду с говорением, аудированием и письмом, является важной частью иноязычной коммуникативной компетенции, а также косвенной модели общения. В большинстве случаев относительно немногие люди могут добиться естественного взаимодействия с носителями языка, в то время как почти каждый может читать на иностранном языке. Вот почему «обучение чтению является целевой доминантой» [3, с. 141] в преподавании иностранного языка.

В девятом классе средней школы обучение английскому языку является завершающим этапом в создании базы для активного владения учебным иноязычным материалом. На этом этапе продолжается развитие всех видов речевой деятельности, среди которых доминирует устная речь. Речь учащихся становится более осмысленной, сложной по структуре языкового и речевого материала. Чтение как вид речевой деятельности становится все более и более коммуникативным, растет количество и объем текстов, с которыми учащиеся должны работать. На этом этапе отводится место целенаправленному формированию навыков вводного (с целью получения базовой информации) и изучающего (с целью получения полной информации) чтения. Наряду с художественной литературой для чтения используются научно-популярные и общественно-политические тексты, а также материалы из блогов на различную тематику, включая фольклор. Знание возрастных особенностей учащихся дает учителю возможность определить приемы, формы и средства обучения, которые приведут к успешному решению поставленных задач, а также непосредственно вызовут интерес учащихся.

Стремление к самостоятельности и потребность в самоутверждении определяют поведение учащихся 9-х классов. Они негативно относятся к строгим требованиям, принуждению и стремятся к равному статусу с взрослыми. У них все больше развивается избирательный познавательный интерес и любопытство. Подростка не интересуют элементарные задания, постоянный контроль со стороны учителя, то есть то, что ограничивает его самостоятельность и инициативу. У учащихся этого возраста развивается критический подход к содержанию, методикам, формам обучения, расширяются интересы, заметно возрастает потребность в общении со сверстниками, появляются новые цели в обучении, связанные с формированием жизненных перспектив и идеалов. Однако в то же время существует и другая крайность – отсутствие широких познавательных интересов, заинтересованности в расширении своих знаний. Хотя образовательная мотивация (получать высокие оценки, занимать лучшее положение в классе) может быть достаточно сильной, что часто приводит к формальному осуществлению образовательной деятельности.

Чтобы повысить интерес учащихся к английскому языку, а также усовершенствовать их социокультурную компетенцию наряду с навыками чтения, учитель может использовать интересные материалы, например, материалы блогов о британском фольклоре. При этом самому учителю необходимо иметь сформированную на высоком уровне социокультурную компетенцию. Социокультурная компетенция (СКК) – это «знание культурных особенностей носителей языка, их привычек, традиций, норм поведения и этикета и умение понимать коммуникативное поведение носителей

иностранный язык и адекватно использовать полученные знания в процессе общения, оставаясь при этом носителем другой культуры» [2, с. 30]. СКК состоит из региональной и лингвокультурологической компетенций, где региональная компетенция – это знания о культуре страны, язык которой изучается (знание истории, географии, особенностей быта, традиций и обычаев страны); а лингвокультурологическая компетенция обеспечивает формирование у обучающихся целостной системы представлений о национально-культурных особенностях страны, что позволяет им ассоциировать с языковой единицей ту же информацию, что и носитель языка, и добиться полноценного общения таким образом [1, с. 43].

Для формирования СКК учащихся учитель может использовать материалы блогов о британском фольклоре. В то же время отобранный учителем материал должен быть проанализирован двумя способами: с учетом лингвистического и семантического (культурного, исторического, бытового) аспектов. Для эффективной работы с фольклорным материалом учителю средней школы предлагается использовать интерактивные технологии. Под интерактивными технологиями в виде блогов, в рамках данного исследования, понимается такая форма организации учебного процесса, которая обеспечит постоянное, активное и одновременное взаимодействие по схеме «студент–студент» и «студент–преподаватель». Эта технология обучения основана на исследовании Национального учебного центра (Мэриленд, США), получившем название «Пирамида обучения». Средние статистические данные показывают, что наименьших результатов можно достичь при условии пассивного обучения (лекция – 5%, чтение – 10%), а наибольших – интерактивного (дискуссионные группы – 50%, практика через действие – 75%, обучение других или применение знаний сразу – 90%) [4, с. 89].

Осознавая необходимость поиска новых способов преподавания, стимулирующих усвоение словарного запаса английского языка, мы обратились к блогам о британском фольклоре. Основная сложность в изучении иностранного языка подростками состоит в том, чтобы сделать иностранный язык для ученика коммуникационно значимым, активным способом общения.

Различают два вида чтения, применяемых в средней школе: *extensive reading* (экстенсивное чтение, направленное на охват содержания) и *intensive reading* (изучающее чтение, целью которого является интенсивная работа с текстом, включая разбор незнакомой лексики и грамматических конструкций). В условиях общеобразовательных школ на уроках отрабатывается именно второй вид чтения, который включает: 1) *skimming reading* – чтение ради понимания общего смысла (просмотровое чтение); 2) *scanning reading* – чтение для поиска необходимой информации (поисковое чтение); 3) *reading for details* – поиск более детальной информации; 4) *inference reading* – «чтение между строк», затрагивает критическое мышление.

В качестве основных материалов мы использовали блог Yoair с публикацией «Myths and Legends in English Folklore» [5], а также Woodland trust с публикацией «British trees: folklore and mythology» [6]. На базе данных текстов были разработаны задания, направленные на формирование навыков просмотрового и поискового чтения, а также чтения для поиска детальной информации и «чтения между строк».

К первому тексту даются следующие задания:

Skimming task. Read the text about British folklore's heroes and characters. Give your own title to the text.

Задания в рамках просмотрового чтения обычно занимают 1-2 минуты для выполнения, поскольку не требуют детального погружения.

Inference task. Think about these characters again. Do you know if there are similar characters in Russian folklore? Name them.

Задания, активизирующие критическое мышление, требуют не только чтения между строк, но и умения проводить аналогии вне текста, выходить за рамки его понимания, что возможно осуществить именно в таких упражнениях.

Ко второму тексту предлагаются следующие задания:

Scanning task. Read the text about British trees which have been the subjects of folklore. Compare the names of these trees in English and Latin.

Ash	Sambucus nigra
Blackthorn	Fraxinus excelsior
Elder	Crataegus monogyna
Hawthorn	Sorbus aucuparia
Rowan	Prunus spinosa

Задание рассчитано на быстрое нахождение необходимых фрагментов для их дальнейшего сопоставления.

Reading for details. Read the text about British trees which have been the subjects of folklore. Read the statements about it, tick which statement is True (T), False (F), or Not stated (NS):

- 1. There are terrible superstitions about hawthorn's flowers.*
- 2. It is believed that rowan's tree leaf can protect you from harm.*
- 3. Silver Birch is the most lovable tree for evil spirits.*
- 4. Willow tree is associated with Hamlet as a Shakespearean character.*
- 5. Blackthorn tree was believed to be a home to dwarfs.*

Выводы. Развитие коммуникативной и социокультурной компетенции учащихся на занятиях по чтению на английском языке осуществляется в большей степени за счет правильного применения лингвистического и страноведческого материала. Такой подход обеспечивает усвоение английского языка в тесной связи с культурой носителей языка, которая включает познавательную информацию о самой культуре, образе жизни, обычаях, традициях народа страны через блоги о британском фольклоре. Данный подход способствует повышению интереса к изучению языка.

Список использованных источников

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : Пособие для учителя/ Н. Д. Гальскова. – Москва : АРКТИ, 2003. – 192 с.
2. Гордеева, И. В. Чтение как один из видов речевой деятельности на уроках английского языка/ И. В. Гордеева // Молодой ученый. – 2015. – №19 (99). – С. 569–571.
3. Гурова, Н. А. Развитие навыков чтения студентов на занятиях по английскому языку на основе блогов при сочетании очной и дистанционной форм обучения/ Н. А. Гурова, Н. А. Пушкина. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-navykov-chteniya-studentov-na-zanyatiyah-po-angliyskomu-yazyku-na-osnove-blogov-pri-sochetanii-ochnoy-i-distantionnoy-form>. (дата обращения: 05.04.2022).

4. Кужель, О. Н. Особенности обучения англоязычному чтению учащихся основной школы/ О. Н. Кужель // Молодой ученый. – 2015. – №4(84). – С. 584–586.

5. Edgar, S. Myths and Legends in English Folklore [Electronic Resource] / Serena Edgar. – Access mode: <https://www.yoair.com/blog/myths-and-legends-in-english-folklore/>. (Access date: 05.04.2022).

6. Keating, H. British trees: folklore and mythology [Electronic Resource] / Helen Keating. – Access mode: <https://www.woodlandtrust.org.uk/blog/2021/04/tree-folklore/>. (Access date: 05.04.2022).

УДК 373.3

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ 6 КЛАССА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л. Р. Фейзуллаева¹, С. Е. Чернобай²,

*¹обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается применение информационно-коммуникационных технологий с целью формирования лексической компетенции изучающих английский язык в 6 классе средней школы. Цель исследования состоит в выявлении эффективности применения ИКТ для совершенствования лексической компетенции учащихся. В работе применяются методы анализа, синтеза, обобщения, наблюдения и эксперимента. В результате работы установлено, что ИКТ обладают большим образовательным потенциалом, что эффективно сказывается на формировании лексической компетенции, также повышают мотивацию к изучению английского языка и способствуют развитию навыков самостоятельного осуществления учебно-исследовательской и информационно-познавательной деятельности.

Ключевые слова: лексическая компетенция, информационно-коммуникационные технологии, английский язык.

Summary. The article scrutinizes the application of the information communication technologies (ICT) in order to form lexical competence of the English learners in the 6th grade in the secondary school. The aim of the research is to expose the efficiency of applying ICT for improving lexical competence of the learners. The methods of analysis, synthesis, generalization, observation and experiment are used. As a result of the research it is ascertained that ICT have a great educational potential

which efficiently affects the formation of lexical competence, influences the motivation to study English as well as contributes to the development of skills to do the educational-research and information-cognitive activity independently.

Keywords: lexical competence, information communication technologies, English.

Введение. В современной системе образования в соответствии с Примерной основной образовательной программой основного общего образования главной целью изучения иностранного языка в школе является «формирование и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции» [3]. Термин «коммуникативная компетенция» был введен американским лингвистом Деллом Хаймсом, который рассматривал коммуникативную компетенцию как знание языка, включающее в себя умение выбирать варианты в соответствии с ситуативными, социальными или другими внеязыковыми факторами, изучаемые ситуативной грамматикой [7, с. 27]. Лексическая компетенция является одной из составляющих коммуникативной компетенции. К сожалению, отечественные УМК для учащихся средней школы содержат недостаточное количество упражнений, направленных на отработку лексического материала. В связи с этим методисты предлагают использовать информационно-коммуникативные технологии для формирования лексической компетенции в процессе обучения [1].

Цель исследования – выявить эффективность применения ИКТ в формировании лексической компетенции учащихся 6 классов на уроках английского языка. **Задачи** исследования: 1) уточнить понятие «лексической компетенции»; 2) описать алгоритм работы на платформе Quizlet; 3) определить эффективность работы с платформой Quizlet на уроках английского языка в 6 классе для совершенствования лексической компетенции. В ходе работы применяются общенаучные **методы** анализа, синтеза, обобщения, наблюдения и эксперимента.

Результаты исследования. А. Н. Щукин рассматривает лексическую компетенцию как способность учащихся определять контекстуальное значение слова, сравнивать его объем в двух языках, выявлять в нем национальные особенности, которые характерны для культуры носителей иностранного языка [6, с. 23]. По мнению Е. Н. Солововой, лексическая компетенция представляет собой определенные знания словарного состава языка, включающие лексические элементы (слова, сочетания слов, фразеологические единицы, фразовые глаголы), а также способность их использования в речи [4, с. 145].

Согласно А. Н. Шамову, лексическая компетенция включает в себя следующие компоненты: 1) когнитивный, 2) действенно-практический и 3) рефлексивный [5, с. 19]. Когнитивный компонент охватывает лексические знания, т.е. знание определенной лексической единицы, знание её значения и формы слова. Действенно-практический компонент подразумевает лингводидактические стратегии владения словом, а именно: модель вторичной языковой личности, модель усвоения системы неродного языка и культуры. Рефлексивный компонент включает конкретно-практические стратегии, ресурсные стратегии и учебные стратегии. Конкретно-практические стратегии обеспечивают овладение языковыми средствами, самостоятельную тренировку и речевую практику в условиях самостоятельного изучения языка; ресурсные

стратегии – это использование разнообразных средств обучения, создание собственной ресурсной базы, хранение необходимой информации в процессе работы над языком; учебные стратегии обеспечивают подготовку к формату международных экзаменов по иностранному языку.

В процессе изучения лексики учащиеся сталкиваются с определенными трудностями, которые условно подразделяются на межъязыковые (несовпадение объема значений слова в английском и русском языках, стилистические коннотации) и внутриязыковые (многозначность слов). Поэтому важно изучать лексику в контексте, тренируя ее в разнообразных коммуникативных ситуациях.

Большим образовательным потенциалом в рамках формирования лексической компетенции обучающихся обладают образовательные платформы, в том числе платформа Quizlet [8]. Основные преимущества интерактивного сервиса Quizlet: 1) 6 режимов обучения (карточки, письмо, заучивание, правописание, тестирование, игры (Подбор, Гравитация, Quizlet Live)); 2) возможность создавать флеш-карточки на любом языке; 3) аудиосопровождение представленных к изучению слов; 4) распознавание голоса учащихся; 5) доступность (с компьютера или любого мобильного устройства); 6) бесплатное использование [1, с. 35].

Рассматривая возможности данного сервиса с точки зрения обучения лексике, следует обратить внимание на следующие этапы работы: 1. Демонстрация: создание учителем, а впоследствии в качестве домашнего задания и самими учащимися флеш-карточек с новыми лексическими единицами с возможностью прослушивания правильного произношения и записи собственного голоса. 2. Закрепление: приложение автоматически создает задания с изучаемыми лексическими единицами, данные задания включают написание перевода слов или прослушанного слова. 3. Контроль: задания для тестирования и игры. Тестирование включает в себя задания на соответствие, множественный выбор и истинные / ложные высказывания, письменный перевод слов. 4. Интерактивная онлайн игра для группы Quizlet Live, в ходе которой формируются лексические и коммуникативные навыки [1, с. 14]. Также благодаря сервису Quizlet есть возможность создавать виртуальные классы, что позволяет учителю быстрее и качественнее оценить работу учащихся, а также прокомментировать их деятельность.

В качестве методических рекомендации по развитию лексической компетенции с помощью образовательной платформы предлагается алгоритм обучения, разработанный А. А. Кокоревой [2], и состоящий из 4 этапов: 1) подготовительный этап, 2) ознакомление, 3) тренировка и 4) заключение.

Подготовительный этап состоит из двух шагов: мотивационного и демонстрационного. Во время *мотивационного шага* создается дефицит знаний учащихся и осуществляется актуализация их знаний об образовательных платформах. Также задачей этого шага является формирование у учащихся заинтересованности в изучении английского языка с помощью интерактивных средств обучения. В устной форме с помощью вопросов учитель проводит актуализацию знаний учащихся. Данный шаг может быть сокращен, если учитель использует образовательную платформу постоянно, или учитель может задать учащимся уточняющие вопросы: «*What do you think these sentences are about?*»; «*Do you know the meaning of all the words?*»; «*Why should we learn new*

words?»; «*What can a wrong meaning lead to?*»; «*What can help us to learn new words?*»

Во время *демонстрационного шага* учитель представляет полную версию сайта и мобильного приложения Quizlet. Целью данного шага является продемонстрировать возможности образовательной платформы Quizlet и ознакомить учащихся с ее интерфейсом. Демонстрация сайта и приложения происходит посредством интерактивной доски, проектора или раздаточного материала. Учитель дает инструкции по использованию приложения, а также демонстрирует особенности работы на примерах.

Этап ознакомления включает в себя шаг «поисково-изучающий», во время которого учащиеся знакомятся с лексическими единицами, а затем выполняют предложенные упражнения. Задача данного этапа состоит в развитии умений самостоятельно использовать платформу Quizlet, анализировать полученную информацию. Учитель вводит лексику посредством флеш-карточек на платформе [8]. Учащиеся проходят несколько этапов, предлагаемых на платформе: 1) изучение слов на карточках путем их просмотра (Task. *Look at the screen and learn the words*); 2) заучивание слов (Task. *Look at the definition and tick the right word*).

Этап тренировки состоит из одного шага, который заключается в отработке изученных лексических единиц посредством выполнения упражнений, предложенных на платформе Quizlet. Для данного этапа используются следующие разделы «Письмо» и «Правописание» образовательной платформы. В первом разделе задание формулируется следующим образом «*Look at the picture or at the definition and write down the word*» и направлено на автоматическое запоминание графической формы слова. В следующем разделе задания усложняются (Task. *Listen to the speaker and write down the word you hear*) и направлены на совершенствование орфографических навыков и умение распознавать изученные лексические единицы на слух. Представленные правильные ответы после каждого задания позволяют как учителю, так и ученикам оценить прогресс обучения. В мобильной версии приложения есть раздел «Подбор», в котором учащимся предлагается соединять слово и его определение (*Match the words and their meanings*) в игровой форме. Упражнения в этом разделе позволяют учащимся соревноваться друг с другом, выполняя задания на скорость. В игре представлено восемь пар лексических единиц и определений к ним. Это следует учитывать при выборе количества материала, так как если лексических единиц больше, то потребуются сыграть в несколько игр для отработки изучаемой лексики.

Заключительный этап состоит из трех шагов: шаг 5 – домашнее задание, шаг 6 – рефлексия и шаг 7 – оценка учителя и подведение итогов. В качестве домашнего задания учащимся предлагается составить свои флеш-карточки на платформе Quizlet. Проведение рефлексии является важной частью урока. Учитель может задать учащимся следующие вопросы или включить их в опросник: *Today we studied new lexical units. Was it interesting to use computer and the new Internet resource? Did the platform help you to learn the word? Was it difficult?* По окончании урока учитель должен оценить работу учащихся, выделив их сильные и слабые стороны. Так учитель способствует повышению

мотивации к изучению английского языка и указывает дальнейшее направление для развития каждому учащемуся.

Выводы. Платформа Quizlet неоднократно была использована на занятиях в 6 классах во время прохождения педагогической практики в МБОУ «Добровская школа-гимназия им. Я. М. Слонимского» (с. Доброе). Представленные на платформе задания способствуют формированию лексических навыков учащихся, расширению их словарного запаса, развитию умений осуществлять учебно-исследовательскую и информационно-познавательную деятельность, а также повышают мотивацию к изучению английского языка.

Список использованных источников

1. Жегало, Т. И. Обучающая платформа Quizlet в преподавании профессионального иностранного языка / Т. И. Жегало // Материалы 18-й международной научной конференции: в 3 частях ; под редакцией С. А. Маскевича, С. С. Позняка, 2018. – С.137–139.

2. Кокорева, А. А. Методические условия обучения студентов профессионально-ориентированной лексики на основе корпуса параллельных текстов / А. А. Кокорева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 142–143.

3. Примерная основная общеобразовательная программа основного общего образования/ Министерство Просвещения Российской Федерации [Официальный сайт] // URL:<https://fgosreestr.ru/registry/primernaya-osnovnayaobrazovatel'naya-programma-osnovnogo-obshhego-obrazovaniya-3/>. (дата обращения: 22.10.2021).

4. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранному языку. Базовый курс лекций. Пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – 4-е изд. – Москва : Просвещение, 2006. – 239 с.

5. Шамов, А. Н. Лексические навыки устной речи и чтения – основа семантической компетенции обучаемых / А. Н. Шамов // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 4. – С. 19–25.

6. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. Учеб. пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. – Москва : Филоматис, 2004. – 416с.

7. Hymes, D. On Communicative Competence / D. Hymes. – New York : Harmondsworth Penguin, 1972. – 319 p.

8. <http://quizlet.com>

УДК 378.02 : 37.016 + 811.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИАТЕКСТА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСТНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ САЙТОВ)

О. А. Чеченева¹, С. Е. Чернобай²,

*¹обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «медiateкст» и «медиакультура». Цель исследования – выявить степень эффективности использования медiateкста для совершенствования навыков устной речи учащихся старших классов на уроках английского языка. В ходе работы использовались методы анализа и синтеза, обобщения, наблюдения и экспериментальный метод. В результате исследования было установлено, что применение медiateкста на уроке в старшей школе способствуют совершенствованию навыков устной диалогической и монологической речи, развивает самостоятельное логическое мышление и внимание, повышает мотивацию к изучению английского языка, а также способствует развитию взаимного уважения и толерантности.

Ключевые слова: медiateкст, медиакультура, английский язык, устная речь.

Summary. The article scrutinizes the notions «media text» and «media culture». The aim of the research is to expose the efficiency of using media text for the formation of the oral speech skills of the pupils in high school during English lessons. The methods of analysis, synthesis, generalization, observation and experiment are applied. As a result of the research it is ascertained that the use of media texts during the lessons in high school contributes to the improvement of oral dialogic and monologic speech skills, develops independent logical thinking and attention, stimulates the motivation to study English, as wells as promotes the development of mutual respect and tolerance.

Key words: media text, media culture, English, oral speech.

Введение. Принимая во внимание глобализацию современного мира, выпускникам школ важно хорошо владеть иностранным языком, особенно английским ввиду его широкого распространения. Устная речь – одна из главных составляющих любого языка. Грамотное построение предложения, изложение мысли, хорошее произношение – это навыки, которыми должен обладать современный старшеклассник. Как показывает практика, не все школьники старшего звена способны грамотно высказываться на иностранном языке. Для повышения мотивации учащихся учителю следует применять современные методы обучения с привлечением актуальной и интересной для подростков информации. **Цель** исследования – определить роль медiateкста в успешном изучении английского языка и выявить эффективность упражнений, разработанных на материалах новостных сайтов, для совершенствования навыков устной речи старшеклассников. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**: 1) дать определение понятию «медiateкст»; 2) рассмотреть влияние медиакультуры на подростков; 3) разработать упражнения на материалах новостных англоязычных сайтов и определить их эффективность.

В ходе работы использовались **методы** анализа и синтеза, обобщения, наблюдения и экспериментальный метод.

Результаты исследования. Как отмечает Г. В. Рогова, иностранный язык как учебный предмет имеет сложную структуру, «в которой выделяются язык (как определенная система знаков) и речь, представляющая собой реализованные и реализуемые единицы языка во множестве разнообразных ситуаций общения. Поэтому, чтобы овладеть такой сложной системой, какой является этот учебный предмет, в нем вычленяют виды речевой деятельности: устную речь (аудирование и говорение), чтение, письмо и аспекты языка: фонетику, лексику, грамматику» [2, с. 1]. В устной речи выделяют монологическую речь и диалогическую речь: «Монологическая речь стимулируется внутренними мотивами, и ее содержание и языковые средства выбирает сам говорящий. Диалогическая речь стимулируется не только внутренними, но и внешними мотивами (ситуация, в которой происходит диалог, реплики собеседника)» [1, с. 254]. Так как устная речь на иностранном языке представляет собой сложный для овладения навык, то учителю важно стимулировать его совершенствование, используя современные аутентичные материалы. Е. И. Шеваршинова подчеркивает, что «одним из средств успешного формирования межкультурной компетенции в единстве с иноязычной коммуникативной компетенцией является использование аутентичных текстов в качестве учебных материалов» [5, с. 175]. Одним из видов таких материалов является медиатекст на английском языке. Под медиатекстом понимается «разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанная на массовую аудиторию» [3, с. 7]. Медиатекст включает в себя Интернет-текст, радиопередачу, журналистский текст, специальный репортаж, публицистический текст. С понятием медиатекста тесно связана медиакультура, которая представляет собой уникальный тип культуры информационного общества, охватывающий различные информационно-коммуникативные средства.

Медиакультура сильно влияет на развитие общества, помогая человеку адаптироваться в современном обществе, а также затрагивает образовательные процессы. Благодаря появлению Интернета и доступности информации появилось огромное разнообразие методов преподавания. Учитель имеет возможность комбинировать традиционные методы преподавания с современными технологиями. Важность медиаобразования состоит в том, что современные школьники быстрее совершенствуют свои навыки, применяя медиатехнологии. Следует помнить, что учащиеся 10-11-ых классов являются подростками. Большинство психологов «обращают внимание на особую значимость данного возрастного периода для становления личности» [4, с. 1]. В этот период характерны перепады настроения, акцентирование на собственном «Я» из-за поиска своего места в мире. Школьники склонны к поиску одобрения в коллективе. У них улучшается логическое, теоретическое и абстрактное мышление, построение причинно-последственных связей. Поэтому для эффективного обучения следует выбирать интересующие современных

школьников темы. Это позволит стимулировать интерес к изучению английского языка, а также улучшить работоспособность и усвоение материала. В этот непростой период взросления роль учителя очень важна, так он направляет и задает правильный курс обучению. Выбор метода непосредственно влияет на труд учащихся, делает его радостным и интересным, либо же выступает как выполняемый лишь по необходимости. С развитием информационных сетей совершенствование методов обучения становится все актуальнее. Изменение структуры учебников и школьного образования позволяет старшеклассникам идти в ногу со временем и своевременно влиться в социум.

Существует достаточное количество методик для формирования англоязычной устной речи на основе текста. Наиболее эффективными из них являются чтение художественной литературы, прослушивание аудиокниг, просмотр публичных выступлений, навык задавать интересные вопросы. Чтение художественной литературы помогает не только развивать воображение, но расширять вокабуляр. Описание предметов, действий, природы позволяет подростку расти как личности. Прослушивание аудиокниг становится все более популярным. Это позволяет правильно выстраивать интонацию, избегать слов-паразитов, создавать нужный эффект с помощью пауз в речи и воспринимать иностранную речь на слух. Просмотр публичных выступлений интересен, наблюдение за невербальными способами общения помогает понимать, о чем идет речь без слов. Можно слушать как диалогическую, так и монологическую речь. Навык задавать интересные вопросы к просмотренному видео или прочитанной книге помогает развивать логическое мышление, учит правильно формировать мысли и способствует развитию устной речи.

К выбору медиатекста необходимо подойти ответственно, так как от этого зависит результат обучения. Текст не должен быть слишком легким, но при этом оставаться доступным для понимания учениками старших классов. Материалы British Broadcasting Corporation [6] соответствуют этому критерию. На сайте корпорации представлены статьи и видео на разнообразную тематику: новости спорта, истории, науки, климата, мировые новости, видео на различные темы, статьи о знаменитостях и искусстве, бизнесе, природе и путешествиях. Материалы сайта охватывают все возможные аспекты жизни человека. Используя материалы данного сайта, были разработаны упражнения на совершенствование навыков устной речи, которые были апробированы на уроках английского языка в старших классах во время прохождения педагогической практики. Для проведения урока из оборудования требуется проектор и компьютер. В рамках темы «Люди, которые вдохновляют нас» учащимся предлагается выполнить ряд упражнений на основе видеоматериалов о жизни параолимпийской чемпионки Либби Клегг [7] и статьи о певице Адель [8].

В начале занятия учащиеся просматривают видео «Libby Clegg: “Hatti gave me an identity away from the track”» [7]. После просмотра им предлагается ответить на вопросы по видео. Список предлагаемых вопросов: 1. Who is the main assistant of the Paralympic champion? 2. What are the limitations of the girl in the video? 3. In which sport did the heroine receive an Olympic medal? 4. What helps Libby get up in the morning? 5. How does Libby make fun of a passerby? 6. How long has Hattie been with Libby?

После обсуждения видео в форме вопросов и ответов учитель предлагает школьникам поработать в парах, представив разговор между Хатти и Либби в форме диалога «What does Hatti want to tell her owner about?». Диалоги представляются всему классу. Затем учащимся дается время на подготовку краткого монологического высказывания по теме «The life of a person with disabilities and ways to improve it». Задача школьников высказать свое мнение о проблеме, представив возможные пути улучшения жизни для людей с ограниченными возможностями, такие как: оборудование пандусов, организация развлечений, развитие толерантности к людям с ограничениями. Подготовленные монологи представляются классу и обсуждаются.

В ходе работы со статьей «Adele and her public life» [8] учащимся предлагается прочитать биографию известной певицы Адель и составить по ее примеру публичное выступление на тему: «What I want to achieve in life and in what way». Основные аспекты, которые необходимо осветить в своем монологе: мои хобби, мои ценности, мои планы на будущее. Затем следует последующее обсуждение интересов каждого учащегося.

Во время изучения темы по экологии учащимся представляется дополнительный видеоматериал. Предлагается посмотреть видео «Climate deal: “It won't save us from drowning”» [9]. После просмотра учащиеся самостоятельно формулируют до 10 вопросов и задают их друг другу по материалам просмотренного видео. Затем класс делится на несколько небольших групп до четырех человек, в которых они разрабатывают план проекта на тему «Environmental protection». В проекте обязательно надо осветить следующие проблемы: состояние окружающей среды на сегодняшний день; возможные пути решения глобальных проблем; представление идей, которые способен сделать каждый для защиты окружающей среды. Планы проектов выносятся на обсуждение класса для их последующей реализации в установленные сроки.

В ходе работы применяются различные виды деятельности: совместное создание проекта, индивидуальная работа при подготовке монолога о себе и своих жизненных целях, работа в парах при обсуждении заданных учителем вопросов. Кроме того, выбор материалов осуществлялся с целью развития толерантности, уверенности в себе, бережному отношению к окружающей среде, уважению друг к другу и самодостаточности.

Выводы. Использование медиатекста на занятиях по английскому языку в старших классах способствуют совершенствованию навыков диалогической речи в форме дискуссии на заданную тему, самостоятельном составлении вопросов по теме и дальнейшем их обсуждении, подготовке совместных проектов. Навыки монологической речи совершенствуются в создании собственного портфолио и его представлении классу, публичном выступлении. Таким образом, медиатекст представляет много возможностей для качественного обучения английскому языку и способствует повышению мотивации учащихся к углубленному изучению английского языка.

Список использованных источников

1. Алексеев, М. М. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников : учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / М. М. Алексеев, В. И. Яшина. – Москва : Издательский центр «Академия», 2000. – 400 с.

2. Рогова, Г. В. Устная речь как средство обучения / Г. В. Рогова // Научный журнал иностранные языки в школе. – 2014. – № 3. – С. 21–27.
3. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» / Г. Я. Солганик // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–13.
4. Макларков, А. Г. Особенности психологического развития старших школьников / А. Г. Макларков, А. А. Сидорова // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № .4. – Том 5. – С. 33–44.
5. Шеваршинова, Е. И. Применение медиатекстов с целью взаимосвязанного обучения иностранному языку и межкультурному общению студентов языковых факультетов / Е. И. Шеваршинова // Наука и школа. – 2015. – № 1. – С. 175–181.
6. BBC [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bbc.com/>. – (Access date: 15.11.2021).
7. BBC [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bbc.com/news/av/uk-england-leicestershire-59125126>. – (Access date: 15.11.2021).
8. BBC [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-59286283>. – (Access date: 15.11.2021).
9. BBC [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bbc.com/news/science-environment-59268394>. – (Access date: 15.11.2021).

УДК 378.02 : 37.016 + 811.111

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПРИМЕНЕНИЕМ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ

А. Р. Тарасевич¹, С. Е. Чернобай²,

*¹обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
²старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается специфика учебно-воспитательного процесса в старших классах на уроках английского языка с применением аудиовизуальных средств обучения. Цель исследования – выявить эффективность применения аудиовизуальных средств обучения в процессе совершенствования речевых навыков старшеклассников. В ходе работы использовались методы анализа, синтеза, наблюдения и эксперимента. В результате исследования установлено, что использование визуальной опоры

способствует формированию у учащихся навыков спонтанной устной речи, развитию аналитических способностей и эстетическому воспитанию.

Ключевые слова: речевые навыки, аудиовизуальные средства, английский язык.

Summary. The article scrutinizes the specificity of the educational process in high school at the English lessons while using audiovisual aids. The aim of the research is to expose the efficiency of applying audiovisual aids for improving the speech skills of senior pupils. The methods of analysis, synthesis, observation and experiment are used. As the result of the research it is ascertained that the use of the visual materials promotes the formation of the pupils' skills of spontaneous oral speech, development of analytical abilities and aesthetic education.

Key words: speech skills, audiovisual aids, the English language.

Введение. Навык грамотного построения речи на иностранном (английском) языке должен быть приобретён до окончания школьного обучения. Многие ученики старшей школы испытывают трудности в составлении монологических высказываний на английском языке, а уровень сформированности их умения использовать пояснительную речь не является удовлетворительным. Поэтому учитель должен помочь учащимся научиться рассуждать, а затем грамотно и последовательно излагать свои мысли. Для этого представляется эффективным использовать аудиовизуальные средства обучения, а именно: учебные наглядные пособия, предназначенные для предъявления зрительной и слуховой информации. Данные средства подразделяются на визуальные (зрительные), аудитивные (слуховые) и, собственно, аудиовизуальные (зрительно-слуховые) средства. Визуальные средства включают в себя рисунки, таблицы, схемы, репродукции произведений живописи, транспаранты, диафильмы, диапозитивы. К аудитивным средствам обучения относятся фонограммы, т. е. грамзаписи, магнитозаписи и радиопередачи. Собственно, аудиовизуальные средства (видеофонограммы) представляют собой кино-, теле- и диафильмы со звуковым сопровождением [1, с. 22]. Применение таких средств также служит эстетическому воспитанию подростков. **Цель исследования** – выявить эффективность применения аудиовизуальных средств обучения в процессе совершенствования речевых навыков старшеклассников. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**: 1) определить основные проблемы учебно-воспитательного процесса на старшем этапе средней школы; 2) разработать упражнения с применением аудиовизуальных средств, направленные на совершенствование навыка устной речи на английском языке. В ходе работы использовались **методы** анализа, синтеза, наблюдения и эксперимента.

Результаты исследования. Группа старшего школьного звена обычно включает в себя подростков от 15 до 17 лет. Школьники этого возраста, морально, как правило, более уязвимы в связи с нахождением в кризисном возрасте на этапе полового созревания. Особую роль в данном возрасте может играть внешний вид, который может иметь определяющее значение для производимого впечатления и выбора группы общения. Семья остаётся важной группой в жизни подростка, хоть её влияние на его действия значительно уменьшается [4, с. 247]. В связи с этим цель учителя английского языка в старших классах – активно участвовать в становлении и развитии личности

подростка, приобщая его к иноязычной культуре, выработать у него навык коммуникации на иностранном языке. Для решения этой задачи педагог должен использовать различные способы общения: интерактивный, перцептивный, информационный. Продуктивное усвоение нового материала связано с умением преподавателя. Д. К. Бартош считает, что «общение должно быть построено таким образом, чтобы происходило постепенное овладение речевым материалом» [2, с. 13]. Прогресс и изменение методов изучения языка, несомненно, связаны с открытиями в области психологии личности и группы. Сейчас ощущаются заметные изменения в сознании людей и развитие нового мышления: появляется провозглашенная А. Маслоу потребность в самоактуализации и самореализации.

«На современном этапе развития преподавания иностранных языков при выборе метода обучения необходимо исходить из особенностей коллектива, в котором он будет использоваться, необходимо учитывать личностные особенности обучаемых, их возраст, интересы, уровень подготовки, период, в течение которого будет проходить обучение, а также техническую оснащенность учебного заведения» [5, с.117]. В процессе тренировки устной речи, учащиеся овладевают умением логично и последовательно высказываться об увиденном, услышанном, прочитанном, используя элементы описания, повествования и рассуждения, аргументировано выражая свое отношение к предмету высказывания. Старший этап обучения английскому языку имеет ярко выраженную коммуникативную направленность. На первый план выступает самостоятельное использование иностранного языка как средства получения учащимися новой информации, которая бы по-иному представляла известные им факты и расширяла их информированность в различных областях знаний. По Е. И. Пассову, для развития речевого умения должного уровня необходимо наличие речемыслительной задачи, наличие естественной мотивации, наличие естественной ситуации как стимула, личностная индивидуализация, свободная вариативность, новизна ситуации, самостоятельность говорящего [6, с. 84].

Эффективными являются следующие виды работы: работа по развитию умения критически оценивать информацию, например: оценить содержание/конец рассказа/фильма; высказать свое мнение о действиях героев; сделать общие выводы, установить причинно-следственные связи; развить мысль. При развитии спонтанного неподготовленного высказывания учащимся сначала дается возможность подготовить свое высказывание дома, затем в классе, постепенно сокращая время на подготовку до 2 – 3 минут. Следует уделять внимание развитию навыков комбинирования языкового материала и навыков самоконтроля.

При развитии умений и навыков использовать английский язык как средства общения визуальные средства могут повысить уровень заинтересованности учащихся, а также предоставят возможность развивать все виды речевой деятельности. В обучении английскому языку принято считать важным принцип наглядности, который часто выступает синонимом визуализации. С помощью наглядности создаются учебные ситуации, в которых отрабатывается устная коммуникация. Однако О. В. Бодня считает, что наиболее правильно представлять себе процесс визуализации как создание внутреннего образа воспринимаемого подростком объекта. В этом смысле границы понятия

«визуализация» значительно шире понятия «наглядность». Задача наглядности заключается в формировании психической активности учащихся. Также наглядность вызывает интерес к занятиям языком, увеличивает объём усваиваемого материала и способствует развитию творческой составляющей у молодого поколения [3, с. 23].

На данный момент существуют разнообразные упражнения для формирования языковых и речевых умений, но не все являются эффективными, доступными и интересными для школьников. Мы предлагаем использовать упражнения для формирования иноязычных речевых умений на основе применения аудиовизуальных средств. Одним из самых распространённых вариантов речевого упражнения является описание просмотренного фрагмента видео. При акценте на окружение, погоду и обстановку ученик приобретает навык описания объектов, развивает внимание к деталям. Очень важно следовать четкому плану монологического высказывания и не нарушать структуру изложения. Также стоит обратить внимание на правильность порядка слов, наличие и количество выразительных средств, творческий подход учащегося. Вторым вариантом упражнения после просмотра видео является описание сюжета или взаимоотношений персонажей. В этом случае последовательность изложения играет большую роль. Но не менее важно и употребление глаголов, описывающих действия, настроение изображенных людей и развитие сюжетной линии.

Подбор аудиовизуальных материалов должен производиться с учетом специфики интересов учащихся. Это такие темы, как «School», «Family», «Friends», «Hobbies», «Work», «University», «Relationships», «Appearance» и т.д. Средства наглядности помогают созданию образов, а мышление превращает эти представления в понятия. Аудиовизуальные материалы способствуют развитию внимания, наблюдательности, эстетического вкуса, культуры мышления, памяти и повышают интерес к изучению иностранного языка. Яркая наглядность создает представление о живых образах, вызывает соответствующие ассоциации и оказывает эмоциональное воздействие на учащихся.

Ниже представлены разработанные упражнения с использованием аудиовизуальных средств обучения для старшеклассников, которые были апробированы при прохождении педагогической практики. При выполнении данных упражнений необходимы следующие материалы и оборудование: компьютер, проектор или интерактивная доска, аудио-гарнитура, заранее подготовленный видеоматериал. Возможна замена некоторых видеоизображений на распечатанные изображения. Общей целью всех упражнений является развитие навыка иноязычной устной речи. Кроме того, при работе с темой «*Мои летние каникулы / My Summer Holidays*» учитель ставит цель повторить грамматические времена Present Simple, Present Continuous, Past Simple, Past Continuous, Present Perfect, Present Perfect Continuous, развить навык монологического высказывания на заданную тему и навык выступления перед публикой с использованием электронных материалов. В ходе работы учащиеся пишут сочинение по заданной теме, подготавливая к нему нарезку видео, снятых самостоятельно или же взятых из сети Интернет. Кадры должны подходить по смыслу излагаемой информации и являться вспомогательным материалом при ответе. Учащиеся должны описать места отдыха, людей, их эмоции,

взаимоотношения, предметы, события, изображенные на видео. Также они должны рассказать о собственных впечатлениях.

При выполнении упражнения «Угадай-ка!» или «Predict» основная цель повторить пройденный материал, отработать речи вводные конструкции для выражения собственной точки зрения на иностранном языке: «I think», «I believe», «To my mind», «I must admit», «It seems that...», «As far as I know», «As far as I can judge», «Frankly speaking», «It goes without saying that...», «I would rather». При выполнении упражнения учитель показывает учащимся отрывок видео, относящегося к изученной или изучаемой теме. Учащиеся, в свою очередь, пытаются угадать, что произойдет в дальнейшем, излагая свои мысли на иностранном языке. Учащиеся высказывают свои мысли последовательно, не перебивая друг друга, не повторяя сказанное. Упражнение направлено не на угадывание сюжета, а на развитие интуиции и фантазии подростка.

При выполнении упражнения «Фотографическая память/ *Photographic memory*» одна из целей развить зрительную и слуховую память. Сначала учитель показывает учащимся фрагмент видео в течение минуты. После завершения отведенного времени учащиеся должны устно описать увиденное, учитывая все запомнившиеся им детали. Учитель может подсказывать ученикам, но вновь проигрывать видеозапись он не должен. Видеозапись показывается во второй раз лишь после того, как учащиеся признают, что упомянули всю возможную информацию по изображению.

Выводы. Выбор аудиовизуальных средств обучения для совершенствования навыка иноязычной устной речи обусловлен удобством и высоким результатом учащихся после выполнения подобных комплексов упражнений. Использование аудиовизуальных средств способствует развитию различных сторон психической деятельности обучающихся, прежде всего внимания и памяти. Во время просмотра видео создается атмосфера совместной познавательной деятельности. Это помогает даже самым невнимательным учащимся сосредоточиться на выполнении задания. Мы можем наблюдать, как непроизвольное внимание переходит в произвольное. Использование визуальной опоры способствует формированию у учащихся старших классов навыков спонтанной устной речи, развитию аналитических способностей и эстетическому воспитанию.

Список использованных источников

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, Ф. Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Бартош, Д. К. Современные образовательные тенденции мультимедийного обучения иностранным языкам / Д. К. Бартош, Н. Ю. Серова // Вестник университета. Государственный университет управления. – 2011. – № 6. – С. 12–14.
3. Бодня, О. В. Мультимедийная презентация к уроку: пособие для учителей / О. В. Бодня. – Харьков : Основа, 2012. – 128 с.
4. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 398 с.
5. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – Москва : АРКТИ, 2003. – 192 с.

6. Пассов, Е. И. Беседы об уроке иностранного языка: пособие для студентов педагогических институтов / Е. И. Пассов. – Москва : Просвещение, 1971. – 148 с.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

УДК 027

ОПЫТ СОЗДАНИЯ АДАПТИВНОЙ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ПРОБЛЕМАМИ ЗРЕНИЯ В БИБЛИОТЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О. В. Сиротюк,

*Заведующая отделом «Специализированная библиотека для незрячих и слабовидящих» Государственного бюджетного учреждения культуры
«Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова»,
Пенза*

Аннотация. рассматривается практика реализации проекта с использованием Гранта Президента – Инклюзивные практики для людей с проблемами зрения «Творчество и спорт: театральные дебюты» в тесном сотрудничестве Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова и АНО «Благодар».

Ключевые слова: проект, инклюзивная среда, библиотека, мероприятия, театральная студия, интернет-радио, инвалиды, адаптация.

Summary: The article discusses the practice of implementing the project using the Grant of the President – Inclusive practices for people with visual problems «Creativity and sport: theatrical debut» in close cooperation with the Penza Regional Library named after M.Y. Lermontov and ANO «Blagodar».

Key words: project, inclusive environment, library, events, theater studio, internet radio, disabled people, adaptation.

Сегодня особое внимание государство и общественность уделяет проблемам людей с ограниченными возможностями здоровья, в связи с чем возрастает роль и престиж библиотеки как социального института, способствующего адаптации в мире быстро меняющихся информационных технологий и должного помочь людям с ограниченными возможностями.

Библиотеки становятся главными центрами информации и коммуникации для людей с ограниченными возможностями. Возрастает роль публичных библиотек в адаптации жителей мегаполиса к сложным жизненным ситуациям.

Возросла в последние годы и роль библиотек в реабилитации этой категории населения посредством библиотечно-информационного обслуживания.

Создание инклюзивной среды и внедрения её в пространство библиотеки является актуальным условием успешного взаимодействия людей с ограниченными возможностями здоровья.

Не стала исключением и Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, в которой успешно функционирует отдел «Специализированная библиотека для незрячих и слабовидящих».

В тесном сотрудничестве с АНО «Благодар» Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова реализуют проект с использованием Гранта Президента – Инклюзивные практики для людей с проблемами зрения «Творчество и спорт: театральный дебют».

Проект направлен на реализацию комплекса мероприятий по социальной реабилитации и интеграции людей с инвалидностью по зрению (незрячие и слабовидящие) через досуговые (творческие) и спортивные мероприятия.

Целевая аудитория проекта – это люди с проблемами зрения, инвалиды по зрению (незрячие и слабовидящие).

В 2020 году впервые в историческом здании Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова появилось спортивное оборудование для незрячих и слабовидящих людей. Это теннисный стол для игры в «ШОУДАУН» (теннис для слепых) и соответствующий инвентарь (очки, перчатки, мячики, ракетки, табло для счёта).

Таким образом, произошло единение библиотеки и спорта. Создан и успешно функционирует «Клуб любителей спорта», еженедельно «особенная» спортивная команда проводит свои тренировки, после которых получают не только заряд бодрости и общения, но и интеллектуальный бонус в виде книг. Кроме этого, участники клуба принимают активное участие в мероприятиях, проводимых библиотекой.

Команда Пензенской области по шоудауну с удовольствием и успешно тренируется. Участники уверенно отбивают ракеткой шарик от лузы на своей стороне поля. Шарик громко гремит – это необходимо, поскольку спортсмены играют на слух. При подаче его нужно обязательно ударить о свой борт – чтобы второй игрок мог сориентироваться.

В России чемпионаты по шоудауну проходят с 2015 года. А в 2019-м представители страны завоевали серебряную и бронзовую медали мировых состязаний.

Сегодня спортсмены усердно занимаются под руководством пензенского тренера, кандидата в мастера спорта, чемпионки Пензенской области по настольному теннису – Кристины Мухиной.

В историческом здании Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова 25 января 2022 года состоялся первый городской турнир по настольному теннису (спорт слепых). Организаторами соревнований выступили городская организация ВОС, Пензенская спортивно-адаптивная школа, Пензенская областная библиотека им. М. Ю. Лермонтова, АНО «БЛАГОДАР», молодёжный совет при пензенской городской думе.

В соревнованиях приняли участие 9 человек. Победители определялись отдельно у женщин и мужчин. Турнир проходил по круговой системе. По итогам были определены победители и призёры турнира. Турнир являлся одним из

отборочных соревнований для определения участников в чемпионате России, который пройдёт в Челябинске в апреле 2022 года.

В 2021 году в рамках реализации проекта был приобретен адаптивный дартс и оборудован уголок для этой увлекательной игры. В инвентарь входят: стандартная мишень для дартса, которая применяется для всех соревнований, дротики и специальная защита. Основным отличием является наличие звукового сигнала и кнопки, при нажатии на которую обозначается уровень – относительно него незрячий спортсмен и ориентируется, чтобы метать дротики. Тренировки у дартсменов в стенах библиотеки идут полным ходом.

3 июня 2021 года впервые в Пензе вице-чемпион мира по дартсу, – Президент Федерации дартса Пензенской области Роман Обухов провёл мастер-класс для людей с проблемами зрения по игре. В мероприятии в общей сложности приняли участие более 60 человек. Мастер-класс длился более трёх часов.

Роман рассказал о правилах проведения соревнований, о методике подсчёта очков, остановился на технике броска, отработал её с каждым участником и дал рекомендации.

Проект «Творчество и спорт», который проходит на территории Пензенской области уже третий год, регулярно освещается в СМИ и социальных сетях.

В своих видеорепортажах и статьях журналисты рассказывают не только о спортивных секциях и достижениях людей с «особым взглядом», но и о работе театральной студии «ПРО-Зрение», созданной специально для людей с нарушением зрения.

Здесь всё необыкновенно: необычные люди, нестандартные условия, незримая игра и особенная творческая атмосфера.

Руководитель театральной студии и главный режиссёр спектакля – актриса Пензенского драматического театра Наталья Арефьева. Умение взаимодействовать с инвалидами, правильно и четко организовать работу на площадке – нелегкая миссия Натальи, с которой она профессионально справляется.

Актёры с ОВЗ подготовили спектакль «Банкрот» по пьесе А. Н. Островского «Свои люди, сочтемся», премьера которого состоялась 18 апреля на малой сцене Пензенского областного драматического театра им. А. В. Луначарского.

Результатом работы участников театральной студии стал новый опыт взаимоотношений, включающий в себя: живой процесс общения с возможностью влиять на него; возможность доверять партнёру; бережное отношение друг к другу; внимание; взаимное уважение; рефлексия; принятие критики и приглашения к взаимодействию.

Июль 2021 года был отмечен ярким событием в библиотечной жизни

области. В течение месяца в библиотеках области проходил социальный фестиваль «ПРО-Зрение». Инициатором фестиваля выступила Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова.

Основная цель фестиваля – это привлечение внимания общественности к проблемам инвалидов по зрению и формирование инклюзивной среды.

Участниками областного социального фестиваля «ПРО-Зрение» стали 54 библиотеки из 13 районов области. Фильм-спектакль просмотрели – 675 человек, в том числе 94 человека с ограничениями по здоровью.

Программа фестиваля включала в себя показ в муниципальных районах фильма-спектакля «Банкрот» с участием нашей театральной студии, а также видео репортажей пензенских телевизионных каналов о работе студии.

Областной социальный фестиваль позволил расширить географию показа спектакля, в котором люди с проблемами зрения смогли приятно удивить зрителей.

Некоторые актёры исполняют роль в абсолютной тьме (тотально слепые). Главные мужские роли (купца Большова, приказчика Подхалюзина, стряпчего Рисположенского) играют полностью незрячие актёры. Их смелое передвижение по сцене, их уверенное погружение в образ и живая внутренняя связь между партнерами сцены производят сильное впечатление даже на самого строгого зрителя.

В этом же году состоялся первый межрегиональный театральный социальный фестиваль «Сплетение» состоялся в октябре 2021 года в режиме онлайн. В нем приняли участие любительские творческие коллективы, в которых играют актёры – инвалиды по зрению. В фестивале приняли участие театральные коллективы, составленные из актёров-инвалидов по зрению из Москвы, Пензы, Саратова, Ярославля.

Театротерапия позволяет участвовать инвалидам по зрению в театральных спектаклях в расчёте на то, что та или иная роль окажет благотворное воздействие на личность человека, поможет ему справиться со своими внутренними проблемами. Такой артист с удовольствием делится результатами своей трудной работы над ролью, а взамен получает аплодисменты зрителей, которые важны для всех актёров, как акт признания. Демонстрации подобных театральных спектаклей позволяют привлечь внимание общественности на возможности полноценного взаимодействия инвалидов по зрению с людьми без ограничений по здоровью при создании театральной инклюзии.

Основной задачей фестиваля является создание особой, инклюзивной, адаптивной среды для развития социального, личностного и творческого потенциалов людей с проблемами зрения и людей без ограничений по здоровью.

Пять заявленных спектаклей можно было увидеть на YouTube-канале «Творчество и спорт для незрячих», из которых два стали премьерными.

Награды получили все участники, поскольку представленные спектакли оказались разноплановыми. Дипломами лауреатов фестиваля отмечены литературно-музыкальный дуэт из Москвы «Совпадение» (постановка «Их было двое» об А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилеве), ярославский театр-студия «Комедианты» (спектакль «Не покидай меня», посвященный Великой Отечественной войне), саратовский «Оптимист» (постановка по поэме М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша»).

Столичные актеры из «Народного театра «Внутреннее зрение» отмечены за документальный рассказ о слабовидящих людях, которые хотят играть на сцене.

Пензенская театральная студия «ПРО-Зрение» получила диплом лауреата за лучший спектакль по произведению русской классической литературы, а именно за постановку «Банкрот» по пьесе А. Н. Островского.

Артисты с «особым взглядом» уже имеют опыт выступления на сцене перед большой аудиторией, онлайн-трансляций через интернет, а также навыки студийной записи аудиоспектакля и озвучивании звукового журнала «Сура».

Это еще одно направление деятельности театральной студии – озвучивание журнала «Сура». Дело в том, что в 2003-ем году структурным подразделением Пензенской областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, стал журнал «Сура» и в этом его отличительная особенность от других литературно-краеведческих журналов. А с 2016 года выпуск журнала современной литературы, культуры и общественной мысли «Сура» не ограничивается изданием только бумажной и электронной версии выпускается и звуковая версия.

Запись звукового журнала происходит в специально оборудованной помещении студии звукозаписи, которая располагается в историческом корпусе Лермоновки.

Сейчас театральная студия «ПРО-Зрение» готовит сценки из произведений школьной программы. Это будут задания викторины для школьников средних классов. Она проводится с целью популяризации русской классической литературы. Школьникам потребуется отгадать автора, название и действующих лиц представленных театральных миниатюр.

Начало 2022 года было отмечено таким знаковым событием как запуск онлайн-радиостанции «Ориентир» для людей с проблемами зрения. Радиостанция функционирует на базе Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова и работает круглосуточно.

Ссылка в сети Интернет: <http://orientir.tisreg.online/>

В программе онлайн-станции ежедневно: утренняя гимнастика, новости, объявления, песни пензенских бардов, проза и стихи региональных поэтов и прозаиков, театр у микрофона, летопись Пензенского края, краеведение и много другое.

Проект «Творчество и спорт», несмотря на свою молодость, набирает обороты, расширяет возможности развития интеллектуальных и творческих потенциалов людей с проблемами зрения.

И смело можем отметить, что работа спортивных секций и театральной студии даёт отличный результат и уникальный опыт как нашим посетителям, так и нам – библиотекарям. Практика организации особых, адаптивных условий для людей с проблемами зрения положительно влияет на процессы их реабилитации, социальной адаптации и коммуникации.

Таким образом, инклюзия в современном библиотечном пространстве должна расширять свои границы, которые укрепят социокультурные взаимосвязи между людьми с разным уровнем здоровья.

**XIV НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ И
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 81-2

**ГЛАГОЛЬНОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В СЕВЕРНОМ
(СТЕПНОМ) ДИАЛЕКТЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА**

Э. Н. Меджитова,

*старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья является частью исследования глагольных форм в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка. В ней рассмотрены формы настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, подробно анализируются их грамматические значения и употребление в диалекте. Основным источником исследования послужили произведения крымскотатарских поэтов, которые писали на северном (степном) диалекте крымскотатарского языка, Бекира Чобан-заде и Мемета Нузэта. Исследование проводилось в сравнении с фактами современного крымскотатарского языка.

Ключевые слова: диалект, крымскотатарский, северный, степной, настоящее время, будущее время, глагол, наклонение.

Summary. This article is part of the study of verb forms in the northern (steppe) dialect of the Crimean Tatar language. It examines the forms of the present and future tense of the indicative mood, analyzes in detail their grammatical meanings and usage in the dialect. The main source of the research was the works of the Crimean Tatar poets who wrote in the northern (steppe) dialect of the Crimean Tatar language, Bekir Choban-zade and Memet Nuzet. The study was conducted in comparison with the facts of the modern Crimean Tatar language.

Key words: dialect, crimean tatar, northern, steppe, present tense, future tense, verbs, mood.

В системе глаголов крымскотатарского языка, как и других тюркских языков, особое место занимают временные формы, в частности формы настоящего и будущего времени изъявительного наклонения.

Разбор некоторых форм настоящего и будущего времени северного (степного) диалекта крымскотатарского языка произведен нами в предыдущих статьях [2, с. 166].

Сравнение форм собственно-настоящего времени северного диалекта с формами литературного языка показывает, что диалект располагает

следующими формами: на *-а*, *-джатыр//-ятыр*, *-джатып*. Также в нем имеются особые формы настоящего времени от четырех глаголов состояния: *тыр-*, *отыр-*, *джур-*, *джат-*; употребляются аналитические формы настоящего времени. Образующиеся при помощи тех же глаголов состояния (*ишлеп тыраман // ишлеп отыраман // ишлеп джуремен // ишлеп джатаман*) – я работаю. Кроме того, для выражения настоящего времени часто используется форма настоящего времени типа *аламан* «я беру». Форму настоящего времени на *-джатыр//-ятыр* (типа *ишлиятырман* «я работаю») А.Н. Кононов называет разговорной [1, с. 212].

Настоящее 1-е

Настоящее 1-е образуется описательным путем, т.е. посредством сочетания деепричастной формы на *-а* /-й основного глагола и формы причастия на *-а* вспомогательного глагола *тыр-* – стоять, пребывать, находиться. Например: *къарай тыра* – он смотрит, *айта тыра* – он говорит. 1-е и 2-е л. ед. и мн. чисел оформляются полными личными аффиксами лица типа *-мен*, *-сен*, *-мыз*, *-сиз*., 3-е л. мн. числа выражается с помощью аффикса множественности *-лар/-лер*. Отрицательная форма образуется при помощи отрицательного аффикса *-ма/-ме*.

Образец спряжения настоящего 1-го от глагола *ал-* (брать, взять):

Положительная форма

Ед. число: *ала тыраман* – я беру

ала тырасынъ – ты берешь

ала тыра – он берет

Мн. число: *ала тырамыз* – мы берем

ала тырасыз – вы берете

ала тыралар – они берут

Отрицательная форма

Ед. число: *алмай тыраман* – я не беру

алмай тырасынъ – ты не берешь

алмай тыра – он не берет

Мн. число: *алмай тырамыз* – мы не берем

алмай тырасыз – вы не берете

алмай тыралар – они не берут

Значение настоящего 1-го употребляется только для выражения действия, которое в момент речи находится в процессе исполнения. Например: *Козин тигип къарай тыра*, *козин алмай* (Смотри пристально не отводя глаз).

Настоящее 2-е

Настоящее 2-е образуется путем прибавления показателей глагола к деепричастной форме глагола на *-а* (*е*) /-й. 1-е и 2-е лица ед. и мн. чисел оформляются полными аффиксами *-мен*, *-сынъ*, *-миз*, *-сиз*. 3-е лицо ед. числа оформляется с помощью аффикса *-ды/-ди*. 3-е лицо мн. числа – с помощью аффикса *-дылар/-дилер*. Отрицательная форма образуется от отрицательной формы глагола.

Образец спряжения настоящего 2-го от глагола *ал* (брать, взять):

Положительная форма

Единственное число

ала-ман – я беру, возьму

ала-сынъ – ты берешь

ала – он берет
 Множественное число
 ала-мыз – мы берем
 ала-сыз (сынъыз) – вы берете
 ала-лар – они берут
 Отрицательная форма
 Единственное число
 алмай-ман – я не беру
 алмай-сынъ – ты не берешь
 алмай – он не берет
 Множественное число
 алмай-мыз – мы не берем
 алмай-сыз(сынъыз) – вы не берете
 алмай-лар – они не берут

Значение настоящего 3-го. В северном диалекте крымскотатарского языка эта форма употребляется в основном в следующих значениях:

1. Для выражения настоящего времени. Например:

Къарангы гедже... Йылдыз ёкъ, ер *корюнмей*.

Байгъуш *йырлай* дамларда, сельбилерде.

Гедже къушы *фыралдай* шай кимерде,

Кене *сюрем* атымны ич *сюрюнмей*. [3, с. 20]

2. Для выражения обычного или повторяющегося действия. Например:

Не боладжакъ, *джюремен* эр кунъ саруш, бир капигим къалмагъан, джеблер де бош [4, с. 19].

Бунынъчюн де копкеджек *тартышамыз*,

Эр биримиз, энъ сонъу бир бавурда

Юкълап къала, *унута*, *барышамыз*. [3, с. 36]

Настоящее время от глаголов состояния

Известно, что в большинстве тюркских языков, в том числе и в северном диалекте крымскотатарского языка, настоящее время от глаголов состояния *тур-* (стоять, находиться, пребывать), *юр-* (ходить), *ят-* (лежать), *отур-* (сидеть) в отличие от других глаголов образуется особо. Такие формы глаголов принято называть описательными.

В северном (степном) диалекте крымскотатарского языка эти глаголы для выражения настоящего времени выступают в форме деепричастия на *-(ы)п* плюс вспомогательный глагол, к которому в 1-м и 2-м лицах присоединяются полные аффиксы лица, в 3-м лице ед. числа аффикс отсутствует. Например:

окъып джатаман – я читаю лежу (в данный момент)

окъып джатасынъ

окъып джата

окъып джатамыз – мы читаем лежим (в данный момент)

окъып джатасыз

окъып джаталар

«Чайырым къызаргъан, *данъгъырдап ята...*» [4, с. 52].

Первый способ образования. Основной глагол выступает в форме деепричастия на *-ып*, а вспомогательные глаголы в форме настоящего времени на *-а/-е/-й*. Как видно из примеров, описываемая форма выражает настоящее

время данного момента. При этом форма, образуемая при помощи глаголов *тур-* (вставать), *ят-* (лежать), *отур-* (сидеть), преимущественно передает действие статическое или состояние, а при помощи глагола *юр-* – действие динамическое. Например: Нефес ала, солкъылдай, къарап тура [3, с. 39]. Расткетирдим алгыда бир сокъакъта, мен *булгъанып джата* эдим тоз-топракъта [4, с. 103].

Второй способ образования. Описательная форма настоящего времени образуется по схеме: основной глагол в форме деепричастия на *-ып* плюс один из глаголов состояния в форме причастия на *-ыр* и плюс соответствующий аффикс лица. Она также выражает настоящее время данного момента. Например: Мышыкъларгъа *къатылып*, батыр омрю *сюрерсинъ*! [4, с. 93].

Следует отметить, что в последние годы описательные формы используются все реже и преимущественно встречаются в речи старшего поколения.

Настояще-будущее время

В северном диалекте крымскотатарского языка настоящее-будущее время глагола образуется путем прибавления аффиксов лица к причастным формам на *-р* (*-ар/-ер, -ыр/-ир*). Отрицательная форма образуется от отрицательной основы данного причастия *-маз/-мез*.

Настояще-будущее на *-р* (*-ар/-ер, -ыр/-ир*)

Аффиксы *-р* (*-ар/-ер, -ыр/-ир*) являются фонетическими разновидностями одного аффикса, и их употребление зависит от характера глагольной основы. Соответственно, аффикс *-р* присоединяется к открытым корням или основам, аффиксы (*-ар/-ер, -ыр/-ир*) присоединяются к основам, оканчивающимся на согласный. Например: *бар-ар* от *бар-* – идти, ехать, *бил-ир* от *бил-* – знать.

Образец спряжения настоящего-будущего времени на *-р* от глаголов *ишле-* (работать), *куль-* (смеяться). Добавим лишь, что глагол *куль-* в некоторых говорах северного диалекта принимает аффикс *-ир*:

<i>Единственное число</i>	
<i>ишлер-мен</i>	<i>кулер-мен</i>
<i>ишлер-синъ</i>	<i>кулер-синъ</i>
<i>ишлер</i>	<i>кулер</i>
<i>Множественное число</i>	
<i>ишлер-миз</i>	<i>кулер-миз</i>
<i>ишлер-сиз(синъиз)</i>	<i>кулер-сиз(синъиз)</i>
<i>ишлер-лер</i>	<i>кулер-лер</i>

Значение настоящего-будущего времени на *-р* (*-ар/-ер, -ыр/-ир*). Эта форма представлена в диалекте очень широко и употребляется в различных значениях. Во многих случаях она соответствует форме будущего времени в крымскотатарском литературном языке. Форма на *-р* (*-ар/-ер, -ыр/-ир*) встречается в следующих значениях:

1. Для выражения настоящего времени, например: «Эки къолда бир къамчы, койге барып, кирмез бурун уюне ат туварып, чырыл-чыплакъ балалары орьсеннешип, *алырлар* эп бабасын чырмап, сарып» [4, с. 80].

2. Для передачи будущего времени:

Бугунь *келир* дей гонълум, ярын бельки,

Халкъта, фенде коп суаль оларны беклей [3, с. 29].

3. Для выражения постоянно повторяющегося действия. Часто это явление встречается в поэзии, например:

Акъыртын *ачылыр* тасма шырт къапы,
Корюнир машанынъ алкъалы сапы... [3, с. 28].

Как показывают наблюдения, для выражения настоящего и будущего времени изъявительного наклонения имеют незначительные отклонения от крымскотатарского литературного языка. Некоторые из них употребляются в несколько измененной фонетической форме, другие же не видоизменялись и не меняли своего грамматического значения. Это относится к распространенной и используемой в весьма различных значениях форме настоящего-будущего времени на *-р* (*-ар/-ер, -ыр/-ур*).

Список использованных источников

1. Кононов, А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А. Н. Кононов. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР. – 1960 – 446 с.

2. Меджитова, Э. Н. Основные черты северного (степного) диалекта крымскотатарского языка в области словообразования и словоизменения / Э. Н. Меджитова // XV всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы диалектологии народов России». – Уфа : 2015 – с. 166–167.

3. Чобан-заде, Б. «Танъгъа догъру!» / Чобан-заде Бекир ве Лятиф-заде Абдулла. Шиирлер // Ташкент, Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрият. – 1971. – 77 с.

4. Нузэт, Мемет Къырымнынъ чэль аятындан : Сайлама эсерлер джыйынтыгы / Мемет Нузэт ; Н. С. Сейтягъев (терип этиджи, изаатларнынъ муэллифи). – Симферополь : Доля, 2003. – 238 с.

УДК 811.512.19

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ МАЛОЙ ФОРМЫ С РУССКОГО НА КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Л. С. Селендили,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода официально-деловых текстов малой формы с русского на крымскотатарский язык, используемые в виде табличек, вывесок, названий и бланков. Формируемая терминосистема официально-деловой сферы крымскотатарского языка характеризуется способностью к трансформации, предполагает наличие многокомпонентных терминологических словосочетаний субстантивированного характера, изафетов и изафетных цепей. В процессе терминотворчества можно использовать словосложение, деривацию, конверсию, заимствования. Перевод терминов с русского на крымскотатарский язык осуществляется при помощи

подбора лексического эквивалента, заимствований, описательного перевода, при помощи приёма лексического добавления или приёма опущения, реже – калькирования. Автором приводятся схемы переводов, представлен шаблон официально-делового текста малой формы для перевода данных с русского на крымскотатарский язык.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, официально-деловые тексты, тексты малой формы, синтаксис, изафет, изафетные цепи, приёмы перевода, терминотворчество.

Summary. The article discusses the features of the translation of official business texts of a small form from Russian into the Crimean Tatar language, used in the form of tablets, signboards, names and letterheads. The formed terminological system of the official and business sphere of the Crimean Tatar language is characterized by the ability to transform, presupposes the presence of multicomponent terminological phrases of a substantiated nature, izafets and izafet chains. In the process of term creation, word formation, derivation, conversion, borrowing can be used. The translation of terms from Russian into the Crimean Tatar language is carried out using the selection of a lexical equivalent, borrowings, descriptive translation, using the method of lexical addition or omission, less often – tracing. The author provides translation schemes, presents a small-form official business text template for translating data from Russian into the Crimean Tatar language.

Key words: Crimean Tatar language, official business texts, texts of small form, syntax, izafet, izafet chains, translation techniques, term creation.

Изучая язык деловых бумаг на современном татарском языке, А. А. Тимерханов отмечает: «Полноправное функционирование и развитие любого языка, обладающего высоким статусом государственного, вне всякого сомнения, происходит и подтверждается прежде всего тогда, когда обеспечивается его применение в первую очередь в сфере официально-деловых отношений на самом высоком государственном уровне, в законотворческом процессе, судопроизводственной практике, административно-управленческой деятельности предприятий, учреждений и организаций, при ведении делопроизводства, деловой переписки, оформлении юридических, гражданско-правовых и иных актов, то есть в сфере правового регулирования всех сторон общественной жизни» [5, с. 3].

Крымскотатарский язык, государственный язык Республики Крым, уже начал свою официально-деловую реализацию в виде текстов малой формы, представленных в номинации органов государственного и муниципального управления (таблички, вывески, бланки), а также в текстах официально-деловой документации и информационных текстах, презентующих деятельность органов государственного и муниципального управления, например: Ведомости Госсовета Республики Крым⁵, СМИ на крымскотатарском языке. Мы впервые предприняли попытку научно-практического освещения данного вопроса в своём докладе «Особенности перевода номинаций органов государственного управления Республики Крым», прочитанном на «Казанском международном

⁵ В связи с тем, что терминосистема официально-деловых текстов на крымскотатарском языке находится на стадии разработки и апробации, при написании и переводе основных терминов мы ориентируемся на параллельный текст «Конституции Республики Крым (на русском, украинском и крымскотатарском языках)».

лингвистическом саммите «языковое разнообразие в глобальном мире» KILS-21, 15-19 ноября 2021г., Казань».

Несмотря на то, что орфографические нормы и правила современного крымскотатарского языка прописаны в орфографическом словаре А. Меметова [2], мы наблюдаем орфографические ошибки в текстах вывесок учреждений и официальных бланков, например, «незарит» – «незарет» (Республика Крым Совет министров Инспекция по жилищному надзору Республики Крым – Къырым Джумхуриетининь мескен незарити инспекциясы («Совет министров» – «Везирлер Шурасы» – вообще потеряли при переводе)), назирлинги – назирлиги (Министерство юстиции Республики Крым Департамент записи гражданского состояния – Къырым Джумхуриетининь Адлие Назирлинги Ватандашлыкъ алы актларыны къайд этюв департаменты) и др.

Используем «обратный перевод» как «инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода» [6]:

На крымскотатарском языке	Перевод на русский язык	Оригинальный текст на русском языке=на крымскотатарском языке
Къырым Джумхуриетининь Джанкой болюгининь идареси	Управление Джанкойского отделения Республики Крым	Администрация Джанкойского района Республики Крым= Къырым Джумхуриетининь Джанкой район мемуриети
Къырым Джумхуриетининь Керчь шеэр идареси	Керченское городское управление Республики Крым	Администрация города Керчи Республики Крым=Къырым Джумхуриетининь Керчь шеэр мемуриети

Множеством орфографических, лексико-грамматических ошибок, обнаруженных нами в крымскотатарской части трёхязычных вывесок и официальных бланков, функционирующих в Республике Крым, отсутствием работ в вышеуказанном направлении на материале крымскотатарского языка объясняется *актуальность* предпринятого научного исследования.

Предметом исследования является крымскотатарский язык, объектом исследования – официально-деловые тексты малой формы на крымскотатарском языке.

В связи с отсутствием орфографических правил употребления прописных и строчных букв при написании названий органов власти, учреждений, организаций, обществ, партий в крымскотатарском языке, считаем приемлемым в качестве отправной точки перенять принцип, описанный в §§189-193 правил русской орфографии и пунктуации [3].

Задача крымскотатарских лингвистов в процессе перевода не подменять понятия, не калькировать, не привлекать необоснованные заимствования, не «создавать» искусственные слова с помощью словообразовательных аффиксов других тюркских языков, а, наоборот, используя существующие словообразовательные, лексико-грамматические и даже диалектологические возможности крымскотатарского языка, формировать новую лексику и умело использовать уже имеющуюся в языке с целью правильно передать содержание и предназначение необходимых терминологических понятий.

Например: «отдел регистрации брака» регистрирует не только факт заключения брака, но и его расторжение, перемену фамилий и др., т.е. выполняет ряд функций, связанных с регистрацией брака как акта гражданского состояния. Поэтому это словосочетание мы не рекомендуем переводить как «эвлениов къайд этиов болюги» или «эвленимелерни къайд этиов болюги» [<https://www.crimeantatars.club/education/learning-language/trudnosti-perevoda-po-krymski>]: получается длинное и не вполне корректное название. На наш взгляд, иногда можно обращаться к опыту близкородственных языков, например, турецкого языка, где функционируют более короткие словосочетания этой сферы «Nikah İşlemleri» (тур.) «брачные процедуры» – «никях ишлери» (крт.), «Nikah Dairesi» (тур.) «брачный офис, отдел, куда брачующиеся подают заявление и др. документы» – «никях болюги» (крт.), «Evlendirme Dairesi» (тур.) «отдел торжественной церемонии заключения брака» – «эвленидирме болюги» (крт.), «Nikah Sarayı» (тур.) «дворец бракосочетания» – «никях сарайы» (крт.) и др.

Текст Закона Республики Крым «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в Республике Крым, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Республике Крым», позволяет нам определить для перевода на крымскотатарский язык следующий круг ключевых субстантивированных номинаций: муниципальное образование – муниципаль мескюн ери, городской округ – шеэр дживарлары, городское (сельское) поселение – шеэр (кой) мескюн ери, местная администрация – ерли мемуриет, местная власть – ерли акимиеет, представительный орган муниципального образования – муниципаль мескюн ерини темсиль эткен орган, сельский (городской, районный) совет – кой (шеэр, район) шурасы, администрация сельского (городского, районного) совета – кой (шеэр, район) шурасынынъ мемуриети. Из примеров видно, что основные термины и понятия могут быть представлены как одной лексемой, так и многокомпонентным субстантивированным словосочетанием.

Почему мы предлагаем «мескюн ери», а не «...юрту»; «шеэр дживары», а не «шеэр больгеси», как указывается в некоторых источниках? Потому что «терминология составляет часть специальной лексики, к которой относят слова и словосочетания, называющие предметы и понятия различных сфер профессиональной деятельности человека и не являющиеся общеупотребительными» [1].

На наш взгляд, при переводе таких устойчивых терминологических словосочетаний необходимо опираться на значение основных терминов и понятий, приведенных в законодательной базе Российской Федерации. Например, в ст.2 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» «сельское поселение» определяется, как «один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления», т.е. «сельское поселение» – это село с его окрестностями

(букв.: село с прилегающими к нему местностями), а «муниципальное образование – это населённая территория, на которой осуществляется местное самоуправление в России...». В Словаре С. М. Усеинова: на С. 594 понятия «окрестность, предместье, окраина» переводятся словом «дживар», соответственно, например, городской округ Ялта можно рассматривать, как г. Ялту с его окрестностями и переводить на крымскотатарский язык словосочетанием «Ялта шеэр дживарлары» (именно во множественном числе, сохраняя специфику крымскотатарского языка), что не противоречит примеру, который приводит автор словаря – «шеэр дживарлары» – «окрестности города»; на С. 447 понятия «заселенный, населенный, обитаемый» обозначены словом «мескюн», а в качестве примера приводится словосочетание «населенный пункт» – «мескюн ери» [4].

При переводе вышеуказанных субстантивированных словосочетаний соблюдается иерархия подчинения: при указании названия муниципального образования название муниципального образования выносится в препозицию и указывается в именительном падеже (как указано в адресе поселения), к нему присоединяется устойчивое словосочетание в форме двуаффиксного изафета (происходит полное согласование, потому что появляется объект принадлежности): городское поселение Щелкино – Щелкино шеэр+и+нинь мескюн ери, Зуйское сельское поселение (букв.: сельское поселение Зуя, потому что в адресе поселения указан п. Зуя) – Зуя ко(й выпадает)+ю+нинь мескюн ери, Марьевское сельское поселение – Марьевка ко(й выпадает)+ю+нинь мескюн ери.

Изафетная цепь с приведенными ранее словосочетаниями с указанием должности будет строиться следующим образом: 1*председатель (заместитель председателя / секретарь / советник председателя / консультант председателя)* 2*сельского (городского, районного) совета – 2кой (шеэр, район) шурасынынь 1реиси (реис муавин+и / кятиби / реис меслеатчы+сы / реис консультант+ы)*, где 2 должность – это конкретный термин или субстантивированное словосочетание, расположенное в постпозиции по отношению к 1 названию органа муниципального управления, органа власти и т.п.

Изафетная цепь с указанием названия муниципального образования, номинации представительного органа и занимаемой должности: *председатель Цветочненского сельского совета- глава администрации Цветочненского сельского поселения +ФИО (или ФИО,...) – Цветочное кой шурасынынь реиси- Цветочное коюнинь мескюн ери мемуриетининь башы+ФИО (или ФИО,...)*. В рассматриваемом примере при переводе сохраняется принцип совмещения должностей (председатель...-глава...), на письме он отражается дефисом «-». Соответственно, вместо номинации должности *председателя* в указанную структуру можно вставить любую другую номинацию (название структурного подразделения или занимаемой должности в структурном подразделении и т.п.), главное всегда соблюдать иерархический принцип расположения субстантивированных словосочетаний или терминологических понятий.

Попытаемся создать номинации, исходя из перечня муниципальных должностей в сельском поселении, например: *юридический* отдел (сектор, департамент, бюро) – *укъукъ боллуг+и (къысм+ы, боллук+и, бюро+сы)*;

начальник (заместитель начальника, ведущий специалист, главный специалист, специалист 1 категории, сотрудник) юридического отдела – укьукь болюг+и+нинь башчы+сы (башчы муавин+и, етекчи мутехассыс+ы, баш мутехассыс+ы, 1-инджи категория мутехассыс+ы, хадим+и); главный бухгалтер (заместитель главного бухгалтера, помощник главного бухгалтера, сотрудник бухгалтерии, бухгалтер) – баш бухгалтер (баш бухгалтер муавин+и, баш бухгалтер ярдымджы+сы, бухгалтерия хадим+и, бухгалтер); управляющий делами – ишлер мудири. Объединив полученные данные, можем продемонстрировать официально-деловой текст малой формы, в котором содержится полная информация о должностном лице конкретного муниципального образования, например: 1начальник + 2юридического отдела + 3Администрации + 4Цветочненского сельского совета + 5Республики Крым = 5Къырым Джумхуриет +и + нинь + 4Цветочное ко(й выпадает) + ю + нинь мескюн ери + 3мемуриет + и + нинь + 2укьукь болюг + и + нинь + 1башчы + сы.

Формируемая терминосистема официально-деловой сферы крымскотатарского языка характеризуется способностью к трансформации, предполагает наличие многокомпонентных терминологических словосочетаний субстантивированного характера, изафетов и изафетных цепей. В процессе терминоворчества можно использовать словосложение, деривацию, конверсию, заимствования. Перевод терминов с русского на крымскотатарский язык осуществляется при помощи подбора лексического эквивалента, заимствований, описательного перевода, при помощи приёма лексического добавления или приёма опущения, реже – калькирования. Применяя практические данные, мы попытались представить шаблон официально-делового текста малой формы для перевода данных с русского на крымскотатарский язык: 1должность+2структурное подразделение+3название органа местного самоуправления+4название муниципального образования+5название субъекта РФ = 5название субъекта РФ+4название муниципального образования+3название органа местного самоуправления+2структурное подразделение+1должность.

Список использованных источников

1. Лантюхова, Н. Н. Термин: определение понятия и его существенные признаки / Н. Н. Лантюхова, О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова // Современные проблемы гражданской защиты. – 2013. – №1 (6). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-opredelenie-ponyatiya-i-ego-suschnostnye-priznaki>. (дата обращения: 19.02.2022).
2. Меметов, А. Къырымтатар тилининь имля лугъаты (орфографический словарь крымскотатарского языка) / А. Меметов. – Симферополь : Медиацентр. – 2017. – 300 с.
3. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник ; под ред. В. В. Лопатина. – Москва : Эксмо. – 2006. – 480 с. – URL: <https://orfogrammka.ru>. (дата обращения: 27.02.2022).
4. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь ; сост. С. М. Усеинов. – Симферополь : Издательский дом «Тезис». – 2007. – 640 с.
5. Тимерханов, А. А. Язык деловых бумаг в современном татарском языке : специальность : 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)» : автореф. дис. ... докт. филол. Наук /

Айнур Ахатович Тимерханов ; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. – Казань. – 2006. – 52 с. – URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01003308331.pdf. (дата обращения: 15.02.2022).

6. Чарычанская, И. В. Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода / И. В. Чарычанская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obratnyy-perevod-kak-instrument-sravneniya-i-analiza-tekstov-originala-i-perevoda>. (дата обращения: 19.03.2022).

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

УДК – 811.512.145'33=811.411.21

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Р. А. Бекиров¹, Л. И. Бекирова²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии,
Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской
филологии, Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена вопросам актуальности исследования модальности в крымскотатарском и арабском языках. Это исследование является одним из немногих в области сопоставления категории модальности крымскотатарском и арабском языках. Основной проблемой данного исследования является сопоставление модальных средств в изучаемых языках.

В ходе исследования установлено, что категория модальности, классификация средств его выражения и его понятийный аппарат являются одними из наиболее функциональных в крымскотатарском и арабском языках.

Категория модальности представляет собой сложную понятийную категорию и включает в себе личное отношение говорящего к высказанной мысли, а также какое отношение эта ситуация имеет к остальным событиям, таким образом определяя саму цель высказывания, и может быть выражена рядом средств в арабском и крымскотатарском языках.

Ключевые слова: модальность, категория, актуальность, крымскотатарский язык, арабский язык, контрастивная лингвистика.

Summary. The article is devoted to the relevance of the study of modality in the Crimean Tatar and Arabic languages. This study is one of the few in the field of comparing the category of modality in the Crimean Tatar and Arabic languages. The main problem of this study is the comparison of modal means in the studied languages.

The study has found that the category of modality, the classification of the means of its expression and its conceptual apparatus are among the most functional in the Crimean Tatar and Arabic languages.

The category of modality is a complex conceptual category and includes the speaker's personal attitude to the expressed thought, as well as what relation this situation has to other events, thus determining the very purpose of the statement and can be expressed by a number of means in Arabic and Crimean Tatar languages.

Key words: modality, category, relevance, Crimean Tatar, Arabic, contrastive linguistics.

Модальность претендует на то, чтобы быть признанной лингвистической универсалией. Существует много указаний на справедливость этого утверждения. Однако, несмотря на это, концепт модальности продолжает варьироваться от языка к языку. Даже в рамках одного языка могут существовать неоднозначные ситуации в зависимости от подхода: синтаксического, семантического, прагматического, лексического и так далее; или даже в рамках формального определения данного термина в рамках языкознания отдельно взятого языка. Так, в крымскотатарском языке данная категория определяется следующим термином: «модаль сёзлер» [5, с. 306]. В то время как в арабском они относятся к категории глаголов, «утративших свое первоначальное значение и выступающих в предложении для выражения модальных оттенков действия, выраженных другим глаголом» [9, с. 407].

Актуальность. Актуальность исследования обусловлена относительно слабой проработанностью данной тематики, особенно – в сопоставительном аспекте. В отечественных работах по арабскому и крымскотатарскому языкам теме модальных глаголов уделяется незначительное внимание, приводится лишь ряд модальных глаголов и модальных слов с их основными значениями.

Цель статьи – выявить и сопоставить современные подходы к пониманию выражения модальности современных крымскотатарском и арабском языках. Поставленная цель определяет следующие задачи:

- 1) описать основные подходы к пониманию категории модальности, привести существующие классификации модальных слов;
- 2) описать существующие подходы к определению модальности в арабском и крымскотатарском языках.

В статье нашли применение следующие методы исследования: описательный и сопоставительный.

Категория модальности «прискорбно туманна» [11], а ее значение трудно вывести, полагаясь лишь на одну точку зрения. Причина данного явления заключается в том, что эта лингвистическая категория была выведена из философской категории. С точки зрения философии «модальность» – «это категория высказываний, характеризующая субъективное отношение человека к знанию или действию» [12]. Иммануил Кант считал, что «модальность» не является способом добавить какой-то дополнительный смысл суждению, а наоборот – «касается только значения связки по отношению к мышлению вообще» [13]. Иммануил Кант выделил следующие модальные категории:

1. Возможность – невозможность;
2. Существование – несуществование;
3. Необходимость – случайность.

Как мы с вами видим, эти категории лежат в одинаковых плоскостях, однако, представляют её экстремумы: самые крайние проявления, которые потенциально возможно передать посредством модальности и ее лексического инструментария [13].

М. Н. Эпштейн в «Философии возможного» проводит детальный анализ понятия «модальности» с точки зрения философии и приходит к следующему всеобъемлющему определению модальности: «модальность – это совокупность отношений и действий, описание которых необходимо включает предикат “мочь”. Именно понятие “мочь”, как выяснится из дальнейшего анализа,

является общим элементом таких основополагающих модальных категорий, как возможное, необходимое и случайное (бытийные, или «онтические» модальности); предположение, уверенность и сомнение (познавательные, или «эпистемические» модальности)» [13]. Также он отмечает, что специфика модальности заключается во взаимоотношении предиката «мочь» с бытием. Именно этот тезис является основополагающим в его теории модальности, так как позволяет вывести специфические модальные значения и оттенки. Так, например, категорию «возможности» / «невозможности» М. Н. Эпштейн выводит из отношения предиката «мочь» с предикатом «быть». При их взаимодействии получаются значения «может быть», а если добавить частицу отрицания – «может не быть» и «не может быть», которые также несут в себе различные оттенки: отсутствие бытийности и отрицание факта свершённого события.

Такова философская природа модальности. Поэтому, ее так сложно описать в рамках любого подхода. В крымскотатарском языке попытки описать категорию модальности с точки зрения семантико-грамматического подхода оказались малоразработанными [11]. Однако, в других языках, например, в арабском, в котором категория модальности существенно отличается от крымскотатарского, такой подход может оказаться неэффективным. Так как в арабском языке сформировался иной подход к определению модального глагола, а именно: модальный глагол – это глагол, который в связи со смысловым глаголом сообщает высказыванию модальные характеристики.

В научном поле лингвистики, одним из первых определение категории модальности дал Шарль Балли в своей работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка». Он отметил, что «модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложению высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [2, с. 44]. Что касается модального глагола, то, по мнению Ш. Балли, он «может содержать самые различные оттенки суждения, чувства или воли» [2, с. 44]. В предложении с модальным значением Ш. Балли выделял две основные составные части:

- 1) Модус – субъективная оценка или воля говорящего.
- 2) Диктум – объект модуса.

Теорию Ш. Балли развивала Н. Д. Арутюнова. В своих исследованиях она выделяла четыре плана модусов:

1. Сенсорный – чувственное восприятие (например, «замечать», «видно», «слышно» и т.д.)
2. Ментальный – полагание; сомнение/допущение; истинная оценка; знание; незнание, сокрытие и безразличие;
3. Эмотивный – эмоции.
4. Волеитивный – желание и волеизъявление; необходимость [1, с.411].

Для нашего исследования особый интерес представляют модусы ментального и волеитивного планов, так как они иллюстрируют специфику категорий «Долженствование» и «Желание».

Проблематичность понимания категории модальности лучше всего иллюстрируется при попытке перевода модальных клише в определенном языке

источника на другой язык перевода. Просто определить принадлежность клише в языке оригинала к определенной системе (способность, разрешение и т.д.) и найти соответствующие ей аналоги такой же системы в языке перевода без учета вспомогательных факторов – бесполезно.

Перевод модальных конструкций с крымскотатарского языка на арабский и наоборот влечет за собой дополнительные трудности в процессе перевода по ряду причин. Кроме того, в арабском языке не существует определенной системы модальных глаголов. Также вопросы контекстуализации, двойственности значений и неопределенности, которые обычно ассоциируются с категорией модальности, могут повлечь за собой потенциальные ошибки в переводе.

Проблематика перевода модальных глаголов с арабского языка на крымскотатарский и наоборот сконцентрирована вокруг определенного набора модальных глаголов в арабском языке и в крымскотатарском. Полу-модальные глаголы или выражения с модальным значением не представляют собой такой проблемы, так как формально они схожи в значениях, что и отличает их от так называемых «настоящих модальных глаголов».

В крымскотатарском языкознании представляет интерес классификация способов выражения модальности, предложенная А. Меметовым и К. М. Мусаевым. «Модальные слова представляют собой группу слов, которые выражают отношение говорящего к тому, что он говорит. Такое отношение в речи семантически реализуется по-разному: в виде утверждения, возражения, неопределённости высказывания, отрицания, убеждения, предположения, сомнения, желания и т.д. ...модальные слова по своим грамматическим функциям близки к частицам, вместе с тем они остаются на переходной ступени от самостоятельных слов к частицам. Исторически они или восходят к самостоятельным словам, или образуются от них посредством словообразовательных элементов» [6, с. 280].

«По семантическим особенностям модальные слова делятся на несколько групп:

Модальные слова, передающие вероятность, возможность, сомнение: *бельки* – может быть, вероятно, возможно; *итимал*, *ола билир* – вероятно, возможно.

Модальные слова, передающие уверенность: *шубесиз* – несомненно.

Модальные слова, передающие необходимость: *керек*, *лязим* – нужно.

Модальные слова, передающие одобрение, поддержку: *яхшы* – хорошо; *керчек* – правда, кстати; *догъру* – верно, правильно; *эльбет(те)* – разумеется, конечно.

Модальные слова, передающие пояснение: *демек* – значит; *иште* – вот.

Модальные слова, передающие возражение: *аксине* – напротив, наоборот.

Модальные слова, передающие неопределенность: *гъалиба* – вероятно, кажется, видимо, наверно.

Модальные слова, передающие сожаление: *теэссюф* – к сожалению, жаль и др.» [6, с. 280–281].

В зарубежном языкознании к пониманию категории модальности сложилось такое отношение. Среди наиболее распространенных классификаций можно выделить следующие:

1. Оппозиция эпистемической (основанной на фактах) и неэпистемической модальности (к этой категории относят все остальные виды модальных значений).

2. Противопоставление трех типов модальности «деонтической», «эпистемической» и «динамической».

П. Портнер в исследовании «Модальность» [10] предложил свою классификацию категорий модальности:

- Эпистемическая
- Деонтическая
- Модальность желания
- Телеологическая
- Волевая
- Квантификационная модальность

Как мы можем заметить, в современной лингвистике сформировалось несколько классификаций модальности как лингвистической категории. Наиболее полной является классификация лингвиста К. фон Финтеля [4]. Среди категорий модальности он выделяет: алетическую, эпистемическую, деонтическую, модальность желания (оптативная модальность), динамическую и телеологическую. Так, например, в арабском языке:

- модальные глаголы: «وجب» (должен), «ينبغي أن» (следует, необходимо чтобы), «أمكن» (букв. «быть возможным»), «جاز» (букв. «быть разрешенным, позволенным, допущенным»), «سمح» (букв. «позволять, допускать») и «اذن» (букв. «позволять, разрешать»);

- прилагательные: «ضروري» (самый необходимый, крайне необходимый);

- причастия: «ممنوع» (запрещенный), «واجب» (должный, обязательный), «موجب» (вызывающий необходимость, делающий необходимым, обязательным), «مسموح» (разрешенный, позволенный);

- существительные: «إمكان» (возможность), «إمكانية» (возможность, вероятность), «إيجاب» (обязанность); существительные «رغبة» (желание), «رغبة» (желание, добрая воля), «إرادة» (намерение, желание, охота), «مشيئة» (желание, воля);

- глаголы: «ودَّ» (любить, желать), «رغب» (желать, хотеть), «أراد» (хотеть, желать), «شها» (желать, хотеть);

- наречия: «وجوبياً» (необходимо, обязательно);

- артикль «أل» (определенный артикль)

- грамматическое время: прошедшее-длительное время: конструкция с глаголом «كان» в арабском языке

- сослагательное наклонение: в арабском языке является составной частью конструкций с модальными глаголами, которые, в основном, управляют смысловым глаголом посредством частицы «أن» (что, чтобы);

- условное наклонение «ولم يكن في الامكان» (невозможно);

- вводные фразы «من الممكن أن» (возможно, вероятно, что), «بالفرض أن» (допуская, что);

- пассивные конструкции;

- разделительные вопросы;

- вопросы да/нет.
- интонация.

Каждый из этих способов передачи модальности в арабском и крымскотатарском языках передает определенный оттенок модальности, меняет смысловое значение текста, которое намеревались передать. Как отмечают Р. П. Мильруд, И. В. Антипов «изменяя лишь одно средство выражения модальности мы вносим новое модальное значение, оттенок. Описание и классификация всей палитры модальных оттенков являются чрезвычайно сложной (если вообще выполнимой) задачей» [7, с. 30].

Если такие лексические средства модальности как глаголы, существительные, прилагательные, наречия и вводные фразы очевидны для понимания, то с грамматической точки зрения возникает вопрос к артиклю. Каким образом артикль может передавать значения модальности в арабском языке? В данном случае необходимо разбираться в функции самих артиклей. В арабском языке Н. В. Юшманов выделил две основные функциональные нагрузки определенного артикля «الـ» (определенный артикль):

выделительная: актуализировать внимание слушателя на конкретном предмете, отвлечь от остальных предметов, принадлежащих к этому же роду.

обобщительная: акцентировать внимание на всех предметах и отвлечь от какого-то конкретного предмета [9, с. 106].

С точки зрения классификаций самой модальности, представляется возможным выделить следующие ее типы:

- Эпистемическая: передает категории «возможности» и «вероятности», проистекающие из явных, существующих фактов.
- Деонтическая: передает категории «возможности», «необходимости» и «разрешения», проистекающие из действующих законов, традиций и моральных принципов.
- Желательная: передает категории «возможности», «необходимости», проистекающие из желания говорящего, основанного на его точке зрения.
- Динамическая: передает категории «возможности», «необходимости», проистекающие из действующих на момент говорения обстоятельств, объективных причин.
- Телеологическая: передает категории «возможности», «необходимости», проистекающие из потребности говорящего достичь определенной цели на момент говорения.

Глоссарий лингвистических терминов [14], с свою очередь, выделяет следующие типы модальности:

- Ирреалис
- Необходимость
- Вероятность
- Алетическая модальность
- Деонтическая модальность
- Эпистемическая модальность
- Реалис (изъявительная модальность) [14].

Модальность – особая лингвистическая категория, отличающаяся сложностью и многоаспектностью понимания. Корни модальности как явления уходят в логику и философию. В этом разделе нами были рассмотрены несколько трактовок модальности в философии начиная с работ И. Канта и заканчивая детальным анализом модальности в работе М. Н. Эпштейна. Именно философский подход к рассмотрению модальности помогает понять суть этого явления, заключенную в описание событий, требующих предиката мочь, передающего суть таких категорий как «возможное», «необходимое», «случайное», «предположение», «уверенность» и «сомнение». В лингвистике под модальностью в широком смысле принято понимать любые языковые средства, выражающие отношение говорящего к речевому акту.

В статье исследованию подверглись средства выражения модальности в крымскотатарском и арабском языках на лексическом уровне, что представляет несомненный интерес в области контрастивной лингвистики.

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова ; 2-е изд. испр. – Москва : «Языки русской культуры», 1999 . – 896 с.
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Издательство Иностранной литературы, 1955. – 416 с.
3. Ковалев, А. А., Учебник арабского языка / А. А. Ковалев, Г. Ш. Шарбатов ; Изд. 3-е, исправленное и дополненное. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 751 с.
4. Костюченко, В. Ю. Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза / В. Ю. Костюченко // Филология. – № 3: Журнал Белорусского государственного университета, 2018. – С. 71 – 82.
5. Меметов, А. М. Земаневий кырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь: Кырым девлет окъув педагогика нещрияты, 2006. – 320 с.
6. Меметов, А. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие / А. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.
7. Мильруд, Р. П. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте / Р. П. Мильруд, И. В. Антипов // Язык и культура. – №1 (5). – Томск : Том. гос. ун-т, 2009. – с. 29 – 38.
8. Мингазова, Н. Г. Категория модальности в татарском и арабском языках / Н. Г. Мингазова, Л. Ф. Шангараева // Филология и культура. – №3(13), 2013. – с. 94 – 97.
9. Юшманов, Н. В. Грамматика литературного арабского языка / Н. В. Юшманов. – Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. – 160 с.
10. Гуманитарная энциклопедия [сайт]. – URL: <https://gtmarket.ru/encyclopedia/> (дата обращения: 07.02.2022).
11. Кант, И. Критика чистого разума [сайт]. – URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/kanti02/index.htm> (дата обращения: 07.02.2022).
12. Portner, P. Modality (Oxford Surveys in Semantics and Pragmatics) / P. Portner. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 288 p.

13. Palmer, F. R. Mood and modality / F. R. Palmer. – Cambridge University Press, 2001. – 254 p.

14. SIL [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.sil.org/about> (Access date: 07.02.2022).

УДК 321.01

ОТ КОНФЛИКТОВ К АЛЬЯНСУ: ШАНС ДЛЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Г. С. Галиуллина,

доктор философских наук, Strategic Informatics Advisers, Вашингтон

Аннотация. Конфликт в Европе является не только военной операцией России в целях денацификации и демилитаризации Украины, но и гораздо более глубоким процессом переустройства мирового порядка. Автор рассматривает истоки кризиса цивилизации однополярного мира и анализирует возможности создания Альянса цивилизаций. Рассмотрены причины нереализованности двух прежних инициатив: диалога цивилизаций в версии М. Хатами и Альянса цивилизаций в турецко-испанской версии. Предложен SWOT-анализ нового Альянса цивилизаций.

Summary. The conflict in Europe is not only a Russian military operation to denazify and demilitarize Ukraine, but also a much deeper process of reshaping the world order. The author considers the origins of the crisis of the civilization of the unipolar world and analyzes the possibilities of creating an Alliance of Civilizations. The reasons for the failure to implement two previous initiatives are considered: on the dialogue of civilizations in the version of M. Khatami (2001) and the Alliance of Civilizations in the Turkish-Spanish version (2005). SWOT-analysis of the new Alliance of Civilizations is proposed.

Ключевые слова: цивилизация, конфликт, альянс, анти-цивилизация, ценности, религии.

Key words: civilization, conflict, alliance, anti-civilization, values, religions

После распада СССР мир вместо ожидаемой эры благоденствия погрузился в нарастающую волну хаоса и военных столкновений. Носитель «истины в последней инстанции» принялся перекраивать мир по собственным представлениям, идеологией этого процесса были две работы: «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы и «Конфликт цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона. Первая работа объявляла смерть истории в виду бессмысленности поисков дальнейшего прогресса в устройстве мира, вторая сформулировала видение нового опасного врага цивилизации – исламские страны.

Истоки идей альянса. Идея примирения религий и гармонизации цивилизаций ярко проявилась в трудах Спинозы. Человеческая деятельность, по Спинозе, изначально обуславливается страстями или разумом. «Если человек одержим страстями – он раб, если он подвластен разуму – он свободен... Свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей» [4, с. 93–94]. Эрих Фромм ставит в заслугу Спинозе то, что он был первым

мыслителем, разработавшим понятие бессознательного. Свободный человек, как полагал Спиноза, не уничтожает, а преобразует свои аффекты, подчиняя их руководству разума. Многие идеи того периода в ключе гармонизации отношений между религиями и цивилизациями легли в основу Ренессанса в Европе.

Рассмотрим цивилизацию как совокупность самостоятельных планов исторического развития, возникших на особой национально-территориальной и религиозной почве. Мы признаем существование греческой, римской, исламской, русской, индийской, китайской, американской и других цивилизаций. Это позволяет допускать многополярность и многообразие мироустройства.

Попытка-1. На открытии конференции ООН в 2001 году, посвященной «Году диалога цивилизаций», Мухаммад Хатами, президент Ирана, говорил: «Мы должны критически исследовать доминирующую ныне парадигму международных отношений, основанную на дискурсе власти и прославлении грубой силы... С этической точки зрения, парадигма диалога цивилизаций требует, чтобы мы отказались от воли к власти и вместо нее обратились к воле к эмпатии и сочувствию. Без воли к эмпатии, сочувствия и понимания, не будет надежды на установление порядка в нашем мире. Мы должны бороться с этим недостатком сочувствия и эмпатии в нашем мире. Абсолютная цель диалога цивилизаций не в нем самом, но в достижении эмпатии и порядка» [5, с. 15 – 16].

«Диалог – это прежде всего поиск эмоционального контакта и искреннего доверия» [5, с. 20], – говорит Хатами в одной из своих речей. Русские, пережившие 90-е, могли бы многое рассказать, чем обернулись их надежды на искреннее доверие. Призыв Мухаммада Хатами остался гласом вопиющего в пустыне. Исламской цивилизации отказали в диалоге по причине ее смерти, неважно, ожидаемой или уже произошедшей.

Попытка-2. Новый шаг к созданию альянса цивилизаций был предпринят совместными усилиями турецких и испанских политиков в 2005 году.

Премьер-министр Испании Хосе Родригес Сапатеро на Форуме в 2008 году объяснил суть альянса между Западным миром и Исламским миром. Целью этого Альянса он видел помощь взаимному познанию и уважению, взаимопониманию, терпимости, признанию всех особенностей друг друга, а также самого факта постоянно увеличивающейся взаимной зависимости между народами.

Политолог, ведущий сотрудник авторитетного в Испании Центра политических исследований «ФАЕС» Рафаэль Бардахи подверг резкой критике идею альянса.

Бардахи обосновал свою критику тем, что западный мир живет в соответствии с демократическими законами, созданными для защиты универсальных человеческих ценностей. Есть лишь одна цивилизация, которая следует этим ценностям, все остальные, кто отказывается жить в соответствии с ее законами, скатываются в фанатизм и терроризм.

«Да и цели Родригес Сапатеро преследует, естественно, иные, чем Иран – создать некую альтернативу силовым действиям Соединенных Штатов в борьбе против международного терроризма» [3] – волнуется Бардахи. «Силовые действия против международного терроризма – за этими словами кроются

миллионы жертв в Ираке, Сирии, Югославии, Ливии, Сомали, Афганистане. И еще больше миллионов обездоленных, скитающихся по миру в поисках мира и спасения. «Эти люди добровольно, из религиозных соображений, выбрали «джихад». Так что теория о взаимозависимости бедности и терроризма глубоко ошибочна. Кроме того, мне кажется, речь идет об умышленном обмане общественного мнения, чтобы придать доктрине Альянса цивилизаций гуманный характер» [3]. Как показывают недавние события, главари Аль-Каиды были вовлечены для организованного террора именно западными политиками (в частности, об этом вполне откровенно заявила Хилари Клинтон в публичном пространстве). Бардахи объясняет возникновение террористических организаций самой природой Ислама. В этом он идеально совпадает с С. Хантингтоном, утверждавшим, что границы Исламских стран нарисованы кровью.

По мнению политолога Бардахи, «к международным инициативам люди относятся серьезно, когда за ними стоят влиятельные страны и серьезные авторитетные политики. Испания, занимающая по основным экономическим и социальным показателям в Западной Европе третье место, правда, с конца, опережая лишь Грецию и Португалию, к таковым, по мнению наблюдателей, не относится» [3]. Объясняя игнорирование Европой первого форума Альянса цивилизаций, проходившего в Мадриде 15–16 января 2008 года, российский журналист Виктор Чернецкий вопрошает: О каких цивилизациях и о каком альянсе идет речь? Разве не существует в мире Организация Объединенных Наций, призванная объединить страны и народы для решения насущных проблем единой земной цивилизации? А может быть, речь идет об альянсе землян с какими-то инопланетянами, с цивилизациями других планет?

Мы наблюдаем процесс деволуции западной цивилизации, в результате которого наиболее мощно развитая технологически ее часть, американская цивилизация, превращается в анти-цивилизацию. Технологии уничтожают человеческую жизнь во всех ее важнейших проявлениях. С помощью технологий устраиваются операции «Шок и трепет», в результате которой погибают несколько миллионов человек, уничтожаются сокровища древнейших цивилизаций. Технологии устраняют людей из общественного производства, атомизация уничтожает человеческие связи.

Геополитическая картина начинает напоминать ту, что складывалась более ста лет назад, перед Первой мировой войной. По мнению ряда аналитиков, в третьем десятилетии XXI века начнется новая эра для экономики, политики и образа жизни – эпоха беспорядка, столкновения культур и интересов, по окончании которой будет создан новый миропорядок, как уже не раз происходило в истории человечества [1, с. 5–6].

«Этот поворот порождён геополитическим экономическим землетрясением, которое продолжается уже не первое десятилетие и которое освободило множество стран от противоречивых и подверженных кризисам структур, существовавших в рамках господства США» [1, с. 8].

SWOT-анализ будущего Альянса в контексте начального этапа общего цивилизационного кризиса:

Сила Альянса: Огромный ресурсный потенциал. Если 50 лет назад самым важным преимуществом были технологии, и обладание ими вывело США

и Евросоюз на лидерские позиции в глобальной экономике, то сейчас в фокусе большинства конфликтов находится борьба за ресурсы.

1. Человеческий и интеллектуальный капитал. Суровые испытания на протяжении тысяч лет создали людей с высоким интеллектом, если понимать интеллект как способность мозга реагировать на критические изменения окружающей среды оптимальным образом.

3. Самым важным преимуществом народов, населяющих страны Альянса, является духовность. И в Исламе, и в Православии стремление к чистоте устремлений и отказ от чрезмерности в обладании материальными благами создавали условия для общественной атмосферы устремленности к высоким идеалам. Аскетизм православных всегда был органичным производным от исторического опыта поколений, каждое из которых переживало свою войну или экономические трудности, но никогда не теряло присутствия духа и благодаря этому всегда побеждало. В Исламских странах дух каждого человека является частицей Создателя в нем, поэтому сохранение Бога в себе в безупречном состоянии является священным долгом мусульманина.

Слабости Альянса:

1. Отсутствие опыта реализации совместных стратегий геополитических и геоэкономических планов;

2. Разнородность дискурса цивилизаций Альянса;

3. Недостаточная осознанность элитами необходимости Альянса в ближайшем настоящем.

Угрозы Альянса:

1. Остаточный потенциал Западной цивилизации опасно недооценивать. Влияние либеральных ценностей на молодежь во всех странах мира сформировало поколение «снежинок», превращенных комфортом условий жизни и безответственностью за собственные выборы в мягкотелых вечных девочек и мальчиков. Идеальное поколение для глобалистов.

2. Элиты большинства стран мира за 30 лет беспрепятственного развития однополярного мира целенаправленно были отобраны в виде образцов фиктивного лидерства. И лишь цивилизационное наследие в виде генетической и исторической памяти дает надежду на замену марионеток на настоящих лидеров наций. И только с ними можно будет договариваться и даже сотрудничать.

3. Информационная война нередко проигрывается потенциальными участниками Альянса цивилизаций в силу недостаточной разработанности новейших гуманитарных технологий в медиа-сфере. Убежденность в том, что правда всегда побеждает, не всегда оправдывается в условиях информационной войны, если противник не гнушается самой чудовищной ложью, достигающей неискушенных потребителей информации с вирусной скоростью и всеохватностью.

Возможности Альянса:

1. При гармоничном сочетании развитых технологий с высокой степенью одухотворенности народов Альянса будет возможно практически полное устранение крупных военных конфликтов.

2. Оздоровление информационной среды и возврат культуры к истинным смыслам вернут народам уверенность в будущем;

3. Рациональное использование богатых природных, человеческих, ресурсов «мягкой силы» членов Альянса позволит человечеству сойти с дороги самоуничтожения.

Трансформация мироустройства

Очищающая буря событий февраля–марта 2022 года является предвестницей мощных процессов рождения нового миропорядка. В этом смысле наступает идеальное время для рождения нового Альянса цивилизаций. Меняется мир, меняются конфигурации элитных союзов и сетей. Но глубинные процессы происходят в виде сближения или расхождения цивилизаций. Обречена ли Западная цивилизация в конечном итоге трансформации мира? Да, если не появятся силы, осознавшие главные внутренние причины гибели некогда могущественной и всепобеждающей цивилизации и способные организовать движение возрождения. Нет, если Запад продолжит противопоставлять себя меняющемуся миру и не откажется от насилия и лицемерия.

Очень важным фактором выбора глобальных колеблющихся государств в пользу элитных союзов будет не видимая демонстрация силы игроков, и не посулы финансовых и иных преференций, а невидимые тонкие сигналы, которые будут улавливаться почти на уровне подсознания. Грех старых ошибок поведения на глобальной арене вдруг будет всплывать неожиданно и неумолимо и сделать с этим будет ничего невозможно. Потому что всплывать этот грех будет в памяти переговорщиков противоположной стороны.

Например, Индия является наиболее значимым «глобальным колеблющимся государством» и ее выбор в процессах трансформации мироустройства может значительно изменить баланс сил между новым Альянсом цивилизаций и старым миром.

Это государства бывают колеблющимися, а цивилизации гораздо более устойчивы, поэтому в интересах отдаленного будущего следует стремиться именно к альянсам цивилизаций. При этом даже при создании альянсов государств необходимо помнить цивилизационный контекст стратегий.

Время для движения к альянсу цивилизаций, в чьих генетических кодах записаны важнейшие слова: справедливость, равенство, братство, духовность, нравственность наступает в эти дни, в момент, когда рушится старое мироустройство, в котором миром правили слова: исключительность, гегемония, право сильного, конец истории, однополярный мир, санкции.

Список использованных источников

1. Лосев, А. За пределами долларовой кредитократии: геополитическая экономика / А. Лосев // Валдайские записки No 116. Июль 2021, с. 5–6. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-116/>. (дата обращения: 18.03.2022)

2. Печчеи, А. Человеческие качества. [сайт] URL: <http://igrunov.ru/cat/vchk-cat-bibl/articles/peccei/>. (дата обращения: 18.03.2022).

3. Почему европейские страны не откликнулись на испанский призыв к «Альянсу цивилизаций»? // Радио Свобода, 2008, 25 января. [сайт] URL: <https://www.svoboda.org/a/430445.html>. (дата обращения: 18.03.2022)

4. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – Москва : Изд-во «Республика», 1992. – 430 с.

5. Khatami, M. Symposium: Islam, Iran and the Dialogue of Civilisations / M. Khatami // Global Dialogue. 2001.

6. Petito, F. Khatami' Dialogue among Civilizations as International Political Theory / F. Petito // The International Journal of Humanities. 2004, – Vol. 11. – С. 11 – 29.

УДК 81.411.21'373.7+81.512.161'373.7

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТУРЕЦКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Е. А. Зерницына¹, Р. А. Бекиров²,

¹обучающаяся 4 курса кафедры восточной филологии Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье делается попытка выявить сходства, отличия и трудности при переводе турецких и арабских фразеологизмов.

В ходе исследования установлены отличия турецких фразеологизмов от арабских, а также приведены примеры.

Ключевые слова: турецкий язык, арабский язык, фразеология, фразеологические единицы, устойчивые выражения, фразы, перевод.

Annotation. This article attempts to identify the similarities, differences and difficulties in the translation of Turkish and Arabic phraseological units.

The differences between Turkish phraseological units and Arabic ones were found and examples were given during the study.

Key words: Turkish language, Arabic language, phraseology, phraseological units, idiomatic expressions, phrases, translation.

Введение. Однажды российский лингвист А. В. Кунин сказал: «Фразеология – это сокровищница языка» [6]. И ведь, действительно, это так. Фразеологизмы составляют важную часть словарного состава любого языка. Они труднопереводимы и требуют большего внимания при переводе, ведь необходимо передать смысл выражения. Языки постоянно трансформируются, появляются новые слова и выражения. Фразеология занимает большую долю как в турецком, так и в арабском языках. За всё время существования языков накопилось огромное количество устойчивых выражений, которые считаются наиболее меткими и красивыми.

Актуальность. С каждым днем турецкий и арабский языки становятся все более популярными. Число говорящих на арабском языке растет ежегодно и составляет около 500 миллионов человек, а на турецком – 73 миллиона. Для полного погружения в национальную культуру, традиции, менталитет и своеобразие народа необходимо знание фразеологизмов, поэтому изучение фразеологических единиц становится неотъемлемой частью филологического образования. Сопоставительное изучение языков является актуальной

проблемой современного языкознания, так как направлено именно на выявление схожих черт и различий. Естественно, что в наше время «является актуальным создание подобных словарей, изданий, статей и диссертаций для того, чтобы совершенствовать язык, повышать культуру арабского языка» [3, с. 4].

Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть фразеологические единицы (ФЕ) турецкого и арабского языков, классифицировать, выявить особенности, сопоставить их. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) найти и изучить научную литературу по заданной теме;
- 2) рассмотреть основные понятия, формулировки, касающиеся темы;
- 3) классифицировать фразеологизмы;
- 4) проанализировать фразеологические группы;
- 5) найти фразеологизмы в словарях;
- 6) выявить различия и сходства фразеологизмов турецкого и арабского языков;
- 7) рассмотреть примеры.

Основными **методами** исследования будут: описательный, сопоставительный и компаративный анализ, метод фразеологической идентификации.

Объект исследования: фразеология.

Предмет исследования: фразеологические единицы турецкого и арабского языков.

Теоретическая и практическая ценность

Теоретическая значимость данного исследования состоит в обширном представлении и более углубленном изучении турецких и арабских фразеологизмов.

Практическая значимость исследования отражается в возможности использования полученных результатов дипломированными специалистами.

«Фразеология – научная дисциплина, которая изучает фразеологизмы или фразеологические единицы (ФЕ) языка. Под ними понимаются устойчивые неделимые сочетания слов, характеризующиеся закреплённостью определённого значения с большей или меньшей семантической целостностью и традиционностью употребления, их можно заменить одним словом, синонимом. Фразеологией называется также совокупность устойчивых сочетаний в языке в целом, в языке того или иного писателя, в языке отдельного художественного произведения и т.д.» [5].

Работы В. В. Виноградова способствовали появлению множества работ по фразеологии разных языков. Лингвист выделял три типа фразеологических единиц:

«1) Фразеологические сращения или идиомы – это такое сочетание слов, где значение всего оборота не вытекает из значения слов, которые входят в его состав. Например, «заморить червяка», «ни в зуб ногой», «кривая выведет», «у черта на куличиках» и другие.

2) Фразеологические единства – это устойчивые сочетания, где его смысл определяется значением входящих в него слов. Например, «намылить голову», «вылететь в трубу», «капля в море» и другие.

3) Фразеологические сочетания - устойчивые обороты, в которых один компонент возможно сочетать только с определенным словом. Например, «расквасить нос», «раскинь мозгами», «тоска берет» и другие. Нельзя сказать «радость берет», «удовольствие берет» и т.п.» [4].

К этим трем типам фразеологических единиц Н. М. Шанский добавил еще один.

4) «Фразеологические выражения – устойчивые фразы с переосмысленным содержанием (пословицы, поговорки, афоризмы). Например, «волков бояться, в лес не ходить», «не все то золото, что блестит», «кашу маслом не испортишь» и т.д.» [7].

По мнению А.М. Бабкина, фразеологической единицей признается семантическая единица более сложного порядка, чем слово, но функционально близкая к слову и, соответственно, к члену предложения, т.е. сочетание слов, обладающее постоянным составом и отличающееся семантическим своеобразием. Фразеологизм имеет такие признаки, как:

- «1) смысловая целостность;
- 2) устойчивость;
- 3) наличие переносного значения;
- 4) экспрессивно-эмоциональная выразительность» [1].

Тему фразеологических единиц турецкого языка изучали: Д. Аксана, А. А. Аксоя, Ш. С. Елчина, С. Емира, С. К. Кснесбаева и другие.

А. А. Аксоя разделил фразеологические единицы (ФЕ) по грамматическому признаку на три группы идиом турецкого языка: глагольные, номинативные и коммуникативные [8].

1) Глагольные

Главный компонент в этом разряде является – глагол. Выражение состоит из одного – трех слов. Например: *sinek avlamak* – бить баклуши, валять дурака (букв. ловить мух), *kanlı bıçaklı olmak* – (быть) на ножах (букв. быть окровавленным ножом);

2) Номинативные

В таких фразеологизмах отсутствует модальность. Например: *dar boğaz* "большие трудности" (букв. узкое горло), *асемі çaylak* "неловко" (букв. неопытный);

3) Коммуникативные

Это пословица или образное предложение, где глагол, в зависимости от применения, может изменяться по числам, родам и времени. Например: *İşin can noktasını ele almak* – взять быка за рога (букв. разобраться в жизненном моменте), *Ah edip eh işitmek* "постоянно кричат" (букв. «сказал "ах", слышать "эх"»)

Фразеологизмы турецкого языка обычно состоят из двух или более слов.

В турецком языке огромное количество диалектов, поэтому со временем происходят изменения в фразеологических единицах. Например, некоторые фразеологизмы имеют разный набор слов, но несут одинаковый смысл: *fena gözle bakmak* и *kötü gözle bakmak* (показывать враждебность).

Турецкий и арабский языки относятся к разным языковым семьям, но, несмотря на это, даже если языки не родственные, в них все равно наблюдается сходство, так как фразеология основана на человеческом мышлении.

Наиболее широко фразеологические единицы (ФЕ) арабского языка нашли свое отражение в священной книге мусульман – Коране. Примеры из Корана: "улада очей, успокоение очей" «فُرَّةُ عَيْنٍ» (букв.) "прохлада глаза (глаз)" (25:74, 28:9, 32:17); "пророк" «سِرَاجٌ مُنِيرٌ» (букв.) "светильник освещающий" (33:46); "порочить, поносить кого-либо; клеветать на кого-либо" «أَكَلَ لَحْمَهُ» (букв.) "ест мясо кого-либо" (49:12). Коран насыщен фразеологизмами-идиомами.

Грамматические структуры ФЕ современного арабского литературного языка можно разделить на именные, глагольные, адвербиальные и адъективные.

1) Именные фразеологизмы.

Главный компонент в этом разряде является – имя существительное. Именные фразеологизмы обозначают лицо и предмет. Например:

"рог изобилия" «قرن الخصب» [2, с. 635];
"транжира" «ابو جيب مخزوق», (букв.) "отец дырявого кармана" [2, с. 151].

В предложении именные ФЕ могут выполнять функции подлежащего (например, «он – добрый») и прямого дополнения.

2) Глагольные фразеологизмы – самые продуктивные и многочисленные.

Главный компонент в этом разряде является глагол и деепричастие. Глагольные фразеологизмы выполняют основную для глагола семантическую функцию обозначать действие или процесс [3]. Например:

"пропасть зря" «ذهب جفاء», (букв.) "он ушёл с порчей (испорченным)" [2, с. 277];

"совать свой нос" «حشر انفه» [2, с. 157].

3) Адвербиальные фразеологизмы.

Они обозначают качество, обстоятельство действия или степень проявления признака, характеризуют лицо или предмет. Обычно в речи выполняют функцию обстоятельства. В речи они могут выступать в функции различных обстоятельств места. Например:

"во что бы то ни стало" «بجدع الانف», (букв.) "отсечением носа" [2, с. 120];
"плыть по течению" «أنجرف مع التيار» [2].

4) Адъективные фразеологизмы.

Такие фразеологизмы выражают качественную характеристику лица (мало каши ел, мухи не обидит, себе на уме, не от мира сего) или предмета (с иголочки, подбитый ветром, пальчики оближешь). Они выступают в качестве прилагательных и объединяют значение качественной характеристики человека. Например:

"неповоротливый" «ثتيلُ الدَّم»، (букв.) "с тяжёлой кровью" [2];

"быстроногий" «خفيفُ الرَّجْلِ», (букв.) "с легкой ногой" [2];

Сходства турецких и арабских фразеологизмов:

- Благодаря тому, что в турецком языке есть тысячи заимствованных слов из арабского, фразеологизмы двух языков могут звучать одинаково и иметь идентичный перевод.

- Глагольные фразеологизмы являются самыми популярными в двух языках.
- Фразеологические единицы (ФЕ) устойчивы, замена одного слова может поменять смысл.

Отличия турецких и арабских фразеологизмов:

- Арабский язык относится к семитской семье, турецкий к тюркской языковой семье, поэтому они имеют разную фонетику, морфологию.
- Турецкие фразеологизмы делятся на три группы, арабские – на четыре.

Большинство рассматриваемых турецких ФЕ вошли во фразеологический фонд турецкого языка сравнительно недавно, являясь заимствованиями из других языков; в то же время они являются часто употребляемыми в современном турецком языке. Именно их вхождение во фразеологический фонд турецкого языка позволяет выделить достаточно большое количество фразеологических эквивалентов в двух сопоставляемых языках.

Таким образом, изучение фразеологии способствует повышению культуры речи, при правильном и уместном использовании придает языку особую выразительность, образность. Фразеологизмы устойчивы, замена одного слова ведет к новому значению выражения. Некоторые фразеологические единицы используют часто и в каждом контексте они звучат по-иному, выражая свои оттенки смысла.

Список литературы

1. Бабкин, А. М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. / А. М. Бабкин. – Ленинград, 1970. – 261с.
2. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь: ок. 42000 слов / Х. К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – Москва, 1989. – 928 с.
3. Бекиров, Р. А. Лексико-семантические особенности глагольных фразеологизмов современного арабского языка. / Р. А. Бекиров // Учебное пособие: Часть 1, 2016 – 112 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык. / В. В. Виноградов // Грамматическое учение о слове. 2-е испр. изд. – Москва, 1972. – С. 118 –161.
5. Закиров, Р. Р. Практикум по лексикологии арабского языка / Р. Р. Закиров, Н. Г. Мингазова. – Казань: ТГГПУ, 2009. – 138 с.
6. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — Москва: Русский язык, 2003.
7. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка: Пособие для пед. ин-тов / Н. М. Шанский. – Москва : Просвещение, 1964. – 316 с.
8. Aksoy, O. A. Bolge agzinda Atasozleri ve deyimler / O. A. Aksoy // Naz. Cem Dilgin. – Ankara: Ankara Üniversitesi Basimevi, 1969.

УДК 811.411.21'36..297.18

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ С

ПРИЧИННЫМ СОЮЗОМ "ФА" В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА КОРАНА)

А. Р. Магаметов,

старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. данная статья посвящена изучению принципов построения грамматических конструкций, в состав которых входит причинный союз «фа», в контексте коранических аятов. Статья освещает взгляды ряда представителей арабских грамматических школ на данный аспект грамматики арабского литературного языка, отраженный в священном тексте. Представлен краткий перечень работ арабских авторов в области арабской грамматики. Сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: арабский язык, Коран, причинный союз, предлоги, грамматика.

Summary. This article is devoted to the study of the principles of constructing grammatical constructions which include the causal conjunction "Fa" in the context of the Qur'anic verses. The article highlights the views of a number of representatives of Arabic grammar schools on this aspect of the grammar of the Arabic literary language reflected in the sacred text. A short list of works of Arabic and domestic authors in the field of Arabic grammar is presented. The necessary conclusions are presented.

Key words: Arabic, Quran, causal conjunction, prepositions, conjugation, grammar.

Для постижения тайнств смысловых значений и особенностей грамматики и лексики Корана необходимо всесторонне изучить и понять грамматику и лексику непосредственно арабского литературного языка, на котором Всевышний ниспослал человечеству Священную Книгу, что, в свою очередь, дало бы нам возможность более точно анализировать различные аспекты грамматического строя коранических стихов, в том числе вопросы, касающиеся роли различных предлогов и союзов, имеющих место в их структуре. Ибо, как известно, текст Корана изложен на чистейшем, не знающем каких-либо искажений и подмен литературном языке, и вместе с тем являет собой кладь неповторимой арабской лексики, побуждающей арабистов к тщательному ее изучению и рассмотрению ее особенностей.

Актуальность данной темы заключается в возможности коранического текста, в отличие от текстов современного арабского языка, наиболее полно и емко отразить функции причинного союза **فاء** в структуре предложения, явить широкому кругу изучающих арабский литературный язык отдельные категории данной частицы с их соответствующим смысловым окрасом в том или ином контексте Корана, дефицит изученности которых явно присутствует в трудах по арабскому языку, как древних, так и современных авторов.

Цель работы: проследить влияние причинного союза **فاء** на грамматический и синтаксический строй конструкций в контексте Корана, а также представить вниманию читателя ряд категорий причинного союза и его

функций в коранических предложениях, а также мнения некоторых арабских филологов по данному вопросу.

Большинство арабских грамматистов единогласны в том, что причинный союз **فاء** имеет место в предложениях, имеющих девять следующих оттенков: повеление, мольбу, запрет, вопрос, предложение, побуждение, пожелание, просьбу и отрицание. В то же время ученые расходятся во мнениях относительно влияния союза на конструкцию предложения, на состояние глагола, следующего за ним: остается ли глагол настоящего времени в изъявительном наклонении **الرفع** или же переходит в состояние усеченной сослагательной формы **النصب** через условное наличие в предложении частицы **أَنْ**, которая следует после причинного союза. Так, Сибавейхи утверждает, что сослагательность глагола в настоящем времени, следующего после причинного союза, продиктована не иначе как наличием после него подразумеваемой частицы **أَنْ**, раскрывая свое утверждение в таком наглядном примере как: «**لَا تَأْتِنِي**» – «Нет надобности приходить ко мне, **дабы** рассказать об этом» [3, с. 258]. Как видим из данного примера, причинный союз **فاء** изменяет морфологическую структуру глагола «рассказывать», получающего фатху сослагательного наклонения, в то же время подразумевая после себя нахождение скрытой частицы **أَنْ**, реальное наличие которой имело бы следующую форму: «**لَا تَأْتِنِي أَنْ تُحَدِّثَنِي**». Из утверждения Сибавейхи мы делаем вывод, что часть вышеупомянутого предложения, предшествующая союзу **فاء**, имеет оттенок условия, в то время как оставшаяся часть предложения, следующая после союза **فاء**, несет в себе оттенок ответа на условие. Таким образом, данный союз и приобретает смысл причинности.

Важно отметить, исходя из вышеприведенного Сибавейхи примера, что именно подразумеваемая частица **أَنْ**, требует постановки глагола в усеченной форме, а не **فاء**, как полагают некоторые грамматисты.

1. Причинный союз **فاء** со значением ответа на повеление в условном предложении (**جواب الأمر**)

Причинный союз в подобном предложении может употребляться когда:

- 1) под повелением подразумевается требование или мольба;
- 2) глагол в настоящем времени предваряется повелительной частицей **لام**

الأمر;

В Священном Коране причинный союз **فاء** с оттенком ответа на повеление упомянут в нескольких аятах, причем смысловой глагол «сбывается», следующий за союзом употреблен в изъявительном наклонении **الرفع**:

1. «**إِنَّمَا أَمْرُهُ إِذَا أَرَادَ شَيْئًا أَنْ يَقُولَ لَهُ كُنْ فَيَكُونُ**» – «...стоит Ему сказать: "Будь!"» - **как** это сбывается» (Коран - сура 36, аят 83).

2. «**إِذَا قَضَىٰ أَمْرًا فَإِنَّمَا يَقُولُ لَهُ كُنْ فَيَكُونُ**» – «Когда Он принимает решение, то Ему стоит лишь сказать: "Будь!"» – **как** это сбывается» (Коран - сура 2, аят 117).

Представитель куфийской языковой школы Абу Закария аль-Фарра, комментируя аят из суры «Корова» – **فَإِنَّمَا يَقُولُ لَهُ كُنْ فَيَكُونُ**, отмечает, что глагол **فَيَكُونُ**, следующий за причинным союзом **فاء**, употреблен в изъявительном, а не в сослагательном наклонении по причине того, что предшествующий ему глагол **يَقُولُ** также употреблен в контексте в форме изъявительного наклонения. Что же касается 40-го аята из суры «Пчелы»: **إِنَّمَا قَوْلُنَا لِشَيْءٍ إِذَا أَرَدْنَاهُ أَنْ نَقُولَ لَهُ كُنْ فَيَكُونُ**, то согласно утверждению того же аль-Фарра, глагол **فَيَكُونُ** должен читаться в форме

النصب, а не в форме الرفع, как это представлено в Писании, а конечной огласовкой должна выступать фатха – فَيَكُونُ вместо даммы فَيَكُونُ, ибо предшествующий причинному союзу فاء глагол تَقُولُ также представлен в форме النصب [5, с. 266].

Тем не менее, стоит отметить, что большинство знатоков арабской грамматики, противореча приведенному выше утверждению аль-Фарра, единогласны во мнении, что глагол فَيَكُونُ все же обязательно должен быть употреблен в форме изъявительного наклонения.

Частица повеления لام الأمر в предложении с условным наклонением, имеющем в своей конструкции причинный союз, упомянута лишь в одном кораническом аяте لِيَكْفُرُوا بِمَا آتَيْنَاهُمْ فَتَمَتَّعُوا فَسَوْفَ تَعْلَمُونَ «Таким образом они отвергают то, что Мы даровали им. Так пользуйтесь благами, и скоро вы узнаете». В данном контексте именно наличие частицы повеления لام الأمر требует постановки глаголы تَمَتَّعُوا, предваряемым причинным союзом, в форме النصب. Подобного мнения придерживались Ибн Джинни и Абу Хайян [4, с. 617].

2. Причинный союз فاء со значением ответа на отрицание в условном предложении (جواب النفي)

Оформление глагола настоящего времени в форме النصب после союза فاء со значением ответа на отрицание подразумевает собой противоречие действию, заключенному в глаголе, предшествующем союзу.

Союз فاء с оттенком ответа на отрицание упомянут в двух аятах Священной Книги, один из которых вызывает споры среди ученых-филологов, а именно «وَلَا يُؤْذَنُ لَهُمْ فَيَعْتَذِرُونَ» – «и не будет им дозволено, хотя будут они оправдываться». В данном аяте глагол с предшествующим ему причинным союзом فاء представлен в форме الرفع, несмотря на необходимость оформления глагола в подобных случаях в форме النصب, как это явствует из иного аята «لَا يُفْضَى عَلَيْهِمْ فَيَمُوتُوا» – «С ними не покончат так, чтобы они могли умереть», толкуя который Абу Джафар аль-Наххас говорит, что глагол فَيَمُوتُوا употреблен в усеченной форме, ибо входит в конструкцию предложения с оттенком отрицания. Что же касается аята «وَلَا يُؤْذَنُ لَهُمْ فَيَعْتَذِرُونَ», то глагол فَيَعْتَذِرُونَ представлен в изъявительном наклонении الرفع по причине того, что он заканчивает собой упомянутый аят, что допускается правилами чтения Корана, о чем заявил Али аль-Кисаи, один из создателей куфийской школы арабской грамматики, и с которым согласился аль-Наххас, в отличие от остальных знатоков языка и толкователей Священной Книги [2, с. 700].

3. Причинный союз فاء со значением ответа на запрет в условном предложении (جواب النهي)

Все арабские грамматисты единогласны в том, что глагол в настоящем времени, следующий после причинного союза с оттенком ответа на запрет, должен быть оформлен в форме النصب по причине предшествующей глаголу скрытой частицы أن. Споры вызывает лишь вопрос о том, в каком наклонении такой глагол должен быть оформлен: в форме الرفع или же النصب.

Относительно аята «وَلَا تَقْرَبَا هَذِهِ الشَّجَرَةَ فَتَكُونَا مِنَ الظَّالِمِينَ» – «...но не приближайтесь к этому дереву, иначе окажетесь одними из беззаконников», аль-Фарра полагает, что глагол فَتَكُونَا, который следует после причинного союза فاء в предложении с оттенком запрета, может быть оформлен в форме النصب при условии использовании перед ним подразумеваемой частицы أن, либо может быть воспринят как соединительное приложение العطف, связанное

морфологически с глаголом, предшествующим причинному союзу, а именно **وَلَا** **تُقَرَّبَا**. С этим мнением ученого согласилось большинство знатоков арабского языка и толкователей Корана. Хотя Абу Хайян настаивает на том, что оформление глагола **فَتَكُونَا** как **النصب** более оправданно, ибо факт следования его за причинным союзом не дает права считать иначе [2, с. 163].

Вывод. Проведя данное исследование можно сделать вывод, что союз **فَاء** сам по себе не ставит связанный с ним глагол настоящего времени в позицию **النصب**. Подобную функцию призвана выполнять скрытая частица **أَنْ**, как на это указывает большинство арабских лингвистов. Нами была предпринята попытка анализа роли причинного союза **فَاء** в коранических аятах через призму мнений некоторых арабских грамматистов относительно данной темы, а также мы проследили влияние союза на грамматический и синтаксический строй конструкций в контексте Корана.

Список использованных источников

1. Кулиев, Э. Р. Коран : перевод смыслов и комментарии / Э. Р. Кулиев ; изд. 6-е, испр. – Москва : Умма, 2007. – 686 с.
2. أحمد بن محمد بن إسماعيل النحاس. إعراب القرآن / أحمد بن محمد بن إسماعيل النحاس 2009. – 1390 ص.
3. عبد السلام هارون. الكتاب : تحقيق النصوص ونشرها / عبد السلام هارون - مكتبة الخانجي. 1998. – 160 ص.
4. عثمان بن جنى أبو الفتح. المحتسب في تبيين وجوه شواذ القراءات والإيضاح عنها / عثمان بن جنى أبو الفتح – 2009. – 931 ص.
5. محمد بن الحسن الإستراباذي السمنائي النجفي الرضي. شرح الرضي لكافية ابن الحاجب / محمد بن الحسن الإستراباذي السمنائي النجفي الرضي - جامعة الإمام محمد بن سعود الإسلامية, 2011. – 2891 ص.

УДК 811.222.5

ОБ АНАЛОГИЯХ КОРНЕВЫХ СЛОВ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ В КУРДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. Д. Мамоян,

*лингвист, писатель, публицист; член Союза журналистов России и
Международного PEN-клуба*

Аннотация. В докладе дана общая информация о языковых аналогиях курдского и других индоевропейских языков. Особое место уделено аналогиям корневых слов и тождественности систем прилагательных и грамматических категорий существительного в курдском и русском языках. Автор доказывает, что утверждение о существовании рода, числа и склонения прилагательных, о которых говорится в грамматиках курдского и русского языков, не совсем верно. Частицы, которые в русской грамматике принято называть аффиксами прилагательных, не совсем являются таковыми, так как прежде они являлись определенными артиклями, идентичными определенным артиклям курдского языка. В действительности прилагательные в русском языке ранее имели другую форму и не имели категории рода и числа. Результаты исследования могут

пролить свет на общеиндоевропейское историческое прошлое курдского и русского языков.

Ключевые слова: курдский язык, русский язык, курдско-русские языковые аналогии, корневые слова, грамматические категории, прилагательное, архаизмы определённых артиклей древнерусского языка, аналогии корневых слов.

Summary. The article deals with the general information about the linguistic analogies of the Kurdish and other Indo-European languages. A special place is given to the analogies of root words and the identity of systems of adjectives and grammatical categories of nouns in Kurdish and Russian. The author proves that the statement about the existence of the gender, number and declension of adjectives, which are mentioned in the grammars of the Kurdish and Russian languages, is not entirely true. Particles, which in Russian grammar are usually called adjective affixes, are not exactly such, since before they were definite articles, identical to the definite articles of the Kurdish language. In fact, adjectives in Russian used to have a different form and did not have the category of gender and number. The results of the study can shed light on the common Indo-European historical past of the Kurdish and Russian languages.

Key words: Kurdish language, Russian language, Kurdish-Russian language analogies, root words, grammatical categories, adjectives, archaisms of definite articles of the Old Russian language, analogies of root words.

Данная тема особенно актуальна для дальнейшего изучения межязыковых связей и разного рода аналогий в конкретных индоевропейских языках. Дальнейшее исследование в этой области раскроет новые возможности для понимания и осмысления развития конкретных языков в общеиндоевропейской семье.

Одним из основополагающих достижений лингвистики является теория о классификации языков, как по отдельным языковым семьям, так и по группам и подгруппам. То есть определение совокупности языков, произошедших от одного корня.

Сегодня лингвистами признано около 420 языковых семей, среди них и индоевропейская, к которой относятся курдский и русский языки.

Общеизвестно, что русский язык, наряду с украинским и белорусским языками, относится к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской семьи языков [2, с. 409–410; 14]. В разных публикациях говорится о существовании языковых аналогий в русском и других индоевропейских языках, и приводятся конкретные примеры. А, между тем, о курдско-русских языковых связях, кроме отдельных декларативных высказываний, мало кто всерьёз говорил что-то на научном уровне. И, наверное, к этому всерьёз не относились, так как курдский язык относится к иранской группе арийской ветви индоевропейских языков [1, с. 28; 13].

Однако, всё не так однозначно!

Ещё в XVIII в. в европейских странах возник интерес к курдской культуре и языку. Уже во второй половине столетия европейские ученые, в том числе и русские, с большим интересом изучали этнографию, язык, культуру, быт и историю курдского народа, и страну курдов – Курдистан. Для европейцев ни курды, ни Курдистан не были чем-то абстрактным, или же нереальным. Так, один из пионеров российского курдоведения В. Диттель, совершивший в начале XIX в. трехгодичное путешествие по Ближнему Востоку, писал: «Путешествие

через Диарбекир до границ Сирии предоставляло мне много наблюдений в географическом и этнографическом отношениях. Путь мой лежал через Мардин, Диарбекир, Низибин и Урфу. *Страны, по которым я проходил, составляли часть Курдистана и мало известны* (курсив наш. – А. М.)» [3, с. 5].

Для того, чтобы лучше познать эту страну, ее народ и культуру, европейцы начали изучать ее язык и проводить научные исследования в области истории и этнографии курдского народа. Безусловно, они проявили здоровый прагматизм. И это понятно: если кто-то пожелает установить экономические, торговые, политические и другие отношения с конкретной страной и его народом, реализовать там свои национальные интересы, он должен начинать с изучения языка этого народа.

В конце XVIII столетия европейские миссионеры, вернувшись на родину, издали первые грамматики курдского языка, составленные на основе материалов, собранных ими в Курдистане. А самой первой была Грамматика курдского языка, составленная итальянским миссионером Гарцони, которая вышла в свет в 1787 г. в Риме [10]. После Грамматики Гарцони интерес к курдскому языку в мире возрос, и стал обсуждаться вопрос об исследованиях в области курдского языка. Позднее, основываясь на результатах, достигнутых в этой области, немецкие ученые Е. Рёдигер и А. Потт в своих трудах высказывали своё видение места курдского языка в иранской группе индоевропейских языков [11].

Другой европейский ученый Г. Хёрнле пришел к выводу, что курдский – живой и преимущественно разговорный язык, сохранивший ряд древнеиранских слов и форм грамматических категорий [3, с. 7].

Однако указанные точки зрения, берущие свое начало из Грамматики Гарцони, возникнут потом.

Известный русский ученый Петр Лерх пишет, что грамматика Гарцони у западных ученых пробудила интерес к курдскому языку. Было не только опубликовано множество научных гипотез, но и проведено достаточное число лингвистических исследований.

Потом появляются мнения, что целесообразно результаты исследований курдского языка использовать в области иранской филологии, что изучение курдского языка поможет объяснить некоторые явления языка Авесты и других иранских наречий.

Венский лингвист Ф. Мюллер уверяет, что «освещение своеобразия иранских языков не было бы исчерпывающим, если не учитывать фонетику, словоизменение и словообразование курдского языка» [3, с. 7].

Если большинство западных востоковедов изучение курдского языка проводят в контексте иранских языков, то французский ученый Поль Бейдар сосредоточивает внимание на курдско-французских языковых аналогиях. Он высказывает мнение, что в курдском и французском языках имеется определенная общность, которая проявляется как в их лексике, так и в грамматике [3, с. 11].

Армянский просветитель Хачатур Абовян в своем труде «Курды» предлагает ученому миру приступить к изучению культуры и языка этого оригинального народа. Он отмечает, что обработка этой благодарной почвы

приносит большую пользу отечественной исторической науке и языкознанию [3, с. 5].

Неоспоримым вкладом в изучение курдского языка стали и труды курдских ученых и просветителей разных времен. Среди них – таких как Джаладет Али Бадрхан, Комуран Али Бадрхан, Тоуфик Вахби, Саид Кабан, Нури Али Эмин, Араб е Шамо, Канат Курдоев, Черкез Бакаев, Керим Эйюби и др. Свою лепту в развитие курдского языкознания внесли и советские востоковеды Ю. Авалиани, И. Цукерман, К. Р. Эйюби, Р. Цаболов, И. Смирнова, З. Юсупова и многие другие. Своими трудами в области описательной грамматики курдского языка они способствовали обогащению методологического опыта и материальной базы для дальнейших исследований в этой области.

Конечно, результаты этих и других научных исследований могут пролить свет на наше общеиндоевропейское историческое прошлое. Однако, среди них отдельную научную ценность представляет изучение множества аналогий корневых слов в курдском и русском языках.

И, если говорить об этом, то надо учесть, что оба народа не могли заимствовать эти слова друг у друга, так как страны обитания обоих находятся на тысячекилометровом расстоянии и каких-либо контактов между ними не зафиксировано в истории. И если до XVIII столетия военные представители царской России или же дипломаты-исследователи и миссионеры несколько раз побывали у курдов, эти посещения не могли стать основой для стольких заимствований корневых слов. Для этого требовалось бы многосторонние и разнообразные взаимоотношения в течение длительного исторического периода.

Исторические данные не свидетельствуют ни о географическом соседстве курдского и русского народов, ни о регулярных и активных торгово-экономических, политических, культурных и других связях между ними. Только в конце XVIII и начале XIX вв. намечается некоторая активность во взаимоотношениях между двумя народами. А такие отношения не могли бы стать основой для возникновения стольких общих аналогий в этих языках.

И здесь, естественно, возникает вопрос: «Откуда столько аналогий слов и грамматических категорий в этих языках?»

Накопленный опыт сравнительно-исторических исследований в области индоевропейских языков, которые проводились до сегодняшнего дня, а также история образования и распространения этих народов в мире и общность начальных языковых основ предоставляют возможности, чтобы лингвистика ответила на эти и другие вопросы.

Сегодня уже можно уверенно констатировать, что курдский и русский языки имеют общую основу не только как два индоевропейских языка. И наличие многих особенностей, присущих обоим языкам, говорят о том, что в длительный исторический период они развивались в составе общей языковой семьи, на одной общей для обоих языков основе.

Однако и здесь возникают вопросы: «Какова была эта основа? Где остался тот факт, что курдский язык относится к иранской группе языков, а русского – к славянской? В каких областях общая основа осталась единой, а где очевидны расхождения? Те формы, которые возникли позже, на какой основе развивались? Если в курдском языке существует такое множество аналогий лексических и

грамматических форм, которые есть и в других неиранских индоевропейских языках, не означает ли это, что ученым-лингвистам еще остаётся, определить место курдского языка в индоевропейской семье?»

Все эти вопросы относятся к другому кругу проблем и нуждаются в научно обоснованных ответах. И, естественно, главным условием успеха научных исследований в этой области может стать разностороннее научное освещение данной тематики.

Частью предмета будущего лингвистического исследования могли бы быть аналогии корневых слов в курдском и русском языках, которые мы здесь предлагаем вниманию специалистов.

курдские

bav
bê
beran
ber (- av)
bilqîn
bira
birû
bit (bibitin)
çar
çax
çima
çors
ç'êlek
dar
deh
derî/çvêr (в диалекте заза)
diryaûî
dot
dotin
du
ez (личное м - именование I лица)

ga
gotin (govtin)
jîn
ji nûva
jîyan
kat
kevîr
kit
kuloç
K'awa
k'urdi-kî (в диалекте заза)
lîqîn
tak
meh (mange)

русские

батя
без
баран
берег
бульканье/вулкан
брат
брови
быть
четыре
час
почему
черствый
теленок
дерево
десять
дверь
дранный
дочь
доить
два
аз (личное местоимение I лица в древнеславянском)
говядина
говорить
жена/женщина
снова
жизнь
час
камень
кот
кулич
ковать
курдский
ликовать
мать
месяц

<i>mêş, moz</i>	муха
<i>mêş (a tişteki/keseki girtin)-- √</i>	
<i>(mirov ê) mêşindar ----- →</i>	мишень
<i>mêşingeh ----- ↗</i>	
<i>mişk</i>	мышь
<i>na</i>	нет
<i>ne</i>	не
<i>nig</i>	нога
<i>nizm/nimiz</i>	низкий
<i>nû/nuh</i>	новый
<i>petin</i>	печь
<i>pênc</i>	пять
<i>qalbûn</i>	закаляться
<i>qas</i>	час
<i>qasik</i>	каска
<i>qaz</i>	гусь
<i>qul</i>	укол, уколоть, колоть
<i>r'azan</i>	рожать
<i>r'iz</i>	рис
<i>se(g)</i>	собака
<i>sê</i>	три
<i>sêlav (<sêl + av)</i>	сель
<i>sol(в диалекте заза)</i>	соль
<i>-stan (Kurdistan, gulistan)</i>	стан (станция)
<i>şeş</i>	шесть
<i>şêst</i>	шестьдесят
<i>tenik</i>	тонкий
<i>tirs</i>	трус
<i>tîr (û kevan)</i>	тир
<i>toraq</i>	творог
<i>verg (в диалекте заза)</i>	волк
<i>vir'</i>	врать
<i>vînîten (в диалекте заза)</i>	видеть
<i>westyan</i>	уставать
<i>xaşîl</i>	каша
<i>zanîn</i>	знание
<i>zewal(a darê)</i>	завалить/завал
<i>zirîçk (a çavan)</i>	зрение, зрачок
<i>zivîstan</i>	зима

Этот список аналогий можно еще продолжить.

Однако курдско-русские языковые аналогии не ограничиваются только общими корневыми словами.

В нашей книге «Грамматические категории существительного и основы индоевропейского праязыка в курдском» дано развёрнутое научное определение вопросу о языковых аналогиях курдского и других индоевропейских языков. И все примеры в рамках этого исследования подвергнуты историко-сопоставительному лингвистическому анализу. И особое место отведено

курдско-русским языковым аналогиям. Читатель там найдёт ответы на многие вопросы, которые в обычной жизни, может быть, ему и в голову не пришли бы [4, с. 77–103; 12]. Например, о том, откуда в обоих языках не только множество общих корневых слов, но и грамматических категории. Также о том, насколько грамматически правильно (или оправдано, если хотите!), словоформы русского языка, типа: **красный**, **красная** и **красное** считать прилагательными?... И где же грань между тем, что курдский относится к иранской группе языков, а русский – к славянской? Об этом и о многом другом можно прочесть в упомянутой книге.

А мы здесь попытаемся, в рамках имеющихся возможностей, ответить на эти и другие вопросы.

Сегодня принято говорить только о существовании общих корневых слов в курдском и русском языках. Однако, наши исследования выявили и сходство систем прилагательных и грамматических категорий существительного в обоих языках.

Лингвистические исследования показали, что в грамматиках обоих языков словоформы типа: **красный**, **красная** и **красное** (курд. **ya sor**, **yê sor**, **yên/yêd sor**), которые принято считать прилагательными, не совсем соответствуют (или совсем не соответствуют) внутренним законам языка. Что утверждение о существовании рода, числа и склонения прилагательных, о которых говорится в грамматиках курдского и русского языков, не совсем верно; что те частицы, которых в русской грамматике принято называть аффиксами прилагательных (адъективирующие аффиксы), не совсем являются таковыми...

К примеру, рассмотрим русское атрибутивное словосочетание **красная роза**. Если здесь прилагательное оставить то же самое (**красная**), а определяемое заменить другим существительным, то увидим, что окончание прилагательного, точнее, то, что считается окончанием, меняется в соответствии с сочетающимся с ним существительным: **красная роза; красный флаг; красное яблоко; красные розы**. Иначе говоря, основа прилагательного остается неизменной, а «окончания» в соответствии с родом и числом существительных, меняются и выражают род и число конкретных существительных, а не прилагательного (-ая – ед. число, женский род; -ый – ед. число, мужской род; -ое – ед. число, средний род и -ые – мн. число). В русской грамматике принято эти частицы считать аффиксами прилагательных, которые показывают род и число (?!). Кроме того, по правилам русской грамматики прилагательные склоняются. Здесь сразу же возникает вопрос: «Какое отношение имеют род и число к прилагательному? Ведь род, число и склонение, как грамматические категории, относятся к существительному!? Если род, число и склонение являются грамматическими категориями, присущими существительному, тогда как прилагательные могут склоняться и иметь род и число? Разве это не противоречит общей логике научной грамматики?»

Что получается, в русском языке и прилагательные, наподобие существительных, склоняются и имеют род и число? Если к вопросу подойти в соответствии с внутренними законами языка, то так не должно было быть. Если это так воспринимается, тогда здесь что-то не так! Каждый язык имеет свои внутренние законы, и мы должны в соответствии с этими законами рассмотреть системные особенности каждого из них, изучить и распознать их.

Аналогичное неправильное восприятие грамматических особенностей прилагательного бытует и среди исследователей курдского языка. И они предполагают, что в курдском языке прилагательные имеют род и число и склоняются. И это мнение сегодня доминирует в курдоведческой литературе.

В чем заключается суть такого заблуждения?

Когда в курдском языке конкретное прилагательное (**sor**) извлекается из конкретного атрибутивного словосочетания (**gul a sor//красная роза**), и притом с определенным артиклем **a** (**a sor**), выражающим род и число, оно уже выступает в качестве конкретного существительного, а не прилагательного. С этого момента, употребляясь с определенными артиклями, прилагательные в языке исполняет роль существительного...

Аналогичный процесс происходил и в русском языке. Несмотря на то, что здесь, в атрибутивных словосочетаниях (*attribute word combination*) определение препозитивно (ставится на первом месте), все же процесс, о котором выше шла речь, аналогичным образом происходил и в русском языке, но своеобразно.

Для убедительности рассмотрим вышеприведенное словосочетание **красная роза**. В этом словосочетании частица **-ая** относится к существительному (**роза**) и обозначает его род и число. У читателя возникнет вопрос: если так, тогда почему эти частицы произносятся и пишутся слитно с прилагательными и воспринимаются как окончания этих слов? В атрибутивных словосочетаниях слова, связанные между собой на определенной основе, произносятся как единая цепь (единый ряд) слов, и все вместе воспринимается как единое целое. И в этой цепи слов словосложение происходит в основном с конца слов, так как произносятся вместе, сокращая расстояние между звеньями этой цепи. ... Такой процесс происходил, и сегодня продолжает происходить и в других индоевропейских языках...

Это является общефонетическим процессом, и аналогичные примеры можно встретить в любом языке. Одним примером такого процесса и является образование сегодняшних форм прилагательных в русском языке, которые образовались после их использования в атрибутивных словосочетаниях. Находясь в составе атрибутивного словосочетания, прилагательные сочетались с существительными, в сочетаниях со словами-частицами: **ая, ий, ое, ые**, показывающие их род и число (**красн ая роза, зелен ое поле, велик ий писатель, добр ые отношения**). В разговорной речи (а устная речь предшествует письменной и является более динамичной) эти частицы постепенно произносились все более и более близко с прилагательными, нежели с существительными, к которым они относятся. И со временем эти частицы русского языка воспринимались как словообразовательные аффиксы прилагательных несмотря на то, что никакого отношения к ним не имеют.

После рассмотрения вышеприведенных примеров можно уверенно констатировать, что частицы, считающиеся словообразовательными аффиксами прилагательных в русском языке, являлись определенными артиклями, так как:

а) эти частицы несмотря на то, что они с конца смыкаются с прилагательным, обозначают род и число существительного и являются архаизмами древнерусского определенного артикля;

б) употребляясь с прилагательными, они их преобразуют в существительные, и при чтении читатель из контекста уже догадывается, какое

существительное подразумевает (обозначает) конкретное прилагательное в конце с частицей, или же ожидает, пока произносится и существительное;

в) в русском языке, когда прилагательное в качестве именной части образует сказуемое, оно выступает без вышеупомянутых «аффиксов» (-ая, -ый, -ое, -ые): **Он был чист и невинен. Наг и бос, пойдешь в царстве небес. Он очень красив. Флаг так красен, что!** И другие. В данных предложениях особенности прилагательного (выражение качества, свойства существительного) без «аффиксов» ничуть не ослабевают;

г) выходит, что в русском языке эти слова-частицы в процессе исторического развития языка воспринимались как словообразовательные аффиксы, но на самом деле являлись определенными артиклями (article indikatif), которые своими фонетическими формами, значением и семантической основой совпадают с определенными артиклями курдского языка.

Сравнивайте, пожалуйста, сами:

Определенные артикли курдского языка	Определенные артикли русского языка
<i>ya</i>	-ая
<i>yê</i>	-ый/ий
<i>*(î)</i>	-ое
<i>yên/yêd</i>	-ые

Это только одна грамматическая категория языка! А еще, сколько других категорий и слова существуют, которые параллельно имеют свои аналогии и в других индоевропейских языках, и ждут своего исследователя?! И, причем, это часто бывают такие слова, которые не могли бы быть заимствованы курдским из других индоевропейских языков или наоборот.

И это не всё, это только начало.

Мы высказали общие соображения об исследованиях общих начальных основ индоевропейских языков и привели ряд совпадающих пар корневых слов курдского и русского языка. Подобные примеры имеются и в других индоевропейских языках, которые нуждаются в научных исследованиях! Мы надеемся, что поднятая нами проблема будет достойна внимания тех лингвистов-исследователей, которые занимаются вопросами общеиндоевропейской лингвистики, и станет основой для научного диалога и результативного сотрудничества специалистов в этой области.

Список использованной литературы

1. Большая Советская Энциклопедия, третье издание. – Том 14. – Москва, 1973.
2. Большая Советская Энциклопедия, третье издание. – том 22, Москва, 1975.
3. Курдоев, К. К., Грамматика курдского языка / К. К. Курдоев. – Москва, 1978. – 293 с.
4. Мамоян, А. Д. Грамматические категории существительного и основы индоевропейского праязыка в курдском / А. Д. Мамоян ; Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 175 с.
5. Расторгуева, В. С. Вопросы общей эволюции морфологического типа / В. С. Расторгуева // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. – Т. I. – Москва, 1975. СС. 89–224.

6. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – Москва, 1967. – 536 с.
7. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и др. – Т. I. – Москва, 1980.
8. Хетагуров, Л. А., Категория рода в иранских языках / Л. А. Хетагуров // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. – № 20. – Сер. фил. наук. – Вып. I. – Ленинград, 1939.
9. Цаболов, Р. Л., Очерк исторической морфологии курдского языка / Р. Л. Цаболов. – Москва, 1978.
10. Garzoni, M. P. Grammatica e vocabolario della lingue kurda / M. P. Garzoni. – Roma, 1787.
11. Rödiger, E. Kurdische studien / E. Rödiger, A. F. Pott // Zeitschrift für die Kurde des Morgenlandes. – Dermold, 1840. – Bd III. – Hft. I ; 1842. – Bd IV ; 1844. – Bd V ; 1850. – Bd VII.
12. Грамматические категории существительного и основы индоевропейского праязыка в курдском – URL: <https://www.academia.edu/38273718/>.
13. Курдский язык [сайт]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
14. Русский язык [сайт] – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

УДК 811.12

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Н. Сухоруков,

старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования фонетических и грамматических трансформаций заимствованной лексики в процессе её адаптации к нормам персидского языка. Выявлено, что грамматическая адаптация лексических заимствований в персидском языке проявляется посредством приобретения в соответствующих случаях показателей: а) окончания множественного числа; б) изафетного показателя ‘е’; в) артикля «йа». Наиболее распространёнными фонетическими процессами при адаптации лексических заимствований в персидском языке являются эпентеза и элизия в их многочисленных формах проявления, возможна также метатеза и одновременное функционирование нескольких вариантов произношения заимствованных слов.

Ключевые слова: персидский язык, неологизм, адаптация, трансформация, заимствования, эпентеза, элизия, метатеза.

Summary. The article deals with the analysis of phonetic and grammatical transformations of borrowed vocabulary in the process of its adaptation to the norms of the Persian language. It was revealed that the grammatical adaptation of lexical borrowings in the

Persian language is manifested through the acquisition of the following indicators in the corresponding positions: a) plural endings; b) grammatical particle ezāfe 'e'; c) the article "ya". The most common phonetic processes in the adaptation of lexical borrowings in the Persian language are epenthesis and elision in their numerous forms of manifestation, metathesis and the simultaneous functioning of several variants of pronunciation of borrowed words are also possible.

Key words: Persian language, neologism, adaptation, transformation, borrowings, epenthesis, elision, metathesis.

Современный персидский язык в условиях активных глобализационных процессов и развития коммуникационных технологий оказался под заметным влиянием иных языков, прежде всего английского как языка международного общения. Наиболее явные изменения происходят в технической и компьютерной сферах персидской терминологии, которые обогатились неологизмами западного происхождения.

Целью данной работы является исследование фонетических и грамматических трансформаций заимствованной лексики в процессе её адаптации к нормам персидского языка. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: изучить фонетические характеристики звукового строя современного персидского языка; проанализировать и описать основные фонетические изменения, которые претерпевают иноязычные заимствования в процессе адаптации к нормам персидского языка.

Грамматическая адаптация лексических заимствований в персидском языке проявляется посредством приобретения в соответствующих случаях следующих показателей:

1) окончания множественного числа آن 'ān' / ها 'hā' (существительными и числительными). Например: تيزر 'tizer' (тизер) – تيزرها 'tizerhā' (тизеры); تبلت 'tablet' (планшет) – تبلتها 'tablethā' (планшеты); گجت 'gajet' (гаджет) – گجتها 'gajethā' (гаджеты); ایربگ 'eirbeg' (подушка безопасности) – ایربگها 'eyrbeghā' (подушки безопасности). Примечательно, что при образовании множественного числа от западных лексических заимствований предпочтение отдаётся окончанию ها 'hā' даже в случаях, когда, казалось бы, более уместным было окончание آن 'ān', используемое при образовании множественного числа от имён существительных одушевлённых. Например: سلبریتیها 'selebritihā' (селебрити), یوتیوبرها 'yutyuberhā' (видеоблогеры), فالوورها 'fālolverhā' (комп. подписчики), بادیگاردها 'bādigārdhā' (телохранители); دمکراتها 'demokrāthā' (демократы); میلیونها 'milyunerhā' (миллионеры);

2) изафетного показателя 'e' (существительными и прилагательными), например: رنکینگ جدید 'renking-e jadid' (новый рейтинг / новая рейтинговая таблица), کامنت جالب 'kāment-e jāleb' (комп. интересный комментарий), فیلترینگ کامل 'filtering-e kāmel' (комп. полное фильтрование), شارژر خوب 'šārjer-e xub' (хорошее зарядное устройство); اپراتور تلفن همراه 'operātur-e telefon-e hamrāh' (мобильный оператор);

3) артикля «йа» (при образовании прилагательных от существительных), например: от آماتور 'āmātur' (аматор) – آماتوری 'āmāturi' (аматорский, любительский), بانک 'bānk' (банк) – بانکی 'bānki' (банковский); اتم 'atom' (атом) – اتمی 'atomi' (атомный), а также حمله سایبری 'hamle-ye sāyberi' (кибератака); سرقت‌های سریالی 'serqathā-ye seriyāli' (серийные грабежи) и т.п.

Фонетическая адаптация иноязычной лексики в персидском языке состоит в передаче чуждых этому языку звуков и замене их на более или менее близкие фонемы. Наиболее явные трансформации вызваны тем обстоятельством, что в соответствии с фонетическими нормами персидского языка недопустимо стечение двух и более согласных (CCV) в начале слова и слога. Заимствованные слова такого типа претерпевают фонетические преобразования, в результате чего согласные на стыке слогов или в начале слова расходятся по разным слогам, и их воздействие друг на друга ослабляется. Подобный эффект достигается посредством комбинаторных – эпентетических, протетических или метатетических процессов.

Эпентеза – добавление одного или нескольких звуков к слову. Для персидского языка характерны такие формы эпентезы, как протеза (возникновение в слове дополнительного, неэтимологического звука в начале слова) и собственно эпентеза (добавление звука в середине слова). Эпентеза (возникновение дополнительного звука в конце слова) при адаптации иноязычных слов персидским языком является исключительно редким явлением.

Собственно эпентеза при адаптации иноязычной лексики к фонетическим нормам персидского языка может быть представлена гласными «е», «о», в редких случаях «а». Приведём несколько примеров с эпентезой «е»: کلیپ ‘kelip’ (клип); کلاس ‘kelās’ (класс); کلاب هاوس ‘kelābhāus’ (Клабхаус); تراژدی ‘terāžedi’ (трагедия); فراکسیون ‘ferāksyun’ (фракция); گرید ‘gerid’ (торг. класс, уровень); گرنت ‘gerant’ (грант); بلاکچین ‘belākčeyn’ (блокчейн); گراند هتل ‘gerānd hotel’ (гранд-отель), а также примеры с именами собственными: ولادیمیر ‘velādimir’ (Владимир); برایتون ‘berāytun’ (Брайтон); فرانسه ‘ferānse’ (Франции) и т.п. В качестве примера межслоговой эпентезы, служащей для «разгрузки» скопления согласных в середине слова можно привести слово ایمپلنت ‘impelant’ (имплант).

Эпентеза «о» также имеет широкое употребление, например: کلون ‘kolun’ (клон); کلوب ‘kolub’ (клуб); بلومبرگ ‘bolumberg’ (Блумберг); کرواسی ‘koruvāsi’ (Хорватия). Данные примеры дают основание говорить о некоторых элементах сингармонизма, возникающих при фонетической адаптации заимствований в персидском языке.

Если заимствованное слово начинается с двух согласных, первый из которых представлен глухим «р», произносимым в персидском языке с придыханием, то в отдельных случаях возможно нивелирование соответствующей эпентезы, например: پلاستیک ‘p(e)lāstik’ (пластик); پلان ‘p(e)lān’ ‘план’; پلاژ ‘p(e)lāž’ (пляж); پروژه ‘p(o)ruže’ (проект); پلمب ‘p(o)lomb’ (пломба); پرزیدنت ‘p(e)rezident’ (президент).

Что касается протезы, то проведённый анализ её возникновения при адаптации персидским языком иностранной лексики показал, что подобное явление, в большинстве случаев, характерно для скопления согласных с начале иноязычного слова с первым согласным «с», реже – «ш». Например: استارتاپ ‘estārtāp’ (стартап); استندآپ ‘estendāp’ (стендап); استراتژی ‘estrāteži’ (стратегия); استوری ‘esturi’ (комп. стори); اسپینر ‘espiner’ (спинер); اسکوتر ‘eskuter’ (скутер); اسنایپر ‘esnāyper’ (снайпер); اسپایلر ‘espāyler’ (спойлер); اسکن کردن ‘eskan kardan’ (сканировать). Подобное же явление встречается и при адаптации имён собственных в соответствующих случаях, например: اسکاتلند ‘eskātland’ (Шотландия); اشتفان ‘eštēfān’ (Штефан).

Случаи метатезы при адаптации западных лексических заимствований также имеют место, хотя довольно редки, например: کورنومتر ‘kurnumetr’ (хронометр); برزِيل ‘berzil’ (Бразилия).

Элизия в заимствованных словах происходит путём опущения фонематического элемента (гласного или согласного) в середине или конце слова: سوپرايز ‘suprāyz’ (сюрприз); سن پترزبورگ ‘sen peterzburg’ (Санкт-Петербург); لابراتوار ‘lābrātur’ (лаборатория); استندار ‘estendār’ (стандарт); کاندیدا ‘kāndidā’ (кандидат), причём последнее лексическое заимствование имеет ещё одну форму, менее употребимую, с явно выраженной элизией - کاندید ‘kāndid’.

Отдельные вопросы сопоставительной характеристики процессов элизии в русском и персидском языках проанализированы иранскими исследователями М. Искандари, А. Саиди и М. Аштиани [1].

Современная языковая ситуация характеризуется активным процессом освоения иноязычной лексики персидским языком, и в таких условиях зачастую можно наблюдать отсутствие единого фонетического оформления заимствованного слова, что выражается в одновременном функционировании нескольких вариантов произношения слов в персидском языке. Это проявляется в разном написании, а также в нечётком и произвольном произношении иноязычных слов самими носителями персидского языка. Помимо указанного выше примера (کاندیدا ‘kāndidā’ — کاندید ‘kāndid’), для демонстрации данного явления можно указать на следующие неологизмы: جوك ‘juk’ – جک ‘jok’ (шутка); كيف ‘kiif’ – کيف ‘kiyif’ (Киев). Возможно функционирование одновременно даже трёх различных вариантов: اكراین ‘okrāin’ – اوكراین ‘ukrāin’ – اوكرائين ‘ukrāyin’ (Украина); امريکا ‘amrikā’ – امريکا ‘emrikā’ – امريکا ‘āmrikā’ (Америка), – последний вариант распространён больше среди иранской диаспоры в США, первые два – среди населения самого Ирана.

Выводы. Лексические заимствования подвергаются адаптации к фонетическим и грамматическим нормам и включаются в морфологическую систему персидского языка, участвуют в дальнейшем словообразовании. Грамматическая адаптация лексических заимствований в персидском языке проявляется посредством приобретения в соответствующих случаях следующих показателей: окончания множественного числа آن ‘ān’ / ها ‘hā’ (существительными и числительными); изафетного показателя ‘e’ (существительными и прилагательными); артикля «йа» (при образовании прилагательных от существительных). В соответствии с фонетическими нормами персидского языка недопустимо стечение двух и более согласных в начале слова и слога; наиболее распространёнными фонетическими процессами при адаптации лексических заимствований в персидском языке являются эпентеза и элизия в их многочисленных формах проявления, возможна также метатеза и одновременное функционирование нескольких вариантов произношения заимствованных слов.

Список использованных источников

1. Искандари, М. Элизия в русском и персидском языках: сопоставительный анализ / М. Искандари, А. Саиди, М. Аштиани // Вестник кыргызско-российского славянского университета. – 2020. № 10. – С. 96–99.

ТЕНДЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ПЕРСИДСКОЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

А. Н. Сухоруков¹, Д. А. Бударев²,

¹старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²магистрант кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуются основные тенденции в формировании лексического состава современной персидской военно-технической терминологии. Материалом для исследования послужили термины военного подъязыка, полученные методом сплошной выборки из публикаций специальных персоязычных изданий. Установлено, что наиболее продуктивными видами словообразования в персидском военном подъязыке являются аффиксальное и полуаффиксальное словообразования, их комбинации, а также сложение основ и аббревиация. Военно-техническая терминология персидского языка находится в состоянии активной трансформации и адаптации к новым реалиям. При этом в военном подъязыке отчётливо проявляются такие проблемы, как избыточная синонимия, возможность одновременного функционирования в языке различных вариантов орфографического оформления термина и использование латинских графических элементов в персоязычном текстовом массиве.

Ключевые слова: персидский язык, военная терминология, словообразование, аффиксация, полуаффиксация, аббревиация, синонимия.

Summary. The article deals with the analysis of the main trends in the formation of the lexical composition of modern Persian military-technical terminology. The material for the study was the terms of the military sublanguage obtained by the method of continuous sampling from publications of special Persian-language publications. It has been established that the most productive types of word formation in the Persian military sublanguage are affixal and semi-affixal word formations, their combinations as well as the addition of stems and abbreviation. Military-technical terminology of the Persian language is in a state of active transformation and adaptation to new realities. At the same time, such problems as excessive synonymy, the possibility of simultaneous functioning in the language of various spelling variants of the term and the use of Latin graphic elements in the Persian text array are clearly manifested in the military sublanguage.

Key words: Persian, military terminology, word formation, affixation, semi-affixation, abbreviation, synonymy.

Лексический состав современного персидского языка находится в состоянии трансформации и адаптации к новым реалиям. Наиболее заметные процессы обогащения лексики происходят в области технической терминологии. Военная терминология включает в себя широкий пласт технических понятий,

тесно связанных с военным делом, потому принято объединять эти две терминосистемы в единый комплекс военно-технической терминологии.

На сегодняшний день наиболее ценной работой в области персоязычной военно-технической терминологии является диссертационное исследование на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Структурные и лингвокультурные аспекты формирования отраслевой терминосистемы (на материале военно-технической терминологии современного персидского языка)» Р. Р. Исеева (2013) [2]. Отдельные вопросы затронуты и раскрыты в учебном пособии по военному переводу персидского языка (в 2-х частях) В. Г. Навасардова (1975 и 1978) [3; 4], в учебнике М. Ф. Слинкина «Практический курс персидского языка» (2005) [6], где военно-техническому переводу посвящён специальный раздел. Имеется также ряд ценных работ других исследователей, прежде всего – А. И. Полищука [5], Б. Г. Фаткулина [5] и некоторых других, раскрывающих отдельные вопросы персидской военной терминологии.

В данном исследовании ставится цель определить основные тенденции в формировании лексического состава современной персидской военно-технической терминологии. Материалом для исследования послужили термины военного подъязыка, полученные методом сплошной выборки из публикаций специальных персоязычных изданий. Для анализа языковых процессов были задействованы также материалы специального выпуска Академии персидского языка и литературы (2013) с указанием тысячи военных терминологических единиц, утверждённых этим государственным институтом, ответственным за проведение государственной линии языковой политики, и рекомендованных к употреблению [10]. Кроме метода сплошной выборки был применен также сопоставительный метод с привлечением методов классификации и систематизации терминологического материала по заданным критериям, а также методом структурно- и лексико-семантического анализа единиц.

Ранее мы уже определили, что «одним из наиболее продуктивных путей пополнения состава военной лексики выступает способ модельного словообразования. При этом за основу могут браться как иранские корни существительных, так и основы глагольных имён. Самые распространённые виды словообразования в военном подъязыке – аффиксальное и полуаффиксальное словообразования, их комбинации, а также сложение основ» [1, с. 7].

Аффиксация. Данный способ словообразования представлен двумя подвидами: суффиксальным и префиксальным.

Словообразующие суффиксы многочисленны, но в настоящее время наиболее продуктивным среди них является следующие:

گر –, применяемый при образовании имён деятеля. Например, پرتابگر пусковая установка; فریبگر ложная цель, ловушка (авиа.); اختلالگر устройство радиоэлектронного подавления; ستیزهگر боевик; رصدگر наблюдатель (тех.); نابودگر боевая часть ракеты-перехватчика.

ک –, уменьшительный суффикс: برجک башня (танка); موشک ракета; کلاهک боеголовка; برفک электромагнитные помехи (на экране).

ی – (- yā-ye nesbat), при помощи которого образуются относительные прилагательные: *کاسهتئا راکهتا* *кассетная ракета*; *مئا تاخیری* *мина замедленного действия*; *شئا ساگریزی* «невидимка» и другие.

Не меньшей продуктивностью обладает суффикс ی – (- yā-ye masdari), который в настоящее время употребляется чаще в сочетании с другими аффиксами или полуаффиксами.

Из менее продуктивных суффиксов можно указать такие, как *ار* (بستار) *затвор*, *راهبردار* *стратег*, *نده* (جنگنده) *истребитель*, *رزمنده* *комбатант*, *ه* (پرتابه) *снаряд*, *ور* (تکاور) *командос*, *ش* (بانه) *боец подразделения специального назначения*, *ش* (کاتاپولتیر) *катапультирование*, *بان* (هوابان) *представитель воздушной полиции* → *هوابانی* *воздушная полиция*; *صلح بان* *миротворец*).

Среди других словообразующих префиксов можно указать *آبر*, *پسا*, *بین*, *ترا*, *فرا*, *وا* и другие. Встречаются случаи двойного употребления префикса, например, в слове *ابرفراصوت* *гиперзвуковой* использованы сразу два префикса (*آبر* *сверх* и *فرا* *вне, над*).

Полуаффиксация. Это способ словообразования, при котором образующие элементы представлены словоморфемами, имеющими явное глагольное или именное происхождение и активно участвующие в образовании неологизмов. Выделяются простые полуаффиксы, т.е. морфологически неделимые терминообразовательные единицы суффиксального и префиксального типа, и блочные полуаффиксы, т.е. морфологически членимые терминообразовательные средства, делимые на глагольную основу и дополнительный суффикс, обычно ی – (-yā-ye masdari), которые могут выступать в качестве цельных структурных элементов.

Полуаффиксальное словообразование в персидской военно-технической терминологии получило особенно большое распространение. Имеется множество примеров неологизмов с простыми полуаффиксами, достаточно будет указать следующие: *بازوبند* *повязка на руке (опознавательная)*, *آتش زا* *зажигательный*, *زرپوش* *бронетранспортёр*, *رهگیر* *перехватчик*, *هوابرد* *воздушно-десантный*, *جهتدار* *направленного действия*, *قارمپیما* *межконтинентальный* (*موشک* *межконтинентальная ракета*), *مین روب* *самходный минный трал*, *خودروی* *самходный минный трал*, *بمب چتردار* *парашютная бомба*, *نقطه زن* *высокоточное оружие*.

Примеры блочных полуаффиксов: *گشت زنی* *патрулирование*; *مانورپذیری* *манёвренность*, *ردیابی رادار* *отслеживание радара*, *ستون کشتی* *продвижение колонны*, *گریزپذیری* *невидимость (для средств РЭБ)*. Все указанные выше примеры представлены блочными полуаффиксами, состоящими из глагольной основы и суффикса ی – (-yā-ye masdari). Некоторые существительны-неологизмы, образованные при помощи подобных блочных полуаффиксов могут выступать в качестве именной части глагола и путём присоединения соответствующего компонирующего глагола образовывать сложные глаголы: *گشت زنی* *патрулирование* → *گشت زنی کردن* *патрулировать*.

Кроме приведённых выше моделей «существительное + основа настоящего времени глагола (ОНВГ)» и «существительное + ОНВГ+ yā-ye masdari» имеются также модели «существительное + основа прошедшего времени глагола (ОПВГ)» (*راهبرد* *тактика*) и «существительное/прилагательное + причастие настоящего времени глагола (ПНВГ)» (*هدایت شونده* → *موشک هدایت شونده* *управляемая ракета*).

Помимо глагольных полуаффиксов имеются также полуаффиксы именного происхождения. Их разнообразие несколько меньше. В зависимости от позиции их также делят на полуаффиксы префиксального и суффиксального типа. В качестве примера полуаффиксов именного происхождения префиксального типа можно привести следующие:

- زیر (zîr) *под-*, например: زیر دریایی *подводная лодка*; زیرپناه *бункер*; زیرآبی *подводный* (بمب زیرآبی *глубинная бомба*);

- ضد (zedd-e) *противо-*, например: ضدجاسوسی *контрразведывательный*; ضد تانک *противовоздушный*; ضدخوابکاری *контрсаботаж*; ضد هوایی *противовоздушный*; ضد تانک *противотанковый*; ضد زره *противотанковый* (موشک ضدزره *противотанковая ракета*); ضد زیردریایی *противолодочный* (کشتی ضد زیردریایی *противолодочный корабль*); ضد رادار *противорадиолокационный*, ضد نفر *противопехотная мина*; ضدگلوله *бронезилет*;

- غیر (yejr-e) *без-*, например: غیرنظامیان *мирное население*; غیرزرهی *небронированная техника*; غیر کشنده *нелетальный*; غیر مسلح کردن *демилитаризация*.

Словосложение. Выделяют несколько основных словообразовательные модели словосложения в персидском языке:

- существительное + существительное (رزمناو *эсминец*);
- прилагательное + существительное (کهنهسرباز *ветеран*);
- существительное + прилагательное (هوافضای *воздушно-космические силы*);
- наречие/числительное + существительное (رادار چندپایه *многопозиционный, сетевой радар*).

Этот тип словообразования в современной военно-технической терминологии персидского языка не столь популярен. Наиболее продуктивным можно назвать комбинации с составной частью باران *дождь*. Вслед за удачным неологизмом بمباران (*بمب + باران*) *бомбёжка (бомба + дождь)*, были образованы گلولهباران *обстрел (стрелковым оружием)*, خمپاره باران *миномётный обстрел* и موشک باران *ракетный обстрел*.

В широком смысле к словосложению можно отнести также лексикализацию словосочетаний и образование аббревиатур. Если первое всегда было характерным явлением для персидского языка, то аббревиация как особый способ словообразования является относительно новой для иранской лингвистической традиции и закрепилась в персидском языке только во второй половине XX века. В последнее время аббревиация широко применяется в военно-технической терминологии персидского языка. Примеров как инициальных аббревиатур, так и слоговых множество. Приведём лишь некоторые из них: پهباد *БПЛА, беспилотный летательный аппарат, сокр. от* پرنده *пёрнде*; هدایت پذیرازدور *БНТС, безэкипажное наземное транспортное средство, сокр. от* هدایت پذیرازدور *зهدایت*; وسیله زمینی هدایت پذیرازدور *РЭЗ, радиоэлектронная защита, сокр. от* پادکشتال *пэдкшталь*; پادکشتش *тактический центр управления воздушным движением, сокр. от* پادکشتش *пэдкштш*; راهکنشی *гهر, приёмник радиолокационного предупреждения, сокр. от* هشدار راداری *впер; گیرنده هشدار راداری*; واحد آماده سازی پرواز *сокр. от* پرواز *пэрваз*.

Среди предложенных АПЯЛ эквивалентов для иноязычных акронимов военной тематики наиболее употребимы следующие способы образования:

- 1) расшифровка акронима в полном объёме: CAP (combat air patrol) – گشت هوایی رزمی (боевое воздушное патрулирование)
- 2) расшифровка акронима в сокращённом виде: HAZ (heat-affected zone) – تفگاه; GRAS (generally recognized as safe) – ایمن انگاشته;
- 3) GMDSS (Global Maritime Distress and Safety System) - سجاواد (سامانه) [7, с. 81].

В ходе исследования нами выявлено более 60 аббревиатур военно-технической тематики в современном персидском языке. Обращает на себя внимание обилие сокращений в наименованиях воинских структурных единиц и специальных подразделений, например: *ناجا* силы охраны правопорядка ИРИ, сокр. от *جمهوری اسلامی ایران*; *نیروی انتظامی جمهوری اسلامی ایران*; *نیروی ویژه هوایی* نیروی زمینی ارتش; *نیروی هوایی ارتش* воздушно-десантные войска, сокр. от *نیروی زمینی ارتش*; *نیروی هوایی ارتش* сухопутные войска армии ИРИ, сокр. от *نیروی هوایی ارتش*; *نیروی دریایی* воздушные войска армии ИРИ, сокр. от *نیروی دریایی*; *نیروی دریایی* военно-морские силы армии ИРИ, сокр. от *نیروی دریایی*; *نیروی دریایی* противовоздушная оборона армии ИРИ, сокр. от *نیروی دریایی*; *نیروی دریایی* группа экстренного реагирования на компьютерные угрозы, сокр. от *نیروی دریایی*; *نیروی دریایی* академия (высший институт) национальной обороны, сокр. от *نیروی دریایی*; *نیروی دریایی* объединённый штаб армии ИРИ, сокр. от *نیروی دریایی*; *نیروی دریایی* группа боевого информационного обеспечения, сокр. от *نیروی دریایی* [8, с. 45–46].

К особому виду неологизмов относят т.н. «неофраземы» – новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов. В современном персидском военно-техническом подъязыке подобных неофразем достаточно много, что обусловлено самой спецификой тематики. Примером подобных устойчивых словосочетаний могут служить следующие изафетные конструкции: *سلاح های کشنده* летальное вооружение, *سامانه پدافند* дистанционно управляемый, *سیستم پدافند هوایی* Система ПВО, *سامانه موشکی ضد هوایی* Зенитно-ракетный комплекс (ЗРК), *سیستم موشک انداز چند گانه* реактивная система залпового огня (РСЗО). В качестве примера распространённости устойчивых словосочетаний можно привести устойчивые словосочетания с использованием неологизма-акронима *پهپاد* БПЛА (беспилотник или дрон): *پهپاد تهاجمی* ударный БПЛА, *پهپاد جاسوسی* разведывательный БПЛА, *پهپاد کپسولی* карманный БПЛА или *پهپاد کپسولی* беспилотник капсульного запуска.

Как видно из приведённых выше примеров, большинство подобных словосочетаний образовано путём калькирования, также характерного для терминообразования в современном персидском языке. В качестве дополнительных примеров данного явления укажем такие словосочетания, как *سیستم موشک انداز* система активной защиты танка, *پهپاد مازول رزمی* боевой модуль, *پهپاد مازول رزمی* ракета воздух-поверхность.

Новые устойчивые изафетные терминологические словосочетания в рассматриваемой терминосистеме современного персидского языка формируются не только посредством калькирования, но и при помощи описательного метода словообразования: *پهپاد مازول رزمی* разгонный блок

ракеты, سامانه جنگ الکترونیکی, مین کف نشین, донная мина, تسلیحات دور ایستا, оружие дальнего боя.

В Исламской республике Иран с 1991 года действует Академия персидского языка и литературы (АПЯЛ), одной из задач которой является кодификация лексического состава персидского языка, в том числе военно-технического тематики. В 2013 году АПЯЛ был подготовлен и опубликован словарь тысячи военных терминологических единиц, утверждённых этой академией и рекомендованных к использованию [10]. В словаре отображены результаты более чем двадцатилетней работы терминологического отдела АПЯЛ по кодификации военно-технической лексики современного персидского языка. Тем не менее, в текстах военно-технического характера многие положения и рекомендации АПЯЛ игнорируются.

К проблемной стороне военно-технической терминосистемы современного персидского языка можно отнести несколько явлений, имеющих место в настоящее время и характеризующих её как систему, находящуюся в стадии активного развития и становления. К таким проблемным лингвистическим явлениям можно отнести избыточную синонимию, возможность одновременного функционирования в языке различных вариантов орфографического оформления термина, использование латинских графических элементов в персоязычном текстовом массиве и некоторые другие подобные явления.

При том, что многие военно-технические термины персидского языка были утверждены АПЯЛ и рекомендованы к применению, в ходу остаются их синонимы, преимущественно западного происхождения. Например, имеются такие синонимические пары: اسنایپر – تیر انداز, снайпер; پرسنل – خدمه, экипаж, обслуживающий персонал; راکت – موشک, ракета; هلیکوپتر – بالگرد, вертолёт; سیستم – راهرو,人道ستانه – کریدور,人道ستانه; کواد u کوادکوپتر – پهپاد, БПЛА; سامانه سیستم – گروہی,人道ستانه – کریدور,人道ستانه. В приведённых примерах на первом месте стоит западное лексическое заимствование, на втором – персоязычный эквивалент. Кроме синонимических пар, представленных западным и иранским элементами, продолжают функционировать и характерные для персидского языка пары с компонентом арабского происхождения: ستون – کاروان, колонна (военная); مرمی – گوله, пуля; مافوق صوت – ابرفراصوت, гиперзвуковой.

Стоит указать также на наличие в персоязычных текстах военно-технической тематики элементов латиницы. Данное явление, скорее, характерно для популярной литературы и СМИ. Распространены такие сочетания, как TNT – تروتیلو, тротиловая бомба; Starstreak – ستارستریک, ПЗРК «Старстрик»; Buk-M – بوک-ام, ЗРК «Бук М1»; Mi-28 – می-۲۸, Ка-52 – کا-۵۲, گروهی از هلیکوپترهای, گروهی از هلیکوپترهای; گروهی از هلیکوپترهای Ka-52 u Mi-28; گروهی از هلیکوپترهای Krasuha-4 – کراسوها-۴, Система «Красуха-4» и многие другие.

Показателем отсутствия единой орфографической нормы отдельных наименований вооружений в современном персидском языке служит пример различной передачи на письме названия турецкого БПЛА «Байрактар». Нами выявлено три варианта его написания: بایراکتار, بایرکتار, بییرقدار. Наиболее употребимы первые два варианта, последний же применяется, видимо, в случае желая автора текста указать на иранские корни лексемы «байрактар»

(«знаменосец»), имеющей в турецком языке персидские корни, хотя и включающее тюркизм *байраг*.

Таким образом, мы можем однозначно утверждать, что военно-техническая терминология современного персидского языка находится в состоянии активной трансформации и адаптации к новым реалиям. Помимо общих процессов, характерных для персидского языка в настоящее время, в военном подъязыке наиболее отчётливо проявляются некоторые проблемы, такие как избыточная синонимия, возможность одновременного функционирования в языке различных вариантов орфографического оформления термина и использование латинских графических элементов в персоязычном текстовом массиве.

Список использованных источников

1. Бударев, Д. А. Персидская военная терминология на материале словарей терминов, утверждённых Академией персидского языка и литературы / Д. А. Бударев // Научный вестник Крыма. 2021. №2 (31). – С. 1–7.

2. Исеев, Р. Р. Структурные и лингвокультурные аспекты формирования отраслевой терминосистемы (на материале военно-технической терминологии современного персидского языка): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Руслан Рафаэльевич Исеев; Военный университет. – Москва, 2013. – 21 с.

3. Навасардов, В. Г. Учебное пособие по военному переводу персидского языка. М.: Военный институт, 1975. Ч. II. 544 с.

4. Навасардов, В. Г. Учебное пособие по военному переводу персидского языка. М.: Военный институт, 1978. Ч. I. 347 с.

5. Полищук, А. И. Типичные ошибки студентов при переводе персидской прозы на военную тематику / А. И. Полищук // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 8 (837). – С. 80–93

6. Слинкин, М. Ф. Практический курс персидского языка – Симферополь: СОНАТ, 2005. – С. 194-220.

7. Сухоруков, А. Н. Западные инициальные аббревиатуры в персидском языке в контексте борьбы за очищение языка / А. Н. Сухоруков // Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 77-81.

8. Сухоруков, А.Н. Персидский язык и вызовы современности / А. Н. Сухоруков // Иранская филология и культурология: вызовы современности и перспективы развития. Материалы III Конференции с международным участием / ТА КФУ им.В.И.Вернадского. – Симферополь: [б. и.], 2019. – С. 26 – 47.

9. Фаткулин, Б. Г. Структурный анализ слоговых аббревиатур в наименованиях силовых структур Исламской республики Иран / Б. Г. Фаткулин // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот / Екатеринбург: [б. и.], 2019. – С. 204 – 207.

فرهنگستان زبان و آداب: تهران – فرهنگ هزار واژه نظامی مصوب فرهنگستان زبان و آداب فارسی، 2013. – 317 ص.

**АНАЛИЗ ВОЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ИРИ ЧЕРЕЗ ЭТИМОЛОГИЮ
НАЗВАНИЙ ОПЕРАЦИЙ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ
(1980-1988 ГГ)**

Б. Г. Фаткулин,

Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище им. генерала армии В. Ф. Маргелова, Минобороны РФ, Рязань

Аннотация. Целью исследования является анализ этимологии названий военных операций ирано-иракской войны (1980-1988 гг). В результате исследования установлены источники и механизмы номинации для названий военных операций ИРИ в современном персидском языке, сделан вывод о ключевой роли шиитской идеологии в военной доктрине ИРИ.

Ключевые слова: Иран, ирано-иракский конфликт, персидский язык, теория номинации, военные операции иранской армии, шиизм.

Summary. The aim of the study is to analyze the etymology of the names of the military operations of the Iran-Iraq war (1980-1988). As a result of the study, the sources and mechanisms of nomination for the names of military operations of the Islamic Republic of Iran in the modern Persian language were uncovered. The conclusion about the key role of the Shiite ideology in the military doctrine of the Islamic Republic of Iran has been made.

Key words: Iran-Iraq conflict, Persian language, nomination theory, military operations of the Iranian army, Shiism.

Добрососедские и взаимовыгодные отношения с Исламской республикой Иран очень важны для Российской Федерации. Одной из отраслей российско-иранского взаимодействия является военно-техническое сотрудничество между российскими и иранскими военными. Представители иранских Вооруженных Сил плечом к плечу с российскими военнослужащими отстаивают конституционный порядок в Сирийской Арабской Республике. Хорошее знание военной истории Ирана и идеологических констант иранских военнослужащих помогает российским военным специалистам развивать дальнейшее взаимопонимание с иранскими коллегами.

В 80-е годы XX в Иран пережил длившуюся восемь лет ирано-иракскую войну, названную иранцами «джанг-е-тахмили» (навязанная война). Ирано-иракская война заложила основы современных вооруженных сил Ирана. Исторический и личный опыт участия в этом конфликте является для иранцев очень важным. Значительная часть старшего поколения иранцев – люди, принимавшие участие в боевых действиях в рамках ирано-иракской войны. Сейчас они занимают ответственные должности в политике и экономике Ирана. Боевое прошлое повлияло на их личностное становление и мировоззрение.

Политико-идеологическая работа в современных иранских вооруженных силах также основана на опыте и примерах ирано-иракской войны. Иранским правительством проводится политика увековечения событий «Джанг-е-

тахмили»: в Тегеране активно действует Музей священной обороны, издаются книги о войне, снимаются художественные и документальные фильмы.

К сожалению, хронология событий на ирано-иракских фронтах недостаточно известна в России. Вторая половина 80-х годов в СССР совпала с горбачевскими экспериментами. СССР в этой войне помогал саддамовскому Ираку, который оплачивал вооружения нефтедолларами. Принимая во внимание необходимость более тщательного изучения истории ирано-иракского конфликта, мы проанализировали этимологию названий основных стратегических операций иранской армии и КСИР в период 1980-88 гг.

Отбирая наиболее важные операции стратегического характера, мы основывались на определении понятия «военная операция» [3, с. 135]. Операция – «совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени сражений, боев, ударов по единому замыслу и плану для решения задач на театре военных действий, стратегическом или операционном направлении в установленный период времени» [1].

Присвоение названия военной операции является неотъемлемой частью административной логики: оно обозначает открытие театра военных действий и является первым этапом в планировании всей кампании. Оно простым и эффективным способом обозначает цели операции, становится закодированным названием с имплицитным значением [1, с. 52]. Хрононимы военных операций выполняют следующие функции: 1) управленческую; 2) мобилизующую; 3) дезориентирующую. Ассоциативно-культурный фон названий военных операций определяется следующими параметрами: 1) время; 2) место; 3) цели; 4) результаты; 5) образцы использованной военной техники и вооружений [2, с. 102].

В рамках исследования мы составили список оригинальных названий основных военных операций ирано-иракской войны, проведя конвертацию дат иранского солнечного календаря в даты современного григорианского календаря.

Список представлен в следующем формате: (Название операции; Дата начала боевых действий; Этимология названия; Девиз операции):

1. АНДИМЕШК (15 октября 1980) – город на юго-западе Ирана, в остане Хузестан;
2. НАСР (5 января 1981) Сура «Ан-Наср» («Помощь») занимает в Коране сто десятое по порядку место;
3. ТАВАККОЛЬ (10 января 1981) Тавакколь – упование на Бога и полная уверенность в том, что все происходящее – это по Его воле;
4. АЛЬ-ИМАМ ОС-САМЕНЕ (27 сентября 1981) Имам Али ибн Муса ар-Рида – восьмой шиитский имам, потомок в седьмом поколении пророка Мухаммада. «Насрун мин аллахи ва фатхун карибун»;
5. ТАРИК ОЛЬ-КОДС (29 ноября 1981) Дорога на Иерусалим; Хасан бен Али;
6. ФАТХ ОЛЬ-МОБИН (22 марта 1982); Уверенная победа; Йа, Захра!;
7. БЕЙТ-ОЛЬ-МОКАДДАС (30 апреля 1982) – арабское название Иерусалима, в котором расположена мечеть Аль-Акса; Йа, Али ибн Аби Талейб;
8. РАМАЗАН (13 июля 1982); Йа, сахейб оз-заман, идрикни!

9. МУСЛИМ БЕН АКИЛ (1 октября 1982); Муслим ибн Акил аль-Хашими был сыном Акиля ибн Аби Талиба и членом клана Бани Хашим, таким образом, он является двоюродным братом Хуссейна ибн Али; Йа, Аба-ль-фазль-оль-Аббас!
10. МУХАРРАМ (1 ноября 1982), первый месяц мусульманского календаря, один из четырех запретных месяцев, о которых говорится в Коране; Йа, Зайнаб!
11. ВА-ЛЬ-ФАДЖР (6 февраля 1983) предварительный этап; Аль-Фаджр (Заря) – восемьдесят девятая сура Корана Йа, Аллах; Йа, Аллах; Йа, Аллах!
12. ВА-ЛЬ-ФАДЖР (10 апреля 1983) начальный этап
13. ВА-ЛЬ-ФАДЖР-2 (20 июля 1983)
14. ХАЙБАР (22 февраля 1984) Битва при Хайбаре – сражение, состоявшееся в 629 году в оазисе Хайбар к северу от Медины; Йа, расуль аллах!
15. БАДР (10 марта 1985) Битва при Бадре – первое крупное сражение между мусульманами и курайшитами; Йа, Фатеме-аз-Захра!
16. ВА-ЛЬ-ФАДЖР-8 (9 февраля 1985) Йа, фатеме-аз-захра!
17. КЕРБЕЛА-4 (24 декабря 1986) город в Ираке, в 100 км на юго-запад от Багдада, который шииты считают одним из священных городов; Мохаммад расуль-аллах;
18. КЕРБЕЛА-5 (9 января 1987)
18. БЕЙТ-ОЛЬ-МОКАДДАС-7 (12 июня 1988) Йа, захра!
19. ЛАББЕЙК! (20 августа 1988) Окончание ирано-иракской войны «вот я перед тобой!») – молитва, повторяемая многократно паломниками во время всего паломничества (хаджа), пока паломник находится в состоянии ихрама.

Анализ представленного списка позволяет сделать вывод о том, что этимология «вдохновляющих названий» военных операций ирано-иракской войны связана со следующими концептуальными понятиями:

- 1) названиями населенных пунктов, которые планируется освободить (Андимешк);
- 2) понятием Кодс, Байт-оль-мокаддас (мечеть Аль-Акса);
- 3) именами шиитских священных городов (Кербела);
- 4) названиями сур Корана, либо начальными строками аятов Корана (Ва-ль-фаджр);
- 5) понятиями из истории ислама (битва при Хайбаре, битва при Бадре);
- 6) религиозно-философскими понятиями ислама и шиитской ветви ислама (фатх-оль-мубин, тавакколь);
- 7) именами выдающихся личностей, к которым относятся Ахль-оль-байт (Фатеме-аз-Захра, Зайнаб, Абульфазль, Муслим ибн Акиль, Хасан, Хусейн), именами шиитских имамов (восьмой имам Ар-Рида).

Девизы операций созданы в форме обращения согласно арабской грамматике, начинающихся с частицы «Йа» (О, ...!), например; «Йа, Захра!», «Йа, сахеб-оз-заман, идрикни!» и т. д.

Присутствие перечисленных выше концептуальных понятий в названиях военных операций ирано-иракской войны свидетельствует об активной руководящей роли шиитского духовенства в создании современной иранской военной идеологии. Необходимо отметить, что политико-идеологический

аппарат современной иранской армии и сегодня состоит из представителей шиитского духовенства или включает в себя людей с религиозным образованием. Знания по истории ирано-иракской войны помогают российским специалистам поддерживать боевое братство с иранскими коллегами.

Ирано-иракская война стала достоянием истории. Режим Саддама Хусейна канул в Лету. После оккупации коалицией НАТО ценой сотен тысяч жизней и масштабных разрушений Ирак был реформирован в новое государство, и в итоге стал для Ирана дружественным государством [5, с. 633]. Иран выстоял в войне, несмотря на бесчеловечные санкции Запада [6, с. 75], добился экономических успехов, доказал свою самодостаточность и право на самостоятельную роль в международных делах. Изучая современный персидский язык, иранскую культуру и историю, иранисты включают «Джанг-е-тахмили» в список приоритетов.

Список использованных источников

1. Кожевникова, Е. И. Происхождение и перевод названий военных операций НАТО / Е. И. Кожевникова, Г. Д. Помазкин // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия : Материалы VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 ноября – 03 2020 года / Отв. редакторы Д. Н. Жаткин И. В. Куликова. – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2021. – С. 51 – 58.

2. Кузнецова, А. Д. Лингвистические особенности названий спецопераций в России и США / А. Д. Кузнецова // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых : Материалы 70-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых, Петрозаводск, 09 – 28 апреля 2018 года. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2018. – С. 100 – 103.

3. Рустамов, Ф. Ф. Проблемы и перспективы ирано-иракских отношений на современном этапе (2017-2020 гг.) / Ф. Ф. Рустамов // Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности. – Москва : Информационно-внедренческий центр “Меридиан”, Российское общество политологов, 2021. – С. 632 – 636.

4. Сафонов, А. С. "Сдерживание" как элемент внешней политики США в отношении исламской Республики Иран: формирование и эволюция в период холодной войны (1979-1989 гг.) / А. С. Сафонов // Инновационная наука. – 2021. – № 6. – С. 73 – 76.

УДК 811.12

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

К. А. Шевченко,

*обучающаяся 2 курса магистратуры, кафедра восточной филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является изучение причин появления и распространения европейских заимствований в турецком языке, опираясь при этом на интерпретацию данного понятия зарубежными лингвистами. В ходе исследования использовались описательный и сопоставительный методы. В данной статье рассматриваются теоретические вопросы изучения западноевропейских заимствований в турецком языкознании. Данное явление уже многие десятилетия является непрерывным процессом обогащения словарного состава турецкого языка, что происходит как в силу исторического, так и социального заимствования из языков европейских государств. Из заключения следует, что в работах лингвистов Турции обозначается роль западной лексики и подчёркивается её положительное воздействие на обогащение турецкого словарного состава и культурное развитие Турции.

Ключевые слова: турецкий язык, заимствования, развитие, лингвистическое развитие, европейский.

Summary. The purpose of this work is to study the causes of the appearance and spread of European borrowings in the Turkish language, while relying on the interpretation of this concept by foreign linguists. The descriptive and comparative methods were used in the course of the study. This article discusses the theoretical issues of the study of Western European borrowings in Turkish linguistics. This phenomenon has been a continuous process of enriching the vocabulary of the Turkish language for many decades, which comes from both historical and social borrowing from the languages of European states. It follows from the conclusion that the works of Turkish linguists identify the role of Western vocabulary and emphasize its positive impact on the enrichment of the Turkish vocabulary and the cultural development of Turkey.

Key words: Turkish, borrowings, linguistic development, European.

Цель работы: изучить причины появления и распространения европейских заимствований в турецком языке, опираясь при этом на интерпретацию данного понятия зарубежными лингвистами. В ходе исследования использовались описательный и сопоставительный методы.

Основные результаты: Одним из наиболее важных моментов становления различных языков мира считается процесс заимствования. С развитием общества, науки и культуры неразрывно связано развитие языка. Так как ключевым предназначением языковой системы является отображение постоянно меняющегося мира, на протяжении многих веков всевозможные конфигурации в обществе находят в ней свой отблеск. Словарь среди всех языковых слоёв меняется наиболее стремительно и обширно.

В 1945 г. Турецкое лингвистическое общество (ТЛО) издаёт труд известного лингвиста Ахмета Джевата Эмре «Турецкая грамматика. Грамматический очерк о развитии турецкого языка в настоящее время и в прошлом». Как отмечает автор, за последние несколько столетий из западноевропейских языков в турецкий проникло большое количество слов, которые начинаются с двух согласных (например: profesör, program). Такие сочетания свидетельствуют не о чём ином, как об иностранном происхождении подобной лексики. Существуют и другие признаки иноязычности, такие как отсутствие гармонии гласных (тур. ünlü uyumu) (например: aktör, paket), а также наличие гласной “о” в последнем слоге (например: balon, palto) [3, с. 98–100].

В работе Хайдара Палавана «Некоторые мысли о турецком языке и терминологии», которая вышла в свет в 1953 году, были рассмотрены греко-латинские термины, которые пришли в турецкий преимущественно из французского языка. Х. Палаван, используя словарь, составленный в 1945 г. и включающий 40 000 слов, обнаруживает в нём 2188 терминов, пришедших в турецкий язык через французский. Также он, используя таблицы, разделил всю терминологию на 30 групп, чтобы сравнить ряд турецких терминов с соответствующими словами из английского, латинского, немецкого, французского и русского языков. Например, одна из групп включала 30 глаголов типа *organize etmek*, где с турецким вспомогательным глаголом *etmek* употребляется французская форма *organize*. Другая группа состояла из качественных прилагательных, пришедших в турецкий язык из французского (139 слов). Х. Палаван отмечает, что большинство народов, заимствуя международную терминологию из латинского языка, приспособлявала её к своим правилам. Турки же использовали подобные термины из французского языка, почти никак их не изменяя [7, с. 44–47].

В 1959 г. выходит в свет «Французское влияние на турецкий язык» Энвера Эсенкова. В нём автор указывает, что процесс французского лексического воздействия на турецкий язык начался довольно давно. Турецко-французские связи стали одной из причин непосредственного проникновения французских слов. Договор, подписанный в XVI веке, предоставил французам возможность пользоваться довольно-таки широкими правами в Турции. Господство Франции на Ближнем Востоке было установлено после заключения дипломатических, торговых, военных соглашений.

Продолжал проведение реформ преемник Селима III, Махмуд II. Он открывал военные школы, обучение в которых велось исключительно на французском языке. Огромное влияние на образ жизни, традиции турок и распространение французских слов оказало постоянное общение турецкого населения с французским меньшинством. Когда в произведениях было необходимо замаскировать какие-либо запрещённые идеи, писатели использовали французскую лексику. В Турции французский стал выполнять функцию второго языка. В 1923 г. провозглашение Турецкой Республики было ознаменовано разрывом с мусульманской культурой, и уже в 1930 г. началось очищение турецкого языка от арабо-персидских элементов, место которых постепенно занимала французская лексика. Новый поток французских терминов произошёл после Второй мировой войны [4, с. 5 -7].

В начале XX в. Стамбул стал центром распространения французской лексики. В то же время её использование осуществлялось во всех слоях общества в самых разных районах страны в соответствии с уровнем образования и в меру своих материальных и духовных потребностей. Богатому поступлению новых французских слов поспособствовали как международные контакты и поездки турков за границу, так и радио, газеты и печатные издания [4, с. 9].

Автор подчёркивает, что описываемый приток французских заимствований особенно затронул сферы торговли, науки, техники, промышленности, искусства и спорта. В турецкий язык также вошёл объемный пласт слов, обозначающих различные вещи, предметы, мебель, товары и одежду. Несмотря на такие глобальные перемены, нельзя не отметить, что весь этот

процесс позволил открыть «горизонты прогресса» для турецкого населения. Французская лексика, удовлетворяя потребности времени, обогатила турецкий язык новыми словами и выражениями [4, с. 25–26].

В 1975 г. был издан труд Омера Асым Аксоя «Развитие и очищение турецкого языка», в котором он указывает на главную причину поступления европейской лексики в турецкий язык, а именно – разрыв с восточной культурой и установление разносторонних связей с западной цивилизацией. Изучению европейских языков стало уделяться особое внимание. Значительно возросло количество молодых людей, которые знали иностранные языки и получали образование на Западе. Были усилены контакты с западноевропейскими странами в таких областях, как наука, дипломатия, искусство, торговля и техника. Все вышеперечисленные факторы в различной степени оказывали влияние на турецкий язык. Используя знания, полученные с Запада, а также довольно часто употребляя европейские слова, турецкая интеллигенция всё больше побуждала менее образованных людей к применению подобной лексики в повседневной жизни [1, с. 69].

Автор отмечает, что западноевропейские заимствования довольно часто употреблялись в газетах (например: *apons, politik*), в особенности в спортивных статьях, которые изобиловали английской и французской лексикой (например: *ekip, maç, tribün*). Учёные и деятели искусства использовали международные термины (например: *aktör, artist, filolog*). С развитием техники стало необходимо искать турецкие эквиваленты поступающей западной лексике, но в итоге это не обрело практически никакого положительного результата. Целый пласт европейской лексики, используемый в официальных письмах, государственных учреждениях и инструкциях также был широко распространён (например: *dekan, kontrolör, üniversite*) [1, с. 70–74].

В 1976 г. Кяmile Имер издал работу «Реформа турецкого языка в аспекте его изменения и развития», в которой рассматривал переводные слова и словосочетания (кальки), на основе которых появлялись новые выражения в турецком языке. Сочетания, в которых переведено каждое слово, составляют самую многочисленную группу (например: тур. *demiryolu* «железная дорога», фр. *chemin de fer*; тур. *ana okulu* «детский сад», фр. *école maternelle*). В другую группу относятся выражения, в которых первое слово исконно турецкое, а второе является заимствованием (например: тур. *rekor kırmak* «побить рекорд», англ. *break the record*; тур. *kur uarmak* «ухаживать за кем-л.», фр. *faire la cour*) [5, с.239].

В 2000 г. Тахсин Багуоглу издаёт «Граматику турецкого языка». В своём труде автор рассматривает «неправильные», не соответствующие турецкой слоговой структуре, слоги в словах, заимствованных из западноевропейских языков, которые турецкий язык постепенно тюркизировал: если слово начиналось с двух согласных, тогда перед ними мог использоваться гласный, который разделял их на разные слоги [2, с. 54–55].

Выводы: стоит отметить, что в работах лингвистов Турции обозначается роль западной лексики и подчёркивается её положительное воздействие на обогащение турецкого словарного состава и культурное развитие Турции. Фокус научного исследования учёных направлен на рассмотрение вопросов международной терминологии, сравнение числа заимствований из французского

языка в разновременных словарях, исследование французской лексики с морфологической, семантической и фонетической точек зрения.

Список использованных источников

1. Aksoy, Ö. A. Gelişen ve özleşen dilimiz / Ö. A. Aksoy. – Ankara : Türk dil kurumu yayınları, 1975. – 111 s.
2. Banguoğlu, T. Türkçenin grameri / T. Banguoğlu. – Ankara : Türk dil kurumu yayınları, 2000. – 628 s.
3. Emre, A. C. Türk dilbilgisi. Türkçenin bugünkü ve geçmişteki gelişimleri üzerine gramer denemesi / A. C. Emre. – İstanbul : TDK gramer kolbaşısı, 1945. – 285 s.
4. Esenkova, E. Türk dilinde Fransız tesiri / E. Esenkova. – İstanbul : Matbaacılık A.Ş., 1959. – 31 s.
5. İmer, K. Dilde değişme ve gelişme açısından türk dil devrimi / K. İmer. – Ankara : Türk dil kurumu yayınları, 1976. – 126 s.
6. Levend, A. S. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri / A. S. Levend. – Ankara : Türk dil kurumu yayınlarından, 1960. – 498 s.
7. Palavan, H. Türk dili ve terminolojisi hakkında bazı düşünceler / H. Palavan. – İstanbul : s.n., 1953. – 48 s.

УДК 82.091:[(821.411.21+821.222.1):(821.521.161+821.512.19)]

ПРОНИКНОВЕНИЕ ПЕРСИДСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК И ИСТОРИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Э. Я. Эмирсале,

старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. На протяжении многовекового развития словарный состав крымскотатарского языка пополнялся лексическими заимствованиями из других языков. Среди заимствований одно из видных мест занимают фарсизмы, которые проникли в крымскотатарский язык различными путями. Обзор состояния тюркских языков рассматриваемого нами ареала персидского влияния свидетельствует о существенных отличиях языков первой группы практически на всех языковых уровнях. Однако, еще предстоит более глубокое исследование вопроса о культурных связях тюрков с Ираном. В данной статье, рассматривается проникновение персидских лексических единиц в крымскотатарский язык и история их изучения.

Ключевые слова: лексические элементы, персидские заимствования, языковая ассимиляция, крымскотатарский язык.

Summary. Throughout centuries of development, the vocabulary of the Crimean Tatar language has been enriched with lexical borrowings from other languages. Farsi words, which penetrated into the Crimean Tatar language in various ways, occupy one of the most prominent places among the borrowings. An overview of the Turkic languages in the studied area of the Persian influence shows significant

differences between the languages of the first group at almost all linguistic levels. However, a deeper study of the cultural ties between the Türks and Iran is yet to be done. In this article, the penetration of Persian lexical units into the Crimean Tatar language and the history of their study are considered.

Key words: lexical elements, Persian loanwords, language assimilation, Crimean Tatar language.

Общеизвестно, что влияние иранских языков на тюркские языки в средние века было очень велико. Персидский язык в X в. был письменно-литературным языком народов Ирана и Средней Азии. Например, такие знаменитые ученые как Улугбек, основоположник османо-турецкого языка Джалаладдин Руми, азербайджанский поэт Низами, создавали свои творения на персидском языке. В соответствии с этими фактами академик В. В. Бартольд высказал мысль о том, что «...уроженцы Туркестана приняли участие в создании персидской лирики, сделавшейся достоянием иранского народа» [1, с. 12]. Ученый так же отмечает, что «в свою очередь, литература турок (тюрков) развивалась под влиянием мусульманских, особенно персидских поэтических образцов» [2, с. 17].

А. Н. Кононов отмечает, что «В XV – XVIII вв. в литературе тюркоязычных народов мусульманского Востока наступает период персидско-тюркского билингвизма. Однако уже тогда все большее внимание уделяется переводу научных и поэтических произведений с арабского и персидского языков на тюркские» [3, с.83].

На протяжении многовекового развития словарный состав крымскотатарского языка пополнялся лексическими заимствованиями из других языков. Среди заимствований одно из видных мест занимают фарсизмы, которые проникли в крымскотатарский язык различными путями. Семантическая структура заимствованных персидских слов не осталась неизменной. Лишь определенная категория слов (преимущественно однозначные) полностью сохранила первоначальную семантику. У другой части слов семантика в корне изменилась, у третьей – произошло сужение значений, у четвертой – расширение значений. Фарсизмы активно участвуют в образовании синонимов, омонимов и антонимов в крымскотатарском языке.

Проблематикой персидских заимствований в тюркских, и в частности, в крымскотатарском языке, занимался известный отечественный иранист и тюрколог А. М. Меметов. Отдельные результаты его исследований нашли свое отражение в работах «Лексикология крымскотатарского языка» [4], «Источники формирования лексики крымскотатарского языка» [5], «Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке» [6], «Крымские татары: Историко-лингвистический очерк», «Крымскотатарский язык. История изучения. Лексикология. Фонетика. Морфология» [7], и отдельном фундаментальном исследовании ученого, посвященном персидским заимствованиям, «Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке» [8].

Многообразие этнической и языковой среды, в которой формировался крымскотатарский этнос, оказало влияние на все стороны материальной и духовной культуры крымских татар и, несомненно, оставило отпечаток в развитии языка. На протяжении многих столетий крымские татары имели прямые и опосредованные контакты с различными иранскими племенами, генуэзцами, арабами, славянами, что привело к всестороннему взаимовлиянию и

взаимопроникновению языков. «Иранские племена, впоследствии растворившиеся среди тюркоязычных предков крымских татар, оставили о себе память в виде большого количества лексических, грамматических и синтаксических элементов иранского происхождения, а так же в области культуры и антропологии определенной части крымских татар» [4, с. 54].

А. М. Меметов также отмечает: «Последствия контактов крымскотатарского и других языков весьма разнообразны и значительны: в одних случаях они привели к языковой ассимиляции (как, например, это имело место с иранскими племенами, обитавшими в Крыму, что сопровождалось этногенетическим процессом и глубоким языковым проникновением), в других – к различного рода заимствованиям, по существу не затронувшим внутренней структуры усвоившего языка» [4, с. 152].

В древнейшем лексикографическом памятнике крымскотатарского языка, написанном в Крыму под названием «Codex Cumanicus», или «Словарь куманского языка», который относится к концу 13 в., А. Меметовым выделено 160 персидских заимствований [4], что составляет 12% от 1350 слов, представленных в крымскотатарской (куманской колонке). При этом, известный исследователь персидского языка А. Н. Сухоруков отмечает, что «1) к началу 14-го века в формирующемся КТЯ имелся значительный пласт иранских заимствований; 2) с течением времени процентное содержание иранизмов в КТЯ уменьшалось с (12 до 6%), что, в свою очередь, говорит о снижении иранского влияния» [8, с. 27]. В своей работе он раскрывает несколько путей проникновения персидских заимствований: 1) торговые контакты (незначительный эффект); 2) влияние персоязычной литературы (незначительный эффект); 3) переселение ограниченного числа высококультурного и всесторонне образованного персоязычного населения (1800 шейхов) на достаточный период времени – два поколения (высокая вероятность влияния); 4) иранизмы в крымскотатарском языке – реликты общего пласта архаичной лексики или следы более ранних языковых контактов [8, с. 30]. Что касается средневекового периода развития крымскотатарского языка, то А. Н. Сухоруков считает наиболее вероятной возможность массового проникновения лексики иранского происхождения именно в средневековый период, хотя и никоим образом не отвергает возможность присутствия и более раннего пласта заимствований [9, с. 141].

А. М. Меметов в своем исследовании, посвященном источникам формирования лексики крымскотатарского языка, основное внимание уделяет пласту персидских заимствований. В приводимом кратком историческом экскурсе делается попытка установления путей проникновения персидских лексических элементов в тюркские языки вообще, и в крымскотатарский язык, в частности. Рассматривается сфера употребления персидских заимствований, исследуется характер семантических изменений, которые они претерпели в заимствующем языке. Также выявляется роль заимствованных слов в обогащении синонимии, антонимии и омонимии крымскотатарского языка.

В подтверждение проникновения лексических заимствований в ранние периоды развития крымскотатарского языка, приведем несколько примеров из фольклора, где широко используются персидские заимствования. Проанализировав данные пословицы и поговорки, мы пришли к выводу о том,

что в пословицах: «Дерманы тапылмагъан дерт ёкътыр» – «Нет болезни, которую нельзя было бы излечить», имеются сразу два персидских заимствования: «درمان» [darmān] перс. 1.'лечение', 2.'лекарство', 3.'выход из положения'. В крымскотатарском языке при сохранении исконного значения происходит расширение семантики и добавляется значение 'крепость', 'физическая сила'; «درد» [dard] перс. 1. 'боль', 'болезнь', 'недуг', в крымскотатарском языке появляется значение 1.'душевная' 'боль', 'страдание'; 2.'беда', 'горе', в перс. «دل درد»; 'неизлечимая болезнь' в перс. «درمان بی درد»; медиц. 'опухоль', 'шишка'. «Турупкъа коре хыйаргъа шукюр» – «Пусть огурец, раз нет редьки» (На безрыбье и рак рыба), звук [b] в абсолютном исходе слов, заимствованных из персидского языка, подчиняясь фонетическим законам крымскотатарского языка, где редко встречаются звонкие согласные в конце слова, оглушается и заменяется, в большинстве случаев, соответствующим глухим. Соответственно перс. «ترب», [torob] подверглось фонетическому изменению и звучит как [turup]. «Сабырлыны эр кес север» – «Терпеливого все любят», корень слова «sabırlı», восходит к персидскому слову «صابور» [sabor] 'терпеливый (о ком-либо)' арабского происхождения; слово [herkes] является заимствованием персидского словосочетания «کس هر» [har kas] 'каждый (о ком-либо)', где персидский звук [a], переходит в крымскотатарский звук [e], в силу того, что персидское [a] в такого типа словах боле переднее и акустически приближается к крымскотатарскому [e].

В современном крымскотатарском языке персидские заимствования употребляются в самых различных областях языкового общения. По сфере употребления можно определить следующую классификацию: **слова, относящиеся к сельскому хозяйству**, где особо выделяется лексика, связанная с садоводством, цветоводством, бахчеводством, овощеводством, обозначая некоторые сорта фруктов: «сусам» от перс. «سوسن» [sowsan] 'ирис', «бостан» от перс. «بستان» [bostān] 'бахча, огород', «туруп» от перс. «ترب» [torob] 'редька', «маш (сорт чечевицы)» от перс. «ماش» [māš] 'маш', «пирнич» от перс. «برنج» [berenj] 'рис', «нар» от перс. «نار» [nār] 'гранат', «бадем» от перс. «بادام» [bādām] 'миндаль' и др.; **слова, обозначающие предметы быта и домашней утвари**: «килим» от перс. «گليم» [gelim] 'ковер без ворса', «перде» от перс. «پرده» [parde] 'занавеска, занавес', «леген» от перс. «لگن» [lagan] 'медный таз' и др.; **слова, относящиеся к городской жизни, культуре, благоустройству и торговле**: «шеэр» от перс. «شهر» [šahr] 'город', «абадан» от перс. «آبادان» [ābādān] 'благоустроенный', «базар» от перс. «بازار» [bāzār] 'торговый ряд, рынок', «сермия» от перс. «سرمايه» [sarmāye] 'капитал', «пара» от перс. «پاره» [rāge] 'деньги' и др.; **слова, относящиеся к сфере воспитания и просвещения**: «нумюне» от перс. «نمونه» [namune] 'пример, образец', «кягъыт» от перс. «کاغذ» [kāqaz] 'бумага', «дефтер» от перс. «دفتر» [daftar] 'тетрадь', «наме» от перс. «نامه» [nāme] 'письмо' и др.; **слова, употребляемые для обозначения строительных материалов, инструментов, различных зданий и сооружений**: «мых» от перс. «میخ» [mīx] 'гвоздь', «джам» от перс. «جام» [jām] 'стекло', «тахта» от перс. «تخته» [taxte] 'доска' и др.; **слова, обозначающие названия профессий и ремесел**: «чиленгир» «چلنگر» [čelengar] 'слесарь', «дюльгер» «دولگر» [dulgar] 'плотник', «эмшире» «همشیره» [hamšire] 'медсестра', «уста» «استاد» [ostād] 'мастер', «унер» «هنر» [honar] 'искусство', «шегирт» «شاگرد» [šāgerd] 'ученик' и др.; **слова, относящиеся к области государственных,**

административных и военных дел: «пайтахт» «پایتخت» [pāyetaxt] 'столица', «тахт» «تخت» [taxt] 'трон', «падиша» «پادشاه» [pādešāh] 'падишах', «ребер» «رهبر» [rahbar] 'руководитель', «ферман» «فرمان» [farmān] 'приказ', «зиндан» «زندان» [zendān] 'тюрьма', «дженк» «جنگ» [jang] 'война', «дженкявер» «جنگاور» [jangāvar] 'воинственный' и др.; **слова, обозначающие анатомические названия органов человеческого тела:** «гердан» «گردن» [gardan] 'нижняя часть женского подбородка', «чере» «چهره» [čahre] 'лицо', «эндам» «اندام» [andām] 'фигура (человека)', «панджа» «پنجه» [panje] 'пятерня', «джигер» «جگر» [jegar] 'печень', «перчем» «پرچم» [parčam] 'чуб, пучок волос' и др.; **слова, употребляемые в области медицины, а также выражающие состояние, желание и родственные отношения между людьми:** «серсем» «سرسام» [sarsām] 'ненормальный', «хаста» «خسته» [haste] 'больной', «хошнут» «خشنود» [xošnud] 'радостный', «хышым» «خشم» [hašm] 'гнев, ярость', «перишан» «پريشان» [parišān] 'растрепанный, рассеянный', «пешман» и др.; **слова, обозначающие названия некоторых животных и птиц:** «джнавар» «جانور» [jānavar] 'животное', «эдждер» «اژدر» [aždar] 'дракон', «хораз» «خروز» [xoguz] 'петух' и др.; **слова, употребляемые для обозначения продуктов питания и их свойств:** «пенир» «پنير» [panir] 'сыр', «кебап» «کباب» [kabāb] 'шашлык', «кьошаф» «خوشاب» [hošāb] 'компот', «кишмиш» «کشمش» [kešmeš] 'изюм' и др.; **слова, обозначающие названия сезонов, дней недели и географических понятий:** «баарь» «بهار» [bahār] 'весна', «чаршенбе» «چهارشنبه» [čahāršambe] 'среда', «афта» «هفته» [hafte] 'неделя', «джиан» «جهان» [jahān] 'мир, вселенная', «дерья» «دریا» [daryā] 'море', «земин» «زمین» [zamin] 'земля', «чимен» «چمن» [čaman] 'луг, лужайка' и др.; **слова, употребляемые в области литературы и искусства:** «дестан» «داستان» [dāstān] 'эпос', «эфсане» «افسانه» [afsāne] 'сказка, миф, легенда', «саз» «ساز» [sāz] 'саз (музыкальный инструмент)', «зурна» «سورنا» [surnā] 'зурна, дудка', «кемане» «کمانه» [kemāne] 'скрипка', (автор отмечает, что в персидском языке, это слово обозначает 'смычок') и др.

Исходя из вышеизложенных примеров, можно сделать вывод о том, что персидские лексические элементы проникли во все сферы крымскотатарской лексики и теперь составляют неотъемлемую часть словарного состава современного крымскотатарского языка.

Список использованных источников

1. Бартольд, В. В. Из средневековой туркестанской поэзии / В. В. Бартольд // «Наука и просвещение». – №1. – Ташкент, 1922. – 12 с.
2. Бартольд, В. В. История Туркестана / В. В. Бартольд. – Ташкент, 1922 – 17 с.
3. Кононов, А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абуль-гази хана / А. Н. Кононов. – Москва, 1958 – 83 с.
4. Меметов, А. М. Лексикология крымскотатарского языка : учебное пособие / А. М. Меметов; Крымское учебно-педагогическое государственное издательство. – Симферополь, 2000. – 288 с.
5. Меметов, А. М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка / А. М. Меметов; Министерство просвещения УзССР ; Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами. – Ташкент : ФАН, 1988. – 110 с.
6. Меметов, А. М. Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке: материалы к спецкурсу по лексике крымскотатарского языка /

А. М. Меметов ; Мин-во народного образования УзССР ; ТашПИ им. Низами. – Ташкент, 1990. – 121 с.

7. Меметов, А. М. Крымскотатарский язык. История изучения. Лексикология. Фонетика. Морфология : монография / А. М. Меметов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2013. – 576 с.

8. Меметов, А. М. Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке / А. М. Меметов ; автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент : Фан, 1974. – 24 с.

9. Сухоруков, А. Н. Источники формирования лексики крымскотатарского языка: иранский след / А. Н. Сухоруков // Foreign language in the system of secondary and higher education : materials of the V international scientific conference on October 1–2, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – pp.26–31.

10. Сухоруков, А. Н. Персидский язык в Крыму до 20-го века / А. Н. Сухоруков // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. Материалы международной научно-практической конференции, Казань, 15-16 мая 2015 г. – Казань, 2015. – с.139–167.

ТЮРКОЛОГИЯ

УДК 811

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

А. М. Адживанов,

*аспирант кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В данной статье автором рассмотрена проблема современных тенденций и формирование подходов к решению актуальных проблем крымскотатарской электронной лексикографии. Первоначально обозначена важность и перспектива развития электронной лексикографии как направления лексикографического познания. Далее автор рассматривает актуальное положение электронной лексикографии крымскотатарского языка, представив и проанализировав некоторые достижения в этой области. В качестве вывода автор обозначает ряд приоритетных задач, решение которых, по его мнению, существенным образом поспособствует развитию крымскотатарской электронной лексикографии в частности и крымскотатарского языкознания в целом.

Ключевые слова: электронный словарь, электронная лексикография, корпусная лингвистика, крымскотатарское языкознание.

Summary. In this article, the author considers the issue of modern trends and the formation of approaches to solve actual problems of the Crimean Tatar electronic lexicography. At the beginning, the importance and prospects of the development of electronic lexicography as a field of lexicographic studies are indicated. Then the author considers the current situation concerning the electronic lexicography of the Crimean Tatar language, presents and analyzes some achievements in this context. As the conclusion, the author identifies a number of priority tasks, the solution of which, in his opinion, would significantly contribute to the development of Crimean Tatar electronic lexicography in particular, and the whole Crimean Tatar linguistics in general.

Key words: electronic dictionary, electronic lexicography, corpus linguistics, Crimean Tatar linguistics.

1. Введение

Ускоряющиеся темпы развития компьютерных технологий закономерно трансформировали и продолжают трансформировать современные научные реалии. Такая участь не могла не постигнуть науки, связанные с языком и обществом. И это более чем справедливо, ведь язык, будучи инструментом коммуникации в обществе, играет одну из основополагающих ролей в определении целей и задач прогресса в области компьютерных технологий. Так на стыке двух областей знания возник целый ряд наук, занимающихся исследованием феноменов равно- или неравно- смежных с информатикой и

лингвистикой. Одним из самых примечательных направлений в этом контексте является электронная лексикография. Лексикография, в частности, является наукой о составлении и организации словаря, как единицы, служащей для организации и структуризации лексических данных языка [2, с. 268]. И поскольку компьютерные технологии в своей сущности обеспечивают и развивают правила и инструменты для взаимодействия с данными как таковыми, то эти две сферы науки неизбежно представляют единый блок научного знания.

Новые подходы обработки и взаимодействия с данными, разработанные в ходе развития компьютерных технологий, всегда представляли большой интерес для учёных-лексикографов. Уникальные компьютерные методы работы с данными открывают целый ряд эффективных лексикографических подходов, существенно расширяющих возможности организации новых и развития существующих словарей [1]. Главными такими подходами, по нашему мнению, являются следующие:

- **Доступность.** Этот пункт подразумевает крайне высокую скорость поиска, которой теоретически и практически невозможно достичь при работе с бумажным словарём.

- **Мобильность.** В случае с электронным словарём и его сопоставлением с бумажной версией, физический размер не влияет на полноту его содержания, а сам размер, в частности, несопоставимо мал.

- **Вариативность.** Содержание электронного словаря может обладать целым рядом функций, присущих электронному контенту, например, прослушиванием лексических единиц, динамическим показом примеров употребления и т.д.

- **Перспектива.** Говоря о развитии отдельного словаря, редакция или дополнение электронной версии не требует столь значительных усилий, как в случае с бумажной версией, таких как выведение списка правок, редакция, печать, реализация. Любые изменения электронного словаря становятся доступны мгновенно с момента из произведения. Более того, ежедневные инновации, предоставляемые компьютерными технологиями, раскрывают всё больше новых возможностей для реализации тех или иных лексикографических задач более простым, доступным и изящным способом.

Крымскотатарская электронная лексикография начала формироваться, безусловно, как мера, необходимая для сохранения, поддержания и развития крымскотатарского языка. Электронная лексикография, в сравнении с книжной лексикографией, будучи гораздо менее подверженной внешним деструктивным факторам, в частности экономическим, политическим и социальным, в большей степени способна гарантировать стабильность и безопасность информации. Более того, следует отметить, что все вышеупомянутые преимущества электронной формы лексикографии открывают перед крымскотатарскими лексикографами целую плеяду возможностей по дальнейшей модернизации и усовершенствованию существующих лексикографических достижений. Так, например, усердная и сосредоточенная работа в этом направлении позволит в будущем реализовать такие идеи крымскотатарской электронной лексикографии, как толковый словарь, словарь примеров, семантический словарь, многоязычные словари. Отдельным пунктом хочется обозначить идею создания единой электронной базы слов, служащей в последствии, наряду с

электронным языковым корпусом, основой для любых дальнейших лексикографических исследований. Такой подход существенно упростит и ускорит достижения будущих научных поколений и обеспечит скорейшее развитие крымскотатарской лексикографической мысли, а следовательно – всей крымскотатарской лингвистики.

2. Тенденции развития электронных словарей в мире

В настоящее время существует несколько подходов к организации электронных словарей, и большинство из них опирается преимущественно на так называемые «книжный» и «корпусный» подходы [3, с. 5–31].

В случае с «книжным» подходом вся работа над словарём сводится к сканированию и оцифровке существующих бумажных словарей в соответствующем электронном формате. Для того, чтобы понять сущность этого подхода, представим себе таблицу, в которой содержатся лексикографические данные. «Книжный» подход подразумевает следующий формат таблицы:

Искомое слово	Результат
apple	сущ. 1) яблоко; 2) яблоня; прилаг. яблочный;
...	...

Таб 1. Формат таблицы «книжного» электронного словаря

Этот подход является самым простым и требует минимального количества трудозатрат на организацию внутренней технологической инфраструктуры. Для большего понимания: такой словарь может быть создан при помощи любого редактора таблиц (напр. Microsoft Excel) и бумажного словаря.

«Корпусный» подход является более сложным в реализации, но обеспечивает большую функциональность и вариативность, а также упрощает дальнейшее развитие электронного словаря. В данном случае источником лексикографических данных служит языковой корпус, представляющий собой двуязычный синхронный текст. Эти данные сканируются, переводятся в электронный формат и обрабатываются специально разработанными алгоритмами, адаптированными под поставленную лексикографическую задачу. С помощью такого подхода создано большинство современных словарей, например, Lingvo, MultiLex, Eckado и т.д. [4]. В словарях «корпусного» подхода таблица базы данных представляет собой следующее:

Искомое слово	Часть речи	Значение	Результат
apple	существительное	1	яблоко
apple	существительное	2	яблоня
apple	прилагательное	1	яблочный
...

Таб 2. Формат таблицы «корпусного» электронного словаря

Как видно из таблицы, данные имеют более структурированный вид, и каждая имеющаяся характеристика слова и перевода является отдельной

самостоятельной единицей [5]. Помимо того, что это расширяет возможности поиска (например, мы могли бы найти перевод слова apple только в форме прилагательного, и для этого не получать все остальные возможные переводы этого слова, так как они нам ни к чему), также такая форма подразумевает большую вариативность в контексте расширения, комбинирования и любой другой дальнейшей работы с такой базой данных [6].

3. Современные тенденции развития крымскотатарской электронной лексикографии

Говоря о современных тенденциях развития крымскотатарской электронной лексикографии, мы обратимся к существующим достижениям крымскотатарской лексикографической мысли. В этом контексте в подборе материала для анализа мы руководствовались определёнными принципами, и список таких достижений составлен, опираясь на ряд факторов. Во-первых, мы выбирали только те словари, которые находились в открытом доступе. Во-вторых, все словари должны быть доступны для использования и детального обзора. Например, нам встречались словари, содержащие 8-10 слов в своей словарной базе, что значительно затрудняет понимание того, каким образом функционирует словарь, понимание его внутреннего устройства. Также, из всего перечня установленных доступных словарей, мы обнаружили только двуязычные крымскотатарско-русские и русско-крымскотатарские словари. Таким образом, составленный нами список состоит из следующих электронных словарей:

- Словарь **Alem-i Medeniye** [7];
- **Canlı Luğat**;
- **Luğat** от Qıt Software;
- **Luğatçıq** от diyar.im [10];
- **Qırımtatar Luğatı** от EsDev;
- **Крымскотатарско-русский словарь** от Sympleza;
- **Крымскотатарский словарь** от AndroidTools;
- **Словарные базы** на сайтах Gufo.me [9], classes.ru [8] и т.п.;

Отнюдь неслучайно в нашем списке на первом месте находится словарь **Alem-i Medeniye**. Это обосновано той фундаментальной значимостью, которой обладает словарь благодаря его создателю А. Горяинову, для крымско-татарской лексикографии. Этот словарь размещён на сайте <https://medeniye.org>. Словарная база этого словаря создана по «книжному» методу, а точнее путём оцифровки бумажных крымскотатарско-русских и русско-крымскотатарских словарей С. М. Усеинова. Примечательным фактом является то, что 90% последующих за ним словарей использовали созданную А. Горяиновым словарную базу, но со своей стороны приносили инновации во внешнюю структуру и форму отображения этой базы.

Таким образом были созданы **Canlı Luğat**, **Luğat** от Qıt Software, **Qırımtatar Luğatı** от EsDev, **Крымскотатарско-русский словарь** от Sympleza, **Крымскотатарский словарь** от AndroidTools и некоторые другие. Новшеством, которое внесли создатели перечисленных словарей является, прежде всего, их мобильная форма, то есть реализация словаря в виде мобильного приложения.

Также многие из них имеют функцию авто-предложений при поиске, что ускоряет и делает удобнее процедуру поиска.

Отдельным пунктом нам придется в данном списке выделить **словарные базы** на сайтах *Gufo.me*, *classes.ru* и других сайтах, а также словарь **Luğatçıq** от *dıyar.im*. Основанием для этого служит их внутренняя структура и организация базы данных. В **словарных базах**, насколько мы сумели выяснить, используется смешанный подход к организации таблиц, а точнее: таблицы заполнены на основании имеющихся бумажных словарей, однако структура этих таблиц носит характер таблиц, полученных в результате «корпусного» подхода. Такая форма организации таблиц, как мы отмечали ранее, обеспечивает базу данных целым рядом преимуществ. Что касается словаря **Luğatçıq**, то в этом случае мы имеем дело с принципиально отличной формой реализации таблиц, в частности, и внутренней организации базы данных и взаимодействия таблиц друг с другом в целом. В базе данных этого словаря содержится более 20 таблиц, каждая из которых представляет отдельный лексикографический и лингвистический кластер. Отдельными особенностями этого словаря также являются:

- отображение категории «часть речи» и этимология слов;
- в словарную базу добавлены грамматические формы слов, что увеличивает объём базы данных с 90 тыс. до 3,5 миллионов строк, а также даёт возможность поиска по форме слова и возможность склонения слов по формам;
- редактор словаря имеет пользовательский интерфейс, что упрощает расширение и редакцию словарной базы.

Все эти достижения мы предпочитаем считать начальными вехами в развитии крымскотатарской электронной лексикографии. Поскольку на сегодняшний день, несмотря на ряд инноваций, представленных в разных существующих крымскотатарских словарях, по-прежнему существует нужда в реализации целого ряда современных функций, таких как прослушивание слов, голосовой набор, перевод по контексту и многое другое. Но главным пунктом этого списка, по-нашему мнению, является задача по созданию единой электронной лексикографической базы крымскотатарского языка, имеющей функциональную структуру, обеспечивающую всеобщую доступность её использования, а следовательно – дальнейшие ещё более знаменательные достижения. Некоторая работа в этом направлении проводится коллективом разработчиков *dıyar.im*, *Qırım Young* и другими энтузиастами и исследователями, и мы искренне надеемся и верим, что их достижения в самом ближайшем будущем станут поводом для гордости и общим достоянием для всей крымскотатарской лингвистической науки и всего крымскотатарского общества.

Список использованных источников

1. Абрамова, Н. Н. Формирование многоязычных словарей и их использование при кросс-языковом поиске информации / Н. Н. Абрамова, Е. С. Глобус. – URL: http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1386/1/IMAT_2005_02.pdf. (дата обращения: 09.04.2022).
2. Герд, А. С. Прикладная лингвистика / А. С. Гред. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – 268 с.

3. Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения – Новое в зарубежной лингвистике / Б. Ю. Городецкий. – Москва : Наука, 1989. – Вып. 24. – С. 5–31. – URL: <http://www.classes.ru/english-grammar-textbooks.htm>. (дата обращения: 12.04.2022).
4. Рублева, О. С. Слово в электронном словаре (с позиций пользователя электронными ресурсами) / О. С. Рублева. – URL: <http://university.tversu.ru/aspirants/abstracts/docsNew/212.263.03/10.02.19/08-02-2010-1.doc>. (дата обращения: 07.04.2022).
5. Савина, А. Что внутри электронного словаря? / А. Савина, Т. Типикина // Наука и жизнь. – 1999. – №10. – URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/9857/>. (дата обращения: 12.04.2022).
6. Тараскин, А. А. Электронные словари и их применимость для традиционного машинного перевода / А. А. Тараскин. – URL: <http://roman.by/r-39667.html>. (дата обращения: 07.04.2022).
7. Alem-i Medeniye – Крымскотатарско-русский и русско-крымскотатарский словарь – URL: <http://medeniye.org>. (дата обращения: 13.04.2022).
8. Classes.ru – Крымскотатарско-русский и русско-крымскотатарский словарь – URL: <https://classes.ru/all-crtatar/dictionary-russian-crtatar.htm>. (дата обращения: 13.04.2022).
9. Gufo.me – Крымскотатарско-русский и русско-крымскотатарский словарь – URL: <https://gufo.me/dict/rucrh>. (дата обращения: 13.04.2022).
10. Luġatçıq – Крымскотатарско-русский и русско-крымскотатарский словарь – URL: <https://lugat.diyar.im>. (дата обращения: 13.04.2022).

УДК 811.512.161:81'373.421

СИНОНИМИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Д. Э. Челебиев,

старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные точки зрения относительно определения сущности синонима и синонимии, принципы объединения глаголов движения в синонимические ряды.

Ключевые слова: синоним, общее языкознание, тюркские языки.

Summary. This article discusses different points of view regarding the definition of the essence of a synonym and synonymy, the principles of combining verbs of motion into synonymic rows.

Key words: synonym, general linguistics, Turkish language.

Постановка проблемы. Синонимы являются одним из наиболее важных показателей богатства любого языка. Их обилие в языке позволяет отразить разнообразие красок, стилистических оттенков как в области конкретных знаний, так и в сфере отвлеченных понятий. Незамкнутый синонимический ряд – это путь естественного развития языка.

Феномен синонимии и синонимических отношений привлекает все большее внимание исследователей во всем мире. К проблемам лексической синонимии в разное время обращались такие отечественные лингвисты, как Н. М. Ибрагимов, И. И. Давыдов, А. Б. Шапиро, Ю. Д. Апресян, П. С. Александров, А. Д. Григорьева, А. П. Евгеньева, А. А. Брагина, В. Г. Вилюман, В. Г. Гак, тюркологи – А. Б. Болганбаев, Б. Т. Абдуллаев, А. П. Хожиев, А. А. Юлдашев, А. Меметов и др.

Несмотря на длительную историю исследований и существование довольно большого количества трудов, посвященных изучению различных аспектов лексической синонимии, в этой области все еще остается множество проблем и спорных вопросов, требующих к себе более пристального внимания со стороны лингвистов. Нет единого мнения относительно понимания природы самого явления синонимии и понятия синонима, выделения критериев синонимичности слов, принципов определения синонимического ряда, методов исследования синонимических связей отдельных классов слов и т.д.

Работы в области исследования синонимии чаще всего проводятся фрагментарно, в отдельно взятой языковой области. Фронтальные же исследования, результаты которых находят активное применение в лексикографической практике и полнее реализуются в словарях синонимов, являются весьма трудоемкими, поэтому осуществляются сравнительно редко. Изучение явления синонимии позволяет полнее раскрывать богатство языка, более точно воспринимать и осмысливать образцы художественной литературы, определять пути и формы дальнейшего развития языка.

Цель данной работы – рассмотреть различные точки зрения относительно определения сущности синонима и синонимии, определить принципы объединения глаголов движения в синонимические ряды.

Достижение намеченной цели предполагает решение следующих задач:

- осуществить критический обзор состояния изученности проблемы и анализ основных исследовательских подходов к ней в общем и тюркском языкознании;
- определить критерии синонимичности изучаемых лексических единиц, принципов объединения лексических единиц в синонимические ряды;
- систематизировать полученные результаты, сделать выводы.

На синонимические отношения между словами обратили внимание еще древние греки. Они и дали наименование этому явлению. Термин «синоним» происходит от греческого *synonymos*, что означает «одноименный». Гораздо позже были осознаны синонимические отношения между грамматическими способами выражения определенного содержания.

В словаре лингвистических терминов дается следующее определение синонимов: «Синонимы – это слова, близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся или оттенками значения, или стилистической окраской, или и тем и другим. Синонимы, как правило, принадлежат к одной и той же части речи и выступают как взаимозаменяемые элементы высказывания» [6; с. 280].

Значение синонимов, как лексических, так и грамматических, очень велико. Синонимические средства языка позволяют наиболее точно и образно выразить мысль. Исключительно богаты и разнообразны возможности

использования синонимов в различных стилях речи. Выбор того или иного слова из синонимического ряда, той или иной синонимической конструкции позволяет лучше решать определенные идейные и стилистические задачи. Синонимы выполняют в языке еще и чисто технические задачи. Известно, что весьма значительным недостатком речи является употребление в пределах предложения одинаковых или однокорневых слов. Избежать этих повторов помогает наличие в языке синонимов. Отмечая эту техническую функцию синонимов в языке, академик Л. В. Щерба писал: «...только она дает свободу маневрирования в литературном языке» [10; с.122].

В лингвистической науке известен ряд точек зрения по вопросу определения сущности синонима, которые могут быть сведены к следующим основным положениям:

а) синонимами называются идентичные в своих лексических значениях и взаимозаменяемые в определенных, находящихся в строгом соотношении друг с другом, контекстах слова (А. Д. Григорьева, Э. М. Береговская, П. С. Александров, С. Г. Бережан, В. А. Звегинцев, В. М. Григорьян и др.). Однако такое определение синонима выдвигает на первый план лишь общее понимание для всех слов, находящихся в синонимичных отношениях, дифференцирующие признаки каждого из синонимов оказываются за пределами синонимического ряда,

б) синонимы – это близкие по значению слов, но различающиеся оттенками значения или экспрессивно-стилистическими особенностями (А. Н. Гвоздев, А. Б. Шапиро, В. Н. Клюева и др.).

Многие проблемы в системе синонимии, которые актуальны в современном русском языкознании, актуальны и в тюркологии. В тюркологии большое внимание уделяется изучению исторического словообразования синонимов, синонимичное употребление заимствованных слов, синонимам-фразеологизмам и т.д.

Как показывает историографический материал, в тюркологии специальное научное исследование синонимов начинается в конце 50 – 70-х годов 20 века. В трудах ученых изучаются синонимы и их функции в конкретном современном языке, особое внимание обращается на составление словаря синонимов. Первыми фундаментальными исследованиями в области синонимии являются труды казахского лингвиста А. Болганбаева [2]. Справедливо будет отметить, что именно труды А. Болганбаева положили начало исследованиям синонимии в тюркских языках. Существенным вкладом в тюркологию можно назвать работы по синонимии Б. Т. Абдуллаева (в азербайджанском языке) [1], В. Мескутова (в туркменском языке) [5], А. П. Хожиева (в узбекском языке) [9], Н. Н. Васильевой (в языке саха) [3], З. Г. Ураксина (в башкирском языке) [7], Ш. С. Ханбиковой, Г. К. Закировой (в татарском языке) [8], А. М. Меметова (в крымскотатарском языке) [4] и др. Критический обзор существующей литературы по синонимии в тюркских языках указывает на то, что ученых привлекает широкий спектр общетеоретических вопросов синонимии, в понимании многих из которых не существует единого мнения. Согласно позиции большинства исследователей, решение проблем теоретического плана обеспечит базу для создания универсального словаря синонимов на материале тюркских языков.

В турецкой грамматике в настоящий момент отсутствует единство в определении глаголов движения, которые рассматриваются с разных позиций в зависимости от целей и задач, стоящих перед исследователем, и понимаются преимущественно очень широко. С одной стороны, самыми частотными глаголами движения в турецком языке являются глаголы *gitmek* (движение-удаление) и *gelmek* (движение-приближение) и первый и второй глаголы не подразумевают дифференциацию значения способа передвижения, т.е. могут выражать движение как пешком так и на транспорте, а, с другой стороны, имеется большое количество языковых единиц, обозначающих движение (*gezinmek, yürümek, yönelmek, takip etmek* и т.д.), и те и другие в зависимости от аффикса и контекстного уточнителя могут выражать как однонаправленное, так и разнонаправленное движение [11].

В турецком языке не разграничивают глаголы движения в зависимости от направления, не разграничивают однократность или многократность действия. Некоторые глаголы в турецком языке соответствуют однонаправленным / разнонаправленным глаголам движения в русском языке, и полностью зависят от контекста. Например, глагол *ходить* относится к разнонаправленным глаголам в русском языке: *Он весь день ходил по набережной*. В турецком языке существуют глаголы *gezinmek/yürümek*, при переводе на русский язык эти глаголы синонимичны, разница между ними в употреблении в таком контексте несущественная. Здесь турецкие глаголы соответствуют значению русским глаголам: *гулять, ходить*. В переводе это звучит так: *O tüm gün rihtim boyunca geziniyordu*. Здесь употреблен глагол *gezinmek* в прошедшем времени, употребление его говорит о предшествовании действия настоящему времени. В другом значении глагол *ходить* – это направление движения: *Малыш начал ходить, когда ему исполнился один год*. Здесь глагол *ходить* обозначает умение, способность к какому-то движению. В турецком языке глагол *yürümek(ходить)* обозначает здесь «умение ходить»: *Çocuk bir yaşına girdiğinde yürümeye başladı* [11].

Таким образом, полного тождества между синонимами нет, они различаются по стилистической окраске и оттенками значения. Но иногда бывает трудно выявить оттенки значения, которыми различаются два синонима. Слова-синонимы различаются не только стилистической окраской и оттенками общего, основного значения: каждое слово имеет свою историю возникновения, функционирования в пределах активного или пассивного запаса слов, обрастает рядом значений, вступает в ассоциативные связи с другими словами.

Список использованных источников

1. Абдуллаев, Б. Т. Лексические синонимы современного азербайджанского языка : автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.06 «Тюркские языки»/ Б. Т. Абдуллаев. – Баку, 1965. – 17 с.
2. Болганбаев, А. Лексикология казахского языка – 2-е изд., испр. и доп. / А. Болганбаев – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – 146 с.
3. Васильева, Н. Н. Лексические синонимы в языке Саха : автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.06 «Тюркские языки» / Н. Н. Васильева. – Якутск, 1993. – 18 с.
5. Меметов, А. Синонимы в крымскотатарском языке / А. Меметов // Советская тюркология, 1974. – С. 16 – 22

6. Мескутов, В. Синонимы в современном туркменском языке : автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.06 «Тюркские языки» / В. Мескутов. – Ашхабад, 1962. – 30 с.
7. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : «Просвещение», 1985. – 399 с.
8. Ураксин, З. Г. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке : автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.06 «Тюркские языки» / З. Г. Ураксин. – Уфа, 1966. – 32 с.
9. Ханбикова, Ш. С. Синонимнар сузлеге (синонимический словарь) / Ш. С. Ханбикова, Ф. С. Сафиуллина – Казан: «Хәтер», 1999. – 255 с.
10. Хожиев, А. Ўзбек тили синонимларнинг изоҳли луғати / А. Хожиев – Тошкент : «Ўқитувчи», 1974. – 307 с.
11. Щерба, Л. В. Современный русский язык / Л. В. Щерба – Москва : Учпедгиз, 1957. – 284с.
12. Örnekleriyle Türkçe sözlük. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 2000. – 3337 s.

**VI НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С
МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ТЮРКОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА»**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 811.512.145 (477.75)

**«ШАМИЛЬ АЛЯДИН ЭСЕРЛЕРИНИНЪ ТИЛЬ ВЕ УСЛЮП
ХУСУСИЕТЛЕРИ
(ЭДИПНИНЪ 110-ЙЫЛЛЫГЪЫ МУНАСЕБЕТИНЕН)»**

Э. Ш. Меметова,

*заведующая кафедры крымскотатарской филологии, кандидат
филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Целью исследования явилось рассмотрение стилистических и лингвистических особенностей произведений Шамиля Алядина. Проанализированы такие разножанровые произведения, как документальная повесть «Приглашение на пир у дьявола», «Рассказы о писателях «Высокое служение» и исторический роман «Тугай-бей». Выявлены следующие стилистические и лингвистические особенности: в документальной повести отмечено использование книжной лексики и лексики высокого стиля, однако встречаются примеры образных средств и, крайне редко, диалектной лексики. «Рассказы...» характеризуются книжно-нейтральным стилем и носят скорее, наставительный характер подрастающему писательскому поколению. Исторический роман изобилует устаревшей лексикой. Методы исследования: сравнительный, описательно-аналитический методы; метод сплошной выборки.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, Шамиль Алядин, стиль языка, языковые особенности.

Summary. The aim of the study is to consider the stylistic and linguistic features of the works of Shamil Alyadin. In the article such multi-genre works as the documentary novel "Invitation to the Devil's Feast", "Stories about the writers "High Service" and the historical novel "Tugay-bey" are analyzed. The following stylistic and linguistic features have been identified: in the documentary story, the use of book vocabulary and high-style vocabulary is noted, however, there are examples of figurative means and, extremely rarely, dialect vocabulary. "Stories ..." are characterized by a book-neutral style and are more of an instructive character for the younger generation of writers. The historical novel is replete with outdated vocabulary. Research methods: comparative, descriptive and analytical methods; continuous sampling method.

Key words: the Crimean Tatar language, Shamil Alyadin, language style, linguistic features.

Белли сѣз устамыз Шамиль Алядиннинъ тили теджыкыятчыларынынъ дикъкыатыны даа чокъ йыллар девамында джелып эттиреджек. Къырымтатар тилининъ гъурбетликте сакъланылмасы ичюн буюктен-буюк иссе къошкъан белли эбедий эрбабымыз, озь эсерлеринде аман-аман тилимизнинъ бутюн дюльберлигини акс эттирген эди [7].

Макъалемизнинъ макъсады Шамиль Алядин эсерлерининъ тиль ве услюп хусусиетлерини огренмектир. Ишбу макъсаткъа иришмек ичюн ашагъыдаки вазифелерини беджермек керектир:

– «Иблисининъ зияфетине давет» эсерининъ тиль ве услюп хусусиетлерини огренмек;

– «Юксек хызмет», яzydжылар акъта икяелерининъ тиль ве услюп хусусиетлерини огренмек;

– «Тугъай-бей» тарихий романынынъ тиль ве услюп хусусиетлерини огренмектир.

Теджыкыкь этиледжек малюматымызнынъ **актуаллигини** ишбу джеэттен къайд этильген эсерлерининъ ачыкъ-айдын талиль этильмемеси исбатлай.

Ишимизде тенъештирме-къыяслав, тасвирий-талиль, сайлав **усулларыны** къуулландыкъ.

Къырымтатар эдебий тилининъ шекиллениви та орта асырлары башлап, асырлар девамында шекилленип кельмектедир. Бир де бир халкънынъ язма тили пейда олгъан сонъ, онынъ эдебий тили тез шекилленимеге, илерилемеге чареси ола [6].

Бедий эсернинъ тили, энъ биринджи оларакъ, озюнинъ аэнклиги, образлыгъы, джанлыгъынен айырылып тура. Демек, бедий эсерде башкъа услюплер къуулланылса да, олар эписи эстетик идеаль джеэтинден джулялланып кирсетиле.

Бедий услюп башкъа услюплернен къуулланып базыда бир ерге къошса да, оларны къарыштырмай. Чюнки бедий эсерде эр бир дигер услюп эсернинъ умумий услюп ве мундериджесине эаслана. Эдебий эсерде тильнинъ зенгин синонимиясы, сѣзлернинъ чокъманалыгъы, дигер услюп къатламлары къуулланыла. Булар эписи яzydжынынъ поэтик фикирини ифаде этмек ичюн хызмет этелер.

Энъ юксек эдебий тильни анъгъанда, биз текрарланмагъан, тазе ве оригиналь тильни козьде тутамыз.

Бедий эсернинъ тили ильмий, ресмий, публицистик услюплерине аит олгъан тиль хусусиетлерини де къаплап ала. Лякин озь образлыгъы, экспрессивлиги ичюн ресмий ве ильмий нутукъларындан къатты суретте фаркъ эте [6].

Бедий нутукъ озюне лакъырды нутугъынынъ лексика ве фразеологиясындан гъайры синтаксисини де къаплап ала.

Бедий эсер тили ве, хусусан, белли къырымтатар шаир ве яzydжыларымызнынъ тили, миллий эдебий тиль шекилленимсинде эмиети гъает буюктир.

Шуны да къайд этмек керек ки, акс олунгъан эсерлер буюк колемде олгъаны себебинден, ве макъале огюне къоюлгъан талаплар нетиджесинде,

эльбет, толусынен тиль ве услюп хусусиетлерини огренип оламайджакъмыз, амма эдипимизнинъ учъ ёнелиште олгъан тиль ве услюп хусусиетлерини акс эттирмеге тырышаджакъмыз [6].

Шамиль Алядиннинъ текрарланмаз услюби ве тили олгъаны себебинден, муэллифнинъ имлясыны къалдырдыкъ.

Биринджи эсер: «Иблисининъ зияфетине давет» – керчек весикъалар узеринде къурулгъан икяе, ве шу себептен мында услюбий алчакъ лексикагъа ёл берильмегендир. Тиль ве услюп джеэтинден исе, бойле хусусиетлерни къайд этмек керек: китабий лексиканынъ къулланылмасы: *Ишлеримиз, заныма къалса, фена дегиль* [1, с. 32] *Къадимий адамлар оларда, о юртларда, летафетли, узакъ омюрлер кечиргенлер* [1, с. 9] *Хаританы раъметли Абдураман оджа Бариев, чин мерекебинен эдиниш* чызгъан [1, с. 10] *О буны сафдиллик санды, кибирли черэ иле джылмайды* [1, с. 30] *Абдурешид эфенди Медиев, алидженап наширимизге, эки сёз сёйлемек ичюн, Сарайменден Къарасувбазаргъа джаяв барып келе эдим* [1, с. 11]. *Муаллим мусаллат уйкъудан къуртулмакъ ичюн, Зейнеп ханымгъа чевирилип, учъ фильджан къаве даа пиширип кетирмесини риджа этти* [1, с. 17] ... *Усеин Шамиль акъкъында кимдир мушааделер, хатирелер язгъан, атта оларны Эмир-Али Къайышевке косьтерген...* [1, с. 19] *Геджени лябит холлда, аякъ устюнде турып, яхут кресло устюнде юкъсурап кечиреджегим...* [1, с. 21] *Эски аиналарындан кимсе къалмагъан* [1, с. 23]. *О коридор бою ири адымларынен ёнеди, мен янашасындан, ювурып киби, аягладым* [1, с. 25].

Ашагъыдаки мисаллер исе: *Мен тыраш олдым, йыкъандым* [1, с. 22] *Чюнки Турсунов нефть идареси тарафындан яныма къылавузджы сыфатында къойылгъан мутехассыс* [1, с. 14] – *йыкъандым* ве *къылавузджы* келимелер турк тилинде фааль къулангъан сёзлердир.

Диварда асувлы эмен перваз бу ельчиктен азачыкъ тельгенип ала... ичиндеки энтир къалпакълы, яш киши айдын, дюльбер козьлеринен кулюмсирей [1, с. 10] *Киши джылмая, башыны енгильден саллай, лякин суса* [1, с. 11] *Мангъа юфкъа мучели, ихтияр кишини такъдим этти* [1, с. 15] *Мусафирханеге кельген сонъ, Георгиоскъа кийимлернинъ чыбарлыгъы ве адден-ашыкъ сербестлиги акъкъында фикиримни айттым* [1, с. 30] – мисаллердеки шиве сёзлери аман-аман бутюн эсер боюнджа расткельмектелер

Ашагъыдаки мисаль сёз манасынынъ денъишмеси нетиджесинде мерагъымызны джелып эттирди: *Шеэр джадделеринде инсан далгъалары, октемленмекте, къайнамакъта эди* [1, с. 30] – яни *октем* сёзю *гъурур* сёзюне манадаш олып кельмекте, контекстте исе, фииль япыджы ялгъамаларыны къабул этип, инсан далгъаларына нисбетен, арекет тарзыны акс эттирмектедир.

Куньлернинъ арды-сыралыгъы: ...*сиз бурскунь келинъиз* [1, с. 30] – *Илья Исаковичте, утекуньдеки киби, перишан назарлары, сачыкъ фикирлерни сезмедим* [1, с. 32].

Образлы васталарнынъ къулланылувы: *Ильки геджемде, къайда олса-олсун, сабагъадже чибинлеп чыкъам. Осал юкълайым* [1, с. 24]; *Илья Исаковичте, утекуньдеки киби, перишан назарлары, сачыкъ фикирлерни сезмедим* [1, с. 32]; *Ичиме буз тюшти* [1, с. 29]; *Эписини деръал бу инсан таишламасына этиштиресинъиз!* [1, с. 209].

Фонетик хусусиетлери: *Масанъ устюнде къайт дефтерлери* [1, с. 10].

«**Юксек хызмет**» серлевалы языджылар акъта икяелер исе – насиат бериджи макъалелердир. Эсернинъ ишбу вазифесине бинаэн, мында бу киби джумлелерни расткетирдик: «*Бугуньки аятымызны догъру акс эттириджи, юксек гъаели ве бедуетли эсерлер язмакъ керекмиз, - дедим мен, - Бизде бу меселе зайыф алда. хусусан бедует, шекиль джеэтинден нек керидемиз. Эксери языджыларымыз аятымыздаки янъы адиселерни эски усулнен, эски шекильде тасвир этелер ки, эсер бойле алда озь къыйметини гъаип эте*» [3, с. 23]. *Бойле чаманлыкънен буюк эдебият догъурылмай* [3, с. 30].

Тиль джеэтген, бойле бир фикирнинъ арды-сыралыгъына къолтуткъан манадаш сёзлерининъ чокълугъыны акс эттирдик: *Чюнки шаирнинъ вазифеси – акъыллы, нефис сёзлернен эсер яратып, онынъ саесинде адамнынъ анъына тесир этмек. Осал эсер буны япып оламай.* [3, с. 30].

Шу джумледен лакъырды тильге айт сёзни де къайд этик: *Олян эписини силишитире* [3, с. 28].

Мен, онынъ джиддий ве узун эдебий мунакъашагъа маддеси барлыгъыны сезип, лакъырды ичюн онъа имжан бердим [3, с. 29] – джумлесини образлы ибаре айыра.

Ашагъыдаки мисаль исе, бугуньде-бугунь базыда расткельген араштырма сёзюни белли эдипимиз къабул этмегенини акс эттирмектедир: *...Ильмий-тедкъикъат институтына такъдим этмеге борджлу эди* [3, с. 27].

Амет-Ханны корип, дженкте хасис душман иле куреште косьтерген джесурлиги ичюн юксек унван алувы юзюнден хайырлап кельдилер. [3, с. 28] – джумлесинде расткельген **юзюнден** мунасебетчиси, занымызда, айры дикъкъаткъа ляйыкъ, чюнки, земане девирде чокъусы алларда **себебинден** сёзю къулланылгъаныны къайд этмек керек.

Чифт сёзлер ве тахминий сайыларнынъ да сыкъ расткетиргенимизни къайд этмелимиз: *Ачыкъ-айдын* [3, с. 27]; *дёрт-беш, андан-мындан* [3, с. 28], *олса-олсун* [3, с. 29], *яшымы-яманмы* [3, с. 30], *ашадыкъ-ичтик* [3, с. 31], *эки-учь* [3, с. 32], *догъгъан-оськен, куль-тёпе* [3, с. 32]. Умумен, ишбу эсер китабий-битараф услюпте язылгъандыр.

«Тугъай-бей» романы тарихий эсер олгъанындан себеп, мында эскирген сёзлернинъ – архаизмлернинъ адден-ашыр сыкъ расткельгени табий алдыр: *Сизинъле менфюриден (хусусий) лафым бар...* [2, с. 131]; *Туна (Дон) неэри саилиндеки Аккерман скелесинде сары комзоллы эслидже киши...* [2, с. 130]; *Къартый къыз ичюн атеш пахасы талап эте* [2, с. 130]; *... догъравлы дюбек тютюни кетиргенинден хаберлери олып эль-асты ишлери ичюн якъалап, тевкъиф этелер* [2, с. 130]; *Кубан чёллеринде, Озу-Сувы (Днепр) дженюбинде ве Буджакъта омюр сюрелер* [2, с. 132]; *... огюз арабагъа отурып, Къачибейге (Одесса) ёл алдылар* [2, с. 134]; *сонъра Турла (Днестр) неэри бою ашагъы юрып...* [2, с. 132]; *Алма (Альма) озени саилинде дебдебели бина* [2, с. 140].

Зенаат-унерге айт сёзлер: *...эснафлар табаналардан, туджарлар тюкянлардан, къадайыфчылар, кийизджилер ишханелерден чыкъып...* [2, с. 136].

Къадимий тюркий тилине айт олгъан, бугуньде-бугунь, шималь шивемизге айт **киши** сёзю Шамиль Алядиннинъ севимли сёзлеринден биридир: *...эрянынъдан он киши саф олып турмакъта* [2, с. 137].

Унван бильдирген сёзлер: *Баш везир мусафирлер иле сагълыкълашты ...* [2, с. 139]; *Музакереде ханлыкъ тарафындан тумен комутанлары (дивизия*

командирлери) *Икмет мырза, Асан Байдар ве Усеин-бей Тарханлы, орду комутаны Тугъай-бей, забитлер мектеби башкъаны (офицерлер мектеби башлыгы), Вани Мемет-бей, тильмач Канар, мырза Эмирсале вукъу булуналар* [2, с. 144].

Нетидже. Корьгенимиз киби, тедкъикъ эткен эсерлер бири-биринден усул, услуп ве тиль джеэтлеринден фаркъ эткенлерини коремиз.

Бугунде-бугунь, афсуски, тилимизде аз къулланылгъан вакъыт шерифининъ адлары Шамиль Алядиннинъ талиль этильген учъ эсеринде де къулланыладыр: *Къушлукъ маалинде штанларыны саильде ташлап, денъызге кирип кете, акъшам устю къайтып келе, бутюн куньлерини денъыз ичинде кечирелер* [1, с. 31]. *Ярын къушлукъ маалинде хан азретлери ...* [2, с. 139]. *Уйле авгъан маальде эвге къайтып кельдик* [3, с. 29]. – *Бир кунь уйле авгъан сонъ...* [2, с. 134].

Ишбу макъалемизде темели къоюлгъан вазифелерини илериде терендже талиль этмек ниетиндемиз, чюнки белли классигимиз олгъан, Шамиль Алядиннинъ текрарланмаз тили тильджи ве эдебиятчылар ичюн даима орьнек оладжакътыр.

Къулланылгъан эдебият

1. Алядин, Ш. Иблисининъ зияфетине давет / Ш. Алядин. – Ташкент : Эдебият ве санъат нешрияты, 1979. – 216 с.
2. Алядин, Ш. Сайлама эсерлер / Ш. Алядин // Тугъай-бей. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 1999. – С. 129–165.
3. Алядин, Ш. Юксек хызмет / Ш. Алядин. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1983. – 207 с.
4. Крымскотатарско-русский словарь ; сост. С. М. Усеинов. – Симферополь : Оджакъ, 2005. – 396 с.
5. Меметов, А. Лексикология крымскотатарского языка. Учебное пособие / А. Меметов. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2000. – 288 с.
6. Меметова, Э. Ш. Основы стилистики и культуры речи : учебное пособие для студентов филологических факультетов (рекомендовано МОН Украины) / Э. Ш. Меметова. – Симферополь : Тезис, 2014. – 224 с.
7. Панова, З. С. Вечное и преходящее в творчестве Шамиль Алядина / З. С. Панова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», 2013. – Т. 26 (65). – № 2. – С. 449–454.

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.145'373.4

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ СЕС ТАСВИРЛЕЙИДЖИ СЁЗЛЕРНИНЪ ПЕЙДА ОЛУВ ВАСТАЛАРЫ

СРЕДСТВА ЯЗЫКА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ОБРАЗОВАНИИ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

З. Н. Аджимуратова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской
филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г.Симферополь,
Республика Крым, Российская Федерация.
e-mail: lzarema@mail.ru*

Аннотация. Образование полнозначных звукоизобразительных слов различных частей речи может происходить как путём прибавления словообразовательных аффиксов, модификаторов, так и при помощи таких явлений как редупликация, метатеза. В тюркских языках древнее словообразование осуществлялось преимущественно фонетическим способом. Исследования показывают, что метатеза была одним из самых древних способов образования слов. Хотя метатеза и была фонетическим явлением комбинаторного явления, в древних тюркских языках она играла большую роль в деривационном процессе. Редупликация (полная или частичная) является одним из самых распространённых механизмов создания новых звукоизобразительных слов (когда повторяющиеся элементы заключены в самой структуре слова, напр., кр.тат. кукукъуш «кукушка»), многократности, интенсификации значения. Таким образом, процесс формирования корневых морфем тюркских языков, следовательно, и крымскотатарского языка, был обусловлен объективными закономерностями развития фонологическим путем.

Ключевые слова: средства образования звукоизобразительных слов, метатеза, редупликация, модификатор.

Annotation. The formation of full-meaning sound-imaginative words of various parts of speech can occur both by adding word-forming affixes, modifiers, and with the help of such phenomena as reduplication, metathesis. In the Turkic languages, the ancient word formation was carried out mainly in a phonetic way. Research shows that metathesis was one of the most ancient ways of forming words. Although metathesis was a phonetic phenomenon of a combinatorial phenomenon, in the ancient Turkic languages it played a major role in the derivational process. Reduplication (complete or partial) is one of the most common mechanisms for creating new sound-imaginative words (when repeated elements are enclosed in the very structure of the

word, for example, cr.tat. kukuqush "cuckoo"), multiplicity, intensification of meaning. Thus, the process of formation of the root morphemes of the Turkic languages was determined by objective laws of phonological development.

Keywords: means of formation of sound-imaginative words, metathesis, reduplication, modifier.

А. Т. Кайдаровнынъ фикриндже, такълидий сёзлернинъ тамыр ве негизлери бир къач девир девамында инкишаф этти. Биринджи девирлерде энъ къадимий, адий сес тасавурлары созукъ сеслер эсасында пейда олгъан.

Н. К. Дмитриев бельгиленгени киби, башлангыч такълидий комплекснинъ эсасында, адети узьре, тутукъ сес тура, чюнки о тюрлю этрафтаки сеслерни, яни табиат сеслерини, инсан арекетнинъ сеслерини дос-догъру ифаделей.

Такълидий тамыр, эсасен, 3 чешиттен ибарет: тутукъ+созукъ (ТС), созукъ+тутукъ (СТ), тутукъ+созукъ+тутукъ (ТСТ).

ТС чешиттеки тамырлар къырымтатар тилинде сийрек расткеле: *му*, *мэ(бэ)*.

СТ чешиттеки такълидий тамырлар да къырымтатар тилинде аз: *ыр-ылдамакъ* 'рычать', *ав-улдамакъ* 'лаять', *инь-ильдемек* 'стонать', *уф-юрмек* 'дуть, надувать'.

Энъ чокъ къулланылгъан чешити ТСТ. Къырымтатар тилинде тахминен 70% тешкиль эте: *тук-юрмек* 'плевать', *гуд-юрдемек* 'упасть с грохотом', *дюк-юльдемек* 'стучать'; *пат-ламакъ* 'взорваться, лопнуть', *тап-тамакъ* 'топтать', *чакъ-чакъ* – такъылдав сесине аит, *фыс-фыс* – фысылдав сесине аит, *гъыл-гъыл-гъыл* – богъаздаки гъырылдав сесине аит такълидий сёз.

Фонетик талиль нетиджесинде бойле нетидже чыкъармакъ мумкюн: къырымтатар сес тасвирлейиджи тамырнынъ анлаутында энъ чокъ *ш* (*шан*), *т* (*такъ*), *гъ* (*гъыр*), *къ* (*къыр*), *ч* (*чыр*), *п* (*пат*) сеслери кенъ къулланыла. Инлаутта *а* (*къан*), *ы* (*шыр*), *у* (*хур*) сеслери козетиле. Ауслуутта *п* (*тап*), *р* (*фыр*), *къ* (*чакъ*) сеслери энъ чокъ расткеле.

Анлаут, инлаут ве ауслуутнынъ сес тасвирлейиджи функциясы созукъ ве тутукъ сеслернинъ акустик-артикулятор хусусиетлеринен багълы. Меселя, инлауттаки сеслернинъ мана джеэттен дифференциациясы созукъ сеслернинъ характеристикасынен багълы: *чинъильдемек* (юксек тону олгъан сесине аит) – *чынъылдамакъ*, *чанъ* (балабан чаннынъ сесине аит); *такъ* (кескин такъылдавгъа, урувгъа аит сес) – *тукъ* (бироз явашча сеске аит).

ТСТ чешиттеки тамырларына модификаторлар къошула биле. Эки тертипте такълидий сёзлер, чокъусы алларда, сонор *-р*, *-л* модификаторлары ве эвель кельген тар созукънен ифаделенелер. Меселя: *дангъыр-дангъыр* – такъылдав сесине аит, *шырыл-шырыл* – сув шырылтысына аит; *патыр-гудюр* – патырдыгъа аит такълидий сёз.

Модификаторларнынъ къошулувынен сёзнинъ манасы да денъише биле: *шакъылдамакъ* 'хохотать' – *шакъырдамакъ* 'хрустеть, трещать', *пысылдамакъ* 'шептать' – *пысырдамакъ* 'шептать, «трещать»', *такъылдамакъ* 'стучать' – *такъырдамакъ* 'стучать, тарыхтеть'.

Семантик джеэттен модификаторларнынъ функциясы сеслернинъ хусусиетлери ярдымынен девамлыкъ, шиддетлик, текрарланув, кескинлик, апансызлыкъ киби маналарыны ифаде этмететдир.

Сес тасвирлейиджи сёзлерде редупликация адисеси.

Такълидий сёзлер тек ве текрарлангъан алда къуланьылалар, яни редупликация адисесине огърайлар. Текрарлангъан шекильде кулланылгъан такълидий сёзлер девамлылыкъны, текрарланувны анълаталар.

В.И. Цинциуснынъ айткъанына коре, редупликация эм шекиль япыджы, эм сёз япыджы адисе оларакъ кенъ къуланьыла.

Къырымтатар тилинде пейда олув усулына коре текрарланувлар 4 чешитке болюнелер:

1. Асыл текрарланувлар – ич бир фонетик денъишмесиз олгъан текрарланувлар: *тап-тап*, *данъ-данъ*, *гъарч-гъарч*, *шатыр-шатыр*, *шап-шап*, *тарс-тарс*, *тыпыр-тыпыр*, *шылт-шылт*.

2. Редуциягъа огърагъан текрарланувлар – экинджи компонентинде созукъ сеснинъ денъишмеси олгъан текрарланувлар: *тап-туп*, *данъ-дунъ*, *гъарч-гъурч*, *шатыр-шутур*, *шап-шуп*, *лап-луп*, *гъарч-гъурч*.

3. Аффикслер я да башкъа грамматик шекиллер (меселя, модификаторлар: *-ыр/-ур/-ур/-юр*) къошулувынен пейда олгъан текрарланувлар: *чымыр-чымыр*, *чимир-чимир* (*чымыр-чымыр*), *такъыр-тукъыр*, *дангъыр-дунгъыр*, *тасыр-тусыр*.

4. Лексик текрарланувлар – толу я да къысмен лексикализациягъа огърагъан текрарланувлар: *зий-чув*, *шыр-сув*.

Редупликация адисеси сёз япылувында кенъ ишлетиле. Къырымтатар тилинде редупликация адисеси нетиджесинде бойле сёзлер пейда олды: *гъагъа* 'клюв', *вайваламакъ* 'причитать о чём-либо', *кукукъкъуш* 'кукушка', *лейлек* 'аист', *тыртыр* 'гусеница', *чырчырна* 'кузнечик', *хахылдамакъ* 'громко смеяться', *хихылдамакъ* 'хихикать'.

Бойлеликнен, редупликация сес тасвирлейиджи сёзлернинъ алямети оларакъ, шиддет, текрарланув маналарыны ташып, адисе, арекетке тюрлю тюрслерни къоша, сёзлернинъ семантикасыны кенишлете.

Къырымтатар сес тасвирлейиджи тамырларында метатеза адисеси.

Метатеза сес тасвирлейиджи тамырларында анлаут ве ауслауттаки тутукъ сеслернинъ озъара ер денъишновидир. Къырымтатар тилининъ сес тасвирлейиджи тамырларында бойле сеслер озъара ер денъише билелер: *г – д*, *д – к*; *п – с*, *с – п*; *п – т*, *т – п*; *в – з*, *з – в*; *къ – ч*, *ч – къ*; *ф – ш*, *ш – в*; *п – ш*, *ш – п*. Меселя, *гуд-юръдемек* 'греметь' – *дюк-юльдемек* 'стучать'; *пат-ламакъ* 'взорваться, лопнуть' – *тап-тамакъ* 'топтать'; *пыс-ылдамакъ* 'шипеть, шептатъ' – *сын-ырмакъ* 'подметать'; *патыр-дамакъ* 'трещать, стучать' – *тапыр-дамакъ* 'топтать'; *выз-ылдамакъ* – *зув-улдамакъ* 'жужжать'; *къачыр-къучыр* – *чакъ-чакъ* 'трещать'; *фыш-ылдамакъ* – *шув-улдамакъ* 'шуметь (о воде), бурлить'.

Бу денъишов нетиджесинде базы сагъыр тутукъ сеслернинъ янгъыравукълашмасы мумкюн: *гуд-юръдемек* 'греметь' – *дюк-юльдемек* 'стучать', *пат-ламакъ* 'взорваться, лопнуть' – *тап-тамакъ* 'топтать', *табан* 'пятка'.

Семантика, мана джеэттен де базы денъишмелер ола биле: *фыш-ылдамакъ* 'шипеть, трещать, хрустеть, брызгать' – *шув-улдамакъ* 'шуметь (о воде), бурлить', *пат-ламакъ* 'взорваться, лопнуть' – *тап-тамакъ* 'топтать'.

Бойлеликнен, сес тасвирлейиджи сёзлернинъ пейда олув васталары оларакъ метатеза, редупликация, модификатор/аффикслернинъ къошулувы киби

адиселерни кьайд этмек мумкюн. Къадимий тюрк тиллеринде метатеза ве редупликация адиселери яньы сёзлернинъ пейда олувында энъ къадимий усул оларакъ къулланылдылар. Тюрк тиллернинъ тамыр морфемаларнынъ шекилленюв процессинде фонологик инкишаф энъ къадимий васта олып, яньы сёз мейдангъа кетирюв процессинде муим роль ойнай эди. Фонологик процессинден гъайры, морфологик усул да сёз япувда фааль къулланылды.

Къулланылгъан эдебият:

1. Аганин, Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке / Р. А. Аганин – Москва : Наука, 1959. – 121 с.
2. Аджимуратова, З. Н. Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня в крымскотатарском языке. / З. Н. Аджимуратова // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2007. – Т. 20(59). – № 5. – С. 98–102.
3. Аджимуратова, З. Н. Редупликация как один из признаков звукоизобразительных слов. / З. Н. Аджимуратова // Культура народов Причерноморья : научный журнал ВАК Украины. – Симферополь, 2010. – № 182. – С. 20–21.
4. Дмитриев, Н. К. Парные словосочетания в башкирском языке / Н. К. Дмитриев // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук, 1930. – № 7. – 501 с.
5. Кайдаров, А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке / А. Т. Кайдаров, Алма-Ата : Наука, 1958. – 168с.
6. Магеррамли, Б. Б. Древние словообразовательные способы (метатеза, звуковая редукция и протеза) в первичных корневых морфемах тюркских языков / Б. Б. Магеррамлию : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-slovoobrazovatelnye-sposoby-metateza-zvukovaya-reduktsiya-i-proteza-v-pervichnyh-kornevyh-morfemah-tyurkskih-yazykov>.
7. Флакман, М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Флакман : [сайт]. – Санкт-Петербург, 2015. – URL: https://disser.spbu.ru/disser2/330/disser/4_Flaksman_dissertatzia_tom_1_VAK.pdf.
8. Цинциус, В. И. К истории форм множественности в алтайских языках / В. И. Цинциус, Н. И. Летягина // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Ленинград, 1978. – С. 200–209.
9. Юнусалиев, Б. М. Киргизская лексикология / Б. М. Юнусалиев. – Фрунзе : Учпедгиз, 1959. – Ч. 1. – 248 с.

УДК 811,512

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДИАЛЕКТОВ СЁЛ ОЗЕНБАШ И КЕРМЕНЧИК С НОРМАМИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

КЕРМЕНЧИК ВЕ ОЗЕНБАШ ШИВЕЛЕРИНИНЪ ЭДЕБИЙ ТИЛЬ КЪАЙДЕЛЕРИНЕН КЪБЫЯСЛАВ МЕСЕЛЕСИ

Л. И. Бекирова¹, А. А. Муслядинова²,

¹к.филол.н., доц. кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, КФУ им. В. И. Вернадского

²магистрант 2 курса кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, КФУ им. В. И. Вернадского

Аннотация. Данная статья посвящена изучению фонетических, грамматических и лексических особенностей диалектов сёл Озенбаш и Керменчик Бахчисарайского района, которые представлены в компаративном аспекте.

Summary. This article is devoted to the study of the phonetic, grammatical, and lexical features of the dialects of villages Ozenbash and Kermenchik of the Bakhchisarai region, which are represented in the comparative aspect. The study of dialects is a painstaking and long-term work, the result of which was the collected words - dialects that allow you to feel respect and love for your native language and better know the roots and origin of words are of great importance, separated from us by a long period of time, and using descriptive and comparative aspects.

Key words: dialect, literary norm, the Crimean Tatar language, relevance.

Бельгенимиз киби, эдебий тилимиз кырымтатар тилинин шивелеринден, яни 3 эсас шивелеринден шекиллени. Эльбетте, тильнин шивелери сакъланып къалган, амма сюрдюнюк нетиджесинде тюрюк тиллернен кырышып, аз олса да денъшти. Кырымда, халкъымыз башкъа миллетлернин кырышкъан ичюн, бир ерде берабер яшамагъандан ве эльбетте, эвде озь ана тилинде лаф этмегенлеринден, шивелернин сакъланувына кедер этип, онын инкишафыны токътатты. Бугунки кунде халкъымыз ана тилимизде лаф эткенде, зиядедже рус сёзлерни къошуп, лаф этелер. Тек къартларымыз шиве сёзлери сакълап къалдылар.

Ишимизнин актуаллиги. Кырымтатар тилинин шекиллениви муреккеп тарихий шараитлерде олып кечкендир. Онын агъыз ве шивелери фонетик тизиминин озьлюгинен, морфологик шекиллеринин чешитлигинен, лексик зенгинлигинен тек эдебий тильден дегиль де, бири-биринден де чокъ фаркъ этелер. Шу фаркъларны огренмек, бир тертипке кетирмек кырымтатар тилинин шивелерини огренювде муим ве актуаль бир меселедир.

Земаневий тиль шивелеринин алыны огренмек ичюн, базы алимлернин ильмий ишлеринен таныш олмакъ керек. Кырымтатар диалектлеринен багълы олган тедкъикъатларнын сайысы чокъ дегиль. Бу саада В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, Бекир Чобан-заде, А. Е. Крымский, Э. В. Севортян, А. Меметов, С. Изидинова ве дигер алимлер тедкъикъатлар алып барган эдилер.

Бойледже, кырымтатар тилинин учь эсас шивелерини айырмакъ мумкюн: 1. Шималь (чёлъ) шивеси. 2. Дженюп (ялы бою) шивеси. 3. Орта ёлакъ шивеси.

Кырымтатар шивелерине багъышланган биринджи диссертация 1982 сенеси Изидинова С.Р. тарафындан къорчаланды. Озь диссертациясында муэллиф чёлъ, орта ёлакъ ве ялы бою шивелеринин фонетик, морфологик ве лексик хусусиетлерини ачыкъламагъа аракет этти.

Ишимизнинь макъсады – Озенбаш ве Керменчик шивелернинь фонетик, грамматик, лексик хусусиетлерини огренюв ве нутукъта къулланылувыны огренмек. Бир чокъ фактик малюмат топлав нетиджесинде, Озенбаш ве Керменчик шивелернинь аляметлерини бельгилемек.

Мезкюр макъсадымызгъа иришмек ичюн огюмизге ашагъыдаки **вазифелер** къойдыкъ:

1. Диалектология ве шивелер акъкъында умумий малюмат бермек;
2. Керменчик ве Озенбаш шивелернинь фонетик, морфологик ве лексик хусусиетлерини бельгилемек ве эдебий тильнен къыясламакъ;

Ишимизнинь предмети – земаневий къырымтатар тилинде Керменчик ве Озенбаш лехчелернинь хусусиетлери. Къырымтатар тилинде шу мевзу аз огренильген ве мындан ишимизнинь янъылыгъы чыкъа.

Ишимизнинь объекти – къырымтатар тилининь Керменчик ве Озенбаш лехчелери.

Ишимизнинь ильмий янъылыгъы – ишимизнинь янъылыгъы шунда ки, къырымтатар тилинде Керменчик ве Озенбаш лехчелеринь фонетик, грамматик, лексик хусусиетлерини огренюв меселеси биринджи кере япыла. Шу меселе даа терен огренильмеген ве озь девамыны беклемекте.

1. Озенбаш шивесининь фонетик ве морфологик хусусиетлери

Озенбаш тар шивесини Алушта районнынь шималь шивелерине кирсетелер

«Фонетикада бойле хусусиетлерини къайд этмек мумкюн:

1. Спирантизация, яни **къ** > х кечюви эр бир позицияда корюне (сез башында, ортасында ве сонъунда).

Меселя: *хуш* < къуш ‘птица’, *топрах* < топракъ ‘земля’, *хушах* < къушахъ ‘пояс’;

2. Тиль арты [**н**] сесине тиль огю [**н**] келишикли.

Меселя: *сана* < санъа ‘тебе’, *мана* < манъа ‘мне’, *тан* < танъ ‘рассвет’, *чан* < чанъ ‘колокол’;

3. Сез башында сагъыр [**к**] сесининь янъгъыравукълашуву олмаз.

Меселя: *кельмек* ‘приходить’, *кўнь* ‘день’, *кеч* ‘поздно’, *кўммек* ‘зарывать, хоронить’, *кўкўс* ‘грудь’, *келин* ‘невестка’, *кўнеш* ‘солнце’, *кўзь* ‘глаз’, *кўрмек* ‘видеть’ ве ил;

4. *Бармакъ* ‘идти, поехать’, *бермек* ‘давать’, *барлыкъ* ‘богатство, состояние’ киби сезлерде анлаутта [**б**] сесине [**в**] сеси уйгъун келе: *вармах*, *вермек*, *варлых*;

5. Сагъыр [**т**] сесининь анлаутта янъгъыравукълашуву олмаз

Меселя: *турду* ‘встал’, *тарчин* ‘корица’;

6. Сез башы **ј** эр бир позицияда сакъланып къала

Меселя: *јалан* ‘ложь’, *јол* ‘дорога’, *јолах* ‘полоса’.

7. Базы позицияларда [**о**] сесине [**у**] сеси келишип келе.

Меселя: *улар* < олар ‘они’, *буле* / *буйле* < бойле ‘такой, так’.

Алушта лехджеисининь морфологик хусусиетлери:

1. *Ман(ъ)а* ве *сан(ъ)а* замирлернен бир сырада шималь шивесининь лакъырды тилинде къулланылгъан *магъа* ‘мне’ ве *сагъа* ‘тебе’ киби шекиллери къулланыла.

2. Шимдики заман - *ай*, -*эй*, -*ый*, -*ий*, -*уй* аффикслери иле япылыр.

Месея: *чыхай* < чыкъя 'выходит', *айтий* < айта 'говорит'.

3. Белли ве бельгисиз кечкен заманнынъ кыскъя шекили къулланыла.

Месея: *геледик* (келедик) 'мы приходили', *ишлердик* 'мы тогда работали', *севердик* 'мы тогда любили'.

4. Саиплик, догърултув ве тюшюм келишлернинъ аффикслерининъ бири бирине кельмешюви.

Месея: *эвин* < эвнинъ, *Рустемин* < Рустемнинъ; *дагъы* < дагъны; *аблайя* < аблагъя. »

Озенбашлыларда къулланылгъан лагъаплар: Каталах, Бадиня, Тинти, Даник, Халмух, Мадай, Лахат, Хырхыр, Авке, Паста, Каляк, Тапор, Качан, Ялпах, Джилай, Ертмаз, Айгъыр, Джоюх, Тоймаз, Дрожкин, Ламбоз, Аваджан, Курчи, Аппах, Чанка, Салламбаш, Бугъя, Кабак, Таз, Хушахсыз, Гемиджи, Селями, Чобан, Патоф, Чалбаш, Чуплах, Ачыхкокрек, Катай, Кильджи, Устюпу, Чуфуль, Такал, Беди, Дюрогуль, Байбут, Янъя, Тюрк, Афъен, Пани, Капуль, Ягълы хайыш, Териджи, Бейтю, Пампуль, Файтон, Чиркин, Хашхыр, Дере, Черкес, Хазаъ, Базирьян, Эгерджи, Мырзабек, Хычыравух, Кадыев, Баим.

Озенбаш шивесинде базы сезлер: *дика кирез* – кийик кирез, *шейтан гулю* – шиповник, *дандарафиль* – пион, *чанкаравина* – летучая мышь, *алмахтыра* – тенде дамларнынъ шишмеси, *катарах* – мердивен, *патлатма* – чамурдан оюн (хлопушки), *Дженнет елу* – Млечный путь, *Пейгъамбер хушагъы* – радуга, *алафранга* – смерчь, *нифица* – хомяк, *клапи* – тахта бити, *кушуль* – сычавул, *канар* – чирки, *кулукшафра* – кесертки, *Сифля джевиз* – къабугъы индже олгъан джевиз, *бомба джевиз* – балабан джевиз, *мешере* – участок, *Хавеля* – фындых терегине ошай (Хавал ондан япыла эди), *хулов* – окълав, *бузол* – бузав.

2. Керменчик шивесининъ фонетик ве морфологик хусусиетлери

Керменчик лехчеиси озюнинъ тиль хусусиетлерине коре эм къыпчакъ, эм де огъуз элементлеринен белли. Шу лехчеде лаф эткен адамларынынъ нутугъында эм ялы бою шивесине, эм де чель шивесине аит сезлерни расткетирмек мумкюн. Ашагъыдаки исе базы фонетик хусусиетлерини талиль этейик.

1. Спирантизация, яни **къ** > **х** кечюви эр бир позицияда корюне (сёз башында, ортасында ве сонъунда): *хары*, *хыз*, *тежаранчых*, *хоя*, *халгъан*, *учхан*, *чырах*, *хычырий*, *сахланный*, *хол*, *хану*, *ачлых*, *тохтай* (*токътала*), *чыхай* (*чыкъя*) киби сезлеринде.

2. Шимдики заман фииллеринде **-а**, **-е**, аффикслери ерине **-ий** киби аффикси къулланыла. Месея: *тырий* (*тура*), *айтый* (*айта*), *козетий* (*козь эте*), *сибирий* (*сыпыра*), *отруй* (*отура*), барый (бара).

3. Сёз башында базы сезлерде **б** сесининъ къошулывы. Месея: *болду* (*олды*).

4. Сёз башында базы созукъ сеслернинъ тюшюрюлюви: *стю* (*устю*), *чине* (*ичине*), *стей* (*истей*), *ите* (*иште*), *фатмаа* (*уфатмагъя*).

5. Сёз башында сагъыр [к] сесининъ янгъгыравукълашувы олмаз. Месея: *келий* (*келе*), *копек*, *кочтук* (*кочътик*), *кундуз* (*кунъдюз*),

6. Сагъыр [т] сесининъ анлаутта янгъгыравукълашувы олмаз. Месея: *терек*, *тешик*, *тон киби*.

7. Сёз башы **ј** эр бир позицияда сакъланып къала. Месея: *йавун* (*ягъмур*), *йава* (*ягъя*), *йемиш* (*емиш*), *йаш* (*яш*).

8. Догърултув **-гъа, -къа-, -ке, -ге** аффикслери ерине **-а, -е** кыска аффикси ишленилр: *тартмаа* (тармагъа), *чыкъармаа* (чыкъармагъа), *охумаа* (окъумагъа).

9. Чокълукъ манасыны ифаделеген **-лар / -лер** аффикслеринен бераберликте **-ляр** аффикси къулланыла. Месея: *тартайляр* (*тарталар*), *чыхармайляр* (*чыкъармайлар*), *башлайлар* (*башлайлар*).

10. Эдебий тильде тюшюм келиши **-ны, -ни** аффикслери ярдымы иле ифаделенир. Тенкъид этильген лехджеисинде исе **-ын, -ин, -ун, -ўн** ве **-нын, -нин, -нун, -нўн**. Месея: *йапрахларын* (*япракънынъ*)

Ашагъыдаки исе базы лексик диалектизмлернинъ маналарыны изаатлайыкъ.

Лексик хусусиетлери: *блен* (*бойле*), *аблай* (*бойле*), *нас* (*насыл*), *ан* (*эм*), *шинчик* (*шимди*), *ао* (*анавы*)

Ашагъыдаки исе Керменчик, Озенбаш лехчеилернинъ лексемаларыны эдебий тилимизде лексемаларнен олгъан фаркълылыкъларны джедвельде косьтерейик:

Керменчик	Озенбаш	Эдебий тиль	Терджиме
принч	принич	Пирнич	рис
козь	козь	Козь	глаз
хахач	хахач	Къакъач	вяленое мясо
сыйыр	тувар	Сыгъыр	корова, говядина
пукана	букана	Буюкана	бабушка
су	су	Сув	вода
ана	ана	Анна	мама
блен	буле	Бойле	так
пек	бек	Пек	очень
бар	вар	Бар	есть
балабан	буюк	буюк, балабан	большой
шинчик	шинди	Шимди	сейчас
дугуль	дегиль	Дегиль	отрицание
ахча	пара, акча	пара, акъча	деньги
сон	сон	Сонъ	потом
сандух	сандык	Сандыкъ	сундук
хороз	хорос	Хораз	петух
атэш	атеш	Атеш	огонь

абу	мынау	Мынавы	эти
чарых	чарык	Чарыкъ	чарыки
ший	шей	Шей	вещь, предмет
чинде	ичинде	Ичинде	внутри
балыхчы	балыкчы	балыкъчы	рыбак
йох	йок	Ёкъ	нет
эдлер	эдилер	Эдилер	были
маа	мана	Манъа	мне
саа	сана	Санъа	тебе
эв	эв	ЭВ	дом
окмек	отмек	Отъмек	хлеб
тау	дагъ	Дагъ	лес
Алла	Аллах	Аллах	Аллах
халх	халк	Халкъ	народ
буну	буну	Буны	это
хырх	кырк	Къыркъ	сорок
авлах	аулакка	авлаккъа	Место охоты
шийер	шэхэр	Шеэр	город
хонушу	комшу	Къомшу	сосед
озне	озуне	Озюне	себе
олса	олса	Олса	Если будет
баланы	баланы	Баланы	ребенка
барийляр	баралар	Баралар	идут
онын ичюн	онун учун	онынъ ичюн	поэтому
устундеки	устундеки	устюндеки	сверху
хысайахлы	амиле, хысаяк	къыскъаякълы	беременная
бакъа	бахты	Бакъа	смотрит
чокъ	чох	Чокъ	много
хатын	хары	Къадын	жена, женщина

арасында	арасында	Арасында	между
дэй	демиш	Дей	говорит
улан	огълан	Огълан	парень
ойле	буле	Бойле	такие
нас	насыл	Насыл	какой
эльва	эльва	эльва	халва
апкете	алып кете	алып кете	уносит
йымырта	йумурта	Йымырта	яйцо
хозлаан	хузулагъан	къозлагъан	которое снесли

Къырымтатар тилининъ шивелери муреккеп ве чешит-тюрлюдир. Бутюн бу шивелер бири-биринден ве къырымтатар эдебий тилинден фаркъланып, бир сыра фонетик, грамматик ве лексик хусусиетлеринен умумий бирлик тешкиль эте ве шу хусусиетлер иле башкъа тюркий тиллерден айырыла. Бойле этип, умумхалкъ къырымтатар тили эдебий тилимизни ве бутюн шивелерни бирлештире. Къырымтатар эдебий тилининъ темелинде орта ёлакъ шивеси къоюлгъандыр.

Ишимизге нетидже чыкъарыр экенмиз, ашагъыдакилерни къайд этмек мумкюн. Къырымтатар тилининъ шекиллениви муреккеп тарихий шараитлерде олып кечкендир. Онынъ агъыз ве шивелери фонетик тизимининъ озьлюгинен, морфологик шекиллерининъ чешитлигинен, лексик зенгинлигинен тек эдебий тильден дегиль де, бири-биринден де чокъ фаркъ этелер. Шу фаркъларны огренмек, бир тертипке кетирмек къырымтатар тилининъ шивелерини огренювде муим ве актуаль бир меселедир.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Баскаков, Н. А. К этимологии слова *oguz, oguz – qagan* / Н. А. Баскаков // Советская тюркология, 1982. – № 1. – С. 88–90.
2. Богородицкий, В. А. О крымско-татарском наречии / В. А. Богородицкий – Казань : Типолитограф. Император. Ун-та, 1903. – 23 с.
3. Берберова, Р. А. Некоторые особенности диалектов крымскотатарского языка / Р. А. Берберова // *Qasevet*. – 2005. – №31. – С. 20–21.
4. Изидинова, С. Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении / С. Р. Изидинова. – Москва, 1981. – 285 с.
5. Меметов, А. М. Источники формирования лексики крымскотатарского языка / А. М. Меметов. – Ташкент : Фан, 1988. – 112 с.
6. Меметов, А. М. Крымские татары (Историко-лингвистический очерк) / А. М. Меметов. – Симферополь : Ана юрт, 1993. – 54 с.
7. Меметов, А. М. Къырымтатар тилини огренюв тарихы ве онынъ вазифелери / А. М. Меметов // *Йылдыз*, 1988. – №6. – С. 134–143.
8. Меметов, А. М. Лексикология крымскотатарского языка. Учебное пособие. / А. М. Меметов. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2000. – 288 с.

9. Меджитова, Э. Н. Методы исследования крымскотатарских диалектов / Э. Н. Меметов // Учёные записки ТНУ. – Т. 18(57).3А. – Симферополь : Филология, 2005.

УДК 801. 62

СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ РОДСТВА, СВОЙСТВА И РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Т. И. Гаджиахмедов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских
языков, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала*

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение терминов родства и родственных отношений в диалектной системе кумыкского языка. Для достижения указанной цели используется описательный метод с применением приемов изучения фактического материала, интерпретации и классификации, обобщения и систематизации.

В результате исследования определено, что термины родства, свойства и родственных отношений в диалектной системе кумыкского языка имеют большое значение для обогащения лексики кумыкского литературного языка.

Ключевые слова: Тюркские языки, кумыкский язык, диалекты, говоры, термины родства, термины свойства, родственные отношения, семья.

Summary. The purpose of this article is to consider the terms of kinship and kinship relations in the dialect system of the Kumyk language. To achieve this goal, the descriptive method is used with the use of techniques for studying factual material, interpretation and classification, generalization and systematization.

As the result of the study, it was determined that the terms of kinship, properties and kinship relations in the dialect system of the Kumyk language are of great importance for enriching the vocabulary of the Kumyk literary language.

Key words: Turkic languages, Kumyk language, dialects, dialects, kinship terms, property terms, kinship relations, family.

С конструктивной точки зрения термины родства в диалектной системе кумыкского языка подразделяются на три категории: простые, составные и описательные.

К простым терминам относятся термины, представляющие собой самостоятельные слова, неразложимые на значимые компоненты: *ата* «отец», *ана* «мать», *улан* «мальчик», *къыз* «девушка», *агъа* «старший брат» ср. кайт. «улу къардаши», *эчюв* «тетя», кайт. подг. *баджув* «тетя», *эр* «мужчина», «муж», *къатын*, кайт. *къатун* «женщина», *гелин* «невеста», *къода*, подг. буйн. *къуда*, *къуда* «друзья и подруги невесты», *бажа* «свояк», *гиев* кайт. *гияв* «зять», *апай* «сестра», *агъа* «дед», *агъай* «дядя».

Следует отметить, что не все простые термины свойства одинаково употребительны в настоящее время. В диалектах языка элементарные термины

входят в активный словарь и употребляются чаще, нежели описательные термины.

Составные (описательные) термины существуют для обозначения более отдаленных степеней кровного родства. В диалектах кумыкского языка составные термины представлены сложными словами и словосочетаниями: кум. *улата* (*уллауата*) «дедушка», *улана* (*уллауана*) «бабушка», *къызардаш* «сестра», кайт. *къызкъардаш*, эркъардаш «брат», кайт. янг. отем. *къардаш*, *узукъари*, кайт. *уцукъар* «двоюродный брат или сестра», къариген, кайт. *къариган*, *къаригъан*) «троюродный брат».

В диалектной лексике кумыков отсутствуют термины, обозначающие внуков, племянников. Для обозначения этих понятий прибегают к описательной форме, аналогично многим тюркским языкам: *къардаш* - «брат» / лит. *эркъардаш*/; *къызкъардаш* - «сестра» / лит. *къызардаш* /; баласини *баласи* / *уланини яши* // *къызини яши* - «внук», «внучка», *къардашини*, *къызкъардашини яши* - «племянник», *эркегим*, *эркек* - «мужчина», «муж» - лит. *эргиши*, башл., тюм. *эркиши* // *киши*.

В подговорах и фольклоре жителей села Уллубийаул Карабудахкентского района сохранилось значительное количество архаичных терминов родства, представляющих значительный интерес для исторической лексикологии тюркских языков: *урлукъ* «род, потомство, племя, народ»; *табун* «род, село», *тайпа* «родство, потомки, родственники, род, племя», *аби ата* «отец», *уллата* «дедушка», *уллана* «бабушка», *гелив* «жена дяди», *энечи* «акушерка», *татывум* «свекровь» и т.д. Уллубийаульская основа *аба* (*ажа*, *аба*, *абай*, *абаиш*, *абав*) имеет следующие значения: а) старшая сестра; б) вежливое обращение младших к старшим - девушкам или женщинам; в) употребляется также с именами собственными - *Ариважа*, *Авай*, *Абай*, *Ажабийке*, *Ажа*, *Ажав*, *Ажаваба*. Ср. тел., шор. *аба* «отец», *улугаба* «дед», чаг. *аба* «предок», *абу* «батюшка», *абага* «старший брат», тат. *абый* «дядя» «обращение к старшему брату», каз. *апатай*, башк. *апай*, *амай*, *амал* «старший родственник (по отношению к младшим родственникам)», ср. янг. *амай* - обращение сестры к брату, в каякетском говоре так обращаются к старшему брату отца или матери: *агъа*, *агъам*, *агъай*, *агав*, *агъав*, *агаиш* полисемантический: а) компонент, который прибавляется после имени собственного со значением «господин»; б) хозяин, господин; в) зажиточный крестьянин; г) старший брат; д) обращение «брат»; е) исторический титул некоторых лиц. Данный термин лёг в основу ряда производных: *улагъам*, *гиччагъам*, ср. каз., кирг., коман., якут. *ага*, *ака*; узб. *ака*// *ога*; уйг., г.- алт. *ака*; туркм. *ага* «старший брат», якут. *ага* «старший годами», тур. *ага*, кум. *ага* «хозяин», «барин» [1]. *Эджи*, *эджей*, *джэджей* «мама», «тетя», «матушка», ср. янг. башл. каяк. *мамам*, *аджим*, *биджим*, *аям*, *халам* - обращение к матери; *папам*, *атам*, *адашим* - обращение к отцу; *дайи*, *дайим* - старший брат отца или матери; *баджи*, *баджим*, *баджуъв*, *аям*, *халам* - тетя [2, с. 56]. В диалектной системе кумыкского языка родственно-свойственные отношения выражаются специальными терминами или описательными формами. Это слова, выражающие эмоциональность, почтительное и ласкательное отношение в большинстве случаев оформляются аффиксом принадлежности первого лица.

Кроме терминов *адашим*, *амайим*, *джанкъардашим*, *къардашим* в диалектной системе кумыкского языка употребляются, кайт. *адашим*,

кърдашим, амайим; подг. – *жанамай, агъайим, амайым, инивюм, дайым, амалым, уллу амай, жанагъа*; буйн. – *уллу агъа, уллу агъасы, амай, уллу амай, агъа, агъай, уллу эркърдашым*; хас. – *амал, абув, абав, атав, уллу амай, жанамай, арив амай, къатты амай*; терск. – *агъа, вава, амалым, ханым, уллу эркърдашым*.

Младшего брата кумыки чаще всего называют по имени. Однако в некоторых диалектах кумыкского языка используется и ряд других терминов для обозначения младшего брата, ср., подг. – *инив, инис, гиччи амай*; буйн. – *инишка, гиччинав, гиччи амай, гиччи агъа, гиччи агъав*; хас. – *ини, гиччи амай*. Следует отметить, что термин *ини* не используется у южных кумыков.

В диалектной системе кумыкского языка не принято отличать бабушек по отцу и матери, но вместе с тем употребляются и описательные термины: *анамны анасы* «мать моей матери», *атамны (папамны) анасы (мамасы)* «мать моего отца». Но, тем не менее, вместо этих терминов в обиходе употребляются и такие слова, как: кайт. *аба, анам, абашка*. В некоторых диалектах кумыкского языка употребляется аналитический термин *уллу мама* (термин «мама» заимствован из русского языка). В буйнакском диалекте отклонения составляют термины: *ана, аба, абай, апай, ажай, халам, мамаша, биби, датий, уллу мама*; в хасавюртовском – *анав, аукав, ажай, тетей, дажий, уллу мама*; в подгорном – *аба, ажей, уллу анам, халай, ана, бажив*; в терском – *ана, анай, мамав, ава, бажу, бавау*. Кроме основного значения термин *аба* является формой и вежливого обращения к пожилой женщине.

Кроме того, совершенно необъяснимым остается значение слова *къайыната* – «свекровь», которое и является, по нашему мнению, главным в основе. Этот термин представлен далеко за пределами тюркских языков, что свидетельствует о его тюркском происхождении. Данная основа образована путем наращения аффикса *-ын* к термину родства – *абыз//абыс* «старший родственник по мужской и женской линии родства». Он же прослеживается в составе татарского *абзый* – «дядя», образованный от *абызый*. ср. ног. *абызый* [3]. Наращение к терминам родства по мужской линии уменьшительных аффиксов способствует переходу к термину по женской линии, например, *абыстай* – «тётя». В этой функции употреблялись аффиксы на *-ын, къатын* «женщина», *гелин* – «невеста», которая в дальнейшем была оглушена на *апсын*. Ср.: кум. *апсунлар*, кайт. *авсунлар* – «жёны братьев».

В диалектной системе кумыкского термин *ажай* «бабушка», «мать» встречается в ряде тюркских и алтайских языков. Ср. тат. *ажа* – «мать», *ажаха* – «матушка», кум. *ана* – «мать», кайт. башл. *аджим, виджим* – «мать», буйн. хас. *ажайым, ажай* «мама», «старшая тётя», кайт. тум. *аджайим* – «моя тётя».

Следует отметить, что не все простые термины свойства одинаково употребительны в настоящее время. В кумыкском языке элементарные термины входят в активный словарь и употребляются чаще, нежели описательные термины.

Составные (описательные) термины существуют для обозначения более отдаленных степеней кровного родства. В кумыкском языке составные термины представлены сложными словами и словосочетаниями: кум. *улата (уллуата)* «дедушка», *улана (уллуана)* «бабушка», *къызардаш* «сестра», *эркърдаш* «брат»,

узукъари (*уцукъар*) «двоюродный брат», *къариген* (диал. *къариган*, *къаригъан*) «троюродный брат».

Атасыны къызардашы, в диалектах кумыкского языка данный термин выражается описательно, ср. кайт. *атамни къызгъардаши*, «сестра моего отца», *атамни улу къызгъардаши* «старшая сестра моего отца», *атамни гичи къызгъардаши* «младшая сестра моего отца» или синтетическими терминами *адай*, *баджим*, *ажай*, *абам*, а также с учетом возраста: *адай*, *убу*, *эчи*, *эгечи*. Применяются также номинативные термины: *эгечи*, *адай*, *убу*, *аба*; посессивные: подг. *эгечим*, *эчим*, *адайым*, *убум*; собирательные формы: *эгечилеримиз*, ср. отем. *эгечиларимиз*, кайт. - *атамни къызгъардаши*, *баджув*, *адай*, *тетейим*, *бадим*, *баджим*; буйн. - *аба*, *халай*, *эчюв*, *апай*, *имей*, *бажса*; хас. - *бабюш*, *жажсай*, *ажай*, *хала*, *халашка*, *халайка*.

Об отношениях, основанных на браке – разговор особый. Супруги, как ни странно, родственниками не являются. Их связывает только брак, а никак не родство. Эта система отношений с давних времён строилась по принципу «свой – чужой»:

Къайыната – «тесть» – отец жены;

Къайынанана – «тёща» – мать жены;

Къайынулан – «деверь» – брат мужа;

Къайынкъыз – «золовка» – сестра мужа;

Таким образом, один и тот же человек приходится зятем тестю, тёще, шурина или свояченице. Зато свояченицы – это, вопреки логике, не жёны двух братьев, а жёны свояков, то есть сестра жены по отношению к мужу своей сестры.

В кумыкском языке есть слова, которые образовались путём прибавления к прилагательным *улуу* – «старший», *гиччи* – «младший» + существительное в именительном падеже:

улуу + ата = *улуата* – *улата* (*дедушка*, букв. *старший отец*);

улуу + ана = *улууана* – *улана* (*бабушка*, букв. *старшая мать*);

улуу + эчив = *улуэчив* – *уллэчив* (*старшая тётя*)

улуу + амай = *улууамай* – *улламай* (*старший брат*, по отношению сестре)

В диалектах кумыкского языка употребляются изафетные конструкции: *эркъардашыны къызы* – составной термин кумыкского языка, переводится дословно как «дочь брата», состоит из двух основ: *къыз*, *эркъардаш*. Слово *къыз* используется для обозначения дочери, оно также имеет значение «девочка». *Эркъардаш* используется для обозначения брата; это сложное слово, состоящее из двух основ: *эр* «мужчина, муж»; *къардаш* «родственник». В данном случае идет различение родства по мужской и женской линии; *къызардашыны къызы* «дочь сестры», *эркъардашыны къызы* «дочь брата».

Употребление слова *улан* в сочетании *эркъардашыны уланы* переводится «сын брата», в сочетании *къызардашыны уланы* переводится «сын сестры».

Кроме номинативной формы применяются репрезентивные формы: *гелинимиз* «наша невестка», *гелини* «их (его) невеста», *гелининг* «твоя невеста», *гелинларимиз*, кайт. отем. «наши невесты, невестки» и собирательно-репрезентативная форма: *гелинлер*, кайт., подг. – *гелинлар* «невесты, невестки». И первоначальный древнетюркский вариант *калин*, и более поздний вариант *гелин* образовано от глагола *гел* (*кел*) «приходи, приходить», и «примерно

соответствует по значению русскому слову «пришелец» в женском роде»

Термином, обозначающим и родственников мужа, и родственников жены, является *къайын*. Термин этот общий для всех тюркских народов. Данный термин можно брать за основу терминов по браку, то есть терминов

Таковыми конкретизирующими словами в кумыкском языке выступают термины родства: *ата, ана, агъа, уни, къыз, улан* и т.д.; *къайынана [къайнана]* – «свекровь» (мать мужа или жены), ср. с присущими только тув. *кунджю, кунчуг; къайыната [къайната]* – «свёкр» (отец мужа или жены) [2].

Список использованных источников

1. Цинциус, В. И. К этимологии алтайских терминов родства / В. И. Цинциус // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Ленинград : Наука, 1972. – с. 15–70.
2. Гаджихмедов, Т. И. Янгикентский говор кайтагского диалекта кумыкского языка / Т. И. Гаджихмедов. – Махачкала, 2006.
3. Махтиев, Х. А. Именное словообразование в кумыкском языке в сравнительно – историческом освещении / Х. А. Махтиев. – Махачкала, 2000. – 108 с.

УДК 811.512. 145:81`373.7

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОТОРЫХ НЕ СВЯЗАНО СО ЗНАЧЕНИЯМИ ЕЕ КОМПОНЕНТОВ

А. М. Куртсеитов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
крымскотатарской филологии Института филологии ФГАОУ ВО
«КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, РФ
e-mail: otarli@mail.ru*

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена фразеологическим единицам крымскотатарского языка, смысловое содержание которых не связано со значениями их компонентов. В ней также определен их удельный вес. Автор объясняет семантические изменения фразеологизмов, когда значения компонентов отличаются от общего значения фразеологизма. В статье обосновывается необходимость изучения внутренней формы фразеологизма для уяснения специфики фразеологического значения и путей его развития.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, фразеологический оборот, крымскотатарский фольклор, фразеологизм, идиома.

Summary. The proposed article is devoted to phraseological units of the Crimean Tatar language the semantic content of which is not related to the meanings of its components. It also defines their specific gravity. The author explains the semantic changes of phraseological units when the meanings of the components differ from the general meaning of the phraseological unit. The article substantiates the need to study the internal form of a phraseological unit in order to understand the specifics of phraseological meaning and the ways of its development.

Key words: Crimean Tatar language, phraseology, Crimean Tatar folklore, phraseological unit, idiom.

Постановка проблемы. В классифицированной схеме фразеологические единицы, смысловое содержание которых не связано со значениями их компонентов, названы фразеологическими сращениями. Мотивированность значения таких фразеологизмов в современном крымскотатарском языке может и не сохраниться.

Целью исследования является выявление фразеологических сращений крымскотатарского языка, которые характеризуются рядом особенностей. Во-первых, во фразеологических сращениях общее значение всего выражения не эквивалентно конкретному лексическому значению тех слов, которые входят во фразеологическую единицу. Например, в современном крымскотатарском языке имеются существительные *арслан* – лев и *юрек* – сердце, но ни одно из значений этих слов не имеет ничего общего со значением фразеологизма:

Арслан юрек – львиное сердце; очень храбрый человек.

Слова, входящие во фразеологические сращения, не имеют самостоятельного значения. В некоторых из них значение слов может быть вскрыто лишь в результате этимологического анализа. Но многие крымскотатарские фразеологизмы не имеют особых примет [4, с. 18]. Например: *Козь боямакъ* – закрашивать глаза; обманывать.

Бабам: – *ёкъ*, – *дий*, – *Сеит Бекир козь бояды*. (Э. Шемьи-заде) – Нет, сказал отец, – Сеит Бекир покрасил глаза (блефовал).

Козьлери дёрт олды – глаз четыре стало; устал ждать.

Къулакъ асмакъ – повесить уши; подслушивать.

Во-вторых, фразеологическим сращениям крымскотатарского языка характерна устойчивость, а именно:

1) нерасчленимость выражения:

Баши ясызы – запись на голове; судьба.

2) невозможность замены какого-либо компонента выражения другим словом. Например: *Тиши къайрамакъ* – зубы точить; иметь зло.

В этом фразеологизме ни одно слово невозможно заменить другим, так как компоненты семантически тесно связаны.

3) невозможность перестановки компонентов фразеологического оборота. Например: *Чул тутмай* – не держит тряпки; не стоящий.

Здесь нельзя переставить компоненты, так как теряется образное значение.

Эбет, о шаматаны Атай Ширинскийлер къонарса да, чул тутмады. (Р. Тынчеров) – Конечно, хотя это и затеяли Атай Ширинские, ничего не вышло.

В-третьих, для некоторых фразеологических сращений крымскотатарского языка характерна синтаксическая усеченность. Например:

Тавшан юрек – заячье сердце; трус.

Видимо, когда-то здесь употреблялось слово *адам* – человек.

Со временем, вследствие абстрагирования выраженных понятий это словосочетание стало употребляться без этого слова.

Перенос значений основывается на сходстве внешней формы, характерного признака предметов и явлений. Например:

Агъызы къулагъына ете – рот до ушей; обрадоваться.

Агъызы курекнен тешильген – рот лопатой продырявлен; болтун.

Эки козю дёрт олгъан – два глаза стали четырьмя; ждать с нетерпением.

Внутренняя форма может основываться на сходстве действия, но значение фразеологизма возникает на основе сильной гиперболизации данного образа:

Агъызынен къуш тута – ртом ловит птиц; ловкий.

К этой группе можно отнести фразеологизмы:

Агъызыны мыхкъа илемек – вешать рот на гвоздь; голодать.

Агъыз ичинде боткъа пиширмек – во рту кашу варить; говорить невнятно.

Значение фразеологизма основывается и на сходстве впечатлений, ощущений, возникающих от воздействия внешней среды и др.

Юн юттырмакъ – заставить глотать шерсть; пытаться.

Юрек табангъа кетти – сердце в пятки ушло; испугаться.

Атеш ютмакъ – глотать огонь; сильно переживать.

Юрекке туз сепмек – сыпать соль на сердце; причинить душевную боль.

Результаты предыдущих исследований показывают нам, что своеобразную группу фразеологических сращений составляют единицы, мотивированность значения которых не сохранилась, а внутренняя форма с точки зрения современного состояния языка не объяснима. Возникновение их, видимо, связано с какими-либо древними обрядами и обычаями. С первобытными формами верований, представлений связаны различного рода пожелания и запретные выражения: *Сачлары орюльсин* – пусть волосы сплетутся; соединиться навсегда. Это пожелание исходит из представления о силе волос.

К этому же типу относятся фразеологизмы, компоненты которых реализуют свое значение только в составе одной фразеологической единицы, то есть имеют фразеологически связанное значение. В современном крымскотатарском языке их не более двух-трех десятков. Обычно они имеют структуру: имя + глагол, наречие + глагол, причем именной компонент является либо заимствованным словом, либо устаревшим и как самостоятельная лексическая единица в языке сейчас не функционирует. А глагольный компонент выполняет лишь вспомогательную функцию, т.е. придает словосочетанию лексико-грамматическое значение действия, не связываясь ни с прямым, ни с переносным значением этого слова.

Ваз гечмек – отречься. *Лаф сатмакъ* – пустозвонить. Слова: *ваз* и *лаф* заимствованы из персидского языка. *Вуджудына сыгъдырмакъ* – справиться.

Слово *вуджуд* заимствовано из арабского языка.

Выводы. Таким образом, мы пришли к выводу, что для решений этой задачи необходимо из общей массы фразеологических единиц выделить те из них, в которых значение слов может быть вскрыто лишь в результате этимологического анализа.

Итак, в структуре многозначной единицы за каждым значением стоит своя внутренняя форма, которая может быть общей для ряда равноправных производных значений. Подобное же явление отмечается и в области значений полисемантических фразеологизмов.

В настоящей статье делается попытка уточнить понятие внутренней формы фразеологизма и рассмотреть ее отношение к функционирующему значению, возможности ее отстранения, отделения от реального значения и влияния на него. Особенности внутренней формы фразеологизма могут быть

выявлены лишь в сопоставлении со словом. В многочисленных толкованиях внутренней формы слова в крымскотатарском языке наблюдаются значительные расхождения.

Постепенное переосмысление словосочетания остается внешне невыраженным, если всем его стадиям соответствует один и тот же словесный комплекс. В этом случае нарушение семантического тождества знака не отражается на его форме. Лишь в соответствующих контекстах может быть обнаружена разная степень абстрагирования значения оборота в целом от конкретных значений компонентов в их отношениях.

Например: *О, ат туягы этмеген топракларгъа барып кельди.* –

Он побывал в дальних странах. (Он сходил туда, где не ступало копыто коня).

Список использованных источников

1. Абрамов, В. П. Созвездие слов. / В. П. Абрамов – Москва : Просвещение, 1989. – 157 с.
2. Балли, Ш. Французская стилистика ; пер. с франц. / Ш. Балли. – Москва : Иностр. литер. – 394 с.
3. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы. / Г. О. Винокур. – Москва : Высш. шк., 1991. – 448 с.
4. Куртсеитов, А. М. Учебно-методическое пособие : Происхождение и развитие фразеологизмов крымскотатарского языка. / А. М. Куртсеитов. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2007. – 28 с.
5. Малиборский, В. А. Религия / В. А. Малиборский // Крым: настоящее и будущее. – Симферополь : Таврия, 1995.

УДК 82.15. 512.145 (477.75)

БЕДИЙ ЭСЕРЛЕРНИНЪ ТЕРДЖИМЕ ЭТИЛЬМЕСИНДЕ СИНТАКТИК ТРАНСФОРМАЦИЯЛАР (Ш. Алядиннинъ «Иблиснинъ зияфетине давет» эсери узеринде)

Э. Ш. Меметова¹, Э. Р. Османова²,

¹заведующая кафедры крымскотатарской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²магистрант кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются грамматические трансформации, выделяются способы перевода крымскотатарских предложений на русский язык. В ходе исследования установлены такие способы перевода как: пословный перевод, замены, добавления, опущение информации и т.д. Отмечено, что в самостоятельной форме понятие «перевод» начинает использоваться во второй половине XX века., однако в деятельности человека переводоведение используется с незапамятных времён.

В работе использованы контекстуальный, сравнительно-сопоставительный методы, метод лингвистического описания, интерпретационный разбор.

Ключевые слова: перевод, крымскотатарский язык, русский язык, синтаксические трансформации, Шамиль Алядин.

Summary. The article deals with grammatical transformations, highlights ways of translating the Crimean Tatar sentences into Russian. In the course of the study, such methods of translation were established as: word-for-word translation, replacements, additions, omission of information, etc. It is noted that in an independent form the concept of "translation" begins to be used in the second half of the 20th century, however, the study of translation have been used in human activities since the time out of mind.

Contextual, comparative and comparative methods, the method of linguistic description, and interpretive analysis have been used in the work.

Key words: translation, the Crimean Tatar language, the Russian language, syntactic transformations, Shamil Alyadin.

Кириш. Бедий терджиме бир сыра алимлернинъ дикъкъатларыны джелъп эте. Шу мевзу боюнджа эсас ишлер Л. С. Бархударов [3], Е. В. Бреус [4], В. В. Виноградов [5], В. Н. Комиссаров [6], К. В. Кулемина [7], М. Ю. Новичихина [9], Я. И. Рецкер [10], В. В. Сдобников, О. В. Петрова [11], А. В. Федоров [12] тарафындан япылгъандыр.

Классик бедий эсерлер инсанларнынъ юксек ахлякый медениетини акс эттирилелер. Назм ве несир эсерлери бойле эсерлерге кирелер ве оларны терджиме этмек – буюк усталыкътыр. Терджиме вакъытында чешит усуллар ве трансформациялар къулланыла. Къырымтатар тилинде язылгъан бедий эсерлерни терджиме этильмесинде синтактик трансформациялар муим ерни алалар. Белли эдебий эрбабымыз Ш. Алядиннинъ «Иблиснинъ зияфетине давет» эсери узеринде шу трансформацияларнынъ хусусиетлерини бельгилемек **макъсат** оларакъ алдыкъ. Макъсадымызгъа иришмек ичюн, невбеттеки **вазифелерни** беджермек керектир:

- терджиме этильмеси акъта умумий малюмат бермек;
- бедий ве бедий олмагъан эсерлерининъ арасында фаркъларыны къайд этмек;
- терджиме этильмесинде къулланылгъан трансформациялар акъкъында малюмат бермек;
- синтактик трансформацияларгъа айыры эмиет берип, хусусиетлерини огренмек.

Ишимизде интерпретацион талиль, контекстуаль, тенъештирме-къыяслав киби **усулларыны** ве лингвистик тасвири **усулыны** къулландыкъ.

Терджиме – асыл нуханынъ башкъа тиль ярдымы иле яратылувы. Терджимелернинъ айры чешити – бедий терджимесидир. Бедий терджиме – терджименинъ ойле бир чешити ки, о, тек бедий эдебиятта укюмсюре. Бедий терджимелерде тек бир къаиде къулланылыр. Асыл, яни оригиналь нуханынъ рухуны акс эттирмектир. Бедий эсернинъ манасы тек сёзлернинъ догъру мантыкъ маналарында дегиль де, сёз бирикмелернинъ хусусиетлеринде, синтаксисте, услубинде сакълыдыр. Мындан ойле бир хусусиетлер чыкъар ки, бедий эсернинъ сёз терджимеси дос-догъру терджиме оларакъ сайылмаз.

Экинджи ден, бедий эсернинъ яхшы терджимеси озю-озюнден бедий эсер сырасына кече.

Назм эсерлерни исе белли бир къаиделерге бойсунып терджиме япалар. Мисаль оларакъ, эджаларнынъ сайысыны, сатырларнынъ колемини, сатырларнынъ къафиеленювини киби хусусиетлерини назарда туталар. Бутюн бу хусусиетлер терджиме япылган тильде де сакъланылмакъ керек. Шимдики кунде терджимелерден энъ муреккеп чешити – назм терджимеси сайыла. Мында эсернинъ услубини [8], яzydжынынъ фикирлерини, сатырларнынъ къафиелешювини бутюнлей сакъланып къалмасы мытлакъа козьде тутула. Назм терджимелер терджиманнынъ хусусий усталыгыны талап этелер. Умумен «терджиме» тюшонджеси мустакъиль шекильде ХХ асырнынъ экинджи ярысында, инсанларнынъ фаалиетинде исе эвель-эзельден къулланылып башлады.

Бедий эсерлер терджиме этильмесининъ хусусиетлерини бельгилемек ичюн, бу мевзу иле багълы терминлерни къайд этмек керек. Л. С. Бархаударовнынъ фикирине коре, терджиме – бир де бир тильде олган нутукъны, бутюнлей озь манасыны сакълап, башкъа бир тильге чевирилмеси демектир. Муэллиф къайд эте ки, эр анги бир метин терджиме этильгенде, онынъ базы бир инджеликleri джоюла. Бу себептен, мананынъ бутюнлей сакъланып кельмеси имкянсыз ола билер. Терджиманнынъ муим вазифелеринден бири-оригинал ве терджиме арасында мана месафесини энъ юксек дереджеде къыскартмакътыр [3, с. 10]. В. С. Виноградов метинлернинъ алты эсас чешитлерини къайд эте: нутукъ (язылы дегильде, лакъырды шекильде озь вазифелерини беджере); ресмий (бу метинлер сырасына девлет, сиясий, укъукъ ве дигер весикъалар кире); ичтимаий-информацион (радио, газета, интернет ве дигер васталар ярдымынен хабер беян этюв вазифесини беджере); ильмий (объектив ве исбатлы малюмат берген метинлер); бедий (бу категориягъа бутюн бедий жанрлары кире); диний (диннен багълы метинлер) [5, с. 15–16].

Бедий метинлернинъ терджиме этильмеси – бедий эсерлерининъ терджимесидир. Бедий эсернинъ вазифеси – эстетик джеэтинден окъуйыджыгъа тесир этмектир. Бойледже, къайд этмели ки, бедий эсерлерде эр анги бир фикир образ вастасынен мейдангъа келе. Муэллиф, окъуйыджынынъ чешит дуйгъулары пейда олсун деп, озь эсеринде бедий васталарынен сыкъ алларда къуллана. Иште бу бедий васталар, базы бир тиль инджеликleri, бундан гъайры, яzydжынынъ озюне аит язув хусусиетleri дигер тильге терджиме этюв процессинде къыйыныкълар чыкъара биле.

Бир де бир эсернинъ терджимеси оригинал метинге якъын олсун деп, терджиме трансформациялар мейдангъа келе. Терджиме трансформациясы – бир де бир эквивалент олмагъанда я да эквивалентнинъ толусынен мананы еткезип олмагъанда, ишлетильген терджиме вастадыр [9, с. 1]. Алимлер лексик, грамматик ве лексик-грамматик терджиме трансформацияларыны къайд эте. Лексик денъишмелер сырасына транслитерация, алынма, семантик денъишмелер кире. Грамматик трансформациялар – джумле теркибининъ денъишмеси. Лексик-грамматик трансформация – антонимик терджиме, тазминат, экспликация [9, с. 2].

Бойледже, синтактик трансформациялар грамматик денъишме сырасына кирип, терджиме этюв процессинде муим ер ала. Синтактик трансформацияларынынъ ашагъыдаки чешитлерини [3, с. 189–200] айырмагъа мумкюн:

– сѣзме-сѣз терджимеси – эм оригинал тилинде, эм терджиме этильген тильде параллель синтактик теркиби олса, о вакъыт бу чешит къулланыла. Мисаль: Сизе ким керек? [1, с. 24] – *Кто вам нужен?* [2, с. 164] *Мен тыраш олдым, йыкъандым* [1, с. 22]. – *Я побрился, умылся* [2, с. 162].

– джумле азаларынынъ денъишюви, меселя: *Вакъытнынъ тез кечип кеткенине языкъсындыммы?* [1, с. 23] – *Сожалея ли о том, что время быстро пролетело?* [2, с. 162] *Павел Тарасович къапунынъ тарс этип къапалгъаныны эшитип, башыны котерди* [1, с. 26]. – *Стук закрывшейся двери вынудил Павла Тарасовича поднять голову* [2, с. 165].

– сѣз сырасынынъ денъишюви, меселя: *Павел Тарасович меним не зенаат кишиси экенлигимнен меракъланды* [1, с. 26]. – *Павел Тарасович справился о моей профессии* [2, с. 165]. «Сулико» *гемиси скелеге акъырындан келип янашты* [1, с. 21]. – *Теплоход «Сулико» плавно причалил к пристани* [2, с. 161].

– джумлелернинъ бирлешмеси, меселя: *Къапулар устюндеки тюрлю языларгъа бакъа-бакъа кетейта эдим, огюмде хыналы сач, эсли къадын пейда олды. О коридорнынъ ахырындаки мердивенден юкъары котерильмек кереклигим хусусында тенбиледи* [1, с. 25]. – *И едва не столкнулся с пожилой женщиной с ярко крашенными хной волосами; она предупредила, что в конце коридора мне следует подняться по лестнице на второй этаж* [2, с. 164]. *Айттым мен. Ойле кой ёкъ...дедим. Киши инанмай* [1, с. 28]. – *Я сказал, что нет такой деревни, но товарищ не верит* [2, с. 166].

– джумледе къулланылгъан базы бир сѣзлерининъ тюшюрильмеси, меселя: *Экинджи къатта невбетчи енге меним одамны косътерди* [1, с. 22]. – *Дежурная по этажу провела меня в комнату* [2, с. 162].

– адий джумленинъ еринде муреккеп джумленинъ къулланылувы, меселя: *Эви еринде учь къатлы универмаг ясалгъан* [1, с. 23]. – *На том месте, где стоял его дом, сейчас построен трёхэтажный универмаг* [2, с. 162].

– муреккеп джумленинъ еринде адий джумленинъ къулланылувы, меселя: *Шабшалнынъ бу шубэли сѣзлери къулакъларыма ойле бешаретли олып кирдилер ки, иштмеген, англамагъан олып, чыкъып кеттим* [1, с. 30]. – *Я поскорее вышел из читального зала, притворяясь, будто не слышал последних слов Ильи Исааковича* [2, с. 168].

Бойлеликнен, невбеттеки нетиджелерни чыкъармакъ мумкюн: кырымтатар бедий эсер терджиме этильгенде, трансформациянынъ эр бир чешитини расткетирмеге мумкюн. Лякин синтактик трансформациялар бедий метин терджиме этильмесинде муим ер алгъанларыны къайд этмек керек.

Къулланылгъан эдебият

1. Алядин, Ш. Иблисининъ зияфетине давет : повесть ; ред. У. Эдемова ; рессам З. Трасинова / Ш. Алядин. – Ташкент : Эдебият ве санъат нешр., 1979. – 216 с.

2. Алядин, Ш. Теселли : повести ; пер. с крымскотат / Ш. Алядин. – Москва : Сов. писатель, 1985. – 368 с.

3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Бреус, Е. В. Теория и практика перевода с английского на русский. Ч. 1 : учеб. пособие / Е. В. Бреус. – Москва : Изд-во УРАО, 2001. – 104 с.
5. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
6. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЛКИ, 2007. – 165 с.
7. Кулемина, К. В. Основные виды переводческих трансформаций / К. В. Кулемина // Вестник Астраханского государственного технического университета, 2007. – С. 143–146.
8. Меметова, Э. Ш. Развитие стилей крымскотатарского языка / Э. Ш. Меметова // Научный вестник Крымаю – № 5 (10), 2017.
9. Новичихина, М. Ю. Особенности перевода художественных текстов в жанре научной фантастики (на материале произведений Р. Брэдбери «Марсианские хроники» и братьев Стругацких «Полдень, XXII век»). – URL: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports/3/novichikhina.pdf>. (дата обращения: 20.03.2022).
10. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода ; дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – 3-е изд. Стереотип / Я. И. Рецкер. – Москва : «Р. Валент», 2007. – 244 с.
11. Сдобников, В. В. Теория перевода. Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.
12. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода : (лингвистические проблемы) : для ин-тов и фак. иностр. яз. : учеб. пособие / А. В. Федоров. – 5-е изд. – Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ ; Москва : Филология ТРИ, 2002. – 304 с.

ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОЗЫ УРИЕ ЭДЕМОВОЙ

А. А. Джемилева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, e-mail: ayshe66-2008@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности художественного мира современного крымскотатарского прозаика Урие Эдемовой. Выявлено, что произведения автора реалистичны, её интересуют нравственные коллизии между мужчиной и женщиной, проблемы семьи, любви, взаимоотношения в рабочем коллективе. Проза У. Эдемовой национально-ориентированная, в произведениях чувствуются национальные истоки. Определена важнейшая тема творчества: судьба женщины, любовь, её жизнь в семье и вне семьи, роль женщины в обществе, соблюдение женщиной традиций и обычаев своего народа.

Ключевые слова: Урие Эдемова, художественный мир, крымскотатарская литература, проза, женщина, герой.

Summary. The article discusses the features of the artistic world of the modern Crimean Tatar prose writer Urie Edemova. It was revealed that the author's works are realistic, she is interested in moral conflicts between a man and a woman, family problems, love, relationships in the work team. The author's prose is nationally oriented, national origins are felt in the works. The most important theme of creativity is determined: the fate of a woman, love, her life in the family and outside the family, the role of a woman in society, the observance by a woman of the traditions and customs of her people.

Key words: Urie Edemova, artistic world, Crimean Tatar literature, prose, woman, hero.

Определяющей чертой крымскотатарской литературы на современном этапе является то, что наряду с поэтическими в ней сложились и успешно развиваются прозаические жанры. Крымскотатарский народ, его этнокультурное пространство фактически не имели сколько-нибудь достаточного времени для естественного, не отягощенного социальными катаклизмами, развития. Национальная литература была вынуждена решать прежде всего проблемы идеологические, затем – морально-нравственные, а в последние годы интересы авторов сосредоточились на вопросах сохранения, выживания этических комплексов этноса.

Цель и задачи работы – рассмотреть особенности художественного мира прозы Урие Эдемовой; проследить эволюцию творчества писательницы от малых эпических форм к средним.

Методика исследований: библиографический, сравнительно-сопоставительный, историко-литературный методы.

Слова "мир произведения", "художественный мир" и в литературоведении, и в критике часто используются как синонимы произведения в целом, творчества писателя, своеобразия того или иного жанра: мир "Войны и мира", мир Толстого, мир исторического романа, мир повести определённого автора и т.д. Более узкое значение мира – предметы, изображённые в произведении и образующие определённую систему. Под предметом имеется в виду "некоторая целостность, выделенная из мира объектов", независимо от того, материальна или идеальна их природа [2, с. 171]. Мир произведения представляет собой систему, так или иначе соотносимую с миром реальным: в него входят люди, с их внешними и внутренними (психологическими) особенностями, события, природа (живая и неживая), вещи, созданные человеком, в нём есть время и пространство. Не будучи собственно содержанием (идеей, концепцией) произведения, его мир в то же время – ведущая сторона художественного изображения, порождающая его целостность (условие эстетического переживания читателя) [2, с. 177].

Художественный мир прозы У. Эдемовой являет собой тесное взаимодействие национальных традиций и реалистических принципов воспроизведения действительности, обобщения национального, лирического в создании картины мира, концепции личности человека, его взаимоотношений с обществом. Поэт и переводчик А. Велиев пишет о том, что в советской литературе 60-х годов XX века фигурирует понятие «шестидесятники» и причисляет к ним Е. Евтушенко, Б. Окуджаву, Р. Рождественского, Б. Ахмадулину, А. Вознесенского, А. Дементьева и др. И в крымскотатарской литературе есть «шестидесятники», – продолжает свою мысль поэт. В 1957 году в Ташкенте издавалась газета «Ленин байрагы» – «Ленинское знамя» и были необходимы новые кадры. Пригласили выпускников Московского литературного института им. М. Горького Э. Умерова и Э. Амита, выпускников Самаркандского Института торговли Р. Фазыла, Б. Мамбета, выпускников Среднеазиатского госуниверситета А. Османова, С. Нагаева и студентку заочного отделения факультета журналистики названного университета У. Эдемову. Так, в крымскотатарскую литературу пришло молодое поколение. У. Эдемова – первая женщина-прозаик, которая утвердилась в литературе со своим мировоззрением и присущими ей способами изображения жизни [3, с. 120].

«Поколением страшного 1938-года» называет классик крымскотатарской литературы Шамиль Алядин поколение А. Османа, Э. Умерова, У. Эдемовой, Э. Амита [1, с. 125]. В своей книге «Юксек хызмет» Ш. Алядин с позиции учителя и наставника не критикует молодое поколение писателей, а по-доброму поучает и напутствует.

У. Эдемова родилась 23 апреля 1938 г. в с. Байдары Балаклавского района Крыма. В годы высылки семья оказалась в Сырдарьинском районе Узбекистана. После окончания школы в 1957 году поступила в Ташкентское медицинское училище, работала по специальности. Затем окончила факультет журналистики Ташкентского государственного университета. С 1965 года работала журналисткой в газете «Ленин байрагы», с 1971 года – редактором отдела

крымскотатарской литературы в государственном издательстве им. Г. Гуляма, позже, в 1987 году, возглавила отдел. В 1975 г. вступила в Союз писателей СССР. Урие Эдемова была одним из инициаторов открытия журнала «Йылдыз» и в период с 1976 по 1979 годы исполняла обязанности ответственного секретаря журнала. Вернувшись на родину в 1992 году, инициировала в издательстве «Таврия» в Симферополе открытие редакции крымскотатарской художественной литературы, которую и возглавила. Несколько лет преподавала на факультете крымскотатарской и турецкой филологии Крымского индустриально-педагогического университета. В 2017 году У. Эдемова возглавила Союз крымскотатарских писателей.

Литературная деятельность У. Эдемовой приходится на начало 1960-х годов. В 1963 году в газете «Ленин байрагы» был напечатан первый рассказ «**Къырмызы гуль**» – «**Красная роза**», который сразу понравился читателям. В то время молодому автору было 25 лет. Затем последовали рассказы «**Мектюп**» – «**Письмо**», «**Къара козьлер**» – «**Чёрные глаза**», «**Элем козьяшлары**» – «**Слёзы обиды**», «**Башымнынъ уджундасынъ, анайым**» – «**Ты у изголовья, мама**», «**Тарла севдасы**» – «**Влюблённая в поле**» и др. С каждым произведением перо молодой писательницы оттачивалось и совершенствовалось. У. Эдемова заявила о себе как активный, творческий прозаик. В 1970 году увидела свет первая книга рассказов «**Къырмызы гуль**» [3, с. 121].

У. Эдемова работала с известными писателями-прозаиками Ш. Алядином, Ю. Болатом, Р. Тынчеровым, А. Дерменджи, Р. Муратом, которые были для неё учителями, товарищами и наставниками. В результате неустанной и плодотворной работы в 1974 году выходит вторая книга «**Нишан юзюги**» – «**Обручальное кольцо**», которая состоит из повести и рассказов. Повесть о молодёжи, их жизненных установках, о любви и проблемах. Главное место в сборнике отведено женским образам, которые выписаны автором с большим мастерством, искренностью и любовью. Как справедливо отмечает Ф. Сеферова, «У каждого мастера слова есть своя главная тема, к которой постоянно возвращается писатель. Такой единственной, но самой важной стала для Урие Эдемовой тема женщины, матери» [4, с. 150].

В 1977 году выходит повесть «**Омюрлик янымдасынъ**» – «**Всегда со мною**». В произведении повествуется о жизни работников торговой сферы, взаимоотношениях в коллективе, любви, дружбе, семейном счастье. Ш. Алядин писал: «Повесть У. Эдемовой явилась новаторской не только в крымскотатарской литературе, но и в литературном мире. Автору удалось показать, что не профессия красит человека, а человек своим трудом достигает успехов в выбранной профессии» [1]. Это была высокая оценка именитым мастером художественного слова творчества молодой писательницы. После издания повесть получила широкий отклик в виде критических статей, рекомендаций и пожеланий. Учитывая всё это, У. Эдемова изменила финал, добавила эпилог и в 1985 году повесть получила новую жизнь под названием «**Юрек атешинъ**» – «**Пламя души**» в одноимённой книге. В сборник вошла и новая повесть «**Баш язысы**» – «**Судьба**». В 1977 году за произведения «**Къырмызы гуль**» и «**Нишан юзюги**» У. Эдемова была удостоена премии Ленинского комсомола Узбекистана.

В 2005 году в результате многолетнего кропотливого труда автор презентовала читателям необыкновенный по художественной силе и охвату драматических событий в жизни народа – роман «Айдын геджеде» – «*В лунную ночь*». По замыслу автора – это извечный конфликт Добра и Зла, когда дарованный миру новый и светлый день можно злобой и ненавистью, уверенностью в своей непререкаемой власти, обернуть в черную и страшную трагедию, несущую народу смерть, боль и страдания. На примере судьбы простой и в то же время удивительной женщины, героини романа «Айдын геджеде», правдиво и остро предстаёт судьба народа, пережившего ужасы того страшного дня 18 мая 1944 года [6].

Необходимо отметить, что в современной крымскотатарской литературе У. Эдемова отчетливо выделяется не только оригинальностью и актуальностью тем, нравственной проблематикой и мастерством, но и разнообразием литературных жанров, составивших ее наследие. Проза У. Эдемовой реалистична, её интересуют нравственные коллизии между мужчиной и женщиной, проблемы семьи, любви, взаимоотношения в рабочем коллективе.

Своим творчеством первая женщина-романист внесла большой вклад в развитие крымскотатарской прозы послевоенного периода. Создавая рассказы и повести, написанные в духе времени, отражающие актуальные проблемы современности, писательница открыла для крымскотатарского читателя образ женщины-труженицы, женщины-супруги, женщины-хранительницы семейного очага. Литературоведы отмечают мастерство У. Эдемовой в изображении женских образов в современной крымскотатарской литературе [5, с. 455]. В произведениях автора показана жизнь современников, стремление к труду, преданность человека выбранной профессии, сила материнской любви, борьба добра со злом, любовь и семейные взаимоотношения. Настоящий мастер художественного слова У. Эдемова живёт жизнью своего каждого героя, их чаяниями и стремлениями и отражает в своих произведениях тончайшие проявления человеческой психики.

Проза У. Эдемовой национально-ориентированная, в каждом произведении чувствуются национальные истоки. В повестях определилась важнейшая тема всего её творчества: судьба женщины, любовь, ее жизнь в семье и вне семьи, роль женщины в обществе, соблюдение женщиной традиций и обычаев своего народа. Писательница создаёт в своих произведениях модель женского мира.

Мир У. Эдемовой – это мир женщин, с их чаяниями, желаниями, стремлениями, проблемами. Благодаря силе и художественному чутью, необыкновенному таланту писательницы в изображении героев преобладают жизнеутверждающие мотивы. Отсюда – ощущение внутренней красоты и гармоничности художественного мира, женского мира. Герои Эдемовой удивительно чисты и благородны, их речь проста и вместе с тем красива, так как передает мысли, содержащие “вечные” истины – о силе добра, о женской силе. Читатель ясно представляет себе цель автора – обратить внимание на крымскотатарскую женщину, на её характер, душу, чувства. Вера героев во Всевышнего и безграничная любовь к родине, к родным людям присутствуют почти в каждом произведении.

В художественном мире прозы У. Эдемовой женщина показана как хранительница традиций, семейного очага, заботливая и любящая мать, верная жена. Ей свойственна душевная мягкость и нравственная чистота, уважение и доверие к людям, искренность, трудолюбие. Оказавшись в ситуации выбора, она остается верна своим моральным убеждениям, нравственно-этическим и эстетическим принципам.

Список использованных источников

1. Алядин, Ш. Эдип. / Ш. Алядин // Йылдыз. – 1988. – № 4. – С. 125–126.
2. Чернец, Л. В. Введение в литературоведение : [учеб. пособие] / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; под ред. Л. В. Чернец. – Москва : Высш. шк., 2004. – 680 с.
3. Велиев, А. «АЛТМЫШЫНДЖЫЛАР» ДАН БИРИСИ (Языджи Урие Эдемованынь 75 йыллыгы мунасебетинен) . – С. 120–123 // Велиев А. Сайлама эсерлер : Эки джылтыкъ сайлама эсерлер топламы. Дж. II: Эдебий левхалар. – Симферополь : КъДж ДММ «И. Гаспринский адына медиамеркез», 2019. – 288 с.
4. Сеферова, Ф. А. Этические идеалы крымскотатарской прозы 60-80 гг. XX века : монография / Ф. А. Сеферова. – Симферополь : "ДОЛЯ". – 208 с.
5. Фазылов, Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар / Р. Фазылов, С. Нагаев. – Симферополь : Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
6. Чилингинова, Г. Урие Эдемова : Литература, остро передающая мысли, чувства и дух времени, востребована всегда. Первой крымскотатарской женщине-романисту - 80 / Г. Чилингинова // Голос Крыма. – 2018. – 4 мая. – с. 1,4.

УДК 821. 512.145. «19»: (17+111.852)

К ВОПРОСУ ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПОЛОТЕН ШАМИЛЯ АЛЯДИНА ШАМИЛЬ АЛЯДИННИНЪ НЕСИР СААСЫНДАКИ ИЛЬК ТЕДЖРИБЕСИНЕ БИР НАЗАР

Ш. Э. Юнусов,

кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье анализируется написанная накануне войны, но в силу объективных причин не ставшая предметом литературоведческого внимания повесть «Мердивен» («Лестница») названного писателя. В этом контексте сделана попытка определить место указанного произведения в истории крымскотатарской литературы. Акцентированы вопросы проблематики, взаимоотношения героев и авторского отношения к рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: специфика, заглавие, портрет, концепция, символ.

Summary. The article analyzes the novel "Ladder" by the named writer, written on the eve of the war, but, for objective reasons, which did not become the subject of literary attention. In this context, an attempt is made to determine the place of the named work in the history of Crimean Tatar literature. The issues of the problematics, the relationship of the characters and the author's attitude to the problem under consideration are emphasized.

Key words: specifics, title, portrait, concept, symbol.

Ишнинъ актуаллиги. Миллий назмиетимиз саасында бедий мергинлигини исбатлап олгъан Шамиль Алядин артыкъ онынъ эсас ёлу несирнен багълы оладжагъыны анълагъан олса керек, даа яшча иджаткяр олгъанына бакъмадан (о, 1912 с. догъа), отузынджы сенелернинъ ортасындан башлап, башта озюнинъ осюв басамакъларыны косътериджи, сонъра исе салмакълылыгъы ве бедий сёзге усталыгъы джеэтинден айрылып тургъан эсерлерини ярата. Бу сырада «Мердивен» повестининъ огренильмеси буюк яызджымызнынъ миллий эдебиятымызнынъ илерилемесине къошкъан иссесини текмиллемеге ярдым этеджектир.

Теткъикъат объекти оларакъ макъалеледе Шамиль Алядиннинъ дженктен эсель басылгъан «Мердивен» повести теткъикъ этилип, онда муэллифнинъ дюньябакъышы, къараманларгъа мунасебети, бедий усталыгъы киби меселелер бакъыла. Теткъикъатнынъ **формаль** ве **герменевтик усуллары** анъылгъан иджаткярларнынъ бедий мирасынынъ хусусий тарафларыны косътермеге ярдым этер.

Иште, къайд эткенимиз киби, 1935-40 сенелери Шамиль Алядиннинъ «Геджелев» икяеси, «Сенсинъми, огълум?», «Мердивен», «Шаланда» повестьлери пейда ола. 1927 с. басылгъан «Танъ бульбули» шииринден сонъ кечкен тахминен 8 йыллыкъ бир заман анъылгъан иджаткярнынъ бедий теджрибеси тез оськени ве кенишлегенини косътере. Шимди дикъкъатымызны чекеяткъан «Мердивен» (1940 с.) эсерининъ оригиналлиги шунда ки, отузынджы сенелернинъ сонъунда язылгъанына бакъмадан, онда сиясетке мейиль ёкъ дереджесинде. Олса биле, онунджы ерде турса керек. Бу девирде яратылгъан бир чокъ эсерлерден фаркълы оларакъ мында сынфий куреш, схемаджылыкъ ве шиарджылыкъ къаиделери эсас тутулмагъан. Эсерде объектив аят тюсюне мейиль бериле. Айны заманда бу повесть дженктен эвель язылгъан самимий, пак севги акъкъындаки сийрек эсерлерден бири олса керек.

Шамиль Алядиннинъ серлеваны мергин къоймагъа бильген истидаты бар. Бу кересинде дикъкъат йиплери мердивен темсилине багъланып, онъа минген адамнынъ тюшмеси бар олгъаны ургъулана. Бунынъ ичюн муэллиф Абибулланы кезиндирип, яни джиан эдебиятында кениш таркъалып, миллий эдебиятымызда да (И. Гаспринскийнинъ Молла Аббасы, А. Ильминининъ Сюндю си, Ы. Къадырнынъ Исмаили, Т. Халиловнынъ Сервери ве ил.) ер алгъан сеят усулыны къулланып, кене Багъчасарайгъа къайтара. Амма «Мердивен» де къараман сеяатынынъ тавсиятлары дегиль де, арадан еди йыл кечкен сонъ онынъ не дередже денъишкени муимдир. Затен сеят усулыны Шамиль Алядин бир сыра эсерлеринде къулангъаныны коръмемиз мумкюн. Месея, онынъ «Чорачыкълар» повестиндеки Абдурешид Селяметов сабыкъ талebesини ёкъламакъ ичюн арадан алтмыш йыл кечкен сонъ та Андиджандан Ташкент дживарындаки Дуръменге келип чыкъа [1, с. 405–406]; «Иблисининъ зияфетине

давет» теки У. Ш. Тохтаргъазыны биз Багъчасарай, Къарасувбазар, Кефе тарафларында коремиз [1, с. 239–401]. Тамам бу, сеят мисалини анъылгъан яzydжы озюнинъ несирдеки ильк теджрибеси олгъан «Сенсинъми, огълум?» (1935 с.) повестинде де къулангъан [2, с. 40–59]. Бу эсернинъ меркезинде тургъан Леониднинъ Чырчыкъ къуруджылыгына келип тюшместен эвель нелер ве насыл ёллардан кечкени тасвирлене. Яzydжынынъ несирдеки ильк теджрибеси черчивесинде къайд этиледжек шей бар исе, о да шудыр: фикиримиздже, сонъки эсери жанрынджа повесть ве икяе арасында къалгъан, чюнки иджаткяр оны керегиндже даа пиширип оламагъан, ве Леониднинъ табияты не къадар денъишкенини биз корип оламаймыз. Яни бу къараманнынъ осьмюрлик девире ве бу къуруджылыкътаки вакъты арасындаки йыллар тавсиляттан бираз аджиз олып чыкъкъан. Бир китабында окъуйыджысына мураджаат этерек, Шамиль Алядин «...нефисликке кельгенде, о бутюн жанрларда муэлифнинъ къабилиети иле ольчениле» деп яза [2, с. 4]. Бу къайдени темель туткъан иджаткяр илеридеки яратыджылыгына даа джиддийдже янашаджакътыр.

Макъалемизнинъ объектине къайтар экенмиз, эсернинъ меркезинде Абибулла Девлетов ве Лейлянынъ образлары турып, Бекир ве Усниенинъ образлары буларнынъ табиятлары ве аркетлерини тамамлагъанларыны къайд этейик. Эбедий эсерлер сырасына кирсетилмеге ляйыкъ олгъан бу повесть романлы проблематикалы [3, с. 48–52] эсердир. Бу тюр проблематикада, А. Б. Есиннинъ изаатынджа, муэлиф инсан шахсиетинен, онынъ джемиетте денъишмесинен, яни динамиканен меракъланмасы ер ала экен. Бунынъ саесинде Абибулланынъ не дередже денъишкени меселеси ильк планга чыкъа. Анълашыла, о, Усние ве Лейлягъа нисбетен япкъан аркетлеринден азапланмайып, осюв мердивенинден энип кеткенине яныкълай. Бу ерде чингене къартийнинъ «олар джанбазлыкъта пек намлы» деген сёзлери Абибулланынъ ахлякый тюсюни косьтере. Албуки, Абибулла ийлекярлыгынен белли сюляледен экен, чиркин къылыкълар, къурназлыкъ ве киббарлыкъ онынъ къанына синъген. Сув башына баргъанларында, Лейля онынъ табиятыны огренгенде, аркетлеринде кене шу «къабалыкъ, низамсызлыкъ окъуй».

Абибулланынъ яланджы дюльберлигине алданып, Бекирден де узакълашкъан Лейлягъа языкъ. Амма бу къыз самимий дуйгъулар пешинден кетсе де, керек олгъанда токътамагъа озюнде кучъ тапа: Абибулланынъ Усниеге къатнагъаныны билип къалгъан сонъ артыкъ эвельки дуйгъулардан эсер биле къалмай.

Иште, муэлиф баш къараманыны севги сынавындан кечире. Повестьнинъ башындаки озюне токъ Абибулла эсернинъ сонъунда тюшкюн бир кейф ичинде кене Къырымны терк этип кетмекте. Ким бильсин, янъы ерге барып чыкъкъан сонъ о, бу «саифесини къапатып», адетке кирген аркетлерине кене башлар. Бу ери муэлифнинъ бизни тенбиелемесидир ки, мында илериде «тиллерде дестан» олып къалмамакъ ичюн инсан огълу инсан огюне-артына бакъып адым атмалы деген концепция огге сюрюле. Эбет, Абибулла да инсан. Онынъ Лейля ве Усниеге даир дуйгъулары эсерде пек назик ве объектив тасвирлене, амма Лейляны сайлап алгъан сонъ, гизли сюретте Усниенен тутушмасы окъуйыджынынъ нефретини къозгъай. Албуки, инсаннынъ къанында бар олса, бу чиркин табият хусусиетлери эп туртып тураджагынынъ ихтималы бардыр

хулясасына келине мында. Такъдири Абибулланы ойле бир джезалай ки, Къырымны текрар терк этеяткъанда, эвельки «гъурур ве севинчтен бир эсер къалмагъаныны», «сеадет мердивени бою буюк джесаретнен котерильмекте экен, такъдир оны ёлундан сыптыргъаныны» тюшюне.

Теткъикъат нетиджелери. Макъалемизде къайд этильген аллар шимдиликче аныылгъан повесть узериндеки ильк теджрибемиздир. Онынъ илериде бираз кенишче бакъылмасы языджынынъ бедий яратыджылыкъ саасында эльде эткен усталыгъыны ачмакъ огърундаки бильгимизни кенишлетеджектир. Амма шимдики синчиклеп бакъмамыз биле Шамиль Алядиннинъ артыкъ дженктен эвель миллий несиримизге дегерли иссе къошып етиштиргенининъ инкяр этильмейджек исбатыдыр. Албуки, муэллиф «Мердивен» повестинде о заман кениш таркъалгъан схемаджылыкъ ве шиарджылыкъ аныанесинден четлешип, пак севги ве оны таптав киби зыддиетли дуйгъуларны гъает назик косътерип олгъан.

Къулланылгъан эдебиятнынъ джедвели

1. Алядин, Ш. Чорачыкълар. Сайлама эсерлер / Ш. Алядин. – Ташкент, 1987. – 560 с.
2. Алядин, Ш. Ер делиджилер / Ш. Алядин. – Ташкент, 1991. – 224 с.
3. Алядин, Ш. Сайлама эсерлер / Ш. Алядин. – Симферополь : И. Гаспринский адына Медиамеркез, 2020. – Т. 1. – 348 с.
3. Есин, А. Б. Принципы анализа литературного произведения. Учебное пособие / А. Б. Есин. – Москва : «Флинта», 1999. – 248 с.

УДК 821. 512.145. «19»: (17+111.852)

ДОМИНАНТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ ЭДЕБИЯТШЫНАСЛЫКЪ МИРАСЫНЫНЪ ЭСАС НОКЪТАЛАРЫ

Ш. Э. Юнусов¹, Г. М. Канар²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²магистр кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье анализируется доклад известного учёного-тюрколога Бекира Чобан-заде «Новейший период крымскотатарской литературы. Критические этюды», зачитанного в 1927 г. на заседании Союза крымскотатарских писателей, который, спустя год, был издан в Симферополе отдельной книгой. Эту работу отличают незаурядность, где переплетаются вопросы литературной теории, истории литературы и критики, в контексте которого наиболее интересной и актуальной представляется проблема художественной формы и содержания в индивидуально-авторском ключе.

Ключевые слова: доклад, крымскотатарская поэзия, стиль, периодизация, критика.

Summary. famous scientist-Turkologist Bekir Choban-zade "The newest period of Crimean Tatar literature. Critical Studies", read out in 1927 at a meeting of the Union of Crimean Tatar Writers, which, a year later, was published in Simferopol in the form of a separate book. This work is distinguished by its originality, where the issues of literary theory, literary history and criticism are intertwined, in the context of which the problem of artistic form and content in an individual author's key is the most interesting and relevant.

Key words: report, Crimean Tatar poetry, style, periodization, criticism.

Ишнинь актуаллиги. XX асырнынъ йигирминджи сенелери миллий эдебиятымызда фааль юкселюв юзь берип, бу аркетченлик ичтимаий-медений яшайышымызнынъ эр бир саасында – матбуатта, бедий эдебиятта, театримизнинъ ишинде, этнография экспедицияларында, музейлер инкишафында, шу джумледен эдебий тенкьитте сезиле. Бу девирде Асан Сабри Айвазов, Мамут Недим, Умер Ипчи, Осман Акьчокьракьлы, Джелял Меинов, Абдулла Лятиф-заде киби белли сымаларнынъ макьаллери куньделик матбуат саифелеринде ськь-ськь корюнген. Басылган шейлерде кунь тертиби ичюн муим меселелер музакере этильген ки, олардан бир чокьлары бугуньгедже эмиетлидир. Адлары кечкен муэллифлернинъ эксериети дюньянынъ тюрлю кошелеринде тасиль корип, анда кьазанган билъги ве теджрибелерини сонъра кенди халкьынынъ менфааты огьрунда кьуланганлар. Бу сырада Бекир Чобан-заденинъ эдебиятшынаслыкь мирасы айрыджа ер тутта.

Теткьикьат объекти оларакь макьаледе эсасен Бекир Чобан-заденинъ «Сонъ девир кьырымтатар эдебияты. Тенкьид теджрибелери» марузасына дикькьат этилип, мында шимдиликче факьат XX асырнынъ йигирминдже сенелериндеки назмиетимизнинъ илерилевине эмиет бериле ве алимнинъ онъа даир фикирлери козьден кечириле, яни несирге аит ерлери атланып кечиле. Теткьикьатта кьуланьылган **формаль, кьыясий-тарихий** ве **герменевтик усуллар** аньылган марузанынъ индже тарафларыны даа яхшыджа анъламагьа ярдым эте.

Бекир Чобан-заденинъ «Кьырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври. Тенкьид теджрибелери» [1] марузасынынъ миллий эдебиятшынаслыгьымызда айрыджа ери бардыр. Бу иш озюнинъ тавсиятлылыгьынен айырылып турса да, муэллиф мында миллий эдебиятымыз илерилемесининъ эписи шекиль ве девирлерини терен талиль этиювге дегиль де, о ялынъыз илеридеки миллий эдебият тарихчысына бираз ярдым этиювге догьрултылгьаныны кьайд эте. Албуки, кьырымтатар шириетининъ 1922-1927 сенелердеки процессине Б. Чобан-заде ичтимаий-сиясий ве икътисадий нокьтай-назалардан янаша. Оннынъ дикькьатыны миллий эдебият инкишаф этмесининъ ич ве тыш себеплери, девирнинъ зьддиетли аллары чеке. Бундан да гьайры Б. Чобан-заде умумназарий меселелерни де тийип кече. Булар арасында агьыз яратыджылыгьынынъ язылы эдебиятка тесири, шу девирде эдебий джерьянларнынъ мевджутлыгьы, миллий шаирлернинъ иджадында мевзуат ве услюп инджеликлери, мундеридже ве бедий шекильнинъ бири-бирине уьмасы, ширий эсерлернинъ техник тарафлары киби меселелер назардан кечириле.

Йигирминджи сенелер шириетининъ бедий хусусиетлерине тенкъидий козьнен бакъып, Б. Чобан-заде шаирлернинъ иджадий озьгюнликлерининъ Къырым ве дигер тюркий тилли джумхуриетлердеки вазиятини бир системагъа чекмеге ынтыла. Бу сырада эдебиятшынас бири-бирининъкине бенъзеген услубий ве гъаевий-бедий ёнелишлерни ургъулаяракъ, конкрет мисаллер кетире.

Иште, Бекир Чобан-заденинъ къайд этильген марузасында козьден кечирильген меселелер йигирминджи сенелер къырымтатар эдебияты инкишафынынъ умумий тасавурыны коръмеге ярдым эте [3. с. 6-10]. Менбашынаслыкъ джеэтинден бу къыйметли иште анъылгъан девирде иджат эткен миллий сёз усталарынынъ метин ве бедиятининъ тенкъидий талилине киришилгенини къайд этмекле берабер айны заманда мында бир сыра меселелерге эдебиятшынас факъат токъунып кечкенини де эсапкъа алмалымыз. Мында къырымтатар эдебиятынынъ 1922-1927 сенелерине аит адиселер талиль этильген киби олса да, аслында 1920-инджи сенелернинъ экинджи ярысындаки шириетнинъ вазияти козьден кечириле. Ве бу ерде о, шимдиликче ширий истидаты пек къамиллешмеген Зиядин Джавтобели, Керим Джаманакълы, Эшреф Шемъи-заде ве генч несильнинъ дигер векиллерининъ эдебий хусусиетлерини талиль эте. Амма бу сырада, меселя, «джигитизм» ве «пролетар шаирлер» векиллери арасындаки варислик меселеси дикъкъаткъа алынмай. Бундан да гъайры «койлю шаирлер» иджадынынъ хусусий тарафлары айдын косьтерильмеген.

Бу марузасындан фаркълы оларакъ 1929 с. Бакуда нешир этильген «Къырымтатар эдебиятында къурултайджылыкъ ве миллетчилик» рисалесинде муэллиф дюньябакъышыны «денъиштире», чюнки бу иш девлетнинъ тевсиелери алтында вуджукъа кетирильген вульгар социологизм бакъышларына мейиль бергенлернинъ сиясий баскъысы нетиджесинде пейда олгъандыр. Мезкюр ишинде Бекир Чобан-заде «эдебий миллетчиликнинъ» инкишафыны учъ девирге болип, биринджисини 1917 сенесине къадар, экинджисини Къурултай деври, учюнджисини исе советлер акимиети заманына аит эте ве оларгъа изаат бере. Мында алим «эдебий миллетчилер» сырасына озюни де къошып, артыкъ эвельки бакъышларындан узакълашкъаныны бильдире [2, с. 10-11]. Энди о, А. Гирайбай ве Ш. Бекторе киби шаирлерден нефретленип, кесен-кес Октябрь ёлуна кечкенине ишандыра.

Бекир Чобан-заденинъ сонъки иши объективликтен узакъ олса да, «Сонъ девир къырымтатар эдебияты. Тенкъид теджрибелери» марузасы озюнинъ актуаллиги ве девир ичюн муимлигинен айрылып тура, чюнки онынъ муэллифи иджат саасында эм аз-бучукъ теджрибе къазангъан, эм эдебият алемине энди-энди адым атып башлагъан генч иджаткярларгъа эм лексика, эм дюньябакъыш, эм лирик къараманнынъ дуйгъуларыны ифаде этмек узеринде джиддий тевсиелер берип, базы бир хаталарына дикъкъат эттире. Бойле этип анъылгъан эдебиятшынас бизим де эдебий тенкъит саасындаки теджрибемизни арттырмагъа ярдым эте ве 1920-инджи сенелернинъ шириетине аит меселелернинъ илериде талильге мухтадж ерлерини ургъулап ала.

Теткъикъат нетиджелери. Кечкен асырнынъ ильк ярысында тюркий ве миллий тильшынаслыкъ, бедий эдебият ве эдебиятшынаслыгъымыз инкишафына дегерли иссе къошкъан Бекир Чобан-заденинъ ишлери аля даа

озюнинъ салмакълылыгыны джоймагъандыр. Бу сырада онынъ девир тенденцияларынынъ тазыйыгы алтында язылган «Къырымтатар эдебиятында къурултайджылыкъ ве миллетчиликъ» рисалеси истиснадыр, чюнки онынъ объектив адиселерден алып береджеги ёкъ. Амма ишимизде талиль этильген «Сонъ девир...» марузасы кечкен асырнынъ башларында бедий иджат саасында ер алган бир сыра адиселерни анъламагъа ярдым эте. Тенкъитчи шу йыллары эдебий джерьянларнынъ мевджутлыгы, мевзуат, услуп, мундеридже ве бедий шекиль, ширий техника меселелерини кунъ тертибине къоя. Айны заманда бир сыра меселелер я факъат къайд этиле, я умумен атланып кечиле (кой шаирлерининъ спецификасы, эдебий варисликъ киби). Шунунъ ичюн бугуньки мевзумызнынъ эсас объекти олган марузанынъ дегерли тарафы шунда ки, йигирминджи сенелер эдебияты ичюн муим олган проблемаларгъа эмиет бермекнен бир сырада эдебиятшынас илериде бу мевзунен огърашаджакъ теткъикъатчыларгъа онынъ даа огрениледжек ерлерини косьтерип кече.

Къулланылган эдебиятнынъ джедвели

1. Чобан-заде Б. Крымскотатарская литература новейшего периода. Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври / Б. Чобан-заде. – Симферополь: Издательство «Доля», 2003. – 126 с.

2. Юнусов, Ш.Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века: традиционное мировоззрение и меняющийся мир / Ш.Э. Юнусов. – Симферополь: Издательство «Доля», 2004. – 168 с.

3. Юнусов, Ш.Э. Эдебиятшынаслыкъ ве медений аят / Ш.Э. Юнусов. – Симферополь, 2021. – 272 с.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С
МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ И
СОВРЕМЕННОСТЬ»

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'44

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В. ДАЛЯ)

Э. С. Марченко,

*Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Институт филологии,
кафедра русского и общего языкознания,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, лежащих на стыке лексикологии, словообразования и фразеологии, производным словам русского языка с фразеологической семантикой. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отражена богатая культурологическая информация о культуре народа определённого временного периода. Цель исследования заключается в изучении особенностей мотивации производных слов с фразеологической семантикой, зафиксированных в Словаре В. И. Даля.

Ключевые слова: отфразеологический дериват, способ толкования, синонимический ряд, слово с фразеологической семантикой.

Summary. The research is aimed to study the problems, lying at the junction of lexicology, word formation and phraseology, derivatives of the Russian language with phraseological semantics. The "Explanatory Dictionary of the living Great Russian language" by V.I. Dahl reflects the rich cultural information of a certain period. The purpose of the research is to study the features of motivation of derivatives with phraseological semantics recorded in the Dictionary of V.I. Dahl.

Key words: phraseological derivative, the way of interpretation, chain of synonyms, word with phraseological semantics.

Синонимические ряды, представленные в Словаре В. И. Даля, отличаются своим количественным и качественным составом.

В Словаре В. И. Даля встречаются синонимические ряды, включающие как фразеологические обороты, так и отфразеологические дериваты или слова с фразеологической семантикой. Например, в гнезде леммы «ласка» встречается синонимический ряд, включающий слова с фразеологической семантикой «ласкобоить, ласкобойничать, ласкомойть, ласкомойничать, ласкомоя» со значением 'льстить, подлещаться' [7]. К словам с фразеологической семантикой

мы можем отнести лексемы из словарной статьи с вершиной «*весть*»: *вестовщик м., вестовщица ж.* ‘*рассказчик вестей, новостей, сплетник, переносчик, вран*’; *вестоплет м., вестоплетка ж.* со значением ‘*сплетник, враль, вестовщик*’ и «*вестоплетничать*» ‘*сплетничать, баламутить*’ [2].

Кроме того, в словарных статьях-гнездах В. Даля нашли отражение слова, не связанные мотивационными отношениями с фраземами, но передающие фразеологическую образность.

Синонимический ряд может включать только фразеологические обороты. При этом в одном толковании возможно наличие не одного фразеологического оборота, а нескольких.

Слова с фразеологической семантикой, представленные в словообразовательных гнездах исследуемых статей, не обладают фразеологической основой, но отличаются наличием фразеологической семантики. К словам с фразеологической семантикой мы можем отнести такие лексемы, как: *вестоплеть, вестоплетка* со значением ‘*сплетник, враль*’.

Например, лексическая единица *шал* толкуется через производные слова *шалберничать, балберить, баклушничать, шалберить, шалберничать, шалобродить, белентрясить твер. тамб., балахрыстничать новг., шататься и дурить* [2].

Особенностью в толковании производных слов в Словаре В. И. Даля является стремление при описании производных слов, не связанных с фраземами мотивационно, включать фраземы всинонимический словарный ряд.

К примеру, *балахвостить, балахлыстить, балахрыстить, шататься, слоняться, бить баклуши* в гнезде слова *балахвост* со значением *шатун, слон, шленда, потаскун, тунеяд* [2].

Отфразеологические дериваты характеризуются наличием словообразовательной основы – определённого фразеологизма.

Одна из особенностей типов толкования производных слов в словаре В. И. Даля заключается в сочетании в одной словарной статье производных слов (отфраземных дериватов) и их мотиваторов (фразем), зачастую нескольких.

Например, в гнезде слова *баклан* со значением *болван, чурбан, чурка, отрубок, баклуша* приведены и объединены такие производные слова как *баклушить, баклушничать* наряду с мотиватором *бить баклуши* со значением «*проводить время в пустяках*» [2].

Встречаются краткие толкования лексического значения отфразеологических дериватов или слов с фразеологической семантикой. Например, семантика лексемы *хитроныра* описана существительными – *пролаз, пройдоха* [2]. Встречаются большие синонимические ряды. Например, в толковании слова *бездельюга* – «*пустой, бездельный человек, или безделья, безделью м. безделовка ж. праздный человек, тунеяд*» [2].

В Словаре В. И. Даля встречаются такие типы толкования лексического значения слов, как синонимический, описательный, смешанный, мотивирующий. Кроме того, возможно сочетание описательного типа толкования семантики слова с фразеологизмом.

Слова с фразеологической семантикой *ласковой* и *ласкомой* толкуются с помощью описательного способа: ‘*льстивый болтун, сладкий говорун*’.

В словарной статье В. И. Даля встречается синонимический способ

толкования слова *балентрясить* – *белендрясить* арх. перм. вологодск. *лясничать, балясничать, говорить забавные пустячки, точить балы, рассказывать, занимать беседу* [2].

В словарных статьях словаря В. И. Даля преобладает смешанный тип толкования. Например, мотивирующий способ толкования сочетается с синонимическим или же описательным.

Отфразеологические дериваты *путала, путляка* толкуются, отсылая к производящему (мотивирующему) слову *путаться* – *‘кто путается в речах, запутанно говорит’*, образованы на основе фразеологизма *путать следы* со значением *‘меняя направление движения, стремиться сбить со следа’* [2].

Через сочетание описательного типа толкования и синонимического толкуется лексема *краснобаить* с фразеологической семантикой «говорить красно, широко и самоуверенно, не всегда основательно; краснобай, краснобайка, говорун, рассказчик, шутник. Краснобайство, свойство и самая речь красная» [2].

В гнезде слова *мокры* находятся слова с фразеологическим значением «мокроводить», «мокростлоить», «мокрохвостить», объединённые значением *‘сплетничать’*. Приводятся также производные от них слова «мокроводка» или «мокрохвост» со значением *‘сплетник’*.

Отфразеологический дериват *мутосветить* обладает значением *‘сплетничать’*. Производное от него *мутосвет (мутосветка)* обладает схожей семантикой *‘сплетник, переносчик, лживый вестник’* [2].

Значение *‘сплетник’*, *‘сплетничать’* передают и слова в гнезде с вершиной *хвост*. Исходное слово гнезда является многозначным.

Образное значение В. Даль описывает следующим образом: *‘пересказчик, переносчик, сплетник, сплетница, а хвосты во мн. числе имеют значение ‘сплетни’*.

Таким образом, специфика пояснения семантики слов в словарных статьях Словаря В. И. Даля характеризуется преобладанием смешанного способа толкования с целью достижения наилучшего раскрытия оттенков значения определённого слова. Синонимический ряд может быть представлен производными словами с фразеологической семантикой или способен включать только фразеологические обороты. Кроме того, он отличается по своему количественному составу.

Список использованных источников

1. Петров, А. В. Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования / А. В. Петров // Восточноукраинский лингвистический сборник ; отв. ред. Е. С. Отин. – Донецк : Донеччина, 2004. – Вып. 10. – С. 242–263.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. ; под ред. Д. Н. Ушакова / В. И. Даль. – Москва : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. – 2720 с.

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 81'373.612.2

ОБРАЗНАЯ МЕТАФОРА И МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ С КОМПОНЕНТОМ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЭТИМОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ДИНЫ РУБИНОЙ

Э. С. Билялова,

*обучающаяся 4 курса кафедры русского, славянского и общего
языкознания, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь, elvina.biljalova@mail.ru*

Аннотация. В статье обозначено в рамках теории метафоры место компонентов метафоры иноязычной этимологии в художественном тексте Дины Рубиной. Метафоры с компонентом иноязычной этимологии классифицированы по происхождения элемента и по интенсивности включения данных компонентов в метафорическую структуру.

Ключевые слова: образная метафора, художественный язык, заимствованная лексика, эпитет.

Summary: The article identifies the place of metaphor components of foreign language etymology in the literary text of Dina Rubina within the framework of the theory of metaphor. Metaphors with a foreign language etymology component are classified by the origin of the element and by the intensity of the inclusion of these components in the metaphorical structure.

Key words: figurative metaphor, artistic language, borrowed vocabulary, epithet.

Художественный язык известных писателей XXI века рассматривается с самых различных ракурсов, в том числе и с позиции того, какие образные средства используются, каков словарный запас, каково место заимствованной лексики и как формируются метафоры в авторском тексте. Метафоризация лексики иноязычной этимологии – мало изученное явление, особенно когда речь идет о языке конкретного писателя.

Дина Рубина – известный русский прозаик, чьи произведения известны не только в России, но и за её пределами. Её язык – живой, искристый, образный – заставляет воображение создавать красочные картины. В статье В. П. Бурмистровой «Типология метафор в малой прозе Дины Рубиной» [2] говорится о том, что в произведениях писательницы представлен широкий спектр языковых средств выразительности как традиционных, так и индивидуально-авторских. Это – эпитеты, сравнения, олицетворения и метафоры.

Анализ языка трилогии Дины Рубиной «Люди воздуха» (романы «Синдром Петрушки», «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы») показал, что метафора и метафорический эпитет являются одним из наиболее частотных средств для создания того или иного образа (будь то человек, дом и т.п.). При этом тропы Дины Рубиной яркие и самобытны, придают каждому тексту писательницы особую эмоциональность.

Метафора часто становится предметом исследования в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Это вызвано распространением метафоры в различных жанрах художественной, научной и повседневной речи. Метафору активно изучали такие ученые как Г. Н. Складневская, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Ю. И. Левин, В. П. Москвин и др.

В статье Л. В. Валеевой «Метафоризация в топонимике: за и против» отмечается, что когнитивная интерпретация базовых признаков метафоры осуществляется на основании сравнения, которое отражает стереотипное или ассоциативное соотнесение признака объекта с его названием. Метафора обеспечивает распространение знаний от одной парадигмы к другой и рассматривается как категориальный сдвиг [3].

Н. Д. Арутюнова определяет метафору как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо для наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1, с. 29].

В своей классификации Н. Д. Арутюнова выделяет номинативную, образную и когнитивную метафоры [1]. Цель исследования заключается в рассмотрении образных метафор и метафорических эпитетов в тексте Дины Рубиной.

Характерной особенностью «рубиновских» метафор и эпитетов является актуализация компонентов иноязычного происхождения. Наиболее употребительны эпитеты и метафоры с компонентом, восходящим к немецкому языку. Например, *бархатные взгляды*, *бархатная тьма* (бархат – заимст. из немецкого), *цветущий Альцгеймер* (Альцгеймер – немецкий ученый, который выявил болезнь), *замшевый голос* (замшевый – германизм), *карьерный кульбит* (карьера – заимст. из немецкого), *зелено-замшевые хребты*, *гастрольные орбиты* (гастроли – заимст. из немецкого языка), *черный диалект* и др. В данных примерах отражается главная особенность образной метафоры – формирование яркого и запоминающегося образа, выражение иронического отношения к происходящему.

Так, например, метафорический эпитет *цветущий Альцгеймер* (...Богдановна к тому времени уже с *цветущим Альцгеймером* блох на себе давила в кошмарном доме для престарелых [6, с. 375]). Альцгеймер – это заболевание головного мозга, характеризующееся прогрессирующим снижением интеллекта, нарушением памяти и изменением личности. Такое наименование болезнь получила в честь немецкого врача-психиатра, который первый её определил (Алоис Альцгеймер). Метафорическое значение появляется у второго компонента метафоры – *цветущий*. *Цветущий* происходит от глагола *цвести*, т. е. *процветать*. Следовательно, закрепляется новое значение, связанное с семантическим сближением глаголов *процветать* и *развиваться*. Таким

образом, *цветущий Альцгеймер* – это болезнь, которая процветает, развивается, прогрессирует. В данном случае предикат (суждение об Альцгеймере – *цветущий*) приобретает новое значение, которое свидетельствует формировании новых синтагматических связей у слова иноязычного происхождения в связи с проявленной полисемией (*цветущий* – *вести*; *цветущий* – *развивающийся*, *прогрессирующий*).

Помимо слов с этимологией из немецкого языка были выявлены галлицизмы, участвующие в образовании метафорического образа: *призрачные экипажи* (про тени), *щедрый аккордеон*, *салютная свистопляска*, *пломбирные усы* и др.

Образные метафоры Дины Рубиной строятся за счет привлечения слов, пришедших из итальянского языка: *густые пучки аккордов*, *густой баритон*, *резиновые макароны* и др.

Большое количество образных метафор и эпитетов включает в себя грецизмы и латинизмы (*белейшая арктическая* (грецизм) *постель*, *пульсирующий* (латинизм) *сумрак*, *эндокринная* (грецизм) *чащоба*, *румяная кондитерская* (латинизм), *зефирная* (грецизм) *продавища*, *скульптурная* (латинизм) *коса*, *католическая* (грецизм) *закваска* и др.

Таким образом, анализ языка трилогии «Люди воздуха» показал, что особенностью большинства образных метафор и эпитетов в художественном языке Дины Рубиной является наличие компонента иноязычного происхождения. Наиболее употребительны слова, пришедшие из западноевропейских языков, а также грецизмы и латинизмы.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бурмистрова, В. П. Типология метафор в малой прозе Дины Рубиной / В. П. Бурмистрова // Поволжский педагогический поиск. – 2014. – №1 (7). – С. 101–105.
3. Валеева, Л. В. Метафоризация в топонимике: за и против / Л. В. Валеева // XIII Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (18 сентября 2020 г.) : материалы конференции ; гл. ред. А. А. Петров ; отв. ред. В. М. Калинин. – Симферополь, 2020. – С. 143–154.
4. Словарь иностранных слов современного русского языка ; сост. Егорова Т. В. – Москва : «Аделант», 2014. – 800 с.
5. Рубина, Д. Белая голубка Кордовы / Д. Рубина. – Москва : Эксмо, 2020. – 576 с.
6. Рубина, Д. Почерк Леонардо / Д. Рубина. – Москва : Эксмо, 2020. – 480 с.
7. Рубина, Д. Синдром Петрушки / Д. Рубина. – Москва : Изд-во «Э», 2015. – 432 с.

УДК 81'367

СЕМАНТИКА КОМПАРАТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ ВТОРИЧНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Е. Ю. Зубовский,

Минский государственный лингвистический университет,

Республика Беларусь, г. Минск,

email: ogjackson@yandex.by

Аннотация. В данной статье рассматриваются английские прилагательные компаративного типа и их семантический потенциал, отображаемый в процессах вторичной номинации. Исследуется взаимосвязь семантики английских компаративных прилагательных и критерия сравнения их производящих баз.

Ключевые слова: английские компаративные прилагательные, вторичная номинация, семантический потенциал.

Summary. This article examines English comparative adjectives and their semantic potential displayed in the processes of secondary nomination. The relationship between the semantics of English comparative adjectives and the criterion of comparison of their derivational bases is examined.

Key words: English comparative adjectives, secondary nomination, semantic potential.

Проблема вторичной номинации, несмотря на кажущуюся изученность и разработанность, не теряет своей актуальности. Под вторичной номинацией, как отмечает В. Н. Телия, понимается «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [9, с.129]. Вторичная номинация является универсальным средством формирования словарного состава и удовлетворяет возникающие потребности в новых наименованиях, поскольку даёт возможность использовать уже существующие в языке слова. Необходимость нового наименования сопровождается не только принципом «экономичности» языка, требующим избегать количественного увеличения лексических единиц, но и стремлением к выражению новых значений, нового понимания уже знакомых предметов мира путём его творческого освоения [5].

В. Д. Стариченок полагает, что «возникновение вторичных номинаций обусловлено природой и особенностями человеческого мышления, его абстрагированным и обобщающим характером, способным отражать объективную реальность во взаимосвязи и взаимообусловленности всех его элементов. Практически все виды вторичной номинации являются результатом ассоциативности человеческого мышления, при котором выбор признака в процессе образования нового ЛСВ диктуется не только характером объекта обозначения, но и отношениями к нему субъекта, уровнем и глубиной знаний этого объекта, опытом взаимодействия с ним» [7, с.143].

Важную роль в процессе вторичной номинации выполняют номинатор и реципиент, так как номинатор, учитывая уровень вероятной осведомлённости читателя о качествах называемого объекта, стремится представить в номинации те, которые наиболее информативно способствуют его адекватному восприятию реципиентом. Номинатор реализует процессы вторичной номинации при образовании слов с помощью различных словообразовательных средств, на уровне многозначных слов, которые приобрели новые значения без изменения

их формы, а также во фразеологизмах, перифразах, эвфемизмах [1, с. 322–330; 4, с. 44–63; 7, с. 144; 8, с. 129–221].

В рамках рассматриваемой проблемы объектом исследования являются английские прилагательные компаративного типа и их семантика. Ранее было установлено, что к компаративным прилагательным относятся дериваты со словообразовательным значением «подобие», производные от наименований лиц, животных, птиц, рыб, растений, объектов материального мира и др. [2, 6, 9, 11 и др.]. Использование данной группы дериватов во вторичной номинации объясняется тем, что их производящие базы характеризуются различными признаками, начиная от внешнего вида и заканчивая такими внутренними свойствами объекта, как особенности поведения, склад ума, врождённые способности и др. В свою очередь, эти признаки служат основанием для сравнения с другим объектом и влияют на семантику компаративного деривата. Целью исследования является раскрытие объёма признаков английских компаративных прилагательных в процессах вторичной номинации. Полем исследования является Британский национальный корпус [10].

Анализ контекстуальных употреблений английских компаративных прилагательных показал, что вторичная номинация связывает семантику деривата с любым отличительным признаком её производящей базы. К примеру, если взять любое животное, то оно представляется нам как комплекс качеств, исчерпывающее количество которых не всегда возможно установить. Так, *elephantine* «слоновий» во вторичной номинации выражает разные смыслы за счет параметров сравнения, которыми обладает слон (например, такими параметрами являются размер, форма ступней, вес, буйство, издаваемый шум и др.): Tickets were sold beside the staff restaurant for three cuddly tomatoes ranging in *size* from the *elephantine* to the furry handful. 'Билеты можно было купить возле офицерской столовой за три аппетитных помидора, начиная от *слоновьих размеров* (огромных размеров) и заканчивая размерами, напоминающими шерстяную горстку' [Sainsbury's magazines]; Your feet extend to *elephantine width*. 'Ваши ступни достигают *слоновьих размеров* (размер ступней, как у слона).' [dndtools.net]; Despite the *elephantine* weight of the Turbo,... 'Несмотря на *слоновий вес* (очень тяжёлый вес) Турбо,...' [www.wired.com]; Seconds later, there was an *elephantine thud* from the bathroom as the man tried the door. 'Спустя несколько секунд из ванной комнаты донёся *слоновий грохот* (очень громкий грохот), когда мужчина попробовал открыть дверь' [Stone cold. Francome, John. London: Headline Book Pub. plc, 1990, pp. 61-197.]; ...paralyzed with fear by a furious *elephantine rampage*... '...парализованный страхом из-за неистового *слоновьего буйства* (буйство, как у слона)...' [thenewatlantis.com] и т.д. Таким образом, компаративное прилагательное *elephantine* во вторичной номинации выражает определённый смысл в зависимости от выбранного признака для сравнения. Как было подчёркнуто выше, количество параметров не всегда возможно идентифицировать в полном объёме, что, в свою очередь, наделяет данную группу дериватов потенциалом выражать различные смыслы, взяв за основание для сравнения определённый отличительный признак.

Исследование группы компаративных прилагательных, производных от наименований лиц, показало, что за лицами, как и за животными, стоит комплекс различных качеств, что позволяет номинатору выбрать нужный

признак для сравнения одного объекта с другим. В качестве примера можно привести слово *childlike* 'детский', где вторичная номинация активно отражает как внешние параметры (например, форма тела, глаза, голос и др.), так и внутренние (например, личность, понимание окружающего мира, интерес к вещам, речь, любопытство, страхи и др.): First you take part in a touching *childlike conversation* between Ethan and his younger siblings... 'Сперва ты примешь участие в трогательной *детской беседе* (неспособность детей общаться на серьезные темы) между Итаном и его младшими братьями и сестрами' [www.pocketgamer.co.uk]; she saw several small *childlike bodies*. 'Она увидела несколько маленьких, *детских тел* (маленькие тела, как у детей)' [ufocasebook.com]; ...because she was a clone with a *childlike undeveloped personality*. '... потому что она была клоном с *детской неразвитой личностью* (отсылка на сравнение базируется на несформированной личности у детей).' [unrealitymag.com]; they are excited, they have a *childlike interest*. 'Они возбуждены, у них *детский интерес* (повышенный интерес к чему-то, как у детей).' [www.entrepreneur.com]; ... she was muddled headed and stupid, and only had a *childlike understanding* of language... '...она была тупой и глупой, и у нее было *детское понимание* языка (наивное понимание).' [chariot.net.au]; ... the driver is already stressed, and having a screaming, *childlike voice*. 'Водитель уже напряжен, и он кричит пронзительным *детским голосом* (очень громкий голос, как у детей).' [personalityhacker.com]; When you see a place for the first time, you see it with *childlike eyes*, like you're a tourist – everything's exciting. 'Когда ты видишь какое-то место в первый раз, ты видишь его *детскими глазами* (большими от удивления глазами), как будто ты турист – все является захватывающим' [www.stuff.co.nz]; Do it now, ma," and urged the mother, with all her *childlike earnestness*. 'Сделай это сейчас, мам. – и убедила маму всей своей *детской серьезностью* (серьезность, свойственная детям при убеждении кого-либо).' [bibleforums.org]; These *questions* might seem *childlike* in their inquisitiveness. 'Эти *вопросы* могут показаться *детскими* по своей любознательности (любознательные вопросы, которые часто задают дети).' [wholehealthsource.blogspot.com]; *Childlike curiosity* makes you a better leader and person. '*Детское любопытство* (любопытство, свойственное детям) делает вас лучшим лидером и человеком' [businesscollective.com]; With *childlike sincerity*, he revealed that he was glad he got to serve her. 'С *детской искренностью* он сказал, что рад служить ей (искренность, свойственная детям)' [willowbirdbaking.com]; the movie will give you those *childlike fears* all over again. 'Фильм снова покажет тебе эти *детские страхи* (страхи, свойственные детям)' [whatsonnetflix.com]; Such flashbacks may result in regressive behaviour such as extreme, uncontrollable, *childlike tantrums* 'Такие воспоминания могут привести к регрессивному поведению, такому как крайние, неконтролируемые, *детские истерики* (истерии, свойственные детям)' [childhoodtraumarecovery.com]; With a warrior's persistence, *childlike playfulness*, a poet's gentle heart, and a mystic's soul, Jafree... 'Обладая настойчивостью воина, *детской игривостью* (игривость, свойственная детям), нежным сердцем поэта и душой мистика, Джафри...' [enlightenedbeings.com] и т. д. Как показано на примерах, говорящий в качестве основания для сравнения выбирает любой нужный ему признак, что

даёт возможность деривату *childlike* использоваться во вторичной номинации в контекстах и тем самым выражать различные смыслы.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующее заключение: употребление английских компаративных дериватов во вторичной номинации формирует их семантический потенциал на базе операции сравнения по различным признакам их производящих баз, точное число которых трудно установить, в результате чего слово выражает различные смыслы. Номинатор, имея в своем распоряжении «список» качеств и свойств, для совершения операции сравнения актуализирует любой из них, который кажется ему релевантным, и, как правило, у слушающего не возникает трудностей в декодировании семантики компаративного прилагательного.

Список использованных источников

1. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
2. Джалолов, С. Деривационные морфемы со значениями подобия и полноты в структуре прилагательных современного английского языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. . канд. филол. наук / С. Джалолов. – Ленинград, 1988. – 18 с.
3. Иноземцева, Н. В. Вторичная номинация в заглавиях англоязычных статей, посвященных методичной проблематике / Н. В. Иноземцева // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 39-46.
4. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – Москва : URSS : ЛКИ, 2008. – 113 с.
5. Панина, Т. Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы / Т. Г. Панина // Magister Dixitio – 2012. – №3. – С. 21–27.
6. Синичкина, А. А. Общее и различное в семантике производных прилагательных словообразовательного значения "подобие" (На материале английского и русского языков) : специальность : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Синичкина. – Казань, 2005. – 27 с.
7. Стариченок, В. Д. Специфика вторичных именных номинаций в русском и белорусском языках / В. Д. Стариченок // Русский язык: система и функционирование, Минск, 11–12 октября 2011 г. / Бел. гос. ун-т.; редкол.: И. С. Ровдо (отв. редактор), Т. Н. Волянец, Е. Е. Долбик. – Минск, 2011. – С. 143–146.
8. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва : Наука, 1977. – С. 129-221.
9. Харитончик, З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З. А. Харитончик. – Москва : Высшая школа, 1986. – 96 с.
10. British National Corpus [Electronic resource] // iWeb: the 14 Billion Word Web Corpus – Access mode: <https://www.english-corpora.org/iweb>. (Access date: 20.03.2022).

11. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation: a Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. – Muenchen : C. H. Beck'sche, 1969. – 545 p.

УДК 81'373.611:376.622.21:811.161.1

ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЁН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Шевцова,

*Россия, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского»,
lusika.shevczova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается словообразовательный комплекс собирательных имён, в рамках которого анализируются собирательные субстантивы в аспекте экстралингвистики, прагматикализации и лингвокреативности. Для рассмотрения данного вопроса было выделено дискурсивное направление формирования словообразовательного комплекса.

Ключевые слова: прагматикализация, словообразовательный комплекс, семантика собирательности, дискурсивное направление, лингвокреативность.

Summary. The article deals with the word-formation complex of collective nouns, within which collective substantives are analyzed in the aspect of extralinguistics, pragmaticalization and linguocreativity. To consider this issue, the discursive direction of the formation of the word-formation complex was highlighted.

Key words: grammaticalization, word-formation complex, semantics of collectivity, discursive direction, linguocreativity.

Научные исследования в области лингвистики XXI века характеризуются особым вниманием к функциональным проявлениям словообразовательных средств. Язык постоянно пополняется новыми единицами, используются устоявшиеся и новые словообразовательные средства. Появлению новых языковых единиц способствует и процесс прагматикализации.

Важно отметить, что с точки зрения современной научной парадигмы производные слова объединяются в семантические комплексы, единицы которых базируются на словообразовательной семантике. Один из таких словообразовательных комплексов образуют производные имена со значением собирательности. За основу нашего исследования было взято следующее определение: «категория собирательности – языковое явление, аналогичное множественности, но мыслимое как целое, не обладающее числовой парадигмой» [3]. Категория собирательности может выражаться и формально, и с помощью других средств. Словообразовательный комплекс – совокупность словообразовательных средств, которые формируют единицы одной частеречной принадлежности, объединённых общей словообразовательной семантикой [4, 6].

Для описания словообразовательного комплекса собирательных имён в экстралингвистическом аспекте и в аспекте прагматикализации важно отметить

такое понятие, как креативность. Оно связано прежде всего с тенденциями к демократизации в современном словотворчестве. С конца XX века «в языке стали всё чаще отходить от норм, давая себе свободу в средствах и способах выражения мысли, что привело к большому количеству ошибок, но и в то же время, к массовым инновациям» [7, с. 46]. За основу статьи было взято определение лингвистической креативности Е. М. Александровой – «способность индивида распознавать, передавать с помощью средств языка, а также генерировать креативный продукт, который является лингвистической инновацией, представляющей собой новую речевую единицу, созданную при помощи использования нестандартных способов применения ресурсов языка и речи» [1, с. 7].

Под прагматикализацией мы имеем в виду процесс перехода собирательных субстантивов в разряд дискурсивных маркеров, а также их специфическое употребление [11]. В рамках дискурсивного направления мы рассмотрели языковые единицы, которые употребляются внутри каких-либо социальных групп, кругов, для которых характерны те или иные стили речи. Рассмотрим некоторые из них.

Показательным примером является субстантив *шкодла*, который обозначает плохую компанию, группу плохих людей, преступную группировку [9]. Он образован от глагола *шкодить* с помощью суффикса *-л-*. Шкодить – разг. озорничать, проказничать [2]. Суффикс *-л-* в данном случае совмещает в себе два значения: осуществление действия и собирательность, которая ему не свойственна, что показывает его креативную природу. Обратимся к контекстам: *Почему эта шкодла на наши кровные жирует?; Нас только двое, а не затаившаяся шкодла малолеток; Как думает власть и вся шкодла, пасущаяся вокруг нее* [9]. В данном случае употребление субстантива в одном ряду со стилистически сниженными словами (*жировать, малолетки, пасущийся*) говорит о справедливости отнесения этого примера к дискурсивному направлению.

С помощью этого же суффикса было образовано и существительное *башля* (деньги) от глагола *башлять*, который является жаргонным: 1) жарг. платить деньги; 2) жарг. снабжать деньгами [2]. Оно распространено внутри узкой группы и употребляется наряду с другими жаргонизмами, что является результатом прагматикализации.

Сюда же отнесём и субстантив *лавандос*, также обозначающий деньги [9]. Лавандос происходит от слова *лаве* (деньги) с помощью нового суффикса *-андос-* и усечения основы, иллюстрирующего лингвокреативные возможности современного словотворчества [10]. Слова, употребляемые вместе с анализируемым субстантивом, являются стилистически сниженными, сленговыми, что говорит об узком круге их употребления.

В качестве следующего примера рассмотрим субстантив *алкашка*. Алкашка – алкогольная продукция [9]. Оно образовано от разговорно-сниженного слова *алкаш* с помощью несобирательного суффикса *-к-*. Омонимичное анализируемому слово обозначает лицо женского пола, что данный суффикс, как правило, и выражает. В нашем случае суффикс приобрёл нехарактерную для него семантику собирательности. Субстантив *алкашка* употребляется в контекстах, в которых используются другие стилистически

сниженные слова. Это является показателем его специфического употребления, что позволяет отнести его к дискурсивному направлению.

Далее рассмотрим субстантив *блатота*, который обозначает людей, имеющих большие связи и нужные знакомства [9]. Он произошёл от слова *блат* с помощью суффикса *-от-*, который выражает собирательную семантику, например, *беднота*. *Блат* – 1) разг. связи, знакомства, используемые в личных, корыстных целях; 2) простореч. преступный, воровской мир [5]. Из семантического описания производящего слова можно увидеть, что его употребление ограничивается разговорным и просторечными стилями. Производным субстантивом от слова *блатота* является субстантив *блатотень*, который имеет аналогичное с ним значение [9]. Он образован с помощью суффикса *-ень-*. В списке значений этого суффикса собирательного значения не зафиксировано, что говорит о креативной природе образования анализируемого субстантива [5]. Субстантив *блатотень* употребляется наряду со словами разговорного стиля, что говорит о его дискурсивной направленности.

Интересным примером также является субстантив *инвентека*. *Инвентека* – это система инвентаря в игре *Хоумстак* [8]. Данное существительное образовано от слова *инвентарь* с помощью собирательного суффикса *-тек-* (*библиотека*, *видеотека*) и усечения основы. Обратимся к контекстам: *В Пространстве Парадоксов имеют место быть языки программирования, программирующие реальность, что было показано через: инвентеку, фларп, вирус двойных переплетающихся лент Мёбиуса* [HEADCANON HIVESWAP & HOMESTUCK. (2022). Запись во ВКонтакте 23 марта в 14:15]; *Не забываем, что диалоги они после закинут в инвентеку* Гамзии и забудут там навечно [Homestuck: «Поговори со мной». (2022). Запись во ВКонтакте 19 февраля в 13:00]. Важно, что анализируемый субстантив употребляется строго в рамках одной группы людей – игроков в *Homestuck*, что сильно ограничивает сферу его употребления. Это даёт основания отнести данное слово к дискурсивному направлению.

Таким образом, в рамках дискурсивного направления формирования словообразовательного комплекса были рассмотрены примеры субстантивов с собирательной семантикой. Специфика этих субстантивов выражается в особом их употреблении внутри узких социальных групп и в нестандартном их образовании, что является результатом лингвореативности и прагматикализации. В результате исследования было выделены суффиксы, для которых значение собирательности не является характерным: *-л-*, *-ень-*, *-к-*. Был выделен также суффикс *-андос-*, который является в русской лингвистике нестандартным.

Список использованных источников

1. Александрова, Е. М. Развитие лингвистической креативности: техники и формирования идей / Е. М. Александрова // Вестник Воронежского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 6–14.
2. Большой толковый словарь русского языка // Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2006. – 1534 с.
3. Валеева, Л. В. Формально-семантическая выраженность субстантивной собирательности в современном русском языке / Л. В. Валеева, К. А. Сушко // Русский язык в поликультурном мире. – Симферополь : ИТ "АРИАЛ", 2019. – С. 251–255.

4. Васильева, Е. В. Формальные ограничения, препятствующие образованию отадъективных имен лиц / Е. В. Васильева // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 223–230.
5. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2005. – Т. 1 А-Л. – 1168 с. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova>. (дата обращения: 17.03.22).
6. Пацюкова, О. А. Термин и понятие «Морфемный комплекс» / О. А. Пацюкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6(2). – С. 496–499.
7. Ремчукова, Е. Н. Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте / Е. Н. Ремчукова, Т. П. Соколова, Л. Р. Махиянова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 328–330.
8. Словарь геймеров : [сайт]. – URL: <https://mmoglobus.ru/igrovyeterminy-abbreviatury-zhargon-i-sleng-onlayn-igr>. (дата обращения: 17.12.21).
9. Словарь молодёжного сленга : [сайт]. – URL: <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang>. (дата обращения: 05.01.22).
10. Словарь молодёжного сленга : [сайт]. – URL: <https://slang.su/content/%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D1%81>. (дата обращения: 09.05.22).
11. Харитонова, К. В. Дискурсивные маркеры в санскрите: результат прагматикализации наречий и самостоятельный класс слов / К. В. Харитонова // Учёные записки Казанского университета. – С. 68–78.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

УДК 81'44

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ ДИАЛОГОВЫМ СТРАТЕГИЯМ В ДИСКУРСЕ «ВРАЧ-ПАЦИЕНТ»

С. В. Майборода,

*Институт филологии, кафедра русского языка как иностранного,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь,
s.mayboroda@rambler.ru*

Аннотация. В работе рассматривается возможность обучения иностранных студентов-медиков некоторым коммуникативным приёмам диалоговых стратегий для управления темой и инициативой в дискурсе с пациентами на русском языке.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, медицинский дискурс, речевая стратегия, русский язык как иностранный.

Summary. The paper considers the possibility of teaching foreign medical students some communicative techniques of dialogue strategies for managing the topic and initiative in discourse with patients in Russian.

Key words: professional communication, medical discourse, speech strategy, Russian as a foreign language.

Одним из важных аспектов в преподавании русского языка как иностранного в медицинском вузе является обучение будущих специалистов-медиков способам эффективной коммуникации с пациентами. Этому способствует выделение специальных дисциплин, ставящих своей основной целью формирование устойчивых моделей интеракции «врач – пациент» [6].

Опыт коммуникации с больными является важным условием формирования клинического мышления [5]. Между тем, как показывают наблюдения, обучающиеся часто делают ошибки в построении учебного диалога с предполагаемым пациентом, что в дальнейшем приводит к затруднениям в коммуникации с реальными больными. Опросы показали, что студенты не всегда готовы вести конструктивный, целенаправленный диалог, боятся контакта с пациентами. Причинами указанных проблем являются психологические барьеры, связанные с использованием языка-посредника: ограниченный лексический запас, страх ошибки, непонимание реальной речи носителя языка, а также незнание эффективных приёмов ведения диалога. Обучающиеся не учитывают психологическое состояние пациентов, которые могут быть не настроены на общение, пребывая в раздраженном или угнетённом состоянии, либо, напротив, активны, но расположены к продолжительным беседам на отвлечённые темы, затрудняя тем самым расспрос и сбор анамнеза. Все эти факторы, выступая причиной коммуникативных неудач, влияют на

атмосферу общения и становятся препятствием на пути достижения целей коммуникации.

Решением перечисленных проблем, на наш взгляд, является система заданий, направленных на овладение навыками эффективного ведения диалога, или диалоговыми стратегиями медицинского дискурса. Обучение диалогу врача с больным возможно после достижения уровня владения русским языком А2, когда идет последовательное накопление теоретического и практического опыта на базе контактов с медицинским персоналом и пациентами в ходе учебных практик.

Прежде всего определим некоторые базовые понятия работы. В классификации коммуникативных стратегий, разработанной О. С. Иссерс, диалоговые стратегии относятся к категории вспомогательных стратегий, функцией которых является поддержка эффективной организации дискурсивного взаимодействия [1]. Ведущими целями диалоговых стратегий представляются *контроль над темой* и *управление инициативой в диалоге*, обеспечиваемые следующими тактическими действиями: передача инициативы, взятие инициативы, перехват инициативы, навязывание инициативы, уклонение или поощрение инициативы, смена темы, навязывание темы, уклонение от темы, возвращение к теме и др.

Институциональный характер медицинского дискурса определяет особенности организации диалогического взаимодействия, включающие ориентацию на структуру, максимум речевых ограничений, относительно фиксированную смену коммуникативных ролей, коммуникативное неравноправие (наличие ведущего и ведомого в диалоге). Процесс управления диалогом осуществляется в рамках глобальной коммуникативной задачи говорящего и определяется задачами на конкретном этапе общения [4;1;3].

Глобальной темой дискурса на первом этапе общения врача и пациента является получение достаточной субъективной информации о жалобах, истории настоящего заболевания, медицинской биографии пациента. Анализ учебных диалогов на этапе сбора анамнеза, подготовленных иностранными студентами, позволил выделить ряд коммуникативных погрешностей при организации хода дискурса «врач-пациент»:

- ригидность диалога, то есть неспособность оперативно реагировать на изменения в дискурсе;
- отсутствие контроля над глобальной темой дискурса, когда ведущий коммуникант «отпускает» диалог и в итоге не достигает главной цели общения;
- неумение получить дополнительную информацию в диалоге с пациентом;
- ошибки при управлении инициативой в диалоге, незнание приёмов эффективной коммуникации.

Использование массива данных о типичных коммуникативных погрешностях иностранных студентов в коммуникации с пациентами позволяет создать задания, в которых учитываются ошибки и отрабатываются приёмы правильного речевого поведения.

Как известно, опрос больного стандартизирован, и, пользуясь этим, студенты часто зазубривают списки основных вопросов. Однако ряд ситуаций

требуют более гибкого подхода в построении «маршрута» коммуникации. Примерами неумения перестраивать диалог в зависимости от реакции собеседника являются нерелевантные реплики на иницирующий ход пациента, развитие неактуальной темы (например, пациент отрицает наличие симптома, но студент продолжает расспрашивать о его характеристиках), неумение развить новую тему, опираясь на слова пациента. Для предупреждения подобных ошибок эффективным представляется обучение различным типам вопросов в зависимости от коммуникативной задачи; систематизация вопросов в виде алгоритмов или кластеров, охватывающих смысловые блоки обязательных и вариативных вопросов, релевантных той или иной подтеме расспроса. Примеры заданий: *Уточните информацию о жалобе; / Задайте вопросы о симптомах, которые, возможно, имеются у пациента; / Прослушайте ответ пациента о жалобах и определите ключевые слова. Подготовьте список уточняющих и дополнительных вопросов к этим словам; / Продолжите диалог врача и пациента, используя различные типы вопросов (уточняющие, альтернативные, дополнительные).* На следующем этапе обучения предлагаются ситуационные задачи: *Прослушайте монолог пациента о заболевании и подготовьте уточняющие и дополнительные вопросы; / Составьте список вопросов пациенту: а) для получения новой информации; б) для уточнения известной информации; в) для получения дополнительной информации, которой, возможно, владеет пациент.*

Проблема управления инициативой в диалоге врача и пациента заключается в специфике организации институционального дискурса, где общение и взаимодействие индивидов происходит не на уровне личностей, а на уровне позиций, деятельностных ролей, за которыми и закрепляются те или иные конвенциональные речевые акты. Этим объясняется их обезличенный характер. Между тем иногда говорящий не всегда следует требованиям социальной роли, а из-под «маски» ритуализованного речевого поведения выступает личность [4]. В таких случаях студенты сталкиваются с тем, что пациенты отходят от темы разговора, интересуются информацией, не связанной с предметом разговора, захватывают инициативу в беседе, что делает дискурс малоэффективным. Для предупреждения подобных коммуникативных помех будущим врачам следует знать правила мены коммуникативных ролей в диалоге и овладеть навыками эффективного управления ходом дискурса.

Как известно, имена коммуникативных ролей часто осуществляется автоматически, но существуют определённые индикаторы, позволяющие регулировать смену говорящих: 1) следующий говорящий назначается путём прямой номинации, обращения или косвенного описания; 2) посредством произнесения инициативной части диалогического единства (вопрос, предложение и т.п.); 3) «нулевая» регуляция, когда сами участники общения должны решить, кто из них продолжит разговор. Сигналами мены коммуникативных ролей является интонация, паралингвистические средства, грамматико-синтаксические показатели, запросы подтверждения информации, типа вопросов *Так? Правда?* [4].

Диалоговая стратегия в диалоге доктора и пациента реализуется посредством тактик и речевых ходов скрытого управления ходом и тематикой диалога (обращение, подхват, знаки повышенного внимания к информации,

вопросы-ретроспекторы и т.п), либо открытого захвата коммуникативной инициативы (перебивание, запрет на речь) [2]. Разумеется, скрытое управление ходом диалога более предпочтительно для достижения целей и гармонизации дискурса врача и пациента. Соответственно, представляется полезным обучение приёмам имплицитного управления ходом дискурса. Примеры заданий:

В расспросе пациента используйте приёмы управления диалогом:

- *вернитесь к необходимой теме разговора с помощью вопросов ретроспекции (Например: – Вы говорили, что был кашель, а какой это кашель, сухой или с мокротой?);*

- *измените ход диалога с помощью: вопросов-стимулов (Например: – Да, да... А что было потом?); реакции повышенного внимания к определённым словам пациента (– Бромгексин не помогает?! Кстати ...);*

- *развивайте тему с помощью открытых вопросов (Например: – Расскажите подробнее о кашле...);*

- *инициируйте новую тему с помощью закрытых вопросов (Например: – У вас кашель с мокротой?);*

- *перехватите инициативу в диалоге, не перебивая пациента. Используйте сигналы повышенного внимания к сказанному (взгляд, жест, междометие и т.п.);*

- *резюмируйте сказанное пациентом и попросите его подтвердить информацию.*

Эффективным методическим приёмом, на наш взгляд, является использование «отрицательного языкового материала»: анализ коммуникативных неудач, примеры ошибок в диалогах врача и пациента, а также презентация альтернативных моделей коммуникации, способствующих выстраиванию гармоничного и результативного диалога.

Итак, обучение приёмам диалоговых стратегий дискурса «врач-пациент» помогает совершенствовать коммуникативные навыки студентов-медиков, способствует развитию гибкости мышления будущих врачей, устраняет психологические и коммуникативные барьеры при общении с пациентами.

Список использованных источников

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. / О. С. Иссерс. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

2. Майборода, С. В. Диалоговые стратегии коллегиального дискурса доктора и пациента / С. В. Майборода // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики : материалы 8-й международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 09 апреля 2020 года. – Тверь: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Тверская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2020. – С. 30–35.

3. Майборода, С. В. Коммуникативные тактики вербальной коррекции речевого поведения в диалоге врача и пациента / С. В. Майборода // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2018. – № 6. – С. 376–381.

4. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : «Гнозис», 2003. – 280 с.

5. Прокофьева, Л. П. Профессиональная коммуникация на занятиях по РКИ в медицинском вузе: программы, учебники, методические инновации / Л. П. Прокофьева, А. Ю. Беляева // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2011. – №33. – С. 256–258.

6. Фильцова, М. С. Практический курс русского языка. В 3 частях. Часть 2. Клиника: говорим по-русски : Учебное пособие для иностранных студентов медицинских университетов с русским языком обучения / М. С. Фильцова, Е. А. Пономаренко. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2020. – 166 с.

УДК 811.161.1

О ПРОБЛЕМАХ ДИСТАНЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТАМ- МЕДИКАМ

Е. М. Шахова,

*к. филол. н., доцент кафедры русского языка, Медицинская академия
имени С. И. Георгиевского, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им В. И. Вернадского,
Симферополь,
Shahova72@mail.ru*

Аннотация. В нашем исследовании мы рассматриваем проблемы преподавания РКИ в российских образовательных организациях высшего образования. Преподаватели вузов столкнулись с большим количеством проблем, не только технического, но и методического плана. Необходимо было найти способы адаптировать существующие методики и подходы к полноценному дистанционному обучению с учетом специфики языковых дисциплин и направлений подготовки студентов.

Ключевые слова: современные электронные технологии, учебное пособие, профессионально ориентированное учебное пособие.

Summary. In our study, we consider the problems of teaching Russian as a foreign language in Russian educational institutions of higher education. University teachers faced a lot of problems, not only technical, but also methodological. It was necessary to find ways to adapt the existing methods and approaches to full-fledged distance learning, taking into account the specifics of language disciplines and areas of student training.

Key words: modern electronic technologies, study guide, professionally oriented study guide.

Существует несколько общеизвестных возможных путей интеграции электронных технологий в аудиторное занятие: 1) демонстрация материала посредством компьютера, проектора и электронного носителя информации; 2) поведение дистанционных занятий, посещение тех или иных ресурсов студентами в виде самостоятельной или домашней работы; 3) использование учебных пособий, включающих в себя некоторые электронные технологии (QR-code и гиперссылки). Все это уже освоено большинством профессорско-

преподавательского состава вузов. Но в тоже время существуют значительные проблемы.

Так исследователи из Тихоокеанского государственного университета указывают на недостатки дистанционного обучения, а именно:

1) отсутствие зрительного контакта, который играет важную роль для формирования комфортной образовательной среды, создания атмосферы доверия между преподавателем и студентом, когда можно визуально поощрить и мотивировать на иноязычное речевое высказывание;

2) невозможность энергетического обмена эмоциями и настроением, что является необходимым условием для построения безбарьерной языковой среды, поскольку именно страх допустить ошибки мешает свободной коммуникации на иностранном языке;

3) замедленная рефлексия и интерактивный контакт «преподаватель – студент – преподаватель», связанная с особенностями видеоконференцсвязи (далее – ВКС) и неравными техническими возможностями среди больших групп студентов;

4) трудности использования доски, применения интерактивных методов работы, таких как парная работа, ролевая игра, решение проблемных ситуаций, когда необходима свободная безбарьерная коммуникация с партнерами по обучению;

5) технические сложности, обусловленные отсутствием или плохим качеством интернета в разных населенных пунктах [6, с. 27–28].

Указанные проблемы решаются частично с использованием LMS Moodle.

Наряду с мобильными технологиями стала развиваться и QR-технология, которая является мостом между уже традиционными информационно-коммуникационными технологиями и мобильными технологиями [5, с. 59]. В наших исследованиях, вышедших за последние три года, уже была описана технология практического применения указанных технологий для преподавания русского языка как иностранного. [7, 8, 9, 10, 11].

В научной литературе и в различных профессиональных интернет-сообществах мы можем найти несколько терминов для описания учебных пособий, позволяющих создать виртуальную среду. Например, нами были найдены такие определения, как “мультимедийный / электронный / гипертекстовый / цифровой” учебник. Однако не все представленные термины точно определяют сущность рассматриваемого нами явления. Анализ данных учебников показал, что трактовки предназначены для описания разного вида учебных материалов. Таким образом, Э.Г. Азимов выделяет несколько типов электронных средств обучения [3, с. 41]:

1. Электронная версия печатного издания.

Подобное издание основывается на уже имеющемся текстовом варианте, дополняя его гиперссылками на мультимедийный материал. Предоставляет возможность студенту выполнять те или иные задания, осуществляется автоматическая проверка написанного. Стоит отметить, что ввиду технических возможностей подобного учебника задания, в основном, тестовые и предназначены для тренировки. Также под “электронной версией печатного издания” часть пользователей социальной сети В Контакте, понимает любое

печатное издание, перенесенное в цифровой формат посредством фотографии или сканирования.

2. Сайт в Интернете/Интернет-ресурс (электронное приложение к учебнику). Представленный вариант не дублирует текст учебника, а является самостоятельным ресурсом, дополняющим его посредством мультимедийных материалов, широкого спектра заданий и возможной связью с создателями текстовой версии учебника. Печатное издание и электронное приложение к нему принято называть учебным комплексом [3, с. 42]. Подобное сочетание представляется методистам наиболее предпочтительными с точки зрения использования в учебном процессе, так как включает в себя печатные и электронные компоненты. Эльхан Гейдарович в своей работе отмечает, что, к сожалению, указанных учебных комплексов по русскому языку как иностранному на данный момент мало. Учёный выделяет следующие учебные комплексы: «Давай!», «Краски - А1» и «Краски - А2», а также «Ruso Comunicativo» («Русский язык для общения»). При создании данных комплексов авторы использовали лингводидактический потенциал современных электронных технологий, таких как: QR-коды, мультимедийные презентации, звуковой онлайн-словарь, озвученные мультимедийные приложения и другие.

3. Онлайн-ресурс. Интернет-сервис или мобильное приложение, не имеющие связи с текстовым учебником, самостоятельно моделирует языковую среду. Может представлять собой платформу для массовых открытых онлайн-курсов или включать в себя необходимую иноязычным студентам информацию, демонстрирующую на постоянной основе. В наполнение онлайн-ресурса входят как мультимедийные материалы, так и различного типа упражнения.

В данной работе мы предлагаем внести в перечень электронных средств обучения, обозначенных выше, четвертый тип – учебное пособие, печатная версия которого содержит электронные технологии, позволяющие преподавателю русского языка как иностранного создать виртуальную образовательную среду для студентов-медиков.

Как уже было отмечено выше, ввиду цифровизации образования и широкого доступа к интернет-ресурсам потребность использования онлайн-технологий постоянно увеличивается. Более того, выполнение студентами заданий посредством современных электронных технологий расширяет словарный запас и активизирует развитие навыков самостоятельного поиска и отбора информации [4, с. 81], что является чрезвычайно важным в рамках профессионально-ориентированного учебного пособия.

Например, иностранным студентам, обучающимся по специальности «медицина» необходимо уметь аудиально воспринимать жалобы пациента, однако не все пациенты владеют медицинской терминологией, в связи с чем важен поиск обиходно-бытовых вариантов того или иного заболевания. Осуществить данный поиск иноязычные обучающиеся могут посредством современных электронных технологий. Иностранному студенту-медикам предоставляется возможность посещать онлайн те или иные медицинские ресурсы: расспросы пациента по различным видам заболеваний (с образовательной целью), операции, а также практиковать свои коммуникативные навыки, создавая онлайн-общение (медицинские чаты). Будущие врачи оперативнее находят подходящие для создания докладов и

рефератов инфоповоды (например, о создании вакцин против КОВИД 19 и т.п.). Студенты могут хранить, редактировать и делиться большим количеством текстовой информации.

При смешанной (или гибридной) форме обучения, есть свои плюсы и минусы. К сожалению, не все кабинеты, предназначенные для обучения иностранцев русскому языку в медицинских вузах, имеют достаточное техническое оснащение для массовой демонстрации перечисленных выше способов включения электронных технологий в занятие, к тому же в большинстве высших учебных заведениях нет лингафонных кабинетов или же они имеются в недостаточном количестве. Решить данную проблему можно посредством использования печатного профессионально-ориентированного учебного пособия, включающего в себя электронные технологии, а также наличия гаджета как у преподавателя, так и у студентов.

В первую очередь печатное пособие является традиционным, методически устоявшимся средством обучения, соответствующим критериям реализации принципа наглядности, который в свою очередь способствует не только качественному освоению материала, но и развитию механической памяти. По нашему мнению, иметь печатную версию учебных материалов на занятии с иностранцами необходимо по нескольким причинам: изображение на экране того или иного устройства не всегда представлено в высоком качестве; масштаб дисплея может быть недостаточным для приемлемого просмотра; печатный вариант обязует обучающегося делать письменные заметки, что способствует улучшению языковых компетенций.

Во-вторых, печатная версия пособия обеспечит учебными материалами всех студентов в группе в случае отсутствия по каким-либо причинам у обучающихся гаджетов.

Проблема интеграции современных электронных технологий в профессионально-ориентированное учебное пособие решается посредством такого инструмента, как QR-code. В соответствии с ГОСТ Р ИСО/МЭК 18004-2015 [2], мы трактуем QR-code следующим образом: “шаблон, в котором закодирована информация об основных параметрах, необходимых для обеспечения декодирования оставшейся части области кодирования”, то есть это определённый матричный или двумерный штрих-код, позволяющий хранить ту или иную информацию. Распознать или считать зашифрованную информацию можно с помощью устройств обработки изображений, в их число входят: камера смартфона со встроенной функцией декодирования или любое другое устройство, имеющее приложение для расшифровки QR-code. Стоит отметить, что большинство подобных приложений находятся в свободном доступе на всевозможных платформах по программному обеспечению.

Для генерирования QR-code необходимо иметь уже созданную, соответствующую плану урока информацию, размещённую на одном из облачных хранилищ или же на ресурсе, предназначенном для хранения файлов такого типа. Например, в профессионально-ориентированном учебном пособии для студентов, обучающихся по специальности “медицина” можно разместить QR-code с зашифрованной ссылкой на Youtube или Rutube канале, где будет расположено видео с диалогом “Доктор-Пациент”.

В рамках данного исследования были созданы аудиофайлы с диалогами формата “Доктор-пациент” в различных условиях (сбор паспортных данных, сбор анамнеза и др.), которые впоследствии были размещены на популярном сервисе хранения Google Диск, закодированы посредством QR-code и размещены в готовящемся к публикации профессионально-ориентированном учебном пособии для медиков. Также подготовлены тренировочные упражнения, расположенные на портале LearningApps.org [12], способствующие отработке изученного материала и улучшению концентрации внимания иноязычных студентов, предложен слушателям как личный электронный словарь для фиксации неизвестных слов в ходе прочтения пособия – онлайн-сервис Quizlet [13]. В качестве сопровождающего средства обучения к пособию нами был выбран именно этот ресурс ввиду его многофункциональности: пользователь имеет возможность сохранять определение не только в письменном виде, но и загружать звуковую оболочку лексической единицы и его тематическое изображение.

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сказать, что несомненными преимуществами электронной образовательной среды являются ее многофункциональность, расширяемость, дополняемость и ее соответствие Программе импортозамещения в РФ [1]. Отсюда следует вывод о том, что все возникающие проблемные вопросы дистанционного обучения русскому языку как иностранному, со временем будут преодолены, и выйдут из разряда неразрешимых.

Список использованных источников

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.12.2020 г. № 2117 О Центре компетенций по импортозамещению в сфере информационно-коммуникационных технологий.
2. ГОСТ Р ИСО/МЭК 18004-2015 Информационные технологии. Технологии автоматической идентификации и сбора данных. Спецификация символики штрихового кода QR Code, ГОСТ Р ИСО/МЭК 18004-2015 Информационные технологии. Технологии автоматической идентификации и сбора данных. – Москва :ООО НПЦ "Интелком". – 185 с.
3. Азимов, Э. Г. Электронные учебники по русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы развития / Э. Г. Азимов // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 39–53 с.
4. Косова, Г. Р. Профессиональное лингвообразование в контексте онлайн-технологий / Г. Р. Косова, И. А. Лешутина // Методика преподавания иностранных языков и рки: традиции и инновации. Сборник материалов III Международной научно-методической онлайн-конференции. – Курс: Курский государственный медицинский университет, 2018. – С. 80–83 с.
5. Кузнецов, А. А. Электронная образовательная среда нового типа на базе кроссплатформенной модели обучения: методика и апробация / А. А. Кузнецов // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2021. – № 1. – С. 57–75.
6. Остапенко, А. Б. Особенности дистанционного обучения иностранному языку в вузе в условиях пандемии Covid-19 / А. Б. Остапенко, И. Ф. Уманец // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 4. – С.

27–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-distantionnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-vuzev-usloviyah-pandemii-covid-19>.

7. Шахова, Е. М. Использование инновационных технологий в практике преподавания русского языка как иностранного / Е. М. Шахова, К. А. Паутова, М. А. Паутов // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума (9–11 июня 2020 г.) ; отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е. Я. Титаренко. В 2-х т. –Т. 2. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. – С. 225–230.

8. Шахова, Е. М. О создании учебного пособия по РКИ «Распрос стоматологического больного. Речевые практики профессионального общения на русском языке» (для иностранных студентов - медиков)» / Е. М. Шахова, К. А. Паутова // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сборник научных работ. – Вып. 13. – Воронеж : Кварта, Севастополь : ООО Издательство «Шико-Севастополь», 2020. – С. 223–240.

9. Шахова, Е. М. Использование инновационных технологий в практике преподавания русского языка как иностранного / Е. М. Шахова, К. А. Паутова // Методические инновации в практике преподавания русского языка и литературы в условиях поликультурной среды : II Международная научно-практическая конференция (20-21 ноября 2019 г.) : сб. материалов ; под ред. О. В. Чевела, С. И. Федотовой. – Казань, 2020. – С.86–92.

10. Шахова, Е. М. Использование современных интерактивных технологий при создании профессионально ориентированного учебного пособия по РКИ / Е. М. Шахова, К. А. Паутова // Язык и культура: взгляд молодых. Материалы III Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур (Москва, 26–28 мая 2020 г.) ; гл. ред. М. Н. Русецкая. [Электронное издание]. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – 527 с.

11. Шахова, Е. М. Проблемы смешанной модели обучения РКИ / Е. М. Шахова, К. А. Паутова, М. А. Паутов // Русский язык в поликультурном мире : V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.) ; отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. – Т. 2. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2021. – С. 359–363.

12. LearningApps : [портал]. – URL: <https://learningapps.org/>.

13. Quizlet : [портал]. – URL: <https://quizlet.com/>.

**II НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ
КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИИ И
СОВРЕМЕННОСТЬ»**

**II НАУКОВО-ПРАКТИЧНА КОНФЕРЕНЦІЯ «ХУДОЖНІЙ
ТЕКСТ У ПОЛІКУЛЬТУРНОМУ КОМУНІКАТИВНОМУ
ПРОСТОРІ: ТРАДИЦІЇ ТА СУЧАСНІСТЬ»**

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ,
ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

УДК 811.161.2'366.58

**РОЛЬ ЛЕКСИЧНИХ ДЕТЕРМІНАНТІВ У ВИРАЖЕННІ
АСПЕКТУАЛЬНОЇ СЕМАНТИКИ ОДНОКРАТНОСТІ**

Е. Л. Ачилова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской
филологии, Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению одной из актуальных проблем современной аспектологии – выражению семантики однократности. Целью работы стало описание лексических средств выражения семантики однократности в современном украинском языке. В исследовании использованы методы описательного, контекстного и компонентного анализа. Установлено, что семантику однократности могут реализовывать не только видовые формы глагола, но и ряд лексических детерминантов, способных сообщать контекстам семантику однократности действия или ситуации, а также нивелировать значение многократности. Лексические показатели однократности делятся на прямые и непрямые в зависимости от своего семантического наполнения.

Ключевые слова: глагол, категория кратности, однократность, вид, лексический детерминант.

Summary. The article is devoted to the study of one of the topical problems of modern aspectology – the expression of the semantics of semelfactive. The aim of the work was to describe the lexical means of expressing the semantics of semelfactive in the modern Ukrainian language. The study used the methods of descriptive, contextual and component analysis. It has been established that the semantics of semelfactive can

be implemented not only by the aspectual forms of the verb, but also by a number of lexical determinants that can convey the semantics of the semelfactive of an action or situation to contexts, as well as neutralize the meaning of frequentative. Lexical indicators of semelfactive are divided into direct and indirect depending on their semantic content.

Key words: verb, category of frequency, semelfactive, aspect, lexical determinant.

Дієслівні категорії слов'янських мов неодноразово ставали об'єктом лінгвістичних досліджень, проте деякі з них і сьогодні потребують всебічного опису й поглибленого аналізу. Так, у другій половині ХХ століття з'явилися дослідження, присвячені загальнодієслівній категорії аспектуальності (Ю. С. Маслов, О. В. Бондарко, О. М. Соколов, Н. С. Авілова, М. Я. Гловінська, В. С. Храковський, С. О. Соколова, О. Я. Титаренко, О. І. Семиколєнова, М. О. Шелякін, О. В. Петрухіна). Як відомо, одним з основних аспектуальних значень є кратність (повторюваність). Категорія кратності в мові виявляється у двочленній опозиції (однократність / багатократність) та об'єднує систему різнорівневих компонентів мови на основі спільності їхніх семантичних функцій.

Мета цієї статті – описати лексичні детермінанти однократності в сучасній українській мові.

Провідними методами дослідження стали описовий, контекстний та компонентний аналіз.

Категорія кратності виявляється в бінарній опозиції: одна ситуація / (невизначена) множинність (таких самих) ситуацій, причому в основі розрізнення у всіх випадках полягає лише ознака однократність / багатократність [5, с. 15]. Це означає, що багатократність і однократність займають полярні позиції в семантичному просторі кратності.

Т. В. Белошапкова зазначає, що однократність «передає кількісну характеристику дії шляхом вказівки на одиничність її виявлення» [1, с. 84–85]. Поняття одиничної дії є вихідним у межах опозиції багатократність / однократність, а тому первісно зрозумілим, проте необхідно зазначити, що з погляду логіки поняття одиничної дії є менш витлумаченим і визначеним, тому потребує детальнішого розгляду [5, с. 17].

Значення однократності може передаватися як на рівні лексеми, так і на рівні висловлення. Проте можливість модифікації дії в бік однократності визначається передусім семантичними властивостями вихідного дієслова або його лексико-семантичного варіанта (ЛСВ).

Найбільш глибоке дослідження семантики однократності міститься в роботі В. Г. Гайдукова, який характеризує однократну дію, з одного боку, як точкову, одноактну, а з іншого – як таку, що може бути тривалою. Точкова одноактна дія виражається в словах на кшталт *махнути, відступити, вдарити* тощо, а також на рівні речення: *Відчинилися двері, і увійшов він*. Коли йдеться про тривалу однократну дію, враховується зв'язаність у семантиці дієслова ознак обмеженої тривалості та однократності дії, на зразок *погуляти, почитати, продзвеніти* тощо (В. Г. Гайдуков) [3, с. 4]. Тривала однократна дія може бути виражена й на рівні речення: *Учора на зборах він говорив цілу годину*.

Диференційними семантичними ознаками однократності є конкретна часова локалізованість та безперервність дії в межах одного періоду, який можна уявити як точку. Наявність цих ознак є необхідною та достатньою умовою для вираження однократності дії лише тоді, коли для дієслівної семантики є актуальним смислове протиставлення за ознакою одиничність / повторюваність. Так, у реченні *У першому класі Святославу подобалася ця книга* дія обмежена в часі, але значення однократності тут не актуалізоване, тому що семантика предиката не співвідноситься з ознакою повторюваності [3, с. 5].

О. Я. Титаренко справедливо вважає, що «дієслова обох видів можуть позначати одиничну (одноразову) дію» [6, с. 23]. Дослідження дає можливість стверджувати, що значення однократності реалізують насамперед дієслова доконаного виду (ДВ), а також дієслова однократного (одноразового) та одноактного (семельфактивного) родів дієслівної дії (РДД). Однократний РДД визначають як такий, що вказує на виконання дії один раз на відміну від можливого повторення: *записати, привітатися* тощо. Одноактний РДД виражає дію, виконувану за один прийом і співвідносно з багатоактною дією. До нього належать дієслова з префіксом *з-/с-* у сполученні з дієсловами різноспрямованого руху або із суфіксом *-ну-* (*з'їздити, сходити; цокнути, ойкнути*) (С. О. Соколова) [4]. Одноразові дії також виражають тривало-одноактні дієслова ДВ: *промурчати, прокричати*.

На реалізацію кратного значення, вираженого видовими формами дієслова, певною мірою впливає контекстуальне оточення. Як зауважував У. Вейнрех, «у слов'янських мовах кількісна аспектуальність втілюється у різноманітних окремих видових значеннях ДВ і НДВ, виступає як спосіб дії <...>, знаходить лексичне вираження за допомогою прислівників та обставинних слів» [2, с. 185]. Отже, кратна семантика може бути актуалізована і лексичними засобами, або детермінантами.

Усі лексичні показники однократності поділяють на два розряди: прямі лексичні показники однократності й непрямі лексичні показники однократності. До прямих показників належать такі, як *раз (один раз), одного разу, якимось, якимось раз, якимось-то, одного дня, одного вечора, раз увечері, якимось увечері* тощо. Ці лексичні детермінанти передають одноразовість лише самого факту дії, безвідносно до способу його розподілення в часі [3, с. 15]. Непрямі показники однократності виражають одноразову дію лише тоді, коли співвідносять дію з одним певним часовим періодом, наприклад: *Щойно слухав прогноз погоди*. До непрямих показників можна зарахувати й такі, як *у цей ранок, сьогодні, вдень, тепер, зараз* тощо. Характерно, що непрямі детермінанти поєднують семантику однократності зі значенням обмеженості в часі.

Треба звернути увагу на те, що лексичні детермінанти можуть надавати семантики однократного вияву конкретній дії або цілій ситуації не тільки на рівні речення, але й на рівні абзацу чи складного синтаксичного цілого.

У межах одного речення прямі показники посилюють однократність дії: *Раптом у Меланчиній хаті спалахнуло світло* (І. Кочерга); – *Побачимо... – протяг Кутузов, немовби приймаючи виклик. А тоді враз повернувся круто до варті й махнув рукою в невідомому напрямку: – Взяти!..* (І. Багрянний); *І в одну мить розстебнув кожух* (Панас Мирний). В усіх аналізованих контекстах детермінанти посилюють однократну семантику дієслів семельфактивного РДД.

Довбня мовчки **у**став, повагом **п**очвалав до скрипки, **в**ідімкнув її, **в**итяг скрипку, **п**обринькав на струнах, **п**овів раз смичком і почав настроювати (Панас Мирний). В останньому прикладі значення однократності дієслова ДВ **п**овів посилено лексичним поширювачем раз. Раз уранці Мелашка **в**имела хату й половину сіней, **о**бмела коло своєї призьби, **з**мела сміття до порога та й **п**ішла в хату за рядюгою, щоб винести сміття на смітник. Саме тоді Мотря **в**ибігла з сіней і **в**гляділа коло порога сміття (І. Нечуй-Левицький). Детермінант раз уранці надає семантики однократності послідовним діям, вираженим дієсловами ДВ.

Подеколи однократність дії в реченні може бути підкреслена непрямыми показниками однократності: – **С**той! **Н**е шуми! **Р**асшибу! – плутаючи ногами, **к**рикнув на їх п'яний чоловік і з одного маху **у**хопив за руку рогожку (Панас Мирний).

На рівні речення або надфразної єдності лексичні детермінанти однократності (як прямі, так і непрямі) посилюють однократний вияв дії, вираженої дієсловом НДВ у теперішньому сценічному значенні: В цю мить Свічка, що почув крик, **к**идається [пор.: кинувся] на порятунок (І. Кочерга); Тим часом з правого боку **в**иходить [пор.: вийшов] Коляндра і ще два цеховики. Побачивши Гільду, **з**упиняються [пор.: зупинилися] праворуч на першому плані (І. Кочерга).

Під впливом прямих лексичних детермінантів однократності ситуація, виражена в складному синтаксичному цілому, набуває семантики одноразового вияву: **А**ж ось, одного разу вискочивши, він **з**обачив, що в темній темноті чиясь постать **м**аячить, простуючи у двір (Панас Мирний); У таких ситуаціях дієслова НДВ зі значенням дії, обмеженої в часі, набувають одноразово-тривалої семантики: **О**т **і**дуть вони якось удвох вулицею, а собаки як нападуть, як нападуть на них, то селянин і **к**аже... (Народні усмішки 1986); Якось хазяїн і батрак **к**осили ячмінь. Батрак уже й зморився, а хазяїн **н**е дає відпочити. Коли побачив батрак, що воли **п**асуться в ячмені, та й **к**аже... (Народні усмішки 1986); **П**рийшов якось бідний селянин до лікаря. **С**каржиться, що й у попереку **к**рутить, і в боці **к**оле, і голова ніби свинцем налита. Лікар дав ліки та й **к**аже... (Народні усмішки 1986); **М**оже, мені тоді було п'ять років, може шість, а тільки пам'ятаю, одного літнього дня в хаті в нас почалась якась незвичайна тривога, батько щось потихеньку **г**оворив матері, мати **о**хкала, **а**хкала, **х**апалася за віника підмітати хату і **з**апитувала батька... (Остап Вишня).

Під впливом лексичного детермінанта кратності ситуація, виражена на рівні цілого абзацу дієсловами НДВ з одночасними відношеннями, може бути схарактеризована як однократна ситуація: Одного літнього дня перед паликопою Омелько Кайдаш **с**идів в повітці на ослоні й **м**айстрував. Широкі ворота з хворосту були одчинені навстіж. Густа тінь в воротах повітки, при ясному сонці, здавалась чорною. Ніби намальований на чорному полі картини, **с**идів Кайдаш в білій сорочці з широкими рукавами. Кайдаш **с**тругав вісь. Широкі рукава закачались до ліктів; з-під рукавів було видно здорові загорілі жилаві руки. Широке лице було худорляве й бліде, наче лице в ченця. На сухому високому лобі набігали густі дрібні зморшки. Кучеряве посічене волосся стирчало на голові, як пух, і блищало сивиною (І. Нечуй-Левицький). Дієслово **с**тругати

виражає тривалу багатократну дію, що складається з повторюваних однотипних актів, проте в умовах контексту значення повторюваності дії певною мірою нівелюється під впливом детермінанта однократності *одного літнього дня*, який обмежує виявлення ситуації в часі і надає всьому абзацу семантики однократності.

Отже, основними засобами вираження семантики однократності в сучасній українській мові є дієслова ДВ та однократний і семельфактивний роди дієслівної дії. На рівні контексту однократність може бути реалізована за рахунок відповідних лексичних детермінантів, які можуть бути прямими та непрямыми. Ці показники надають семантики однократності діям або цілим ситуаціям, посилюють одноразовість дієслів ДВ, а подеколи нівелюють багатократне значення дієслів НДВ.

Список использованных источников

1. Белошапкина, Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке / Т. В. Белошапкина. – Москва, 2007. – 328 с.
2. Вейнрех, У. О. О семантической структуре языка / У. О. Вейнрех // Новое в лингвистике.– Москва : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 163 – 249.
4. Гайдуков, В. Г. Значение однократности действия и средства его выражения в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Г. Гайдуков. – Москва, 1989. – 19 с.
5. Соколова, С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові / С.О. Соколова. – Київ : Наукова думка, 2003. – 283 с.
6. Типология итеративных конструкций ; под ред. В. С. Храковского . – Ленинград : Наука, 1989. – 311 с.
7. Титаренко, Е.Я. Имплицитная аспектология русского глагола : монография / Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 324 с.

УДК 811.161.2'373.7

ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ И СОЗДАНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е. В. Дехтярева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье на материале художественных произведений украинских писателей конца XIX – нач. XX вв. Леся Мартовича, Василия Стефаника, Гната Хоткевича, Марко Черемшины рассматриваются диалектные фразеологизмы, их функции и стилистическая роль. Диалектные фразеологизмы иллюстрируют богатства украинской фразеологии, являются средствами формирования эмоционального фона и выразительности художественных произведений, позволяют зафиксировать языковые явления, распространенные

только на определенной территории. Работа с художественными текстами, отражающими региональную специфику, вносит вклад в перспективные направления исследования диалектной фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, диалектная фразеология, художественный текст, экспрессия, выразительность.

Annotation. The article based on the Ukrainian writers of the late XIX-early XX centuries artistic works of Les Martovich, Vasily Stefanik, Gnat Khotkevich, Marko Cheremshina considers dialect phraseological units, their functions and stylistic role. Dialect phraseological units illustrate the richness of Ukrainian phraseology, are the means of forming an emotional background and expressiveness of artistic works, allow to fix linguistic phenomena that are common only in a certain territory. Work with artistic texts reflecting regional specifics contributes to promising areas of dialect phraseology research.

Keywords: phraseology, dialect phraseology, artistic text, expression, expressiveness.

Фразеология сегодня является богатым полем для лингвистических изысканий. «Несмотря на свою молодость, – отмечает Т. Н. Федуленкова, – фразеология как лингвистическая дисциплина привлекает внимание все более широкого круга исследователей. Если в двадцатые годы впервые ставится вопрос о выделении фразеологии в особую область лингвистики, то сейчас, благодаря заслугам отечественной лингвистики, признанным и за рубежом, фразеология является вполне сформировавшейся отраслью лингвистической науки, переживающей третий период своего развития, располагающей сложившейся теорией и собственной методологией» [8, с. 35].

Дальнейшее развитие фразеологической науки также предполагает изучение и сохранение фразеологического фонда, зафиксированного в художественных произведениях авторов, являющихся носителями живой разговорной речи. Такие произведения актуализируют словарные богатства общенародной фразеологии, распространенной на определенной территории. А работа с художественными текстами, отражающими региональную специфику, вносит вклад в перспективные направления исследования диалектной фразеологии. Как замечает И. А. Кобелева, в настоящее время «интенсивно развивается и диалектная фразеология, при этом основное внимание уделяется формальной (структура, варьирование), семантической, этимологической и этнокультурной сторонам диалектной фразеологической единицы» [4, с. 4].

Фразеологизмы, обладая, как правило, экспрессивно-эмоциональным значением, являются ярким выразительным средством народной речи. Умело использованные писателями в художественном повествовании они способствуют тому, что язык произведений становится образным, рассчитанным на зрительное восприятие. Потому изучение экспрессивно-выразительных функций диалектных фразеологических единиц (далее ДФЕ) в художественной литературе является актуальным на современном этапе развития фразеологии.

Преодоление ДФЕ региональных ограничений, введение их во фразеологический корпус литературного языка – это процесс долгий, но закономерный. На важность изучения выразительных средств, выбранных и отобранных писателем из общенародного языка, в свое время указывали В. В. Виноградов [1, с. 226], А. И. Ефимов [3, с. 10].

В произведениях художественной литературы на первый план выходит именно экспрессивно-стилистическая роль фразеологизмов, что позволяет мастерам слова активно привлекать последние для построения поэтических картин [6, с. 125]. Вмещающая в себя огромную силу экспрессии и эмоционального напряжения, ДФЕ являются иллюстрацией изобразительных и эстетических качеств языка. Их используют для создания речевой характеристики героя, оживления авторской речи, отображения этнокультурных особенностей. При помощи ДФЕ можно описать каждое явление метко, ярко, оригинально и колоритно, потому что во фразеологизмах зафиксирован вековой опыт, этика и эстетика, мудрость народа. По мнению П. С. Дудика, «...неэмоциональных, стилистически неориентированных фразеологизмов не бывает» [2, с. 179].

Характерная особенность диалектных фразеологизмов – ярко выраженная эмоциональность, тесно связанная с экспрессивностью, которая становится более выразительной благодаря употреблению ДФЕ, передающих напряженное внутреннее состояние персонажей, например: *Та й я із страху ек прибіг, ек згримав у двері, то мне без пам'іти до хати пустили* [10, с. 115]; *Як уздріла попа коло хвіртки, то так гейби їй поза шкіру мурашки пополазили* [5, с. 9].

Следует отметить и ДФЕ, иллюстрирующие жизненные трудности, безысходность положения, в которое попадают герои произведений. Структурными компонентами таких единиц чаще всего являются усилительно-выделительная частица **ХОЧ** (диал. **ХОТЬ**) и глагол в повелительном наклонении: *Таки не дам, **хоть** убий мене, то не дам* [5, с. 80]; *Аді, **хоть** медом масти, **хоть** дегтем чорни, а **хоть** мні бери та на шкамутки порубай, то ек кажу, шо ми ті жель, то жель* [12, с. 47].

Различные модально-экспрессивные оттенки передают фразеологизмы, в компонентном составе которых зафиксированы и другие частицы. Так частица **НЕ** вместе с глаголом-императивом несовершенного вида усиливает экспрессивный запрет, экспрессивную просьбу: *Е, ні / **Не гніват** Бога / Гостина була тишина* [10, с. 25]; *Ви, люб'єтка, **не пиліт** мого **серця**, бо я вже спилений* [12, с. 67]; *Ідіт, старий, спати, **не гніт** бандиги, а завтра підемо в село на вибір, та ми тих богачиків трохи намнемо* [7, с. 134].

Значительной экспрессией обладают фразеологизмы с диалектной частицей **НАЙ**, использующиеся в речи героев как проклятия и заклинания: *А обсіли, **най** би їх так **франця** та **короста** обсіла, ек вони нас обсіли* [10, с. 30]; ***Най** такого сина **грім** заб'є, шо неню не шінує* [12, с. 81]; *Агій на тебе, та же **най** твої голови **дідько** причепитси, як не мої* [7, с. 34].

На выразительность контекста влияют и компаративные фразеологизмы, которым свойственна та или иная эмоциональная окраска: положительная, отрицательная, ироническая, торжественная, шутливая, эвфемистическая, например: *Ех / **Смотолока** / ... **п-пропав**, – каже, – **ек пес** у **ярмарку*** [5, с. 371]; ***Бо не стій** у **церькви** **як слуп*** [7, с. 34].

К единицам с высоким стилистическим потенциалом относим и тавтологические ДФЕ, в которых усилительную функцию выполняют повторы *А-а...Оле / **Єким** **чюдом** **чюдненьким**, **єким** **дивом** **дивненьким**... / **Ано-ко** ви, **молодеки** / **Посувайтеси**, **дайте** **місце**. **Наш** **поренний** **пастух** **прийшов**...* [10, с. 165]; – ***Не пішла-сме** **тогід**, **бо** **ніяк** **було**, **ба** **сесе**, **ба** **тото*** [5, с. 11].

Выразительность устной речи героев достигается писателями вследствие использования в контексте нескольких ДФЕ подряд: *Єк дало мені пуду – волосє д'гори здіймалоси / То сми без памнеті вилеків наверх, аж там трохи очунавси* [10, с. 113]; *Дай господочку милосердний, аби я з оного місця не рушилася, аби мені руки покрутило, аби мені ноги відоймило, аби мені очі повилазили, аби мені мову умкло, як брешу* [5, с. 10]; *Аби єму остатна година була, аби біг дав, шоби він сам тим молоком наїдавси / Християнин у губу не має шо взєти, а він єго до аптики за молоком посилає* [12, с. 78]; *Якби ні жінка мизинним палцем кинула, та й бих капурец зробив, на винне яблуко бих розпосочив* [7, с. 20].

Значительное воздействие на читателя оказывают фразеологизмы с диалектным компонентом. И если сравнить такие единицы с эквивалентными литературными фразеологизмами, зафиксированными в академических словарях, то можно сразу заметить, насколько ярче, эмоциональнее ДФЕ передают атмосферу повествования, иллюстрируют региональные особенности речи, например:

диал.: *мрєч в очєх* (мрєч – лит. туман). *Та витак си провергли – а ту ті мрєч в очєх, а дух єк не зіпре у хавках* [11, с. 23] – сравн.: лит. *туман в очах* [9, с. 903];

диал. *мати патороч* (патороч – лит. неприятность, проблемы). *Але ци-сте чули, яку Тимофій має патороч із жінков?* [7, с. 83] – сравн.: лит. *мати халєпу* [9, с. 476];

диал. *глигнула зизим оком* (глипати – лит. смотреть). *Тєпер вона глигнула на Варвару зизим оком* [5, с. 27] – сравн.: лит. *дивитися зизим оком* [9, с. 236]. Подобные ДФЕ делают уникальным авторский способ языкового выражения, являются своеобразными средствами выразительности в художественном тексте.

Для писателей представляют интерес фразеологизмы-антонимы, имеющие в своем составе общий компонент, поскольку использование их в одном предложении заметно оживляет речь героев произведений, например: *Біг дав, та й біг узєв. Найшлоси було тройко, та й аді, так єк віником замів* [12, с. 76].

Экспрессивность диалектных фразеологизмов усиливается в контексте и в том случае, когда им предшествуют пояснительные слова, например: *єк тот повідав, як якийсь казав, єк єкийс казав, казати* и др., например: *Та вно на правду, єк тот повідав, не пхай пальці межи двері, аби тє не скалічило* [11, с. 175]; – *Но-но-но, жінко, бог з тобою / Чоловік, як якийсь казав, хоче зажити світа: на то бог дав неділю / Цілий тиждень працюємо, як той казав, в поті чола, а...* [5, с. 26]; *Але, єк єкийс казав: дуріют, бо мають з-за чого дуріти, а на свіжїм люхті то ше гірше йде їм дур до голови* [12, с. 44]; *Кажут, шо болото зробив з жінки / А рано вона хотіла втечи, але ймив та прив'єзав та місив обцасами, як у глину / Най бог боронит від такого!* [7, с. 83].

При использовании фразеологизмов степень выразительности и воздействия на читателя, в определенной степени, обусловлена их местом в предложении: если ДФЕ находится в постпозиции, она является образной вершиной контекста: *Хліба вони не роблять, підвод не дають так, як на долах, обходимося ми тут із ними, як із панянками якимось, – і все невлад, все він тебе ненавидить, сатаною дивиться* [10, с. 39]; *Йди й ти за Гриньком та там будете оба сміятися з того свяця, – сказав Іван, а тут стули хавку* [5, с. 237];

Стійте, як мур, як камінна скала, напротив і бийте його на скамузь [12, с. 128]; *Слабував я тогди довго, гадав, що вже буде капут* [7, с. 169].

И наоборот: наблюдаем снижение экспрессии, когда ДФЕ находится в препозиции, в этом случае она вносит в контекст логический оттенок пояснения, уточнения, толкования: *Та з мене мій сім шкур ізпустит, ек му не принесу чірвоних* [10, с. 60]; *Узяв піп на мене пізьму, – говорив Гриць до жінки по якімось часі, вернувши від хреста / Як, за що/ – А чи ж я знаю* [5, с. 29]; *Іде публіка в голову, а я таки не темлю, коли-сми її заживав / Нема з-за чого та й тому не кортит, най постит душа* [12, с. 45].

Таким образом, диалектные фразеологические единицы в художественных текстах являются средством выражения экспрессии, выразительности. Писатели стараются «извлечь» из каждой ДФЕ максимальный прагматический эффект. От того как писатель использует фразеологизмы, зависит его индивидуальный стиль, развитие сюжета в произведении, природность художественных образов. Безусловно, роль зафиксированных фразеологизмов значима не только для исследований диалектной фразеологии, но и для пополнения данных о взаимодействии фразеологической системы литературного языка и говоров.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Гослитиздат, 1959. – 654 с.
2. Дудик, П. С. Стилїстика української мови : навчальний посібник / П. С. Дудик. – Київ : Академія, 2005. – 368 с.
3. Ефимов, А. И. Стилїстика художественной речи / А. И. Ефимов. – [2-е изд., доп. и перераб.]. – Москва : Изд-во МГУ, 1961. – 519 с.
4. Кобелева, И. А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты : специальность 10.02.01 : дис.... д-ра филол. наук / Кобелева Ирина Арнольдовна. – Сыктывкар, 2012. – 355 с.
5. Мартович, Лесь Твори / Лесь Мартович. – Київ : Дніпро, 1976. – 428 с.
6. Пономарів, О. Д. Стилїстика сучасної української мови : підручник / О. Д. Пономарів. – Київ : Либідь, 1993. – 248 с.
7. Стефанік, В. Повне зібр. творів : у 3-х т. / Василь Стефанік. – Київ, 1949. – Т. 1. – 377 с.
8. Федуленкова, Т. Н. Современная фразеология и фразеодидактика / Т. Н. Федуленкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. – Вып. 2. – 2005. – №11 (51). – С. 35–39.
9. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] ; упоряд. В. М. Білоноженко та ін. – Київ : Наук. думка, 1993. – 984 с.
10. Хоткевич, Г. Довбуш : [повість] / Гнат Хоткевич. – Київ : Дніпро, 2004. – 392 с.
11. Хоткевич, Г. Камінна душа : [повість] / Гнат Хоткевич. – Київ : Дніпро, 1981. – 295 с.
12. Черемшина, М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – Київ : Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

ВИСВІТЛЕННЯ М. РИЛЬСЬКИМ ОКРЕМИХ ЯВИЩ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКОЇ ІНТЕРФЕРЕНЦІЇ

М. І. Пелипась,

завідувач кафедри української філології Інституту філології КФУ

ОСВЕЩЕНИЕ М. РЫЛЬСКИМ ОТДЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ УКРАИНСКО-РУССКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Н. И. Пелипась,

*заведующий кафедрой украинской филологии Института филологии
КФУ*

Анотація. В статті розглянуто погляди М. Рильського на питання подолання негативних наслідків українсько-російської міжмовної інтерференції. Проаналізовано рекомендації видатного вченого щодо збереження та шліфування краси й самобутності української мови.

Ключові слова: міжмовна інтерференція, калька, запозичення, національна мова.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды ученого на вопросы преодоления негативных последствий украинско-русской межязыковой интерференции. Проанализировано рекомендации выдающегося ученого относительно сохранения и оттачивания красоты и самобытности украинского языка.

Ключевые слова: межязыковая интерференция, калька, заимствование, национальный язык.

Summary. The article considers M. Ryl'sky's viewpoints on overcoming negative results of Ukrainian-Russian interlingual interference. His recommendations about preserving and improving beauty and unique status of the Ukrainian language are analyzed.

Key words: interlingual interference, loan translation, borrowings, national language.

Актуальність даного дослідження зумовлена недостатністю комплексного вивчення наукової діяльності М. Рильського на теренах російсько-української міжмовної інтерференції.

Мета статті – аналіз наукової спадщини М. Рильського та висвітлення його практичних порад щодо різних аспектів нормативних засад і культури української мови.

Об'єктом дослідження є лінгвістична, публіцистична спадщина М. Рильського.

Предметом дослідження є виявлення та оцінка на основі вивчення численних праць, окремих висловлювань та практичної діяльності М. Рильського його конкретного впливу на різні аспекти науки про українську мову.

Як людина, що щиро вболіває за долю рідної мови, за збереження та розвиток її питомих, самобутніх особливостей, завдяки яким вона й

сприймається як окрема, самостійна серед інших споріднених мов, М. Рильський не міг, природно, оминати своєю увагою численних не тільки в усно-розмовній, а й у літературно-книжній мові явищ українсько-російської міжмовної інтерференції, що виявляються як у прямих запозиченнях, так і в калькуванні.

З обігу, особливо це стосується книжних стилів – наукового, офіційно-ділового, публіцистичного, поступово витіснялися українські відповідники як нібито розмовні, стилістично марковані, діалектні попри давню традицію їх уживання. М. Рильський у „Відзиві про дисертацію Й. А. Багмута „Принципи перекладу на українську мову творів В. І. Леніна” [9, т. 16, с. 313–316], порівнюючи українські видання творів Леніна 20-х років і те, що готувалося вже в повоєнний час, заперечує проти заміни в новому українському перекладі цілої низки слів як нібито застарілих, вузькодіалектних і т. ін.: рос. „пожалуй” у перекладі 1926 р. подавалося як „либонь”, а в 1950 р. – „мабуть” („А мені от здається, що російському розмовному „пожалуй” більш відповідає українське розмовне „либонь”, ніж українське „мабуть”, яке, до речі, точніше перекладається російським „вероятно”, ніж „пожалуй”. Можна б тут дати ще й „можливо”...”), не погоджується з „надто великою суворістю до окремих, безперечно, живих у мові слів та висловів, як-от – „вивласнення” („отчуждение”), „відокремлення” („обособление”), не розуміє, чому „рішуче відкидає тов. Багмут такі слова, як „простолюд”, „царат”, „ладен”, „торг”, чому „треба заміняти такі загальноживані слова, як „тесляр”, „ухналь”, „крейда”, „гембель”, „ринок”, „бавовна”, „цегла”.

Про велику відповідальність письменника за чистоту і правильність мови говорив Б. Антоненко-Давидович. Він указував на те, що досить часто не тільки письменникам, а й науковцям-мовознавцям бракує чуття мови, вміння елементарно розрізняти, що в тому чи іншому тексті є природним, органічним для мови, а що – штучним, скалькованим” [1, с. 190]; „...ми часто забуваємо про ту подвійну відповідальність, яка лежить на письменникові не тільки за його твір, а й за кожне слово в цьому творі. Адже письменник – носій і пропагандист передових ідей своєї доби, які він утілює в художні образи, є водночас певною мірою також учитель, із творів якого вдосконалюють або псують свою мову тисячі читачів. ... Ми можемо почути з уст відомого письменника на прилюдному виступі такі перли, як „треба прийняти якісь міроприємства” або „дякую режисера, артиста і телеглядачів”. За це вчителі української мови ставлять двійку, а нас це не дивує, не вражає, не обурює. Чому?” [1, с. 190].

М. Рильський пише про масовість інтерференції елементів російської мови в структурі української мови і про надзвичайно негативні наслідки цього явища не тільки для культури української мови, а й для культури мислення: „Коли наші мовознавці криком кричать про таке „зіпсуття мови”, про занечиснення її зовсім непотрібними русизмами і т. ін., то це зовсім не причепливість наших фахівців-лінгвістів, а вельми корисний для всіх нагад про давно відому істину: де підупадає культура слова, мусить підупасти й культура думки....чути щодня *до жалю* (к сожалению) замість *на жаль*, *дякую вас*, *чи цедійсно так* (замість *чи це справді так*), *все рівно* замість *однаково* чи *байдуже* і бачити виповнені такими зворотами книжки молодих, розумних, талановитих і енергійних письменників боляче” [9, т. 16, с. 190]. Письменник подає, зокрема, результати своїх спостережень над численними випадками скалькованого з

російської мови „сміховинного вживання слова в невідповідному реченні” – такі, наприклад, як: „Говорять, пишуть, не дивуючись, читають: „він поїхав на рибалку”. В перекладі на російську мову це означає: „он поехал на рыбака”. Українська мова має чимало відповідників до слів „рыбалка”, „рыбная ловля”, отже, наведене речення повинно б виглядати так: „він поїхав на риболовлю”, ще краще – „він поїхав ловити рибу”, ще краще – так воно й говориться в народі – „він поїхав по рибу”...” [9, т. 16, с. 445–446].

„Синтакса наших письменників збивається раз у раз на просте калькування, механічне відтворення – слово по слову – російських зворотів. Ми глибоко шануємо мову Пушкіна і Толстого..., але ж хіба це дає нам підставу заперечувати, що мова Шевченка і Лесі Українки має свій запах, свій колорит і що секрет того запаху й колориту полягає передовсім у синтаксі, у своєрідному комбінуванні, розкладі, керуванні, погодженні слів. Кинутий щойно докір стосується в першу чергу газетних робітників (досить для того, щоб із цим погодитись, прочитати першу-ліпшу шпальту будь-якої нашої газети), але не минає він, на жаль (або “до жалю” “к сожалению”, як часом таки і говорять, і пишуть), і художнього нашого слова...” [9, т. 16, с. 363]. Письменник, який сам зазнав політичних репресій у часи сталінського режиму, цілком правомірно вбачає причини такої тенденції до масового використання росіянізмів не тільки в бездумному засвоєнні елементів російської мови, а й у побоюваннях мовців, письменників, редакторів, лексикографів, щоб не одержати ярлика „українського буржуазного націоналіста”, плекаючи власне українську, питому мову: „Виникла... тенденція: очищати нашу річ від націоналістичного сміття. Але в що вилилась ця тенденція? У те, що наш літредактор, натикаючись у думці на російське слово „презренный”, так і ставить по-українськи „презренний”, хоч це слово утворене всупереч законам нашого язика (мало б уже бути хоч „презрінний”, чи що!); у те, що родиться такий покруч, як улюблене нашими поетами для дітей слово „ребята” (може, „реб’ята”?), – а ніхто й не помислить собі, як же буде однина від цього слова – „ребя” („реб’я”?) по аналогії з „теля” чи „ребйюнок” – аналогічно до російського? Адже і так, і так виходить мовний абсурд. Без усякого вагання пишуть: „Курс історії ВКП(б) написаний *дивною* мовою”, хоча в зворотному перекладі на російську мову виходить, що цей курс написаний „странным языком” [9, т. 16, с. 347–348].

Письменник знаходить численні й різноманітні кальки з російської мови не тільки в живій розмовній мові та в оригінальній українськомовній художній літературі, а й навіть у текстах праць науковців-мовознавців: „бачимо випадкову, очевидно, кальку з російської мови – „як би” („какбы”) в розумінні „ніби”, „сказати б” і т. ін.” [9, т. 16, с. 438] – і особливо – в перекладах з російської на українську мову. Не випадково М. Рильський звертався до питання вживання невмотивованих кальок і в статтях, що стосувалися проблем перекладу. Адже найчастіше їх виникнення було спричинене незнанням або занадто бідним знанням перекладачем тієї мови, на яку здійснювався переклад. Безпорадність перекладачів у відтворенні того чи іншого слова оригіналу змушувала деяких із них не звертатися до багатств народної мови, не заглядати у словники, а йти шляхом механічного калькування потрібного слова. Це, безперечно, призводило до зниження якості перекладаного твору. Адже знання мови, на яку перекладається твір, є так само необхідним, як і знання мови

оригіналу [9, т. 13, с. 167]. Усе це, помножене на копітку працю, має принести свої „запашні плоди перекладу”. „Перекладач, як кожний письменник, повинен мати багатий словник, багату лексику” [9, т. 16, с. 323]. Дослідник уважно стежив за розвитком подій у літературно-мовному середовищі. Так, в одній із статей про переклад учений вказує на ще одне джерело з’явлення кальок, які значною мірою завдають шкоди українській мові „...ми повинні пам’ятати про ту не завжди корисну роль, яку відіграють, на жаль, деякі літературні редактори, намагаючись „підігнати” переклад до того, „щоб було, як у автора”. З цим педантизмом, „буквалізмом” редакторів, за яким приховується не цілком виразне розуміння того, що таке художній переклад і що таке пошана до оригіналу і рідної мови, перекладачі наші – кажу про перекладачів творчого типу – борються, але не завжди успішно. Не пам’ятаю, кому належить переклад російського виразу „чай да сахар”, аналогічного доброзичливій щодо трапезуючих старовинній формулі „хлеб да соль”, побажанням „чай та цукор”, якого в українському побуті ніколи не було й нема, але подібного роду кальки, безперечно, знижують якість перекладу” [9, т. 16, с. 288–289].

Ще одне цікаве, на наш погляд, зауваження щодо правильності перекладу знаходимо ми у М. Рильського, коли він аналізує переклад одного з оповідань А. Чехова. Ось що він пише: „У тому ж виданні Чехова (йдеться про тритомник вибраних творів А. П. Чехова в українських перекладах. – М. П.), в оповіданні „Спати хочеться”, досвідчений і сумлінний перекладач, покійний А. Хуторян, припустився невинуватної кальки – колискового приспіву „баю-баюшки- баю”, хоч українською мовою жодна мати, жодна нянька так не заспіває, у нас – інший приспів: „люлі-люленьки...” [9, т. 16, с. 288]. (Зауважимо, до речі, що М. Рильський, як це часто трапляється і в сучасній мовній практиці, тут ужив слово „калька” у значенні взагалі невмотивованого й тому невинуватного і ненормативного запозичення, а не в його власному термінологічному значенні, пор.: „Калька... – слово, його окремі значення, звороти, запозичені з інших мов шляхом буквального перекладу (як правило, за частинами). Калькування – процес творення нових слів, словосполучень, фразеологізмів, при якому засвоюється лише значення та принцип організації іншомовної одиниці, що передається засобами (морфемами, словами) даної мови” [5, с. 245]).

Відзначимо ще одну особливість роботи Рильського-критика. Він, указуючи на мовні помилки, недоліки та інші негаразди, ще й підказує можливі шляхи до порятунку, до подолання виниклих труднощів. Так, підбиваючи підсумок зробленого аналізу, учений наголошує: „Відповідь – в абетці чи то пак у Кобзарі: „учіться, брати мої...” і т. ін. Справді-бо, ми зовсім іще не вичерпали тих словесних багатств, які залишили нам попередні покоління, і часом з олівцем у руці хоч би того самого Нечуя-Левицького – річ зовсім непогана і безперечно корисна. І в нього, і в Свидницького, і в Куліша, і в Марка Вовчка, і у Квітки не раз можна натрапити на звороти чи слова, котрих ми шукали, може, годинами і котрі чудесно відповідають нашій думці про якого-небудь Макдональда, що тим стареньким і не снився” [9, т. 16, с. 190].

Отже, особливо різку критику М. Рильського викликали численні, на жаль, випадки порушення норм української мови внаслідок потужної українсько-російської міжмовної інтерференції, прями запозичення і кальки з російської мови.

Список використаних джерел

1. Антоненко-Давидович, Б. Д. Як ми говоримо : Зб. статей [Текст] / Б. Д. Антоненко-Давидович. – Київ : Либідь, 1991. – 256 с.
2. Грушка, Є. Храми рідного слова (Як Олена Пчілка утверджувала та захищала українську мову) [Текст] / Євген Грушкаю – Волинь. – 1993.
3. Забужко, О. Хроніки від Фортінбраса: Вибрана есеїстика 90-х [Текст] / Оксана Забужко – Київ : Факт, 2001. – 340 с.
4. Караванський, С. Пошук українського слова, або боротьба за національне “я” [Текст] / С. Караванський. – Київ : Академія, 2001. – 240 с.
5. Клименко, Н. Ф. Калька / Н. Ф. Клименко // Українська мова : енциклопедія. – Київ : Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. – с. 245.
6. Коптілов, В. В. Переклади на українську мову / В. В. Клименко // Українська мова : енциклопедія. – Київ : Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 464–465.
7. Огієнко, І. (Митрополит Іларіон). Українська культура : монографія [Текст] / І. Огієнко. – Київ : Наша культура і життя, 2002. – 344 с.
8. Одарченко, П. Про культуру української мови: зб. статей [Текст] / П. Одарченко. – Київ : Смолоскип, 1997. – 320 с.
9. Рильський, М. Зібрання творів : у 20-ти т. / М. Рильський. – Київ : Наукова думка, 1983 – 1990.
10. Шерех (Шевельов), Ю. Нарис сучасної української літературної мови : монографія [Текст] / Юрій Шерех. – Мюнхен : Молоде життя, 1951. – 405 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 811. 161. 2' 373.7

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ НЕГАТИВНИХ РИС ХАРАКТЕРУ ЛЮДИНИ В УКРАЇНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Т. М. Андреева¹, Е. В. Дехтярева²,

¹обучающаяся 3 курса, кафедры украинской филологии, Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассмотрены фразеологизмы украинского языка, показывающие негативные черты характера человека. Такие единицы обладают большой активностью, отражают все стороны жизни человека и являются одним из средств экспрессивной характеристики личности, эмоциональной оценки его индивидуальных качеств или его положения в обществе, коллективе. Основной метод работы – описательный, заключается в анализе фразеологизмов, их описании и интерпретации. Результаты исследования позволяют увидеть фундаментальные составляющие языковой картины мира украинского этноса.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, негативные черты характера, порок.

Summary. The article considers phraseological units of the Ukrainian language showing negative traits of a person's character. Such units have great activity, reflect all aspects of a person's life and are one of the means of expressive characterization of a person, emotional assessment of his individual qualities or his position in society, collective. The main method of work is descriptive, consists in the analysis of phraseological units, their description and interpretation. The results of the study allow us to see the fundamental components of the linguistic picture of the world of the Ukrainian ethnic group.

Key words: phraseology, phraseological unit, negative character traits, vice.

Фразеологія, як частина мовознавства, яскраво виявляє самотність мови, її специфічний колорит, склад народного мислення, вбираючи в себе безцінне з усього, що впродовж багатьох століть плекає і зберігає у своїй пам'яті носій будь-якого народу. Фразеологія української мови відображає своєрідність, багатство, національний дух, матеріальні та культурні цінності етносу.

Фразеологічні одиниці (далі ФО) уособлюють бачення людини або суспільства щодо особливостей навколишнього світу. Коріння фразеології сягає живого мовлення, тому фразеологічні засоби мови мають такі ознаки, як образність та символічність. Знаходження відмінних і схожих рис, порівняння та

зіставлення дозволяють зрозуміти, наскільки людина взаємопов'язана з природою речей. Важливою функцією цього взаємозв'язку є особисте ставлення людини до довкілля, що знаходить відбиття у тому, що світогляд особистості відображається в рисах людського характеру. Мова, з одного боку, є інструментом пізнання світу людиною, містить індивідуальний і колективний досвід сприймання й оцінки навколишньої дійсності, з іншого, – відображає світогляд, національний характер, психологічний склад народу, його історію та культуру [1, с. 3].

Дослідження мовознавців дозволяють зрозуміти ті фундаментальні основи традицій, що закладені в мові, які ґрунтуються на вивченні фразеології в працях таких учених, як Л. Г. Авксент'єв, М. Ф. Алефіренко, В. В. Виноградов, М. Т. Демський, О. О. Потебня, О. О. Селіванова, В. М. Мокієнко, Ю. Ф. Прадід, В. М. Телія, В. Д. Ужченко тощо.

Фразеологізми, які характеризують людину за зовнішністю й рисами вдачі, становлять значну частину всього мовного багатства українського народу. ФО сфери моральних якостей особистості характеризуються підвищеною емоційно-оцінною навантаженістю, що робить фразеологічну картину світу більш яскравою, насиченою і глибокою [2, с. 138].

Риси характеру формують не тільки життя однієї людини, але і впливають на оточуючих, тому можуть значною мірою змінювати життя як в позитивну сторону – добротності, так і в негативну – пороків.

Репрезентація негативних рис характеру виявляється у вигляді пороку, що уособлює всі погані якості людини, які не сприймаються нормами та правилами суспільства. До негативних рис, що репрезентують характер людини, належать такі: *гординя, лицемірство, жадібність, байдужість, задрість, злість, жорстокість, хитрість, брехня, похоть, марнославство, егоїзм, дурість, зневіра* тощо. У кожного пороку є певні причини прояву, ситуація та проблема, яка зумовила його вияв. Усі ці особливості знайшли своє відображення у фразеологізмах, які, в свою чергу, через лінгвосеміотику відбилися в ФО на позначення пороків характеру людини.

Досліджуючи ФО на означення пороків, можна проаналізувати їх семантику та появу в фразеологічній картині світу. Наприклад, негативна риса характеру людини – лицемірство знайшла відбиття у таких ФО як: *кривити / покривити (скривити) душею, грати / зіграти роль, грати (ламати) комедію* тощо. Лицемірна людина – це та, яка змінює обличчя або обирає зручну для себе позицію, щоб отримати максимальну користь, свідомо маніпулює, обмежує і вимагає сприйняття тільки своєї думки. Отже, символ лицемірства – маска, за якою ховаються справжні наміри особистості. Це зумовило виникнення фразеологізмів зі значенням омані: *носити (надягати, надівати і т. ін.)/надягти маску (личину, машкару)* ‘1. Приховувати свої справжні думки, наміри, свою справжню сутність’: *Завше носити маску, завше себе загнутувати – та хіба ж то мислиме?* (Хоткевич); ‘2. Свідомо виступати в певній ролі’: *Конфлікт ускладнюється тим, що Маркові вдається тривалий час носити маску «добропорядної» людини* (Мистецтво) [5, с. 557]. Ця риса уособлює поведінку людини, яка приховує нещирість, зловмисність удаваним щиросердям та, діючи оманом, вдаючись до різних хитрощів, намагається домогтися будь-чого у власних інтересах, наприклад: *вовк в овечій шкурі*

‘Лицемірна людина, яка під маскою доброзичливості приховує злі наміри’: *Ти [Кузьма] мусиш бути богобоязним, тихим і смирним, як ягня, щоб не довідався хто, що ми вовки в овечій шкурі* (Карпенко-Карий) [5, с. 139].

Не менш поширеною є хитрість – це порок, який виявляється у людини, що здатна прикидатися і вивертатися в будь-яких ситуаціях задля досягнення особистих цілей і отримання користі різними способами, незважаючи на загальноприйняті норми: *витися (звиватися, крутитися і т. ін.) лисом (в’юном), виляти (завиляти) хвостом, підшитий лисом, підколодна (потайна і т. ін.) гадюка (гадина)* тощо.

Багато фразеологізмів виникали як характеристики тих чи інших якостей тварин. Це обумовлено тим, що стародавні люди помічали звички тварин, порівнювали їх із життям людей, з навколишніми явищами, і на основі таких спостережень з’явилися фразеологізми, до складу яких входять назви тварин, які є уособленням негативних рис характеру людини, наприклад, ФО, які позначають хитрість: *старий лис* ‘2. зневажл. Підступна, лукава і т. ін. людина’: *Завідуючий був старий лис, з медом на устах, якого, проте, радили мені стерегтися* (Васильченко) [5, с. 424]; *гратися в kota і мишку (мишу)* ‘Хитрувати що-небудь’: *Не придурюйся, Остапе, ми з тобою люди дорослі, і не годиться нам гратися в kota и мишку* (Тарновський) [5, с. 196].

Аналізуючи почуття та емоції, спостерігаємо те, як вони впливають не тільки на суб’єкт, але й на об’єкт комунікації. Людина завжди прагне знайти відгук на власні почуття. Це також відобразилося в мовній картині світу народу, коли ФО репрезентують психологічний стан особистості. Однією з таких рис характеру є злість, яка належить до пороків та являє собою емоцію, що проявляється озлобленістю, роздратуванням і недоброзичливістю щодо когось, чого-небудь: *кинути (кадити) камінь (каменем), виливати/вилити жовч, наминати (нам’яти) боки (ребра), лихі (злі) язики* тощо.

Поведінка людини, яка відчуває неприязнь чи ворожість, супроводжується проявом негативних рис характеру: прагненням принизити, образити і заподіяти біль чи шкоду комусь-небудь: *змішати з землею (з болотом)* ‘1. Жорстоко розправитися з ким-небудь, знищити когось’: *Затоптав би конем, змішав би з землею, якби не стали на заваді оці* (Гончар); ‘2. Принизити, зганьбити когось-небудь, заплямувати чийось гідність’: *Він знав наперед, що пан мусить чоловіка з болотом змішати, що мусить посміятися* (Стефаник) [5, с. 339]; *зривати (зірвати) злість (досаду, серце і т. ін.)* ‘Спрямувати на когось-небудь своє роздратування, свій гнів і т. ін.’: *Він [управитель] останнім часом просто занімів. Розтуляв рота хіба що для того, щоб гейкнути на котрогось з челядників, на комусь зірвати свою злість* (Добровольський) [5, с. 345]. Такі ФО містять негативну конотацію.

Пороком, що протягом тривалого періоду людства вважався гріхом, який являє собою бездіяльність, відсутність стимулу в людини, є лінь, тобто брак будь-якої фізичної діяльності, що характеризується свідомим розумінням того, що людина нічого не хоче робити. Це знайшло відбиття у таких ФО як: *лежати на печі (на перинах), лігма (лежнем) лежати, валяти дурака (клеїти, строїти і т. ін.), ганяти вітер по вулицях (по світу)* тощо.

Головними причинами виникнення ліні в людини є байдужість, вплив негативних рис характеру, низька самооцінка, невпевненість у власних силах,

відсутність інтересу до будь-якої діяльності або ж переконань в її неефективності. Давні люди вважали лінь ознакою бездіяльності в потрібний момент і відсутністю старанності на загальну користь, наприклад: *склавши (згорнувши, заложивши, спустивши) руки* ‘1. Нічого не роблячи, не працюючи; без діла’: *Підучилася коло вас, тепер на самотійну роботу пора. Нічого сидіти, склавши руки* (Кучер); ‘2. Не вживаючи ніяких заходів, бути осторонь чого-небудь’ : *Невже вам ніколи не спадало на думку, що всі оці наші заходи, метушіння, все це робиться, аби тільки не сидіти склавши руки* (Леся Українка) [5, с. 817]; *байдики бити* ‘1. Бути без діла, весело проводити час; розважатися’: *Юруш вернувся до батьків, нічого не робив, все спав та байдики бив* (Нечуй-Левицький); ‘2. Нічого не робити, марнувати час; ледарювати’: *Прийшов новий рік, штовхає ледаря в бік; ішов би, ледарю, робити, а не байдиди бити* (Укр. присл.) [5, с. 23].

Лінь – вияв слабості характеру чи волі перед певними труднощами, з якими людина не бажає впоратися. Подолання складнощів викликає відторгнення, небажання витратити сил більше ніж хотілося б, тому людина шукає найлегший шлях звільнення від тяжких для неї справ. Таким чином, з давніх-давен лінь характеризує негативну рису характеру особистості та являє собою порок.

Отже, фразеологія – це світ, у якому різноманітні об’єкти, явища та процеси набувають символічного позначення. ФО, які були проаналізовані в роботі, – лицемірство, хитрість, лінь, злоба – лише частина мовного світу українського народу, яка ілюструє моральні та етичні особливості суспільства, в якому знаходиться людина. Тому розуміння фразеологічного складу мови – це шлях до пізнання ментальності народу, його психології, уявлень про світ і сприйняття особистості в цьому світі. ФО на позначення пороків характеру людини посідають вагоме місце у фразеологічній картині світу, а тому вивчення поданих одиниць є перспективним.

Список використаних джерел

1. Анурина, І. Лінгвокультурологічний аспект перекладу англійських і німецьких усталених порівнянь українською мовою / І. Анурина, К. Мізін // Випуск 16. – Україна, 2013. – 11 с.
2. Газімова, А. Х. Пороки характеру людини у фразеологічній картині світу / А. Х. Газімова, А. В. Ярута. // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Том 2 (68). – № 1. – Симферополь, 2016. – С. 138–144.
3. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 1989. – 286 с.
4. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) [Текст] : монографія / О. О. Селіванова. – Київ : Брама, 2004. – 376 с.
5. Фразеологічний словник української мови [Текст] : словник / упоряд. В. М. Білоноженко та ін. ; у 2-х кн. – Київ : Наукова думка, 1993. – 984 с.

УДК 811.161.2'373.7.81'37

СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ІЗ КОМПОНЕНТОМ «ВОДА» В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

С. И. Левченко,

*обучающаяся 3 курса кафедры украинской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь
Научный руководитель – канд. фил. н., доцент кафедры украинской
филологии Дехтярева Е. В.*

Аннотация. В статье рассматриваются семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «вода» в украинском языке. Цель исследования – анализ семантики фразеологизмов с компонентом «вода» в украинском языке. Использовано описательно-аналитический и семантико-стилистический метод. Зафиксированные фразеологические единицы поделены на семантические группы и проанализированы.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, семантика, семантические особенности, этимология.

Summary. The article discusses the semantic features of phraseological units with the water component in the Ukrainian language. The purpose of the study is to analyze the semantics of phraseological units with the water component in the Ukrainian language. The descriptive-analytical and semantic-stylistic method is used. The fixed phraseological units are divided into semantic groups and analyzed.

Key words: phraseologism, phraseological unit, semantics, semantic features, etymology.

Фразеологія як невичерпна криниця культури народу відображає життя, побут та вірування людей у мові. Мовленнєве відбивання всього, що було навколо людей, зробило фразеологію різноманітною та багатоваріативною. Окреме місце в уяві людей займають явища природи, стихії, зокрема вода.

Питання дослідження фразеологізмів з компонентом вода цікавить багатьох науковців, таких як В. М. Мокієнко, М. Ф. Алефіренко, Б. О. Коваленко, З. С. Мацюк, К. І. Мізін, Т. Ф. Осіпова, О. С. Пальчевська, О. С. Переломова, О. М. Прасол, Л. М. Саліонович, В. Д. Сліпецька, М. Я. Фенко тощо.

Фразеологізми, як одиниці лексико-семантичного рівня, етносимволічно марковані. Вони синтезують у собі семантику слова та досвід певного етносу, що формує загальний образ нації. Осмислювання світу, взаємодія і пізнання навколишнього середовища акумулюються в сталих виразах.

Метою статті є виявлення культурно-національної семантики фразеологічних одиниць (далі ФО) з компонентом «вода».

Вода – прозора, безбарвна рідина, що становить собою найпростішу хімічну сполуку, але для народу, для людини в селі або в місті, вода – це не просто рідина, а щось сакраментальне, що надає людині сили, краси, здоров'я. Вважається, що вмиваючись чистою водою та примовляючи молитву, людина стає здоровішою [2, с.100].

О. О. Боряк зауважує, що без води не могли б існувати усі живі створіння на світі, тому цю рідину називають по-різному: джерелом життя, матір'ю всього

на світі, жилами землі, кров'ю планети, засобом магічного очищення та інше, що обґрунтовано певними властивостями [1, с.134].

В. В. Жайворонок описує воду як «опоетизоване явище в народній творчості, оскільки з нею тісно пов'язане життя людини від народження до смерті, взагалі все земне природне життя» [2, с. 106–108].

Вважалося, що вода була від початку світу, що ілюструється у колядці – «що ж нам було з світа початку? Не було нічого – одна водонька», або в заклятті – «водичко, найстарша царичко» [2, с. 106–108].

Саме через це людство почало здійснювати різноманітні обряди з водою, які з часом стали традиціями та відбилися в мові народу у вигляді фразеологічних зворотів з певною семантикою поданих одиниць.

Розглянуті фразеологізми з компонентом *вода* були розподілені на тематичні групи, пов'язані з різними сферами використання цих одиниць:

1. ФО на позначення обрядовості.
2. ФО, які позначають зникнення, безрезультатну дію.
3. ФО, які позначають чистоту.
4. ФО з семантикою небезпеки.
5. ФО на позначення руху.

Значення значної кількості фразеологізмів з компонентом *вода* пов'язане безпосередньо з обрядами та звичаями народу, тобто ситуативно-мотивовані та безпосередньо пов'язані зі світоглядом народу.

Існування різноманітних звичаїв, відбиття повсякденного або традиційного у фразеологічних зворотах робить не тільки народ не схожим на інших, а й мову більш колоритною та яскравою. Наприклад, звичай, пов'язаний із ворожінням на майбутнього нареченого через воду, яка характеризується властивістю віддзеркалювати, відбився у ФО *як у воду дивитися / глянути* 'Ніби знати наперед, задалегідь': *Правильно написано, – озвалася тітка., – писав чоловік, як у воду дивився* [3, с. 237].

Вода, яка була освячена, вважалася найбільш цілющою, здатною вилікувати будь-яку хворобу й захистити від нечистої сили. Її використовували для найрізноманітніших обрядів щодо зцілення, оздоровлення, освячування житла, а також захисту від потойбічних сил. Тому в мові відбиття цих особливостей святої води репрезентується в у фразеологізмах: *як чорт свяченої води* 'Дуже сильно': *Та він же, як чорт свяченої води, мабуть, боїться партизанів! – раптом здогадався Кирило* [3, с. 954]; *і вода відсвятиться (освятиться)* 'Хто-небудь помре, буде вбитий': *Він аж зіщулився, думає, зараз огріє жінка, та й вода відсвятиться* [3, с. 141].

Вважалося, що вода змиває усі провини, тому більшість самогубців, які вважали себе грішними або нездатними для подальшого мирського життя, топилися, щоб змити з себе сором та відчай, хоч за релігійними уявленнями це є порушенням заповітів Божих, настанов, тобто гріхом, наприклад: ФО *взяла вода* 'Хто-небудь втопився': *Недаремно Іван поспішав з полонини: він не застав Марічки живою. За день перед сим, коли брела Черемош, взяла її вода* [3, с. 141]; *хоч з мосту та в воду* 'У когось дуже скрутне, безвихідне становище; хтось у відчаї, комусь дуже тяжко': *Сироті хоч з мосту та в воду!* [3, с. 510].

Українці вважали, що вода настільки чиста, що вона відмовляється приймати до себе щось нечисте, отож, якщо людина топилася, а не залишалася

на поверхні води, вона вважалася невинною та чистою, про що свідчить семантика ФО **як камінь у воду** 'Безлідно': *Безвісти, як камінь у воду...* [3, с. 363].

Одним з провідних елементів чаклунства вважається і до сьогодні мертва вода, тобто та, якою обмивають мерця. Вона використовувалася для надсилання хвороби на когось, проклять, визивання потойбічних створінь, а також люди вірили, що саме в мертвій воді купаються відьми. Це зумовило появу фразеологізму **як скупаний у мертвій воді** 'Пригнічений, сумний, невеселий': *Минув уже тиждень, як спорожнів хутір П'ятигори, а люди, що залишились, все ще ходили, як скупані в мертвій воді* [3, с. 822].

Символіка води є неоднозначною: з одного боку, це ідея прозорості, свіжості, швидкоплинності, що відбилося в семантиці ФО **як води напиться, як із води йти**, але з іншого – уявлення про воду, як про небезпечний простір, що належить потойбічним силам. Тому виникла низка фразеологізмів, які позначають зникнення чогось або когось, що пояснюється тільки втручанням нечестивого, наприклад: **як вода вмила (змила), як водою вмила, піти у воду, як сіль у воді**: *Скільки працював [Денис], дбав, щоб збитися на добрі коні, збився, придбав і – от тобі, маєш! В одну ніч – як вода вмила!.. Після крадіжки він аж плакав з жалю* [3, с. 138]; *Нарешті купив [Левко] чорну тернову хустку, згорнув її, всунув у кишеню, і не встигли брати отямитись від цього дива, як Левка наче водою вмила* [3, с. 138]; *Та ще, чуєш, не хрестися, Бо не все піде в воду...* [3, с. 644]; *Не сунь носа, куди не треба! Роби так, щоб були всі за нами! А то пропадеш, як сіль у воді!* [3, с. 809].

Вода цікава не тільки як сакраментальний символ, а й за своїми фізичними властивостями рідини, завдяки чому воду неможливо помістити у посуд з дірками або як тверду речовину товкти, тому з'явилися фразеологізми, які мають семантику, пов'язану із заздальгідь безрезультатною дією, що відбилося у таких ФО: **носити воду решетом**: *Богуна ловити, що воду решетом носити* [3, с. 557]; **товкти воду в ступі**: *Слава богу, світ мені прояснився, одлягло від серця, товчи скільки хочеш воду в ступі, буду мовчати* [3, с. 887]; **решетом у воді зірки ловити**: *Він дуже розумний: решетом у воді зірки ловить* [3, с. 447].

Вода вважається символом чистоти. Чиста вода володіє лікувальною, магичною та очищувальною силою. Особливо цінувалася так звана непочата вода, яка могла, за віруванням, очистити від гріха або вроку. Ця вода могла існувати у формі роси, джерельної води або дощу, саме таку семантику мають наступні ФО: **чистої води**: *Світла ніч стояла над горами. Чиста, прозора, вона просвічувала наскрізь, як синій коштовний камінь чистої води* [3, с. 141] та з **роси та з води**: *Нехай же щастить нашому ювілярові! Нехай ніколи не цурається його творче натхнення! З роси йому та з води!* [3, с. 762].

Забруднювати чисту воду вважалася злочином, що, ймовірно, зумовило появу ФО, які позначають негативні дії, наприклад: **замутити воду**: *Каутський і тут уже спробував замутити воду і підмінити марксизм солоденьким примиренством з опортуністами* [3, с. 313]; **каламутити воду**: *Та я ж тебе до хати покликав!... Думаєш, зрозумієш, не будеш воду каламутити* [3, с. 362].

Вода може виступати як символ небезпеки, про що свідчить ФО **лізти у воду, не знаючи броду**: *Хіба ж таки можна лізти в воду, не знаючи броду?* [3, с. 440].

Отже, уявлення народу про воду відбилися в мові у вигляді фразеологізмів з різною семантикою. Значна частина ФО відбивають традиції, уявлення, звичаї та ставлення людей до води в давнину. Цю рідину здавна шанують як святу – у воду не можна плювати, воді поклонялися, а річкам, ставкам, озерам приносили жертви. Шана водній стихії продовжується і сьогодні, що становить перспективу вивчення фразеологічного ряду, який відображає у мові ставлення людини до води.

Список использованных источников

1. Боряк, О. О. Україна: етнокультурна мозаїка / О. О. Боряк – Київ : Либідь, 2006. – 328 с.
2. Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури : Словник-довідник / В. В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2006. – С. 106–108.
3. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / упоряд. В. М. Білоноженко та ін. – Київ : Наук. думка, 1993. – 984 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Abdurakhmonova N.** DSc, associate professor at National university of Uzbekistan
- Ismailov A. S.** Andijan Machine Building institute, Andijan, Uzbekistan
- Khlybova N. A.** candidate of Philological Sciences, Docent, Head of the Department of Foreign Languages №2, Institute of Foreign Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
- Kuznetsova E. E.** graduate student of the Department of Personnel Management, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol
- Абрамова Е. А.** обучающаяся 2 курса очной формы обучения направления подготовки 45.04.01 Филология, направленности «Социоллингвистика (французский язык)», Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Адживанов А. М.** аспирант кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Александрова О. Н.** кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь
- Андреева Т. М.** обучающаяся 3 курса, кафедры украинской филологии, Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Аникеева Е. А.** старший преподаватель кафедры иностранных языков №2 Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Анищенко А. В.** кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Москва
- Асанова Ф. Р.** обучающаяся кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Афинская З. Н.** кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
- Ачилова Е. Л.** кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Беджанян К. Г.** заведующий отделом иностранной литературы, литературных связей и теории литературы института литературы имени М. Абеяна НАН РА, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, Ереван, Республика Армения
- Бекиров Р. А.** кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии, Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Бекирова З. М.** обучающаяся кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
- Бекирова Л. И.** кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Бекоева И. Д. ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова», Цхинвал

Битарова К. Р. магистрант кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

Богославская Е. А. аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Боева-Омелечко Н. Б. доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону

Борзова И. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный Университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Бридко Т. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Бударев Д. А. магистрант кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Будурова Н. В. обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Васильева Е. А. преподаватель первой категории цикловой комиссии гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «КГМТУ» Судомеханический техникум, г. Керчь

Васильева О. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вовк Н. А. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Воронцова И. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Воронцова Н. К. старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гаджирахмедов Т. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала

Галета А. П. обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Галиуллина Г. С. доктор философских наук, Startegic Informatics Advisers, Вашингтон

Георгиади А. А. кандидат педагогических наук, ассистент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Герасименко Е. В. преподаватель Экономико-гуманитарного колледжа, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте

Герасимова П. М. обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, Крымский Инженерно-Педагогический Университет имени Февзи Якубова, Симферополь

Гиренко И. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Горбачева Е. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка, Институт иностранных языков, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва

Гординов Д. И. аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гришина С. А. обучающаяся кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гришина Т. В. аспирант кафедры физиологии человека и животных и биофизики, Институт биотехнологий, экологии и фармации, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гулакова И. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Давыдова М. А. Факультет иностранных языков и регионоведения, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков, аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Москва

Дехтярева Е. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Джапарова Э. К. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГБОУ ВО РК «Крымский Инженерно-Педагогический Университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Джемилева А. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, e-mail: ayshe66-2008@mail.ru

Доброва А. А. обучающаяся 4 курса, кафедра немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Дудникова Л. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Емельянова О. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Желязкова Д. П. доцент, Региональная академия менеджмента, Казахстан, Медицинский университет, Пловдив, Болгария

Жилнин А. Г. аспирант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону зарубежной литературы, Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна, Ереван

Зерницына Е. А. обучающаяся 4 курса кафедры восточной филологии Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», Симферополь

Зубовский Е. Ю. Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, г. Минск, email: ogjackson@yandex.by

Зуев В. Н. бакалавр, обучающийся 4 курса кафедры английской филологии Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь zuevmelanchoy@mail.ru

Иванова Л. А. кандидат филолог. наук, доцент кафедры иностранных языков Российского технологического университета – МИРЭА (МИТХТ им. М. В. Ломоносова), Москва, Россия

Ильина В. Ю. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Канар Г. М. магистр кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии,

Келембетов Д. В. обучающийся кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь

Кириченко Д. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Севастополе, Севастополь

Кислицына Н. Н. доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков №1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Ковригина А. И. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Конпельцева К. А. обучающаяся 4 курса, кафедра немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кохан О. Н. ст. преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кравинская Ю. Ю. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Кравцов С. М. доктор филологических наук, профессор Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

Крапивенко В. О. обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Краутман Т. Е. кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, доцент, г. Симферополь

Кубединова Л. Ш. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь; ведущий научный сотрудник, НИИ «Институт прикладная семиотика», Академия наук Республики Татарстан kubedinova@gmail.com

Кукушкин Ю. М. обучающийся 3 курса Таврического колледжа (сн) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», направления подготовки «Компьютерные системы и комплексы», г. Симферополь

Куртсеитов А. М. кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, РФ, e-mail: otarli@mail.ru

Курьянов Г. С. аспирант кафедры русской филологии, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова», г. Симферополь

Ларина Т. С. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка факультета международных отношений МГИМО МИД России, Москва

Левицкий А. Э. доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва

Левченко С. И. обучающаяся 3 курса кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Литвинчук И. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Лукомская Е. Л. старший преподаватель кафедры международной коммуникации факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Магаметов А. Р. старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мазина Е. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Майборода С. В. Институт филологии, кафедра русского языка как иностранного, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, s.mayboroda@rambler.ru

Мамоян А. Д. лингвист, писатель, публицист; член Союза журналистов России и Международного PEN-клуба

Маргарян С. А. кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом армянской классической литературы института литературы имени М. Абеяна НАН РА, Ереван, Республика Армения

Марченко Э. С. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Институт филологии, кафедра русского и общего языкознания, Симферополь

Матвейкина Ю. Р. магистрант кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ЮФУ «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону

Меджитова Э. Н. старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Меметова Э. Ш. заведующая кафедрой крымскотатарской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Миколайчик М. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Минченко Т. П. Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Москат В. В. магистрант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Муслимова В. Т. обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Назаренко К. Ю. бакалавр, обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь ksuksu20012001@gmail.com

Никитина М. С. старший преподаватель кафедры иностранных языков №4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Новикова В. Ю. кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», Краснодар

Новикова Е. А. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Онищенко Ю. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Опрышко А. А. кандидат педагогических наук, доцент Института компьютерных технологий и информационной безопасности ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Таганрог

Орлова А. Ю. обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Осадчая Т. Ю. кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и зарубежной филологии, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Османова Э. Р. магистрант кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Остапенко И. В. доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь

Павловская И. Ю. доктор филологических наук профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Панкратов А. С. обучающийся 2 курса магистратуры, кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Пелипась Н. И. заведующий кафедрой украинской филологии Института филологии КФУ

Перепечкина С. Е. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Петренко А. Д. доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Петренко Д. А. кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Полховская Е. В. зав. кафедрой английской филологии, к. филол. н., доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Пономарёва А. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Попова Е. Е. выпускница кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Попова М. С. магистрант кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

Проворова А. В. обучающаяся кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Радченко Т. А. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Рейнова А. В. обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Рыжикова М. Д. кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Самброс К. П. обучающийся 4 курса кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Секрет К. А. ассистент кафедры «Иностранные языки» ФГАОУ ВО «Севастопольский Государственный Университет», Севастополь

Селендили Л. С. доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сержантова А. М. обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Силин В. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Синяева С. И. аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск

Сиротюк О. В. заведующая отделом «Специализированная библиотека для незрячих и слабовидящих» Государственного бюджетного учреждения культуры «Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова», Пенза

Скидан О. Г. кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Скрипкина В. Д. обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Соловьева К. К. аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Солопина Г. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики преподавания, Институт педагогики, психологии и инклюзивного образования, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте

Сухоруков А. Н. старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Тарасевич А. Р. обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Татевосян Р. В. доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой

Тираски Ф. Издательство Naxos, Афины, Греция

Томичева И. В. старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Трунченкова Н. Н. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Фарамазян З. А. преподаватель кафедры новогреческой филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар

Фаткулин Б. Г. Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище им. генерала армии В. Ф. Маргелова, Минобороны РФ, Рязань

Фейзуллаева Л. Р. обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Хлыбова Н. А. кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Храбскова Д. М. кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Хренова Т. С. аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Цховребова Л. З. заведующая кафедрой иностранных языков, ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова» г. Цхинвал, Республика Южная Осетия – Государство Алания

Чакалова Э. П. кандидат филологических наук, доцент кафедры новогреческой филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар

Челебиев Д. Э. старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернобай С. Е. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернышова М. В. доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернышова Т. Г. кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернявская О. Г. старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чеченева О. А. обучающаяся четвертого курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чопсиева Г. М. ассистент кафедры немецкой филологии, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

Чэнь Цзин, магистрант, 2 курс, ал-Фараби атындагы Қазақ ұлттық университеті Алматы қ., Қазақстан **Cheng Jing,** graduate student, 2nd year, Al-Farabi Kazakh National University Almaty, Kazakhstan

Шахова Е. М. к. филол. н., доцент кафедры русского языка, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского, Симферополь, Shahova72@mail.ru

Шевель В. Г. преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шевцова Ю. А. Россия, Симферополь, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», lusika.shevczova@mail.ru

Шевченко К. А. обучающаяся 2 курса магистратуры, кафедра восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шевченко К. В. магистрант кафедры романской филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

Шиманович А. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Эмирсале Э. Я. старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Юнусов Ш. Э. кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Ягенич Л. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Якубович А. Н. магистрант кафедры теории и практики английского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону